Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М.МАКАРОВА.

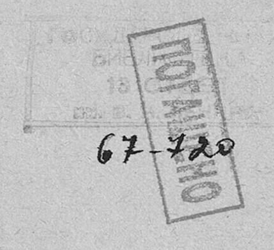
Юрій Галичъ

ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

СИНІЕ КИРАСИРЫ

ЛЕЙБЪ-РЕГИМЕНТЪ

РОМАНЪ



РИГА
ИЗДАНІЕ «ФИЛИНЪ»
1936

Эта книга напечатана
въ типографіи „РИТИ“
Rīgā, Dzirnavu ielā 57

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Ясный, тихій, золотой день льетъ воздушные поцѣлуи съ синяго неба.

Синія астры застыли въ мечтательной неподвижности.

На дорожкахъ, въ ворохѣ позлащенныхъ червонцевъ, лежатъ синія тѣни.

Осень подошла незамѣтно, пролила прозрачный хрусталь на гатчинскія поля, разрѣдила пышный уборъ кленовъ и липъ, напоила воздухъ бодрыми сентябрьскими соками.

Я стою у окна и гляжу въ садъ.

Каждый день я наблюдаю, какъ время производитъ въ немъ маленькія опустошенія. Яблони и сиреневые кусты недавно еще закрывали плотнымъ покровомъ заборъ и звучалъ въ нихъ воробьиный щебетъ и гамъ.

Еще недавно садъ былъ покрытъ сочнымъ ковромъ, на которомъ буйно алѣли шапочки мака, сверкали желтыя георгины, кровавыми каплями горѣли гроздья рябины. Сейчасъ пожухла и побурѣла трава, облетѣли цвѣты и лишь астры, однѣ синія астры, точно вѣрные стражи, стоятъ на осиротѣлыхъ грядкахъ.

Да, это осень, сѣверная ранняя осень, налагающая на все свой покорно - грустный, меланхолическій отпечатокъ. Словно притомившаяся красавица, она шествуетъ медленной поступью, срывая съ себя блестки парчеваго, затканнаго золотомъ сарафана, чтобы замѣнить его бѣлою горностаевой шубой...

Городокъ нашъ маленькій, тихій, потонувшій въ садахъ и въ кленовыхъ аллеяхъ. Онъ расположенъ на возвышенной мѣстности, едва-ли не на высотѣ, какъ утверждаютъ, купола Исаакіевскаго собора. Воздухъ сухой, чистый, прозрачный, и многіе обыватели, связанные со службой въ столицѣ, проживаютъ здѣсь въ теченіе круглаго года.

Двѣ желѣзнодорожныя магистрали примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ. Въ центрѣ расположена комендантура, пожарная каланча, гостиный

дворъ, офиціальная и торговая часть, съ нѣсколькими, пересѣкающимися подъ прямыми углами проспектами.

По мѣрѣ удаленія отъ центра къ окраинамъ, городокъ пріобрѣтаетъ все болѣе дачный характеръ, особенно въ районѣ примыкающемъ къ императорскому дворцу.

Старинный паркъ Пріоратъ, на подобіе зеленаго острова, заполняетъ гигантскій участокъ. По выходѣ изъ пріоратскаго парка, на площадкѣ стоитъ памятникъ, именуемый „Коннетабль", въ видѣ высокаго обелиска изъ сѣраго пудожскаго камня.

Впереди виднѣется садикъ, забраный ажурной рѣшоткой, съ бѣлѣющимъ особнякомъ офицерскаго клуба, съ балкономъ, широкой террасой и цвѣточными клумбами.

А за нимъ, весь районъ, вплоть до балтійской желѣзной дороги, занять полковою слободкой — свѣтло-желтыми корпусами четырехъ эскадроновъ, конюшнями и манежами, полковой канцеляріей, школой солдатскихъ дѣтей и трубаческою командой, цейхгаузомъ, полковой церковью, солдатскою лавочкой, околоткомъ, кузницей, караульнымъ помѣщеніемъ и гауптвахтой . . .

Плотно убитая, шоссированная дорога отдѣляетъ казармы отъ императорскаго дворца.

Воздвигнутый екатерининскимъ фаворитомъ, графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, дворецъ поражаетъ размѣрами и оригинальной архитектурой прошлаго вѣка. Выстроенный покоемъ, съ главнымъ фасадомъ и двумя боковыми крыльями, онъ образуетъ внутри помѣстительный „плацпарадъ", на который глядятъ сотни мелкостворчатыхъ оконъ.

За дворцомъ расположенъ англійскій паркъ, съ подстриженными газонами, съ гротами, оранжереями, мраморными статуями, съ безчисленными аллеями и зеркальной гладью „Бѣлаго" озера. За паркомъ простирается знаменитый царскій „Звѣринецъ", съ Егерской Слободой, въ которой живутъ охотники, псари, доѣзжачіе, егеря, императорскій ловчій Дицъ и начальникъ царской охоты, свѣтлѣйшій князь Дмитрій Борисовичъ Голицынъ, бодрый, моложавый старикъ, тотъ самый, съ котораго Толстой, въ свое время, написалъ Вронскаго.

Тутъ же находится питомникъ съ огромными меделянами, выращиваемыми для медвѣжьей охоты, съ волкодавами и борзыми, съ англійскими сеттерами, гордонами, лягашами различныхъ породъ.

Если же отъ „Коннетабля" направиться по проспекту, выходящему на балтійскій вокзалъ — слѣва зеленѣютъ пушистыя елочки Пріората, справа окаймляетъ дорогу рѣшетка офицерскаго сада, а нѣсколько впереди лежитъ пригородная часть, извѣстная подъ стариннымъ названіемъ Бомбардирской Слободки.

Среди огородовъ и фруктовыхъ деревьевъ размѣстились бѣлыя дачки, незатѣйливыя усадебки и постройки. Здѣсь проживаетъ разный на-

родъ — лавочники, станціонные сторожа, вѣсовщики, бѣлошвейки, молочницы, отставные солдаты.

А за желѣзнодорожными рельсами разстилается лугъ, плотный и ровный, какъ скатерть, на которомъ въ весеннюю пору происходятъ эскадронныя и полковыя ученья . . .

Географическое описаніе выйдетъ не полнымъ, если не коснуться еще разъ стараго Пріората.

Трудно сказать, съ какихъ именно поръ ведетъ начало это лѣсное урочище, раскинувшееся роскошнымъ оазисомъ на огромномъ пространствѣ. Раньше, въ далекое время, вѣроятно стоялъ здѣсь дремучій лѣсъ, въ которомъ держались олени, кабаны, дикія козы. А можетъ быть, это была заповѣдная роща, сохраненная отъ истребленія еще великимъ Петромъ?

Такъ или иначе, гатчинскій паркъ мало походитъ на насажденія, столь обычныя въ столичныхъ окрестностяхъ. Онъ до сихъ поръ напоминаетъ естественный лѣсъ, не взирая на прорубленныя аллеи и верховыя дорожки, не взирая на ротонду для музыкантовъ, несмотря даже на охотничій замокъ, съ высокими башенками, расположенный на берегу небольшого пруда.

Огромныя сосны, пихты, ели, дубы закрываютъ широкими кронами небо. Сырой вязкій сумракъ обступаетъ со всѣхъ сторонъ. Пахнетъ мохомъ, папоротниками, грибами. Въ густомъ ольшинникѣ порхаетъ вальдшнепъ или рябецъ, а иной разъ, съ тревожнымъ клохтаньемъ, порвется даже тетерка.

Паркъ тянется на нѣсколько верстъ и круто обрывается въ такое же безконечное поле, перерѣзанное канавами, перекрытое чахлымъ кустарникомъ, заплатами ржавой травы и лоскутьями пашни, между которыми кое - гдѣ маячитъ вѣтрякъ и сѣрѣютъ убогія чухонскія мызы . . .

2.

ГАТЧИНА, какъ извѣстно входила нѣкогда въ составъ земель, принадлежавшихъ Великому Новгороду.

Постоянныя войны со Швеціей и Ливоніей кидали ее поперемѣнно изъ однѣхъ рукъ въ другія, пока по Ништадскому миру, въ 1721 году, Гатчина со всею Ингерманландіей не отошла окончательно къ владѣніямъ Россійской имперіи.

Существуетъ рядъ оригинальныхъ предположеній по поводу самого названія городка.

По одной версіи, болѣе или менѣе апокрифической, названіе якобы происходитъ отъ нѣмецкихъ словъ — „хатъ шене“, или въ переводѣ — „имѣющая красоту“.

По другимъ даннымъ, болѣе достовѣрнымъ, названіе обязано селу Хотчину, которое значилось въ писцовой книгѣ Вотской пятины, въ чис-

лѣ другихъ великокняжескихъ волостей и, подъ именемъ мызы Гатчины, было подарено императоромъ Петромъ I своей сестрѣ, царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ.

Очевидно, съ этого времени и началось нѣкоторое благоустройство этого скромнаго и невѣдомаго поселка.

Извѣстно, что въ 1726 году, при проводахъ въ Курляндію Анны Іоанновны, императрица Екатерина I провела въ Гатчинѣ цѣлый день. Здѣсь былъ устроенъ прощальный обѣдъ въ походныхъ палаткахъ, а послѣ обѣда князь Меньшиковъ показалъ государынѣ „гатчинскую машкараду", закончившуюся грандіозной охотой.

Въ 1727 году, по смерти царевны Наталіи Алексѣевны, земли гатчинскія, съ мызою, деревнями и мельницей на Ижорѣ, были причислены къ дворцовымъ владѣніямъ.

Въ 1734 году императрица Анна Іоанновна жалуетъ Гатчину своему оберъ - гофмейстеру, тайному совѣтнику князю Борису Куракину.

А черезъ тридцать лѣтъ, по смерти послѣдняго, наслѣдники, для расплаты съ долгами, объявляютъ о продажѣ „мызы Гатчины съ принадлежащими къ ней двадцатью деревнями". Въ нихъ, по послѣдней ревизіи, „мужеска пола 1180 душъ, женска 1171 душа, угодій, пашни, пашеннаго лѣсу и перелоговъ 4309, сѣннаго покосу 1183, лѣсовъ 1909, моховыхъ болотъ 5410, выгону 114, а всего 12925 десятинъ"...

Тогда именно, у императрицы Екатерины II и возникла, видимо, мысль подарить Гатчину вѣрному другу своему, Григорію Григорьевичу Орлову, въ придачу къ уже имѣвшимся у него цѣлому ряду помѣстій, какъ села Кипень, Шунгорово, Лигово, Ропша.

Новоиспеченный графъ Григорій Григорьевичъ, „генералъ - фельдцейхмейстеръ и кавалеръ", тридцатилѣтній бѣлокурый гигантъ, игрокъ, волокита, жуиръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, большой любитель медвѣжьей и прочей охоты, избираетъ мызу Гатчину, богатую водою и лѣсомъ, для лѣтняго своего пребыванія и рѣшаетъ немедленно строить здѣсь „замокъ".

Орловъ въ восторгѣ отъ своихъ новыхъ владѣній.

Онъ радуется, какъ малый ребенокъ, и, между прочимъ, пишетъ Руссо:

„Мнѣ вздумалось сказать вамъ, что въ сорока верстахъ отъ Санктъ-Петербурга, у меня есть усадебка, гдѣ воздухъ здоровъ, вода удивительна, а пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки пріятные для прогулокъ и возбуждаютъ къ мечтательности. Мѣстные жители не понимаютъ ни по аглицки, ни по французски, еще менѣе по гречески и латыни. Священникъ не знаетъ ни диспутировать, ни проповѣдовать. Итакъ, милостивый государь, если уголокъ сей по вкусу, отъ васъ зависитъ въономъ и поселиться" . . .

Проектъ орловскаго „замка“ былъ составленъ итальянскимъ архитекторомъ Антоніо Ринальди, строителемъ извѣстнаго батуринскаго дворца гетмана Разумовскаго.

30 мая 1766 года была пышно отпразднована закладка каменнаго фундамента, а черезъ годъ послѣ начала постройки, кладка стѣнъ была доведена до крыши.

Вызывались охочіе люди, „желающіе ломать и тесать бѣлую плиту на гзымзы, базы, капители, карнизы, ступени, балконы“. Одновременно же начались работы по устройству англійскаго сада и посадкѣ „разныхъ мѣръ деревьевъ, липовыхъ, дубовыхъ, ясенныхъ и вязовыхъ“.

Затѣмъ, началась прокладка, такъ называемой, „першпективной дороги“, для соединенія Гатчины съ императорской резиденціей въ Царскомъ Селѣ. Впослѣдствіе, на этой дорогѣ, по усмиреніи графомъ чумнаго бунта и возвращеніи изъ Москвы, по повелѣнію императрицы, были воздвигнуты мраморныя ворота съ торжественной надписью:

„ОРЛОВЫМЪ ОТЪ БѢДЫ ИЗБАВЛЕНА МОСКВА“.

Екатерина, пожаловавъ цѣнный подарокъ, любила посѣщать усадьбу „гатчинскаго помѣщика“, какъ въ шутку называла Орлова. Будучи сама подвержена благородной страсти къ строительству, она принимаетъ близко къ сердцу эту затѣю, каждое лѣто ѣздитъ въ Гатчину и проводитъ въ ней по нѣсколько дней.

Такъ, въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1766 года занесено:

„15 маія, по утру въ девятомъ часу, Ея Величество, имѣя на себѣ мундиръ гвардіи Преображенскаго полка, изволила предпріять отсутствіе изъ Царскаго Села въ мызу Гатчину, въ малой свитѣ, и тамъ кушать обѣденное кушанье. По окончаніи стола, Ея Величество изволила нѣсколько прогуляться по озеру, потомъ въ построенной тамъ галлерейкѣ съ кавалерами забавляться въ карты, а въ обыкновенное время кушать вечернее кушанье. По утру, Ея Величество изволила изъ опочивальнаго своего покоя выйти на набережную отъ озера рощу и, въ провожаніи свиты, отправиться верхомъ съ егерною охотою“...

Въ томъ же камеръ-фурьерскомъ журналѣ занесено:

„21 іюля, въ пятомъ часу пополудни, Ея Величество изволила предпріять отсутствіе изъ села Краснаго въ мызу Гатчину и проѣзжала черезъ мызу Скворицы. Въ продолженіе шествія, для увеселенія, продолжалась соколья охота, въ мызу же Гатчину изволила прибыть въ девять часовъ. По утру, Ея Величество изволила выйти изъ опочивальныхъ покоевъ и со всѣми персонами прогуливаться по увеселительнымъ около той мызы мѣстамъ, притомъ смотрѣть новостроимаго каменнаго дома, отъ котораго проходила берегомъ подлѣ той мызы лежащаго озера, называе-

маго Бѣлое, и по оному прогуливалась нѣсколько въ маленькомъ ботикѣ"...

3.

Отсутствіе Орлова, принявшаго вскорѣ участіе въ русско-турецкой войнѣ, послужило причиною возвышенія новаго фаворита.

Въ то время, какъ графъ Григорій Григорьевичъ, „передъ лицомъ брадатыхъ турковъ", расхаживалъ по Яссамъ въ своемъ новомъ, пожалованномъ императрицею, усѣянномъ брильянтовыми пуговками камзолѣ и, перебирая янтарныя четки, ослѣплялъ смуглолицыхъ молдаванскихъ красавицъ, а Потемкинъ, осаждая Силистрію, томился въ неврастеніи, Екатерина поселила въ царскосельскомъ дворцѣ молодого Васильчикова.

Зоркимъ окомъ разглядѣвъ и оцѣнивъ юнаго офицерика изъ окна своей кареты, несомой восьмеркою бѣлыхъ коней, она безъ предисловій послала ему золотую табакерку. Васильчиковъ долженъ былъ подвергнуться осмотру. Лейбъ - медикъ, англичанинъ Роджерсонъ, безцеремонно разглядывалъ его со всѣхъ сторонъ въ лупу, чтобы удостовѣриться, что здоровье не внушитъ никакихъ опасеній его милостивой владычицѣ.

Васильчиковъ, покорно, но съ легкой тревогой, подчинился, высунувъ, по требованію лейбъ - медика, даже языкъ. Его сразу окружили роскошь, богатство, и въ ящикѣ письменнаго стола уже лежали сто тысячъ рублей на первое обзаведеніе.

А съ наступленіемъ вечера, Екатерина клала свою властную руку на руку новаго фаворита и увлекала его, блѣднаго и смущеннаго, во внутренніе покои, такъ точно, какъ увлекаетъ супругъ юную новобрачную.

Однако, фаворъ былъ непродолжителенъ.

Милостивое вниманіе императрицы снова вернулось къ Орлову. Онъ былъ снова приближенъ, осыпанъ подарками, пожалованъ въ княжеское достоинство.

Васильчикову же оставалось только очистить комнату фаворитовъ. Екатерина подарила ему семь тысячъ крестьянскихъ душъ, на шестьдесятъ тысячъ брильянтовъ, на пятьдесятъ столоваго серебра, пожаловавъ, сверхъ того, ежегодную пенсію въ двадцать тысячъ рублей.

Васильчиковъ былъ отосланъ, по собственному признанію, какъ „дѣвица на содержаніи".

Онъ былъ лишь мимолетной прихотью императрицы...

Въ маѣ 1777 года, Екатерина пріѣзжаетъ осматривать законченный „замокъ". Это было ея послѣднее посѣщеніе князя Григорія Григорьевича.

Мало по малу, „гатчинскій помѣщикъ" теряетъ свое значеніе и уступаетъ мѣсто восходящей звѣздѣ Потемкина.

Отставной фаворитъ, привыкшій къ дебошамъ, кутежамъ и распутству, внезапно, съ юношескою пылкостью, увлекается своею двоюродною сестрой, молодою красавицей, фрейлиною Екатериною Николаевною Зиновьевой.

Орловъ женится на кузинѣ, молодые супруги проводятъ медовый мѣсяцъ въ Швейцаріи, княгиня описываетъ свои впечатлѣнія въ нѣжныхъ стихахъ, которые доходятъ до Петербурга и передаются изъ устъ въ уста:

„Всякій край съ тобой рай!“

Новобрачные наслаждаются счастьемъ и радостями предстоящаго материнства. Молодая княгиня неожиданно заболѣваетъ скоротечной чахоткой. Тщетно, въ поискахъ знаменитѣйшихъ спеціалистовъ, супружеская чета переѣзжаетъ изъ города въ городъ.

Княгиня умираетъ въ Лозаннѣ въ 1782 году.

Потрясенный Орловъ возвращается въ Петербургъ, впадаетъ въ буйное помѣшательство и, въ свою очередь, умираетъ 13 апрѣля 1783 года.

А гатчинская усадьба, со всѣмъ имуществомъ, съ мебелью, арсеналомъ и прочимъ, переходитъ снова въ казну, за полтора мильона рублей.

Въ августѣ того же года, императрица жалуетъ Гатчину наслѣднику цесаревичу, великому князю Павлу Петровичу . . .

Неисповѣдимы причуды судьбы!

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, ненавидѣвшій всѣхъ братьевъ Орловыхъ, считавшій ихъ главными виновниками трагической кончины отца, получаетъ въ собственность орловское дѣтище, которое становится его возлюбленной вотчиной, его роднымъ міромъ.

Унижаемый, презираемый, нелюбимый большимъ Дворомъ, престолонаслѣдникъ съ великою радостью избираетъ Гатчину своей постоянною резиденціей, чтобы находиться подальше отъ чуждой и враждебной ему атмосферы.

Цесаревичъ устраиваетъ здѣсь свою жизнь по личному вкусу, окружаетъ себя тѣснымъ кольцомъ друзей, любимцевъ, приспѣшниковъ, и, склонный къ „экзерцирмейстерству“, превращаетъ гатчинскую мызу въ военное поселеніе, съ суровою военной дисциплиной.

Одновременно, будучи тонкимъ цѣнителемъ подлиннаго искусства, кладетъ не мало трудовъ на украшеніе своей новой усадьбы.

Можно не останавливаться на заботахъ Павла Петровича, связанныхъ съ благоустройствомъ орловскаго „замка“ и гатчинской мызы, на постройкѣ гатчинскаго собора, военнаго сиротскаго дома, городской ратуши, госпиталя, народнаго училища, почтовой конторы, грандіозныхъ казармъ для Лейбъ - Кирасирскаго полка, наконецъ, на постройкѣ знамени-

таго обелиска, воздвигнутаго въ честь французскаго коннетабля, герцога Монморанси.

Эти сооруженія являются до сихъ поръ свидѣтелями минувшей эпохи.

Цесаревичъ отводитъ, кромѣ того, участки своимъ любимцамъ и приближеннымъ, оказывая имъ матеріальную помощь. Такъ, построены дачи Ивану Кутайсову, Аракчееву, Ростопчину, Нырышкину, Плещееву, Дурново, фрейлинѣ Екатеринѣ Нелидовой.

Главными строителями были Иванъ Старовъ, а нѣсколько позже — Андреянъ Захаровъ и Глинка, построившіе, между прочимъ, полковыя казармы. Въ гатчинскихъ постройкахъ принимаетъ участіе и самъ Баженовъ, и каменныхъ дѣлъ мастеръ Доменико Висконти, и архитекторъ Львовъ, построившій зданіе гатчинскаго Игуменства въ пріоратскомъ паркѣ.

Гатчина достигаетъ при Павлѣ Петровичѣ высшей точки своего процвѣтанія. На всемъ лежитъ печать царственнаго отшельника. Городъ со всѣми постройками, сады, парки и скверы, а въ особенности, величественный царскій дворецъ, все это, по справедливости, должно быть названо созданіемъ Павловымъ:

„Огромно зданіе изъ камня именита,
Которымъ Пудостка окрестность знаменита ,
Величіемъ равно величью тѣхъ громадъ,
При нильскихъ берегахъ которые стоятъ.
Но вкусомъ, зодчествомъ, искусствомъ, красотою,
Садовъ, луговъ, прудовъ съ прозрачною водою,
Превозвышая ихъ, являютъ Павловъ Дворъ,
Вмѣщающи въ себѣ всѣхъ рѣдкостей соборъ.
И тако Гатчина со именемъ согласна ,
Ея и внутренность и внѣшность есть прекрасна!“

4.

Только что отзвучала зоря и послѣдніе раскаты трубы, десятикратнымъ эхомъ отдавшись со всѣхъ сторонъ, растаяли въ воздухѣ:

— Тра-та-та-та!

И тотчасъ полковая слободка, погруженная до сей поры въ крѣпкій здоровый сонъ, пробуждается къ дѣятельной работѣ.

Настоящая работа начнется, въ сущности, не ранѣе ноября, съ прибытіемъ молодыхъ солдатъ, когда ударятъ морозы, скуютъ ручьи и болота, покроютъ землю пушистымъ снѣжнымъ ковромъ. А сейчасъ служба ограничивается офицерской ѣздой, подготовкою „дяденъ“ да кое - какими занятіями со старослуживыми и командами спеціальнаго назначенія.

Легкій утренній холодокъ вливаетъ свѣжесть и бодрость.

Широко распахнувъ двери, изъ ближайшихъ помѣщеній выбѣгаютъ взводы рослыхъ, бравыхъ людей, въ бѣлыхъ безкозыркахъ - фуражкахъ съ синимъ околышемъ, въ туго затянутыхъ однобортныхъ черныхъ мундирахъ о девяти пуговкахъ.

Гремя шпорами, подъ наблюденіемъ унтеровъ, люди направляются на утреннюю уборку, растекаются по конюшнямъ, по манежамъ и кузницамъ, откуда въ теченіе цѣлаго дня, отъ зари до зари, будетъ звучать стукъ тяжелаго молота: тамъ - тамъ, тамъ - тамъ!

Ему уже вторитъ голосистое ржанье на всѣ лады перекликающихся между собой коней, рыжихъ и бурыхъ, бѣлоногихъ и съ лысинною во лбу, выводимыхъ изъ стойлъ и станковъ, привязываемыхъ къ эскадроннымъ коновязямъ, подставляющихъ свои крутыя, лоснящіяся тѣла навстрѣчу осеннему солнцу.

Сладкое дыханіе стелется отъ земли. Тяжелый паръ подымается отъ сваливаемаго въ кучи навоза и образуетъ голубоватый туманъ, медленно исчезающій въ вышинѣ...

———

Хрипло звучитъ гудокъ дежурнаго паровоза. Ему отвѣчаетъ рожокъ семафорнаго сторожа. И съ шумомъ, лязгомъ и визгомъ, громыхая на стыкахъ, сверкая позлащенными окнами, проносится скорый утренній поѣздъ.

Если обернуться назадъ, въ сторону императорскаго дворца, на фонѣ блеклой листвы застылъ неподвижною сѣрою массой вѣковой камень, съ двумя башенками фасада и тонкимъ флагштокомъ. Дворецъ еще спитъ, въ немъ не наблюдается признаковъ жизни, и только на ближайшемъ озерѣ, сквозящемъ черезъ металлическую рѣшетку, точно сказочныя видѣнія, скользятъ бѣлые лебеди.

Изъ собранія, расположеннаго въ зелени офицерскаго сада, въ строевой формѣ, при лядункѣ, шарфѣ и шашкѣ, съ золоченой каской на головѣ, выходитъ дежурный поручикъ.

Онъ останавливается на ступеняхъ подъѣзда, взглядываетъ на небо, умытое свѣжими красками дня, лѣниво потягивается, зѣваетъ. Его красивое породистое лицо, черноусое, съ тонко очерченною горбинкою носа отражаетъ спокойное, сытое благополучіе.

Поручикъ оглядывается по сторонамъ, зѣваетъ, бормочетъ:

„Онъ мѣсяцъ въ гвардіи служилъ,
И тридцать лѣтъ въ отставкѣ жилъ,
Курилъ табакъ,
Кормилъ собакъ . . ."

Поручикъ продолжаетъ стоять, прищуривавшсь отъ рѣзкаго свѣта, наблюдая просыпающуюся вокругъ него жизнь, прислушиваясь къ конскому ржанью, къ пѣнью трубы, къ тысячеголосымъ звукамъ кавалерійской симфоніи.

А изъ города, со стороны „Коннетабля", уже спѣшатъ по дворцовой дорогѣ господа офицеры, кто одиночнымъ порядкомъ, другіе группами, закуривая на ходу папиросы, смѣясь, балагуря, оживленно бесѣдуя между собой.

На поворотѣ мелькаетъ запряжка съ воронымъ рысакомъ, мощной фигурой съ бичомъ и возжами въ рукахъ, и сидящимъ рядомъ съ ней вѣстовымъ. И такой же мощный и бодрый, съ оттѣнкомъ грубоватой игривости окрикъ, на мгновенье прорѣзаетъ пространство:

— Гей, ребята, поберегись!

И тогда офицеры торопливо оглядываются, узнаютъ тотчасъ и вороную запряжку, и хорошо знакомое, характерное лицо, съ рѣденькой, начинающей сѣдѣть рыжеватой бородкой, козыряютъ и вполголоса, съ улыбкой, кидаютъ вслѣдъ:

— Бурбонъ!

Этой кличкѣ, которою съ незапамятныхъ поръ пользуется старшій полковникъ, не слѣдуетъ придавать оскорбительнаго значенія.

Это не болѣе, какъ ярлыкъ, удачно приклеенный къ человѣку, опредѣляющій мѣткимъ коротенькимъ словомъ одну изъ главныхъ особенностей натуры. Подъ этою кличкой, Богъ вѣсть по какой причинѣ заимствованной изъ французскаго словаря, разумѣютъ обычно людей грубоватаго облика, съ недостаточнымъ воспитаніемъ, съ нѣкоторою разухабистостью манеръ.

Въ этомъ отношеніи, старшій полковникъ вполнѣ соотвѣтствуетъ укоренишемуся за нимъ прозвищу, въ особенности, если принять во вниманіе и прочія качества — зычную глотку, увѣсистый и тяжелый кулакъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Зовутъ его еще „Солдафономъ" и „Ерофеичемъ", и нѣжно ласкательной кличкой „Еропки".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, являясь колоритнѣйшей фигурой полка, старѣйшимъ и кореннымъ офицеромъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ „столпомъ и утвержденіемъ истины", старшій полковникъ имѣетъ всѣ права на вниманіе, которымъ награждаетъ его авторъ въ самомъ началѣ своихъ записокъ...

5.

Старшій полковникъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, представляется личностью замѣчательной.

Чѣмъ болѣе я его наблюдаю, тѣмъ болѣе выростаетъ въ моемъ сознаніи этотъ крутой и суровый по внѣшности человѣкъ, съ жесткимъ солдатскимъ лицомъ, на которомъ точно двѣ стальныя пуговки сидятъ острые

сѣрые проницательные глаза, съ богатырской на выкатѣ грудью и гибкой, совершенно юной, туго схваченной тальей, съ могучими жилистыми руками, привыкшими сжимать бичъ и эфесъ тяжелаго кирасирскаго палаша.

Между тѣмъ, это человѣкъ стариннаго рода, происходящаго, подобно Татищевымъ, Мамоновымъ, Ржевскимъ, отъ коренныхъ рюриковичей, отъ удѣльныхъ князей Смоленскихъ. Потомки ихъ, лишенные въ свое время удѣловъ, сложили съ себя и княжескій титулъ, несовмѣстимый, по ихъ разумѣнію, съ новымъ скромнымъ занимаемымъ положеніемъ.

Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ — правнукъ знаменитаго екатерининскаго героя, отличившагося своими энергичными мѣрами во время московской чумы, генералъ-аншефа Петра Дмитріевича Еропкина, кавалера ленты Святого Андрея Первозваннаго и другихъ высокихъ отличій. Какъ маленькую деталь можно, между прочимъ, отмѣтить, что получивъ отъ императрицы въ награду 4000 душъ крестьянъ, строптивый генералъ-аншефъ имѣлъ дерзость отъ нихъ отказаться.

Другой Еропкинъ, московскій оберъ-комендантъ, генералъ Петръ Михайловичъ, сложилъ голову на плахѣ, вмѣстѣ съ Волынскимъ и Долгорукими, еще во времена кровавой Бироновщины.

Ипполитъ Алексѣевичъ, относя годъ своего производства за нѣсколько лѣтъ до русско-турецкой войны, является, какъ сказано, старѣйшимъ офицеромъ полка. Въ качествѣ таковаго служилъ вѣрой и правдой тремъ императорамъ, близко извѣстенъ Государю, Августѣйшему Шефу, великимъ князьямъ.

Его служебная репутація безукоризненна и, въ частяхъ гвардейской конницы, отводитъ ему почетное мѣсто твердаго, молодецкаго, многоопытнаго начальника...

Я затрудняюсь поставить рядомъ съ нимъ какое-либо лицо, которое выражало бы, въ столь исключительно отвѣтственной формѣ, его значеніе, какъ старшаго полковника и помощника командира полка по строевой части, какъ блюстителя чести, долга, полковыхъ интересовъ.

Когда я гляжу на эту рослую и сухощавую, точно скрученную изъ жилъ и нервовъ фигуру, мнѣ представляется почему-то безсмертный образъ легендарнаго рыцаря изъ Ламанки. Таково первое впечатлѣніе, усугубляемое острымъ взоромъ, сухимъ изломомъ лица, клочкомъ рыжеватой бородки.

Когда я слышу его рѣзкій металлическій голосъ, съ особеннымъ говоркомъ, съ крѣпкими русскими прибаутками, съ солененькими словечками, я переношусь въ историческую эпоху, ко временамъ Павла Петровича, царицы Екатерины, можетъ быть, къ самымъ днямъ основанія полка, къ великому императору Петру I.

Да, это точно — „Бурбонъ", „Ерофеичъ", „Еропка", воспитанный бо-

лѣе на ассамблеяхъ и куртагахъ прошлаго вѣка, на экзерцирмейстерствѣ старыхъ гатчинскихъ войскъ, въ манежѣ или въ казармѣ, нежели въ бонтонныхъ гостиныхъ столичнаго круга и пышныхъ чертогахъ императорскаго дворца.

Съ другой стороны, въ полковникѣ Ипполитѣ Алексѣевичѣ Еропкинѣ, по моему мнѣнію, съ чрезвычайною яркостью воплощены черты стараго русскаго барина, столбового дворянина-крѣпостника, съ нѣкоторой шершавостью характера, неукротимаго, властнаго, склоннаго одинаково къ самодурству и къ широкимъ, повергающимъ въ изумленіе, жестамъ.

Достаточно взглянуть хотя бы на отношенія его къ подчиненнымъ. Въ тяжелую минуту, будучи въ дурномъ настроеніи, полковникъ гнѣвенъ, какъ дьяволъ, рѣзокъ и даже жестокъ. Тутъ ужъ лучше не подходи, не подвертывайся!

Чего грѣхъ таить, всякій знаетъ, не малому числу унтеровъ и солдатъ попадало иной разъ по зубамъ!

А въ другой разъ, наградитъ ласковымъ словомъ, пошутитъ, позубоскалитъ, отпуститъ отъ щедротъ своихъ цѣлковый, а то и полный червонецъ.

По этой причинѣ, солдаты хотя и страшатся полковника — „Ипполитъ, безъ пороха палитъ!", но уважаютъ, гордятся имъ, даже любятъ, какъ своего, настоящаго, какъ крѣпкаго барина, который, можетъ быть и спуститъ три шкуры, но чужому въ обиду не дастъ. Побаиваются его нѣсколько и господа офицеры, особливо, при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Прямота, честность и безкорыстіе являются другими отличительными чертами полковника. Въ теченіе многихъ лѣтъ полковникъ состоитъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ офицерскаго суда чести.

Само собой разумѣется, Ипполитъ Алексѣевичъ одинокъ.

Женщины не играютъ въ его жизни значительной роли. Семейная жизнь, вообще, не въ правилахъ въ нашемъ полку. Она связываетъ человѣка по рукамъ, по ногамъ, отражается на строевой службѣ, — жёнатаго, иной разъ, и не оторвать отъ постели.

Было, впрочемъ, давно это было, четверть вѣка тому назадъ, что Ипполитъ Алексѣевичъ числился въ женихахъ. Но въ послѣднюю минуту, какъ утверждаютъ, будто сбѣжалъ изъ подъ вѣнца да такъ и остался навѣки холостякомъ, съ крѣпкимъ духомъ манежа, табаку, водки и псины.

Ходитъ слухъ, что Ипполитъ Алексѣевичъ имѣетъ все же зазнобу, гдѣ-то въ столицѣ, на Петербургской сторонѣ, которую якобы посѣщаетъ регулярно каждое воскресенье.

А въ общемъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ стержень полка, его главный устой, блюститель службы, порядка, исторіи...

Въ этомъ отношенiи, я бы подраздѣлилъ полковую семью на три отдѣльныя группы, болѣе или менѣе сходныя по внѣшнему виду, но весьма различныя по значенiю и удѣльному вѣсу.

Къ первой изъ нихъ, во главѣ съ старшимъ полковникомъ, принадлежатъ всего только три офицера, занимающiе высшiя должности, современники русско - турецкой войны, въ нѣкоторомъ родѣ, старѣйшiе могиканы полка.

Промежуточная группа состоитъ изъ нѣсколькихъ ротмистровъ и извѣстнаго количества штабсъ-ротмистровъ, болѣе или менѣе солиднаго возраста, терпѣливо выжидающихъ полученiя эскадрона и, въ ожиданiи этого радостнаго событiя, освобожденныхъ почти вовсе отъ служебныхъ обязанностей.

Наконецъ, третья, наиболѣе обширная группа, состоящая изъ господъ поручиковъ и корнетовъ, включаетъ въ себя цѣлый букетъ веселой, жизнерадостной молодежи, не задумывающейся о будущемъ, не вспоминающей прошлаго, вполнѣ удовлетворенной своимъ настоящимъ . . .

6.

Уже мѣсяцъ, какъ я живу въ маленькомъ городкѣ, отстоящемъ въ часовомъ разстоянiи отъ столицы, ношу нарядный мундиръ, состою членомъ офицерской семьи, съ которой связанъ тысячью нитей.

Пролетѣли годы ученья, юнкерскихъ испытанiй, начальнической опеки. Мечта, лелѣемая на протяженiи многихъ лѣтъ, которая казалась недоступной и неосуществимой, претворилась въ дѣйствительность.

Я служу въ конницѣ, въ одномъ изъ славнѣйшихъ гвардейскихъ полковъ, у самаго подножiя царскаго трона.

Я живу вполнѣ самостоятельной жизнью, если не считать обязательствъ, которыя налагаетъ служба въ полку. Самой собой разумѣется, она отнимаетъ у меня, въ теченiе сутокъ, нѣсколько опредѣленныхъ часовъ. Но досугами я могу располагать по личному усмотрѣнiю, въ зависимости отъ своихъ вкусовъ, склонности и влеченiя.

Какъ отличается эта жизнь по сравненiю съ двухлѣтнимъ пребыванiемъ въ Школѣ!

О послѣдней я сохраняю лучшiя воспоминанiя. Я думаю, они останутся навсегда, какъ веселая пѣсенка, какъ дѣтская сказка, какъ свѣтлый радостный сонъ.

„А помнишь, какъ бывало,
Ты пѣсни мнѣ пѣвала,
Въ заката тихiй часъ,
Въ заката тихiй часъ?“

Но тяжеловатъ былъ, признаться, общiй режимъ, съ его уставами и инструкцiями, съ писанными и неписанными традицiями, съ жестокимъ юнкерскимъ цукомъ.

Настоящая жизнь представляется мнѣ идеаломъ свободы...

Мои первыя впечатлѣнія радужны и ярки.

Я не буду говорить про вниманіе, которымъ было встрѣчено мое вступленіе въ ряды офицеровъ полка, состоящихъ всего изъ тридцати шести человѣкъ. Не буду распространяться и про отношеніе старшихъ начальниковъ, отмѣтившихъ съ первыхъ шаговъ мою репутацію лестной оцѣнной.

Я назначенъ завѣдывать командой развѣдчиковъ четвертаго эскадрона.

Другими словами, занимаюсь наиболѣе интересной и отвѣтственною работой, которая лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть поручена юному субалтерну.

Я очарованъ не только пріемомъ, но рѣшительно всѣмъ, начиная отъ этого милаго садика передъ офицерскимъ собраніемъ. Какъ прекрасенъ нашъ штабъ, наша полковая квартира, этотъ тихій идиллическій городокъ, съ его историческимъ прошлымъ, съ его дачнымъ уютомъ, съ его державнымъ великолѣпіемъ, овѣваемымъ листвой вѣковыхъ липъ, кленовъ, каштановъ!

Какъ ласкаетъ взоръ это мягкое сочетаніе бѣлаго и синяго цвѣта съ золотомъ, которое выражено на всемъ — на офицерскихъ и солдатскихъ фуражкахъ, на погонахъ, на эполетахъ, на шелковой мебели полкового собранія!

А господа офицеры, мои славные командиры, сослуживцы, друзья? А люди — эти черноволосые гиганты изъ южныхъ губерній великаго царства россійскаго, всѣ на подборъ, рослые, дюжіе молодцы?

А лошади — эти огромные, широкозадые, отливающіе рыжимъ атласомъ слоны?

Прислушайтесь къ музыкѣ фразы. Какъ красиво и гордо она звучитъ:

„Лейбъ - Гвардіи Кирасирскій Ея Величества полкъ“.

Все меня чрезвычайно интересуетъ и занимаетъ. Въ первый разъ въ жизни мнѣ приходится, между прочимъ, заняться устройствомъ собственнаго жилища.

Вопросъ этотъ, по моему мнѣнію, разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ.

Я поселился на Люцевской улицѣ, подлѣ парка, въ небольшомъ двухъэтажномъ особнякѣ, принадлежащемъ чиновнику дворцоваго управленія. Верхнее помѣщеніе занимаетъ хозяинъ. Нижній этажъ, состоящій изъ четырехъ комнатъ, съ верандой и садомъ, находится въ моемъ распоряженіи. Рядомъ, подъ вывѣской „Теодоръ“, помѣщается парикма-

херское ателье господина Шутенкова, молодого человѣка съ золотымъ хохолкомъ и мечтательными блѣдно - голубыми глазами.

Въ сосѣднемъ подъѣздѣ расположено портняжное заведенiе Соломона Ноаха, бывшаго кантониста, проживающаго въ Гатчинѣ съ незапамятныхъ поръ, связаннаго съ полкомъ прочными узами.

За угломъ, въ сѣромъ деревянномъ зданiи старинной постройки помѣщается „Vieux Veriovkine" единственный отель города, съ полудюжиной вполнѣ комфортабельныхъ номеровъ, съ бильярдной и кафе-рестораномъ.

Тутъ же, неподалеку, и булочная, и винная лавка, и магазинъ писчебумажныхъ принадлежностей старика Ламберта, и фотографическое ателье братьевъ Щупакъ, сочетавшихъ художественное воспроизведенiе снимковъ съ натуры и торжественныхъ церемонiй въ высочайшемъ присутствiи, съ дѣятельностью негласныхъ ростовщиковъ.

Такимъ образомъ, всѣ удобства находятся подъ рукой.

А дорога въ полкъ пролегаетъ по двумъ направленiямъ. Если имѣется запасъ времени, можно совершить небольшую прогулку по выложенному плитнякомъ тротуару, дойти до проспекта императора Павла I и подняться налѣво, къ площадкѣ съ историческимъ обелискомъ.

Кратчайшiй путь ведетъ черезъ Прiоратъ.

Въ этомъ случаѣ, дорога вмѣсто двухъ катетовъ, сводится къ гипотенузѣ. Широкая аллея, обсаженная лиственницами и елями, пересѣкаетъ паркъ, подходитъ къ охотничьему домику, съ его рѣзными башенками и „Чернымъ" прудомъ и, черезъ какихъ нибудь пять минутъ, передъ взорами уже открываются главныя ворота, а за ними площадка съ тѣмъ же павловскимъ памятникомъ и стоящимъ подлѣ него часовымъ, въ ярко начищенной каскѣ, съ обнаженной шашкой въ плечѣ . . .

7.

ЕСЛИ Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ является главнымъ устоемъ и старѣйшимъ членомъ нашего небольшого, спаяннаго тѣсными узами братства полкового кружка, я обязанъ отмѣтить и второго полковника, личность не лишенную, въ свою очередь, извѣстнаго интереса.

Эсперъ Александровичъ Фельдманъ или просто „Эсперъ", какъ именуютъ его между собой господа офицеры, является по складу характера совершенной противоположностью полковнику Еропкину, да и по внѣшнему виду представляетъ собой антипода.

Оба они дополняютъ другъ друга и, въ этомъ соединенiи, даютъ образецъ идеальной гармонiи.

Средняго роста, съ тонкимъ, благообразнымъ и даже красивымъ лицомъ, съ небольшой темной бородкой, оттѣняющей блѣдность матовыхъ щекъ, полковникъ Эсперъ Александровичъ самымъ точнымъ образомъ

отвѣчаетъ типу корректнаго, выдержаннаго гвардейца. Все въ немъ размѣрено и разсчитано, какъ на лучшихъ ювелирныхъ вѣсахъ.

Эсперъ Александровичъ — олицетвореніе такта, примѣрнаго воспитанія, тончайшей куртуазіи. Съ его устъ не сорвется ни единаго грубаго слова. Онъ скроменъ и деликатенъ въ обращеніяхъ къ подчиненнымъ и, одновременно, полонъ достоинства въ отношеніяхъ къ высшимъ начальникамъ.

Я полагаю, онъ могъ бы носить не только бѣлый кирасирскій колетъ, но съ тѣмъ же успѣхомъ надѣть на себя черный фракъ дипломата или расшитый золотымъ позументомъ мундиръ придворнаго сановника высшаго ранга.

Его служебная репутація стоитъ, въ свою очередь, на подобающей высотѣ и, при случаѣ, можетъ создать ему блистательную карьеру. Въ будущемъ, я почему-то увѣренъ, ему обезпечены свитскіе вензеля.

При всемъ томъ, по свойствамъ натуры, Эсперъ Александровичъ едва-ли способенъ когда либо выдвинуться на роль большого строевого начальника. Въ немъ отсутствуютъ элементы, требуемые для полководца, вождя, водителя крупныхъ массъ.

Эсперъ Александровичъ, вѣроятно, лучше другихъ сознаетъ свои достоинства и недостатки, не претендуетъ на отвѣтственные посты, вполнѣ довольствуясь должностью второго полковника и помощника командира полка по хозяйственной части . . .

Въ теченіе круглаго дня, склонившись надъ рабочимъ столомъ въ хозяйственной канцеляріи, Эсперъ Александровичъ кропотливо разбирается въ ворохѣ различныхъ вѣдомостей, свѣряетъ цыфры, складываетъ вершки, гарнцы, фунты, подводитъ окончательные итоги.

Съ тою же добросовѣстной тщательностью копается въ прикладномъ суквѣ, въ сапожномъ товарѣ, въ неприкосновенномъ сухарномъ запасѣ, обмѣниваясь короткими фразами со своимъ помощникомъ, полковымъ „дѣлопутомъ“.

А иной разъ, въ свойственномъ мягкомъ и благожелательномъ тонѣ, выговариваетъ провинившихся писарей:

— Чикалкинъ, ты что же это, мой другъ?... Виноватъ или нѣтъ, отвѣчай?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе!

— Такъ какъ же тебѣ не стыдно?... Стыдно тебѣ или нѣтъ?

— Стыдно, ваше высокоблагородіе!

— Нѣтъ, ты не заслуживаешь снисхожденія!... Заслуживаешь или не заслуживаешь, отвѣчай?

— Не заслуживаю, ваше высокоблагородіе!

Полковникъ задумывается, мягкимъ движеніемъ почесываетъ переносицу и продолжаетъ:

— Но, можетъ быть, ты раскаиваешься въ своемъ поступкѣ?... Отвѣчай, раскаиваешься или нѣтъ?

— Такъ точно!... Раскаиваюсь, ваше высокоблагородіе!

— Прекрасно, мой другъ!... Въ такомъ случаѣ, я подумаю и, можетъ быть, освобожу тебя отъ взысканія... Освободить тебя или нѣтъ, отвѣчай?

— Ослобонить, ваше высокоблагородіе!

— Ну, ступай! — говоритъ Эсперъ Александровичъ и взмахиваетъ рукой...

Эсперъ Александровичъ принадлежитъ къ старому обрусѣвшему дворянскому роду и православному вѣроисповѣданію.

Между тѣмъ, солдаты считаютъ его почему - то „нѣмчиномъ", не взирая на то обстоятельство, что Эсперъ Александровичъ вовсе не говоритъ по нѣмецки, аккуратно посѣщаетъ церковныя службы и состоитъ даже старостой полковой церкви.

Рѣдкая добросовѣстность и служебное рвеніе составляютъ его отличительную черту. Мѣрами исключительной экономіи, Эсперъ Александровичъ довелъ полковое хозяйство до невиданнаго расцвѣта, умножилъ ремонтный, кирасный и экономическій капиталы, обогатилъ цейхгаузы безчисленными сроками мундирной одежды, амуниціи, конской упряжи, сѣдельнаго убора и снаряженія, завелъ новый полковой обозъ и походныя кухни послѣдняго образца.

Въ заключеніе, можно еще сказать, что полковникъ Эсперъ Александровичъ женатъ на милой и славной, еще сравнительно молодой женщинѣ, и живетъ спокойною семейною жизнью, тяжело омраченной лишь воспоминаніями о трагической гибели единственнаго мальчика-сына, погибшаго едва - ли не на глазахъ у родителей, во время горной экскурсіи гдѣ-то подъ Интерлакеномъ или Монтре.

Глубокое горе до сихъ поръ не отпускаетъ отъ себя этихъ достойныхъ людей . . .

8.

ОФИЦЕРСКАЯ смѣна, растянувшись вдоль стѣнъ большого манежа, трясется строевой рысью:

— Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ!

Фыркаютъ кони, мягко пересыпая подковами, звенятъ стремена и мундштучныя цѣпки, голубоватый туманъ стелется отъ ложъ къ самому потолку.

Въ первый день каждой недѣли, подъ руководствомъ старшаго полковника, происходитъ офицерская ѣзда всему составу.

— Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ!

Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, сидя на своемъ долгогривомъ и длиннохвостомъ, огненно - золотомъ жеребцѣ „Еруслане" — все у пол-

ковника старое, самобытное, кондовое русское, даже кличка коня —въ крутомъ сборѣ, цокая, кружится по серединѣ манежа, то выносится вихремъ впередъ, то такъ же круто осаживаетъ, треплетъ по холкѣ — „хо, милый, балуй!“ и останавливаетъ.

И въ это мгновенья чрезвычайно напоминаетъ царственную статую на площади Маріинскаго дворца.

Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ еще сохранилось многое отъ тѣхъ отзвучавшихъ временъ — въ манерахъ, пріемахъ, въ величавой посадкѣ, въ откинутыхъ далеко въ сторону шенкеляхъ, въ подчеркнутой вычурности движеній. Старая школа еще не утратила слѣдъ. Новыя требованія еще не воплотились въ дѣйствительность.

Вообще, мы стоимъ сейчасъ на переломѣ эпохи, между двухъ граней, изъ которыхъ каждая имѣетъ своихъ защитниковъ и хулителей.

Старшіе офицеры не столько, можетъ быть, по убѣжденію, сколь по привычкѣ, тяготѣютъ къ стариннѣ, къ глубокимъ сомкнутымъ строямъ, къ сохраненію конскихъ тѣлъ, къ передвиженіямъ, безъ торопливости, методичными, медленными аллюрами.

Офицеры болѣе младшаго возраста, воспитанные въ новыхъ традиціяхъ, само собой разумѣется, всею душой и съ полной охотой, а иные даже со стремительной пылкостью, идутъ навстрѣчу новой кавалерійской доктринѣ.

На этой почвѣ у насъ возникаютъ порой несогласія, споры, незначительные конфликты...

Полковникъ кружитъ коня, эффектно вздымаетъ его на дыбы, опускаетъ, треплетъ по гладкой, откормленной холкѣ, подаетъ предварительную команду:

— Смѣна, ма-неж-нымъ га-ло-помъ...

Подавая команду, закатываетъ глаза, произноситъ слова нѣсколько нараспѣвъ, любуясь оттѣнками голоса, какъ любуется ими оперный теноръ.

— Ма-а-ршъ!

Въ очередной разъ звякнувъ стременами, господа офицеры подымаютъ коней въ галопъ.

Среди насъ имѣются отличные ѣздоки, есть послабѣе, а въ общемъ, офицерская смѣна производитъ прекрасное впечатлѣніе. Это не юнкерская ѣзда на разномастныхъ, маленькихъ маштачкахъ, задерганныхъ и безногихъ, привыкшихъ, какъ говорится, „возить и воду и воеводу“.

Офицерская смѣна сидитъ на кровныхъ породистыхъ коняхъ, полныхъ мощи, силы, огня. За многихъ изъ нихъ заплачены не малыя деньги. Есть англійскіе чистокровные и выводные заграничные хентера. Въ качествѣ второй лошади или „подъѣздка“, попадаются полукровки — англо - арабы, норманы, орлово - ростопчинскія кобылицы.

Среди ѣздоковъ выдѣляется командиръ эскадрона Ея Величества, представительный ротмистръ Александръ Ивановичъ Дроздъ - Бонячевскій, полковой адъютантъ поручикъ Лазаревъ, полковой „стиплеръ“, съ успѣхомъ защищающій полковые цвѣта на скачкахъ и конныхъ ристалищахъ, поручикъ Павлуша Мордвиновъ, свѣтскій кавалеръ и танцоръ, щеголеватый корнетъ Эдуардъ Николаевичъ фонъ Шведеръ.

Къ числу искусныхъ же ѣздоковъ принадлежатъ и красивый поручикъ Араповъ, и бойкій Миша Свѣчинъ, и корнеты Даниловъ, Плѣшковъ, Куликовскій, Эксе.

Я держусь въ хвостѣ смѣны, на своемъ славномъ „Рэдъ-Боѣ“.

Рыжій ирландскій хентеръ — отличный шлепакъ, несетъ точно въ люлькѣ качаетъ, пріобрѣтенный мною, по случаю, за сравнительно сходную цѣну, представляетъ собой лошадь идеальной ѣзды. Можетъ быть, по этой причинѣ, Ипполитъ Алексѣевичъ поставилъ меня на флангѣ.

И долженъ сознаться, что при поворотахъ „налѣво-кругомъ“ или заѣздахъ „направо - назадъ“, съ особою гордостью веду за собой офицерскую смѣну . . .

Господа офицеры слѣзаютъ съ коней, ловко подхватываемыхъ вѣстовыми, и шумной ватагой, съ раскраснѣвшимися и вспотѣвшими лицами, стягивая перчатки, засовывая хлысты за голенища сапогъ, пересыпая рѣчь шутками и взрывами смѣха, покидаютъ манежъ, направляясь въ полковое собраніе.

Ипполитъ Алексѣевичъ въ тугомъ сюртукѣ, въ длинныхъ ботфортахъ, закрывающихъ не только колѣно, но даже часть ляжки — такіе ботфорты, по привычкѣ, сохранившейся отъ прежнихъ временъ, носитъ только старшій полковникъ — шествуетъ впереди, громко здороваясь съ попадающимися навстрѣчу и вытягивающимися во фронтъ унтерами:

— Здравствуй, Мартыновъ!

— Здорово, орелъ!

— Какъ живешь, что хорошенькаго?

Въ вестибюлѣ, передъ большимъ простѣночнымъ зеркаломъ, въ одно мгновенье, выростаетъ груда бѣло-синихъ фуражекъ.

Собраніе наполняется шумомъ и гамомъ тридцати шести голосовъ.

Въ столовой, передъ пылающимъ, не взирая на время года, каминомъ, уже стоятъ и сидятъ нѣсколько человѣкъ. Въ буфетной комнатѣ, съ широкою стойкой и выложеннымъ изъ мраморныхъ плитокъ бассейномъ, въ которомъ полощатся десятокъ форелей, налимовъ и золотыхъ окуньковъ, звенятъ стаканы и рюмки...

Четверть часа тому назадъ, во время офицерской ѣзды, тридцать шесть всадниковъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга дистанціей въ двѣ лоша-

ди, представляли собою строй, освященный воинскимъ ритуаломъ, сосредоточенный, замкнутый, повинующійся командѣ начальника.

Сейчасъ совершенно отброшена условность строевой дисциплины, и тотъ же полковникъ, воплощеніе суровой и крутой власти, мѣняетъ обличье, превращаясь въ благодушнаго балагура и собутыльника.

Засунувъ лѣвую руку въ карманъ рейтузъ, отвернувъ бѣлую подкладку своего сюртука, онъ стоитъ передъ стойкой, чокается съ офицерами, высоко задравъ голову, рѣзкимъ движеньемъ, опрокидываетъ въ глотку рюмку граненнаго хрусталя. Крякнувъ и закусивъ хлѣбной корочкой, расправляетъ сѣдѣющіе усы, тычетъ пальцемъ въ графинъ жестокаго „ерофеича", отъ котораго глаза лѣзутъ на лобъ.

— А плесни-ка намъ, братецъ, этой самой исторіи! — приказываетъ полковникъ.

Буфетчикъ наполняетъ двѣ рюмки.

— Черкесовъ, твое здоровье! — обращается Ипполитъ Алексѣевичъ и тянется со своей стопкой. — По нашему, братъ, по-гатчински!

— Эхъ, молода, въ Саксоніи не была! — хохочетъ полковникъ, когда поперхнувшись, обливъ водкой грудь и полы мундира, алый отъ замѣшательства и смущенія, я извлекаю изъ кармана платокъ.

Тридцать шесть человѣкъ усаживаются за обѣденный столъ, въ глубокія, обтянутыя плотной коричневой кожею кресла. Метръ д'отель Алексѣичъ, маленькій веснущатый человѣкъ, въ синемъ фракѣ съ золочеными пуговицами, суетится, хлопочетъ, отдаетъ приказанія прислугѣ.

Тутъ же вертится Пашка, хорошенькій мальчуганъ изъ школы солдатскихъ дѣтей, обслуживающій, въ качествѣ казачка, полковое собраніе. Онъ разливаетъ по стаканамъ вино, ловко увертывается отъ щипковъ, молніей носится по столовой . . .

———

Звенятъ стаканы, рюмки, ножи, табачный дымъ подымается къ потолку медленными клубами, бесѣда не смолкаетъ ни на минуту.

Послѣ воскреснаго дня есть свѣжія темы для разговоровъ. Столичныя впечатлѣнія разнообразны, пестры, а жизнь въ маленькомъ гарнизонѣ не идетъ дальше служебныхъ обязанностей и кое-какихъ мѣстныхъ гатчинскихъ развлеченій.

Въ этомъ отношеніи, штабъ - квартира какъ бы спеціально создана для того, чтобы уберечь господъ офицеровъ отъ всякихъ соблазновъ, предоставляя взамѣнъ самый широкій просторъ для проявленія дѣятельности по прямому своему назначенію.

И строевая служба, надо признаться, стоитъ, по этой причинѣ, на исключительной высотѣ. Недаромъ начальники, вплоть до командира гвардейскаго корпуса, на учебныхъ смотрахъ, на выводкахъ и маневрахъ, на парадахъ и торжествахъ въ высочайшемъ присутствіи, неизмѣнно отмѣчаютъ успѣхи полка.

Кромѣ службы, офицеры заняты спортивными развлеченіями.

Верховыя прогулки, скачки съ препятствіями, конные праздники, охота ружейная и охота съ гончими или съ борзыми, занимаютъ въ нашей жизни обширное мѣсто. Время отъ времени, въ офицерскомъ собраніи устраиваются доклады на военныя, историческія и даже литературныя темы, происходятъ бильярдныя состязанія и шахматныя турниры, а бой на зеленомъ полѣ представляется явленіемъ заурядным.

Жизнь въ полковомъ собраніи кипитъ въ теченіе сутокъ. Съ утра до поздняго вечера, даже въ воскресные и праздничные дни, когда часть офицеровъ уѣзжаетъ въ столицу, собраніе служитъ мѣстомъ встрѣчъ, отдыха, подлиннымъ полковымъ домомъ.

Выстроенное на средства Императрицы, оно считается однимъ изъ наряднѣйшихъ въ полкахъ гвардейской конницы и, какъ нельзя лучше, отвѣчаетъ своему назначенію. А въ выборѣ мѣста трудно придумать что либо болѣе подходящее, нежели этотъ плѣнительный уголокъ кирасирской слободки . . .

9.

ПРЕДСТАВЬТЕ щеголеватый, въ два этажа, сложенный изъ бѣлой пудожской плиты особнякъ, съ террасою и балкономъ, выходящими въ небольшой садикъ, съ куртинами, боскетами, цвѣточными грядками.

Ажурная металлическая рѣшетка окаймляетъ садъ съ трехъ сторонъ. Слѣва тянутся огромные желтые корпуса съ помѣщеніемъ ближайшихъ двухъ эскадроновъ — Ея Величества и четвертаго, а за ними второго и третьяго. Справа виднѣется острая игла „Коннетебля". А прямо передъ глазами, тотчасъ за дворцовой дорогой, зеленѣютъ липы, клены, каштаны и тополя царскаго парка, съ англійскими газонами, съ синими зеркалами озеръ, съ мраморными статуями, съ причудливыми гротами, березовыми домиками, бесѣдками.

Ступенчатая терраса ведетъ въ главный подъѣздъ. Широкая дверь открывается въ бѣлую двухсвѣтную залу, украшенную портретомъ императора Петра I, въ богатой золотой рамѣ.

Основатель полка изображенъ въ натуральный ростъ, въ зеленомъ камзолѣ, поверхъ котораго надѣты тяжелыя латы, съ перевязью на правомъ плечѣ, съ длинною шпагою на боку. Мощный ликъ, въ суровыхъ складкахъ и желвакахъ, съ гривою зачесанныхъ назадъ блестящихъ черныхъ волосъ, дышетъ грозною силой.

По другимъ стѣнамъ висятъ портреты вѣнценосныхъ полковниковъ, бывшихъ шефовъ полка — императрицы Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны, Екатерины Великой, Маріи Феодоровны, государей, престолонаслѣдниковъ, великихъ князей, числящихся въ спискахъ полка.

А по карнизу, какъ символы славныхъ баталій, тянутся бѣлыя лѣпныя надписи — Полтава, Лѣсная, Пирна, Берлинъ, Бородино, Лейпцигъ, Феръ-Шампенуазъ, Парижъ . . .

Прекрасное впечатлѣніе производитъ гостиная, такъ называемая „Комната Императрицы“, украшенная большимъ портретомъ покойнаго шефа, государыни императрицы Маріи Александровны, принадлежащемъ кисти знаменитаго Неффа.

Гостиная убрана тяжелыми бархатными портьерами и коврами, стильною мебелью, бронзовой арматурой, канделябрами, люстрами, многочисленными полковыми реликвіями, хранящимися подъ стекломъ въ особыхъ шкапахъ, полковыми альбомами въ дорогихъ кожаныхъ переплетахъ, съ исторической „Золотой Книгой“, заполненной автографами императоровъ, высочайшихъ особъ, почетныхъ гостей.

На одной изъ стѣнъ виситъ большая картина, подарокъ бывшихъ офицеровъ полка, „Конный бой Невскихъ драгунъ подъ Лѣсной“.

Въ сосѣднемъ покоѣ, въ такъ называемой „Комнатѣ Командировъ“, обставленной цѣнной мебелью золотого орѣха, обитой въ цвѣтъ полка синимъ шелкомъ, образуя оригинальную картинную галлерею, висятъ портреты старыхъ полковыхъ командировъ — генерала князя Волконскаго, Дашкова и Толстого, бригадира Ивана Михельсона, барона Розена, Жадовскаго, Хрущова, графа Протасова-Бахметева, Арапова, Лермонтова, Хрулева, Боборыкина и другихъ. А на парадной стѣнѣ, противъ двери, въ простѣнкѣ между широкими окнами, виситъ портретъ служившаго когда-то въ полку, покорителя Кавказа, фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Столовая, перекрытая тяжелыми дубовыми балками, съ массивной мебелью того же темнаго дуба, съ каминомъ, съ примыкающей буфетною комнатой, выдержана въ старинномъ голландскомъ стилѣ...

Широкая лѣстница, устланная ковромъ, раздваиваясь на второмъ маршѣ, ведетъ изъ вестибюля въ комнаты верхняго этажа.

Если нижнія помѣщенія носятъ, въ нѣкоторомъ родѣ, парадный характеръ, здѣсь, наоборотъ, всѣ комнаты какъ бы созданы для уюта, покоя, отдохновенія.

Прежде всего нужно отмѣтить бильярдную, весьма симпатичную, свѣтлую и просторную, охотно посѣщаемую комнату, съ высокими, обитыми кожей диванчиками, стоящими на особыхъ возвышеніяхъ вдоль стѣнъ, съ курительными столиками и приборами, съ широкимъ люкомъ, открывающимся въ бѣлую залу.

Въ этой комнатѣ, во время парадныхъ обѣдовъ, играетъ хоръ полковыхъ трубачей.

Къ бильярдной примыкаетъ помѣщеніе для дежурнаго офицера. Оно убрано въ восточномъ духѣ мягкою мебелью, турецкими отоманками, тяжелыми бухарскими, персидскими, кавказскими коврами. Сбоку стоитъ письменный столъ. Изъ оконъ открывается видъ въ сторону манежей, конюшенъ и эскадроновъ, а также на царскій паркъ и дворецъ.

Небольшой коридоръ ведетъ въ карточную комнату, въ которой періодически собирается засѣданіе полкового суда. Наконецъ, въ крайней комнатѣ, съ застеклянными книжными шкапами, большимъ круглымъ столомъ и глубокими клубными креслами, помѣщается офицерская библіотека.

Въ общемъ, полковое собраніе создаетъ впечатлѣніе изысканнаго комфорта и благолѣпія, освященныхъ вѣяніемъ исторической старины...

10.

ПОЛКЪ нашъ старый, боевой, заслуженный, одинъ изъ славнѣйшихъ полковъ русской Арміи.

Набранный въ Москвѣ, въ 1704 году, „по указу отъ 8-го апрѣля Его Царскаго Величества Царя Петра Алексѣевича, по разбору боярина Тихона Никитича Стрѣшнева", онъ образуетъ первую регулярную конницу и, по имени своего перваго командира, получаетъ названіе Драгунскаго Яна Портеса, а въ 1708 году — Невскаго Драгунскаго Полка.

Полковой формуляръ богатъ и разнообразенъ.

Трудно перечислить работу полка за періодъ его почти двухвѣковой жизни, участіе въ безконечныхъ походахъ, въ великихъ битвахъ, въ сраженіяхъ и отдѣльныхъ бояхъ, въ подавленіяхъ мятежныхъ возстаній.

Вслѣдъ за сформированіемъ, драгуны Яна Портеса уже принимаютъ участіе въ Курляндскомъ походѣ и въ Гродненской операціи, а затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, дѣйствуютъ въ Польшѣ.

Въ великой войнѣ со шведами, Невскіе драгуны, во главѣ съ новымъ своимъ командиромъ, храбрымъ полковникомъ Калиной Кампбелемъ, бьютъ противника при деревнѣ Лѣсной, въ бою подъ Смолянами берутъ въ плѣнъ цѣлую дивизію шведскихъ валаховъ, отличаются въ рядѣ дѣлъ, подъ Чериковымъ, Головчинымъ, Долгомъ Мхѣ, подъ Груней и Краснокутскомъ, подъ Хмѣлевкой, Китай-Городомъ и въ упорномъ бою подъ Сенжарами.

Въ Полтавской баталіи, подъ общимъ начальствомъ предводителя конницы, свѣтлѣйшаго князя Меньшикова, Невскіе Драгуны принимаютъ участіе въ преслѣдованіи разбитыхъ шведовъ и одерживаютъ рѣшительную побѣду подъ Переволочной.

А черезъ какой-нибудь годъ, Невскіе Драгуны уже дѣйствуютъ при осадѣ Риги, при взятіи Динамюнда. Пернова и Ревеля, въ морскомъ походѣ на островъ Эзель и взятіи крѣпости Аренсбургъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, слѣдуетъ Прусскій походъ, бой подъ Грейсфельдомъ и Гадебушемъ, осадка и взятіе Штеттина, Датскій походъ и новый морской походъ въ Мекленбургъ...

Въ 1733 году, Невскій Драгунскій полкъ, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, переименованъ въ Лейбъ-Кирасирскій или Лейбъ-Регименть.

На югѣ Россіи сгущались грозныя тучи. Война съ турками казалась, на этотъ разъ, неизбѣжной. Острыя сабли турецкой конницы требовали созданія въ кавалеріи полковъ особаго типа, имѣющихъ предохранительное вооруженіе. Въ арміяхъ западно-европейскихъ державъ уже давно имѣлись подобныя части, унаслѣдованныя еще со временъ крестовыхъ походовъ.

Государственная военная коллегія, возглавляемая графомъ Минихомъ, подала на высочайшее благовоззрѣніе проектъ о введеніи въ русской арміи кирасирскихъ полковъ.

И два старѣйшихъ драгунскихъ полка, Невскій и Ярославскій, были преобразованы въ полки кирасирскіе.

Въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, подъ § 6446, значится:

„Высочайшая резолюція на докладъ генералъ-фельдмаршала графа Миниха о именованіи сформированныхъ двухъ кирасирскихъ полковъ, о дачѣ онымъ полкамъ двухъ паръ литавръ серебряныхъ, о назначеніи кирасирамъ носить шпаги и о распредѣленіи по представленнымъ реестрамъ, какія изъ амуничныхъ и прочихъ полковыхъ вещей дѣлать въ Россіи и какія выписывать изъ Пруссіи".

Резолюція: „Тѣ два полка именовать, одинъ Лейбъ-Кирасирскій, а другой Бевернской Кирасирскій, а литавръ выдать двѣ пары серебряныхъ отъ Двора Нашего, а прочую амуницію и уборы, по приложеннымъ при семъ реестрамъ—по первому дѣлать въ Россіи, а по второму, кромѣ отмѣченныхъ вещей, выписать изъ Пруссіи, такожъ и кирасирамъ имѣть шпаги..."

———

Вновь сформированнымъ кирасирскимъ полкамъ были предоставлены особыя преимущества, какъ напримѣръ — освобожденіе отъ походовъ въ Персію, расположеніе на постоянныя квартиры вблизи императорской резиденціи или же въ лучшихъ провинціяхъ государства, большіе оклады жалованья противъ другихъ полковъ арміи, изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній, старшинство въ чинахъ, причемъ рядовые кирасиры приравнены къ армейскимъ капраламъ.

Кромѣ того, одинъ изъ полковъ отмѣченъ отъ прочихъ еще своимъ названіемъ „Лейбъ-Кирасирскій", что предоставляло ему право считать себя тѣлохранителемъ царствующихъ особъ.

Сама государыня приняла на себя командное званіе и, въ спискахъ генералитета той далекой эпохи, значится „полковникомъ Лейбъ-Кирасирскаго полка". Съ тѣхъ поръ, вплоть до вступленія на престолъ императора Павла I, полковниками полка были царствующія особы, а полковые командиры носили званіе „вице-полковниковъ".

Во всѣхъ перечисленіяхъ, спискахъ и назначеніяхъ первымъ изъ кон-

ныхъ полковъ упоминается неизмѣнно Лейбъ-Кирасирскій, потомъ слѣдуетъ Бевернскій и Миниховъ Кирасирскій.

Лейбъ-Кирасирамъ, какъ полку Ея Величества, въ отличіе отъ другихъ, жалуются серебряныя трубы во всѣ десять ротъ:

„Серебрянымъ трубамъ противъ полнаго комплекта быть въ одномъ Лейбъ-Кирасирскомъ, а въ Бевернскомъ и Минихвѣ полкахъ серебрянымъ быть только въ первыхъ ротахъ, а въ прочихъ же мѣднымъ".

Кромѣ литавръ и серебряныхъ трубъ, полку жалуются десять штандартовъ изъ „дамаста, украшеннаго галуномъ съ золотой бахромой, въ первую роту бѣлаго, въ прочія же синяго цвѣта". На серединѣ полотнища вышитъ цвѣтными шелками двуглавый орелъ, а по угламъ вензель императрицы, подъ короной, въ лавровыхъ вѣнкахъ.

Въ 1741 году эти штандарты замѣнены новыми, пяти различныхъ цвѣтовъ, съ вензелемъ императрицы Елисаветы Петровны.

Въ этотъ періодъ наступаетъ тяжелый Финляндскій походъ, а въ 1760 году новая война съ пруссаками, закончившаяся вступленіемъ русскихъ войскъ въ Берлинъ.

Въ 1774 году, въ царствованіе императрицы Екатерины II, Лейбъ-Кирасиры, подъ командой бригадира Ивана Ивановича Михельсона, принимаютъ участіе въ подавленіи Пугачевскаго бунта. Въ 1787 году подъ общимъ начальствомъ Суворова, побѣдоносно сражаются съ турками, а въ 1799 году участвуютъ въ Итальянской кампаніи.

Въ 1805 году полкъ отличается въ бояхъ съ французами при Вишау, Раузницѣ и въ Аустерлицкомъ сраженіи, послѣ чего, въ арьергардѣ князя Багратіона, прикрываетъ подъ Шенграбеномъ тяжелое отступленіе арміи.

Потомъ слѣдуетъ Молдавскій походъ, блокада крѣпости Измаила и возвращеніе въ Россію...

Наступаетъ великая Отечественная война, въ теченіе которой Лейбъ-Региментъ, подъ командой генерала барона Розена, вписываетъ въ боевой формуляръ новый рядъ блестящихъ страницъ.

Полкъ отличается въ первомъ же дѣлѣ подъ Клястицами. Въ бою подъ Полоцкомъ, эскадронъ маіора Семеки беретъ батарею и, ударомъ во флангъ, опрокидываетъ полкъ французскихъ кирасиръ.

Въ сраженіи подъ Бородинымъ, четыре дѣйствующихъ эскадрона полка принимаютъ участіе въ бояхъ у деревни Семеновской, отражая лобовыя атаки французской конницы Латуръ-Мобура и Нансути.

Слѣдуетъ рядъ удачныхъ дѣлъ подъ Малоярославцемъ, подъ Чашниками и Вязьмой, подъ Краснымъ и подъ Березиной.

Лейбъ-Кирасиры отличаются въ заграничномъ походѣ, въ бояхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, въ дѣлахъ подъ Пирной и Ноллендорфомъ.

Въ Кульмскомъ сраженіи, подъ начальствомъ новаго командира,

принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, будущаго короля и родоначальника бельгійской королевской династіи, кирасиры берутъ нѣсколько батарей и множество плѣнныхъ, принимаютъ участіе въ кровопролитной „битвѣ народовъ“ подъ Лейпцигомъ, атакуя на глазахъ императора французскія линіи.

Полкъ переходитъ границу, бьетъ французовъ подъ Баръ-Сюръ-Объ и при Феръ-Шампенуазѣ, и торжественно вступаетъ въ Парижъ.

Наступаетъ періодъ боевого затишья.

А въ 1831 году, подъ командой генерала Никиты Ивановича Жадовскаго, Лейбъ-Кирасиры уже принимаютъ участіе въ подавленіи польскаго мятежа, бьютъ поляковъ подъ Желтками, подъ Наборовымъ и Балимовымъ и отличаются при штурмѣ Варшавы...

Много крови пролито въ защиту великой имперіи, много славныхъ бойцовъ пало на чужеземныхъ поляхъ и въ предѣлахъ родной страны. Но велики и награды, заслуженныя Лейбъ-Регментомъ за долгій періодъ боевой службы.

Одиннадцать серебряныхъ трубъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, пожалованы за взятіе Берлина императрицей Елисаветой Петровной.

Серебряныя литавры и двадцать серебряныхъ трубъ, съ датою „1764“, пожалованы императрицею Екатериной II.

Пять золотыхъ трубъ, съ изображеніемъ государственнаго герба, съ мальтійскимъ крестомъ на груди, и датой „1800“, а равно пять новыхъ штандартовъ, пожалованы императоромъ Павломъ Петровичемъ за Итальянскую кампанію и Швейцарскій походъ.

Отдѣльнымъ высочайшимъ указомъ отдается Лейбъ-Кирасирамъ „особое преимущество“ и, въ довершеніе милостей, жалуется исключительное отличіе, въ видѣ серебряныхъ кирасъ всѣмъ чинамъ полка.

Это отличіе, единственное въ полкахъ русской конницы, сохранялось въ теченіе многихъ лѣтъ. Впослѣдствіе ,по повелѣнію императора Александра I, было приказано „кирасы, въ серебрѣ отдѣланныя, обратить въ пользу полка и, изъ состоящаго на оныхъ серебра, составить офицерскую сумму, а самыя кирасы сдать въ коммиссаріатское вѣдомство“.

Серебро было продано за 23.592 рубля 85½ копѣекъ, каковая сумма пошла на образованіе полкового „кираснаго“ капитала.

Наконецъ, девятнадцать серебряныхъ трубъ, съ изображеніемъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, съ надписью „За отличія при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году Лейбъ-Кирасирскому Ея Величества полку“, пожалованы императоромъ Александромъ I.

А сверхъ того, многочисленныя царскія грамоты, шефское серебро, императорскіе подарки, кубки, чаши, братины, мундиры вѣнценосныхъ шефовъ полка.

Въ 1856 году, по повелѣнію императора Александра II, полкъ пожалованъ наименованіемъ Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка.

31 мая 1880 года, съ кончиной императрицы Маріи Александровны, полкъ осчастливленъ назначеніемъ новаго Шефа, Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны . . .

11.

БЛИЖЕ надвигается прозрачная холодная осень. Наступаетъ пора листопада. Скоро начнутся дожди, слякоть, туманъ.

Едва отобьетъ будильникъ семь полнозвучныхъ ударовъ, я вскакиваю съ кровати и подхожу къ окну. Сквозь тонкія занавѣски глядитъ сѣрый разсвѣтъ. Сухія, порѣдѣвшія вѣтки колыщутся передъ глазами.

Въ столовой денщикъ готовитъ утреннюю закуску, звенитъ ложками, чайной посудой. Надъ головой слышенъ торопливый стукъ каблучковъ. Онъ переносится изъ комнаты въ комнату и вотъ, дробненькій стукъ уже раздается на лѣстницѣ, ведущей изъ квартиры верхняго этажа.

Это — Асенька, дочь домохозяина, молоденькая Ася Румянцева, спѣшитъ въ городскую гимназію.

Я натягиваю рейтузы и высокіе сапоги со шпорами. Туалетъ мой несложенъ и быстръ. Скинувъ рубашку и обнаживъ тѣло до пояса, плещусь въ холодной водѣ, мохнатымъ полотенцомъ растираю шею, спину и грудь. Свѣжая бодрость разливается по всѣмъ жиламъ.

Я подхожу къ зеркалу и въ стеклѣ отражается сухое, мускулистое тѣло, живое и, по моему мнѣнію, достаточно выразительное лицо, съ темнымъ, коротко подстриженнымъ бобрикомъ, съ легкой, чуть намѣчающейся полоской на верхней губѣ...

Мутный сумракъ смѣняется свѣтлыми красками. Въ небѣ голубѣютъ просвѣты. Мягкіе солнечные лучи кидаютъ такую же голубоватую тѣнь.

На проспектѣ безлюдно и тихо.

По одной сторонѣ, точно шеренга солдатъ, протянулась длинная вереница небольшихъ, сѣрыхъ, однообразныхъ домишекъ. По другой, изъ за чугунной ограды, зеленѣютъ елочки пріоратскаго парка.

— Почтеніе! — встрѣчаетъ Теодоръ Ивановичъ, сонный, съ слегка припухшими красноватыми вѣками, одѣтый въ широкій, завязанный на поясницѣ, парикмахерскій балахонъ.

— Привѣтъ дорогому гостю!.. Бонжюръ!

Теодоръ Ивановичъ невеликъ ростомъ и нѣсколько жидокъ въ фигурѣ. На его щекахъ, бѣлыхъ и гладкихъ, напоминающихъ хорошо выпеченный калачъ, играетъ яркій румянецъ. Маленькіе глаза подъ рыженькими рѣсницами придаютъ парикмахеру какой-то встревоженный, удивленный и, въ общемъ, чрезвычайно забавный видъ.

Теодоръ Ивановичъ усаживаетъ меня въ кресло и занимаетъ бесѣдой. Мысли его, съ богатымъ полетомъ воображенія, стремительны, какъ весенній потокъ. Едва задавъ вопросъ, Теодоръ Ивановичъ перескакиваетъ на новую тему, вздыхаетъ, мечтательно закатываетъ глаза.

— Вотъ пишутъ, между прочимъ, въ газетахъ, не возьму въ толкъ! — говоритъ Теодоръ Ивановичъ и взмахиваетъ рукой. — Хитрая штука, конечно, политика, понимать надо!.. Опять же, что скажете по поводу Трансвааля?.. Бѣдные боэры!.. Какъ вамъ нравится лордъ Чемберленъ?.. Этотъ, язва, умѣетъ!.. Англичанка, извѣстное дѣло, своего не упуститъ!.. Крюгеръ, тотъ тоже умѣетъ!.. Безпремѣнно будетъ война!

Теодоръ Ивановичъ сочувственно вздыхаетъ.

— А слыхали, между прочимъ, послѣднюю новость?.. Матушка-Царица, говорятъ, въ скорости возвращается... Опять, стало быть, будетъ проживать въ резиденціи?

Государыня, по слухамъ, въ самомъ дѣлѣ, возвращается въ Гатчину. Осенній сезонъ Императрица проводитъ обычно въ Даніи, въ Фредериксборгскомъ дворцѣ, окруженная близкими родственниками изъ датскаго королевскаго Дома.

— Давеча снился сонъ! — продолжаетъ Теодоръ Ивановичъ и голосъ его понижается до тревожнаго шопота. — Удивительный сонъ!.. Представьте себѣ, поле съ цвѣточками, вродѣ какъ бы незабудки, ландыши и корова?... Большая черная корова, съ очками на носу, въ корсетѣ и говоритъ при этомъ человѣческимъ голосомъ?.. Охъ, не къ добру это, господинъ Черкесовъ!.. Чуетъ сердце — вѣщунъ, не къ добру!

Теодоръ Ивановичъ опрыскиваетъ меня душистой водой, смахиваетъ пушинку съ воротника, провожаетъ до дверей и даже выскакиваетъ на улицу.

Въ ожиданіи новыхъ кліентовъ, онъ продолжаетъ стоять на панели и, обернувшись, я все еще вижу бѣлый халатъ, выдѣляющійся на фонѣ парикмахерской вывѣски...

На гнѣдыхъ жеребцахъ, цокая копытами по плотно убитой щебенкѣ, проѣзжаютъ два конвойныхъ казака, въ темносинихъ черкескахъ. Проходитъ баба—молочница, съ кувшиномъ въ рукахъ. Навстрѣчу шагаетъ знакомый оберъ-кондукторъ, грузный, плечистый, съ щетинистыми

усами. Онъ беретъ по-военному подъ козырекъ и почтительно уступаетъ дорогу.

— Топъ-топъ-топъ!

Стучатъ женскіе каблучки и меня обгоняетъ стройная дѣвичья фигурка. Въ одной рукѣ у нея сумочка, въ другой картонка отъ шляпы. Дѣвушка, на мгновенье, пріостанавливается, поправляетъ съ улыбкою туфельку и бѣжитъ дальше.

Ага, я ее узнаю!

Это — „Гатчинская Форель“, какъ въ шутку, между собой, называютъ ее господа офицеры. Она недурна собой, обладаетъ жизнерадостною натурой, пользуется успѣхомъ въ маленькомъ гарнизонѣ.

Прибитый росой, подъ ногами поскрипиваетъ влажный гравій. Огромныя сосны, кудрявыя елочки, съ мохнатыми, приземившимися лапами, петровскіе вѣковые дубы, обступаютъ со всѣхъ сторонъ. Долбитъ дятелъ, перекликаются тонкими голосами синички, зяблики, красногрудые снигири, мелкая пичуга гомозится въ кустахъ.

Вотъ и зданіе бывшаго гатчинскаго Игуменства, небольшой стильный охотничій замокъ, съ высокими рѣзными башенками, живописно расположившійся подлѣ пруда. Въ немъ проживаетъ помощникъ начальника царской охоты, завѣдующій царскою псарней, старый генералъ Кутеповъ, по кличкѣ „Собачій Кюба“.

Тихо въ паркѣ, пустынно. Пробудилось только пернатое царство, да синеватый дымокъ вьется надъ черепичною кровлею.

Еще нѣсколько десятковъ шаговъ и широкая аллея выводитъ къ воротамъ. За ними уже виднѣется площадка съ историческимъ обелискомъ. А впереди желтѣютъ строгіе массивы казармъ, разносится ржаніе лошадей, пѣнье трубы, стукъ кузнечнаго молота — милая, безконечно знакомая увертюра.

По всѣмъ направленіямъ снуютъ рослые люди въ бѣлосинихъ фуражкахъ. Проходятъ команды, звеня шпорами, отбивая отчетливый шагъ. Зоркій глазъ различаетъ даже плотную, грузную, подъ бременемъ лѣтъ слегка согнувшуюся фигуру, направляющуюся изъ полкового собранія въ помѣщеніе четвертаго эскадрона...

12.

„ПАПАША“ является третьимъ членомъ старѣйшей полковой группы, въ полномъ значеніи слова, послѣднимъ ея могиканомъ, служившимъ, въ свою очередь, тремъ императорамъ.

„Папаша“ командуетъ моимъ эскадрономъ, состоитъ моимъ ближайшимъ начальникомъ. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ я дѣлаю свои вступительные шаги. Отъ него зависитъ дать имъ вѣрное направленіе.

Это обязываетъ меня, съ особою тщательностью, проникнуться его взглядами, усвоить служебныя правила, приснорoвиться къ его требованiямъ, прiемамъ, привычкамъ.

Но каюсь, я все еще мало успѣлъ въ этомъ направленiи, съ большими усилiями пытаюсь установить необходимый контактъ и согласовать свои дѣйствiя въ духѣ полной гармонiи.

Въ чемъ же дѣло, какова причина, что добрѣйшiй „Папаша", мягкiй, сердечный, отзывчивый человѣкъ, о которомъ въ полку нѣтъ двухъ различныхъ мнѣнiй, который во многихъ отношенiяхъ представляетъ собой образецъ идеальнаго командира, съ точки зрѣнiя своихъ субалтерновъ рисуется въ иномъ, не вполнѣ выгодномъ освѣщенiи?

Причина заключается въ томъ, что „Папаша" является типичнѣйшимъ выразителемъ той устарѣлой доктрины, съ которою мы, воспитанная въ новыхъ условiяхъ, одушевленная новыми строевыми идеями молодежь, ведемъ постоянную, непрекращающуюся и все болѣе склоняющуюся на нашу сторону борьбу.

Всѣ новшества „Папаша" глубоко ненавидитъ и презираетъ. Ко всѣмъ проявленiямъ свѣжей военной мысли относится съ величайшимъ недовѣрiемъ и скептицизмомъ.

Послѣднiя требованiя великаго князя, генерала-инспектора кавалерiи, воспринимаетъ съ мучительными переживанiями, сомнѣнiями, колебанiями, тоской.

И въ этихъ случаяхъ, его рыхлая, грузная, отяжелѣвшая подъ бременемъ лѣтъ и службы фигура, его преждевременно обрюзгшее, одутловатое, съ двойнымъ подбородкомъ и свисающими книзу усами лицо, его круглая, какъ костяной шаръ голова, украшенная рыжеватымъ пушкомъ и лучистою лысиною, размѣромъ въ блинъ средней величины, какъ нельзя лучше отражаютъ терзанiя внутренняго процесса...

Но есть область, въ которой „Папаша", командующiй эскадрономъ уже на протяженiи долгихъ двѣнадцати лѣтъ, являющiйся, между прочимъ, старѣйшимъ командиромъ въ императорской гвардiи, стоитъ на недосягаемой высотѣ, не имѣя мало мальски достойныхъ соперниковъ.

„Папаша" является непревзойденнымъ начальникомъ въ области домашняго обихода, въ хозяйственномъ, имущественномъ, вещевомъ отношенiяхъ.

Его заботы о благолѣпiи эскадрона не имѣютъ предѣла. Казарма напоминаетъ подлинный храмъ, сверкающiй чистотой, опрятностью, уютомъ, даже извѣстнымъ комфортомъ. Конюшня является классическимъ образцомъ, которому многiе пытаются подражать.

Его-ли вина, что въ этихъ попыткахъ никто пока не достигъ вполнѣ законченныхъ результатовъ?

Люди четвертаго эскадрона отличаются отъ прочихъ солдатъ солидно-

стью, спокойствіемъ, особой увѣренностью въ себѣ. На ихъ манерахъ, даже на самой походкѣ, отражается печать величавой медлительности сытыхъ, удовлетворенныхъ, знающихъ себѣ цѣну, гигантовъ.

А лошади четвертаго эскадрона тоже совершенно особыя лошади, огромные, тучные, широкозадые, отливающіе рыжимъ атласомъ слоны. Лошади въ блестящемъ порядкѣ и считаются „по тѣламъ“ лучшими въ кирасирской дивизіи...

„Папаша“ служитъ въ полку въ теченіе двадцати пяти лѣтъ.

Кто повѣритъ, что за этотъ промежутокъ времени онъ ни разу не числился въ отпуску, не подавалъ рапорта о болѣзни, не состоялъ въ продолжительной командировкѣ?

Точно старый грибъ-боровикъ плотно приросъ къ одному, навсегда полюбившемуся ему мѣсту и не покидаетъ его никогда.

Кто повѣритъ, что командиръ четвертаго эскадрона не изведалъ никакихъ увлеченій, равнодушенъ, между прочимъ, къ соблазнамъ любви, и что ни одна женщина въ мірѣ, изъ числа самыхъ яркихъ звѣздъ свѣта и полусвѣта, самыхъ высококвалифицированныхъ прелестницъ, не въ силахъ растопить пламя его сердечнаго алтаря?

Впрочемъ, за послѣдній годъ „Папаша“ пристрастился, по неизвѣстной и крайне таинственной причинѣ, къ императорскому балету и бываетъ по средамъ на премьерѣ, занимая абонементное мѣсто въ третьемъ ряду партера.

„Папаша“ проводитъ круглыя сутки въ казармѣ, въ конюшнѣ или въ манежѣ, со своими солдатами и лошадьми, занимаясь унтеръ-офицерскою смѣной, наблюдая работу своихъ подчиненныхъ, не упуская, ни на минуту, совмѣстно съ ближайшимъ своимъ окруженіемъ, вахмистромъ Мировичемъ, каптенармусомъ Зуйко и эскадроннымъ писаремъ Арканниковымъ, мелочи повседневнаго быта.

А на досугѣ собираетъ хоръ балалаечниковъ и разучиваетъ, подъ своимъ руководствомъ, вещи русскаго народнаго репертуара:

„Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все въ объятьяхъ ночной тишины...“

Вотъ каковъ Михаилъ Яковлевичъ Авенаріусъ, старѣйшій ротмистръ императорской гвардіи и командиръ четвертаго эскадрона, въ которомъ волею судьбы и начальства я начинаю строевой путь...

13.

КОМАНДИРЪ эскадрона направляется въ кухню, гдѣ по обыкновенію будетъ жестоко ругать кашеваровъ, артельщика и дневальнаго за малѣйшіе признаки какой либо небрежности.

„Папаша“ сравнительно рѣдко пускаетъ въ ходъ кулаки и, въ этомъ

отношенiи, методъ, практикуемый старшимъ полковникомъ, не находитъ въ немъ подражателя.

Такъ только, иногда, для пущаго вразумленiя или острастки, дастъ легкую оплеуху или ткнетъ по зубамъ.

Но къ словесному лексикону прибѣгаетъ при всякомъ случаѣ, при малѣйшей возможности. И ругательства у него совершенно особыя, краткiя, выразительныя, не очень пристойныя, иной разъ и совсѣмъ непечатныя, притомъ женскаго рода:

— Дура!

— Деревня!

— Баба беременная!

„Папаша" направляется въ кухню, а я бѣгу въ развѣдческiй классъ, въ которомъ шестнадцать молодцовъ, самыхъ шустрыхъ, самыхъ расторопныхъ людей эскадрона, съ продольными нашивками на погонахъ, ожидаютъ моего появленiя.

Развѣдческiй классъ представляетъ собой просторное помѣщенiе, свѣтлое и опрятное, какъ вообще опрятны наши казармы, съ нѣсколькими рядами стоящихъ, точно въ кадетскомъ корпусѣ или въ гимназiи, ученическихъ партъ, съ высокою кафедрой и черной доской у стѣны.

Заботливая рука командира придала этому помѣщенiю особый уютъ. Окна занавѣшаны бѣленькими гардинами, стѣны покрыты таблицами, картами, цвѣтными олеографiями въ скромныхъ рамочкахъ собственнаго издѣлiя, изъ общеизвѣстнаго, можетъ быть, слегка прiукрашеннаго легендой, боевого русскаго эпоса, свидѣтельствующаго о доблести старыхъ русскихъ „чудо-богатырей".

Здѣсь имѣется „Подвигъ бомбардира Агафона Никитина", погибающаго подъ шашками злобныхъ текинцевъ, и „Геройская гибель ефрейтора Архипа Осипова", взрывающаго пороховой погребъ въ осажденномъ врагами укрѣпленiи Михайловскомъ, и „Подвигъ унтеръ-офицера Лубенскаго гусарскаго полка Остапа Бондаренки", спасающаго отъ турокъ, на крупѣ коня, своего офицера.

— Встать, смирно! — раздается команда...

Въ первый разъ приходится очутиться въ положенiи лектора, имѣющаго свою собственную аудиторiю. Впервые, безъ подготовки, прямо со школьной скамьи, безъ малѣйшаго опыта, я становлюсь руководителемъ группы людей, смышленыхъ, грамотныхъ, развитыхъ, съ большимъ запасомъ здраваго смысла, уже прошедшихъ притомъ первоначальную военную школу.

Это отвѣтственная задача. Здѣсь, прежде всего, нельзя растеряться. Здѣсь необходимо, съ первыхъ шаговъ, дать почувствовать свое превосходство, завоевать уваженiе, признанiе, авторитетъ.

Это требуетъ большой осмотрительности и осторожности. При отсутствіи опыта, легко попасть впросакъ и погубить свою репутацію. Опыта, хотя бы самаго незначительнаго, самаго ничтожнаго опыта, вотъ чего намъ, молодымъ офицерамъ, рѣшительно недостаетъ при поступленіи въ полкъ! Въ школѣ насъ обучаютъ многимъ премудростямъ, кромѣ одной — искусству обучать будущихъ подчиненныхъ.

Правда, наши начальники и командиры, первое время, обычно не возлагаютъ на насъ серьезныхъ обязанностей. На наши промахи и осѣчки смотрятъ сквозь пальцы, даютъ кое-какія общія указанія, предоставляя, главнымъ образомъ, самимъ присматриваться къ требуемой работѣ.

Уже въ теченіе мѣсяца я читаю командѣ теоретическій курсъ изъ области полевого устава, останавливаясь болѣе подробно на задачахъ кавалерійской развѣдки, разбирая пріемы, сноровки, иллюстрируя, для возбужденія интереса, примѣрами изъ различныхъ кампаній.

Дѣйствія партизанъ въ Отечественную войну, поиски пластуновъ подъ Севастополемъ, работа Сунженскихъ казаковъ на Кавказѣ, въ періодъ легендарной борьбы съ мятежными горцами, даютъ въ этомъ отношеніи вполнѣ достаточный матеріалъ...

А потомъ начинаются строевыя занятія — маршировка, гимнастика, стрѣльба дробинками, верховая ѣзда.

Я вспоминаю моихъ школьныхъ наставниковъ и дѣйствую предпочтительно личнымъ примѣромъ. Подобный пріемъ производитъ лучшее впечатлѣніе и приводитъ быстрѣе къ цѣли. Никакое объясненіе или разсказъ не замѣнитъ прямого дѣйствія, скажемъ, ловкаго прыжка черезъ „кобылу" или личной стрѣльбы изъ винтовки по небольшой круглой мишени, съ разстоянія въ двадцать шаговъ.

„Папаша" наблюдаетъ мои занятія.

Время отъ времени зайдетъ въ развѣдческій классъ, потопчется въ манежѣ, посмотритъ на волтижировку, на рубку и, молча, безъ малѣйшаго замѣчанія, удалится.

Я полагаю, у него нѣтъ основаній быть недовольнымъ. Развѣдчики четвертаго эскадрона, по моему мнѣнію, не уступаютъ другимъ.

Вотъ только во время ѣзды, иной разъ получается камуфлетъ. „Папаша" взволнуется, выйдетъ изъ обычнаго равновѣсія и давай крыть на всѣ корки мою команду. Въ заботахъ о сохраненіи „тѣлъ", командиръ эскадрона относится съ болѣзненной раздражительностью къ живымъ аллюрамъ, къ галопу, къ прыжкамъ черезъ препятствія.

— Черкесовъ, довольно! — замѣчаетъ „Папаша" своей слегка картавой манерой, точно лежитъ у него за щекой горсть орѣховъ или шматокъ гречневой каши.

— Останови смѣну!... Довольно!

Но я увлекаюсь и вступаю съ нимъ въ пререканія.

— Корнетъ Черкесовъ, потрудитесь не возражать! — багровѣя и переходя на офиціальный тонъ, кричитъ командиръ эскадрона, захлебываясь, чертыхаясь, разбрызгивая слюну.

— Смѣна, сто-о-ой!...

14.

Въ вестибюлѣ, на предзеркальникѣ, лежитъ груда офицерскихъ фуражекъ. Ярко сверкаетъ позлащенный солнечнымъ свѣтомъ паркетъ бѣлой залы, съ бѣлою мебелью, съ бѣлою лѣпкой карнизовъ, съ глядящимъ прямо въ упоръ ликомъ Царя-Основателя.

Въ столовой, какъ обычно, пылаетъ каминъ. Яркій пламень жадно облизываетъ и пожираетъ дрова, разсыпающіяся съ суховатымъ потрескиваньемъ. А передъ каминомъ, въ обычной позѣ, грѣя спину и задъ, стоятъ два пожилыхъ штабсъ-ротмистра, ближайшіе кандидаты на эскадронъ.

Князь Николай Николаевичъ Кольцовъ-Мосальскій, представитель стараго удѣльнаго рода, служитъ въ полку не менѣе пятнадцати лѣтъ. Это чрезвычайно корректный, нѣсколько замкнутый по натурѣ, деликатный, воспитанный человѣкъ. Не взирая на хорошія средства, князь ведетъ скромную жизнь и сравнительно рѣдко посѣщаетъ столицу. Онъ много читаетъ, изучаетъ въ подлинникахъ французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ классиковъ, обладаетъ въ литературномъ отношеніи солидною эрудиціей.

„Князенька" соблюдаетъ строгій режимъ, не предается излишествамъ, оберегаетъ себя отъ всякихъ соблазновъ.

Но, вотще!... Примѣрно разъ въ мѣсяцъ, его сіятельство заболѣваетъ „черною меланхоліей", укладывается въ постель и, въ теченіе трехъ сутокъ, не покидаетъ квартиры.

Владимиръ Владимировичъ Граве, зябкій, болѣзненный, съ ревматическими ногами, также въ теченіе долгаго времени дожидается назначенія. Періодически, нѣсколько разъ въ годъ, онъ то подаетъ рапортъ объ уходѣ въ отставку и господа офицеры уже готовятся чествовать его прощальнымъ обѣдомъ, съ поднесеніемъ соотвѣтствующаго подарка, то снова откладываетъ рѣшеніе, не будучи въ силахъ разстаться съ полкомъ.

А призводство въ полку тугое — никто не раззоряется, не подкашивается тяжкимъ недугомъ, не выбываетъ въ тиражъ, словомъ, не открываетъ вакансіи...

За длиннымъ обѣденнымъ столомъ сидитъ хозяинъ собранія, плотный кавказецъ, съ мясистымъ, какъ помидоръ, налитымъ доброю кахетинскою брагой, рдѣющимъ носомъ и выросшей за ночь жесткой щетиной на щекахъ.

Обязанности его сложны и многообразны.

Онъ заказываетъ меню, выбираетъ марку вина, приводитъ въ поря-

докъ столовое серебро, посуду, стекло, покупаетъ портьеры, занавѣси, ковры и всячески украшаетъ собраніе, слѣдитъ за качествомъ и дешевизной продуктовъ, за стиркой бѣлья, за поведеніемъ поваровъ и прислуги.

Всѣ интересы его наполнены офицерскимъ собраніемъ. Онъ живетъ только имъ, вкладываетъ въ него свою душу, пѣстуетъ и лелѣетъ, точно собственнаго, рожденнаго имъ ребенка, нуждающагося въ нѣжной материнской заботѣ и ласкѣ.

И въ этомъ отношеніи трудно представить себѣ лицо болѣе подходящее, нежели штабсъ-ротмистръ Константинъ Николаевичъ Акимовъ.

Хозяинъ собранія является обычно мишенью дружескихъ шутокъ. Онъ считаетъ себя знатокомъ въ области моды и свѣтскаго этикета, что надѣть, какъ подать, чѣмъ занять вниманіе гостей.

— Нэ магу, господа! — объясняетъ онъ что-то окружившей его группѣ молодыхъ поручиковъ и корнетовъ. — Честное слово, пароль д'оннеръ, нэ имэю возможности! — протестуетъ „Кискентинъ Николаевичъ", снабжая французскія слова невѣроятнымъ тифлисскимъ акцентомъ.

Офицеры подтруниваютъ, вызываютъ на новыя объясненія. Штабсъ-ротмистръ горячо споритъ, жестикулируетъ, сверкаетъ персидскою бирюзой на мизинцѣ.

Тогда офицеры, точно по уговору, подымаются одновременно съ мѣстъ и хоромъ поютъ:

„Акишка, старый баклажанъ,
Баклажанъ,
Баклажанъ!"

———

— Щелкъ-щелкъ! — трещатъ въ бильярдной костяные шары.

Это полковой адъютантъ, поручикъ Михаилъ Михайловичъ Лазаревъ со своимъ обычнымъ партнеромъ, Васенькой Вишняковымъ, упражняется въ „пирамиду".

Адъютантъ считается чемпіономъ бильярдной игры.

Господа офицеры любятъ наблюдать его манеру, искусство, безукоризненные дуплеты, въ особенности, когда будучи въ настроеніи, адъютантъ показываетъ свой подлинный стиль и нѣсколькими ударами, какъ говорится, „съ кія", заканчиваетъ бильярдную партію.

Трещатъ шары, мягко отскакиваютъ отъ упругихъ бортовъ, разлетаются подъ ловкимъ ударомъ по лузамъ.

— Здравствуй, Черкесовъ! — не оборачиваясь, кивнувъ головой, говоритъ адъютантъ.

Разставивъ ноги и выпятивъ широкій, нѣсколько женскій, объемистый задъ, Михаилъ Михайловичъ нацѣливается кіемъ. Серебряный аксельбантъ, звеня, чиркаетъ по краю бильярда. Красивое лицо адъютан-

та, блѣдное, черноусое, съ крупными, пріоткрывающимися подъ улыбкой зубами, наливается краской.

— Щелкъ!

И прокативъ шаръ, по діагонали, черезъ весь столъ, загоняетъ его съ трескомъ въ крайнюю лузу.

— Браво, Михаилъ Михайловичъ! — слышатся голоса.

— Браво, полковой адъютантъ!...

А вокругъ стѣнъ, наблюдая игру, сидитъ на высокихъ диванчикахъ обычная публика.

Здѣсь полковой балагуръ, красивый поручикъ Араповъ, по прозвищу „Джипсъ", мастеръ покушать, заказать тонкій ужинъ, а при случаѣ и самому приготовить, не хуже настоящаго повара.

Здѣсь поручикъ Пржевальскій, племянникъ извѣстнаго путешественника, изслѣдователя Азіи, офицеръ шефскаго эскадрона, состоятельный помѣщикъ изъ подъ Чернигова, симпатичный хохолъ, совмѣщающій съ напускною серьезностью безконечно мягкую, уступчивую, романтическую натуру.

Здѣсь, разумѣется, и поручикъ Гулькевичъ, лихой собутыльникъ, картежникъ, неунывающій философъ, по кличкѣ „Сенека".

На другихъ диванахъ, въ различныхъ позахъ, сидятъ и полулежатъ прочіе офицеры — мой ближайшій другъ, бѣленькій Анатоль Сахаровъ, черный, какъ жукъ, князь Георгій Бебутовъ, совсѣмъ юный корнетъ, побочный сынъ одного изъ великихъ князей — скромный, застѣнчивый юноша Артемій Николаевичъ Искандеръ.

Тутъ же поручикъ Крыловъ, два брата Талюша и Палюша Мордвиновы, два брата бароны Розенберги, по кличкѣ „Черный" и „Рыжій Пудель", исключительные артисты по части устройства маленькихъ холостыхъ развлеченій.

Одни офицеры слѣдятъ за бильярдной игрой, острятъ, вставляютъ свои замѣчанія:

— Вася, держу трешницу, не подкачай!

— Ставлю десятку на адъютанта!

— Вася, покажи классъ!

Другіе курятъ, прихлебываютъ чай или кофе, просматриваютъ утреннія газеты.

Вокругъ бильярда, въ роли маркера, бѣгаетъ Пашка.

А въ окна глядитъ наполовину обезлистѣвшій садъ, съ осыпавшимися куртинами, съ обезображенными дыханіемъ осени цвѣточными грядками. За дворцовой дорогой, кружевнымъ силуэтомъ, сквозятъ такіе же оголенные тополя царскаго парка.

Главный подъѣздъ дворца укрытъ отъ взоровъ желтымъ массивомъ казармы. Но боковой фасъ стоитъ передъ глазами...

15.

Гатчинскій „замокъ", какъ уже было отмѣчено, состоитъ изъ главнаго трехъэтажнаго корпуса, съ обширнымъ внутреннимъ плацпарадомъ, и двухъ симметричныхъ, въ два яруса, закругленныхъ крыльевъ, носящихъ названіе Арсенальнаго и Кухоннаго карэ.

Великій мастеръ, архитекторъ Антоніо Ринальди, при постройкѣ дворца задался, видимо, цѣлью воспроизвести классическій ренессансъ. По этой причинѣ, фасады носятъ нѣсколько монотонный характеръ. Не взирая на великолѣпный матеріалъ — пудожскій известнякъ, архитектурныя линіи до того мало рельефны, что едва выдѣляются на общемъ фонѣ рисунка. Можно, пожалуй, даже упрекнуть зодчаго за эту строгую упрощенность.

Фасадъ гатчинскаго дворца, совершенно въ духѣ воспроизводимаго стиля, раздѣленъ горизонтальными тягами — нижній этажъ изъ дорическихъ, а средній изъ іоническихъ пилястровъ. Третій этажъ, такъ называемаго коринфскаго ордера, въ интересахъ той же строгости и простоты, лишенъ всякихъ капителей.

Значительныя перестройки дворца не измѣнили общаго вида зданія, пришедшагося столь по душѣ наслѣднику Екатерины Великой.

Но если внѣшній видъ „замка", съ его рвами и пушками, выглядывающими изъ амбразуръ парапета, былъ весьма гармоничнымъ фономъ для военнаго экзерцирмейстерства и ежедневныхъ парадовъ старыхъ гатчинскихъ войскъ, являясь до сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ, совсѣмъ иное нужно сказать про внутреннюю отдѣлку дворца...

„Бѣлый Залъ", расположенный въ центрѣ главнаго корпуса, выходитъ окнами на открытую террасу. Великолѣпно инкрустированныя двери, украшенныя чудовищными омарами, даютъ поводъ предполагать, что этотъ залъ предназначался Орловымъ въ качествѣ столовой для парадныхъ пировъ. Живописный плафонъ, необычайнаго размаха паркетъ, гирлянды надъ прелестными овалами въ стѣнахъ, дополняютъ убранство величественнаго покоя.

А рядомъ находится „Тронный Залъ" императрицы, съ нѣжною лѣпкой, съ красивымъ каминомъ бѣлаго мрамора, съ бѣлыми барельефами на порфировомъ фонѣ.

Дальше слѣдуетъ, такъ называемая, „Греческая Галлерея", колонная зала, иначе „Мраморная Столовая", и „Тронный Залъ" императора, съ превосходнымъ ансамблемъ.

Гостиная императрицы производитъ впечатлѣніе необыкновенной красоты и изящества, съ прелестными клавикордами краснаго дерева, украшеннаго бронзой, въ томъ изумительномъ стилѣ, который умѣетъ быть скромнымъ, не взирая на богатство деталей. Рядомъ находится будуаръ и

опочивальня, съ рѣзною кроватью подъ балдахиномъ, напоминающая спальню Короля-Солнца въ Версалѣ.

Можно еще отмѣтить любезную императору Павлу Петровичу знаменитую „Чесменскую Галлерею“, созданную художникомъ Бренна, украшенную картинами, позолоченными трофеями, римскими военными атрибутами.

Весьма характерна „Оружейная Комната“, въ которой размѣщены образцовыя пѣхотныя и кавалерійскія принадлежности, старинныя ружья, пистолеты, мушкеты и штуцера, испанскіе, французскіе, нѣмецкіе, итальянскіе, шведскіе, турецкіе, русскіе. Искусно развѣшанные по стѣнамъ, они образуютъ различные рисунки и, между прочимъ, вензелевое изображеніе имени Павла I.

Въ Кухонномъ карэ помѣщаются службы для коменданта, дворцовыхъ кухонь, многочисленной челяди, конюховъ, кучеровъ и прислуги. Въ Арсенальномъ карэ устроены помѣщенія для театра, манежа и библіотеки.

Нижній этажъ главнаго зданія занимаютъ бывшія комнаты Павла Петровича.

Здѣсь чувствуется иной духъ.

Если въ апартаментахъ императрицы все какъ бы разсчитано на блескъ, роскошь, великолѣпіе, въ нижнемъ этажѣ отдѣлка проста, пожалуй, даже сурова.

Это понятно, если принять во вниманіе, что нижнія комнаты гатчинскаго дворца отдѣлывались Павломъ Петровичемъ еще въ бытность его цесаревичемъ, для скромной гатчинской жизни, при сравнительно скромномъ бюджетѣ. Но ставъ императоромъ, Павелъ не пожалѣлъ средствъ для украшенія парадныхъ покоевъ императрицы.

Если выйти изъ дворца въ садъ и оглянуться на величественную сѣрую массу, невольно бросается въ глаза исключительное благородство фасада. Дворцовыя башни и сѣрый тонъ камня придаютъ „замку“, въ нѣкоторомъ родѣ, англійскій характеръ. Широкая лѣстница спускается къ зеленому лугу, на которомъ едва замѣтны люкарны подземного хода, прорытаго къ самому озеру.

Какъ со стороны плацпарада, такъ и этотъ фасадъ украшенъ всего лишь двумя мраморными статуями — Марсомъ и богинею Мира, попирающей ногой боевые доспѣхи. На среднемъ портикѣ, поддерживающемъ балконъ, прикрѣплена мраморная доска съ надписью:

„ЗАЛОЖЕНЪ 1766 ГОДА МАІА 30, ОКОНЧЕНЪ 1781 ГОДА“.

Гатчинскій дворецъ, какъ извѣстно, былъ впослѣдствіе избранъ императоромъ Александромъ III, въ качествѣ постояннаго мѣстожительства.

Императоръ рѣдко покидалъ Гатчину. Это была его любимая резиденція. И старый гатчинскій „замокъ" былъ его любимымъ дворцомъ.

По субботамъ, вечерняя зоря въ караулѣ исполнялась обычно всѣмъ хоромъ полковыхъ трубачей. Вслѣдъ за тѣмъ, трубачи исполняли мелодичный музыкальный кусокъ, извѣстный подъ названіемъ „Датской зори".

И караульнный офицеръ наблюдалъ, какъ неизмѣнно открывалось настежь окно, въ одномъ изъ покоевъ средняго этажа, и въ немъ появлялась грузная, величественная фигура Царя и маленькая фигурка его Августѣйшей Супруги, выслушивавшихъ съ видимымъ удовольствіемъ зорю и музыкальный отрывокъ...

16.

ВНУТРЕННЕЕ убранство гатчинскаго дворца представляетъ интересъ не только въ историческомъ отношеніи.

Богатство его поразительно. Тонкій артистическій вкусъ разлитъ въ роскошныхъ покояхъ и на предметахъ его наполняющихъ. Точно рогъ изобилія, до краевъ наполненный художественными сокровищами, опрокинулся надъ дворцомъ и разсыпалъ чудеса кисти, рѣзца и орудій прикладного искусства.

„Что касается мебели, мнѣ ее досталось немного. Та малость, которая существовала, не дошла до меня, благодаря князю Меньшикову и моимъ тетушкамъ, которыя ее подѣлили между собой. Моя меблировка была до того незначительна, что при моемъ обрученіи, для освѣщенія бальной залы, не придумали иного средства, какъ разставить вдоль стѣнъ гренадеровъ съ факелами въ рукахъ".

Такъ жаловался когда-то молодой императоръ Петръ II на вопросъ Анны Іоанновны, великой герцогини Курляндской.

Императрица Екатерина II, въ свою очередь, передаетъ въ мемуарахъ:

„При Дворѣ былъ такой недостатокъ въ мебеляхъ, что тѣ же зеркала, кровати, стулья, комоды, которые намъ служили въ Зимнемъ дворцѣ, перевозились за нами въ Лѣтній дворецъ, а оттуда въ Петергофъ и даже слѣдовали за нами въ Москву. Билось и ломалось при переѣздахъ немалое количество этихъ вещей и въ такомъ поломанномъ видѣ намъ ихъ давали".

Съ такимъ положеніемъ мирилась, видимо, великолѣпная, но безпорядочная императрица Елисавета Петровна. При всей безудержной роскоши быта и блеска пышныхъ палатъ, ея Царскосельскій дворецъ, напримѣръ, раззолоченный даже снаружи, имѣлъ необычайно скромную обстановку.

Когда же Гатчину строилъ екатерининскій фаворитъ, а затѣмъ перестраивалъ по личному вкусу цесаревичъ Павелъ Петровичъ, укладъ придворной жизни былъ основанъ уже на новыхъ требованіяхъ, на новыхъ привычкахъ.

Цесаревичъ украшалъ свой дворецъ, приспосабливая его для семейной жизни, вдобавокъ, при содѣйствіи художественно-развитой, обладавшей утонченнымъ вкусомъ супруги, великой княгини Маріи Феодоровны, съ которой, незадолго передъ тѣмъ, посѣтилъ цѣлый рядъ наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ Дворовъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что заботы великокняжеской четы увѣнчались полнымъ успѣхомъ...

Вотъ какъ описываетъ внутреннее убранство дворца одинъ изъ современниковъ, баронъ Балтазаръ Кампенгаузенъ:

„Настоящимъ своимъ устройствомъ и отдѣлкой дворецъ почти всецѣло обязанъ своимъ высокимъ владѣльцамъ. Уже при одномъ бѣгломъ осмотрѣ нельзя не залюбоваться большимъ „Бѣлымъ Заломъ", украшеннымъ однимъ изъ рѣдчайшихъ собраній мраморныхъ и базальтовыхъ бюстовъ, барельефовъ, плафоновъ знаменитѣйшихъ мастеровъ. Нельзя не залюбоваться „Мраморнымъ Заломъ" съ итальянскою колонадою, „Концертнымъ Заломъ", съ арабесками и картинами въ рафаэлевскомъ духѣ. Картина, найденная въ Геркуланумѣ, написанная на кускѣ стѣны, принадлежитъ къ замѣчательнымъ рѣдкостямъ".

Авторъ мемуаровъ сообщаетъ далѣе:

„Съ удвоеннымъ любопытствомъ входишь во внутренніе покои хозяевъ. Благородная, исполненная вкуса простота, составляетъ главную прелесть сей обстановки. Потребовалось бы особое сочиненіе, чтобы описать всѣ произведенія искусства, которыя здѣсь наблюдаешь, куда ни обратишь взоръ. Видишь самыя разнообразныя картины исторической живописи извѣстнѣйшихъ мастеровъ, а произведеніе, изображающее „Похищеніе сабинянокъ", принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ. Видишь нѣсколько волшебныхъ видовъ Шантильи, которые возобновляютъ въ высокомъ владѣльцѣ сихъ изображеній воспоминаніе объ испытанныхъ тамъ наслажденіяхъ".

И наконецъ:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ усматриваешь также бюстъ Генриха IV. Не нужно быть Лафатеромъ, чтобы въ выдающихся чертахъ лица прочесть благородную и мужественную душу сего государя. И сколь много пріятныхъ мыслей ласкаютъ при семъ зрѣлищѣ душу того, кому не безызвѣстно, что не случай привелъ въ эти внутренніе покои изображеніе короля Генриха IV, а что великодушный монархъ россійскій воздаетъ особливое почитаніе высокимъ добродѣтелямъ сего государя, кои онъ искони особенно охотно любилъ вспоминать. Комнаты же верхняго этажа украшены многими прекрасными картинами знаменитаго звѣрописца Шнейдера и повсюду господствуетъ величайшая чистота..."

Въ самомъ дѣлѣ, изумительное, неисчерпанное, притомъ мало изслѣдованное богатство хранитъ въ своихъ нѣдрахъ гатчинскій „замокъ“.

Прогулка по обширнымъ анфиладамъ дворца представляетъ подлинную смѣну художественныхъ и эстетическихъ наслажденій. Картины и бронза, изящныя издѣлія мейссенскаго и копенгагенскаго фарфора, стильная, богато инкрустированная мебель, восточные ковры и французскіе гобелены — ласкаютъ глазъ и поражаютъ воображеніе цѣнителя красоты.

Вотъ напримѣръ „Греческая Галлерея“, свѣтлая и нарядная, декорированная Роберомъ... Вотъ, Варшава восемнадцатаго столѣтія, архитектурная и бытовая, остро схваченная кистью Беллотто... Далѣе, „Тронная Галлерея“, сплошь залитая картинами...

А сколько сюрпризовъ таится въ комнатахъ не только парадныхъ, а въ помѣщеніяхъ свиты, даже въ покояхъ скромныхъ служащихъ!

Вотъ, такая исключительная жемчужина, какъ „Святое Семейство“ Ватто... На другихъ стѣнахъ — замѣчательные Веронезы, Бассано, Сантерръ, Виже-Лебренъ, волшебныя миніатюры Изабе, Левицкій, Боровиковскій и многое, столь же прекрасное, достойное почетнаго мѣста въ самой изысканной галлереѣ.

Обращаетъ вниманіе „Охота на оленя“, знаменитаго Лепана, лучшаго ученика Казановы, аристократическіе Ванъ-Дейковскіе портреты англійской знати, огненные эскизы Рубенса, чудесные холсты Сальватора Розы, Дюкро, Тремольера, скульптура Гудона.

Изъ батальной живописи прекрасенъ большой конный портретъ императора Петра I, работы Жувенэ, огромный холстъ, изображающій графа Григорія Григорьевича Орлова, въ тогѣ римлянина и, подобный ему, портретъ его брата, графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, въ одѣяніи сарацина, работы Эриксона.

Очень хорошъ конный портретъ цесаревича Павла Петровича на любимой бѣлой кобылѣ „Фринонъ“, и его же портретъ, въ мальтійскомъ нарядѣ, съ вѣнцомъ гроссмейстера на головѣ, работы художника Тончи.

Въ залахъ, въ апартаментахъ, въ коридорахъ, даже на лѣстницахъ, висятъ сотни изображеній.

Тутъ атласныя платья, бархатные камзолы, пышныя роброны, мантіи, балдахины, ленты, кружева, алмазы, цвѣты!... Короли и принцессы, пудреные вельможи и прекрасныя дамы, фельдмаршалы и нарядныя дѣти!... Все это смотритъ сотнями глазъ, улыбается, театрально жестикулируетъ, жеманно позируетъ, горделиво выставляетъ на показъ короны, яхонты, звѣзды! . .

17.

Что касается дворцоваго парка, его распланировки, грандіозныхъ работъ по расчисткѣ лѣсовъ, устройства аллей и посадкѣ деревьевъ, онѣ были задуманы и частью исполнены еще при графѣ Орловѣ.

Дворцовый паркъ состоитъ изъ цѣлаго ряда садовъ, такъ называе-

мыхъ — регулярнаго, голландскаго, англійскаго, ботаническаго, фруктоваго и Звѣринца.

Извилистая Ижора образуетъ здѣсь множество заливовъ и островковъ, чѣмъ удачно воспользовались создатели парка, чтобы перекинуть живописные мостики, построить пристани, павильоны, бесѣдки.

Регулярный или „собственный" садикъ, раскинувшійся у самыхъ стѣнъ дворца, подъ окнами личныхъ покоевъ цесаревича Павла Петровича, состоитъ изъ ряда стриженыхъ аллей и трельяжей. Деревянная „палатка" въ турецкомъ стилѣ, вокругъ которой расположены качели, кегли и прочія игры, служитъ въ качествѣ лѣтней столовой. Садикъ украшенъ мраморными статуями и такими же вазами. Центральная фигура Венеры окружена чудесными гермами, ярко сверкающими на фонѣ вѣковыхъ тополей.

За „собственнымъ" садикомъ разбитъ „голландскій" садъ, съ каменными лѣстницами, балконами, облицованнымъ гранитомъ источникомъ. Кстати, можно отмѣтить полное отсутствіе фонтановъ. Естественное паденіе водъ не позволяетъ использовать ихъ съ этою цѣлью.

Обширный же паркъ передъ дворцомъ, со всѣми озерами и островками, носитъ названіе „англійскаго" сада. На извѣстномъ своей глубиной и кристалльной прозрачностью, на такъ называемомъ „Серебряномъ" озерѣ, выстроена терраса и пристань изъ пудожскаго камня, съ двумя лѣсенками, спускающимися къ самой водѣ. Балюстрада украшена мраморными статуями, а у ступеней стоятъ два каменныхъ льва.

Эта терраса и пристань являются однимъ изъ лучшихъ украшеній дворцоваго парка:

„Съ природою искусство сочетавъ,
Прекрасны вы, задумчивые парки,
Коверъ густыхъ, хранимыхъ нѣжно травъ,
И зыбкія аллей прохладныхъ арки,
Гдѣ слаще міръ мечтательныхъ забавъ,
Гдѣ тѣнь мягка и гдѣ лучи не ярки,
Гдѣ вѣетъ все давно забытымъ сномъ,
И шепчутся деревья о быломъ..."

Налѣво отъ пристани, на необольшомъ островкѣ, именуемомъ „Островомъ любви", отражаясь въ зеленоватыхъ глубинахъ, стоитъ „Павильонъ Венеры", какъ бы цѣликомъ перенесенный изъ французскаго королевскаго парка.

Тутъ же неподалеку, за высокими сиреневыми кустами, прячется стройный классическій порталъ съ іоническими колоннами, сложенный изъ той же пудожской плиты.

За порталомъ высится штабель березовыхъ дровъ. Это, такъ называемый „Березовый Домикъ", одна изъ любимѣйшихъ затѣй садовой архитектуры прошлаго вѣка. Искусно скрытая дверь ведетъ въ оригинальную

комнатку, съ зеркальными стѣнами, съ альковомъ и прелестнымъ плафономъ. Этимъ курьезнымъ сооруженіемъ великая княгиня Марія Феодоровна якобы пожелала, въ свое время, сдѣлать пріятный сюрпризъ своему меланхолически настроенному супругу.

Въ одномъ углу стоитъ обелискъ, воздвигнутый въ честь чесменскаго героя, графа Алексѣя Орлова. Въ другомъ углу подымается круглый храмъ съ колоннадой, увѣнчанный обвитымъ гирляндой орломъ, несущимъ императорскую корону и щитъ съ вензелемъ Павла I.

Этотъ павильонъ, по имени „Тампль", построенъ на томъ мѣстѣ, съ котораго императоръ якобы собственноручно убилъ орла.

Англійскій садъ, частью каменной стѣной, частью деревяннымъ заборомъ, отдѣляется отъ Звѣринца. Часть парка, отведенная для оленьей охоты, называется Сильвіей. Здѣсь было посажено Павломъ Петровичемъ свыше пятидесяти тысячъ деревьевъ, построены скотный и птичій дворы, разведены павлины, фазаны, лебеди, рѣдкія куры, привезена рыба для прудовъ и озеръ.

Не упоминая о Звѣринцѣ и Пріоратѣ, дворцовые сады занимаютъ столь огромную площадь, что даже обыкновенная прогулка требуетъ нѣсколькихъ часовъ времени.

Особенно красивы сады въ весеннюю пору, когда невиданное количество цвѣтущей сирени отражается сочными лиловыми и бѣлыми пятнами въ прозрачныхъ водахъ озеръ:

„А дальше рядъ душистыхъ цвѣтниковъ,
Подстриженныхъ акацій загородки,
И мостики надъ зеркаломъ прудовъ,
А на прудахъ и лебеди и лодки.
И въ сумракѣ задумчивыхъ кустовъ
Печальный ликъ склонившейся красотки —
Она груститъ надъ звонкою струей,
Разбивъ кувшинъ, кувшинъ завѣтный свой.
Она груститъ безмолвно много лѣтъ,
Изъ черепка звенитъ родникъ смиренный,
И скорбь ея воспѣлъ давно поэтъ,
И скрылся онъ, нашъ геній вдохновенный,
Другимъ пѣвцамъ оставивъ бренный слѣдъ.
А изъ кувшина струйка влаги пѣнной,
Попрежнему бѣжитъ, не торопясь,
Храня съ былымъ таинственную связь."

Гатчина изумительна, вообще, своими противорѣчіями.

Когда она принадлежала блестящему фавориту императрицы, здѣсь возводилась суровая, строгая, однообразная архитектура.

Когд же она перешла въ собственность цесаревича, связавшаго свою жизнь формальностями и военною дисциплиной, навязавшаго чуждый прусскій духъ, понастроившаго повсюду казармы, гауптвахты, шлагбаумы, тогда именно дворцовыя постройки стали поражать своими великолѣпными профилями, изящной отдѣлкой, тонкимъ артистическимъ вкусомъ.

И какъ самъ императоръ Павелъ Петровичъ представляется, въ зависимости отъ разныхъ сторонъ характера, то жестокимъ, то мягкимъ, то сурово-замкнутымъ, то дружески-оживленнымъ, такъ напоминаетъ его и Гатчина, то скучная и монотонная, то чарующая своей удивительной красотой:

„И снится мнѣ, что ожилъ старый садъ,
Помолодѣли статуи въ немъ даже,
У входовъ стройно вытянулись въ рядъ
Затѣйливыхъ фасоновъ экипажи.
Въ аллеяхъ томныхъ вкрадчиво шумятъ,
Мелькаютъ фижмы, локоны, плюмажи,
И каламбуръ французскій заключенъ
Въ медлительный и вѣжливый поклонъ...“

18.

ОСЕНЬ развернула свое покрывало. Тяжелымъ сукномъ виситъ сѣрое мутное небо. На оголенныхъ липахъ и кленахъ сиротливо колышутся одинокіе листья.

День проходитъ за днемъ, быстро, четко, можетъ быть, нѣсколько однообразно, по установленному порядку, съ точностью хорошо вывѣренной машины.

Служба, дежурство, полковыя бесѣды за общимъ завтракомъ, за обѣдомъ и ужиномъ. Старшіе офицеры обсуждаютъ высочайшія назначенія, гадаютъ о производствѣ и выдвиженіи очередныхъ кандидатовъ, съ озабоченнымъ видомъ разбираютъ послѣднія требованія генерала-инспектора.

Молодежь толкуетъ о скачкахъ и стоверстномъ пробѣгѣ, дѣлится впечатлѣніями по поводу балетной премьеры, французской комедіи, постановки чеховской „Чайки“, горячо споритъ на злободневную тему:

— Будетъ война!

— Не будетъ войны!

— Обязательно будетъ война!

Спорный вопросъ разрѣшаетъ Талюша Мордвиновъ, полковой „академикъ“, съ ученымъ значкомъ на груди. Бѣлая двуглавая птица, украшенная царской короной, авторитетно склоняетъ чашу вѣсовъ.

— Войны не будетъ! — заявляетъ Талюша, протирая платкомъ стекла пенснэ. — Буры!..Что такое буры?... Ничтожество!... Какіе-то голланд-

скіе мужики?... Англичане раздавятъ ихъ, какъ клоповъ!.... Ясно, какъ кофе!

Талюша на минуту задумывается и что-то соображаетъ:

— А кромѣ того, для войны нужны деньги, деньги, еще разъ деньги!... Такъ сказалъ великій Наполеонъ!... Ясно, войны не будетъ!

Талюша Мордвиновъ женатъ на хорошенькой англичанкѣ. Его симпатіи, по этой причинѣ, на сторонѣ гордыхъ островитянъ...

Вечеромъ — бильярдъ, или шахматы, или карточная игра, въ винтъ, въ преферансъ, въ тетку, по гривеннику очко.

Время отъ времени, скромный ужинъ въ семейномъ домѣ, — у полковника Эспера Александровича, у того же Талюши, у адъютанта, барона Корфа или поручика Вульферта.

Одинъ разъ въ недѣлю — холостая пирушка на частной квартирѣ, съ молодыми гатчинскими красотками, съ виномъ, съ кирасирскою жженкой.

А иногда, по неизвѣстной причинѣ, разойдется молодежь въ офицерскомъ собраніи, и давай лить шампанское, слушать пѣсенниковъ, балалаечниковъ, полковыхъ трубачей...

Въ субботу, по окончаніи офицерской ѣзды, въ тотъ день, когда занятія кончаются раньше обыкновеннаго, когда люди съ утра приступаютъ къ уборкѣ всѣхъ помѣщеній и полковая слободка какъ бы принаряжается къ празднику, наблюдается особое оживленіе.

Послѣ завтрака, часть офицеровъ переодѣвается тутъ же, при помощи денщиковъ, въ новенькіе мундиры, надѣваетъ чистенькія фуражки, сѣрые драповые плащи демисезоннаго образца.

Вереница пролетокъ съ возницами изъ жителей окрестныхъ селъ, Пижмы, Суйды, Пудости, Старыхъ Скворицъ, во главѣ съ бородатымъ старикомъ Аверьяномъ, родоначальникомъ всѣхъ гатчинскихъ кучеровъ, уже стоитъ у подъѣзда.

Господа офицеры разсаживаются по экипажамъ, длиннымъ поѣздомъ, обогнувъ полковыя казармы, сворачиваютъ по дворцовой дорогѣ, мимо иглы „Коннетабля", и скрываются въ паркѣ.

Высоко къ небу вздымаются обезлиствѣвшіе клены, вязы, дубы. Мохнатыя ели обступаютъ со всѣхъ сторонъ. Надъ охотничьимъ домикомъ вьется синеватый дымокъ. Долбитъ дятелъ, прыгаютъ красногрудые снигири. Съ голой осины, тяжело взмахнувъ крыльями, снимается потревоженная ворона.

„Черный" прудъ, точно стальное зеркало, лежитъ въ неподвижномъ холодномъ покоѣ.

Съ нимъ связано драматическое событіе.

Когда-то, лѣтъ тридцать тому назадъ, какіе-то солдаты встрѣтили здѣсь, лѣтней порой, молодую красавицу, дочь командира полка, накину-

лись на нее и овладѣли. Негодяи понесли жестокое наказаніе. Бѣдная дѣвушка, со стыда, утопилась.

Выѣхавъ изъ пріоратскаго парка, пролетки дѣлаютъ еще одинъ поворотъ и, черезъ минуту, останавливаются передъ варшавскимъ вокзаломъ.

Желѣзнодорожныя линіи, какъ извѣстно, примыкаютъ къ городу съ обѣихъ сторонъ. Но движеніе по балтійской дорогѣ связано съ неудобствами. И не взирая на то, что дорога примыкаетъ почти вплотную къ казармамъ, господа офицеры предпочитаютъ варшавскій вокзалъ.

Движеніе по этой дорогѣ происходитъ быстрѣе и регулярнѣе...

Служба въ полку исключаетъ возможность частаго посѣщенія столицы. Занятія происходятъ въ теченіе круглаго дня, отъ разсвѣта до наступленія сумерокъ. Съ прибытіемъ молодыхъ солдатъ, работа станетъ еще болѣе напряженной. А съ пріѣздомъ Императрицы, начнется служба дворцоваго караула.

При всемъ томъ, среди офицеровъ имѣется нѣсколько ловкачей, пользующихся въ самой широкой степени поѣздками въ городъ. Мы называемъ ихъ „Controleur'ами des wagons lits". Изъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ году, половину они проводятъ буквально на рельсахъ.

Разумѣется, всегда есть возможность, при желаніи или необходимости, съ разрѣшенія эскадроннаго командира, посѣтить столицу въ любой день недѣли.

Суббота же и воскресенье, если только не выпадаетъ служебный нарядъ, находятся въ нашемъ полномъ распоряженіи.

Эти дни я провожу, по обыкновенію, въ городѣ.

Я посѣщаю старыхъ друзей, отдаю дань столичнымъ забавамъ и развлеченіямъ. Кругъ моихъ знакомствъ сталъ значительно шире. Я насчитываю сейчасъ не менѣе полутора десятка домовъ, принадлежащихъ къ высшему петербургскому обществу.

Время отъ времени откликаюсь на приглашеніе барона Фреда. Суббота остается попрежнему его пріемнымъ днемъ. Другими словами, въ этотъ день у него обычный карточный вечеръ.

И компанія осталась все та же, безъ измѣненія, старая, знакомая мнѣ еще съ юнкерскихъ лѣтъ.

Перемѣна коснулась лишь внѣшняго облика.

Такъ, Вонлярлярскій смѣнилъ треуголку и мундиръ лицеиста на столь же изящно сшитую пиджачную пару. Молодой пажъ Веригинъ превратился въ щеголеватаго корнета петергофскихъ уланъ. Бывшій гардемаринъ Пилкинъ 12 нацѣпилъ на погонахъ звѣздочку мичмана.

Остается еще молодой человѣкъ безъ опредѣленной профессіи, послѣдній представитель славнаго рода, князь Олегъ Ивановичъ Шелешпанскій.

Мы встрѣчаемся, какъ старые, испытанные друзья въ теченіе ужина

и, какъ достойные, уважающіе другъ друга противники, во время схватки на зеленомъ полѣ...

Есть особое наслажденіе сидѣть на мягкихъ подушкахъ вагона, глядѣть черезъ зеркальныя стекла на пробѣгающій мимо ландшафтъ, коротать время въ легкой бесѣдѣ или, полузакрывъ глаза, дремать подъ баюкающее укачиванье рессоръ.

— Трахъ—тахъ—тахъ, трахъ—тахъ—тахъ! — ритмично выстукиваютъ колеса. Поѣздъ несется безъ остановки, быстро и плавно, чуть погромыхивая на стыкахъ. Мелькаютъ разрѣженные лѣса, вересковыя опушки, сѣрыя пашни, зеленыя пожни, переѣзды, будки, столбы, чухонскія мызы.

Съ юныхъ лѣтъ питаю склонность къ желѣзнодорожнымъ передвиженіямъ, къ смѣнѣ путевыхъ впечатлѣній, къ таинственнымъ зовамъ великихъ россійскихъ пространствъ.

Муза дальнихъ странствій влечетъ съ непреоборимою силой!

По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, мѣстность все болѣе понижается и поѣздъ, какъ бы опускается въ яму, повитую пеленою тумана. Уже чувствуется дыханіе гигантскаго города, съ его каменною отравой, со смраднымъ ядомъ его испареній.

Нѣтъ, это не гатчинскіе просторы, не цѣлебный гатчинскій воздухъ, напоенный соками парковъ и кристалльныхъ озеръ!

Мелькаютъ фабричныя зданія, склады, кладбища, огороды, подъѣздные пути. Подпрыгивая на стрѣлкахъ, поѣздъ умѣряетъ свой бѣгъ и останавливается подъ темнымъ сводомъ вокзала.

Моросить дождь.

Тускло горятъ фонари, кидая зеленоватый отсвѣтъ на скользкіе булыжники мостовой, на мокрыя плиты панели. Городскіе шумы, рѣзкіе, напряженные, врываются со всѣхъ сторонъ. Грохочатъ трамваи, ревутъ заводскія трубы, тяжело цокаютъ подковы ломовиковъ.

По всѣмъ направленіямъ снуетъ безпокойная толпа столичной окраины. Поднявъ воротники, укрываясь мокрыми зонтами, бѣгутъ пѣшеходы. Выростаетъ фигура городового, въ черной накидкѣ, по которой стекаютъ крупныя холодныя капли.

Длинный рядъ дрожекъ, съ поднятымъ верхомъ, протянулся вдоль тротуара, и дымится тяжелый паръ отъ мокрыхъ, блестящихъ, взъерошенныхъ круповъ и спинъ...

19.

ТЕТУШКА Марія Васильевна вернулась съ Минеральныхъ Водъ на прошлой недѣлѣ.

Я не видѣлся съ нею уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, со времени пребыванія моего въ красносельскомъ лагерѣ, передъ выпускомъ въ офицеры.

И трясясь на дрожкахъ по Измайловскому проспекту, я живо рисовалъ себѣ предстоящую встрѣчу, радость милой старухи, родственныя объятья.

Въ хлипкомъ туманѣ промелькнулъ Крюковъ каналъ, храмъ Благовѣщенья и Конногвардейскій бульваръ, съ вывѣскою аптеки, съ кренделемъ булочной, съ длинной шеренгой деревьевъ, уходящихъ въ мутную мглу.

Николаевскій мостъ открылъ широкую панораму рѣки, опоясанной блѣдными мерцающими огнями. Она такъ же тонула въ туманѣ и несла холодныя воды въ какомъ-то мрачномъ, жуткомъ оцѣпенѣніи.

Было еще не поздно, но этотъ сѣющій дождь, далекіе фонари, сѣрое низкое небо, прокопченное дымомъ и сыростью испареній, создавали настроеніе вечера...

Кухарка открыла дверь, пропустила меня въ прихожую и, уставившись прозрачными голубыми глазами, продолжала стоять въ недоумѣніи.

Я снялъ фуражку и разсмѣялся:

— Что, Глаша, не узнаете?

Кухарка всплеснула руками, метнулась было изъ комнаты, но тотчасъ остановилась и кинулась помогать.

— Батюшки — свѣты! — заголосила Глаша, стягивая съ меня шинель и продолжая окидывать недоумѣнно-восхищенными взорами.

Широкая улыбка растянула ея лицо, простое и добродушное, съ румяными щеками, съ выцвѣтшей отъ лѣтняго солнца косой, скрученной на затылкѣ узломъ.

— Молодой баринъ!... Царица Небесная!... Вотъ ужъ истинно не признала! — продолжала голосить Глаша, снова всплеснула руками и кинулась опрометью изъ прихожей.

Въ комнатѣ было тепло.

Упруго ползъ запахъ мяты, камфоры, нафталина, какъ это бываетъ въ квартирахъ, оставленныхъ на время жильцами и приведенныхъ снова на зимнее положеніе — съ развѣшанными гардинами и портьерами, съ раскатанными коврами, съ мебелью, освобожденной отъ бѣлыхъ чехловъ.

Тетушка Марія Васильевна и компаньонка Шарлотта Ивановна находились въ столовой, мягко освѣщаемой лампой подъ желтымъ шелковымъ колпакомъ. Обѣ старухи, уже предупрежденныя Глашей, встрѣтили мое появленіе знаками родственнаго восторга.

Растроганныя до слезъ, онѣ осматривали меня со всѣхъ сторонъ, точно дорогую игрушку, принесенную изъ магазина, полныя нѣжности, умиленія, теплоты, радуясь вмѣстѣ со мной, произведенному впечатлѣнію.

— Хорошъ, отмѣнно хорошъ! — съ улыбкою произнесла тантъ Мари и ласково потрепала меня по щекѣ. — Чистая картина!... Подлинный гвардіонъ.

— Very well! — шептала старая англичанка, прикасаясь осторож-

нымъ движеніемъ то къ краюшку золотого погона, то къ орленымъ пуговкамъ вицъ-мундира, то къ эфесу шпаги съ серебряной шишечкой темляна.

— Handsom man!... Perfecty!

Когда первое впечатлѣніе улеглось, тетушка усадила меня рядомъ съ собой и, съ дѣловымъ видомъ, погрузилась въ исполненіе хозяйственныхъ обязанностей.

— Ну, Георгій, а теперь разскажешь все по порядку! — сказала тантъ Мари. — Шутка сказать, три мѣсяца не видались?... Чай не мало воды утекло?... Выкладывай теперь все, какъ слѣдуетъ!

Накрывъ чайникъ салфеткой, Марія Васильевна тотчасъ заняла меня разговоромъ. Я разсказалъ о тепломъ пріемѣ, о дружной офицерской семьѣ, о работѣ, о службѣ, о томъ совершенно новомъ для меня мірѣ, въ который вступилъ первыми, робкими, еще не вполнѣ увѣренными шагами.

Я говорилъ съ увлеченіемъ. Въ моихъ словахъ звучало неподдѣльное чувство, которое вырывалось наружу и придавало особую убѣдительность.

— Значитъ, въ общемъ доволенъ! — заключила мою бесѣду Марія Васильевна и перевела разговоръ на новую тему, въ нѣкоторомъ родѣ, практическаго порядка — каковы, молъ, расходы, каково содержаніе?... Дескать, прослышана она стороной, что жизнь въ полку расточительна и что иные гвардейскіе хваты только расписываются у казначея, а ужъ въ долгу, молодчики, какъ въ шелку!

На эти слова пришлось почтительно доложить, что казеннаго содержанія мы точно не видимъ, что все уходитъ на пріемы гостей, на подарки, на различные вычеты.

Съ полною откровенностью я объяснилъ тетушкѣ, что помимо обмундировки и пріобрѣтенія верховой лошади — а къ веснѣ предстоитъ покупка и второго, положеннаго по штату коня — молодой офицеръ, при поступленіи въ полкъ, дѣлаетъ рядъ единовременныхъ денежныхъ взносовъ, какъ-то — пятьсотъ рублей, въ видѣ подарка собранію, на пріобрѣтеніе какой-нибудь вещи, люстры, картины, стѣнного зеркала или часовъ, сто рублей ассигнуетъ на церковь, сто на библіотеку, сто на столовое серебро, сто на полковую исторію, а всего, тысяча цѣлковыхъ безъ малаго.

Я указалъ и на то обстоятельство, что служба въ гвардейскомъ полку налагаетъ обязанности и въ отношеніи житейскаго обихода, не позволяя держаться въ сторонѣ отъ пріятелей, пренебрегать свѣтскими связями, знакомствами, общественной жизнью.

Тантъ Мари со вниманіемъ выслушала мои слова. Какъ женщина столичнаго круга, она была несомнѣнно въ курсѣ нашей бесѣды. Но кое-что было для нея откровеніемъ.

— Какъ же такъ? — спросила Марія Васильевна. — Не пойму я, мой другъ!... Значитъ, отъ казны ты точно не пользуешься, не видишь отъ нея ни копѣйки?

— Ни копѣйки! — разсмѣялся я и добавилъ. — Еще изъ собственнаго кармана плачу каждый мѣсяцъ!... Примѣрно полтораста цѣлковыхъ!

Я ввернулъ еще нѣсколько фразъ, пояснивъ, что какъ рыцари духа мы оставляемъ въ сторонѣ матеріальныя выгоды и служимъ исключительно по долгу и по призванію. — А въ общемъ, — заключилъ я бесѣду, — если казеннаго содержанія, само собой разумѣется, не хватаетъ, то домашняя помощь и та денежная поддержка, которой я обязанъ тетушкѣ, вполнѣ достаточны для скромной жизни въ полку...

Бесѣдуя съ тетушкой, я невольно вспоминалъ годы юнкерской жизни, въ теченіе которой эти стѣны служили мнѣ мирнымъ пріютомъ.

Все осталось безъ измѣненія.

Тѣ же голубенькіе обои, та же старинная мебель со штофной обивкой, тотъ же китайскій фарфоръ на секретэрѣ краснаго дерева, тотъ же широколопастный фикусъ въ гостиной, та же желтая лампа надъ круглымъ столомъ.

Точно, въ самомъ дѣлѣ, не далѣе, какъ вчера, я былъ тѣмъ самымъ юнымъ кавалерійскимъ юнкеромъ, попавшимъ впервые въ столицу!

Воспоминанія уносятъ все дальше, чертятъ знакомые образы, рисуютъ картины отлетѣвшихъ въ прошлое дней.

Да, все осталось безъ измѣненія въ тетушкиной квартирѣ, хранящей такъ живо знаки былого! Измѣнился лишь я, смѣнивъ скромную форму юнкера Школы на блестящій офицерскій мундиръ.

Измѣнился и мой внутренній міръ.

Я выросъ и возмужалъ не только физически, но и духовно. Общеніе съ взрослыми, соприкосновеніе съ дѣйствительной и самостоятельной жизнью, развили во мнѣ то, чего раньше недоставало.

Моя сердечная рана давно затянулась.

Остался развѣ лишь слѣдъ, какъ кругъ на водѣ, получаемый отъ паденія камня.

Искушенія подстерегаютъ меня на каждомъ шагу.

Но я спокойно прохожу мимо, увѣренный въ своихъ силахъ, пережившій уже и трепетъ чистаго чувства и горечь разочарованія.

Въ моей душѣ произошла перемѣна.

Я утратилъ свѣжесть порывовъ, моя вѣра поколебалась, въ моихъ взглядахъ зародились сомнѣнія.

Словомъ, юность моя отлетѣла!...

Ужинъ закончился, но еще долго, вплоть до самой полуночи, я продолжалъ бесѣдовать съ тетушкой.

— Вотъ только справлюсь, пріѣду тебя провѣдать! — сказала Марія Васильевна. — Обязательно пріѣду на новоселье!... Женскій глазъ, самъ понимаешь, понадежнѣе будетъ!

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, въ раздумьи, тетушка продолжала еще покоиться въ креслѣ, потомъ поднялась и знакомъ пригласила послѣдовать за собой.

Въ жарко натопленной спальнѣ, съ горящей лампадкой подъ образами, она остановилась передъ большимъ кованымъ сундукомъ.

— Это твое приданое! — сказала тантъ Мари. — Постельное бѣлье, столовая принадлежность, всего двѣнадцать комплектовъ!... Чистый холстъ, батюшка, ярославскій, нынче такого не сыщешь!

— А здѣсь посуда! — продолжала Марія Васильевна, указывая на противоположный край сундука. — Стекло, ложки, вилки, ножи, чашки кофейныя!... Доброе серебро!... Старой московской хлѣбниковской работы!... Полный гарнитуръ на двѣнадцать кувертовъ!... Чай поздно сейчасъ, недосугъ!... Завтра провѣришь!... Утро вечера мудренѣй!

— А это....

Марія Васильевна развернула коверъ темной бархатной ткани, съ изображеніемъ „Спящей Красавицы“.

— La Belle au cois dormant! — засмѣялась тетушка и, протянувъ руку для поцѣлуя, пожелала спокойной ночи...

20.

Алый глазъ поднялся надъ полемъ, усмѣхнулся, плеснулъ рыжимъ золотомъ, и сразу все оживилось.

Сизый сумракъ растаялъ въ одно мгновенье.

Бодро и радостно заигралъ синій шелкъ неба, желтый камень строеній ,блеклые изумруды листвы. Манежи, конюшни, полковой плацъ тотчасъ наполнились бѣгающими людьми. Голосисто ржали и переклинались между собой кони. Пѣвуче заливалась труба.

Вскорѣ длинныя вереницы потянулись со всѣхъ сторонъ къ сборному пункту и стали выстраиваться плотнымъ рыжимъ квадратомъ.

Подъ наблюденіемъ унтеровъ, кирасиры скидывали попоны, расчесывали гривы, хвосты, влажной суконкой растирали морды, ноги, конскіе крупы.

Бравые вахмистра, съ густыми шевронами на рукавахъ, съ золотыми и серебряными медалями на шеѣ и на груди — бородатый Казанцевъ, красивый латышъ Лакстигалъ, новгородецъ Безпаловъ, черноусый хохолъ Мировичъ — начальственно прохаживались между шеренгами, угощали солдатъ легкими зуботычинами, кричали на лошадей:

— Эй, ты, холера, балуй!

Въ одиночку и группами вскорѣ подошли субалтерны. За ними появились эскадронные командиры. Черезъ четверть часа махальные у манежа подали знакъ и, въ сопровожденіи старшаго полковника и дежурнаго офицера, показался командиръ полка...

Генералъ-маiоръ баронъ Евгенiй Александровичъ Раушъ фонъ Траубенбергъ принялъ полкъ свыше года тому назадъ.

Но за этотъ промежутокъ времени не только рядовые солдаты, но даже ефрейторы, развѣдчики, писаря, даже полковой штабъ-трубачъ, унтеръ-офицеръ Воскобойниковъ, не были въ состоянiи усвоить эту фамилiю и забавнѣйшимъ образомъ коверкали ее на различный ладъ.

Между тѣмъ, сложная фамилiя командира находится въ полномъ противорѣчiи съ его натурой. Это скромный и простой человѣкъ съ большой выдержкой и спокойствiемъ, весьма любезный, доступный, привѣтливый въ обращенiи.

Въ служебномъ отношенiи, генералъ баронъ Раушъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба, вполнѣ отвѣчаетъ заданiямъ, которыя предъявляетъ эта военная корпорацiя.

Онъ аккуратенъ, добросовѣстенъ, методиченъ. Его научный багажъ, главнымъ образомъ, теоретическiй, значительно превосходитъ таковой его подчиненныхъ. Исторiя военныхъ походовъ, отъ великаго царя македонянъ до нашихъ дней, тактика и стратегiя, военное искусство и администрацiя, были въ свое время прочно усвоены имъ въ академическихъ стѣнахъ и, по мѣрѣ возможности, освѣжаются новѣйшими изысканiями и трудами.

Специальная особенность въ быстрой орiентировкѣ среди вороха приказовъ и циркуляровъ главнаго штаба, умѣнье въ самомъ затруднительномъ случаѣ отыскать болѣе или менѣе удовлетворительный компромиссъ, исключительный тактъ, манеры, столичныя связи, создали командиру полка репутацiю очень прiятнаго и, одновременно, толковаго, дѣльнаго, стоящаго на высотѣ требованiй, начальника.

Въ строевой области генералъ баронъ Раушъ не отличается столь же выдающимися способностями и покойное штабное кресло предпочитаетъ, вѣроятно, англiйскому сѣдлу.

Однако, онъ еще вполнѣ свѣжъ, совершенно свободно, безъ посторонней помощи, садится на лошадь, а иной разъ даже любитъ погарцовать, передъ молодыми женщинами и дѣвушками, по аллеямъ прiоратскаго парка.

Съ внѣшней стороны, генералъ баронъ Раушъ, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ занимаемому имъ положенiю командира шефскаго полка Лейбъ-Кирасиръ.

Средняго роста, стройный и сухощавый, съ красивымъ, тонкимъ, аристократическимъ лицомъ и сѣрыми, слегка задумчивыми глазами, свѣтскiй шармеръ, цѣнитель „стараго вина и молодыхъ женщинъ", онъ производитъ прекрасное впечатлѣнiе и пользуется въ обществѣ крупнымъ успѣхомъ.

Генералъ баронъ Раушъ, пользуется, кромѣ того, вниманiемъ Августѣйшаго Шефа, близокъ къ императорскому Двору, къ Государю, и, по

примѣру Его Величества, носитъ небольшую бородку, въ которой серебро времени уже выбросило кое-гдѣ предательскія нити.

Можно еще добавить, что командиръ полка въ молодые годы служилъ въ рядахъ Конной Гвардіи, женатъ на дочери бывшаго министра юстиціи, Ноннѣ Дмитріевнѣ Набоковой, и проживаетъ сейчасъ въ очень уютныхъ, напоминающихъ усадебную постройку, командирскихъ хоромахъ дворцоваго вѣдомства, примыкающихъ вплотную къ пріоратскому парку...

Привѣтливо улыбаясь и пожимая руки окружившимъ его офицерамъ, генералъ баронъ Раушъ остановился передъ выстроенными рядами, стряхнулъ пепелъ съ сигары и выбросилъ своей обычной, не очень громкой, пріятной, неторопливой манерой:

— Здо-ро-во, ки-ра-си-ры!

Дружно прокатился солдатскій отвѣтъ, и выводка молодыхъ лошадей началась.

Ремонтъ прибылъ всего недѣлю тому назадъ.

Его тщательно осмотрѣли, выдержали въ изолированномъ помѣщеніи, изъ опасенія случайнаго заноса какой-либо заразной болѣзни, размѣтили въ полковой описи.

Сейчасъ предстояла окончательная разбивка.

Одинъ за другимъ проходили эскадронные командиры со своими помощниками. Описавъ небольшой полукругъ, останавливались, рапортовали, подавали заполненный списками бланкъ.

Тутъ же, нѣсколько въ сторонѣ, стояли эскадронные кузнецы въ кожаныхъ фартукахъ, съ наборами инструментовъ, фуражиры, ветеринарные фельдшера.

Одна за другой проходили длинныя вереницы крупныхъ и рослыхъ, еще не вполнѣ объѣзженныхъ, но крѣпко сбитыхъ коней, ведомыхъ кирасирами подъ уздцы, на короткихъ поводьяхъ.

Однѣ лошади были ярко рыжей, золотой масти шефскаго эскадрона. Рыжія съ бѣлою звѣздочкою или съ лысиною во лбу, съ бѣлыми чулочками на ногахъ, шли во второй эскадронъ. Въ третій, въ штандартный, отбирались лошади болѣе темныхъ, красноватыхъ оттѣнковъ. Наконецъ, самые темные, ударяющіе въ бурый и даже вишневый цвѣтъ, самые огромные, самые мордатые звѣри, шли на пополненіе четвертаго эскадрона.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до командира полка, солдатъ громко оглашалъ названіе лошади, полъ и происхожденіе, щелкнувъ шпорами останавливался передъ мордой коня, круто повернувъ голову, перехвативъ поводья въ обѣ руки, задравъ локти до высоты плеча.

— Конь „Шестоперъ“, завода Фальцъ-Фейна!

— Конь „Шилохвостъ“, государственнаго Стрѣлецкаго завода!

— Кобыла „Шехерезада“, завода графини Браницкой!

Съ разсѣяннымъ видомъ словно мысли его витали гдѣ-то на сторонѣ, командиръ осматривалъ лошадь, помахивалъ камышевой тросточкой съ серебрянымъ набалдашникомъ и лѣниво, сквозь зубы цѣдилъ:

— Во второй!

— Въ третій!

— Въ эскадронъ Ея Величества!

Полковой адъютантъ, склонившись надъ описью, чиркалъ карандашомъ.

Эскадронные командиры, въ одинъ голосъ кричали:

— Веди!

Разбивка уже подходила было къ концу, когда очередной изъ послѣдняго десятка солдатъ, красный отъ натуги и напряженія, съ большими усиліями удерживая рвавшуюся изъ рукъ лошадь, то жестоко хлеставшую задомъ, то взвивавшуюся высоко на дыбки, остановился и пресѣкшимся голосомъ закричалъ:

— Конь „Шайтанъ“, завода князя Сангушки!

Это былъ добрый конь, остановившій сразу вниманіе, рослый, нарядный, густой рыжей масти, съ глубокою грудью, съ широкимъ плечомъ, съ небольшими копытцами, точно стаканчиками, выточенными изъ бронзы, съ огромнымъ выпуклымъ глазомъ, недовѣрчиво воззрившимся на стоявшихъ людей.

Его храпки раздувались отъ волненія и любопытства, длиннымъ перомъ поднялся хвостъ, а сухая мускулистая нога нетерпѣливо била по влажной землѣ.

Старшій полковникъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, обошелъ лошадь со всѣхъ сторонъ, ободряя ласковымъ голосомъ — „хо, милый, хо!“ — мягкимъ хлопкомъ прикоснулся къ крутой рыжей шеѣ.

— Это конь! — одобрительно замѣтилъ полковникъ и даже причмокнулъ. — Всѣмъ конямъ конь!.. Сконапель истоаръ!.. — Что вы скажете, господа офицеры?

Кругомъ засмѣялись.

Конь, въ самомъ дѣлѣ, былъ отмѣнно хорошъ. На тонкой породистой кожѣ проступали и дрожали мелкія жилки. Горячій пламень шелъ изъ ноздрей. Большой гордый глазъ продолжалъ коситься съ любопытствомъ, тревогой, недоумѣніемъ.

— Добрый конь! — снова замѣтилъ полковникъ. — Въ четвертый?.. Какъ полагаете, ваше превосходительство?

— Въ четвертый! — сказалъ баронъ Раушъ и взмахнулъ камышевой тросточкой.

Вереницы коней, съ вплетенными въ гривы небольшими кленовыми бирками, на которыхъ значилось названіе лошади и годъ ремонта, стали

разводиться по конюшнямъ. И тотчасъ, съ прежнею силой, зазвучали окрики унтеровъ и весело, точно въ отвѣтъ, разносилось конское ржанье.

Эскадронные командиры продолжали еще нѣкоторое время бесѣдовать съ вахмистрами и фуражирами насчетъ дополнительной дачи овса, перековки и прочихъ хозяйственныхъ соображенiй, а командиръ полка, сопровождаемый старшимъ полковникомъ и субалтернъ-офицерами, направился въ полковое собранiе...

21.

ГЕНЕРАЛЪ баронъ Раушъ посѣщалъ офицерскiй клубъ сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ. Онъ посѣщалъ его въ дни торжественныхъ праздниковъ или парадныхъ обѣдовъ въ высочайшемъ присутствiи, въ дни прiѣзда высшихъ начальниковъ на различныя церемонiи и полковые смотры, иногда по служебнымъ дѣламъ, да и то лишь на короткое время.

Положенiе командира полка, а въ особенности гвардейскаго, можетъ быть, до нѣкоторой степени, уподоблено положенiю командира военнаго судна, посѣщающаго каютъ-компанiю не иначе, какъ по приглашенiю старшаго офицера, и являющагося въ этомъ собранiи не столько хозяиномъ, сколько почетнымъ гостемъ.

Подобное правило имѣетъ подъ собой основанiе.

Дѣло въ томъ, что оберегая свой служебный авторитетъ, командиръ полка долженъ, по возможности, избѣгать тѣснаго соприкосновенiя съ подчиненными въ ихъ обыденной обстановкѣ.

Здѣсь нуженъ извѣстный тактъ, чтобы какъ нибудь, въ бесѣдѣ за стаканомъ вина, въ разгарѣ офицерской пирушки, не сказать лишняго слова, неосторожной обмолвкой или неправильно истолкованной фразой не уронить собственнаго достоинства, не поставить себя въ неловкое положенiе.

Само собой разумѣется, находчивый человѣкъ найдетъ выходъ изъ всякаго положенiя. Но попадаются въ роли начальниковъ иной разъ люди съ недостаточно широкимъ развитiемъ, или чрезмѣрно самолюбивыя, или застѣнчивыя натуры, не умѣющiя однимъ властнымъ, брошеннымъ во-время словомъ охладить разгоряченныя чувства.

Кромѣ того, постоянное общенiе съ подчиненными и вмѣшательство въ ихъ внутреннюю жизнь, такъ или иначе, сближаетъ съ ними начальника, отражается на отношенiяхъ, даетъ поводъ приблизить къ себѣ однихъ, оттолкнуть по разнымъ причинамъ другихъ, лишаетъ начальника необходимаго безпристрастiя.

Наконецъ, постоянное присутствiе стѣсняетъ молодыхъ офицеровъ.

Многiе не раздѣлятъ, быть можетъ, выражаемыхъ взглядовъ, считая, что первой обязанностью начальника является полное ознакомленiе

со свойствами и особенностями своихъ подчиненныхъ. Существуетъ, однако, неписанный своеобразный законъ, идущій порою въ разрѣзъ съ общеизвѣстными догмами, освященный обычаями и требованіями практической жизни.

Генералъ баронъ Раушъ соблюдалъ, въ данномъ случаѣ, чистоту кирасирскихъ традицій.

Какъ умный, деликатный и воспитанный въ такихъ же конногвардейскихъ традиціяхъ человѣкъ, онъ отстранился отъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь господъ офицеровъ, предоставивъ руководство ею коренному и старѣйшему члену нашей семьи, полковнику Ипполиту Алексѣевичу Еропкину.

Командиръ сохранилъ за собою лишь общее наблюденіе, представительство и работу въ полковой канцеляріи. Подобное разграниченіе функцій вполнѣ отвѣчало сложившемуся порядку вещей, не вызывало никакихъ треній и въ самой благотворной степени содѣйствовало согласованному труду...

Генералъ баронъ Раушъ принялъ, на этотъ разъ, участіе въ общемъ завтракѣ.

Сначала, въ буфетной комнатѣ, за мраморной стойкой, гдѣ чокнулся со старшими офицерами и выпилъ рюмку померанцовой водки. Потомъ, вернувшись въ столовую, въ которой, по заведенному правилу, ярко полыхая, разливалъ мягкую теплоту голландскій каминъ, сѣлъ на парадное мѣсто, въ центрѣ обѣденнаго стола...

Согласно полкового приказа, я вступалъ въ очередное дежурство.

Одѣтый по установленной формѣ, въ вицъ-мундирѣ, при шашкѣ и револьверѣ, офицерскомъ шарфѣ и перевязи съ лядункой, я сидѣлъ въ крайнемъ углу, наблюдая за стрѣлками циферблата.

Старый дежурный, корнетъ Корвинъ-Круковскій, сидѣлъ противъ меня и, съ благодушнымъ видомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на командира полка, ни на полковника, хлебалъ лѣнивыя щи.

На минуту меня удивило и я даже позавидовалъ этому выдержанному спокойствію.

Кругомъ звенѣли стаканы, стучали вилки, ложки, ножи. Табачный дымъ медленными клубами подымался къ перекрытому тяжелыми дубовыми балками потолку. Хозяинъ собранія, штабсъ-ротмистръ Акимовъ, громовымъ голосомъ отдавалъ прислугѣ распоряженія. Суетливо бѣгалъ метръ д'отель Алексѣичъ, въ сюртукѣ съ золочеными пуговицами. Хорошенькій казачокъ Пашка разливалъ по стаканамъ вино.

Командиръ полка былъ занятъ бесѣдой со старшимъ полковникомъ и эскадронными командирами.

Послѣдніе, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ выводки и разбивки, горячо спорили между собой. Одни утверждали, что ремонтъ

въ текущемъ году недуренъ, что лошади добрыхъ кровей и въ порядкѣ. Другіе, наоборотъ, находили, что ремонтъ худо кормленъ и мелковатъ. Командиръ полка и старшій полковникъ занимали въ этомъ вопросѣ промежуточную позицію.

— Великолѣпный ремонтъ! — пощипывая русую, остро подстриженную бородку, говорилъ сочнымъ баскомъ командиръ эскадрона Ея Величества, рослый, щеголеватый ротмистръ Александръ Ивановичъ Droздъ-Бонячевскій.

— Ремонтъ, по моему мнѣнію, слабоватъ! — не соглашался командующій вторымъ эскадрономъ, волосатый, кряжистый Клевезаль.

— Отличный ремонтъ! — пищалъ сухонькій баронъ Таубе.

— Отвратительный! — хрипѣлъ „Папаша". — Тѣла никуда не годятся!.. Ваше превосходительство, помилуйте, какія же это тѣла? — сокрушался командиръ четвертаго эскадрона, обращаясь за поддержкою къ генералу. — Кошки драныя!.. Крысы, а не ремонтъ! — добавилъ „Папаша" и покачалъ лысою головой.

Генералъ баронъ Раушъ, съ неопредѣленнымъ видомъ, разводилъ руками, соглашался, что ремонтъ точно, какъ будто ниже нормальной оцѣнки, что придется донести по командѣ въ дивизію, въ штабъ гвардейскаго корпуса, въ инспекцію конницы.

— Inconcevable! — произнесъ баронъ Раушъ. — Странно!.. При случаѣ, доложу лично великому князю!

Стрѣлка, между тѣмъ, подымалась все выше.

„Крукъ" оторвался отъ тарелки, взглянулъ на часы и подалъ мнѣ знакъ.

Когда пробило двѣнадцать ударовъ, мы одновременно поднялись съ мѣстъ, надѣли каски и подошли съ рапортомъ къ командиру полка...

22.

Я принялъ тотчасъ дежурныхъ по эскадронамъ, по трубаческой, нестроевой, учебной командамъ и вернулся въ собраніе.

Командиръ полка продолжалъ находиться въ столовой, курилъ сигару, небольшими глотками прихлебывалъ кофе, продолжалъ вести разговоръ.

Толковали что-то о предстоящемъ прибытіи новобранцевъ, о ремонтѣ караульнаго помѣщенія, о предполагаемомъ въ скоромъ времени пріѣздѣ Императрицы. Потомъ зашла рѣчь о повѣрочной мобилизаціи, которая, по слухамъ, коснется по жребію одного изъ гвардейскихъ полковъ.

Таково якобы требованіе генерала-инспектора, желающаго убѣдиться въ степени боевой готовности кавалерійскихъ частей не только на основаніи бумажныхъ отчетовъ, но и на дѣйствительномъ испытаніи.

Если слухъ этотъ вѣренъ, полку предстоитъ большая работа. Нужно

будетъ провѣрить укладку переметныхъ суммъ и кобуръ, пересмотрѣть вьюки, освѣжить неприкосновенный запасъ, сдѣлать пронатку обозу.

Послѣдняя полковая мобилизація имѣла мѣсто въ годъ русско-турецкой войны. Съ тѣхъ поръ прошло свыше двадцати лѣтъ. Можно не сомнѣваться, что требованіе генерала-инспектора вызвано не только однимъ августѣйшимъ капризомъ.

Бесѣда подходила къ концу. Черезъ четверть часа, командиръ поднялся и, сопровождаемый адъютантомъ, направился въ канцелярію.

Откинувшись въ глубокое кресло, продолжая курить и слѣдить со вниманіемъ за колечками сигарнаго дыма, генералъ баронъ Раушъ принялъ докладъ.

— Предписаніе штаба дивизіи о точномъ соблюденіи правилъ, изложенныхъ въ циркулярномъ приказѣ за № 135! — докладывалъ адъютантъ.

— Извѣщеніе участковаго пристава о буйствѣ въ Бомбардирской Слободкѣ...

— Отношеніе начальника санктъ-петербургскаго воздухоплавательнаго парка за № 342, съ предложеніемъ командировать одного оберъ-офицера для практическаго прохожденія курса...

Генералъ баронъ Раушъ вынулъ сигару изо рта и на минуту задумался.

— Предписаніе штаба дивизіи подтвердить вторично въ приказѣ! — произнесъ командиръ. — По поводу буйства поручить производство немедленнаго дознанія... Относительно командировки въ воздухоплавательный паркъ запросить господъ офицеровъ... Впрочемъ, знаемъ мы эти штучки!.. Кататься на пузыряхъ?.. Ухаживать за полковницей?.. Лодырей разводить?.. Отвѣтить просто, что желающихъ нѣтъ!

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Ну, чѣмъ еще порадуете, Михаилъ Михайловичъ? — спросилъ командиръ, выпуская — пфъ-пфъ, два послѣдовательныхъ дымка.

— Рапортъ младшаго медицинскаго врача, титулярнаго совѣтника Иванова, съ ходатайствомъ о продленіи отпуска на двѣ недѣли, по причинѣ тяжкой болѣзни свояченицы...

— Это еще что такое? — произнесъ баронъ Раушъ и снова вынулъ сигару. — Онъ и такъ уже болтается цѣлый мѣсяцъ!.. Отказать!.. Затребовать!.. Вернуть телеграммой!.. Сегодня заболѣла свояченица, завтра заболѣетъ у него теща!.. Ну, что тамъ еще?

— Все, ваше превосходительство! — отвѣчалъ адъютантъ, почтительно склонивъ голову и мелодично позвонивъ шпорой.

— Въ такомъ случаѣ, не буду вамъ мѣшать, Михаилъ Михайловичъ! — сказалъ командиръ и, въ очередной разъ выпустивъ дымъ, облегченно поднялся съ кресла и направился къ выходу.

— Черкесовъ, не безпокойтесь, мой другъ! — обратился, увидѣвъ

меня, генералъ баронъ Раушъ и ласково взялъ за плечо. — Впрочемъ, если угодно, можете меня проводить... Погода великолѣпная!..

Мы вышли изъ полковой канцеляріи, и медленными шагами двинулись по проспекту, отдѣлявшему казарму четвертаго эскадрона отъ офицерскаго садика.

Дойдя до дворцовой дороги, командиръ повернулъ направо и зашагалъ вдоль рѣшетки, по направленію къ „Коннетабло", воткнувшему свою иглу въ чистое, синее, прозрачное небо.

— Изумительная погода! — повторилъ баронъ Раушъ. — Кто бы сказалъ, что зима уже на носу?

— Взгляните? — продолжалъ командиръ, помахивая камышевой тросточкой и указывая серебрянымъ набалдашникомъ на зеленѣвшія впереди елочки Пріората. — Какая красота, какая поэзія!.. Точно царство кукольныхъ фей!.. Долженъ сознаться, что наша сѣверная природа имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ югомъ!

Здѣсь командиръ углубился на минуту въ воспоминанія, привелъ свои наблюденія объ Афинахъ, въ которыхъ состоялъ когда-то на должности русскаго военнаго атташе, передалъ нѣсколько эпизодовъ изъ своей эллинской жизни.

— Вѣчное солнце, духота, цвѣты въ январѣ! — продолжалъ, поморщившись, генералъ баронъ Раушъ. — Все это, въ концѣ концовъ, быстро надоѣдаетъ!.. Ахъ, не вѣрьте, мой другъ, все это обманъ!.. Un brouillard!.. Un mirage!.. Une fatamorgana!.. То-ли дѣло нашъ русскій климатъ, нашъ чудный русскій пейзажъ?.. Ели, березки, сосновый лѣсокъ?.. А зима, что можетъ быть краше русской зимы?.. Съ рождественскимъ снѣгомъ?.. Съ крещенскимъ морозцемъ?.. Съ лихой тройкой подъ бубенцами?.. Поэзія!.. Красота!

— Ну, вотъ и пришли! — сказалъ командиръ, остановившись на площадкѣ съ пудожскимъ обелискомъ, подлѣ котораго, сверкая ярко начищенной каской, съ клинкомъ въ плечѣ, стоялъ часовой.

— Здорово, молодецъ! — поздоровался командиръ и снова обернулся ко мнѣ.

— Благодарю васъ, корнетъ! — произнесъ баронъ Раушъ и, на мгновенье, задумался. — Да, кстати, чуть не забылъ! — обратился онъ другимъ тономъ. — Вы вѣдь завѣдуете сейчасъ полковою библіотекой?.. Не откажите, мой другъ, прислать послѣднюю книжку „Военнаго Сборника" да еще что нибудь, изъ военной литературы!.. По вечерамъ абсолютно нечего дѣлать!

— Что прикажете, ваше превосходительство?

Генералъ баронъ Раушъ улыбнулся.

— Ну, это уже на вашъ вкусъ! — произнесъ командиръ. — Предоставляю на вашъ личный выборъ!

И подавъ привѣтливо руку, генералъ зашагалъ къ командирской усадьбѣ...

Я занялся своими развѣдчиками.

Шестнадцать отборныхъ всадниковъ, на отборнѣйшихъ лошадяхъ, мелькали передо мною на различныхъ аллюрахъ, описывали вольты и полувольты, ранверсы, траверсы, перемѣну ногъ на галопѣ.

Я былъ удовлетворенъ смѣнной ѣздой и только изрѣдка покрикивалъ на людей, заимствуя изъ лексикона „Папаши" его выраженія:

— Абросимовъ, дура, каблукъ!

— Шенгелай, деревня!.. Колѣно назадъ!

— Вольноопредѣляющійся Грумъ-Гржимайло, дистанцію!

Я былъ вполнѣ доволенъ своими людьми. По моему мнѣнію, развѣдчики четвертаго эскадрона положительно не уступаютъ другимъ. Къ веснѣ они станутъ образцовой командой.

Кто знаетъ, можетъ быть лучшей въ полку?

Закончивъ ѣзду, я обошелъ полковой городокъ, посѣтилъ кузницу, школу солдатскихъ дѣтей, побывалъ въ околоткѣ, заглянулъ въ канцелярію и на полковую гауптвахту, пропустилъ шестичасовый курьерскій поѣздъ, полюбовавшись воемъ и грохотомъ стального чудовища.

Потомъ, обернувшись въ сторону императорскаго дворца, въ теченіе долгаго времени созерцалъ каменныя громады, съ плацпарадомъ, высокими башнями и временно осиротѣвшимъ флагштокомъ.

Наконецъ, заглянулъ въ конюшню четвертаго эскадрона.

— Здравствуй, пріятель!

„Рэдъ-Бой" узнаетъ тотчасъ мой голосъ, поворачиваетъ огромную морду, тянется бархатными губами.

Я забираюсь въ станокъ, треплю коня по крутой наѣденной шеѣ, прижимаюсь къ могучимъ бокамъ.

„Рыжій Мальчикъ" тихо ржетъ, протягиваетъ теплый шершавый языкъ, лижетъ руки и щеки.

О, романтика кавалерійской конюшни!

Кто опишетъ щетку, скребницу, запахъ душистаго сѣна, тяжесть золотого, полновѣснаго, пересыпающагося точно жемчугъ, зерна?

Кто воспоетъ мирную сѣнь ста двадцати четырехъ стойлъ, съ такимъ же количествомъ огромныхъ, широкозадыхъ, отливающихъ рыжимъ атласомъ, кроткихъ, покорныхъ, чистыхъ сердцемъ драбантовъ?

Мягкія безволосыя губы перебираютъ кормушку... Слышится фырканье, ритмическая мелодія жвачки, подавленный вздохъ... Глухо цокнетъ стальная подкова, насторожатся чуткія уши и молодой ярый голосъ прорѣжетъ голубоватый сумракъ конюшни...

И тотчасъ, со всѣхъ концовъ, на всѣ лады, прольется несравненная концертная музыка...

23.

Въ столовой находилось уже не менѣе десяти человѣкъ. Часть офицеровъ обѣдала. Другіе, закончивъ обѣдъ, курили, потягивали горячій чай съ коньякомъ, бесѣдовали на обычныя темы.

А небольшая компанія, съ „Сенекою" во главѣ, сидя тутъ же, за карточнымъ столикомъ, рѣзалась въ преферансъ.

Я знаю, что какъ только закончится пулька, та же компанія перейдетъ въ комнату дежурнаго офицера, прикажетъ перенести туда же карточный столъ и начнетъ пытать судьбу въ шменъ-де-феръ или въ макао.

Вплоть до полуночи, а то и дольше, будетъ вестись на зеленомъ полѣ борьба, метанье банка и понтировка, пока вся наличность не перейдетъ въ карманъ счастливому игроку.

Азартная игра въ офицерскомъ собраніи офиціально воспрещена.

Господа офицеры играютъ, съ позволенія сказать, неофиціальнымъ порядкомъ, оберегая тайну азартнаго понта отъ командирскаго уха и глаза...

Уже звенятъ стаканы съ виномъ, полтинники и цѣлковые вперемежку съ мягкимъ хрустомъ бумажекъ:

„Такъ, въ ненастные дни, занимались они дѣломъ..."

Уже дымятся папиросы, точно фабричныя трубы, и дежурная комната наполняется синеватымъ туманомъ, а на тяжелый кавказскій коверъ ложится сотня окурковъ:

„И приписывали, и отписывали мѣломъ..."

Уже дымятъ папиросы, точно фабричныя трубы, и дежурная комната кувъ галстуки, все чаще смачивая горло виномъ, игроки окончательно входятъ въ борьбу карточныхъ шансовъ.

— Черкесовъ, мазу? — кричитъ „Сенека".

Но сегодня я твердъ, какъ гранитный осколокъ. Обязанности дежурнаго оберегаютъ меня отъ соблазна. Я спокойно отворачиваюсь отъ карточнаго стола и перехожу въ сосѣднюю комнату.. .

Двое, съ кіями въ рукахъ, гуляли вокругъ стола, заканчивая партію въ „пирамиду". Другіе слѣдили за бильярдной игрой, пили вино, бросали шутливыя замѣчанія. Корнетъ Аркасъ, щелкая шпорами и напѣвая на мотивъ моднаго танго, кружился по комнатѣ. Раскачивая въ тактъ бедрами, то пригибаясь, то откидывая корпусъ назадъ, онъ плавно скользилъ по паркету, слѣдуя всѣмъ движеніямъ граціознаго аргентинскаго танца.

— Черкесовъ, стаканъ лафита? — крикнулъ, увидѣвъ меня, „Донъ-Педро" и, протянувъ руку, запѣлъ:

"Можно-ли, барышня. въ васъ,
Можно-ли, если случится,
Ну, хоть одинъ только разъ..."

Аркасъ выдержалъ паузу, остановилъ на мнѣ красивые, темные, насмѣшливые глаза и закончилъ куплетъ:

Встрѣтивши, въ васъ не влюбиться?"

Онъ ухватилъ меня подъ руку, наклонился къ уху и произнесъ:

— Черкесовъ, на два слова?... Мнѣ нужно съ тобою поговорить! О, я зналъ уже напередъ, въ чемъ будетъ заключаться бесѣда!

Еще на прошлой недѣлѣ, избравъ меня повѣреннымъ своихъ тайнъ, Аркасъ признался мнѣ въ маленькомъ увлеченіи. Мнѣ уже было извѣстно, что предметомъ этого увлеченія является молодая артистка, корифейка императорскаго балета... Что она красива, изящна, талантлива... Что она обаятельна, какъ ни одна женщина въ мірѣ... И что носитъ поэтическое имя — Лилитъ!...

Мы спустились по лѣстницѣ въ вестибюль, оттуда прошли въ бѣлую залу, освѣщенную верхнимъ свѣтомъ бильярднаго люка и, прогуливаясь изъ угла въ уголъ, приступили къ бесѣдѣ.

Я выслушалъ рядъ новыхъ признаній, горячихъ, пылкихъ, нетерпѣливыхъ. Какъ ярко обнажалась передо мною душа, еще ребяческая и неустойчивая, одержимая любовнымъ недугомъ, мятущаяся въ порывѣ вспыхнувшей страсти, подкупающая искренностью, непосредственностью, полнотой чувствъ!

Однако, можно-ли придавать какое-либо значеніе романтической авантюрѣ, которая подстерегаетъ насъ на каждомъ шагу, вноситъ въ нашу жизнь долю извѣстнаго разнообразія и заканчивается обычной развязкой?

Отъ одной любовной интрижки мы переходимъ къ другой, легко и бездумно, съ шаловливою беззаботностью, не дающей укрѣпиться серьезному чувству. Женщины для насъ, въ сущности, не болѣе, какъ забава, прелестные цвѣты наслажденія, скромныя цѣломудренныя фіалки, жгучія, познавшія сладость грѣха орхидеи, пышныя розы, которыя мы обрываемъ, шутя, на своемъ тріумфальномъ пути.

— Брось, Педро!... Охота себя связывать на продолжительный срокъ?... Черезъ недѣлю ты будешь волочиться за другой юбкой!

Аркасъ, съ тревогой, взглянулъ на меня.

— Никогда! — воскликнулъ онъ горячо, съ несвойственной ему рѣзкостью, остановился и освободилъ мою руку.

На минуту мы замолчали.

— Что же ты намѣренъ, въ концѣ концовъ, дѣлать? — спросилъ я.

— Не знаю! — произнесъ „Донъ-Педро". — Не знаю! — повторилъ онъ, вопросительно, точно ожидая совѣта.

— Ужъ не собираешься-ли жениться?... Надѣюсь, на эту глупость ты не пойдешь?... Самъ знаешь, за это по головкѣ тебя не погладятъ?... Придется уйти изъ полка?

Въ молчаніи мы продолжали ходить по залѣ.

Сверху доносился стукъ бильярдныхъ шаровъ, хохотъ, веселыя восклицанія.

Но мало по малу шумъ умолкалъ. Компанія, видимо, расходилась. Внезапно погасъ электрическій свѣтъ и въ залѣ стало темно.

— Спасибо, Черкесовъ! — сказалъ Аркасъ и пожалъ мою руку. — Завтра я увижу ее!... Пріѣзжай на „Коппелію"?... Одно мѣсто буду считать за тобой!... Идетъ?

Я согласился и проводилъ его до подъѣзда...

Поднявшись снова наверхъ, я заглянулъ въ библіотеку.

Здѣсь иной міръ, взирающій на меня съ высоты широкихъ застекленныхъ полокъ.

Тысячи фоліантовъ, въ роскошныхъ кожаныхъ переплетахъ, синихъ и алыхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ, коричневыхъ, точно солдаты какой-то великолѣпной арміи, выстроены правильными шеренгами.

Вотъ гвардія — цѣлый полкъ огромныхъ томовъ, величественныхъ, монументальныхъ, съ золотымъ тисненіемъ и обрѣзомъ, точно шитье гвардейскихъ мундировъ.

За ними идутъ гренадеры, пониже нѣсколько ростомъ, могучіе, кряжистые, широкоплечіе.

А затѣмъ слѣдуетъ армія — линейная пѣхота, легкая кавалерія, малиновые стрѣлки, эскадроны, батальоны, дивизіи, отличающіеся цвѣтомъ сукна и прибора.

Въ отдѣльномъ шкафу золотого орѣха, за такими же зеркальными стеклами, находится личная библіотека императрицы Маріи Александровны, пожалованная полку по завѣщанію. На многихъ страницахъ сохранились слѣды отмѣтокъ, сдѣланныхъ рукой покойнаго шефа.

На кругломъ столѣ лежатъ газеты, журналы, періодическія изданія, русскія и иностранныя и, среди нихъ, послѣдняя книжка „Военнаго Сборника", которую я откладываю для командира полка.

Потомъ, беру новый, пересоставленный мною каталогъ, просматриваю его, подхожу къ ближайшему шкафу. Съ нижней полки, наудачу, извлекаю объемистый томъ въ синемъ сафьяновомъ переплетѣ.

Перелистываю его и читаю:

24.

Въ 1744 году 9 февраля прибыла въ Москву пятнадцатилѣтняя принцесса Софія-Фредерика Ангальтъ-Цербтская, вызванная императрицей Елисаветой Петровной.

Юная принцесса предназначалась въ супруги наслѣднику русскаго престола, великому князю Петру Феодоровичу.

Самое смѣлое воображеніе, самый пытливый и проницательный умъ

того времени, не могли себѣ, конечно, представить, какое огромное значеніе для будущей судьбы Россіи должно было имѣть это появленіе въ первопрестольной столицѣ маленькой, невѣдомой доселѣ, нѣмецкой принцессы.

Между тѣмъ оказалось, что въ Москву прибыла представительница будущей славы россійской, державное воплощеніе утраченнаго, со смертью императора Петра I, русскаго государственнаго величія.

Въ іюнѣ было совершено миропомазаніе и нѣмецкая принцесса Софія-Фредерика стала русской великой княжной Екатериною Алексѣевной. На другой день послѣдовало ея обрученіе съ наслѣдникомъ престола. Бракосочетаніе же было отпраздновано, съ большою торжественностью, въ слѣдующемъ году, въ Санктъ-Петербургѣ...

Тяжелая брильянтовая корона врѣзалась въ нѣжную дѣвичью кожу, оставивъ алый слѣдъ на выпукломъ лбу. Брачное ложе затянуто пунцовымъ бархатомъ съ вышитыми на немъ серебряными гирляндами. Растроганная принцесса Гессенская надѣваетъ на новобрачную ночную сорочку и оправляетъ одѣяло на парадной постели.

Видя молодую княгиню, покоящуюся на брачномъ ложѣ, такою хрупкой и боязливой, принцессѣ хочется ее подбодрить и поцѣловать. Но это можетъ нарушить свадебный этикетъ.

Входитъ великій князь, разодѣтый въ богатый брачный нарядъ. Онъ чрезвычайно безобразенъ безъ парика. Длинное, худое, одутловатое лицо изрыто слѣдами оспы. Глаза его безпрерывно моргаютъ. Единственнымъ достоинствомъ является его молодость.

Императрица Елисавета Петровна ласково треплетъ молодыхъ по щекамъ и, со слезами на глазахъ, благословляетъ. Фрейлины отвѣшиваютъ три глубокихъ поклона. Всѣ удаляются и новобрачные остаются одни...

Мечты Екатерины претворились въ дѣйствительность.

Сейчасъ, передъ Богомъ, передъ русскою знатью и крѣпостными людьми, передъ всѣмъ міромъ, она стала великой княгиней, супругой престолонаслѣдника, будущей императрицею всероссійской.

Запахъ ладана, которымъ она надышалась въ соборѣ, бросается въ голову и слегка опьяняетъ.

Неужели это она, маленькая принцесса Софи, передъ которою раболѣпствуютъ сейчас всѣ эти вельможи, чье имя подхватывается хоромъ придворныхъ пѣвчихъ, пѣснопѣнія коихъ уносятъ ее отъ скромной лютеранской церковки, въ которой еще недавно, будучи маленькой Фикхенъ, она распѣвала псалмы?

Было много легче привыкнуть къ этой пышной, торжественной литургіи, нежели приспособиться къ молодому супругу, который вдобавокъ уже успѣлъ захрапѣть.

Екатерина не питала иллюзій, но ея женское самолюбіе оскорблено. За время ихъ обрученія, великій князь не сумѣлъ выразить ей хотя бы

нѣсколькими словами свои любовныя чувства, не сумѣлъ заронить въ ея юное сердце хотя бы простую нѣжность, ласку или довѣріе.

Напротивъ, поведеніе жениха было во всѣхъ отношеніяхъ безтактнымъ и возмутительнымъ. Когда императрица бывало дѣлала ей замѣчанія, онъ хихикалъ, потиралъ руки и строилъ гримасы отъ наслажденія...

Въ самомъ дѣлѣ, онъ нисколько не измѣнился со времени ихъ первой встрѣчи у общаго родственника, епископа Любекскаго.

Въ то время ей было десять лѣтъ, а Петръ былъ старше всего на одинъ годъ. Онъ быстро напился, сталъ икать, щипалъ ее за икры. Никто изъ приглашенныхъ на этотъ семейный банкетъ, на которомъ жарился традиціонный рождественскій гусь, разумѣется, не подозрѣвалъ, что тотъ самый мальчишка, который сидѣлъ на концѣ стола и такъ непристойно себя держалъ, будетъ вызванъ своею державною теткой и станетъ наслѣдникомъ русской короны.

Никто не подозрѣвалъ, что и маленькую Софи, его двоюродную сестру, вызовутъ вскорѣ туда же, чтобы раздѣлить судьбу этого хилаго, невзрачнаго юноши.

Но Екатерина мыслитъ сейчасъ уже по мужски, разсчитываетъ, оглядывается на окружающее и даже наканунѣ свадьбы, прежде нежели потушить свѣчу, заноситъ въ дневникъ:

„Сердце не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго!... Меня поддерживаетъ лишь честолюбіе!... Ибо я чувствую, что рано или поздно стану владычицею Россіи!“

Когда Екатерина проснулась послѣ брачной ночи, она была въ такомъ же невѣдѣніи, какъ молодая монашенка. Ея чувства и любопытство дремали. Проходили недѣли и мѣсяцы, но супругъ все еще не посвящалъ ее въ правила игры, именуемой любовью. Они были чужими другъ другу. Великій князь не замѣчалъ распускавшихся прелестей своей жены. Грубость мужа отталкивала молодую супругу. Будучи замужемъ, она оставалась дѣвственной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Между тѣмъ, знакомясь съ окружающей обстановкой, усваивая себѣ значеніе предстоящей ей въ новомъ отечествѣ исторической роли, великая княгиня пришла къ заключенію, что не можетъ относиться къ русскому престолу съ тѣмъ же безразличіемъ, чувствомъ полнаго равнодушія и даже отвращенія, которыя вызывалъ въ ней великій князь.

И съ той минуты, какъ мысли эти созрѣли въ ясномъ и трезвомъ умѣ будущей императрицы, она уже съ ними не разстается.

20 сентября 1754 года, черезъ девять лѣтъ послѣ свадьбы, великая княгиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Павломъ...

25.

Это событіе, ожидавшееся съ большимъ нетерпѣніемъ, радостно встрѣченное всѣмъ русскимъ обществомъ, произошло въ Лѣтнемъ дворцѣ.

Это была не только семейная радость. Это было политическое событіе, полное огромнаго государственнаго значенія.

Явился, наконецъ, необходимый залогъ упроченія новаго порядка вещей, начавшагося съ воцаренія императрицы Елисаветы Петровны. Съ рожденіемъ престолонаслѣдника можно было разсчитывать, наконецъ, на правильное обезпеченіе наслѣдованія престола и на прекращеніе вѣчныхъ дворцовыхъ переворотовъ, омрачавшихъ русскую исторію со дня кончины великаго Преобразователя.

И надежды русскихъ людей сосредоточились съ этой минуты на колыбели новорожденнаго младенца...

Въ эту эпоху рожениць оставляли безъ ухода даже въ царскихъ дворцахъ.

Великая княгиня лежала одна, въ маленькой комнаткѣ, по которой гуляли сентябрьскіе сквозняки. Находясь въ лихорадочномъ состояніи, она просила пить. Ей было то жарко, то охватывалъ сильнѣйшій ознобъ. Она плакала.

Никто не откликался на плачъ.

И все же, не взирая на всѣ эти условія, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Павелъ Петровичъ благополучно появился на свѣтъ.

Лишь только были прочитаны духовникомъ установленныя молитвы, императрица Елисавета Петровна тотчасъ беретъ новорожденнаго къ себѣ, ревниво оберегая его отъ всякаго вмѣшательства матери.

На кого онъ похожъ?

Виски Екатерины стучатъ. Она прижимаетъ руку къ пылающему лбу.

Ей представился въ эту минуту великокняжескій Монплезиръ и мраморныя ступени, по которымъ она сбѣгала въ сторону моря. Въ мужскомъ костюмѣ, съ ружьемъ на плечѣ, она прыгаетъ въ лодку и стрѣляетъ птицъ, кружащихся надъ водой.

Потомъ, она видитъ себя въ небесно-голубой амазонкѣ, отдѣланной серебрянымъ галуномъ и хрустальными пуговицами. Она смѣло мчится по березовой рощѣ, нахлестывая коня, сильная, здоровая, возбужденная, счастливая отъ утренней свѣжести, росы, солнца, загара, отъ чувства зарождающейся любви...

Императрица уноситъ младенца къ себѣ, помѣщаетъ въ своихъ покояхъ, окружаетъ ласками и заботами.

Ребенка держатъ въ жарко натопленной комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ колыбели, обитой мѣхомъ чернобурыхъ лисицъ, покрываютъ стеганымъ одѣяломъ, поверхъ котораго кладутъ еще одно одѣяло изъ розоваго бархата.

Послѣ крестинъ новорожденнаго, вплоть до великаго поста, безпрерывно слѣдуютъ празднества, обѣды, балы, маскарады. Особенное впечатлѣніе остается отъ великолѣпнаго фейерверка. Россія представлена на колѣняхъ передъ жертвенникомъ. Въ легкомъ облачкѣ появляется съ высоты Божіе Провидѣніе, съ младенцемъ, лежащимъ на пурпуровой подушкѣ. Надпись, обращенная къ императрицѣ, гласила:

„И также Божія дѣсница увѣнчала,
Богиня, все чего толь долго ты желала!"

Черезъ сорокъ дней послѣ родовъ, великая княгиня въ первый разъ видитъ своего сына. Императрица отъ Пунечки безъ ума. Мать едва смѣетъ прикоснуться къ младенцу, чтобы не вызвать неудовольствія.

„Je le trouvai fort beau et sa vue me rejouit un peu!"

записываетъ Екатерина въ своемъ дневникѣ.

У Пунечки красивый выпуклый лобъ и брови дугою, точь въ точь, какъ у Сергѣя Салтыкова. Позже онъ унаслѣдуетъ мрачный характеръ Петра Феодоровича и его увлеченіе военной муштровкой.

Чувствуетъ-ли Екатерина, кто былъ его отцомъ?

Екатерина остерегается полюбить ребенка. Кстати, она не обладаетъ материнскимъ сердцемъ. И все же страдаетъ по той причинѣ, что не ей приходится прислушиваться къ крикамъ новорожденнаго и ласкать его маленькое хрупкое тѣльце.

Между тѣмъ, окруживъ внука своей неразумной заботливостью, императрица Елисавета Петровна, съ первыхъ дней жизни, подорвала здоровье младенца.

Впослѣдствіе, когда ребенокъ подросъ, малѣйшее дуновеніе причиняло ему простуду. Съ годами появляется нервность, чрезмѣрная раздражительность, хроническое разстройство органовъ пищеваренія...

26.

ПЕРВЫЕ годы дѣтства, цесаревичъ Павелъ Петровичъ, лишенный родительской ласки, проводитъ, окруженный нянюшками и мамушками, дѣйствовавшими въ духѣ старозавѣтныхъ русскихъ традицій.

Въ возрастѣ четырехъ лѣтъ ребенокъ былъ ввѣренъ попеченію Федора Дмитріевича Бехтѣева, бывшаго повѣреннаго въ дѣлахъ при версальскомъ Дворѣ. Однако, женское царство, окружавшее цесаревича, удержалось и при новомъ наставникѣ. Попрежнему раздѣляли трапезу проживавшіе во дворцѣ, обѣднѣвшіе дворяне-нахлѣбники, какъ Иванъ Ахлебининъ, Савелій Титовъ, мамушка Анна Даниловна.

Въ первый же день по принятіи должности, Бехтѣевъ посадилъ своего воспитанника учиться грамотѣ. Для облегченія дѣла, за столъ сѣли и его сотрапезники, сдѣлавъ видъ, что не умѣютъ грамотѣ. Благодаря этой уловкѣ, трудные шаги первоначальнаго обученія прошли безъ криковъ и безъ рыданій.

Одновременно съ ребенка сняли дѣтское платье и впервые надѣли парикъ. Новый же кафтанъ мамушка Анна Даниловна окропила святою водой.

Нельзя не упомянуть и о другомъ воспитательномъ пріемѣ Бехтѣева. О поведеніи и всѣхъ поступкахъ великаго князя заносилось и печаталось въ спеціальныхъ вѣдомостяхъ, которыя давали ему для прочтенія, увѣряя при этомъ, что ихъ разсылаютъ по всѣмъ европейскимъ Дворамъ...

Не удовольствовавшись назначеніемъ Бехтѣева, императрица вскорѣ выбрала для воспитанія внука новаго руководителя, генералъ-поручика и дѣйствительнаго камергера, Никиту Ивановича Панина, назначеннаго оберъ-гофмейстеромъ къ цесаревичу.

Женскій персоналъ восчувствовалъ приближавшуюся грозу и постарался заблаговременно напугать впечатлительнаго младенца и вооружить его противъ Панина.

Попытки имѣли успѣхъ:

„Плакивалъ прежде за мѣсяцъ еще до опредѣленія его... Потомъ, какъ у государыни Никита Ивановичъ обѣдалъ, его высочество подсылалъ подсмотрѣть... Сказывали, что старикъ угрюмой, а парикъ съ узлами... Что какъ скоро опредѣлится, тутъ и всему конецъ — не будутъ допускать ни Анну Даниловну, ни Матрену Константиновну, ни другихъ мамушекъ, и всѣ веселья отымутъ..."

Съ той поры начались, въ дѣйствительности, иные порядки. Воспитаніе и умственное развитіе мальчика начались по новой системѣ.

Наблюдая, со словъ современниковъ, первые образовательные шаги, нельзя не отмѣтить нѣсколько случаевъ, свидѣтельствующихъ объ остротѣ ума шестилѣтняго цесаревича.

Такъ напримѣръ, когда фельдмаршалъ Бутурлинъ, передъ отбытіемъ въ армію, откланивался великому князю, послѣдній замѣтилъ:

„Петръ Семеновичъ Салтыковъ поѣхалъ миръ дѣлать и миру не сдѣлалъ! . . . А этотъ теперь, конечно, ни миру, ни войны не сдѣлаетъ!"

Однажды, во время урока, разбирались событія военной исторіи, причемъ оказалось, что изъ тридцати государей того времени ни одинъ не былъ хорошъ. Въ это время отъ императрицы принесли пять арбузовъ. Стали ихъ разрѣзать, четыре были негодны, одинъ только годенъ.

Павелъ задумался и произнесъ:

„Вотъ изъ тридцати государей не было ни одного хорошаго, а изъ пяти арбузовъ хотя одинъ сыскался хорошій!"

На вопросъ, заданный великому князю, въ присутствіи двухъ придворныхъ, который изъ нихъ ему больше нравится, Павелъ Петровичъ отвѣтилъ, что обоими очень доволенъ. Когда же придворные удалились, цесаревичъ замѣтилъ:

„Что это сдѣлалось, что при нихъ спрашиваютъ меня, чтобы я ска-

залъ правду?... Либо вопросители глупы, либо меня за дурака почитаютъ!"

Какъ ни относиться къ личности главнаго воспитателя, необходимо признать, что выборъ, сдѣланный императрицей, былъ наилучшимъ, который можно было сдѣлать въ то время.

Никита Ивановичъ Панинъ принадлежалъ безспорно къ числу достойнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей елисаветинскаго вѣка, занимавшій неоднократно высокіе дипломатическіе посты, привѣтливый въ обращеніи, оставившій по себѣ добрую память безукоризненно честнаго человѣка

Появленіе Панина положило, между прочимъ, конецъ военнымъ забавамъ великаго князя. Нерѣдко, для развлеченія мальчика, собирали лакеевъ и Павелъ заставлялъ ихъ маршировать. Очевидно, наслѣдственныя наклонности проявили себя рано и находили удовлетвореніе въ этой игрѣ.

Однако, впослѣдствіи борьба воспитателя-дипломата потерпѣла полную неудачу. Когда же съ годами цесаревичъ пріобрѣлъ нѣкоторую самостоятельность, его экзерцирмейстерскія увлеченія расцвѣтутъ пышнымъ цвѣтомъ.

Между тѣмъ, здоровье ребенка продолжало попрежнему находиться въ неудовлетворительномъ состояніи. Его юные годы преисполнены въ изобиліи болѣзненными припадками. На бумагѣ же все обстояло прекрасно и лейбъ-медикъ, Павелъ Захаровичъ Кондоиди, безпрепятственно упражняется въ писаніи донесеній императрицѣ:

„Благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича вседражайшее здравіе, Господу споспѣшествующему за молитвами Вашего Императорскаго Величества, продолжается саможелательно и во всемъ благополучно" ...

27.

Солнечный лучъ заигралъ на стеклахъ манежа, мазнулъ золотой краской по стѣнамъ казармъ и, съ расточительной щедростью, сталъ разливаться яркимъ огненнымъ свѣтомъ.

И тотчасъ ,едва отзвучали мягкіе переливы трубъ, полковая слободка закипѣла обычною жизнью.

По всѣмъ направленіямъ заходили и забѣгали люди. Звеня малиновымъ звономъ, печатая шагъ, маршировали отдѣльныя команды и взводы. Огромные кони, рыжіе, красные, бурые, въ бѣлыхъ чулочкахъ, съ проточинами, звѣздами, лысинами во лбу, выводились вереницами изъ конюшенъ, привязывались къ эскадроннымъ коновязямъ. Заскребли, захлопали скребницы и щетки. Кирасиры, подъ наблюденіемъ унтеровъ, занялись утреннею уборкой.

— Тамъ-тамъ! — послышался первый ударъ кузнечнаго молота, снова запѣла труба и звонко откликалось конское ржанье.

А со стороны дворцовой дороги, уже пожелтѣвшей отъ обильнаго листопада, показались господа офицеры. Полнымъ махомъ, съ бичомъ, съ возжами въ рукахъ, проскочилъ на ворономъ жеребцѣ старшій полковникъ:

— Гей, ребята, поберегись!

Офицерская ѣзда протекала, какъ обычно, въ строгомъ и величавомъ спокойствіи. Пересыпая подковами, фыркали кони, бренчали стремена и мундштучныя цѣпки, четко звучала команда:

— Вольтъ направо...

— Направо назадъ...

— По головному номеру, плечомъ въ манежъ...

Полковникъ Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ зоркимъ окомъ слѣдитъ за посадкой и управленіемъ, бросаетъ короткія замѣчанія, а то вдругъ сорвется, кинется, точно коршунъ, на своемъ жеребцѣ и давай крыть зернистыми, выпуклыми словами.

Мощнымъ потокомъ льется солнце въ широкія окна манежа, играетъ веселыми зайчиками на запотѣвшихъ зеркалахъ, голубоватый туманъ подымается къ потолку.

— Смѣна, манежнымъ галопомъ...

Выдержавъ паузу, полковникъ подаетъ исполнительную команду. Набравъ поводъ, выжавъ лошадей шенкелями, въ очередной разъ звякнувъ стременами, смѣна переходитъ въ галопъ.

Въ крутомъ сборѣ, вынося правыя ноги и фыркая на каждомъ прыжкѣ, лошади скачутъ вдоль стѣнокъ манежа просторными, размѣренными движеніями, и обильная испарина покрываетъ гладкіе, лоснящіеся, упитанные крупы и спины.

— Справа по одному, на барьеръ! — подаетъ команду Ипполитъ Алексѣевичъ.

Головной номеръ дѣлаетъ перемѣну направленія черезъ манежъ и ведетъ смѣну на брезентовую канаву съ водой...

Въ офицерскомъ собраніи шумъ и гамъ тридцати шести голосовъ. Адмиральскій часъ въ полномъ разгарѣ, а закусокъ различныхъ, лакомыхъ кушаній, блюдъ, прямо невпроворотъ, выбирай чего душа требуетъ — телячьи ножки, навагу фритъ, антрекотъ-метрдотель, все, что создано очередной фантазіей хозяина и буфетчика Алексѣича.

Звенятъ стаканы, рюмки, ножи. Кипятъ споры, шутки, веселыя восклицанія. На всѣ лады, со всѣхъ точекъ зрѣнія, обсуждается злободневная тема:

— Будетъ война!

— Не будетъ войны!

— Обязательно будетъ война!

Газеты приносятъ сенсаціонныя вѣсти... Чемберленъ произнесъ въ парламентѣ грозную рѣчь... Императоръ германскій послалъ Крюгеру любезную телеграмму... Готовится мобилизація могучаго британскаго флота... Мелькаютъ странныя имена, невѣдомыя названія — Преторія, Іоганнисбургъ, Блюмфонтейнъ... Пахнетъ алмазами, золотомъ, углемъ и нефтью, а пуще всего пороховымъ дымомъ!...

Волнуются горячія головы, чешутся руки, охота повоевать.

По слухамъ, нѣсколько молодыхъ поручиковъ гвардіи собираются ѣхать добровольцами къ бурамъ. Военный министръ, генералъ Куропаткинъ, якобы отказалъ въ разрѣшеніи. Дескать, нечего осложнять политической обстановки, войны еще нѣтъ, а тамъ видно будетъ...

Каждый день кипятъ въ собраніи горячіе споры. Молодежь настроена воинственнымъ образомъ. Старики умѣряютъ порывы.

Любопытно всетаки знать, что принесутъ ближайшіе дни?..

Смѣнившись съ дежурства и задержавшись еще на нѣкоторое время въ собраніи, я вскорѣ направился къ дому.

Я шелъ по проспекту императора Павла I въ ясномъ, спокойномъ и благодушномъ, слегка созерцательномъ настроеніи, въ томъ именно настроеніи, которое вызывается всякимъ добросовѣстнымъ исполненіемъ долга.

Дежурство прошло благополучно. День находится въ моемъ полномъ распоряженіи. Впереди меня ожидаетъ заслуженный отдыхъ, поѣздка въ столицу, пріятное развлеченіе. По примѣру своего эскадроннаго командира, я начинаю обнаруживать влеченіе къ императорскому балету.

Меня восхищаетъ его яркая красота. Сколько чаръ таитъ это божественное искусство, плѣнительное женское голоножіе, легкія и воздушныя, какъ дуновеніе вѣтерка, арабески, батманъ, фуэтэ, граціозная музыка, волшебная постановка, сверканье женскихъ улыбокъ, блескъ огней, драгоцѣнностей, изысканныхъ туалетовъ ложъ и партера.

— C' est bien vu! — какъ сказалъ бы пророкъ изящнаго, законодатель великосвѣтскаго тона, цѣнитель эстетическихъ наслажденій.

Естественное теченіе мыслей привело меня къ вчерашней бесѣдѣ съ Аркасомъ:

— Бѣдный „Донъ-Педро“!... Очарованъ!... Попался!... Потерялъ голову!.. Впрочемъ, не въ первый разъ!.. Пройдетъ нѣсколько дней, романъ будетъ исчерпанъ и замѣненъ новой интрижкой!

Потомъ мысли мои коснулись споровъ о предстоящей войнѣ.

По моему мнѣнію, она неизбѣжна... Англійская политика не упуститъ удобнаго случая захватить богатѣйшую область... Силы противни-

новъ несоизмѣримы... Сопротивленіе будетъ сломлено въ кратчайшій срокъ... Мои симпатіи, разумѣется, на сторонѣ бѣдныхъ буровъ... Я не раздѣляю отдѣльныхъ попытокъ нашего офицерства принять участіе въ предстоящей борьбѣ, въ качествѣ какихъ-то наемныхъ ландскнехтовъ... Но если правительство снарядитъ, напримѣръ, экспедиціонный корпусъ, я готовъ записаться немедленно добровольцемъ!...

Разсуждая подобнымъ образомъ, я незамѣтно дошелъ до Люцевской улицы, повернулъ направо и, остановившись передъ квартирой, нажалъ кнопку звонка.

Асенька открыла мнѣ дверь.

— Вамъ записка! — сказала Асенька. — Дома никого нѣтъ!... Арканниковъ принесъ вамъ записку!

Съ этими словами, протянула бумажный листокъ.

Я развернулъ его и прочелъ:

„По приказанію командира полка, на васъ возлагается производство дознанія, по поводу буйства въ Бомбардирской Слободѣ".

Тутъ же была приложена выписка изъ полицейскаго протокола, съ перечисленіемъ участниковъ и подробностей происшествія...

Я пробѣжалъ вторично записку. Этого только недоставало! Записка нарушала всѣ планы.

Сперва, сила моего недовольства обрушилась на командира полка.

Потомъ, поразмысливъ, я пришелъ къ убѣжденію, что это никто иной, какъ полковой адъютантъ сыгралъ со мной подобную шутку, и рѣшилъ немедленно объясниться.

Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи онъ возлагаетъ именно на меня порученіе, которое съ такимъ же успѣхомъ можетъ выполнить другой офицеръ?

Послѣ дежурства я имѣю право на отдыхъ, могу разсчитывать, что меня не станутъ тревожить, оставятъ хотя бы на вечеръ въ покоѣ. Адъютантъ эксплоатируетъ меня потому, что я не обидчивъ, не вступаю съ нимъ въ служебныя пререканія, охотно исполняю всѣ его порученія... Можетъ быть, потому, что являюсь, по возрасту, самымъ молодымъ субалтерномъ?

— Виноватъ!... Адъютантъ сегодня же убѣдится, что въ томъ случаѣ, когда нарушается принципъ элементарной справедливости, я сумѣю себя защитить!

Я взглянулъ на часы и мысли мои приняли новое направленіе:

— Въ сущности, чѣмъ я рискую, если отложу производство дознанія на одинъ день?.. Велика важность, подумаешь?.. Дѣло не медвѣдь и въ лѣсъ, какъ говорится, не убѣжитъ?

Но я тотчасъ представилъ себѣ ехидный взоръ адъютанта, шутливыя

насмѣшки пріятелей — „подъ портретъ, подъ портретъ!", грозное, мрачное, словно туча, лицо старшаго полковника, и мысленно содрогнулся.

Я снова взглянулъ на часы и пришелъ къ опредѣленному рѣшенію:

— Въ моемъ распоряженіи имѣется достаточный запасъ времени!.. Я успѣю выполнить порученіе и съ шестичасовымъ поѣздомъ уѣхать въ городъ!.. Стоило такъ волноваться!

Мало по малу недовольство мое улеглось.

Ознакомившись съ содержаніемъ полицейскаго протокола, я даже поймалъ себя на улыбкѣ.

Красочнымъ слогомъ полицейскаго надзирателя въ протоколѣ была описана „вечеринка у дѣвицы Параскевы Касаткиной."

Въ немъ было передано, какъ „во время вышеизложеннаго вечерняго фрыштыка, съ горячительными напитками, произошелъ споръ промежду гостями" и какъ, въ результатѣ словеснаго столкновенія, „вольноопредѣляющійся ввѣреннаго полка, юнкеръ Иванъ Грумъ-Гржимайловъ, нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ, съ причиненіемъ тѣлеснаго поврежденія, гражданину города Гатчины, цырульныхъ дѣлъ мастеру Феодору Иванову Шутенкову".

Я зашелъ къ себѣ и переодѣлся. Но выйдя на улицу, почувствовалъ новый приливъ недовольства, направленный, на этотъ разъ, на прямыхъ виновниковъ драки...

28.

Я быстро намѣтилъ планъ дѣйствій и рѣшилъ, не мѣшкая, зайти прежде всего къ парикмахеру.

Потомъ можно будетъ направиться въ Бомбардирскую Слободу, разыскать дѣвицу Касаткину и личнымъ допросомъ провѣрить подробности показанія.

Что же касается главнаго героя, юнкера Грума-Гржимайлы, этотъ молодецъ дастъ мнѣ отвѣтъ послѣднимъ, въ помѣщеніи развѣдчиковъ четвертаго эскадрона.

Парикмахерская оказалась, однако, закрытой. Я долго колотилъ въ дверь и дергалъ ручку звонка. Никто не отзывался на мой настойчивый стукъ. Я заглянулъ въ окно и увидѣлъ, что помѣщеніе парикмахерской пусто. Тогда я рѣшилъ пройти съ задняго хода, толкнулъ узенькую калитку и вышелъ во дворъ.

Грузная баба, съ огромною грудью, свисавшей на самый животъ, открыла мнѣ черную дверь и уставилась тяжелымъ непривѣтливымъ взглядомъ.

— Теодоръ Ивановичъ дома?

Баба, не отвѣчая, продолжала глядѣть на меня, удивленная видимо моимъ посѣщеніемъ, пока я не повторилъ вопроса уже болѣе твердымъ, рѣшительнымъ тономъ:

— Теодоръ Ивановичъ дома?.. Нездоровъ, что-ли?.. Мнѣ необходимо его видѣть сію минуту!

— Дома-то дома! — произнесла женщина. — Что съ имъ станется, окаяннымъ?.. Дрыхнетъ цѣльныя сутки!.. Прошу пожаловать, полюбуйтесь на нашего кавалера?

Положеніе становилось неяснымъ.

— А вы кто? — задалъ я невольно вопросъ. — Прислуга, что-ли, будете?

— Зачѣмъ прислуга?.. Жана, стало быть!.. По закону, какъ слѣдоваетъ, жана! — отвѣтила баба, пропуская меня впередъ, продолжая кидать по адресу парикмахера жесткія, колючія, ядовитыя выраженія.

Въ первую минуту я былъ нѣсколько озадаченъ, узнавъ что Теодоръ Ивановичъ женатъ, что нашъ гатчинскій Фигаро, этотъ маленькій, тщедушный, романтически настроенный человѣкъ, съ золотымъ хохолкомъ и прозрачными блѣдно-голубыми мечтательными глазами, могъ оказаться супругомъ грубой мѣщанки.

— Какъ ошибочны бываютъ иллюзіи!

Черезъ кухню, охватившую меня кислой струей помоевъ и стираннаго бѣлья, я прошелъ въ небольшую столовую. По сосѣдству, за тонкой перегородкой, за которой помѣщалась видимо спальная комната, раздавался жалобный стонъ...

Теодоръ Ивановичъ лежалъ на широкой постели, укутанный стеганымъ одѣяломъ, имѣя голову повязанной на подобіе чалмы, мохнатымъ платкомъ, что придавало ему видъ турка или араба.

Если бы не голубой глазъ — правый глазъ былъ закрытъ огромнѣйшимъ волдыремъ изсиня-чернаго цвѣта, если бы не молочная бѣлизна обычно розовыхъ щекъ, сходство было бы несомнѣнное.

А въ общемъ, видъ его былъ до того жалокъ и одновременно такъ забавенъ, что все недовольство мое исчезло въ одно мгновенье и я проникся даже чувствомъ нѣкотораго сострадания.

Теодоръ Ивановичъ не встрѣтилъ меня своимъ обычнымъ привѣтствіемъ. Онъ не сказалъ мнѣ ни „привѣтъ дорогому гостю“, ни „почтеніе“, ни даже „бонжюръ!“

Онъ не вступилъ со мною въ бесѣду на обычную тему и грозный призракъ африканской войны, на этотъ разъ, казалось, совершенно отъ него отлетѣлъ.

При моемъ появленіи, онъ въ безпокойствѣ заметался на койкѣ и испустилъ душераздирающій вопль.

Я сухо съ нимъ поздоровался, присѣлъ на стоявшій по близости стулъ, въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ причину своего посѣщенія.

Теодоръ Ивановичъ заплакалъ.

— Не волнуйтесь! — произнесъ я. — Это можетъ отразиться на

вашемъ здоровьи! .. Будьте любезны изложить всѣ мотивы! .. Что далю поводъ, кто былъ зачинщикомъ, при какихъ обстоятельствахъ произошло столкновеніе? .. Предупреждаю, все должно быть передано съ полною откровенностью! .. Это требуется въ вашихъ же интересахъ!

— Господинъ Черкесовъ, да что тутъ передавать? — застоналъ парикмахеръ, утирая отъ слезъ свой лѣвый, здоровый глазъ и взмахивая безнадежно рукой. — Моченьки нѣтъ!.. Прямо жизни готовъ рѣшиться!.. Заѣла меня, сука проклятая! .. Вторыя сутки, тудыть твою, пилитъ и пилитъ! .. Все разскажу, ежели надобно, какъ на духу! .. Ничего не утаю, вотъ какъ передъ Истиннымъ!

Теодоръ Ивановичъ перекрестился широкимъ крестомъ, повернулъ голову къ двери и какъ бы прислушался...

Это было, разумѣется, пустое и банальное происшествіе, выросшее, какъ говорится, „по пьяной лавочкѣ", изъ столкновенія двухъ, взаимно исключающихъ интересовъ.

Теодоръ Ивановичъ, съ полною откровенностью, дѣлающей честь его искренности, признался во всемъ.

Онъ разсказалъ, что будучи приглашенъ на семейный вечеръ съ модными танцами, по случаю дня ангела хозяйки дома, принялъ участіе въ ужинѣ, развлекалъ барышень и даже дирижировалъ котильономъ. Что когда гости, за позднимъ временемъ разошлись, хозяйка уговорила его остаться и „выпить посошокъ на дорогу". Что одновременно съ нимъ остался и юнкеръ Иванъ Николаевичъ, его кліентъ и хорошій знакомый, и что, въ концѣ концовъ, онъ рѣшительно не въ состояніи себѣ уяснить, что послужило причиной тяжкаго тѣлеснаго оскорбленія.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе! — канючилъ, всхлипывая, Теодоръ Ивановичъ. — Ну, разсудите сами, по-божески, гдѣ такая модель, чтобы человѣка за ничто обижать? .. Я вѣдь ему ровно брату родному! .. И стрижку, и брижку, почитай, цѣльный годъ въ кредитъ отпускаю! .. И что на него тутъ напало — не вѣдаю! .. Какъ вскочитъ, какъ схватитъ меня за грудки, да какъ сашкою полоснетъ — прямо убилъ на смерть!

Теодоръ Ивановичъ умолкъ и закрылъ руками лицо.

— Охъ, горе мнѣ, горе, тошнехонько мнѣ, ваше высокоблагородіе! — заскулилъ онъ снова черезъ минуту. — А сраму не обобраться! .. Вотъ, язва, стоитъ вѣрно сейчасъ за дверями и слухаетъ! .. Только уйдете, безпремѣнно зачнетъ пытать и шкандалить! .. Полюбовницу, молъ, молодую завелъ? .. Денежки мои на нее просыпаешь? .. По міру, тудыть твою, желаешь меня пустить?

— Брешетъ онъ, окаянный! — послышался тотчасъ голосъ и на порогѣ появилась уже знакомая мнѣ фигура. — Не слухайте его, ваше

высокоблагородіе, все брешетъ, анафема! — обратилась она ко мнѣ и тотчасъ повернулась, хлопнувъ сердито дверьми...

Обстановка становилась болѣе или менѣе опредѣленной. Только одинъ пунктъ вызывалъ нѣкоторое сомнѣніе. Чтобы разсѣять его, я обратился за дополнительнымъ разъясненіемъ.

— Хорошо! — произнесъ я. — Ваше откровенное показаніе удовлетворяетъ меня вполнѣ!.. Но скажите, Теодоръ Ивановичъ, можетъ быть вы подали поводъ какимъ нибудь неосторожнымъ поступкомъ?... Можетъ быть обидѣли хозяйку какимъ нибудь замѣчаніемъ:.. Это дало право за нее заступиться!

— Оборони Боже! —— воскликнулъ Теодоръ Ивановичъ и замахалъ даже руками. — Ужъ коли на то пошло, Пашка сама кого угодно обидитъ!.. Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, вотъ какъ передъ Истиннымъ, я тутъ буквальнымъ образомъ ни при чемъ!

Теодоръ Ивановичъ на минуту остановился.

— Ну, можетъ быть, разокъ потянулся, не болѣе! — добавилъ онъ, понизивъ голосъ до шопота. — Ну, потянулся, допустимъ!.. Сами понимаете, господинъ Черкесовъ, какъ тутъ не охмелѣть?.. Дѣвка ядреная, да вѣдь безъ малаго двѣ четверти выпили?.. Допустимъ, что потянулся!.. А что Пашкѣ съ того, подумаешь, птица какая?.. И другимъ, чай, не мало останется!.. Юнкеру-то, небось, даже на колѣнки позволяетъ себя сажать?.. Вотъ какъ!

Теодоръ Ивановичъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на меня скорбнымъ, страдальческимъ взглядомъ...

29.

Въ Бомбардирской Слободѣ всѣ домишки удивительно схожи между собой.

Они напоминаютъ другъ друга, какъ близнецы, отличающіеся развѣ какой нибудь родинкой на подбородкѣ или щекѣ. Они построены по одному плану, какъ вѣроятно строились когда-то военныя поселенія, по одному и тому же монотонному образцу, напоминая шашки на шашечномъ полѣ.

Не взирая на точныя указанія Теодора Ивановича, въ теченіе добраго получаса я разыскивалъ „бѣленькій домикъ подъ зеленою кровлей съ тесовымъ крыльцомъ“, что стоитъ „насупротивъ винной лавки, аккуратъ по правой рукѣ отъ мощенаго переулка“.

Я долго колесилъ по узенькимъ улочкамъ, натыкаясь на канавы, плетни, огороды, упираясь въ различные тупики, пока счастливый случай, въ концѣ концовъ, не привелъ меня на квартиру Касаткиной.

Осенній день уже клонился къ закату. Медленно угасала заря и въ розовѣющемъ небѣ, тонкимъ заостреннымъ серпомъ, обозначился мѣсяцъ. На землю упали сѣрыя тѣни и сразу стало свѣжо.

На задворкахъ гомозилась еще домашняя птица, хрюкали свиньи, брехали собаки. На конькахъ и подъ навѣсами крышъ ворковали краснопѣгіе ржевскіе турмана.

Съ блеяньемъ, шарахаясь изъ стороны въ сторону, пробѣжало стадо овецъ. За ними, солидною поступью, расходясь по дворамъ, останавливаясь порой тупо посреди улицы, прошло стадо коровъ, оставивъ за собой запахъ молока и навоза.

На улицахъ попадались отдѣльные пѣшеходы, станціонные сторожа, бабы-молочницы, отставные солдаты. Изъ бакалейныхъ лавчонокъ тянуло керосиномъ, кожами, дегтемъ. Босоногіе ребятишки возились другъ съ дружкой, наполняя улицу визгомъ и смѣхомъ. Слобожане сидѣли на скамейкахъ у палисадовъ, судачили, спорили между собой.

Кто-то игралъ на гармошкѣ и звуки жалобно таяли въ вечерѣющемъ воздухѣ. . .

На крыльцѣ бѣлаго домика, окаймленнаго кругами подсолнуховъ, желтыми шапками георгинъ и кустами усохшей сирени, прислонясь къ косяку, стояла миловидная дѣвушка. Она куталась въ легкій бумазейный платокъ и, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ, глядѣла на потемнѣвшее небо.

— „Гатчинская Форель!“

Я тотчасъ ее узналъ, улыбнулся и представилъ себѣ дѣвушку въ той обстановкѣ, въ которой познакомился съ ней въ первый разъ, недѣли двѣ-три тому назадъ, на товарищеской пирушкѣ.

Я вспомнилъ, что кромѣ нея, было еще нѣсколько такихъ же юныхъ прелестницъ, простыхъ, веселыхъ и непосредственныхъ, оживлявшихъ наше маленькое собраніе Въ обществѣ этихъ милыхъ созданій, наши бесѣды и шутки, наши застольныя пѣсни и легонькія дурачества, принимаютъ особый характеръ. Женщины умѣряютъ наши порывы, вносятъ оттѣнокъ благопристойности, создаютъ настроеніе.

Я обрадовался неожиданной встрѣчѣ, которая къ тому же облегчала мою задачу.

Дѣвушка, въ свою очередь, узнала меня. Ея блѣдное личико оживилось. Въ глазахъ блеснулъ лукавый, слегка вызывающій огонекъ.

— Добрый вечеръ, Черкесовъ! — сказала дѣвушка и зубы ея сверкнули, какъ зернышки въ аломъ плодѣ.

— Здравствуйте, моя прелесть! — произнесъ я тѣмъ же, слегка задорнымъ тономъ, остановившись передъ крыльцомъ и посылая рукою привѣтствіе.

„Форелька“ закивала головкой.

— Опоздали, Черкесовъ! — улыбнулась дѣвушка. — Шестичасовый уже прошелъ!

Я взглянулъ на часы.

— Въ самомъ дѣлѣ! — усмѣхнулся я. — Придется ѣхать съ почтовымъ!... Закончу вотъ только маленькое дѣльце!.. Кстати можете мнѣ помочь!

Я передалъ возложенное на меня порученіе, разсказалъ о визитѣ Теодору Ивановичу, попросилъ указать адресъ Касаткиной.

— Въ этой слободкѣ, чортъ бы ее побралъ, путаешься словно въ лѣсу! — произнесъ я. — Ужъ на что невеликъ, кажется, грибъ, анъ болтаешься безъ всякаго толка!.. Пропустилъ поѣздъ!.. Опоздалъ на дѣловое свиданіе!.. А изъ за чего, спрашивается?.. Да изъ за какой-то дѣвки, passez moi le mot, простите за выраженіе!.. Стравила между собой добрыхъ друзей, заварила кашу, а мнѣ расхлебывать!... Какъ вамъ понравится?.. Я же ей пропишу!.. Въ участокъ ее закатаю!

„Форелька" со вниманіемъ прислушивалась къ моимъ словамъ.

Ея неожиданно насторожившееся личико принимало различныя выраженія — и любопытства, и плутовства, и даже легкой тревоги, и все это покрывалось какимъ-то особымъ, непонятнымъ мнѣ настроеніемъ, сквозившимъ въ большихъ сѣрыхъ глазахъ.

При послѣднихъ словахъ, это настроеніе прорвалось.

— А вѣдь я то и есть Касаткина! — сказала весело дѣвушка и покатилась со смѣху....

Когда изумленіе мое нѣсколько улеглось, я въ свою очередь разсмѣялся.

Мнѣ и въ голову не могло прійти подобное совпаденіе! Одновременно, я почувствовалъ нѣкоторую неловкость и тотчасъ принесъ извиненіе, сославшись на разсѣянность и досаду.

— Ахъ, что вы, право! — улыбнулась дѣвушка и взмахнула рукой.

Кутаясь попрежнему въ бумазейный платокъ, подрагивая отъ вечерней свѣжести, кивкомъ головы указала на дверь, приглашая слѣдовать за собой.

— Зайдемте въ горницу!.. Страсть холодно стало!.. Если угодно, согрѣю чайкомъ!

Я не заставилъ себя упрашивать, поднялся на крыльцо и послѣдовалъ за молодой дѣвушкой.

Пашенька засвѣтила огонь и въ комнатѣ стало сразу тепло и уютно. На столѣ стоялъ самоваръ. Вскорѣ появилась закуска, ватрушки, слоеные пирожки, малиновое варенье.

Неожиданное приключеніе начинало меня забавлять. Медленными глотками я отпивалъ чай и ощущалъ разливавшееся по жиламъ тепло. Въ обществѣ дѣвушки я почувствовалъ себя такъ непринужденно и хорошо, что мысль о поѣздкѣ въ городъ, отошла какъ-то на задній планъ, казалась ненужной и даже почти непріятной.

Пашенька сидѣла противъ меня. Ея разгорѣвшееся личико показалось еще болѣе привлекательнымъ. Бойкая, ни на минуту не прекращавшаяся болтовня, вызывала улыбку и смѣхъ.

— Черкесовъ ,вы такой симпатичный! — смѣялась дѣвушка. — Вотъ спасибочко вамъ, что зашли! .. Угодно еще чашечку? .. А можетъ быть соку малиноваго? .. Не прикажете? .. Въ грудяхъ мягчитъ и для здоровья куда какъ пользительно! ...

———

Когда чаепитіе было закончено, я пересѣлъ на диванъ и принялъ сосредоточенный видъ:

— Ну-съ, а теперь признавайтесь, что вы тамъ натворили? .. Поступокъ юнкера я нахожу грубымъ, дикимъ и возмутительнымъ!... Рубить палашомъ, хотя бы и не обнаженнымъ, безоружнаго человѣка? .. Это заслуживаетъ самаго строгаго наказанія!

Пашенька на минуту смутилась.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она тотчасъ съ горячностью. — Ванечка, право, не виноватъ! .. Черкесовъ, будьте добреньки, онъ право не виноватъ!

Паша сняла съ гвоздя гитару, круто повернувшись на каблучкахъ усѣлась рядомъ со мной, тронула струны, запѣла:

„Какой обѣдъ намъ подавали,
Какимъ виномъ насъ угощали...“

Я взглянулъ на окно, за которымъ чернѣла холодная осенняя ночь и, на этотъ разъ, окончательно отказался отъ поѣздки въ городъ.

— Но, подумайте, Пашенька! — продолжалъ я дознаніе. — Какъ же не виноватъ? .. Разбилъ въ кровь, изувѣчилъ, чуть на смерть не убилъ бѣднаго Теодора Ивановича! .. Хорошо говорить вамъ — не виноватъ!

Пашенька вспыхнула:

— Впередъ наука! .. Пусть не лѣзетъ, куда не спрашиваютъ! .. Я дѣвушка честная! .. Меня каждый можетъ обидѣть!

Она подобрала ноги и прижалась ко мнѣ. Большіе сѣрые глаза оказались вровень съ моимъ плечомъ. Острый запахъ волосъ, запахъ молодого женскаго тѣла, пробудилъ съ неожиданной силой желаніе.

— А на меня, напримѣръ, вы не обидитесь? — спросилъ я глухо, сдавленнымъ голосомъ.

— Вы дѣло другое! — задумчиво отвѣтила Пашенька. — Офицеръ! ... Благородный! ... Держитъ фасонъ!

Она тронула струны и снова запѣла:

„Чу-у-вство люб-ви
Мнѣ смѣ-шно, не-по-нят-но....“

Я не далъ ей продолжать... Быстро склонившись, я стиснулъ ее руками и впился въ алыя, сочныя, радражающія уста... Съ тихимъ сто-

номъ, покорно, безъ сопротивленія, Пашенька откинулась къ спинкѣ дивана... Гитара, забренчавъ, выскользнула изъ рукъ....

30.

Утренній сумракъ наполнялъ комнату скуднымъ зеленоватымъ свѣтомъ, когда я проснулся и, потягиваясь въ постели, вспомнилъ тотчасъ вчерашнее приключеніе.

Въ сознаніи, точно въ зеркалѣ, отразились образы всѣхъ участниковъ маленькой драмы — блѣдное, жалкое, перепуганное лицо Теодора Ивановича, затуманенный страстью взглядъ сѣрыхъ глазъ Пашеньки, вызывающая и дерзкая, съ закрученными усиками, печоринская физіономія главнаго героя, юнкера Грума-Гржимайлы.

Съ послѣднимъ, вслѣдствіе непредвидѣнно затянувшагося визита въ Бомбардирской Слободкѣ, я не имѣлъ еще разговора и рисовалъ себѣ предстоявшую встрѣчу.

Моя бесѣда не будетъ, разумѣется, выходить изъ рамокъ дознанія. Но я не откажу себѣ въ удовольствіи прописать ему небольшую головомойку, сказать нѣсколько назидательныхъ словъ и умѣрить, на будущее время, пылкія чувства лейбъ-кирасирскаго Донъ-Жуана:

— Вольноопредѣляющійся Грумъ-Гржимайло, нахожу ваше поведеніе безтактнымъ и возмутительнымъ!

— Вы пятнаете репутацію развѣдчиковъ четвертаго эскадрона!

— Что имѣете сказать въ свое оправданіе?

Я представилъ себѣ замѣшательство юнкера, его безсвязный путанный лепетъ, красивое, черноусое, выхоленное лицо, перекосившееся подъ натискомъ грознаго обвиненія, и усмѣхнулся...

Я вспоминалъ вчерашній вечеръ съ улыбкой и, одновременно, съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Чортъ возьми, могъ-ли я предполагать, что возложенное на меня служебное порученіе закончится такимъ оригинальнымъ финаломъ?... Что вмѣсто суроваго исполнителя долга, я окажусь въ иной роли, едва-ли соотвѣтствующей командирскому предписанію?

И чѣмъ далѣе я размышлялъ, тѣмъ болѣе приходилъ къ заключенію, что мною допущена нѣкоторая оплошность.

Я упрекалъ себя въ опрометчивости, слабости, легкомысліи, въ непростительномъ свойствѣ подчиняться голосу чувства.

Въ свѣтѣ этого размышленія, мое собственное поведеніе представилось мнѣ до такой степени предосудительнымъ, что я невольно измѣнилъ планъ, направленный противъ юнкера.

Въ самомъ дѣлѣ, какія у меня основанія отнестись къ нему съ лицемѣрной суровостью, оскорбить обвиненіемъ, устрашить незаслуженнымъ наказаніемъ?

Наоборотъ, не слѣдуетъ-ли мнѣ взять его подъ свое покровительство и, насколько возможно, смягчить въ глазахъ командира полка грубую выходку, продиктованную вполнѣ естественнымъ чувствомъ?

Юнкеръ молодъ, горячъ, пылкаго нрава. Онъ происходитъ изъ хорошей семьи, молодецъ въ строевомъ отношеніи, является однимъ изъ лучшихъ развѣдчиковъ четвертаго эскадрона.

Конечно, конечно, все это даетъ право на извѣстное снисхожденіе!.. Я пощажу его!... Я ограничусь лишь замѣчаніемъ!...

Сумракъ, между тѣмъ, разсѣивался съ каждой минутой.

Изъ кухни уже доносилось звяканье чайной посуды. Надъ головой застучали дробные Асенькины шаги. На дворѣ голосисто заливался пѣтухъ.

Я поднялся съ кровати и сталъ одѣваться.

Неожиданно раздался звонокъ и въ комнату, гремя палашомъ, вошелъ Анатоль...

„Душка-Анатоль“ былъ почему-то въ парадной формѣ, въ шинели, съ пропущенной черезъ лѣвый погонъ золотой перевязью лядунки, съ каской на головѣ.

— Здравствуй, Черкесовъ! — сказалъ онъ и обмѣнялся рукопожатіемъ.

Въ его близорукихъ глазахъ, вооруженныхъ стеклышками пенснэ — еще недавно, будучи въ Школѣ, онъ имѣлъ право носить только очки, въ его ужимкахъ, походкѣ, движеніяхъ, сквозило особое выраженіе, сочетаніе обычнаго шутовства и снобизма съ какою-то напускною торжественностью.

Разгадка послѣдовала немедленно.

— П-поздравляю! — произнесъ слегка заикающейся манерою Анатоль. — Занятія отмѣняются!

Я съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Оп-редѣленно! — продолжалъ онъ. — Не вѣришь?... Кромѣ шутокъ, честное б-благородное слово!

Загадочно улыбнувшись, Анатоль выдержалъ короткую паузу:

— Въ десять часовъ п-прибываетъ Ея Величество!.. Радуйся и б-благодари!

Анатоль съ побѣдоноснымъ видомъ прошелся по комнатѣ, прикоснулся къ комоду, дважды тронулъ край умывальника, на одно мгновенье присѣлъ на диванъ и, гремя палашомъ, остановился передъ окномъ.

„Осень... Осып-пается
Весь нашъ бѣдный садъ...“

пропѣлъ Анатоль жидкимъ фальшивымъ голосомъ, разглядывая поблекшія клумбы, съ синими головками астръ, посреди желтаго ковра листопада.

Онъ отвернулся отъ окна, подошелъ къ зеркалу, поправилъ прическу, потрогалъ рыжеватый пушокъ надъ губой и, волоча за собою палашъ, перешелъ въ сосѣднюю комнату.

Денщикъ готовилъ утреннюю закуску. Надъ головой, спускаясь по лѣстницѣ, снова застучали Асенькины шаги. Вслѣдъ за тѣмъ появился писарь Арканниковъ съ новой запиской отъ адъютанта:

„По приказанію командира полка сообщаю, что сего числа прибываетъ Государыня Императрица. Встрѣча Ея Величества состоится въ десять часовъ утра на санктпетербурго-варшавскомъ вокзалѣ. Форма одежды парадная, имѣя шинели одѣтыми въ рукава".

И планъ дознанія былъ, такимъ образомъ, снова нарушенъ вторженіемъ, на этотъ разъ, совершенно особаго, чрезвычайнаго обстоятельства...

31.

Въ голубомъ небѣ плыли прозрачныя облака и все выше подымался огненный шаръ, заливая городокъ буйнымъ, радостнымъ свѣтомъ.

Подобные дни наблюдаются рѣдко въ столицѣ. Обычно тамъ желтый туманъ, влажный сумракъ и дождь. Только здѣсь, на гатчинской высотѣ, среди ея великолѣпныхъ просторовъ, осень балуетъ неожиданными сюрпризами.

Вокзалъ санктпетербурго-варшавской желѣзной дороги, расположенный у истока главной Багговутовской улицы — улица названа именемъ долголѣтняго коменданта, сына героя Отечественной войны, павшаго въ бородинскомъ бою — убранный хвоей, разукрашенный трехцвѣтными флагами, представлялъ нарядное зрѣлище.

На обоихъ крыльяхъ длиннаго станціоннаго зданія виднѣлась толпа горожанъ. У подъѣзда стояли придворные экипажи съ кучерами въ алыхъ ливреяхъ. Чинно разгуливала полиція и бросалась въ глаза сухая, худощавая фигура гатчинскаго полицеймейстера, спокойнымъ голосомъ, дѣловито, безъ суеты, отдававшаго приказанія.

Такая же толпа, но въ значительно меньшемъ размѣрѣ, наполняла перронъ. Здѣсь находились офиціальныя лица — комендантъ, нѣсколько придворныхъ особъ, сѣренькая шеренга воспитанниковъ и воспитанницъ мѣстныхъ гимназій, нѣсколько конвойцевъ въ синихъ черкескахъ.

И выдѣляясь яркимъ пятномъ, сверкая золотомъ касокъ, стояла группа Лейбъ-Кирасиръ.

Командиръ полка, генералъ баронъ Раушъ, здороваясь и пожимая руки господамъ офицерамъ, имѣлъ слегка взволнованный видъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ полковой адъютантъ, поручикъ Лазаревъ, съ пышнымъ

букетомъ, перевитымъ лентами полковыхъ цвѣтовъ, бѣлыхъ и синихъ, имѣя строевой рапортъ засунутымъ за золотой галунъ перевязи.

Старшій полковникъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, буравилъ присутствующихъ острыми стальными глазами, то строя насмѣшливыя гримасы, то обводя публику величественно-торжествующимъ взоромъ. Его внушительная фигура, съ богатырскою грудью и стянутой въ рюмочку таліей, производила чрезвычайное впечатлѣніе.

Впереди, за полотномъ желѣзной дороги, виднѣлся старый полосатый шлагбаумъ, временъ Павла Петровича, пожелтѣвшіе огороды, рядъ низенькихъ сѣрыхъ деревянныхъ построекъ Загвоздки.

Тутъ же находилось обширное поле, съ полковымъ стрѣльбищемъ по лѣвой рукѣ.

Ржавый, слегка курящійся лугъ, съ моховыми кочками и рѣдкимъ кустарникомъ, простирался до горизонта, упираясь въ дымку далекихъ синихъ боровъ...

———

Мелькнула алая шапка станціоннаго коменданта, подбѣжавшаго съ тревожнымъ видомъ къ командиру полка, и разговоры тотчасъ оборвались. Издалека послышался грохотъ подходящаго поѣзда. Головы повернулись невольно въ правую сторону.

Точно пушистое облачко, взвился на путяхъ бѣлый дымокъ, просвистѣлъ рѣзкій гудокъ паровоза, застучали колеса, и синій императорскій поѣздъ, съ литерными вагонами, украшенными золотыми орлами, влетѣлъ подъ своды вокзала.

Онъ влетѣлъ полнымъ ходомъ, точно не имѣлъ намѣренія остановиться. Въ глазахъ зарябило отъ мелькавшихъ вагоновъ, отъ солнечной пыли, отъ упруго подававшихся подъ колесами рельсъ.

Но раздался новый свистокъ, рѣзко скрипнули тормаза и поѣздъ остановился, задрожавъ всѣми соединеніями. И тотчасъ малиновая дорожка протянулась отъ подъѣзда къ дверямъ салонъ-вагона, а маленькая лѣсенка, изъ четырехъ обшитыхъ бархатомъ отлогихъ ступенекъ, ловко зацѣпилась за край.

По знаку адъютанта, капельмейстеръ взмахнулъ бѣлою палочкой и трубачи заиграли полковой маршъ.

Черезъ зеркало оконъ выглянули свѣжія, молодыя и радостныя лица Государя Наслѣдника великаго князя Михаила и обѣихъ сестеръ, великой княгини Ксеніи и великой княжны Ольги. Съ улыбками, съ живымъ любопытствомъ, обмѣниваясь между собою словами, они поглядывали то на господъ офицеровъ, то на хоръ трубачей и публику, стоявшую на перронѣ.

Осторожной, медлительною походкой, держась за поручни, изъ вагона вышелъ и спустился по лѣсенкѣ, состоящій при Особѣ Ея Величества генералъ-адъютантъ князь Владимиръ Анатоліевичъ Барятинскій.

Вслѣдъ за нимъ легко соскочили двѣ молодыя фрейлины, сестры Голенищевы-Кутузовы, и статсъ-дама графиня Гейденъ.

Черезъ минуту, въ дверяхъ салонъ-вагона показалась маленькая, стройная фигурка Августѣйшаго Шефа...

Граціознымъ движеніемъ, отклонивъ постороннюю помощь, Императрица спустилась по лѣсенкѣ на перронъ.

Генералъ баронъ Раушъ подошелъ немедленно съ рапортомъ и, принявъ отъ адъютанта букетъ, поднесъ его Государынѣ. Въ то же мгновенье, обнаживъ голову, прикоснулся поцѣлуемъ къ рукѣ.

Императрицѣ недавно исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. Между тѣмъ, къ моему изумленію, передо мною стояла женщина совершенно иного возраста, много моложе, примѣрно лѣтъ тридцати.

Въ темныхъ, густыхъ слегка подвитыхъ волосахъ, выбивавшихся изъ подъ мѣховой шапочки, не виднѣлось ни единой серебряной нити. Ни одна предательская морщинка не прорѣзала чистаго, гладкаго, на рѣдкость привлекательнаго лица. Въ темныхъ, подернутыхъ грустной улыбкой, большихъ карихъ глазахъ, опушенныхъ густыми рѣсницами и бровями, какъ бы чувствовались еще свѣжесть и красота юности.

Мое первое впечатлѣніе усугублялось изяществомъ Императрицы, тѣмъ особымъ изяществомъ, которое можно найти въ изображеніяхъ на старинныхъ гравюрахъ.

Въ этомъ изяществѣ, соединявшемъ строгость формъ съ необыкновенною граціей въ движеніяхъ, чувствовалась невыразимая прелесть и какъ бы проблескъ души...

Сопровождаемая командиромъ полка и всѣми тремя Дѣтьми, Императрица обходила господъ офицеровъ, милостиво кивая головкой, протягивала руку для поцѣлуя, обращаясь къ каждому съ нѣсколькими словами.

И каждый, проворно снявъ каску, прикасался, съ поклономъ, къ маленькой, сухой, излучавшей нѣжный ароматъ рукѣ.

Съ особымъ вниманіемъ, за которымъ наблюдались чувства, въ нѣкоторомъ родѣ, интимной близости и пріязни, Государыня задерживалась передъ старшими офицерами, бесѣдуя съ ними то на французскомъ языкѣ, то по русски, снабжая фразу легкимъ, чуть уловимымъ акцентомъ.

Хрупкая и воздушная, въ мѣховой шапочкѣ, въ темной мѣховой шубкѣ, отороченной горностаевымъ воротникомъ, она казалась призракомъ изъ какого-то потусторонняго міра, безплотнымъ, неосязаемымъ существомъ, спустившемся съ горнихъ вершинъ на землю.

Держа букетъ въ лѣвой рукѣ, она шутливо бесѣдовала по русски со старшимъ полковникомъ, который, широко улыбаясь, отвѣчалъ ей въ

томъ же простомъ, благодушномъ и, по моему мнѣнію, недостаточно почтительномъ тонѣ, словно имѣлъ дѣло не съ вѣнценосной Особой, не со вдовствующей Императрицею Всероссійской, а съ обыкновенной доброй знакомой.

Полковникъ Эсперъ Александровичъ, согнувшись въ низкій придворный поклонъ, не подымая глазъ, выслушалъ нѣсколько французскихъ фразъ, обращенныхъ къ нему, по поводу здоровья его супруги.

А съ командиромъ четвертаго эскадрона Императрица заговорила даже по датски, и старѣйшій ротмистръ императорской гвардіи, съ глубоко взволнованнымъ, залитымъ пунцовой краской лицомъ, былъ растроганъ до слезъ.

Представленіе не напоминало офиціальный пріемъ. Оно носило характеръ какъ бы дружеской встрѣчи лицъ, связанныхъ долголѣтнимъ знакомствомъ, общею жизнью, общими интересами.

Яркій солнечный день, украсившій возвращеніе Государыни въ ея резиденцію, любопытныя улыбки Государя-Наслѣдника и великихъ княженъ, веселое шушуканье молодыхъ фрейлинъ, какъ нельзя лучше отвѣчали общей картинѣ...

На лѣвомъ флангѣ полковой группы, Императрица, въ свою очередь, нѣсколько задержалась. Новыя лица привлекли вниманіе Государыни. Командиръ полка представлялъ молодыхъ офицеровъ.

— Корнетъ Черкесовъ! — произнесъ генералъ Раушъ, когда очередь дошла до меня и я отвѣсилъ поклонъ.

Въ грустныхъ глазахъ Государыни, на мгновенье какъ мнѣ показалось, блеснулъ шаловливый, смѣшанный съ любопытствомъ и ласкою, огонекъ. Императрица смѣрила меня съ головы до ногъ. Красивые глаза остановились на мнѣ съ подкупающею улыбкой.

Протягивая руку для поцѣлуя, Императрица обернулась къ командиру полка:

— Si jeune? Mais c'est un enfant en uniforme? — сказала Императрица. — Je suppose, quand même, que c'est un brave officier? добавила она шутливымъ тономъ и засмѣялась.

— Vous avez parfaitement raison, Madame! — отвѣчалъ генералъ Раушъ, впадая въ тотъ же шутливый тонъ. — Un excellent officier!... La valeur n'attend pas le nombre des années!

Государыня вновь засмѣялась.

Вслѣдъ за тѣмъ, Императрица приняла полковыхъ дамъ, побесѣдовала со старикомъ-комендантомъ, обошла воспитанницъ женской гимназіи и воспитанниковъ Сиротскаго Института.

Потомъ, въ сопровожденіи окружившихъ ее офицеровъ, черезъ императорскіе покои, направилась къ выходу.

У подъѣзда уже стояла коляска съ императорскими гербами. Пара

вороныхъ рысаковъ нетерпѣливо била копытами по землѣ. Толпа горожанъ зашевелилась и встрѣтила появленіе Государыни кликами. Привѣтливо улыбаясь и кивая головкой, Императрица вмѣстѣ съ Дѣтьми сѣла въ помѣстительный экипажъ.

Бородатый кучеръ, съ медалями на груди, тронулъ возжами и коляска покатилась по сухой, слегка промерзшей пріоратской дорогѣ...

32.

ИМПЕРАТРИЦА Марія Феодоровна является Шефомъ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ.

Всѣ они, какъ напримѣръ, полкъ Кавалергардовъ, первый полкъ русской Арміи, по своему аристократическому составу, привилегированному положенію и близости къ императорскому престолу, или какъ Псковскіе и Чугуевскіе драгуны, пользуются благоволеніемъ Государыни. Какъ особое отличіе, нѣкоторые изъ нихъ носятъ на погонахъ и на лядункахъ шефскіе вензеля и царскія короны на пуговицахъ. Командирами этихъ полковъ назначаются лица, хорошо извѣстныя Государынѣ. Императрица поддерживаетъ съ полками прочную связь и расточаетъ имъ знаки вниманія.

Однако, ни одинъ изъ полковъ не пользуется столь исключительной близостью, какъ Лейбъ-Регимента.

Это объясняется цѣлымъ рядомъ причинъ.

Основанный еще Великимъ Петромъ, одновременно со своими славными однобригадниками, Кирасирами Его Величества, полкъ считается старѣйшимъ полкомъ гвардейской конницы.

Всѣ русскія государыни, съ незапамятныхъ поръ, состояли шефомъ полка. Эта преемственность, за вычетомъ самыхъ незначительныхъ сроковъ сохранилась до послѣдняго времени.

Но главной причиной служитъ, разумѣется, то обстоятельство, что стоянка полка, въ теченіе многихъ лѣтъ, неразрывно связана съ императорской резиденціей.

Расположенный въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ царскимъ дворцамъ, занимающій его своими постами и караулами, полкъ какъ бы является тою подлинною „лейбъ-гвардіей“, на которую возложена ближайшая охрана Царской Семьи...

Послѣ безвременной кончины цесаревича Николая Александровича, его невѣста, датская принцесса Дагмара, стала супругою его брата и впослѣдствіе русской Императрицей.

Маленькая и хрупкая, съ внѣшней стороны она совершенно не подходила къ своему царственному супругу, обладавшему, какъ извѣстно, могучей, исполинской фигурой. Однако, люди, знавшіе близко интимную жизнь Александра III, свидѣтельствуютъ, что бракъ государя былъ

счастливъ. Душевныя качества Императрицы завоевали любовь и дружбу царя.

Александръ III избралъ гатчинскій „замокъ“ въ качествѣ своего постояннаго мѣстожительства. Въ тихомъ уединеніи, вдали отъ безпокойной столицы, протекли лучшіе годы. Здѣсь прошли счастливые дни супружеской жизни, здѣсь выросли дѣти, здѣсь, наконецъ, въ просторныхъ покояхъ дворца, въ овѣянныхъ тѣнями прошлаго, задумчивыхъ аллеяхъ царскаго парка, мощной рукой ковалась исторія.

Съ кончиной Царя-Миротворца, вдовствующая Императрица осталась вѣрна его памяти и завѣтамъ.

Она не разсталась съ гатчинскимъ „замкомъ“, не разсталась и со своимъ роднымъ, осиротѣвшимъ одновременно съ нею, Лейбъ-Кирасирскимъ полкомъ.

Именно съ этой поры и осуществляется то безконечное благоволеніе, которое полкъ ощущаетъ на каждомъ шагу.

Милости Государыни разнообразны.

Императрица интересуется полковой жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, не пропускаетъ случая подчеркнуть лишній разъ свое расположеніе, ласку, любовь, оказываетъ матеріальную поддержку и покровительство.

Свое шефское содержаніе Императрица передаетъ въ полковую казну. Господамъ офицерамъ, потерявшимъ средства къ существованію или очутившимся въ затруднительномъ положеніи, приходитъ на помощь единовременной и даже регулярной поддержкой. Всѣмъ чинамъ полка, какъ офицерамъ, такъ и сверхсрочнымъ солдатамъ, въ случаѣ ухода съ военной службы, подыскиваетъ должность или занятіе.

Однажды, посѣтивъ полкъ, Императрица нашла, что полковой околотокъ не вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. И тотчасъ расширяетъ его на личныя средства и щедро снабжаетъ необходимою принадлежностью.

Въ другой разъ, всего два года тому назадъ, Императрица рѣшила, что старое полковое собраніе, ютившееся въ казарменномъ помѣщеніи, тѣсно и неудобно.

И тотчасъ составляется смѣта, отпускаются средства и, на мѣстѣ пустопорожней площадки, выростаетъ роскошный полковой особнякъ. Трудно перечислить, вообще, знаки этого исключительнаго вниманія. Полкъ цѣнитъ безмѣрную милость Императрицы и относится къ своему Августѣйшему Шефу съ той безпредѣльной любовью, съ каковой почтительный сынъ относится къ нѣжной и ласковой Матери...

Съ пріѣздомъ Императрицы городокъ принялъ сразу праздничный видъ. Всѣ улицы украсились флагами. Они развѣвались на крышахъ

присутственныхъ зданій, свисали съ балконовъ частныхъ квартиръ, а на флагштокѣ гатчинскаго дворца взвился желтый штандартъ съ чернымъ двуглавымъ орломъ.

Не успѣла пара вороныхъ рысаковъ промчаться мимо казармъ по дворцовой дорогѣ, не успѣла коляска Императрицы, миновавъ полковую гауптвахту и церковь, свернуть направо и остановиться передъ главнымъ подъѣздомъ, какъ по той же дорогѣ, одинъ за другимъ, уже мчались придворные экипажи, одиночки, кареты.

Командиръ полка, генералъ баронъ Раушъ, въ соотвѣтствіи съ этикетомъ, прямо съ вокзала направился въ царскій дворецъ. Онъ будетъ немедленно принятъ на особой аудіенціи и приглашенъ къ высочайшему завтраку.

Что касается господъ офицеровъ, одна часть, воспользовавшись неожиданнымъ праздничнымъ днемъ, какъ говорится, навостривъ лыжи, тотчасъ укатила въ столицу.

Семейные проводятъ день въ домашнемъ кругу. Холостая молодежь сидитъ, по обыкновенію, въ офицерскомъ собраніи.

Пріѣздъ Императрицы далъ новую пищу для разговоровъ. Господа офицеры, подъ вліяніемъ утренней встрѣчи, находились въ оживленномъ, приподнятомъ настроеніи. Одни восхищались свѣжестью и моложавой внѣшностью Государыни. Другіе передавали и подробнымъ образомъ комментировали ея милостивыя слова.

И всѣ, безъ исключенія, считали, что съ пріѣздомъ Августѣйшаго Шефа, полковая жизнь станетъ богаче, интереснѣй, разнообразнѣй...

А небольшая компанія, уединившись въ комнатѣ дежурнаго офицера, коротала часы въ рѣзвой борьбѣ карточнаго плюса и минуса.

Ставки, на этотъ разъ, уже не ограничивались полтинниками и рублями. Въ банкѣ, наряду съ серебряною монетой, лежатъ желтыя, зеленыя, синенькія бумажки и звонкіе „рыжики"...

Когда очередь дошла до меня, я заложилъ четвертной билетъ и тотчасъ его проигралъ.

Въ дальнѣйшемъ, я трижды повторилъ ту же попытку удвоить свой капиталъ и, съ тою же математическою точностью, терялъ одинъ банкъ за другимъ.

Карта упорно не шла, талія не складывалась, въ одинаковой степени не везло въ понтировкѣ.

Въ руки упрямо ползли черныя и розовыя десятки, червонные валеты съ лихо закрученными усами, пиковыя дамы съ бумажными лиліями, трефовые и бубновые короли съ извозчичьими бородами, словомъ, вся та тяжелая разномастная дрянь, которая, на языкѣ игроковъ, называется „банъ" или „жиромъ".

Къ четверкѣ я непремѣнно прикупалъ очередную шестерку, къ пятеркѣ пятерку, и противникъ билъ меня однимъ очкомъ. Когда я открывалъ шесть очковъ, у банкомета оказывалась семерка.

Я рѣшилъ сдѣлать послѣднюю ставку.

— На пэ! — произнесъ я и отчеркнулъ уголъ мѣлкомъ.

„Сенека" заметалъ банкъ.

Онъ выбросилъ мнѣ двѣ карты. Потянувъ верхнюю карту и осторожно приподнявъ одинъ край, какъ это дѣлаютъ старые клубные игроки, я обнаружилъ сѣкиру пиковаго валета. Подъ нимъ лежала восьмерка трефъ.

Я улыбнулся.

„Сенека" пытливо взглянулъ на меня.

Онъ роздалъ карты, открылъ себѣ двойку и четверку бубенъ, побарабанилъ пальцами по столу.

— Дамбле! — крикнулъ я и выбросилъ карты на столъ. — Покупай тройку, если желаешь!

„Сенека" внимательно осмотрѣлъ ставки, пересчиталъ банкъ и задумался. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ колебался.

— Э, была не была! — рѣшительно произнесъ „Сенека", потянулъ третью карту и шлепнулъ ее на столъ.

На столѣ лежала тройка бубенъ.

„Черный Пудель", Анатоль, Эдя, въ одинъ голосъ, захохотали.

Я отдалъ деньги и, въ смущеніи, поднялся изъ за стола...

Я спустился внизъ, побродилъ по бѣлому залу, перешелъ въ „Комнату Императрицы" и, усѣвшись въ глубокое кресло, сталъ перелистывать полковой альбомъ, въ тяжеломъ кожаномъ переплетѣ.

Передъ моимъ взоромъ проходитъ длинная портретная галлерея моихъ сослуживцевъ, командировъ, однополчанъ — и настоящихъ, и тѣхъ, кто покинулъ ряды полка, занимая сейчасъ различные посты въ государствѣ, вплоть до самыхъ высокихъ, самыхъ отвѣтственныхъ, и тѣхъ, кого уже давно нѣтъ въ живыхъ.

Передо мной мелькаютъ молодые корнеты, поручики, ротмистра, красивыя, породистыя, интересныя лица, которыхъ знаю лишь по наслышкѣ, о которыхъ сохраняются полковыя преданія, мелькаютъ старинныя формы, каски, мундиры, флигель-адъютантскіе аксельбанты и вензеля, голубые николаевскіе лампасы.

Подъ каждою карточкой имѣется собственноручная подпись, — имя, фамилія, годъ выпуска въ офицеры — иная четкая, другая разбираемая съ трудомъ, съ блѣдными, тусклыми, отъ времени выцвѣтшими чернилами. Одни офицеры окончили Школу, другіе Пажескій корпусъ, третьи поступили юнкерами со стороны.

И сейчасъ въ полковомъ спискѣ насчитывается нѣсколько бывшихъ

камеръ-пажей, нѣсколько лицеистовъ и правовѣдовъ, смѣнившихъ свою статскую шпагу на шпагу и палашъ кирасирскаго субалтерна.

Большинство же господъ офицеровъ являются бывшими юнкерами „Гвардейской Школы".

Ея традиціи продолжаютъ жить въ нашей средѣ. Воспоминанія о славномъ зданіи съ длиннокрылымъ орломъ на фронтонѣ, дни свѣтлой юности, школьныя шутки, школьныя пѣсенки, оживаютъ нерѣдко въ нашей душѣ.

И оживаетъ образъ поэта, опускающаго изъ золотой рамы свой мечтательный взоръ...

„И мчались мы куда-то,
Откуда нѣтъ возврата,
Куда дороги нѣтъ,
Куда дороги нѣтъ..."

33.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ опредѣлился въ „Гвардейскую Школу" изъ московскаго университета, который покинулъ по причинѣ столкновенія съ однимъ изъ профессоровъ.

Екатерина Александровна Арсеньева рѣшительно возставала противъ поступленія внука на военную службу. Ея уговоры, просьбы и даже прямыя угрозы разжигали еще болѣе самолюбіе юноши.

„Итакъ, я сдѣлался воиномъ!" — признается поэтъ въ своемъ первомъ письмѣ изъ Школы. — „Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія?... Быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли жить для поприща литературнаго, то можетъ быть дойду по немъ до послѣдней цѣли моего существованія?.. Вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, нежели отъ медленнаго старческаго изнеможенія!"

Первые же дни пребыванія въ Школѣ ознаменовались эпизодомъ, имѣвшимъ для поэта тяжелыя послѣдствія.

Однажды, во время ѣзды въ манежѣ, подстрекаемый сверстниками, желая блеснуть удалью и неустрашимостью, Лермонтовъ сѣлъ на горячую, норовистую лошадь, которая стала его тотчасъ носить и сбивать, перепугала другихъ коней и одинъ изъ нихъ лягнулъ поэта въ колѣнную чашку.

Ударъ былъ чрезвычайно силенъ. Лермонтовъ упалъ безъ чувствъ, болѣлъ въ теченіе мѣсяца и вышелъ изъ лазарета со слегка искривленною ногой.

Это обстоятельство вызвало дружескія шутки пріятелей, окрестившихъ его „Маешкой".

„Mayeux" такъ назывался отличавшійся физическимъ безобразіемъ герой одного, только что вышедшаго французскаго романа. Этимъ именемъ французы зовутъ обычно всѣхъ горбуновъ.

А такъ какъ Лермонтовъ былъ нѣсколько сутуловатъ, школьные прiятели находили, что кличка эта весьма ему приличествуетъ.

Поэтъ не обижался, впрочемъ, на кличку и самъ увѣковѣчилъ ее за собой въ шутливой поэмѣ „Монго"...

Прiятели Лермонтова по Школѣ были примѣрно одних и тѣхъ же лѣтъ. Многiе изъ нихъ смѣнили домашнюю опеку непосредственно на суровую школьную дисциплину. Состоятельные дворяне, избалованные помѣщичьи барчуки, попадаютъ здѣсь въ военную обстановку, находящуюся въ рѣзкомъ противорѣчiи съ прежнимъ образомъ жизни.

Но если не годами, то общимъ развитiемъ поэтъ много превосходилъ окружающихъ его сверстниковъ. Эта причина выдвигаетъ его сразу изъ толпы жизнерадостныхъ школяровъ. Юнкерское удальство, первенство въ любой выходкѣ, изощренность въ козняхъ начальству, доставляютъ ему почтительное восхищенiе однокашниковъ. Ему прощаютъ и неловкость осанки, и невидность во фронтѣ. Его считаютъ хорошимъ товарищемъ, но близко не сходятся.

Одни боятся его несдержаннаго и остраго языка. Другихъ отпугиваетъ его непрiятная, раздраженная насмѣшка надъ всѣмъ и надъ всѣми. Развѣ только одинъ кузенъ Столыпинъ можетъ похвастать прiятельской близостью.

Первую поэтическую извѣстность молодой юнкеръ завоевываетъ шалостями юношескаго пера, главнымъ образомъ, вдохновенной барковщиной, воспѣвавшей въ звучной и крайне легкомысленной формѣ маленькiя любовныя приключенiя.

Первые плоды творчества, тайкомъ отъ начальства, помѣщаются въ рукописномъ журналѣ, выходившемъ одинъ разъ въ недѣлю, по средамъ, и прочитывавшемся при шумномъ одобренiи и смѣхѣ друзей.

Здѣсь помѣщена, между прочимъ, и знаменитая юнкерская „Молитва", въ которой, подъ кличкой „Алехи", воспѣтъ командиръ школьнаго эскадрона, ротмистръ нашего Лейбъ-Кирасирскаго полка, Алексѣй Степановичъ Стунѣевъ:

„Пускай въ манежѣ
Алехинъ гласъ,
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ..."

Въ „Петергофскомъ праздникѣ" изображенъ одноклассникъ поэта, юнкеръ Мартыновъ, старшiй братъ того, на долю котораго выпалъ впослѣдствiе трагическiй жребiй стать убiйцей поэта.

Здѣсь же, въ стѣнахъ Школы, написанъ и „Хаджи-Абрекъ"...

Въ 1834 году состоялся очередной десятый выпускъ.

Изъ числа сорока четырехъ юнкеровъ, эскадронный вахмистръ Ермолай Бенкендорфъ вышелъ въ Кавалергарды.

Афанасій Синицынъ и Мирбахъ — въ Конную Гвардію, Поливановъ и князь Шаховской — въ Лейбъ - Уланы, князь Голицынъ и Вонлярлярскій — въ Преображенцы, Михаилъ Мартыновъ — въ нашъ Лейбъ-Кирасирскій полкъ.

Михаилъ Лермонтовъ съ двумя братьями Череповыми, Андреемъ и Александромъ, выпущенъ Лейбъ-Гвардіи въ Гусарскій полкъ.

Черезъ годъ, въ этотъ же полкъ былъ выпущенъ и Алексѣй Столыпинъ, кузенъ поэта, извѣстный подъ кличкой „Монго". Эта кличка сохранилась за нимъ и въ столичномъ обществѣ, въ которомъ, благодаря красотѣ, ловкости, остроумію, Столыпинъ игралъ не послѣднюю роль.

Странная судьба связала двухъ этихъ лицъ.

Въ Школѣ, а потомъ въ Лейбъ-Гусарскомъ полку, Лермонтовъ и Столыпинъ были друзьями. Когда въ 1837 году поэтъ въ первый разъ ссылается на Кавказъ, Монго - Столыпинъ немедленно слѣдуетъ за нимъ.

Отличившись въ нѣскольнихъ дѣлахъ противъ горцевъ и вернувшись въ столицу одновременно съ Лермонтовымъ, Столыпинъ выходитъ въ отставку.

Во время дуэли поэта съ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника, Столыпинъ состоитъ секундантомъ у своего друга. Послѣ высочайшей конфирмаціи и выраженнаго желанія государя, опредѣляется снова на службу.

На докладѣ генералъ - аудитора, императоръ Николай I кладетъ резолюцію:

„Поручика Столыпина освободить отъ надлежащей отвѣтственности, объявивъ, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть празднымъ".

Столыпинъ опредѣляется въ Нижегородскій драгунскій полкъ и, такимъ образомъ, раздѣляетъ вторичную ссылку со своимъ другомъ, направленнымъ на тотъ же Кавказъ, съ переводомъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Ровно черезъ три мѣсяца, 15 іюля 1841 года, Лермонтовъ убитъ на дуэли.

Николай Мартыновъ, выпущенный изъ Школы, въ 1835 году, въ Кавалергарды, переходитъ вскорѣ въ драгуны и, во время рокового поединка, уже состоитъ въ чинѣ маіора. Послѣ дуэли, по высочайшему повелѣнію, преданъ церковному покаянію и содержится три мѣсяца на гауптвахтѣ въ кіевской крѣпости.

Что касается Столыпина, послѣдній въ третій разъ поступаетъ на военную службу, ротмистромъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, отличается въ Крымской кампаніи и затѣмъ, въ третій разъ выйдя въ отставку, умираетъ въ семидесятыхъ годахъ во Флоренціи...

34.

Въ этотъ „лермонтовскій“ періодъ, который, по справедливости, можетъ быть названъ блестящимъ, черезъ ряды Школы прошло не мало даровитыхъ, талантливыхъ, свѣтлыхъ людей, имена которыхъ стали достояніемъ русской исторіи, литературы, искусства.

Были повѣсы, кутилы, остроумные гвардейскіе шалуны, вродѣ Лейбъ-Московца Кости Булгакова, или Лейбъ-Улана, Якова Волкова или, наконецъ, вродѣ вышеуказаннаго столичнаго щеголя, гусарскаго поручика Алексѣя Столыпина.

Но изъ тѣхъ же юнкерскихъ рядовъ выпущенъ въ 1829 году, въ Конную Гвардію, князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

Впослѣдствіе князь сталъ генералъ-адъютантомъ и генераломъ отъ кавалеріи и, въ теченіе четверти вѣка, былъ, какъ извѣстно, безсмѣннымъ московскимъ генералъ - губернаторомъ, доступнымъ, простымъ въ обращеніи, хлѣбосольнымъ хозяиномъ Бѣлокаменной.

Изъ тѣхъ же рядовъ вышелъ и князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, выпущенный въ 1833 году въ Лейбъ-Кирасирскій полкъ скромнымъ, незначительнымъ офицеромъ, ставшій впослѣдствіе покорителемъ Кавказа, генералъ - фельдмаршаломъ, кавалеромъ орденовъ, Св. Георгія 4, 3 и 2 степеней, шефомъ прославленнаго боевыми заслугами Кабардинскаго пѣхотнаго полка.

При пріѣздѣ фельдмаршала въ столицу, для него отводились покои въ Зимнемъ дворцѣ. Императоръ Александръ II, облачившись въ Кабардинскій мундиръ, считалъ долгомъ нанести первымъ визитъ. Такъ расцѣнивались заслуги фельдмаршала, въ свое время увѣковѣченнаго также въ одномъ изъ шутливыхъ стихотвореній поэта:

„Однажды, послѣ долгихъ преній,
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари...“

Въ офицерскомъ собраніи, въ „Комнатѣ Командировъ“, на парадномъ мѣстѣ, непосредственно противъ входныхъ дверей, виситъ портретъ генерала - фельдмаршала.

Онъ изображенъ во весь ростъ, въ кавказскомъ мундирѣ, со всѣми боевыми отличіями, съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукѣ.

Красивое породистое лицо, окаймленное въ стилѣ эпохи небольшими русыми бакенами, отражаетъ черты прямодушія, твердости, высокаго благородства...

Въ 1836 году, изъ тѣхъ же юнкерскихъ рядовъ, выпущенъ въ офицеры будущій легендарный кавказскій герой, Николай Павловичъ Слѣпцовъ.

Въ немъ рано развилось призваніе къ военной службѣ.

Это былъ юноша пылкій и впечатлительный, одаренный богатымъ воображеніемъ. Онъ не былъ усидчивъ въ занятіяхъ, схватывалъ все на лету, а досуги посвящалъ чтенію любимыхъ историческихъ книгъ.

Было бы долго перечислять кавказскіе подвиги и борьбу Слѣпцова съ мятежными горцами и, въ частности, съ неукротимымъ Шамилемъ. Горцы боялись его, любили и уважали. Они цѣнили въ немъ достоинства рыцаря и славили его имя въ воинственныхъ пѣсняхъ:

„Знали всѣ горы, сильный и слабый, богатый и бѣдный, безстрашную удаль Слѣпцова и гостепріимную сѣнь его крова!.. Знали его, почтенный народъ кабардинцы, и дальніе жители горъ, тавлинцы!.. Знали и мы, чеченцы, сосѣди его, знали и любили врага своего!.. Слава его высока и свѣтла, какъ вершина Казбека, а грудь полна боевой отваги, какъ грудь могучаго льва!"...

„Въ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ, одномъ изъ самыхъ блистательныхъ", пишетъ въ донесеніи на высочайшее имя кавказскій намѣстникъ, князь Воронцовъ, по поводу удачной схватки подъ Цоки-Юрту, „полковникъ Слѣпцовъ показалъ образецъ смѣлаго, неустрашимаго, искуснаго дѣйствія конницы, а Сунженскіе казаки покрыли себя новою славой!"

Въ 1850 году, молодой полковникъ Слѣпцовъ произведенъ за новые подвиги въ генералы. А въ слѣдующемъ году, въ очередной схваткѣ съ чеченцами, на берегу рѣки Гехи, пріялъ геройскую смерть.

Три дня находилось тѣло Слѣпцова въ Сунженской станицѣ. Три дня и три ночи народъ не отходилъ отъ покойнаго, рыдалъ надъ нимъ, цѣловалъ его охладѣвшія руки.

Слѣпцовъ лежалъ въ гробу съ открытымъ лицомъ, въ черкескѣ Сунженскаго полка. Казаки и слышать не хотѣли, чтобы надѣть на него парадный генеральскій мундиръ. За погребальною колесницей везли знамя и вели бѣлаго боевого коня, на которомъ герой былъ убитъ.

И по высочайшему повелѣнію было приказано:

„Въ память генералъ - маіора Слѣпцова, образовавшаго Сунженскій полкъ и водившаго его къ неизмѣннымъ побѣдамъ, станицу Сунженскую именовать впредь Слѣпцовскою"...

Кромѣ Николая Павловича Слѣпцова было не мало питомцевъ Школы, прославившихъ свое имя въ рядѣ кампаній, отдавшихъ родинѣ свою жизнь. Имена ихъ занесены на мраморныя таблицы въ домовой церкви Школы.

Въ Крымской кампаніи палъ генералъ - адьютантъ баронъ Павелъ Вревскій, сраженный ядромъ на рѣкѣ Черной. Убиты полковники Скюдери, Хитрово, Нейдгардтъ и Мезенцовъ.

Въ стычкахъ съ горцами убиты генералъ Ипполитъ Вревскій, князь Сумбатовъ и Костомаровъ.

Въ разное время, въ разныхъ кампаніяхъ, пали маіоръ Ивинъ, по-

ручикъ Дубровскій, корнетъ Батюшковъ, Вороновъ, Кирѣевскій, Балашовъ, Корсаковъ и прочіе.

Къ числу извѣстныхъ боевой доблестью лицъ, надлежитъ отнести кавказскихъ героевъ — генерала отъ кавалеріи барона Егора Ивановича Майделя, князя Георгія Эристова и Шереметева.

Нельзя не назвать и Димитрія Ивановича Скобелева, отца „Бѣлаго Генерала." Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ не прошелъ черезъ ряды Школы, но какъ извѣстно, молодымъ кавалергардскимъ юнкеромъ держалъ при ней офицерскій экзаменъ и выпущенъ Лейбъ - Гвардіи въ Гродненскій гусарскій полкъ.

А на другихъ поприщахъ стали извѣстными имена генералъ - адъютантовъ графа Перовскаго, Тимашева и Потапова, Анненкова, князя Багратіона, Черевина, Манзея и Стюрлера, графа Михаила Таріеловича, Лорисъ - Меликова, члена государственнаго совѣта Петра Петровича Семенова - Тянь - Шаньскаго, композитора Модеста Петровича Мусоргскаго и многихъ, многихъ другихъ...

35.

КОГДА я вернулся въ столовую, ужинъ былъ въ полномъ разгарѣ. Игроки бросили карты и, сидя за длиннымъ столомъ, съ аппетитомъ уничтожали сочные гамбургскіе бифштексы, филе-миньонъ, телячьи ножки подъ краснымъ соусомъ — излюбленныя блюда полковой кулинаріи.

„Папаша", возсѣдавшій на предсѣдательскомъ креслѣ, уже перешолъ на чай съ коньякомъ и, попыхивая толстой сигарой, съ важнымъ снисходительнымъ видомъ, вставлялъ въ бесѣду свои замѣчанія.

По старой холостяцкой привычкѣ, командиръ четвертаго эскадрона любилъ проводить вечера въ полковомъ клубѣ, въ обществѣ молодежи, и засиживался иной разъ до пѣтуховъ.

— Хо - хо! — разражался онъ, время отъ времени, тяжелымъ гомерическимъ хохотомъ, отъ котораго лысина, плотныя щеки и двойной подбородокъ наливались густою пунцовою краской.

Компанія была обычная — Араповъ, Гулькевичъ, Корвинъ-Круковскій, нѣсколько поручиковъ и корнетовъ да „Кока-Мока", молодой чиновникъ государственной канцеляріи, гостившій въ полку четвертыя сутки.

Впрочемъ, неподалеку, между „Сенекой" и „Джипсомъ", виднѣлся еще кто - то, совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ, въ штатскомъ, застегнутомъ наглухо сюртукѣ, худощавый, тщедушный, съ жидкими, свѣтлыми, точно льняными и какъ бы примасленными волосами, съ козлиной бородкой, съ блѣднымъ безбровымъ лицомъ.

Я подошелъ къ нему и обмѣнялся рукопожатіемъ.

— Фофановъ! — представился незнакомецъ и заморгалъ прозрачными водянисто - голубыми глазами.

Онъ находился въ центрѣ вниманія. Его усиленно потчивали, чокались съ нимъ, съ настойчивостью о чемъ - то упрашивали.

— Константинъ Михайловичъ, да жарь, не стѣсняйся!... Свои люди, чего тамъ, сыпь дальше! — обращались къ нему сосѣди, пока наконецъ, нетвердо приподнявшись на креслѣ и устремивъ взоры на потолокъ, онъ не началъ:

„Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные,
И цвѣты, напоенные росами...“

— Браво! — крикнулъ „Папаша“, когда закончивъ декламацію, поэтъ въ изнеможеніи опустился и кокетливо прикрылъ руками лицо. Снова зазвенѣли стаканы. Со всѣхъ концовъ посыпались рукоплесканія...

Въ окна глядѣла холодная осенняя ночь. Въ столовой было тепло. Мягко струился матовый свѣтъ лампіоновъ. Въ каминѣ сухо потрескивали дрова.

— Отецъ командиръ! —неожиданно, посреди воцарившагося на минуту молчанія, обратился „Сенека“. — Время къ закату!... Не пора - ли строиться къ вечерней молитвѣ?

— Время, точно! — отвѣтилъ „Папаша“, пересчиталъ взоромъ присутствующихъ и скомандовалъ:

— Господа офицеры!

Офицеры отставили тотчасъ стаканы, вскочили, вытянули руки по швамъ.

— Срочно, лично, секретно! — скороговоркой пропѣлъ „Крукъ“, приложивъ руку къ козырьку невѣдомо какимъ образомъ очутившейся у него на головѣ фуражки, подражая голосу и манерамъ полкового адъютанта:

— Запросить господъ офицеровъ Лейбъ - Кирасирскаго полка!.. Простую зорю или зорю съ церемоніей?

— Съ церемоніей! — послышалось въ дальномъ углу.

— Съ церемоніей! — подтвердили съ разныхъ концовъ, на разные голоса.

— Алексѣичъ! — крикнулъ „Папаша“. — Готовь съ церемоніей!

Буфетчикъ исчезъ и, черезъ четверть часа, появился въ сопровожденіи двухъ вѣстовыхъ, держа на вытянутыхъ рукахъ большую серебряную чашу съ виномъ.

Вѣстовые, быстро убравъ стаканы и тарелки съ ѣдой, накрыли столъ свѣжею скатертью. Передъ каждымъ изъ присутствующихъ появился длинный хрустальный фужеръ. Нѣсколько блюдечекъ съ поджаренныиъ миндалемъ довершали убранство стола...

———

Когда буфетчикъ разлилъ вино по бокаламъ, „Папаша“ многозначительно подмигнулъ лукавымъ взглядомъ и, остановивъ его на Гулькевичѣ, произнесъ:

— „Сенека“, твоя идея!.. Съ тебя и начнемъ!

„Сенека“ сощурилъ глаза, ухмыльнулся, принялъ бокалъ, поднесъ его къ своему длинному носу, снова отставилъ, скорчилъ насмѣшливую гримасу.

— Ну, будетъ тебѣ ломаться! — замѣтилъ строго „Папаша“, котораго капризы „Сенеки“ начали видимо раздражать. — Шутки въ сторону!.. Начинай!

„Сенека“ поднялъ бокалъ, выдержалъ короткую паузу и произнесъ:

— Пью за здоровье генерала Пуфа въ парвый разъ.

Онъ сдѣлалъ глотокъ, послѣ чего, поставивъ бокалъ, ударилъ указательнымъ пальцемъ по столу, такимъ же образомъ стукнулъ лѣвой рукой, прикоснулся ногами по очереди къ паркету, привсталъ съ кресла и сѣлъ.

— Пью за здоровье генерала Пуфъ - Пуфа во второй разъ!

„Сенека“ повторилъ пріемъ съ тою лишь разницею, что сдѣлалъ два послѣдовательныхъ глотка, всѣми конечностями стукнулъ по очереди два раза и дважды привсталъ.

— Пью за здоровье генерала Пуфъ - Пуфъ - Пуфа въ третій разъ!

Трижды хлебнувъ и съ послѣднимъ хлебкомъ опорожнивъ до капли бокалъ, „Сенека“ ударилъ три раза, трижды приподнялся и сѣлъ.

— Браво! — одобрительно крякнулъ „Папаша“.

„Зоря съ церемоніей“ продолжалась.

Каждый по очереди, изъ числа присутствующихъ тринадцати человѣкъ, дѣлалъ соотвѣтствующіе глотки, стучалъ по столу, ударялъ ногой по паркету, привставалъ положенное количество разъ.

Одни дѣлали это чисто, безъ малѣйшей осѣчки, другіе иной разъ путались въ счетѣ, по уговору проползали на четвереньках подъ столъ, а буфетчикъ записывалъ на нихъ штрафную бутылку.

Гости, разумѣется, освобождались отъ штрафа.

По второму туру, когда вино уже бросилось нѣсколько въ голову, промахи становились все чаще и закончило испытаніе всего лишь пять человѣкъ.

На третьемъ турѣ, что вызвало особое ликованіе, сбился со счета самъ предсѣдатель, „Папаша“, и при общемъ смѣхѣ, полѣзъ, кряхтя подъ обѣденный столъ.

Гость оказался сразу въ ремизѣ.

Водка, пиво, шампанское, поглощенныя имъ въ изрядномъ количествѣ, образовали столь жестокую смѣсь, что поэтъ въ кратчайшій срокъ выбылъ изъ строя.

Три или четыре раза онъ выскакивалъ изъ за стола и бѣгалъ въ

уборную. Возвратившись, падалъ съ размаха въ глубокое кресло, кричалъ пѣтухомъ и пытался продекламировать очаровательную поэму, воспѣвавшую любовь молодого пажа:

„И имя нѣж-ное, лас-ка-тель-ное Фан-ни!“

Дойдя до этой строфы, поэтъ останавливался и, съ пьянымъ смѣхомъ, опрокидывался навзничь...

Когда серебряная чаша съ виномъ подходила къ концу, кто-то изъ поручиковъ предложилъ очередную игру.

По командѣ, руки участниковъ одновременно выбрасывались кверху быстрымъ движенiемъ, съ вытянутыми или зажатыми пальцами. Предсѣдатель складывалъ общее число выброшенныхъ пальцевъ и начиналъ, отъ правой руки вести счетъ. На кого падало сосчитанное число, тотъ ставилъ флаконъ.

Настроенiе подымалось съ каждой минутой.

— Двадцать четыре! — кричалъ „Папаша“, захлебываясь отъ смѣха, указывая на поручика барона Розенберга, предложившаго эту игру.

„Черный Пудель“ отнесся къ насмѣшкѣ судьбы съ философскимъ спокойствiемъ и, пожевавъ губами, переложилъ только папиросу изъ одного угла рта въ другой.

— Тридцать шесть!— кричалъ снова командиръ эскадрона. — Тебѣ ставить, Павлушка!

Судьба играетъ странныя шутки.

Четыре раза падаетъ жребiй на инiцiатора веселой затѣи, поручика Розенберга, два раза на Павлушу Мордвинова, одинъ на „Крука“, одинъ на Эдю фонъ Шведера.

Послѣ восьмой бутылки, алый какъ розанъ, утирая съ лысины обильно струившуюся испарину, командиръ эскадрона сталъ пересчитывать участниковъ и, въ недоумѣнiи, остановился. Для провѣрки, началъ считать съ обратной стороны, тыкая въ каждаго пальцемъ, и снова остановился.

— Гдѣ же тринадцатый? — произнесъ командиръ. — Шутъ васъ возьми, кто же тринадцатый?

Господа офицеры переглянулись и стали тоже считать. Выходило двѣнадцать человѣкъ, а у нѣкоторыхъ даже четырнадцать.

— Господинъ Фофановъ! — подсказалъ почтительно Алексѣичъ.

— Фофановъ! — закричали офицеры въ одинъ голосъ.

— Вѣрно! — подтвердилъ „Папаша“. — Фофановъ!... Гдѣ же онъ, бестiя?.. Распроканалья!.. Черти что - ли его унесли?.. Подать сюда Фофанова!

„Сенека“ пошарилъ подъ столомъ и приподнялъ скатерть.

— Готовъ! — произнесъ „Сенека“ и сдѣлалъ выразительный жестъ:

— Иже во святыхъ отецъ... Во блаженномъ успеніи вѣчный покой...

Съ помощью вѣстовыхъ, гостя вытащили изъ подъ стола, бережно отнесли наверхъ и уложили на турецкій диванъ, на попеченіе дежурнаго офицера...

36.

Тусклый, промозглый день петербургскаго ноября виситъ надъ столицей. Моросить дождь. Въ дремотѣ застылъ сѣрый камень дворцовъ. Желтые клены Адмиралтейскаго сквера тонутъ въ сизомъ туманѣ.

На Невскомъ проспектѣ тройной рядъ фонарей уходитъ въ мутную мглу. Ярко горятъ витрины Александра, Треймана, Кнопа, съ изумительными вещицами изъ тисненой кожи, яшмы, розоваго порфира, мрамора, бронзы. Свѣтъ падаетъ на мокрый гранитъ и милліонами брызгъ отражается отъ панелей.

Еще не поздно, но городскіе огни создаютъ настроеніе вечера.

И въ этихъ огняхъ, въ этомъ туманѣ, въ этомъ мелкомъ, сѣющемъ, осеннемъ дождѣ есть непередаваемое петербургское очарованіе. . .

Если дойти до Караванной улицы, съ обувнымъ магазиномъ придворнаго поставщика Вейса, на самомъ углу, и повернуть по направленію къ цирку, по лѣвой рукѣ виденъ дворецъ и примыкающее къ нему зданіе Михайловскаго манежа.

Когда-то, въ этомъ манежѣ происходилъ ежедневный разводъ караула, въ высочайшемъ присутствіи.

Ворота манежа распахнуты настежь. Шипятъ фонари съ вольтовою дугой. Блѣдный матовый свѣтъ заливаетъ огромное помѣщеніе, не имѣющее себѣ равнаго въ столицѣ. Знаменитый залъ меньшиковскаго дворца на Васильевской набережной, переданный Первому Кадетскому Корпусу, и не менѣе знаменитый бальный залъ Морского Корпуса, значительно ему уступаютъ.

Стоитъ гулъ голосовъ. Сверкаютъ военныя формы. Отъ фонарей, отъ мглистаго воздуха, отъ тяжелаго человѣческаго дыханія, стелется по манежу блѣдный, зыбкій, голубоватый туманъ.

Манежъ наполненъ офицерами и солдатами гвардейскихъ частей, въ мѣдныхъ каскахъ кирасирской дивизіи, въ уланскихъ кожаныхъ киверахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ гусаръ, въ историческихъ гренадеркахъ Павловскаго полка.

А по серединѣ манежа тянутся вереницы людей въ деревенской одеждѣ, въ армякахъ, въ нагольныхъ тулупахъ, въ дубленыхъ романовскихъ полушубкахъ, отъ которыхъ несетъ кислымъ духомъ.

Гвардія комплектуется со всей имперіи.

Черные, какъ смоль, гиганты хлѣборобнаго юга, рыжеволосые ярославцы, нижегородцы, костромичи, бѣлокурые великаны-поморы и рослые голубоглазые латыши, эстонцы, литовцы, поляки, мазуры и жмудяки, бо-

гатыри приволжскихъ губерній и могучіе кряжистые сибиряки, все лучшее, все отборнѣйшее, весь цвѣтъ великой страны, пригоняется въ эти хмурые ноябрьскіе дни въ столицу, для распредѣленія по гвардейскимъ полкамъ.

Люди стоятъ въ боязливомъ смущеніи, ошеломленные электрическимъ свѣтомъ, блескомъ невиданныхъ формъ, присутствіемъ высшаго строевого начальства, которое, разбившись на группы, бесѣдуетъ между собой, дѣлится послѣдними столичными новостями, военными назначеніями, слухами изъ офиціальныхъ и полуофиціальныхъ круговъ . .

Я тотчасъ разыскалъ командира полка и адъютанта. Стоя подлѣ императорской ложи и, время отъ времени, склоняясь въ почтительномъ поклонѣ передъ старшими генералами, они были заняты разговоромъ.

Генералъ баронъ Раушъ встрѣтилъ меня привѣтливою улыбкой.

— Черкесовъ, очень радъ! — произнесъ командиръ и ласково прикоснулся къ плечу. — Парбле! . . . Надѣюсь, все будетъ въ порядкѣ?

Онъ засмѣялся, отпустилъ по моему адресу нѣсколько шутливыхъ словъ ,далъ необходимыя указанія.

Я присоединился къ своей командѣ и, съ живымъ любопытствомъ, сталъ наблюдать интересное зрѣлище.

Мой взоръ останавливается на цѣломъ рядѣ фигуръ. Иныхъ я хорошо знаю, другіе извѣстны мнѣ по наслышкѣ, третьихъ вижу впервые, въ непосредственной близости, и, тѣмъ острѣе мое любопытство.

Кто этотъ щеголеватый молодой генералъ, со стройной и гибкой, почти юношеской осанкой? Его породистое лицо, съ коротко подстриженными на англійскій образецъ усами, свѣжо и красиво. Онъ держитъ себя независимо, даже съ долей нѣкотораго высокомѣрія.

Это великій князь Павелъ.

По виду онъ совершенно напоминаетъ молодого полковника, хотя успѣлъ уже откомандовать Конною Гвардіей и состоитъ сейчасъ начальникомъ нашей кирасирской дивизіи.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ великій князь овдовѣлъ. Его супруга, греческая принцесса, скончалась отъ неудачныхъ родовъ. Его малолѣтнія дѣти, великая княжна Марія и великій князь Димитрій, воспитываются въ Москвѣ, у старшей сестры Императрицы, великой княгини Елизаветы Феодоровны.

Рядомъ съ нимъ стоитъ командиръ гвардейской бригады, генералъ Георгій Антоновичъ Скалонъ.

Онъ одѣтъ въ форму варшавскихъ уланъ, которыми командовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Подтянутый, сухощавый, олицетвореніе выдержки и изящества, генералъ пользуется безупречною репутаціей, имѣетъ прекрасныя связи, словомъ, всѣ данныя, чтобы сдѣлать большую карьеру.

А вотъ „Ангелъ-Баринъ“ — небезизвѣстный генералъ Дубенскій, командиръ Гродненскаго полка.

Изъ подъ распахнутой шинели ярко горятъ серебряные шнуры гусарской венгерки. Кривая сабля волочится по землѣ, едва не касаясь ея кистью пушистаго темляка. Этотъ самодовольный, влюбленный въ себя холостякъ, раздушенный и напомаженный, какъ опереточный женъ-премье, съ холеными бакенами, расчесанными волосокъ къ волоску, съ неизмѣннымъ шнуркомъ отъ монокля, производитъ оригинальное впечатлѣніе.

Генералъ обладаетъ крупными средствами, но одновременно скуповатъ. Онъ даже не можетъ собраться завести себѣ второго коня, и на высочайшихъ парадахъ, для стиля, подвязываетъ своей короткохвостой кобылѣ, какъ утверждаютъ столичные шутники, длинный арабскій хвостъ.

Я продолжаю свои наблюденія и взоръ останавливается то на одномъ, то на другомъ генералѣ столичнаго гарнизона, привлекающихъ особое любопытство, стоящихъ въ центрѣ всевозможныхъ слуховъ и сплетенъ.

Командиръ Кавалергардовъ, румяный какъ наливное яблочко, генералъ Николаевъ, стоитъ съ вѣчной сигарой въ зубахъ. Ходитъ слухъ, якобы генералъ выигралъ въ Англійскомъ клубѣ двѣсти тысячъ рублей и съ этихъ поръ играетъ только въ коммерческія игры, въ поккеръ и въ бриджъ.

Еще говорятъ про него... впрочемъ, мало-ли что говорятъ досужіе столичные сплетники?

Вотъ командиръ Лейбъ-Казаковъ, представительный сѣдоусый красавецъ, Антонъ Васильевичъ Новосильцовъ. Бывшій конногвардеецъ, порастрясшій за время службы въ полку свое состояніе, не утратилъ, однако, былой беззаботности и добраго настроенія

Вотъ командиръ Конногренадерскаго полка великій князь Дмитрій Константиновичъ, высокій, тонкій, сухой, всецѣло преданный службѣ, распредѣляющій день между манежемъ и церковными требами... Рядомъ съ нимъ виденъ гвардейскій конный артиллеристъ, великій князь Сергій Михайловичъ ,столь же огромный, узкоплечій, на такихъ же длинныхъ журавлиныхъ ногахъ... Сейчасъ онъ командуетъ батареей, состоитъ въ чинѣ полковника, но въ будущемъ ему несомнѣнно обезпечено высшее руководство всею артиллерійскою частью...

Вотъ еще популярный въ военныхъ кругахъ, начальникъ легкой дивизіи, генералъ Остроградскій, бригадный генералъ князь Васильчиковъ, толстый лейбъ-гусаръ князь Гагаринъ, пожилой, съ длинною бородой и строгимъ лицомъ библейскаго пророка, конногвардеецъ князь Одоевскій-Масловъ.... Наконецъ, командиръ петергофскихъ уланъ, элегантный французъ принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ.

Ходитъ слухъ, будто принцъ усиленно сватается къ юной красавицѣ,

къ одной изъ прелестныхъ великихъ княжонъ и, такимъ образомъ, готовится породниться съ императорскимъ Домомъ...

Гремитъ команда и гулъ голосовъ тотчасъ смолкаетъ:

—— Смирррна! .. Господа офицеры! ..

Въ сопровожденiи начальника штаба и нѣсколькихъ адъютантовъ въ манежъ входитъ августѣйшiй главнокомандующiй, великiй князь Владимiръ.

Великiй князь въ темносѣрой шинели съ алыми отворотами, между которыми сверкаетъ на шеѣ бѣлый георгiевскiй крестъ. На крупной сѣдѣющей головѣ какъ-то неловко и неуклюже сидитъ генералъ-адъютантская фуражка съ бѣлыми кантами.

Весь онъ тяжелый, медлительный, въ бывшемъ человѣкъ несомнѣнно исключительной красоты, но сейчасъ преждевременно одряхлѣвшiй, обрюзгшiй съ низкмъ, густымъ, совершенно особымъ, рокочущимъ, точно труба Iерихонская, голосомъ.

Въ немъ есть чтото отъ англiйскаго лорда или отъ стараго венгерскаго графа, а вѣрнѣе всего, по манерамъ, по типу, по неторопливымъ, полнымъ достоинства и увѣренности движенiямъ, напоминаетъ онъ большого русскаго барина.

Великiй князь здоровается съ окружившими его генералами, протягиваетъ каждому руку, бросаетъ каждому по французски нѣсколько грубовато-шутливыхъ словъ и приступаетъ къ разбивкѣ.

Адъютантъ вручаетъ великому князю мѣлокъ

Великiй князь неторопливо обходитъ выстроенные ряды, вглядывается въ фигуры и лица людей и, одному за другимъ, выводитъ на груди буквы:

— Кав...

— Гр...

— Кир Ея...

— Кавалергардскiй! — ревутъ на весь манежъ два исполина-преображенца, въ лихо заломленныхъ на правую бровь безкозыркахъ, въ золотыхъ галунахъ и шевронахъ, съ тесакомъ на боку, выхватывая изъ рядовъ оторопѣвшаго парня и, словно мячъ, перекидывая его изъ рукъ въ руки стоящей тутъ же кавалергардской командѣ, такимъ же огромнымъ, такимъ же ражимъ, осанистымъ унтерамъ, въ мѣдныхъ каскахъ, съ тяжелыми палашами на бѣлой поясной портупеѣ.

— Лейбъ-Гренадерскiй!

— Лейбъ-Кирасирскiй Ея Величества! — ревутъ тѣ же зычные голоса.

Люди мои, точно звѣри, кидаются въ свою очередь на новобранца и волокутъ его, вмѣстѣ съ пожитками, въ отдаленный уголъ манежа, гдѣ

вскорѣ образуется цѣлая группа рослыхъ, смуглыхъ, черноволосыхъ парней.

Одинъ полкъ комплектуется только брюнетами, въ другіе полки идутъ люди со свѣтлыми волосами, въ третьи рыжеволосые. Не только окраска, но и фигура, строеніе головы, форма носа и прочее, играютъ здѣсь извѣстную роль.

Такъ, напримѣръ, въ Кавалергарды назначаются самые крупные, самые рослые, свѣтлоглазые сѣверяне.

Конная Гвардія комплектуется черноволосыми гигантами юга, по преимуществу изъ малорусскихъ губерній.

Рыжіе и золотистоволосые идутъ въ Лейбъ-Уланы. Люди со вздернутыми носами попадаютъ въ Лейбъ-Гвардіи въ Павловскій полкъ... Я наблюдаю забавныя сцены.

Вотъ, напримѣръ, очередной новобранецъ, на груди котораго рукою главнокомандующаго уже выведены бѣлыя буквы, залившись отъ робости обильной испариною и краской, дрожащимъ голосомъ обращается къ великому князю:

— Ваше императорское высочество, дозвольте въ гусары?

Великій князь пріостанавливается, взглядываетъ на парня, бросаетъ, картавя, своей сочной, грубоватой манерой:

— Въ гусары?.. Почему въ гусары? Зачѣмъ въ гусары?

Парень вспыхиваетъ еще пуще.

— Ваше высочество, братъ родный тамъ служитъ! — надрывается новобранецъ, заикаясь отъ волненія, робости и надежды. — Ваше высочество, дозвольте въ гусары?

Великій князь усмѣхается, стираетъ рукавомъ буквы, выводитъ заново „Л. Гус", кидаетъ рокочущею октавой:

— Годится!.. Добрый будетъ гусаръ!..

Разбивка закончена. Команды, одна за другой, выходятъ въ широкія ворота манежа. Одна за другой растекаются по мокрымъ, залитымъ огненнымъ свѣтомъ, мостовымъ невской столицы. За ними тянутся повозки съ вещами.

Придерживая рукою палашъ, балансируя по скользкому булыжнику и торцамъ, я слѣдую передъ командой, за хоромъ полковыхъ трубачей.

Тридцать рослыхъ парней, въ деревенской одеждѣ, кто въ валенкахъ, кто въ грубыхъ яловыхъ сапогахъ, съ узелками въ рукахъ, съ котомками за спиной, маршируютъ по серединѣ проспекта, окруженные бравыми унтерами.

Сбѣгается любопытный народъ, мальчишки, мастеровые, приказчики, останавливаются бабы-разносчицы, глазѣютъ прохожіе.

Вотъ и Садовая улица, за нею Вознесенскій проспектъ и Фонтанка.

Звуки бодраго марша сопровождаютъ людей до вокзала, вплоть до посадки въ вагонъ балтійской желѣзной дороги.

Позднею ночью команда прибываетъ въ полковой городокъ. Миръ и покой разлиты надъ сонною Гатчиной. Все спитъ глубокимъ осеннимъ сномъ — казармы, конюшни, залитый луннымъ свѣтомъ царскій дворецъ.

И только въ офицерскомъ собраніи, въ комнатѣ дежурнаго офицера, ярнимъ немигающимъ окомъ горитъ сторожевой огонекъ...

37.

СЛУЖБА дворцового караула принадлежитъ къ числу наиболѣе серьезныхъ обязанностей, возлагаемыхъ на офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка.

Въ теченіе сутокъ команда, въ составѣ караульнаго взвода, при полномъ вооруженіи, не раздѣваясь, смыкая глаза по очереди и то лишь на короткое время, занимаетъ полковую гауптвахту.

Парные часовые разводятся на посты. Наружный часовой, стоящій на караульной площадкѣ, зорко слѣдитъ за порядкомъ, при малѣйшей тревогѣ звонкомъ вызываетъ команду, и караулъ дѣйствуетъ въ соотвѣтствіи съ уставомъ и обстановкой...

Когда за полчаса до развода я вышелъ изъ полкового собранія, меня уже ожидалъ взводъ отъ четвертаго эскадрона.

Шестнадцать полныхъ рядовъ, съ унтеръ-офицеромъ Воронцомъ на правомъ флангѣ, взводъ дюжихъ людей въ мундирахъ, съ надѣтыми поверхъ шинелями, въ мѣдныхъ каскахъ съ гренадой, съ шашками на боку, съ винтовками за спиной, стоялъ на площадкѣ передъ офицерскимъ собраніемъ.

Вскорѣ подошелъ дежурный по карауламъ, князь Кольцовъ-Мосальскій, и передалъ мнѣ секретный пакетъ, въ которомъ находился пароль. Потомъ появился командиръ эскадрона, съ вахмистромъ Мировичемъ, писаремъ Арканниковымъ, каптенармусомъ Зуйко.

„Папаша“ обошелъ взводъ, останавливался передъ каждымъ солдатомъ, тыкалъ его въ животъ, обдергивалъ складки шинели, поправлялъ амуницію, добавляя при каждомъ движеніи:

— Дура!

— Деревня!

— Баба беременная!

Когда осмотръ былъ законченъ, князь огласилъ выдержки изъ устава, козырнулъ эскадронному командиру и обратился ко мнѣ:

— Корнетъ Черкесовъ, ведите!

Я подалъ команду, повернулъ взводъ направо и зашагалъ съ нимъ по направленію къ императорскому дворцу...

Я шелъ впереди взвода, отбивавшаго шагъ мѣрнымъ звяканьемъ шпоръ и грохотомъ подкованныхъ каблуковъ.

Дежурный по карауламъ, подрагивая подагрической ножкой, слѣдовалъ рядомъ со мной, по панели, едва поспѣвая за просторнымъ шагомъ солдатъ.

Нѣсколько позади держался командиръ эскадрона со своими „архангелами".

Обогнувъ полковую казарму, миновавъ церковь и околотокъ, взводъ завернулъ за уголъ и выстроился передъ караульной площадкой, на которой уже стояли люди стараго караула.

Трубачъ заигралъ „разводъ караула", раздалась одновременная команда, одновременно сверкнули клинки.

Съ шашкой „подъ-высь", отдѣлившись отъ своихъ взводовъ, „Рыжій Пудель" и я пошли навстрѣчу другъ другу. Остановившись за три шага, отсалютовавъ и опустивъ книзу клинки, мы обмѣнялись паролями, произнесли установленный рапортъ, и церемонія кончилась.

Послѣ этого, караулъ выдѣлилъ часового, назначилъ разводящихъ и парныхъ къ дворцовымъ постамъ, установилъ смѣну и вошелъ въ караульное помѣщеніе. Люди стараго караула, въ ожиданіи смѣны постовъ, еще нѣкоторое время постояли передъ площадкой, послѣ чего повернули и, тѣмъ же порядкомъ, направились въ полкъ.

Командиръ эскадрона и князь оставались со мной еще въ теченіе получаса.

Я получилъ отъ нихъ нѣсколько указаній.

Главное, быть на чеку, смотрѣть въ оба, почаще навѣдываться къ часовому подъ „грибъ"... Солдатъ, извѣстное дѣло, мужикъ, деревенщина, простофиля... Иной разъ растеряется, обалдѣетъ, подведетъ ни за грошъ...

Такъ объяснялъ командиръ эскадрона и, на прощанье, добавилъ:

— Прозѣваешь Императрицу или Наслѣдника — не бѣда!.. Стыдно, разумѣется, но не бѣда!.. Они добрые, никому не скажутъ, не донесутъ!.. Прозѣваешь великаго князя или княгиню — тоже, не Богъ вѣсть, какъ страшно!.. Въ крайнемъ случаѣ, попадешь „подъ портретъ"!.. Прозѣваешь генерала-инспектора — берегись!.. Этотъ спуститъ шкуру за милую душу!.. Бѣда!

Слѣдуя указаніямъ эскадроннаго командира, я тотчасъ позвонилъ на желѣзнодорожную станцію, въ жандармское управленіе.

Свѣдѣнія были успокоительными.

Я позвонилъ въ дворцовую канцелярію и вызвалъ дежурнаго чиновника.

По его словамъ, Императрица якобы не ожидаетъ гостей, но въ три

часа пополудни Ея Величество, въ сопровожденіи дежурной фрейлины, совершитъ обычную прогулку въ коляскѣ.

Наконецъ, изъ полковой канцеляріи мнѣ обѣщали дать знать въ случаѣ пріѣзда кого либо изъ высшихъ начальниковъ.

Такимъ образомъ, всѣ мѣры предосторожности были приняты своевременно.

— Ну, Воронецъ, смотри, братъ, не подкачай! — обратился я къ своему помощнику, старшему въ командѣ развѣдчиковъ.

Унтеръ-офицеръ усмѣхнулся, обнаруживъ двойной рядъ крѣпкихъ бѣлыхъ зубовъ. Широкая улыбка растянула его смуглое, плотное, точно выбитое изъ мѣди лицо. Въ темныхъ красивыхъ глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Не извольте сумлѣваться, ваше высокоблагородіе! — произнесъ Воронецъ. — Не подкачаю!.. Подъ грибъ самыхъ глазастыхъ, нашихъже развѣдчиковъ и поставилъ... Недорубу, Полещука, Сансаганскаго!.. И на постахъ парни все ладные, все больше ефрейторы, изъ старослуживыхъ... Не извольте сумлѣваться, не подкачаю!

Я прошелъ въ офицерскую комнату и усѣлся въ глубокое кресло, съ источенною молью обивкою, съ пружинами, издававшими жалобный стонъ при малѣйшемъ прикосновеніи.

Въ одномъ углу стоялъ такой же ветхій, видавшій виды диванъ, въ другомъ письменный столъ, съ чернильницей, съ бронзовой пепельницей, съ электрической лампой подъ алебастровымъ колпакомъ.

Время отъ времени, я подымалъ голову и взглядывалъ на часы, висѣвшія на противоположной стѣнѣ.

— Тикъ-такъ, тикъ-такъ! — потрескивалъ маятникъ.

Часы шипѣли, вздыхали, сопѣли и, съ старческими усиліями, отбивали удары . . .

По мѣрѣ того, какъ часовая стрѣлка приближалась къ горизонтальному положенію, я все чаще выходилъ на площадку.

Передо мною, отдѣляемый широкой дворцовой дорогой, лежитъ плацпарадъ, окаймленный съ трехъ сторонъ тяжелыми массивами „замка“. Сотни мелкостворчатыхъ оконъ глядятъ съ высоты трехъ этажей. А на башенкѣ главнаго фаса развѣвается желтый штандартъ.

Съ смутнымъ, неопредѣленнымъ, неяснымъ чувствомъ гляжу на царскій дворецъ, пытаясь проникнуть умственнымъ взоромъ за его сѣрыя стѣны, разгадать его жизнь.

Когда-то, сто лѣтъ тому назадъ, она струилась здѣсь бурнымъ потокомъ, среди вахтпарадовъ и экзерцирмейстерства старыхъ гатчинскихъ войскъ... Гремѣли шумныя празднества, охоты, маскарады, куртаги, балы, театральныя представленія... Расцвѣтали сентиментальныя чувства и одновременно политическія фантасмагоріи... Съ безудержной щедростью

расточались высочайшія милости и закипалъ ярый гнѣвъ безумнаго императора...

Сейчасъ въ этихъ стѣнахъ миръ, тишина, нерушимый покой... Съ началомъ новаго царствованія, забытъ гатчинскій „замокъ“, утратилъ свое значеніе, отошелъ также въ прошлое... Что ожидаетъ его, какія перемѣны коснутся черезъ двадцать пять, пятьдесятъ, черезъ тѣ же сто лѣтъ?...

Потомъ, стоя на той же караульной площадкѣ, бесѣдую съ Воронцомъ, веду разговоръ о нашей дальнѣйшей работѣ съ развѣдчиками, о предстоящихъ выѣздахъ въ поле.

Скоро наступитъ зима, скуетъ ручьи и болота, покроетъ землю пушистымъ ковромъ...

Но вотъ, изъ Арсенальнаго карэ выѣхала коляска, запряженная парою вороныхъ рысаковъ, съ чернобородымъ кучеромъ въ синемъ кафтанѣ. Удерживая горячившихся лошадей, кучеръ промчался по дворцовой дорогѣ, повернулъ и подалъ пару къ подъѣзду.

Я вызвалъ караулъ „въ ружье“, а самъ, облокотясь о парапетъ караульной площадки, продолжалъ со вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшимъ.

Прежде всего я замѣтилъ, какъ распахнулись парадныя двери и группа людей, въ конвойныхъ черкескахъ, выстроилась на ступеняхъ лѣстницы. Въ то же мгновенье, парные часовые, стоявшіе другъ противъ друга, сверкнувъ касками, вытянулись во фронтъ и взяли шашки на-караулъ.

Черезъ минуту, въ сопровожденіи фрейлины, показалась маленькая, стройная фигурка Императрицы.

Одинъ изъ конвойныхъ казаковъ ловкимъ прыжкомъ взобрался на козлы. Подавъ руки впередъ, кучеръ отпустилъ возжи и коляска, повернувъ въ мою сторону, мягко покатилась по дворцовой дорогѣ.

Громко прозвучала команда. Трубачъ заигралъ „встрѣчу“. Одновременно блеснули клинки и головы повернулись направо.

Коляска поравнялась съ платформой и передъ глазами мелькнула улыбка Императрицы, сопровождаемая милостивымъ кивкомъ...

— Тикъ-такъ, тикъ-такъ! — вызваниваетъ меланхолически маятникъ и часы, со старческимъ вздохомъ, отбиваютъ восемь ударовъ.

Появляется Анатоль, за нимъ Эдя фонъ Шведеръ и Корвинъ-Круковскій — мои сослуживцы по эскадрону.

Друзья развлекаютъ меня бесѣдой, сообщаютъ различныя новости и, пожелавъ спокойной ночи, уходятъ.

Приходитъ денщикъ, приноситъ ужинъ, туалетныя принадлежности, книги.

— Тикъ-такъ! — потрескиваютъ часы. Изъ сосѣдняго помѣщенія доносится размѣренный храпъ караула. Въ окно глядитъ черная ночь.

Я забираюсь съ ногами въ глубокое, старое кресло, глотаю горячій чай съ коньякомъ и перелистываю „Синюю Книгу“...

38.

Въ состояніи здоровья императрицы Елисаветы Петровны наблюдается рѣзкое ухудшеніе, повергающее царедворцовъ въ страхъ и уныніе.

Печальная развязка послѣдовала скорѣе, нежели можно было ее ожидать.

Въ первый день Рождества, 25 декабря 1761 года, императрица скончалась. „Богу угодная ея душа разлучилась отъ тѣла", какъ было возвѣщено въ манифестѣ.

Въ день Богоявленія земля была бѣла, а небо черно.

Утопая подъ бархатными покровами, обшитыми серебрянымъ галуномъ, императрица лежала въ гробу. Глаза ея не видѣли больше низнихъ, нависшихъ надъ столицею тучъ. Тихо покачиваясь на тяжелыхъ рессорахъ траурной колесницы, влекомой дюжиной лошадей подъ траурными попонами, медленно направлялась императрица къ мѣсту послѣдняго упокоенія.

Впереди шли гренадеры, ея Лейбъ-Кампанцы, съ факелами въ рукахъ. Преображенцы и Семеновцы стояли шпалерами на пути погребальнаго шествія. Господа офицеры салютовали эспантономъ смертнымъ останкамъ.

Императоръ Петръ III, то умышленно отставая, то наверстывая бѣгомъ утраченную дистанцію, вынуждая старыхъ вельможъ слѣдовать его же примѣру, шелъ за гробомъ, плохо скрывая свое кривлянье, усугубляемое нервной походкой.

Екатерина сидѣла въ каретѣ, дѣлая видъ, что удручена скорбной утратой.

Горе ея внушало уваженіе и сочувствіе.

Крестьянки, повязанныя платками, концы которыхъ свисали подъ подбородкомъ, падали на колѣни, прикасались лбомъ къ промерзшей землѣ, рыдали и голосили:

— Матушка, проси для насъ защиты, теперь ты въ раю!

— Аминь! — ревѣли бородатые мужики. — Она смилуется надъ нами!..

Въ пятницу, 28 іюня, императоръ Петръ III съ утра былъ не въ духѣ, наканунѣ засидѣлся за ужиномъ, всталъ поздно, съ головной болью, поздно началъ разводъ.

Голштинцы мастерски исполняли всѣ экзерциціи, по глазамъ угадывали желанія императора, и Петръ III повеселѣлъ.

Въ часъ пополудни, прямо съ развода, назначенъ отъѣздъ въ Петергофъ, „чтобы наканунѣ Петрова дня присутствовать на большомъ обѣдѣ у Ея Величества, въ Монплезирѣ, вечеромъ принести поздравленіе и быть за ужиннымъ столомъ".

Императоръ ѣдетъ въ гости къ императрицѣ и везетъ съ собой избранное придворное общество, въ которомъ, кромѣ фаворитки, фрейлины Воронцовой, находится еще семнадцать дамъ, размѣстившихся въ каретахъ, колясках, длинныхъ линейкахъ dos-à-dos.

Никто не встрѣтилъ гостей.

Екатерина, еще раннимъ утромъ, „потаенно" отбыла въ Санктъ-Петербургъ.

Это былъ блескъ молніи среди ночи, ударъ грома при безоблачномъ небѣ. Всѣ растерялись, всѣ онѣмѣли передъ этою новостью, еще не вполнѣ ясною, но уже грозною.

Предчувствія самыя тревожныя, ожиданія самыя тяжелыя, охватили всѣхъ, спутавъ понятія, затемнивъ мысли.

Никто не хотѣлъ или, быть можетъ, не могъ опредѣлить положенія, созданнаго бѣгствомъ императрицы. Никто не былъ въ состояніи сознательно отнестись къ предстоявшимъ обязанностямъ. Никто не зналъ отвѣта на грозный вопросъ — что дѣлать?

Семейная драма, длившаяся въ теченіе многихъ лѣтъ, приняла трагическій оборотъ. Соглашеніе, на какихъ бы то ни было основаніяхъ, сдѣлалось невозможнымъ. Отнынѣ каждый дѣйствуетъ уже самъ по себѣ, преслѣдуя свои личныя цѣли...

Человѣку въ здравомъ умѣ и въ твердой памяти положительно невозможно понять то самодурное ослѣпленіе, въ которомъ жилъ герцогъ голштинскій, ставъ русскимъ императоромъ.

Въ народныя массы твердо проникло сознаніе, что императоръ не русскій, а „нѣмецъ" и „люторъ". Еще будучи престолонаслѣдникомъ, онъ не стѣсняясь выражаетъ свое нерасположеніе къ православному духовенству, по мальчишески высовываетъ языкъ священнослужителямъ во время богослуженія, потомъ слѣдуетъ распоряженіе о закрытіи домовыхъ церквей, предписаніе брить бороды, а поповскія рясы замѣнить сюртуками.

Петръ III, въ одинаковой степени, возбудилъ противъ себя армію.

Лейбъ-Кампанцы были распущены. Въ Ораніенбаумѣ появились особые голштинскія войска. Прежняя петровская форма гвардейскихъ полковъ замѣнена прусской и введена прусская экзерциція, которой войска обучаются съ утра до вечера.

Послѣдовалъ указъ военной коллегіи о переименованіи конныхъ и пѣхотныхъ полковъ по именамъ шефовъ. Такимъ образомъ, былъ уничтоженъ исторически установившійся обычай присваивать имъ наименованія провинцій и городовъ. А предпочтеніе, оказываемое голштинскому войску унижало не только гвардію. Въ ея лицѣ было попрано чувство народной гордости.

Какъ бы для того, чтобы окончательно возбудить противъ себя рус-

ское общественное мнѣніе, Петръ III, со свойственной ему проницательностью, приступаетъ къ попыткѣ сдѣлать внѣшнюю политику государства антинаціональной.

Ко времени кончины императрицы, Пруссія уже изнемогаетъ въ начатой ею неравной борьбѣ. Фридрихъ II готовится къ неизбѣжному крушенію своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Пренебрегая союзниками Россіи и заключенными договорами, Петръ III заключаетъ миръ съ пруссаками, возвращаетъ всѣ завоеванія, добытыя русскою кровью, и отдаетъ заграничную армію въ распоряженіе прусскаго короля.

Наряду съ этимъ, императоръ дѣятельно готовится къ войнѣ съ Даніей, чтобы отвоевать у нея Шлезвигъ для своей возлюбленной Голштиніи. Такимъ образомъ, Россіи угрожаетъ новая война, не обѣщая странѣ никакихъ выгодъ.

Екатерина справедливо отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что во всей имперіи самымъ злѣйшимъ врагомъ Петра III былъ онъ самъ:

„Dans l'empire il n'avait pas de plus violent ennemi, que lui même!“

Императоръ хочетъ сломить офицерство, распустить служилыхъ дворянъ, отнять привилегіи у духовенства. Онъ окончательно возстановилъ противъ себя гвардію, правительство, русскихъ людей. Этотъ жалкій комедіантъ позволяетъ себѣ публично издѣваться надъ императрицей и даже собирается заточить ее въ монастырь.

Императрица не сомнѣвается въ будущемъ.

Она ввѣрила его братьямъ Орловымъ, пятерымъ молодцамъ, готовымъ на все ради любви къ ней. У нихъ головы херувимовъ, но при этомъ желѣзные мускулы и стальныя сердца.

Они достанутъ корону.

Орловы понаобѣщали въ казармахъ наградъ, сыпали золотомъ, подпаивали колеблющихся. Они предусмотрѣли, кажется, все. Солдаты отъ нихъ безъ ума.

Рѣшительный часъ наступилъ!..

Барабаны бьютъ гвардейскій походъ — трамъ-тамъ-тамъ, трамъ-тамъ-тамъ!

Екатерина направляется въ Измайловскій полкъ. Сбѣгаются отовсюду солдаты, толкаютъ ее въ суматохѣ, цѣлуютъ руки и ноги. Ея пышная красота ихъ ободряетъ. Притащили перепуганнаго священника. Григорій Орловъ приказываетъ ему поднять крестъ.

Прибываютъ Преображенцы, Семеновцы. Въ полномъ составѣ подходятъ Кавалергарды и Конная Гвардія.

— Впередъ, къ Казанской Божьей Матери!

Екатерина сидитъ на конѣ, въ собольей шапкѣ, въ мундирѣ Измай-

ловскаго полка. Щеки ея горять, волосы разлетаются по плечамъ. Зеленая форма красиво обтягиваетъ торсъ и стройныя ноги. Въ рукѣ у нея обнаженная шпага, на которой нехватаетъ утеряннаго съ суматохѣ офицерскаго темляка.

Молодой сержантъ Конной Гвардіи подходитъ къ императрицѣ и подаетъ свой темлякъ, серебряный темлякъ гвардейскаго юнкера изъ дворянъ.

Это — Григорій Потемкинъ.

Екатерина смотритъ въ упоръ въ сіяющее лицо юноши. Женщина оказалась въ ней сильнѣе императрицы. Она окидываетъ взоромъ всѣхъ, желая нравиться всѣмъ.

— Трамъ-тамъ-тамъ! — трещатъ барабаны, свистятъ флейты, ревутъ мѣдныя трубы.

— Дѣти мои, за мной!

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ Панинымъ, промчался по Невскому въ открытой коляскѣ, одѣтый въ ночной костюмъ. Ребенокъ былъ поднятъ прямо съ постели.

По прибытіи цесаревича въ Зимній дворецъ, Екатерина выноситъ его на балконъ, показываетъ народу и войску.

Быстрымъ движеніемъ императрица увлекаетъ полки въ Петергофъ, чтобы окончательно закрѣпить за собою престолъ.

Ее останавливаютъ на половинѣ дороги.

— Я приношу Вашему Величеству отреченіе императора! — докладываетъ генералъ Измайловъ, бросаясь къ ногамъ. — Вотъ его собственноручное письмо!.. Онъ со слезами отказывается отъ короны!

— Слава Богу! — восклицаетъ Екатерина. — Страна избавлена отъ необходимости вести братоубійственную войну!.. Передайте вашему повелителю, что у него будетъ все, кромѣ свободы!

И не теряя времени, направляетъ Алексѣя Орлова для надзора за мужемъ, такъ какъ носится слухъ, что окрестные мужики якобы готовятся стать на защиту низложеннаго монарха.

Воинственное шествіе императрицы заканчивается безкровной побѣдой...

39.

Безвольный, нерѣшительный, не терпящій совѣтовъ, неспособный сосредоточить свою мысль на какомъ либо вопросѣ, если даже вопросъ этотъ касается личной его безопасности, императоръ Петръ III медлитъ, уклоняется отъ всякаго дѣйствія и, какъ бы въ оправданіе своей нерѣшительности, отдаетъ рядъ противорѣчивыхъ приказовъ, подписывая ихъ тутъ же, на поручнѣ петергофскаго шлюза.

Одни совѣтуютъ бѣжать въ Нарву, другіе въ Голштинію, третьи предлагаютъ искать спасеніе даже на Украинѣ.

Наконецъ рѣшено ѣхать въ Кронштадтъ, „дабы удержать эту крѣпость за государемъ“.

Послѣ смѣхотворной попытки захватить крѣпость, императорскія галеры поворачиваютъ въ Ораніенбаумъ.

Падаетъ ночь. Звѣзды кротко мерцаютъ на куполѣ блѣднаго финскаго неба. Тихая бѣлая ночь виситъ надъ сонной водой.

Графъ Минихъ, стоя въ задумчивости на палубѣ, любуется ночной тишиной.

Что думаетъ въ эти минуты старый фельдмаршалъ, возвращенный изъ двадцатилѣтней пелымской ссылки, сподвижникъ четырехъ царствованій, строитель Ладожскаго канала, президентъ военной коллегіи, полководецъ, опальный вельможа покойной императрицы, пытающійся сейчасъ спасти державное положеніе ея неудачливаго наслѣдника?

Императоръ, разстроенный и подавленный, отъ страха близкій къ потерѣ сознанія, сидитъ внизу, въ обществѣ фаворитки и адъютанта Гудовича.

Придворныя дамы, между истерикою и смѣхомъ, шепчутся въ каютахъ:

„Qu'allons nous faire
Dans cette galère?“

На слѣдующій день, не внимая совѣтамъ фельдмаршала возглавить командованіе преданными голштинцами и побѣдить или съ честью погибнуть въ бою, императоръ подписалъ отреченіе.

Петръ III, какъ выразился впослѣдствіе Фридрихъ Великій, допустилъ свергнуть себя съ престола, какъ „ребенокъ, котораго отсылаютъ спать“.

Екатерина торжественно вернулась въ столицу и направилась немедленно въ Лѣтній дворецъ, въ которомъ ее ожидалъ цесаревичъ, сенатъ, синодъ и всѣ лица, имѣющія входъ ко Двору.

Императрица сошла съ коня, поцѣловала великаго князя, прослѣдовала въ придворную церковь къ молебну.

Казалось, что наступило затишье послѣ политической бури...

Надъ столицей еще висѣлъ мѣднокрасный отблескъ заката. Въ открытыя окна, точно послѣдніе отзвуки переворота, еще доносились крики „ура!“

Григорій Орловъ находился въ спальнѣ императрицы. На сверкавшемъ паркетѣ валялась забрызганная грязью ботфорта, съ серебряной шпорой. Зѣвая, фаворитъ распечатывалъ прошенія и депеши. Екатерина, перевязывая царапину, хлопотала надъ его, покрытой бѣлокурымъ пушкомъ, ногой.

Въ то время, какъ Сергѣй Салтыковъ сидѣлъ посланникомъ въ шведской столицѣ, а Понятовскій бродилъ по паркамъ Варшавы, вздыхая и

афишируя горе отвергнутаго любовника, Екатерина не чахла отъ любви въ своихъ сердечныхъ дѣлахъ.

Если факелъ ея любви погасалъ, новый пришелецъ зажигалъ его снова.

Ея женскій инстинктъ нашелъ сильнаго и мужественнаго партнера, въ которомъ она нуждалась, чтобы подняться на тронъ. Въ тотъ періодъ, когда ей понадобились крѣпкія мышцы, она по волѣ судьбы и собственному влеченію, наткнулась на семью братьевъ-богатырей.

Ея чуткое сердце приводило ее всегда къ нужному въ данный моментъ человѣку.

Салтыковъ — былъ мимолетною юною страстью. Понятовскій — пти-мэтръ и политикъ даже въ любви. Григорій Орловъ — силачъ и храбрецъ, ходившій одинъ на одинъ на медвѣдя.

Екатерина растрогана:

— Если Орловъ неизвѣстенъ тѣмъ лучше! .. Моя любовь сдѣлаетъ его знаменитымъ! ... Я вознесу его превыше родовитыхъ бояръ! .. Изъ своей царской мантіи я выкрою ему теплый кусочекъ!

Маленькая княгиня Дашкова, сестра фаворитки, разыгрывавшая при императрицѣ роль балованнаго ребенка, неожиданно распахнула дверь и, увидѣвъ Орлова, воскликнула:

— Что вы дѣлаете, несчастный? .. Не смѣйте вскрывать! .. Это государственныя бумаги!

Орловъ усмѣхнулся.

— Она меня просила ознакомиться съ ними! — произнесъ Орловъ, безразлично ткнувъ пальцемъ въ сторону Екатерины.

Княгиня Дашкова покраснѣла и не смогла скрыть антипатіи, которую почувствовала къ этому красивому, самоувѣренному гиганту, ставшему между нею и императрицей. . .

Екатерина беретъ чистый листъ пергамента. Она выпуститъ свой первый приказъ, вознаградивъ всѣхъ, какъ слѣдуетъ, и Орлова, разумѣется, въ первую очередь.

Она наградитъ его такъ, что завистники поблѣднѣютъ отъ зависти. Титулъ графа будетъ ему къ лицу!

Съ усердіемъ старательной дѣвочки, она написала нѣсколько строкъ. Гордость переполнила ея существо. . . Наконецъ-то она можетъ отблагодарить всѣхъ наградами и подарками! .. Если она счастлива, весь народъ долженъ быть доволенъ и счастливъ! ..

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не радоваться, что переворотъ закончился такъ блестяще, что никто при этомъ не пострадалъ?

Написавъ на пергаментѣ нѣсколько строкъ, она подписалась „Екатерина“, залюбовавшись красивымъ почеркомъ.

— Подойдите, графъ, я хочу передать вамъ вашу награду! — произноситъ она, обращаясь кокетливо къ фавориту.

Но въ эту минуту въ комнату врывается Алексѣй Орловъ, неистовый „Балафрэ“, будущій герой Наварина и Чесмы, растрепанный, грязный, вспотѣвшій, съ выраженіемъ ужаса, со страшнымъ кровавымъ рубцомъ на щекѣ.

Онъ кидается къ ногамъ императрицы и начинаетъ свою мрачную исповѣдь:

— Матушка, нѣтъ его больше на свѣтѣ! .. Случилось несчастье! .. Всѣ были пьяны! .. Онъ поспорилъ съ Федоромъ, съ княземъ Барятинскимъ, мы не успѣли разнять, какъ онъ уже мертвъ! .. Смилуйся, матушка, не взыщи! .. Свѣтъ не милъ намъ, ибо заслужили твой гнѣвъ!

Въ молчаніи, Екатерина выходитъ въ сосѣднюю комнату.

Возвратившись, она улыбается, но приказавъ приготовить траурныя одежды, залилась снова слезами.

Тѣло покойнаго императора выставляется для поклоненія, одѣтымъ въ мундиръ голштинскихъ драгунъ, свѣтло-голубой съ бѣлыми отворотами. Руки въ кожаныхъ крагахъ сложены на груди. Шея повязана широкимъ шелковымъ шарфомъ.

Отпѣваніе происходитъ въ Благовѣщенской церкви и тѣло предается землѣ въ самомъ храмѣ, противъ царскихъ вратъ, подлѣ могилы Анны Леопольдовны. . .

Воцареніе Екатерины произошло мирно, безъ кровопролитія. Однако, обстановка переворота производитъ на Павла Петровича, одареннаго болѣзненнымъ воображеніемъ, потрясающее впечатлѣніе.

Затѣмъ, въ качествѣ эпилога, слѣдуетъ злое дѣло убійства бывшаго императора въ Ропшѣ. Даже въ скрашенномъ видѣ, оно не могло быть сокрыто отъ сына и только усугубляло тревожную тяжесть іюньскихъ дней.

Къ этимъ личнымъ воспоминаніямъ необходимо присоединить вліяніе и нашептываніе со стороны разныхъ лицъ, отъ которыхъ, даже при идеальномъ надзорѣ, трудно было уберечь великаго князя.

Отнынѣ, въ умѣ сына засѣло предубѣжденіе противъ матери. Оно выражается въ чувствѣ безпредѣльнаго страха и сознательнаго недоброжелательства къ императрицѣ, какъ къ лицу, якобы похитившему что-то, принадлежавшее только ему одному по праву рожденія.

Отнынѣ между сыномъ и матерью ложится черная тѣнь, накладывающая неизгладимую печать на ихъ отношенія.

Между ними создается глубокая пропасть, надъ которой цесаревичъ Павелъ Петровичъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, предается тяжелымъ и пагубнымъ размышленіямъ. . .

40.

Многіе охотно останавливаются на рѣзкомъ осужденіи императрицы въ ея отношеніяхъ къ сыну, прибѣгая нерѣдко къ одностороннему подбору фактовъ.

Ключъ къ этой загадкѣ кроется, главнымъ образомъ, въ психологическихъ мотивахъ, созданныхъ событіями переворота.

Къ этому необходимо прибавить личныя особенности натуры великаго князя, получившія съ годами оттѣнокъ, который не могъ согласоваться съ государственнымъ умомъ императрицы и съ ея взглядами на управленіе и политику россійской имперіи.

Началась борьба двухъ противоположныхъ міровоззрѣній, прерываемая временнымъ затишьемъ, носившимъ характеръ мимолетнаго перемирія.

Когда же въ умѣ Екатерины созрѣло печальное убѣжденіе въ непригодности сына, какъ своего будущаго наслѣдника, императрица, чуждая сентиментальности, начала хладнокровно обсуждать способы отстраненія его отъ престола.

Порошинъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько безпристрастныхъ, заслуживающихъ довѣрія словъ:

„Павелъ былъ мальчикомъ десяти лѣтъ. Обращеніе съ нимъ матери было самое нѣжное. Онъ жилъ при ней, былъ возлѣ нея не только на большихъ, но и на малыхъ собраніяхъ при Дворѣ, сопровождалъ ее всюду, на маневрахъ и на охотѣ. Она присутствовала при его экзаменахъ, радовалась его успѣхамъ и говорила ему, что „когда его высочество подрастетъ, то позволитъ тогда по утрамъ призывать къ себѣ для слушанія дѣлъ, дабы къ тому пріобыкнуть".

Самыя приближенныя лица — Орловы и Чернышовы, постоянно бывали у него и оказывали ему почтительное вниманіе.

Пріѣзжіе иностранцы, губернаторы, генералы, всѣ сколько нибудь извѣстные люди тотчасъ являлись къ нему и были приглашаемы къ великокняжескому столу.

Словомъ, императрица пыталась всѣми мѣрами подготовить достойнаго себѣ преемника.

Въ этомъ ребенкѣ, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на единственную надежду имперіи, можно было, однако, подмѣтить холодность и недовѣрчивость къ матери, скуку и нетерпѣніе въ ея присутствіи и, вообще, зародыши всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя онъ обнаружитъ впослѣдствіе, какъ императоръ.

Хотя Семенъ Андреевичъ Порошинъ, бывшій флигель-адъютантъ императора Петра III, преподаетъ цесаревичу математическіе предметы, его бесѣды касаются въ одинаковой степени исторіи и литературы. Бесѣды

эти имѣютъ глубокое воспитательное значеніе. Всѣ совѣты, замѣчанія, наставленія исполнены ума и высокаго благородства.

Порошинъ оставилъ дневникъ, въ который заносилъ все, что по его мнѣнію, заслуживало вниманія изъ ежедневныхъ событій въ жизни наслѣдника цесаревича.

Этотъ безцѣнный историческій матеріалъ обнимаетъ, къ сожалѣнію, всего только два года.

„Невѣжество и зависть, противъ всѣхъ добрыхъ дѣлъ, искони воюющія", ополчились противъ Порошина и вынудили его удалиться. Значеніе, которымъ онъ пользовался среди прочихъ педагоговъ, съ ихъ стороны ему не прощались.

Интрига облегчалась непостоянствомъ и непрочностью привязанностей великаго князя.

Тщетно Семенъ Андреевичъ обращается даже къ заступничеству всемогущаго графа Орлова. Но и вліятельный фаворитъ безсиленъ помочь и удержать на мѣстѣ добраго генія Павла Петровича...

Когда цесаревичъ достигъ четырнадцатилѣтняго возраста, наступило время „учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, какъ-то: познаніи коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухупутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства его, силу и славу монаршу".

На первый планъ выдвигается Остервальдъ, давнишній недоброжелатель Порошина, олицетворяющій собою полную педагогическую посредственность.

Затѣмъ, на сцену появился Тепловъ, навѣявшій на цесаревича скуку чтеніемъ безконечныхъ сенатскихъ процессовъ.

Весьма интереснымъ является прослѣдить, какимъ образомъ проявилась въ престолонаслѣдникѣ неудержимая страсть къ экзерцирмейстерству, къ парадоманіи, ко всѣмъ, такъ называемымъ, „мелкостямъ военной службы".

Трудно объяснить это явленіе иначе, какъ наслѣдственнымъ даромъ. Конечно не воспитательная система Никиты Ивановича Панина была тому причиной. И словомъ и дѣломъ онъ всячески отклонялъ отъ своего воспитанника соблазны подобнаго увлеченія. Печальный опытъ прошлаго царствованія служилъ для Панина достаточнымъ побужденіемъ, чтобы относиться съ большой осмотрительностью къ военнымъ упражненіямъ цесаревича.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ мѣры, влеченіе къ „военнымъ мелкостямъ" окончательно восторжествовало...

Порошинъ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ:

„Его императорское высочество пріуготовляется къ наслѣдію престола величайшей въ свѣтѣ имперіи Россійской. Многочисленное и преславное воинство ждать будетъ его мановенія, науки и художества просить себѣ проницанія его и покровительства, коммерція и мануфактуры неутомимаго попеченія и вниманія, пространныя рѣки удобнаго соединенія требовать будутъ.

Словомъ сказать, обширное государство неисчетные пути откроетъ, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое, и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и изъ роды родовъ не умолкнетъ.

Таковыя-ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Пренебрежено бы тѣмъ было великое служеніе, къ коему его императорское высочество призываетъ Промыслъ Господній.

Я самъ до военнаго дѣла великій охотникъ. Главнѣйшее мое упражненіе всегда было въ немъ и въ тѣхъ наукахъ, кои ему основаніемъ служатъ, кои его освѣщаютъ и приводятъ въ систему. Но въ семъ случаѣ не своей охотѣ слѣдую, а беру въ разсужденіе званіе государя и благополучіе согражданъ своихъ.

Я не говорю, чтобъ государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Но надобно влагать въ мысли его такія свѣдѣнія, кои составляютъ великаго полководца, а не исправнаго капитана или прапорщика. Такимъ образомъ, пораздумавшись, положилъ я въ себѣ твердо, чтобъ государю къ онымъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкусу не давать, а стараться какъ можно пріучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія великости достойнымъ“.

Тотъ же Порошинъ, привязанный къ цесаревичу всею душой, былъ однажды вынужденъ ему замѣтить:

„При самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, вы заставите себя ненавидѣть!“

Одинъ изъ наставниковъ Павла Петровича, профессоръ Эпинусъ, отзывается о немъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Голова у него умная, но въ ней есть машинка, которая держится на одной ниточкѣ... Порвется эта ниточка, машинка завертится и тутъ конецъ и уму и разсудку!“ ..

Изъ записокъ современниковъ можно вывести заключеніе, что великій князь воспитывался подъ давленіемъ постороннихъ вліяній, что въ присутствіи цесаревича иной разъ съ полной свободой высказывались такія мнѣнія, которыя шли въ разрѣзъ со взглядами Панина.

Въ этомъ отношеніи, особой свободой пользовался родной братъ оберъ-гофмейстера, генералъ Петръ Ивановиче Панинъ.

Онъ неизмѣнно посѣщалъ великаго князя и содѣйствовалъ въ значительной степени развитію въ немъ военныхъ наклонностей.

Къ числу единомышленниковъ Петра Ивановича слѣдуетъ отнести

и командира Московскаго пѣхотнаго полка, полковника Михаила Федотовича Каменскаго, возведеннаго Павломъ впослѣдствіе въ званіе графа и генерала-фельдмаршала.

Каменскій пишетъ великому князю письмо, въ которомъ, между прочимъ, приведены слѣдующія, не лишенныя оригинальности, строки:

„Какую бы помощь, напримѣръ, получила Греція при Маратонѣ, отъ всей премудрости философовъ своихъ, вольныхъ и другихъ наукъ и художествъ, еслибы не было въ ней Мильтіада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ?

И не долженъ-ли всякой признатися, что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію либо подлыхъ пѣсень для мягченія своихъ побѣдителей, либо къ возстановленію позорныхъ для себя же трофеевъ?

Но чтобы сократить то оставлю тьму подобныхъ примѣровъ и пріобщу только то, что и славный прадѣдъ вашъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ, ни протоколистомъ ни одной коллегіи ниже Сената“ ...

Въ заключеніе, остается сказать нѣсколько словъ о красносельскихъ маневрахъ, въ которыхъ Павелъ Петровичъ принимаетъ впервые дѣятельное участіе.

„19 іюня одѣлся цесаревичъ въ длинные сапоги и колетъ, и поѣхалъ къ войскамъ въ лагерь. Армія стояла въ двѣ линіи, а главная квартира находилась на отлогости горы Дудоровской.

Великій князь въ кирасѣ и во всемъ уборѣ ожидалъ императрицу на правомъ флангѣ полка Лейбъ-Кирасирскаго. Государыня, поровнявшись противу его, приказала ему за собой ѣхать. Пока мимо полку его ѣхала, то онъ за нею ѣхалъ въ кирасѣ и держа палашъ въ рукахъ. Какъ же скоро полкъ проѣхали, то палашъ вложилъ въ ножны и Никита Ивановичъ кирасу велѣлъ съ него снять.

Тутъ его высочество подалъ рапортъ бригадному своему командиру, Ивану Петровичу Салтыкову. Государыня была верхомъ же, въ мундирѣ мужскомъ Конной Гвардіи. Сказывали, какъ всѣ Кирасиры обрадованы, что видѣли государя передъ фронтомъ“.

На слѣдующій день начались маневры.

Одной стороной командовалъ Петръ Ивановичъ Панинъ, другой распоряжалась сама императрица. Солдаты „съ жадною радостью“ смотрѣли на цесаревича.

Никита Ивановичъ неожиданно заболѣлъ, принималъ слабительное и, по этой причинѣ, цесаревичъ выѣзжалъ въ фаэтонѣ, такъ какъ наставникъ не разрѣшилъ ему одному ѣздить верхомъ.

25 іюня произошла генеральная баталія.

„Цесаревичъ сильно усталъ, на мѣстѣ баталіи, верхомъ сидя, покушалъ кренделя, а домой пріѣхавши, не ужиналъ и легъ прямо опочивать, въ началѣ одиннадцатаго" . . .

Красносельскіе маневры, какъ и слѣдовало ожидать, не обошлись безъ послѣдствій. Лагерная жизнь произвела на юнаго цесаревича чрезвычано сильное впечатлѣніе. Появилось охлажденіе къ учебнымъ занятіямъ и новое увлеченіе „военными мелкостями".

Записи Порошина позволяютъ прослѣдить эти явленія:

„1 іюля: учился и такъ и сякъ.

2 іюля: Никита Ивановичъ морализировалъ о непостоянствѣ и легкомысліи великому князю.

9 іюля: за убираніемъ волосовъ считалъ, сколько верстъ на своемъ вѣку переѣздилъ.

11 іюля: послѣ обѣда рѣзвился, со штандартомъ бѣгалъ, къ поясу привязывалъ коклюшки.

14 іюля: во время обуванія былъ у насъ разговоръ, въ какихъ случаяхъ подчиненный можетъ и долженъ не повиноваться своему высшему, а одѣвшись, забавлялся, разставляя и катая по столу шашки вмѣсто кавалеріи и инфантеріи".

Какъ-то, разсматривая планы и виды Парижа, цесаревичъ представилъ себя полковникомъ, стоящимъ съ Лейбъ-Кирасирскимъ полкомъ во французской столицѣ, и назначалъ, гдѣ кому жить:

„Называлъ себя дюкъ де Сенъ-Клу и распредѣлялъ, какое бы у него войско было, въ какомъ числѣ и какъ одѣто".

По странной случайности, Малтійскій орденъ также послужилъ предметомъ игры будущаго Великаго Магистра:

„Читалъ я великому князю Вертотову исторію объ орденѣ Мальтійскихъ кавалеровъ. Изволилъ онъ потомъ забавляться и, привязавъ къ кавалеріи свой флагъ адмиральскій, представилъ себя кавалеромъ Мальтійскимъ".

Изъ этихъ краткихъ записокъ можно представить тотъ особенный, созданный воображеніемъ цесаревича, міръ, въ которомъ мысли его безпрестанно витали.

Въ лицѣ десятилѣтняго отрока появляется законченный образъ будущаго россійскаго императора, со всѣми его привлекательными и дурными чертами, съ его увлеченіями, принимавшими иной разъ фантастическій обликъ, съ его странной, загадочной, малопонятною гамлетовскою натурой, про которую впослѣдствіе такъ мѣтко выразился Суворовъ:

„Prince adorable, despote implacable!".

41.

Хмурое утро съ холоднымъ свинцомъ тяжелаго сѣраго неба, занялось надъ кирасирской слободкой. Воздухъ свѣжъ и какъ-то по особенному прозраченъ. Вѣтеръ обрываетъ послѣднюю бронзу деревьевъ. Кружатся листья и съ мягкимъ шурщащимъ стономъ устилаютъ дорожки.

Когда окончательно разсвѣло и въ манежахъ погасъ электрическій свѣтъ, господа офицеры собрались въ полномъ составѣ.

Одни торопливо глотали чай, другіе курили, обмѣнивались незначительными словами.

У пылающаго камина, въ обычной позѣ, разставивъ ноги, заложивъ руки въ карманы, стоятъ два Аякса — штабсъ-ротмистръ Граве и „Князенька", оба щупленькіе, сухіе, пріятели-неразлучки, два „inseparabl'я" подобные другъ другу, словно сіамскіе близнецы.

Углубившись въ утреннія газеты, нѣсколько человѣкъ перечитываютъ послѣднія извѣстія съ театра войны, набранныя жирнымъ разгонистымъ шрифтомъ, агентскія телеграммы, сообщенія спеціальныхъ корреспондентовъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, южно-африканскій конфликтъ, который казалось имѣлъ основанія закончиться дипломатическимъ соглашеніемъ, принялъ грозную форму. На ультиматумъ не послѣдовало отвѣта. Свободолюбивые африкандеры взялись за оружіе и открыли военныя дѣйствія.

Группа молодыхъ поручиковъ и корнетовъ, прохаживаясь изъ угла въ уголъ, дѣлилась впечатлѣніями о послѣдней оперной постановкѣ, а командиръ шефскаго эскадрона, ротмистръ Дроздъ-Бонячевскій, сидя за столомъ, спорилъ съ кѣмъ-то на литературную тему.

— Сдѣлай милость, э-э-э, прошу убѣдительно! — говорилъ Александръ Ивановичъ, растягивая по привычкѣ слова и сопровождая ихъ междометіями. — „Поединокъ"?... Да вѣдь это, братецъ, памфлетъ!... Это пасквиль на армію!

Александръ Ивановичъ помѣщалъ въ „Нивѣ" стишки и рождественскіе разсказы. Кромѣ того, печатался въ военныхъ журналахъ и не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ далъ интересный очеркъ „О преимуществахъ холодной ковки передъ горячей", вызвавшій въ военныхъ кругахъ оживленный обмѣнъ мнѣній.

По этимъ причинамъ, командиръ эскадрона причислялъ себя къ работникамъ литературнаго цеха и, въ вопросахъ изящной словесности, считался авторитетомъ.

— Александръ Ивановичъ, ты не правъ! — возражалъ, однако, собесѣдникъ. — „Поединокъ" не пасквиль!... Это талантливая повѣсть, въ нѣкоторомъ родѣ, даже этюдъ съ натуры!... Краски, разумѣется, сгущены!... Но, въ общемъ, армейскій бытъ переданъ ярко, правдиво, неподражаемо!

— Ярррко!... Прррравдиво! — горячился Александръ Ивановичъ, закрываясь на мгновенье папироснымъ дымкомъ, пренебрежительно взмахивая рукой. — А по моему мнѣнію, братецъ, это памфлетъ, чистѣйшій памфлетъ!...

Грузный, румяный, съ повиснувшей слезой на усахъ, входитъ командиръ четвертаго эскадрона, садится на свое обычное мѣсто, по короткой сторонѣ обѣденнаго стола, хлопаетъ трижды въ ладоши.

— Эй, люди! — кричитъ „Папаша"

Командиръ эскадрона только что отгонялъ унтеръ-офицерскую смѣну и собирается приступить къ первому завтраку.

Исключительное влеченіе ко всему, что провѣрено, одобрено и освящено десятками прожитыхъ лѣтъ, сказывается у „Папаши" на всемъ, даже на его ожедневномъ меню.

Когда-то, очень давно, потерявъ почти всѣ средства къ существованію, отвергая изъ самолюбія постороннюю помощь и, въ то же время, не желая разстаться съ полкомъ, Михаилъ Яковлевичъ былъ вынужденъ, изъ экономическихъ соображеній, посадить себя одва-ли не на солдатскій паекъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ изумительной твердостью, онъ переносилъ всѣ лишенія, пока благожелательная судьба не подарила его снова улыбкой.

Пищевой режимъ командира четвертаго эскадрона, по этой причинѣ, отличается простотой. Обыкновенная солдатская пища — кислыя щи съ гречневой кашей, рубленая котлета, а на придачу печеное яблоко, изъ этихъ трехъ блюдъ состоитъ ежедневный завтракъ „Папаши".

Въ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего предосудительнаго. Подобная скромность и постоянство заслуживаютъ даже извѣстнаго одобренія.

— Что слышно на фронтѣ? — спрашиваетъ „Папаша", закутываясь салфеткой, просовывая концы подъ погонъ, напоминая, въ этомъ видѣ, кліента въ парикмахерскомъ ателье.

Талюша Мордвиновъ, полковой академикъ съ ученымъ значкомъ на груди, даетъ необходимыя объясненія.

По послѣднимъ извѣстіямъ, буры перешли Лимпопо... Одна колонна направляется на Бечуаналандъ, другая уже вторглась въ Наталь... Ближайшимъ объектомъ дѣйствій главнокомандующаго Жубера намѣчаются повидимому Ледисмитъ, Мефкингъ и Кимберлей...

— Лимпопо? — хохочетъ „Папаша". — Здорово!... Молодцы буры! — одобрительно крякаетъ командиръ эскадрона и принимается за ѣду.

Всѣ наши симпатіи на сторонѣ африканцевъ. Вызывающая политика англичанъ ни у кого не встрѣчаетъ сочувствія, за исключеніемъ развѣ Талюши.

Но у того имѣются свои личныя основанія.

Хорошо бы щелкнуть по носу коварныхъ британцевъ!...

А въ противоположномъ углу слышатся взрывы дружнаго смѣха, веселые крики. Это компанія полковыхъ балагуровъ разыгрываетъ, по обыкновенію, хозяина собранія.

— Акимовъ, замаринуй командира? — пристаютъ господа офицеры.

Но хозяинъ собранія сегодня не въ настроеніи. Онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей склонности къ шуткамъ. На его смугломъ кавказскомъ лицѣ, съ крутымъ носомъ и лиловымъ посѣвомъ на щекахъ, нѣтъ обычной добродушной улыбки. Предложеніе офицеровъ, на этотъ разъ, представляется ему злою насмѣшкой.

Дѣло въ томъ, что хозяинъ собранія обладаетъ комическимъ даромъ, который на полковомъ языкѣ носитъ названіе „маринада". Мишенью забавной выходки обычно бываетъ или недавно поступившій въ полкъ офицеръ, незнакомый еще съ ухваткой штабсъ-ротмистра, или случайный гость, какой нибудь безобидный молодой человѣкъ, надъ которымъ можно изощрить остроуміе безъ особаго риска.

Въ этихъ случаяхъ, штабсъ-ротмистръ подсаживается къ намѣченной жертвѣ и завязываетъ бесѣду. Онъ задаетъ глубокомысленные вопросы, выпытываетъ мнѣніе собесѣдника. Послѣдній выслушиваетъ серію оглушительныхъ парадоксовъ, изъ любезности соглашается съ ними, учтиво поддакиваетъ пока, наконецъ, штабсъ-ротмистръ не начинаетъ плести окончательной чепухи и не сбиваетъ собесѣдника съ панталыка.

Общій хохотъ кладетъ конецъ этой комедіи.

— Акимовъ, замаринуй командира? — не унимаются офицеры.

Но штабсъ-ротмистръ хмурится и даже перестаетъ отвѣчать на вопросы.

Тогда офицеры подымаются одновременно съ мѣстъ и хоромъ поютъ:

„Акишка — старый баклажанъ,
Баклажанъ,
Баклажанъ!"

— Дзиннь-дзиннь! — въ столовую входитъ полковой адъютантъ. Онъ закончилъ докладъ въ строевой канцеляріи, скрѣпилъ подписью приказъ на завтрашній день и, по обыкновенію, собирается сыграть бильярдную партію.

Михаилъ Михайловичъ появляется, однако, съ портфелемъ. Онъ чѣмъ-то видимо озабоченъ, пожимаетъ на ходу руки и объявляетъ:

— Ѣзда отмѣняется!... Прошу не расходиться!

Вслѣдъ за тѣмъ открывается дверь и входитъ старшій полковникъ.

— Господа офицеры! — командуетъ адъютантъ...

42.

Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, плечистый, могучій, точно вѣковой вязъ или ясень, вноситъ съ собой запахъ манежа. Старшій полковникъ озабоченъ не менѣе адъютанта. Его жесткое, сухое лицо, съ клочкомъ рыжеватой бородки, хранитъ печать суровой торжественности.

Полковникъ дѣлаетъ общій поклонъ, подходитъ къ столу и обращается съ рѣчью:

— Господа офицеры!... Третьево дни (онъ такъ именно и сказалъ — третьево дни) командиръ полка былъ осчастливенъ бесѣдою съ Ея Величествомъ, Государынею Императрицей... Въ этой бесѣдѣ было указано о неизмѣнномъ благоволеніи и, между прочимъ, объ оказаніи полку исключительной милости!

Полковникъ выдержалъ паузу и обвелъ офицеровъ долгимъ, испытующимъ взглядомъ.

— Милость сія заключается въ рѣшеніи Августѣйшаго Шефа на предметъ зачисленія сына, его императорскаго высочества Государя Наслѣдника великаго князя Михаила Александровича на службу въ ряды полка!

Старшій полковникъ снова остановился, снова взглянулъ на господъ офицеровъ и, удовлетворенный произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ, молодецки покрутилъ усъ.

Извѣстіе это не было неожиданнымъ.

Уже ходили слухи о томъ, что великій князь Михаилъ, послѣ непродолжительной службы въ Преображенскомъ полку и въ конно-артиллерійской бригадѣ, собирается, для ознакомленія съ техникой кавалерійскаго дѣла, поступить въ одинъ изъ полковъ гвардейской конницы.

Много шансовъ было за то, что Наслѣдникъ остановится на полкахъ первой бригады, на Кавалергардахъ, или на Конной Гвардіи, представляющихъ цвѣтъ русской военной аристократіи.

Но не составлялъ секретъ и слухъ, что шефскій полкъ Лейбъ-Кирасиръ, расположенный въ Гатчинѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ царскимъ дворцомъ, привлекалъ вниманіе великаго князя, тѣмъ болѣе, что послѣдній уже числился въ спискахъ полка.

Великій князь былъ зачисленъ недавно, въ день полкового праздника, весною текущаго года.

По словамъ офицеровъ, это была любопытная и чрезвычайно трогательная картина.

Господа офицеры были свидѣтелями умилительной сцены, какъ послѣ торжественной рѣчи командира полка, въ присутствіи Императора, Августѣйшаго Шефа и другихъ высокихъ гостей, когда великому князю надлежало, въ свою очередь, сказать нѣсколько словъ, какъ конфузился юный Наслѣдникъ Престола, какъ со смѣхомъ подталкивали его обѣ сестры, ве-

ликая княгиня Ксенія и великая княжна Ольга, какъ улыбались присутствующіе и смѣялся самъ Императоръ, пока, наконецъ, поборовъ свое смущеніе и застѣнчивость, великій князь не выступилъ робко впередъ и не поднялъ чарку за здоровье полка.

Извѣстіе не было неожиданнымъ и все же произвело впечатлѣніе...

Между тѣмъ, склонившись надъ столомъ и уперевъ въ него узловатые пальцы крѣпкихъ жилистыхъ рукъ, Ипполитъ Алексѣевичъ продолжалъ:

— Господа офицеры!... Милость Ея Величества безпредѣльна и полагаю, иному толкованію не подлежитъ... Но памятуя статутъ Лейбъ-Регимента, освященный именемъ Основателя, великаго государя императора Петра I, въ точномъ соотвѣтствіи съ параграфомъ осьмымъ сего статута и полковымъ артикуломъ, передаю вопросъ на голосованіе!

Полковникъ выдержалъ новую паузу:

— Вопросъ передается на открытое голосованіе!... Между прочимъ, добавлю неофиціальнымъ порядкомъ, желательно вынести единогласное рѣшеніе!

— Прошу сѣсть! — произнесъ старшій полковникъ дѣловымъ тономъ. — Полковой адъютантъ! — обратился онъ къ поручику Лазареву. — Потрудитесь огласить списокъ и занести въ оный личное мнѣніе каждаго изъ присутствующихъ господъ!

Процессъ голосованія продолжался недолго.

Адъютантъ, стоя со спискомъ въ рукѣ, вызывалъ офицеровъ, начиная съ младшихъ корнетовъ, и ставилъ въ спискѣ, противъ фамиліи, аккуратную галочку:

— Корнетъ Аркасъ?

— Корнетъ Искандеръ?

— Корнетъ Черкесовъ?

Каждый изъ насъ подымался и коротко заявлялъ:

— Согласенъ!

Большинство присутствующихъ отвѣчало этимъ единственнымъ словомъ.

Кое-кто изъ старшихъ офицеровъ, иной разъ, добавлялъ:

— Считаю за честь!

— Воля Ея Величества священна!...

Голосованіе уже подходило къ концу. Оставалось всего нѣсколько человѣкъ. Полковой адъютантъ сдѣлалъ въ спискѣ очередную отмѣтку и вызвалъ:

— Штабсъ-ротмистръ, баронъ Корфъ?

Штабсъ-ротмистръ поднялся. Его плотное, обвѣтренное лицо, съ сѣдѣющими усами, съ рѣзко обозначенными морщинами на лбу и на щекахъ, выражало волненіе. Штабсъ-ротмистръ откашлялся и произнесъ:

— Господа офицеры!... Я ни минуты не сомнѣваюсь, что зачисленіе Государя Наслѣдника на службу въ ряды полка составляютъ величайшую честь...

Баронъ Корфъ замялся, какъ бы подыскивая слова. Старый штабсъ-ротмистръ не обладалъ даромъ рѣчи. Лицо его пошло лиловыми и алыми пятнами. При напряженномъ вниманіи офицеровъ, опустивъ взоръ, онъ снова откашлялся и сказалъ:

— Однако, я опасаюсь, чтобы эта высочайшая милость не отразилась на нашихъ тѣсныхъ и дружескихъ...

Штабсъ-ротмистръ Корфъ не успѣлъ закончить фразы.

— Ништо! — заревѣлъ старшій полковникъ, устремивъ на Корфа страшные, жесткіе, вызывающіе глаза.

Онъ поднялъ могучій кулакъ, съ тяжелымъ гербовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, и опустилъ его на столъ съ такой силой, что задрожали стаканы, а хрустальный бокалъ, подпрыгнувъ на скатерти, со звономъ упалъ на паркетъ.

— Скажи, пожалуйста, экъ раскудахтался?... Да говори толкомъ, согласенъ, аль нѣтъ?... Я тебя спрашиваю, отвѣчай?... Да, али нѣтъ? — съ рѣзкостью выбросилъ старшій полковникъ, вращая грозно зрачками.

— Согласенъ! — произнесъ Корфъ.

Ипполитъ Алексѣевичъ принялъ отъ адъютанта списокъ, свернувъ трубочкой, засунулъ за обшлагъ сюртука и, отвѣсивъ вторично общій поклонъ, торжественно направился къ выходу.

Вопросъ былъ рѣшенъ единогласно...

43.

Снѣгъ шелъ съ утра густыми пушистыми хлопьями, осѣлъ на деревьяхъ и крышахъ, завалилъ улицы, покрылъ городокъ плотнымъ бѣлымъ ковромъ.

Все сразу преобразилось.

Стало сразу мягче, свѣтлѣе, нряднѣе. Появились первыя санки и бойко запѣли звонки колокольчиковъ.

— Динь-динь-динь-динь! — звенятъ по всѣмъ направленіямъ зимніе голоса.

Порхаетъ, кружится снѣгъ, скрипитъ подъ ногами, забирается шаловливо за воротникъ.

Снѣгъ завалилъ городокъ по самую маковку. Все приняло новый оттѣнокъ, стало бѣло и сине, какъ цвѣта кирасирской фуражки.

Тихо падаютъ синія тѣни. Въ бѣлыхъ сугробахъ лежатъ улицы, дачки, скверы, сады. Вертикальными струйками подымается надъ крышами синеватый дымокъ.

А закатъ сталъ какой-то особый, оранжевый, и снѣгъ еще сильнѣй хруститъ подъ ногами.

Пріоратъ также преобразился, сталъ краше, волшебнѣе, словно заколдованный лѣсъ. Мохнатыя елочки низко склоняютъ свои опахала и напоминаютъ спящихъ царевенъ въ подвѣнечномъ уборѣ...

Зима пришла неожиданно и съ приходомъ ея, оживилась полковая работа.

Начались занятія съ новобранцами.

Молодыхъ солдатъ разбили по эскадронамъ, свели въ баню, остригли, нарядили въ кирасирскую форму. Съ утра до поздняго вечера стали гонять новобранцевъ въ манежѣ, заниматься словесностью въ классѣ, маршировкой въ гимнастическомъ залѣ.

Къ веснѣ они должны быть поставлены въ строй.

Въ четвертомъ эскадронѣ работа съ молодыми солдатами возложена на старшаго субалтерна, корнета Корвинъ-Круковскаго.

Второй офицеръ, Эдя фонъ Шведеръ, не имѣетъ опредѣленныхъ занятій. Онъ несетъ службу дежурства, время отъ времени назначается въ караулъ, замѣняетъ порой заболѣвшаго офицера.

Какъ искусный ѣздокъ, поддерживающій честь полка на конкурныхъ и скаковыхъ состязаніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отмѣнный кавалеръ и танцоръ, постигшій всѣ тонкости свѣтскаго этикета, Эдуардъ Николаевичъ держится, главнымъ образомъ, для „представительства".

„Душка-Анатоль" гоняетъ смѣну старослужащихъ, кашеваровъ и хлѣбопековъ, эскадронныхъ сапожниковъ, портныхъ, кузнецовъ.

Я продолжаю завѣдывать командой развѣдчиковъ. Сверхъ того, съ прибытіемъ ремонта, началась выѣздка молодыхъ лошадей.

Трижды въ недѣлю командиръ эскадрона собираетъ насъ вечеромъ въ маломъ манежѣ, вмѣстѣ съ унтеръ-офицерскою смѣной.

Въ старой, вывернутой на изнанку шинели, укутанный башлыкомъ, концы котораго торчатъ надъ головой словно заячьи уши, въ глубокихъ калошахъ, съ мохнатыми солдатскими рукавицами на рукахъ, „Папаша" стоитъ посерединѣ манежа, щелкаетъ длиннымъ бичомъ, по обыкновенію сыплетъ ругательствами.

Третій день падаетъ снѣгъ.

Городокъ утонулъ въ бѣлой шубѣ. Воздухъ сталъ сухъ и прозраченъ. Блѣдное зимнее солнце сверкаетъ въ голубомъ небѣ.

И на всѣ лады, по всѣмъ направленіямъ, перекликаются бойкіе зимніе голоса:

— Динь-динь-динь-динь!...

44.

Почтовый поѣздъ балтійской желѣзной дороги тащился съ невѣроятною медленностью, долго стоялъ на остановкахъ, принималъ пассажировъ, хрипѣлъ простуженнымъ голосомъ и двигался дальше.

Я ѣхалъ въ городъ безъ малѣйшаго удовольствія.

Посѣщеніе столицы вызывалось необходимостью. Предстоялъ одинъ изъ тѣхъ скучныхъ визитовъ, которые лежатъ на душѣ мертвымъ, инертнымъ грузомъ, которые откладываются со дня на день и, тѣмъ не менѣе, по правиламъ этикета, рано или поздно, требуютъ исполненія.

Эти правила управляютъ нами въ такой же степени, какъ и своеобразныя особенности нашего гвардейскаго кодекса, цѣлый сводъ писаныхъ и неписаныхъ, но освященныхъ давней традиціей, пунктовъ, параграфовъ, узаконеній, которымъ мы обязаны подчиняться .

На поверхностный взглядъ многое покажется здѣсь устарѣвшимъ, отжившимъ, даже смѣшнымъ

Такъ напримѣръ, офицерамъ полка строжайшимъ образомъ возбраняется участіе въ какихъ-либо политическихъ партіяхъ, не только тайныхъ, но даже открытыхъ, посѣщеніе различныхъ собраній, общественныхъ маскарадовъ и клубовъ съ сомнительной репутаціей.

Воспрещается участвовать въ уличныхъ манифестаціяхъ и даже выступать на страницахъ печати безъ разрѣшенія прямого начальства.

Эти правила регламентируютъ нашу общественную жизнь, а съ ея показной стороны доходятъ иной разъ до мелочей.

Такъ, офицерамъ полка воспрещена ѣзда на трамваѣ и въ дилижансахъ, возбраняется занятіе мѣста въ театрѣ или на другомъ зрѣлищѣ дальше извѣстнаго ряда кресель партера.

Въ отношеніи же формы одежды установленъ строжайшій порядокъ, разработанный для каждаго отдѣльнаго случая. Форма парадная, форма обыкновенная, выходная, строевая, караульная и служебная, каждая изъ нихъ, сверхъ уставныхъ правилъ, утверждена общимъ собраніемъ.

Во всѣхъ частяхъ гвардіи установленъ подобный порядокъ, находящійся подъ контролемъ не только начальниковъ, но и старшихъ товарищей.

Если имѣются извѣстныя отклоненія, онѣ несущественны и лишь налагаютъ на полкъ свой особый, свойственный ему одному, отпечатокъ...

Между тѣмъ, вечеръ уже глядѣлъ въ окна вагона. Когда зажглись фонари и упали рѣзкія тѣни, казалось, что наступила ночь.

По мѣрѣ приближенія къ городу, мои размышленія, все съ большей назойливостью, блуждали въ области предстоявшаго мнѣ пустого, безсодержательнаго свиданія.

Мнѣ представился богатый, нѣсколько модернизированный домъ на Пушкинской улицѣ, выдержанный въ тяжелыхъ темныхъ тонахъ, съ фамильнымъ гербомъ на фронтонѣ. Представилась такая же пышная и богатая обстановка, сочетаніе добротной вѣковой страны съ предметами легкаго современнаго стиля.

Одновременно, я нарисовалъ себѣ образъ хозяевъ — усталаго чинов-

наго старика, его величественной супруги и выводка безцвѣтныхъ дѣвицъ, съ жеманными позами, съ ходячими фразами.

Нынче вѣдь мода на образованность, на тонкую линію, на блѣдный цвѣтъ!

Картина была до того прѣсна и банальна, что я подавилъ вздохъ и даже поморщился.

Одновременно, мнѣ вспомнился Фрэдъ, съ его карточными „субботниками" и кружкомъ закадычныхъ друзей. Съ особою яркостью припомнился послѣдній проведенный у него вечеръ, закончившійся веселой попойкой, прогулкою на Острова, плясками и пѣньемъ цыганскаго хора:

„Скажи зачѣмъ тебя я встрѣтилъ?.."

Въ моемъ воображеніи сверкнулъ залитый огнями, переполненный изящною публикой залъ... Румынскій оркестръ на эстрадѣ, томное рыданье скрипокъ, мелодичный рокотъ цымбалъ... Блескъ драгоцѣнностей, обнаженныхъ плечъ и улыбокъ, смѣхъ, веселый говоръ толпы, запахъ тонкихъ духовъ и молодого жанскаго тѣла...

Искушеніе было чрезвычайно сильно.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я боролся съ соблазнительными призывами и, каюсь, былъ очень близокъ къ тому, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить намѣченный планъ.

Что дѣлать, однако — noblesse oblige!

Поѣздъ, между тѣмъ, уже замедлялъ бѣгъ. Въ купэ, переполненномъ пассажирами. было тѣсно и душно. Отъ табачнаго дыма, отъ тускло мерцающихъ фонарей, струился голубоватый туманъ и лица людей теряли свои очертанія.

— Что это — Лигово?

— Лигово! — послышались голоса.

— Лигово! — подтвердилъ сидѣвшій напротивъ старикъ.

По скользкой, запорошенной снѣгомъ платформѣ бѣгали люди, бродили носильщики съ кладью, стоялъ усатый жандармъ.

Снова прозвучали хрипло звонки — день-день-день, паровозъ отвѣтилъ надорваннымъ свистомъ, скрипнули тормаза и вагоны пришли снова въ движеніе, пропуская мимо себя огни телеграфной конторы, низенькій палисадъ, водокачку, купу оголенныхъ деревьевъ.

Я откинулся къ спинкѣ дивана и, на мгновенье, закрылъ глаза. Въ сознаніи выплыла снова вызванная мною картина. Въ ритмическомъ стукѣ колесъ слышались слова цыганской пѣсни, съ ея жгучимъ, страстнымъ призывомъ, съ предостерегающимъ какъ бы рефреномъ:

„Тебя отнимутъ у меня,
Ты не моя, ты не моя..."

Струя холоднаго воздуха неожиданно ворвалась въ купэ.

Я обернулся.

Я увидѣлъ стройную дѣвушку, съ кожаной сумочкою въ рукѣ. Она стояла въ дверяхъ, обводя пассажировъ нерѣшительнымъ взглядомъ. Большіе синіе глаза остановились на мнѣ и, въ ту же минуту, поднявшись съ дивана, я освободилъ мѣсто и прислонился къ окну.

Дѣвушка продолжала стоять въ той же позѣ, въ прежней нерѣшительности и колебаніи, пока движеніемъ руки я не сдѣлалъ пригласительный жестъ.

Странный толчокъ, словно электрическій токъ, пробѣжавшій по тѣлу, охватилъ и наполнилъ меня волнующимъ ощущеніемъ. Казалось, что эта встрѣча разбудила и всколыхнула рой какихъ-то воспоминаній, давно забытыхъ, загадочныхъ, необъяснимыхъ... Казалось, что я видѣлъ уже гдѣ-то этотъ плѣнительный образъ... На яву или, можетъ быть, только въ мечтахъ?..

— Княжна Лиговская! — шутливо, по ассоціаціи, подумалось мнѣ и я усмѣхнулся.

Стоя подлѣ окна, жаднымъ, пламеннымъ взглядомъ я пожиралъ незнакомку и чувствовалъ себя во власти невѣдомыхъ силъ.

И когда она, въ свою очередь, подымала глаза, я въ смущеніи опускалъ взоръ...

Сверкнули огни семафора, запѣли сторожевые рожки и тяжелый почтовый составъ втянулся подъ своды вокзала.

Проталкиваясь въ толпѣ, расчищая безъ церемоніи путь, я двигался по перрону, оборачиваясь и наблюдая за незнакомкой, слѣдовавшей за мной.

Мнѣ хотѣлось продлить наслажденіе и, по этой причинѣ, я умышленно замедлялъ шаги. Меня охватило желаніе оказать молодой дѣвушкѣ снова любезность, выразить какіе нибудь новые знаки вниманія.

Такъ, слѣдуя непосредственно передъ нею и оберегая ее отъ толчковъ, я вышелъ изъ вокзала на площадь.

Длинная вереница саней тянулась вдоль тротуара.

Извозчики въ мохнатыхъ шапкахъ, въ валенкахъ, въ тяжелыхъ перепоясанныхъ армякахъ, озябшіе отъ долгой стоянки, топтались на рыхломъ снѣгу, сквернословили, отъ плеча къ плечу размахивали руками въ толстыхъ шерстяныхъ рукавицахъ.

Неподвижно и тупо стояли лошади, опустивъ заиндевѣвшія морды, полузакрывъ, въ дремотѣ, глаза.

Незнакомка, привѣтливо кивнувъ мнѣ головкой, повернулась къ первому, попавшемуся ей тутъ же, извозчику:

— Тучковъ переулокъ!

Она произнесла фразу яснымъ и чистымъ голосомъ, заставившимъ меня снова затрепетать отъ радостнаго волненія. Но глухъ, а можетъ

быть пьянъ былъ возница. Онъ не сразу уловилъ смысла сказанныхъ словъ, переспрашивалъ, торговался, набивалъ цѣну.

Тогда я приблизился вплотную къ санямъ:

— Тучковъ переулокъ! .. Не слышишь, что-ли, тетеря?

— Пожалуйте, ваше сіятельство! — точно обрадовался извозчикъ и принялся отстегивать полость.

Я усадилъ дѣвушку, за что получилъ новую привѣтливую улыбку. Затѣмъ, не отдавая себѣ отчета, повинуясь охватившему меня чувству, быстрымъ движеніемъ сѣлъ рядомъ съ ней.

Извозчикъ взмахнулъ кнутомъ и рысакъ подхватилъ вскачь...

45.

Что это, сонъ или дѣйствительность? .. Я-ли это сижу бокъ-о-бокъ съ молодою особой, которую совершенно не знаю, съ которой не обмѣнялся пока ни однимъ словомъ, о которой не имѣю ни малѣйшей представленія?

Какъ могло создаться это невѣроятное положеніе, чтобы я, скромный молодой офицеръ, не искушенный въ романическихъ приключеніяхъ, позволилъ себѣ, съ опытностью уличнаго фланера, эту смѣлую выходку?

Нѣтъ, это не сонъ!

Взметая снопы снѣговыхъ искръ, рысакъ несетъ меня полнымъ ходомъ по Измайловскому проспекту, мимо гвардейскихъ казармъ, мимо памятника „Славы“ съ турецкими пушками, все ближе къ центру столицы, къ бульварамъ, къ проспектамъ, къ гранитной набережной рѣки.

А рядомъ, откинувшись въ сторону, взметая на меня изъ подъ темныхъ рѣсницъ огонь изумленныхъ, широко раскрытыхъ, негодующихъ взоровъ, сидитъ прекрасная незнакомка, въ синей шубкѣ и шапочкѣ, съ чернобурымъ песцомъ на плечахъ.

— Пардонъ, тысячу извиненій! — бормочу я, задыхаясь отъ волненія, отъ морознаго воздуха, отъ быстраго бѣга коня.

— Это вышло непроизвольно! .. Откинемъ условности! .. Только четверть часа! .. Разрѣшите быть до конца предупредительнымъ кавалеромъ! .. Петербургская ночь таитъ бездну опасностей для молодой дѣвушки! .. Только четверть часа и я скажу вамъ — прощайте! ..

Моя рѣчь, похожая больше на бредъ, едва-ли успокоила незнакомку.

Но слова оказали все же извѣстное дѣйствіе.

Такъ, помимо желанія, происходитъ невольно сближеніе, и вотъ, послѣ потока негодующихъ фразъ, послѣ попрековъ и обвиненій меня въ недопустимой смѣлости и даже коварствѣ, незнакомка, мало по малу, смѣнила тонъ.

Я не протестовалъ и выслушалъ всѣ обвиненія.

Скромно опустивъ подъ взоромъ глаза, ни словомъ, ни жестомъ не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки къ самозащитѣ, я продолжалъ сидѣть рядомъ съ ней, охваченный прежнимъ волнующимъ чувствомъ.

— Что же вы молчите? — произнесла дѣвушка.

Я повернулъ голову. Подъ огнемъ фонаря увидѣлъ порозовѣвшее отъ мороза лицо, прядь золотистыхъ волосъ, лучистые большие глаза, взиравшие на меня съ недоумѣніемъ, ожиданіемъ, любопытствомъ.

— Княжна Лиговская! — снова шутливо подумалось мнѣ.

Я замѣтилъ, какъ губы дѣвушки задрожали, какъ легкая, чуть уловимая усмѣшка скользнула по лицу. Мнѣ вспомнилось почему-то стихотвореніе молодого поэта и я улыбнулся.

„Вновь оснѣженныя колонны,
Елагинъ мостъ и два огня . . .“

Но въ эту минуту, проскочивъ Николаевскій мостъ, рысакъ повернулъ круто направо и дѣвушка, вскрикнувъ, прижалась ко мнѣ. Я обхватилъ ее лѣвой рукой и уже не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока кучеръ, по знаку, не остановилъ коня передъ небольшимъ бѣлымъ особнякомъ.

Порывшись въ сумочкѣ, незнакомка вынула серебряный рубль.

Она вручила мнѣ деньги, легкимъ движеніемъ выскочила изъ саней.
— Благодарю васъ! — проговорила она и, быстрой походкой, засеменила къ подъѣзду.

Серебряный рубль я спряталъ въ карманъ и тотчасъ послѣдовалъ за незнакомкой.

Я догналъ ее у подъѣзда и остановилъ:

— Прощайте!

Она протянула мнѣ ручку, маленькую изящную ручку въ тонкой перчаткѣ.

Я склонился и поцѣловалъ.

— Послѣдняя просьба! — прошепталъ я. — Мы вѣроятно никогда не увидимся!... Какъ васъ зовутъ?

Дѣвушка подняла на меня глаза, улыбнулась, на мгновенье задумалась:

— Иренъ!

И тотчасъ скрылась въ подъѣздѣ . . .

46.

„ЕКАТЕРИНА озабочена цѣлымъ рядомъ внутреннихъ и внѣшнихъ тревогъ.

Не успѣла императрица взойти на престолъ, какъ произошло вскорѣ событіе, извѣстное подъ именемъ „шлиссельбургской нелѣпы“.

Безумный поручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полка Василій Мировичъ

пытался „ухватить фортуну за чубъ“ и освободить „безыменнаго колодника“ Іоанна VI.

Мировичи принадлежали къ малороссійской знати, нѣкогда были богаты, играли видную роль, пользовались вліяніемъ. Дѣдъ поручика, переяславскій полковникъ Федоръ Мировичъ, измѣнилъ Петру I и, послѣ пораженія шведскаго короля, бѣжалъ въ Польшу. Отецъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ поляками, былъ сосланъ въ Сибирь.

Знаменитый черниговскій полковникъ, гетманъ Полуботокъ, былъ имъ сродни.

Полуботокъ давно умеръ въ Петропавловской крѣпости, а внукъ переяславскаго полковника шатался по санктпетербургскимъ проспектамъ, мечтая о прежнемъ довольствѣ и славѣ.

На его глазахъ произошелъ послѣдній переворотъ. Переворотъ совершился легко, съ театральной быстротой. Люди, не имѣвшие вчера никакого значенія, стали титулованными вельможами, получившими въ одинъ день чины, земли, награды.

А у Мировича кромѣ долговъ, имѣются три сестры, которыя голодаютъ, да въ сенатѣ разсматривается безнадежный процессъ съ казной о возвращеніи конфискованныхъ дѣдовскихъ имѣній.

Три раза подавалъ Мировичъ прошеніе по своему сенатскому дѣлу. Три раза императрица, собственноручными резолюціями, отказывала просителю, называя его „внукомъ и сыномъ бунтовщиковъ“.

Послѣ неоднократныхъ попытокъ, Мировичъ удостоился, наконецъ, аудіенціи у своего земляка, всесильнаго гетмана Разумовскаго. Гетманъ выслушалъ просьбу поручика и сказалъ:

— Ты, молодой человѣкъ, самъ прокладывай себѣ дорогу! . . . Ухвати фортуну за чубъ и станешь такимъ же паномъ, какъ и другіе!

Крѣпко задумался поручикъ надъ словами гетмана. . .

Смоленскій пѣхотный полкъ занималъ въ ту пору караулы въ шлиссельбургской крѣпости и форштадтѣ. Странная крѣпость? . . Въ крѣпости еще какъ бы крѣпость, охраняемая особой командой? . . Кто содержится въ этихъ таинственныхъ казематахъ? . . Отчего, съ особливымъ тщаніемъ, окруженъ „нумеръ первый“?

Отставной барабанщикъ шлиссельбургскаго гарнизона проболтался господину поручику:

— Нумеръ первый, безыменный колодникъ — императоръ ИванъVI!..

Молнія пронеслась въ головѣ молодого поручика.

— Такъ вотъ гдѣ „Иванушка“, котораго молва то прочитъ въ мужья Екатеринѣ, то называетъ императоромъ всероссійскимъ? . . Онъ не только живъ! . . Онъ здѣсь, подъ карауломъ его же, Мировича! . . Вотъ и гетманская фортуна, которую нужно ухватить только за чубъ, чтобы стать паномъ!

Попытка не имѣла успѣха.

Императрица, совершавшая въ это время объѣздъ остзейскихъ провинцій, получила въ Ригѣ донесеніе графа Панина объ „отчаянной ухваткѣ одного сущаго злодѣя“, закончившейся умерщвленіемъ шлиссельбургскаго узника.

Съ большимъ волненіемъ Екатерина прочла донесеніе и облегченно вздохнула:

— Руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть! .. Ивана нѣтъ больше на свѣтѣ! ..

Воинскаго устава, артикулъ 135 гласитъ:

„Никто бъ, ниже словомъ, или дѣломъ, или письмомъ, самъ собою или черезъ другихъ, къ бунту и возмущенію или иное что учинить причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойти. Ежели кто противъ сего поступитъ, оный по розыску дѣла живота лишится“.

Мировичъ былъ обезглавленъ, съ сожженіемъ праха „купно съ эшафотомъ, на Петербурскомъ Островѣ. Державинъ, наблюдавшій казнь, записалъ въ дневникѣ:

„Мировичу отрублена голова. Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и мосту, необыкшій видѣть смертную казнь и ожидавшій милосердія государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ ката, единогласно ахнулъ и таково содрогся, что мостъ поколебался и перила обвалились въ воду“.

Объявлена война Турціи и, въ то же время, уже началась борьба съ польскими конфедератами. Въ Москвѣ появилась моровая язва, вызвавшая открытый мятежъ. А на юго-востокѣ имперіи поднялъ грозный бунтъ Пугачовъ.

Въ Москву посланъ Григорій Орловъ.

Онъ безстрашенъ, ему сопутствуетъ счастье. И точно — городъ освобожденъ, порядокъ возстановленъ, чума прекратилась.

И на гатчинской дорогѣ, въ честь фаворита, воздвигается тріумфальная арка изъ розоваго мрамора.

Своимъ мужествомъ и великодушіемъ Орловъ напоминаетъ Екатеринѣ древнихъ римлянъ. Онъ снова завоевалъ сердце императрицы, мечтавшей о подвигахъ.

Утѣшительныя вѣсти привозятъ гонцы и съ турецкаго фронта.

Исполнителемъ воли императрицы становится здѣсь братъ фаворита, Алексѣй Орловъ. Онъ сталъ властелиномъ Чернаго моря, выигравъ при помощи благопріятнаго вѣтра, англійскаго адмирала и каталонскаго авантюриста, знаменитую чесменскую битву.

Но вотъ, дезертиръ Пугачовъ, выдавъ себя за покойнаго императора, которому якобы удалось спастись отъ своихъ палачей, идетъ карать императрицу и вѣнчать на царство малолѣтняго Павла.

Никто въ Россіи не вспоминалъ, да и мало кто зналъ, что на далекомъ

сѣверѣ, въ Холмогорахъ, томится безвыходно въ стѣнахъ архіерейскаго дома злосчастное семейство брауншвейгскаго герцога.

Мало кто вѣдалъ и про Іоанна VI. Въ Россіи правитъ царица Екатерина, съ просвѣщенными людьми и ловкими царедворцами. Вольтеры пишутъ ей письма, Дидероты бесѣдуютъ, поэты слагаютъ хвалебныя оды.

Голштинскій мальчикъ просидѣлъ на престолѣ не дольше малолѣтняго сына Анны Леопольдовны и, свергнутый супругой, „внезапно скончавшись", сталъ призракомъ, бродившимъ въ разныхъ образахъ по Руси, пока не воплотился въ страшнаго Пугачова.

Легковѣрный народъ, любящій чудеса и легенды, сочувствуетъ мятежному казаку, избивающему дворянъ, сулящему отдать казну и богатства народу.

Отъ Казани до самаго Оренбурга подняты всѣ гарнизоны. Но хитрый казакъ ускользаетъ, скрывается въ крестьянскихъ избахъ, находитъ повсюду пріютъ. Къ нему тянутся сердца простолюдиновъ и мужиковъ. Ему даже удается разбить на голову нѣсколькихъ генераловъ, Страна трепещетъ передъ бунтовщикомъ. Обстановка благопріятствуетъ, пока казакъ не выданъ сообщниками и не привезенъ въ желѣзной клѣткѣ въ Москву.

— Это кончится колесованіемъ или повѣшеніемъ, хотя я презираю насиліе! — записываетъ императрица, уже все меньше увлекавшаяся идеальною философіей.

Екатерина не выносила выходцевъ съ того свѣта. . .

47.

Не взирая на внутреннія и внѣшнія политическія осложненія, императрица не теряетъ, однако, изъ вида вопроса огромнаго династическаго значенія, заключающагося въ подысканіи невѣсты для престолонаслѣдника.

Съ особой любовью Екатерина останавливаетъ свой взоръ на виртембергской принцессѣ, Софіи-Доротеѣ-Августѣ. Но принцесса еще молода. Необходимость заставляетъ предпринять новые поиски.

Выборъ останавливается на дочеряхъ ландграфа Гессенъ-Дармштадскаго.

Между тѣмъ, духовный міръ, въ которомъ живетъ цесаревичъ, остается все тотъ же. Какъ всегда, великій князь одушевленъ лучшими планами и намѣреніями и, подъ счастливымъ вдохновеніемъ, находитъ слова для ихъ выраженія. Но для осуществленія этихъ плановъ, для извлеченія ихъ изъ міра грезъ и претворенія въ дѣйствительность, цесаревичу многаго недостаетъ.

Внѣшнія формы обращенія цесаревича отличаются, при желаніи съ его стороны, изысканною привѣтливостью, очаровательною любезностью. Отъ вниманія постороннихъ ускользаютъ непріятныя черты характера,

мрачныя думы, тяжкія мысли, терзающія и отравляющія его существованіе.

По адресу цесаревича расточаются искреннія похвалы:

„Великому князю есть чѣмъ заставить полюбить себя молодой особѣ другого пола! .. Не будучи большого роста, онъ безукоризненно хорошо сложенъ, пріятенъ въ разговорѣ, въ обхожденіи мягокъ, вѣжливъ, предупредителенъ. .. Въ этомъкрасивомъ тѣлѣ обитаетъ душа прекраснѣйшая, честнѣйшая, великодушнѣйшая и, въ то же время, чистѣйшая и невиннѣйшая, знающая зло лишь съ дурной стороны!“ ..

Ландграфиня Гессенъ-Дармштадская прибыла въ Ревель въ сопровожденіи трехъ дочерей.

Баронъ Александръ Черкасовъ вручилъ ландграфинѣ письменный привѣтъ императрицы и отвезъ высокихъ гостей въ Екатеринентальскій дворецъ. Затѣмъ, гости прослѣдовали въ Гатчину въ гатчинскій „замокъ“, къ графу Орлову, гдѣ ихъ встрѣтила Екатерина.

Послѣ параднаго обѣда направились въ Царское Село, откуда къ нимъ навстрѣчу выѣхалъ цесаревичъ. Первое свиданіе произошло на дорогѣ. Цесаревичъ произвелъ прекрасное впечатлѣніе:

„Il est aimable et d'une grande politesse,“ сообщаетъ ландграфиня королю Фридриху II.

Императрица предоставила сыну полную свободу выбора, но дала на размышленіе всего три дня. Цесаревичъ, съ первой встрѣчи, почувствовалъ влеченіе къ средней сестрѣ, принцессѣ Вильгельминѣ, которая въ короткій срокъ всецѣло овладѣла его пылкой душой.

На четвертый день императрица обратилась съ предложеніемъ къ ландграфинѣ. Согласіе было тотчасъ получено. Началось обученіе русскому языку. Преподаваніе закона Божьяго было возложено на архіепископа Платона.

15 августа 1773 года, въ церкви Зимняго дворца, совершилось миропомазаніе принцессы, нареченной великой княжной Наталіей Алексѣевной. На другой день состоялось ея обрученіе. . .

Екатерина, въ то же время, воспользовавшись предстоящимъ бракомъ великаго князя, освободила графа Никиту Ивановича Панина отъ должности воспитателя и оберъ-гофмейстера, сохранивъ, однако, за нимъ завѣдываніе иностранной коллегіей.

Признательная императрица осыпала графа наградами.

Панинъ получилъ званіе „перваго класса“ въ рангѣ фельдмаршала, съ жалованьемъ и столовыми деньгами по чину канцлера, 5000 душъ въ Смоленской и 4000 души въ Псковской губерніяхъ, 100.000 рублей на покупку дома въ столицѣ, ежегодный пенсіонъ въ 25.000 рублей, ежегод-

ное жалованье въ 14.000 рублей, серебряный сервизъ въ 50.000 рублей, провизіи и вина на цѣлый годъ, экипажи и ливреи придворныя.

Щедрыя награды императрицы не удовлетворили, однако, Панина. Власть не перешла, согласно его сокровеннымъ желаніямъ, въ руки совершеннолѣтняго цесаревича, который по прежнему не былъ допускаемъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ.

Никитѣ Ивановичу оставалось лишь выразить прискорбіе осторожнымъ протестомъ. Для этой цѣли онъ придумалъ небывалый маневръ, распредѣливъ значительную долю пожалованныхъ ему помѣстій между тремя своими секретарями, фонъ Визинымъ, Бакунинымъ и Убри, подъ предлогомъ, что они раздѣляли его труды.

Братъ Панина, генералъ-аншефъ, графъ Петръ Ивановичъ, проживавшій въ то время въ Москвѣ, еще менѣе, нежели Никита Ивановичъ, стѣснялся въ выраженіяхъ своего неудовольствія императрицей, которая, въ свою очередь, открыто называла его „первымъ вралемъ" и „персональнымъ своимъ оскорбителемъ".

Въ письмѣ же къ московскому главнокомандующему, князю Волконскому, Екатерина пишетъ:

„Что же касается до дерзкаго, извѣстнаго вамъ болтуна, то я здѣсь кое-кому внушила, чтобъ до него дошло, что ежели онъ не уймется, то я принуждена буду его унять. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше заслугъ, то чаю, что и онъ его уйметъ же, а домъ мой очистится отъ каверзы, чего всего вамъ въ крайней конфиденціи сообщаю для вашего свѣдѣнія" . . .

Бракосочетаніе цесаревича состоялось 29 сентября въ Казанской церкви. Въ первый разъ, послѣ достопамятнаго дня іюньскаго переворота, императрица вступила снова подъ своды этого храма, при столь же торжественной, но совсѣмъ иной обстановкѣ.

Воспоминанія объ этомъ далекомъ прошломъ невольно должны были волновать душу Екатерины и вызывать смутныя размышленія. Сейчасъ на томъ самомъ мѣстѣ, она дѣлаетъ новый шагъ, но для утвержденія на престолъ уже не себя, а своей династіи.

Свадебныя торжества продолжались двѣнадцать дней и закончились грандіознымъ фейерверкомъ.

Бракъ цесаревича внесъ въ придворные круги большое успокоеніе. Цесаревичъ былъ счастливъ. Юная княгиня была почтительна и внимательна. Екатерина была довольна и, при каждомъ случаѣ, ласкала невѣстку. Послѣдняя, въ умственномъ отношеніи хотя и стояла значительно ниже супруга, но имѣла на него нѣкоторое вліяніе и съ успѣхомъ пользовалась мудрыми совѣтами, даваемыми ей старою ландграфиней.

Такимъ образомъ, можно было подумать, что тоскующій Гамлетъ обрѣлъ, наконецъ, свою Офелію.

— Ландграфиня оставила мнѣ золотую женщину! — пишетъ Екатерина. — Эта молодая принцесса надѣлена прекрасными качествами!.. Я ею крайне довольна!.. Мужъ обожаетъ ее!.. Всѣ ее любятъ!

Но семейное счастье, улыбнувшееся цесаревичу, было къ сожалѣнію кратковременнымъ. Рядъ придворныхъ интригъ, въ свою очередь, довелъ его впечатлительную натуру до крайняго раздраженія.

И какъ измѣнились взаимныя отношенія между императрицей и великокняжеской четой, можно судить по новому письму къ Гримму, отъ 21 декабря 1774 года. Къ этому времени „золотая женщина" успѣла уже исчезнуть, принявъ менѣе привлекательный образъ:

— Великая княгиня постоянно больна, да и какъ же ей не быть больной? Все у этой дамы доведено до крайности. Если она гуляетъ пѣшкомъ, то двадцать верстъ, если танцуетъ, то двадцать контрдансовъ и столько же менуэтовъ, не считая аллемановъ. Чтобы избѣгнуть жары въ комнатахъ, ихъ вовсе не топятъ. Однимъ словомъ, середина очень далека отъ насъ. Вообразите притомъ, мы еще не говоримъ ни слова по русски. Мы хотимъ, чтобы насъ учили, но мы не хотимъ посвятить на это минуту прилежанія въ день. Долговъ у насъ вдвое чѣмъ состоянія, а едва-ли кто въ Европѣ столько получаетъ, какъ мы. Словомъ во всемъ одно вертопрахство!

А въ январѣ, вызванный Екатериною изъ дунайской арміи, появился *Григорій Потемкинъ*.

Въ скоромъ времени она назначается генералъ-адьютантомъ, подполковникомъ Преображенскаго полка, вице-президентомъ военной коллегіи и членомъ совѣта.

Звѣзда князя Григорія Орлова померкла уже навсегда. Возвышеніе Потемкина послужило для цесаревича предметомъ все болѣе возраставшаго неудовольствія. Это былъ уже не „дуралей" Орловъ, а напротивъ, въ лицѣ новаго фаворита, явился даровитый исполнитель мыслей и воли Екатерины, вліяніе котораго вскорѣ почувствовалось во всѣхъ дѣлахъ, въ то время, какъ самолюбивый престолонаслѣдникъ продолжалъ оставаться въ тѣни.

Къ довершенію несчастій, обрушившихся на цесаревича, великая княгиня Наталія Алексѣевна скончалась 15 апрѣля отъ неудачныхъ родовъ...

48.

НЕОЖИДАННАЯ кончина великой княгини разстраивала всѣ планы Екатерины, по вопросу о продолженіи династіи.

Дѣло приходилось начинать сызнова, „помышляя о наградѣ потери".

Рѣшительный образъ дѣйствій императрицы получилъ выраженіе въ вопросѣ о вторичномъ бракѣ великаго князя.

Вниманіе Екатерины снова останавливается на виртембергской принцессѣ Софіи-Доротеѣ-Августѣ, по поводу молодости которой она такъ сокрушалась.

Но принцесса уже подросла. Въ этомъ отношеніи, обстоятельства благопріятствовали намѣреніямъ императрицы.

Новое препятствіе выросло неожиданно на пути.

Принцесса Софія-Доротея успѣла стать за это время невѣстой. По странной случайности, она оказалась помолвленной за брата покойной великой княгини, наслѣднаго принца Гессенъ-Дармштадскаго.

Фридрихъ II, неизмѣнный сватъ царской семьи, съ предупредительною готовностью взялся устранить возникшее препятствіе, въ чемъ преуспѣлъ, какъ нельзя лучше.

Женихъ, вознагражденный пенсіей въ десять тысячъ рублей, возвратилъ невѣстѣ данное слово. Принцесса Софія-Доротея-Августа стала свободной.

Въ перепискѣ Екатерины имѣется пересказъ придворныхъ событій, изложенный въ шутливой формѣ.

— „Я начала съ того", — пишетъ императрица, — что предложила цесаревичу путешествія и перемѣну мѣстъ, а потомъ сказала:

— Мертвыхъ не воскресить, надо думать о живыхъ!.. Развѣ оттого, что воображали себя счастливымъ, но потеряли эту увѣренность, слѣдуетъ отчаяваться въ возможности снова ее возвратить?.. Итакъ, станемъ искать другую!

— Но кого?

— О, она у меня въ карманѣ!

— Какъ, уже?

— Да, мой другъ, и еще какая прелесть!

И вотъ любопытство сразу возбуждено.

— Кто же она?.. Какова?.. Брюнетка, блондинка?.. Маленькая, большая?

— Кротная, хорошенькая, прелестная, однимъ словомъ, сокровище!.."

Императрица рѣшила, что цесаревичъ предприметъ поѣздку въ Берлинъ, чтобы сдѣлать офиціальное предложеніе принцессѣ Софіи-Августѣ.

Путешествіе это могло только порадовать великаго князя.

Наконецъ-то ему предоставляется случай увидѣть страну, казавшуюся ему образцомъ для водворенія въ Россіи такихъ же точно порядковъ, ознакомиться съ арміей, слава которой гремитъ по всей Европѣ, лично привѣтствовать великаго короля-полководца, служившаго предметомъ обожанія для его отца!

Первая остановка цесаревича была въ Ригѣ.

Цесаревичъ произвелъ смотръ рижскому гарнизону, сдѣлалъ ревизію,

нашелъ въ военномъ вѣдомствѣ „страшные непорядки“, по его выраженію, des désordres affreux“, и тотчасъ донесъ государынѣ.

Екатерина, отвѣчая сыну, пытается его успокоить, обѣщаетъ разслѣдовать всѣ недочеты и прибавляетъ, не лишенное свойственнаго ей юмора, замѣчаніе:

— „Сердцемъ, конечно, жалѣю о подобныхъ нестройностяхъ, но давно знаю пословицу, что безъ урода въ большой семьѣ не бываетъ!“

Изъ Риги цесаревичъ Павелъ Петровичъ направился въ дальнѣйшій путь черезъ Митаву, Мемель и Кенигсбергъ. Весь переѣздъ по прусскимъ владѣніямъ являлся сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ, которое могло бы вскружить голову и произвести впечатлѣніе и на болѣе хладнокровнаго путника.

10 іюля совершился торжественный въѣздъ наслѣдника русскаго престола въ Берлинъ.

При встрѣчѣ во дворцѣ съ королемъ прусскимъ, цесаревичъ обратился къ нему съ привѣтственной рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что онъ достигъ того, чего уже давно добивался, а именно „видѣть величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удивленіе потомства“.

Фридрихъ II отвѣтилъ, что не заслуживаетъ похвалъ, что онъ всего только „бѣдный, хворый, сѣдовласый старикъ, обрадованный пріѣздомъ сына лучшаго своего друга, великой Екатерины“.

Пребываніе цесаревича въ прусской столицѣ сопровождалось для него неизгладимыми впечатлѣніями, оставившими слѣдъ на всю жизнь.

Дремавшія думы, неясныя стремленія выступили въ живыхъ и опредѣленныхъ образахъ, усилили пристрастіе къ прусскимъ порядкамъ, къ излюбленному экзерцирмейстерству, къ милитаризму съ плацпарадной потсдамской окраской.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь шло все, какъ бы волшебствомъ, съ размѣренной математической точностью. Король изъ своего Санъ - Суси какъ бы командовалъ государствомъ, на подобіе командованія арміей. Стройность, система, порядокъ, единообразіе, строгая подчиненность производили огромное впечатлѣніе.

И если Европа считала себя счастливой, копируя до мелочей прусскіе порядки и учрежденія, можно-ли обвинять юнаго цесаревича за его восторженное преклоненіе передъ особой стараго прусскаго короля?..

Разставшись съ прусской столицей и королемъ, цесаревичъ посѣтилъ его брата въ Рейнсбергскомъ замкѣ. Здѣсь Павелъ Петровичъ познакомился и провелъ два дня въ обществѣ своей новой невѣсты.

Восхищенный ею, великій князь не забылъ, однако, опыта, вынесеннаго изъ своего перваго супружества. Руководясь этими мыслями, при прощаніи съ невѣстой, вручилъ ей письменное наставленіе, состоящее изъ четырнадцати пунктовъ.

Изъ Рейнсберга, цесаревичъ предпринялъ обратное путешествіе и въ августѣ, счастливый и довольный, вернулся въ Царское Село.

Вслѣдъ за нимъ направилась въ свое новое отечество и принцесса Софія - Доротея - Августа.

Родители провожали ее только до Мемеля. Здѣсь принцессу - невѣсту ожидала русская свита — графиня Румянцева, фрейлины Алымова и Молчанова, и статскій совѣтникъ Пастуховъ, бывшій преподаватель великаго князя, который долженъ былъ состоять въ качествѣ переводчика и начать съ принцессой, уже въ дорогѣ, занятія русскимъ языкомъ.

Императрица поджидала невѣсту съ большимъ нетерпѣніемъ.

Софія-Доротея вполнѣ оправдала то лестное мнѣніе, которое составила себѣ Екатерина. Это неудивительно, если воспроизвести краски, которыми рисуетъ портретъ виртембергской принцессы одна изъ ея современницъ:

— „Принцесса хороша, какъ Божій день!.. Высокаго роста, созданная для картины, она соединяетъ съ нѣжной правильностью лица въ высшей степени благородный и величественный видъ... Она рождена для короны!“

Екатерина выражается о ней такъ:

— „Она именно такова, какую можно было желать... Стройна, какъ нимфа, цвѣтъ лица — смѣсь розы и лиліи, прелестнѣйшая кожа на свѣтѣ, высокій ростъ съ соразмѣрною полнотой и легкостью поступи... Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у нея на лицѣ... Словомъ, моя принцесса представляетъ собою все, чего я желала!“

Наступило счастливое время. Великій князь сіялъ радостью. Императрица восхищалась, принцесса восторгалась. Личныя чувства принцессы - невѣсты выразились въ письмѣ къ жениху, проникнутомъ глубокой, самой сердечной къ нему привязанностью и любовью:

„Я не могу лечь, мой дорогой и обожаемый князь, не сказавши вамъ еще одинъ разъ, что я до безумія люблю и обожаю васъ... Богу извѣстно какимъ счастьемъ представляется для меня вскорѣ принадлежать вамъ... Вся моя жизнь будетъ служить доказательствомъ моихъ нѣжныхъ чувствъ... Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не безпокойтесь призраками, но вспоминайте немного о той, которая обожаетъ васъ!“

На архіепископа Платона снова выпала задача преподавать православный законъ будущей супругѣ наслѣдника цесаревича.

Съ рѣдкою добросовѣстностью и прилежаніемъ, принцесса Софія-Августа выполняла всѣ обязательства, наложенныя на нее четырнадцатью пунктами наставленія. Дѣло подвинулось впередъ съ такой быстротой, что вскорѣ могло состояться миропомазаніе принцессы, нареченной великой княжной Маріей Феодоровной, а на другой день было совершено обрученіе.

Великая княжна обратилась къ жениху съ новымъ посланіемъ, впервые подписаннымъ русскимъ именемъ:

— „Клянусь этой бумагой всю мою жизнь любить, обожать васъ и постоянно быть нѣжно привязанной къ вамъ... Ничто въ мірѣ не заставитъ меня измѣниться по отношенію къ вамъ... Таковы чувства вашего навѣки нѣжнаго и вѣрнѣйшаго друга и невѣсты. Марія“.

Это были не мимолетныя, пустыя слова.

Клятва была сдержана въ полномъ объемѣ, безъ всякаго уклоненія, среди самыхъ тяжкихъ обстоятельствъ и испытаній, обрушившихся впослѣдствіе на Марію Феодоровну.

Вполнѣ сознавая всю важность принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ своему новому отечеству и желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, угодить жениху, великая княжна радуетъ его вскорѣ первымъ русскимъ письмомъ:

— „Душа моя!.. Я надѣюсь, што вы будете мною довольны, когда вамъ сообщу перьвой мой переводъ съ французскаго на русской языкъ... Ето вамъ докажетъ сколько я стараюся вамъ во всемъ угодить, ибо любя русской языкъ, васъ я въ немъ люблю... Я очень со жалѣю, што не могу изъяснить всего того, што сердзе мое къ вамъ чувствуетъ и съ сожалѣніемъ оканчиваю, сказавъ токмо вамъ, что вы мнѣ всево дороже на свѣтѣ!“

26 сентября состоялось бракосочетаніе цесаревича въ церкви Зимняго дворца и дѣло, начатое при столь сложной, исключительной, даже можно сказать, трагической обстановкѣ, доведено было умомъ и волей императрицы до благополучнаго завершенія...

49.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ чета начала брачную жизнь при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ.

Марія Феодоровна не вмѣшивалась въ политику, не будучи къ ней подготовленной, не питая къ ней, вдобавокъ, никакого влеченія.

Великая княгиня была лишь усердной заступницей за своихъ братьевъ и сестеръ. Заботливость свою, на основаніи тѣхъ же родственныхъ чувствъ, невольно простирала на Пруссію и на высокочтимаго своего благодѣтеля, короля Фридриха II.

Единомысліе между молодыми супругами было полнѣйшее.

Мечтательные и сентиментальные, окрашенные романтикой взгляды бывшей виртембергской принцессы, находили сочувственный отзвукъ въ рыцарскихъ, великодушныхъ, лишенныхъ всякаго лицемѣрія, мысляхъ молодого престолонаслѣдника. Сердечная привязанность и любовь не омрачались ни малѣйшими тучами.

Въ апрѣлѣ 1777 года великая княгиня уже могла передать цесаревичу радостное извѣстіе, взволновавшее его до глубины души.

— „Сообщу вамъ хорошую вѣсть!“ — пишетъ Павелъ Петровичъ сво-

ему другу, архіепископу Платону. — „Услышалъ Господь въ день печали, послалъ помощь отъ Святого и отъ Сіона заступилъ!... Я имѣю большую надежду о беременности жены моей!.. Зная ваши сантименты ко мнѣ и патріотическія ваши расположенія, сообщаю вамъ сіе, дабы вы вмѣстѣ со мною порадовались!“

Великое событіе, съ нетерпѣніемъ ожидавшееся Дворомъ и населеніемъ невской столицы, совершилось 12 декабря.

Въ этотъ день великая княгиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго императрица нарекла Александромъ...

Но вслѣдъ за тѣмъ произошло другое событіе, на которое вовсе не расчитывали родители новорожденнаго великаго князя.

Признавая сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго русскаго государя, Екатерина, какъ глава императорскаго Дома, сочла своимъ долгомъ взять на себя заботы по воспитанію внука.

Когда же, черезъ два года, родился великій князь Константинъ, то и онъ, подобно старшему брату, поступилъ на ближайшее попеченіе бабушки.

Рѣшивъ принять на себя это бремя, Екатерина не послѣдовала, однако, примѣру, поданному ей нѣкогда императрицей Елисаветой Петровной. На этотъ разъ полнаго отчужденія дѣтей отъ родителей не послѣдовало.

Такимъ образомъ, молодымъ великимъ князьямъ предстояло выростать подъ двойственнымъ вліяніемъ, отразившимся на ихъ характерахъ и міровоззрѣніяхъ.

Подобная обстановка должна была окончательно разрушить установившійся, по крайней мѣрѣ по внѣшности, семейный миръ царскаго Дома.

Такъ оно и случилось.

Цесаревичъ взглянулъ на рѣшеніе, принятое императрицей, какъ на новое нарушеніе его законныхъ правъ. Чаша терпѣнія переполнилась. Сердце проникло желчью, а душа гнѣвомъ. Кратковременная идиллія быстро исчезла.

Она продолжала существовать лишь при великокняжескомъ Дворѣ. Марія Феодоровна продолжала попрежнему любить и обожать своего раздраженнаго, меланхолически настроеннаго супруга.

Что касается Екатерины, послѣдней вскорѣ пришлось измѣнить мнѣніе о вскружившей ей голову Нимфѣ.

Передъ императрицей сталъ выростать образъ примѣрной супруги и строгой, хотя и безмолвной, порицательницы ея, какъ женщины и матери.

Прямымъ слѣдствіемъ этихъ явленій стало то, что въ перепискѣ Екатерины все чаще появляются нелестныя для прежней любимицы выраженія, вродѣ „Die schwere Bagage, или „Monsieur et madame Secondat“, и такъ далѣе.

Добрыя отношенія матери къ сыну утратились безвозвратно.

А въ умѣ цесаревича воскресали съ новою силой тяжелыя воспоминанія давно прошедшихъ событій, фантомы и призраки, терзавшіе его воспріимчивую, впечатлительную, болѣзненную натуру.

Изъ него стало вырабатываться своеобразное воплощеніе новаго Гамлета, неумолимаго судьи за совершенное нѣкогда злое дѣло, безпощаднаго противника всѣхъ начинаній правительства, установившихся съ перваго дня переворота.

Всѣ эти тяжкія думы, преисполненныя желчи и негодованія, прикрываются видомъ покорности, подъ которой таится безсильная злоба и нетерпѣливое выжиданіе вожделѣннаго часа возмездія.

Лишенный возможности руководить воспитаніемъ дѣтей, отстраненный отъ всякаго участія въ дѣлахъ имперіи, цесаревичъ замкнулся въ уединеніи, погрузившись всецѣло въ теоретическія размышленія о необходимости полнаго исправленія государственнаго строя Россіи...

—

Императрица устраиваетъ въ Эрмитажѣ пріемъ. Орденская лента Андрея Первозваннаго, собранная у таліи бантомъ, проходитъ лазоревой полосой по корсажу роброна изъ желтаго шелка.

Маленькая брильянтовая корона сидитъ на оттянутыхъ назадъ волосахъ, чтобы лучше выдѣлить выпуклый лобъ, на которомъ лежитъ печать генія. Волосы императрицы слегка напудрены, что придаетъ имъ серебристый оттѣнокъ.

Екатерина, войдя въ залъ, отвѣшиваетъ три легкихъ поклона — налѣво, направо и прямо, дающихъ возможность однимъ взглядомъ осмотрѣть все, скользнувъ взорами отъ одной группы къ другой.

Послѣ этого, императрица садится за карточный столъ. Молодежь играетъ въ макао и выигравшій имѣетъ право зачерпнуть полную ложку брильянтовъ, насыпанныхъ въ яшмовую чашу. Никто не отказывается. Изящные дамскіе пальчики жульничаютъ слегка подъ взорами игроковъ. Подъ радостные крики и смѣхъ, приглашенные дѣлятъ между собой остатокъ добычи, раскиданной на столѣ.

Что касается Екатерины, она играетъ преимущественно въ бостонъ. Ея ставки не превышаютъ десяти рублей. Императрица чужда азарта, экономна и бережлива. Ея партнерами являются обычно Архаровъ, Алексѣй Орловъ, Строгановъ.

Послѣдній проигрывается и раздражается:

— Если такъ будетъ продолжаться, я буду разоренъ!

Архаровъ пытается его успокоить.

— Оставьте! — смѣется императрица. Я привыкла къ его чудачествамъ!.. Вотъ уже много лѣтъ, какъ онъ ворчитъ!.. И я не люблю терять, но что дѣлать?.. Такова ужъ моя манера игры!.. Потемкинъ, не правда-ли, я играю по правиламъ?

Императрицѣ доставляетъ удовольствіе обращаться къ своему буду-

щему фавориту. Его лесть всегда остроумна. Онъ воспѣваетъ хвалы лучше кого бы то ни было.

Потемкинъ, склонившись надъ плечомъ императрицы, произноситъ нѣсколько словъ.

— Ты забылъ этикетъ! — замѣтилъ Орловъ. — Ея Величество говоритъ съ тобой по французски... Ты обязанъ отвѣчать на томъ же языкѣ!

— А съ какихъ поръ считается дерзостью отвѣчать государынѣ на языкѣ нашей родины?.. Кромѣ того, я не обязанъ принимать отъ тебя приказанія!

Нагнувшись къ самому уху Екатерины, Потемкинъ спросилъ:

— Каковы ваши козыри?

— Оставь Ея Величество въ покоѣ! — крикнулъ взбѣшенный Орловъ. — Убирайся вонъ, мерзкій попугайчишко!

— Не безпокойся!... Я останусь здѣсь на всю ночь, если мое присутствіе не стѣснитъ нашу всемилостивѣйшую владычицу!

— Убирайся вонъ! — крикнулъ Орловъ, вскакивая однимъ прыжкомъ. Соперники смѣрили другъ друга взглядами. Орловъ стукнулъ могучимъ кулакомъ по столу. Карты разсыпались и упали на полъ.

Польщенная этой пѣтушиною схваткой, которая произошла изъ за нея, зная вмѣстѣ съ тѣмъ грубость и неистовство этихъ людей, императрица сочла за лучшее ускользнуть.

Потемкинъ подошелъ къ Алехану:

— Убійца!... Подлый убійца!.. Она права, ты просто мужикъ!.. Бурлакъ ты и больше ничего!

Орловъ схватилъ валявшійся на одномъ изъ дивановъ бильярдный кій и сталъ вращать имъ надъ головой, осыпая противника площадною бранью:

— Разстрига!.. Воръ!.. Сукинъ сынъ!.. Я обломаю объ тебя всѣ сабли моего арсенала!.. Я проткну твою мерзкую шкуру!

Неистовый „Балафрэ“ метался по комнатѣ, разбивая ударами попадавшуюся подъ ноги мебель, разодралъ свой камзолъ, оторвалъ полу.

Потемкинъ, болѣе спокойный, глядѣлъ на обезумѣвшаго соперника и казалось ему, что ревнивое сумасшествіе Орлова является хорошимъ предзнаменованіемъ.

Какъ вдругъ, Орловъ ударилъ его кіемъ съ такой силой, что изъ глазъ хлынула кровь.

Оглушенный, прижимая къ окровавленнымъ вѣкамъ руку, шатаясь, едва не теряя сознаніе, Потемкинъ бросился къ выходу. На слѣдующій день онъ ослѣпъ на одинъ глазъ.

Въ отчаяньи, Потемкинъ заперся въ отдаленной усадьбѣ и казалось, что сходитъ съ ума...

———

А въ 1782 году происходитъ, вызванное политической обстановкой, новое путешествіе цесаревича Павла Петровича заграницу.

Великокняжеская чета, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, путешествуетъ въ теченіе цѣлаго года.

Эта поѣздка вноситъ новый элементъ въ причудливое міровоззрѣніе цесаревича. Къ усвоенному имъ ранѣе потсдамскому идеалу присоединяются яркія версальскія впечатлѣнія.

Цесаревичъ слѣдуетъ черезъ Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ и Кіевъ.

Въ послѣднемъ, царственные путники встрѣчены фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ - Задунайскимъ.

Въ Вишневцѣ цесаревича поджидаетъ польскій король Станиславъ-Августъ.

Въ Троппау выѣзжаетъ навстрѣчу австрійскій императоръ Іосифъ II.

Послѣ вѣнскихъ торжествъ, послѣ Венеціи, Падуи, Рима, цесаревичъ посѣщаетъ Туринъ и, черезъ Ліонъ, прибываетъ въ Парижъ.

Здѣсь великокняжескую чету ожидаетъ исключительно пышный пріемъ, какъ въ столицѣ, такъ въ особенности въ Версалѣ. Празднества, охоты, балы слѣдуютъ, одинъ за другимъ, безконечной лентой торжествъ, въ самой феерической обстановкѣ.

— „Je me mettrai jusqu'aux oreilles pour leur rendre le séjour d'ici agréable!" — произноситъ королева Марія-Антуанетта, готовясь встрѣтить высокихъ русскихъ гостей.

Цесаревичъ, „prince adorable", восхищаетъ французское общество и покоряетъ сердца парижанъ.

Старая французская монархія представляется цесаревичу во всемъ блескѣ своего отживающаго величія..."

50.

КНЯЖНА Лиговская!.. Иренъ!.. Это имя не сходитъ съ моего языка, преслѣдуетъ меня, не даетъ мнѣ покоя.

Въ теченіе дня, въ эскадронѣ, въ манежѣ, въ офицерскомъ собраніи, плѣнительный образъ стоитъ передъ глазами, окутанный смутною тайной, полный загадочнаго очарованія.

А вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, онъ снова властно призываетъ къ себѣ, и книжка валится изъ моихъ рукъ. И до мельчайшихъ подробностей припоминается морозная петербургская ночь, бѣшеный гонъ рысака, дѣвичій станъ, въ испугѣ прильнувшій къ плечу.

Странныя чувства блуждаютъ въ душѣ.

Здѣсь наблюдается какая-то острая радость, волнующій трепетъ и восхищеніе отъ этой неожиданной встрѣчи, отъ этихъ гнѣвныхъ взоровъ и фразъ, смѣнившихся тихой женской покорностью.

Такое же острое, столь же неудержимое, жадное любопытство, наполняетъ мое существо.

Кто она, эта дѣвушка съ синими, ясными, искрящимися словно звѣзды глазами, всколыхнувшая мгновенно, съ необъяснимою силой, тихую заводь моей души, сверкнувшая блескомъ невыразимой романтики, захватившая меня, съ одного взгляда, съ перваго слова, въ свой сладкій, жгучій, волнующій плѣнъ?

Какъ понять эту случайную встрѣчу, чѣмъ объяснить мой невольный порывъ, дерзость, смущеніе, робость, мои чувства божественнаго восторга, подъ воздѣйствіемъ котораго нахожусь всѣ эти дни?

Въ то же время, ощущается щемящій уколъ отъ сознанія, что встрѣча эта, по всей вѣроятности, больше не повторится. Не соблюдено будетъ какое нибудь незначительное условіе, несовпаденіе времени или пространства, и пути разойдутся.

Самолюбію моему льститъ слегка то обстоятельство, что я отважился на смѣлую шалость, на которую, по моему мнѣнію, никогда не былъ способенъ. Я испыталъ цѣлый рядъ незабываемыхъ, острыхъ мгновеній. Я пережилъ нѣсколько чудесныхъ минутъ, такихъ неожиданныхъ, загадочныхъ, необычайныхъ.

Хотя, съ другой стороны, долженъ сознаться, что все это вышло до нѣкоторой степени непроизвольно, точно я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ таинственнаго гипноза.

Я размышляю по поводу отношеній, построенныхъ между людьми. Мой порывъ, вызванный лучшими побужденіями, встрѣтилъ изумленіе, гнѣвный протестъ и усмѣшку. Этотъ маленькій эпизодъ, въ обстановкѣ уличнаго знакомства, встрѣтилъ бы, разумѣется, такое же суровое осужденіе общества. Между тѣмъ...

Третій день я нахожусь подъ впечатлѣніемъ петербургскаго приключенія, раздумываю надъ нимъ, пытаюсь дать ему объясненіе.

Порою мнѣ начинаетъ казаться, что это не болѣе, какъ пригрезившійся мнѣ фантастическій сонъ, зимній призракъ, блѣдный петербургскій фантомъ, навѣянный какимъ-то смутнымъ воспоминаніемъ.

И тогда я извлекаю изъ кошелька большую монету, съ изображеніемъ императора, вещественный признакъ реальности, который незнакомка держала въ рукахъ...

Это серебряный рубль, старинная, но хорошо сохранившаяся монета петровской чеканки, съ двуглавымъ орломъ и ликомъ Царя-Основателя въ лавровомъ вѣнцѣ.

Она принесла мнѣ удачу.

Командиръ полка выразилъ одобреніе моей работѣ съ развѣдчиками.

Мой методъ не представляетъ ничего особеннаго. Онъ просто вытекаетъ изъ соображенія, что примитивный образъ мышленія взятаго отъ

сохи, малограмотнаго солдата, нуждается порой въ эффектахъ зрительнаго характера.

Это возбуждаетъ вниманіе, вызываетъ повышенный интересъ, въ значительной степени облегчаетъ задачу.

Огромная, специально заказанная мною карта, виситъ въ развѣдческомъ классѣ. Синими жилами вьются на ней могучія рѣки, грубымъ рельефомъ вздымаются исполинскія горы, возвышенности, хребты, четкимъ кружкомъ обозначены столицы, губернскіе и уѣздные города, даже отдѣльныя села.

И люди, какъ любопытныя дѣти, толпятся въ теченіе цѣлаго дня передъ картой, отыскивая, въ какомъ-то жадномъ, радостномъ возбужденіи, родныя мѣста, изумляясь необъятнымъ размѣрамъ страны, сравнивая ее, не безъ самодовольной усмѣшки, съ крошечными чужеземными государствами.

Чувство національной гордости и принадлежности къ великому племени прививаются имъ, такимъ способомъ, безъ труда.

— Вздоръ! — замѣчаетъ по этому поводу командиръ эскадрона. — Скажи пожалуйста?.. Ничего солдатъ не пойметъ, ничего не почувствуетъ!.. Извѣстное дѣло, мужикъ, дуракъ, простофиля!.. Ему бы нажраться, напиться да завалиться спать!.. Брось антимонію разводить!

И „Папаша" пренебрежительно взмахиваетъ рукой...

Нѣтъ ничего скучнѣе солдатской „словесности", если вести работу въ рамкахъ обычнаго наставленія, ограничиваться изложеніемъ голыхъ истинъ, перечисленіемъ цыфръ, параграфовъ, пунктовъ устава или, еще того хуже, свести занятія на фельдфебельскій образецъ, къ механическому задалбливанію служебныхъ обязанностей, техническихъ выраженій, старыхъ, набившихъ оскомину, исковерканныхъ тою же фельдфебельской премудростью, афоризмовъ, вродѣ „солдатъ есть имя звонкое, знаменитое", и такъ далѣе.

Совершенно иной результатъ получается, если облекать требованія въ болѣе доступную форму, вести работу въ духѣ живой, интересной, разнообразной бесѣды, дополняя ее, при случаѣ, примѣрами изъ крестьянскаго быта и обыденной жизни.

Существуетъ еще родъ занятій — стрѣльба дробинками, въ свою очередь, не пользующаяся особымъ сочувствіемъ.

Военное министерство, изъ экономическихъ соображеній, весьма скупо снабжаетъ войска боевыми припасами. Вопросъ объ устройствѣ зимнихъ полковыхъ тировъ находится въ стадіи первоначальнаго разсмотрѣнія. Приходится, волей-неволей, замѣнять боевую стрѣльбу различными суррогатами.

Но если обыкновенный картонный кружокъ замѣнить какой нибудь оригинальной мишенью, въ видѣ, напримѣръ, всадника въ латахъ, выскакивающаго при попаданіи въ цѣль, да если при этомъ заводная пру-

жина исполняетъ тотчасъ кавалерійскій маршъ или торжественную фанфару, получается необыкновенный эффектъ.

Каждый удачный выстрѣлъ, помимо соревнованія, вноситъ бодрое настроеніе, сопровождаемое дружнымъ солдатскимъ смѣхомъ.

Командиръ эскадрона и въ этомъ случаѣ даетъ, впрочемъ, совершенно иную, уничтожающую оцѣнку.

— Корнетъ Черкесовъ, оставьте ваши игрушки! — говоритъ „Папаша", переходя, по обыкновенію, на офиціальный тонъ. — А балаганъ этотъ отложите до масляницы!

Трудно совмѣстить личные взгляды съ требованіями эскадроннаго командира. „Папаша" не въ состояніи, разумѣется, отрѣшиться отъ долголѣтнихъ навыковъ, пріемовъ, привычекъ. Малѣйшее, самое невинное вторженіе въ эту область, проявленіе малѣйшей самостоятельности, встрѣчаетъ съ его стороны рѣзкое осужденіе.

И тѣмъ не менѣе, я питаю къ нему живую привязанность. Подъ внѣшней суровостью, этотъ человѣкъ скрываетъ отзывчивое, чуткое, добрѣйшее сердце...

Въ этотъ же день произошло и другое событіе, взволновавшее меня въ еще болѣе радостной степени.

Я стоялъ у окна и глядѣлъ въ садъ.

Быстро опускались зимнія сумерки. Въ окнахъ сосѣдняго дома, кинувъ на снѣгъ рѣзкіе золотистые блики, уже загорѣлись огни. На улицѣ хрустѣли полозья, звенѣлъ колокольчикъ, лаяли псы.

Я стоялъ въ неопредѣленномъ, неясномъ, мечтательномъ настроеніи, охваченный попрежнему петербургской загадкой.

Мой маленькій почтальонъ, въ гимназической юбочкѣ, съ косичками за спиной, постучалъ неожиданно въ дверь, просунулъ лукавое личико.

— Арканниковъ принесъ вамъ письмо! — сказала Асенька.

Въ самомъ дѣлѣ, это было давно поджидавшееся мною извѣстіе изъ Павлиновки.

Я вскрылъ конвертъ, торопливо пробѣжалъ первыя строки и облегченно вздохнулъ.

Состояніе здоровья матушки вызывало во мнѣ, за послѣднее время, тревогу. Въ предыдущемъ письмѣ звучали слова, наводившія меня на грустныя размышленія. Сейчасъ тревога исчезла. По словамъ матушки, болѣзнь ея протекаетъ нормально, не внушаетъ особенныхъ опасеній и близится, видимо, къ благополучному окончанію.

Было еще нѣсколько утѣшительныхъ строчекъ.

„Порадую тебя и другой доброй вѣсточкой", такъ, между прочимъ, писала матушка. „Урожай въ нынѣшнемъ году вышелъ повыше средняго, а на мой взглядъ и вовсе, можно сказать, отмѣнный... По этой

причинѣ, вышлю тебѣ, дружокъ, денежное воспособленіе ранѣе срока, и тысячу рублей, въ счетъ рождественскаго подарка, на покупку обѣщаннаго тебѣ второго коня“.

Извѣстіе это, само собой разумѣется, каждый отнесетъ къ разряду пріятныхъ.

„Живемъ помаленьку да полегоньку молитвами святыхъ заступниковъ передъ Престоломъ Всевышняго... Валечка вполнѣ счастлива со своимъ мужемъ, худого ничего не скажу, суріозный онъ, благонамѣренный, почтительный человѣкъ“.

И еще пишетъ матушка:

„Коли надумаешь и пріѣдешь на праздники, не забудь дать эстафету, чтобы выслать Степана заблаговременно на ахтырскую станцію... Очень порадовалъ бы насъ всѣхъ, и меня, и Валечку съ Павломъ Семеновичемъ, и младшаго брата... Что касается Жанчика, послѣдній, по лѣности и малоуспѣшности, продолжаетъ огорчать материнское сердце... Ну, да что говорить, молодъ еще, несмышленышъ, подрастетъ малость, выровняется, будетъ намъ утѣшеніемъ“...

Наконецъ, меня постигла удача и на зеленомъ полѣ.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца я переходилъ отъ пораженія къ пораженію, снискавъ репутацію фатальнаго игрока.

Я убѣдился съ полной опредѣленностью, что въ карточной игрѣ, какъ и въ жизни, существуетъ необъяснимая полоса серій, то свѣтлыхъ, то темныхъ, чередующихся въ извѣстной послѣдовательности.

Эта серія, самаго мрачнаго, самаго непривѣтливаго, отталкивающаго оттѣнка, преслѣдуетъ меня съ рѣдкимъ упорствомъ. Банки не держатся у меня вовсе. Въ одинаковой степени не везетъ въ понтировкѣ.

Вчера мною былъ данъ реваншъ.

То, что случилось вчера, не поддается никакому опредѣленію. Это былъ вызовъ судьбѣ. Это былъ невиданный день въ анналахъ офицерскаго клуба.

Я игралъ дерзко и смѣло, рисковалъ, какъ безумецъ, совершалъ невѣроятныя глупости. Удача подхлестнула меня, придала размахъ, увѣренность, силу. Я потерялъ всякую выдержку и осторожность. И чѣмъ опрометчивѣе, чѣмъ смѣлѣе и шире игралъ, тѣмъ шире выросталъ передо мною ворохъ кредитныхъ бумажекъ.

Я билъ карту за картой, снялъ четырнадцать банковъ и, къ разсвѣту, вся наличность перешла въ мой карманъ.

Никому не удалось унести ноги.

А „Сенеку“ я накрылъ на цѣлыхъ триста цѣлковыхъ...

51.

ИСКУШЕНІЕ мое продолжалось три дня. На четвертыя сутки я принялъ героическое рѣшеніе.

Потребность еще разъ увидѣться съ незнакомкой, услыхать изъ ея устъ еще нѣсколько словъ, гнѣвныхъ или ласковыхъ, безразлично, прикоснуться снова къ ея рукѣ, ощутить неуловимый запахъ ея духовъ, проснулись во мнѣ съ такой силой, что безропотно и покорно, съ острымъ, волнующимъ чувствомъ, я отдался зову желаній.

Если новая, столь же случайная, встрѣча исключена, ее можно добиться инымъ образомъ. Не зависитъ-ли это, въ сущности, отъ новаго запаса небольшой смѣлости, настойчивости, упорства?

Меня влекло, кромѣ того, любопытство, жгучая потребность совлечь таинственные покровы, заглянуть въ невѣдомый міръ, создать себѣ ясное представленіе.

Кто она — русская, иностранка, пріѣзжая или жительница столицы?.. Дочь почтенныхъ родителей — коммерсантовъ, или государственнаго чиновника или, можетъ быть, изъ военной семьи?.. Кто она — одинокая дѣвушка, или невѣста или, наконецъ, молодая супруга, спѣшившая къ мирному семейному очагу?

Мое воображеніе, настроенное на романтическій ладъ, окружило ее поэтическимъ ореоломъ.

Иренъ!.. Это имя ей чрезвычайно идетъ!.. Она не могла называться иначе!.. Имя накладываетъ на человѣка свой мистическій отпечатокъ!

Нѣтъ, я твердо увѣренъ, что это не замужняя женщина, а дѣвушка, скромная петербургская дѣвушка, живущая подъ крылышкомъ у родителей, въ бѣленькой комнаткѣ, съ бѣленькими гардинами, съ скромной мебелью того же бѣлаго цвѣта, даже съ букетомъ бѣлыхъ лилій на туалетномъ столѣ...

И родители ея, безъ сомнѣнія, милые, славные люди... И вѣроятно есть у нея маленькій братъ, правовѣдъ или пажъ, такой же румяный и синеглазый, хорошенькій мальчуганъ...

Дорога казалась мнѣ безконечной. Часъ разстоянія, отдѣляющій городокъ отъ столицы, растянулся на неопредѣленное время.

Я то брался за газету и, черезъ минуту, швырялъ ее въ сторону. То выскакивалъ въ коридоръ, курилъ папиросу за папиросой, наблюдая какъ сумракъ ложился на пробѣгающія поля.

Волненіе мое возрастало.

Съ каждой верстой, приближавшей меня къ Петербургу, оно охватывало все сильнѣй и наполняло давно не испытаннымъ безпокойствомъ:

— Что ожидаетъ меня?

— Что принесетъ новая встрѣча?

Подобныя мысли мелькали, роились, переплетались въ моей головѣ

вплоть до того момента, когда поѣздъ, рѣзко уменьшивъ ходъ, не втянулся подъ своды вокзала.

Толкаясь въ толпѣ пассажировъ, хлынувшихъ на перронъ, поспѣшными шагами я направился къ выходу и очутился передъ длинной вереницей саней:

— Тучковъ переулокъ!

Морозный воздухъ сразу освѣжилъ меня и успокоилъ.

Городъ уже кипѣлъ вечернею жизнью. Тысячи фонарей просѣкали морозную мглу, кидая зеленоватый отсвѣтъ на оснѣженныя панели и мостовыя, дробясь въ витринахъ магазиновъ и лавокъ, переходя въ вышинѣ въ серебряное сіяніе, создававшее впечатлѣніе гигантскаго зарева. Тысячи пѣшеходовъ, тысячи экипажей, одиночекъ, парныхъ запряжекъ, мелькали и мчались по всѣмъ направленіямъ, взметая комья пушистаго снѣга, оглашая улицы визгомъ и гуломъ.

На Конногвардейскомъ бульварѣ дымились костры, освѣщая причудливымъ свѣтомъ деревья, а зрѣлище на мосту развернулось въ подлинную феерію.

Скованная цѣпями зимы, рѣка спала могучимъ сномъ, натянувъ на себя плотное бѣлое одѣяло. Ширина ея казалась невѣроятной. И съ обѣихъ сторонъ, точно сказочная иллюминація, огненная гирлянда уходила въ темную, жуткую безконечность.

Я усмѣхнулся.

Какая мысль возникла бы въ умѣ друзей или знакомыхъ, встрѣтившихъ меня здѣсь, случайно, на несущемся вскачь рысакѣ?.. Что предполагаютъ прохожіе, мой возница или вотъ этотъ, стоящій на перекресткѣ городовой?.. Никто изъ нихъ не подозрѣваетъ о цѣли моей прогулки!

Да и самъ я, признаться, очень смутно сознаю эту цѣль, точно путникъ, заплутавшійся въ волшебномъ лѣсу, пытающійся отыскать правильный слѣдъ.

Что ожидаетъ меня черезъ четверть часа?.. Успѣхъ, неудача?..

Или, можетъ быть, какой нибудь непредвидѣнный, совершенно неожиданный камуфлетъ?

Сейчасъ все закутано непроницаемою завѣсой.

Но черезъ пятнадцать минутъ завѣса будетъ совлечена... Тайное станетъ явнымъ... Небывшее воплотится въ дѣйствительность...

Но вотъ, наконецъ, переулокъ, тихій и мирный, куда не долетаетъ бѣшеное кипѣнье столицы, такой покойный и молчаливый, скудно освѣщаемый свѣтомъ газовыхъ фонарей, напоминающій улицу провинціальнаго городка, вродѣ нашей же полковой штабъ-квартиры.

Я тотчасъ узналъ бѣлый особнячокъ, по правой рукѣ, небольшой бѣленькій домъ, въ два этажа, съ подъѣздомъ изъ трехъ отлогихъ ступенекъ, съ таинственной дверью.

Наверху было темно, но въ окнахъ нижняго яруса виднѣлся сквозь желтыя занавѣски огонь.

Сердце бурно заколотилось.

На мгновенье я почувствовалъ робость.

Не будетъ-ли благоразумнѣе повернуть извозчика вспять?

Только здѣсь, только въ эту минуту, я созналъ нелѣпость своего поведенія.

Чѣмъ оправдаю я свое неожиданное вторженіе?.. Какое объясненіе дамъ семьѣ молодой особы, ея родителямъ, можетъ быть, мужу, притомъ въ такое позднее время?

— Парбле, какой забавный пассажъ!

Но отступленіе показалось мнѣ непристойнымъ... Будь что будетъ... Впередъ!

Извозчикъ, по знаку, остановилъ коня.

Я поднялся, подобралъ осторожно палашъ, вошелъ въ подъѣздъ, тихими, беззвучными шагами повернулъ къ дверямъ и прислушался.

Я тотчасъ услыхалъ голосъ Иренъ.

Она смѣялась... Она отдавала какія-то распоряженія...

Я улыбнулся и надавилъ кнопку звонка...

52.

ПЕРВОЕ, что я увидѣлъ, это были большіе синіе глаза, въ изумленіи остановившіеся на мнѣ.

Они показались мнѣ еще больше, во стократъ чудеснѣе. Они свѣтились яснымъ сапфировымъ свѣтомъ. Отъ нихъ исходило сіяніе, какъ отъ звѣзднаго блеска.

Безъ шубки и шапочки, одѣтая по домашнему въ скромный сѣрый тальеръ, молодая дѣвушка была еще прекраснѣе, еще ослѣпительнѣе, нежели въ вечеръ нашей случайной встрѣчи.

— Тысячу извиненій! — началъ я срывающимся и глухимъ голосомъ не будучи въ состояніи удержать овладѣвшаго мною волненія. — Не удивляйтесь!... Свѣтскія правила обязываютъ меня...

Я запнулся и замолчалъ.

— Очень хорошія правила! — засмѣялась Иренъ и смѣхъ ея прозвучалъ точно серебряный колокольчикъ. — Не они ли внушили вамъ давеча завязать со мною знакомство?

Чувства невыразимаго восхищенія, передъ лицомъ новой встрѣчи сковали языкъ. Слова не приходили на умъ. Въ то же время, острый и бурный, какъ бы ликующій трепетъ, разлился по тѣлу.

Рослая, стройная, съ въ мѣру тонкой и гибкой, ладно выкроенной фигурой, она представилась мнѣ воплощеніемъ женщины въ самомъ яркомъ, безукоризненно-чистомъ и благородномъ стилѣ.

Мы стояли другъ передъ другомъ, оба молодые, здоровые, оба полные

свѣжихъ, еще нетронутыхъ силъ, оба полные жизнерадостнаго задора, составляющаго привилегію юности.

— Пардонъ! — произнесъ я, оправившись нѣсколько отъ смущенія. — Можно - ли надѣяться, что мой поступокъ не встрѣтитъ съ вашей стороны дальнѣйшаго осужденія?

Иренъ улыбнулась.

— Ни слова! — сказала она. — Не будемъ къ этому возвращаться!.. Я была несправедлива!.. Разрѣшите же искупить вину?

Иренъ улыбнулась вторично и граціознымъ движеніемъ сдѣлала пригласительный жестъ.

Я скинулъ шинель и послѣдовалъ за молодой дѣвушкой...

Я очутился въ небольшомъ, со вкусомъ обставленномъ будуарѣ. Мягкая мебель, бархатный коверъ на полу, цвѣты, концертный рояль, пылавшій въ каминѣ огонь, создавали впечатлѣніе уюта, изящества, изысканнаго комфорта.

Послѣ морознаго воздуха было чрезвычайно пріятно окунуться въ это царство мягкихъ и теплыхъ полутѣней, излучавшихъ какой - то особый, нѣжный и вмѣстѣ съ тѣмъ пряный, уже какъ бы знакомый мнѣ ароматъ.

Небольшое трюмо, рядъ картинъ на стѣнахъ, круглый столикъ передъ диваномъ и вольеръ съ бѣленькимъ попугаемъ, встрѣтившемъ мое появленіе пронзительнымъ крикомъ, дополняли общую обстановку.

Это напоминало квартиру эстета-художника, вполнѣ обезпеченнаго музыканта или поэта, а вѣрнѣе всего, будуаръ молодой, изящной, уже слегка избалованной успѣхомъ артистки, и находилось въ полномъ противорѣчіи съ обстановкой, созданной моею фантазіей.

Вдобавокъ, что изумила меня болѣе всего, не было ни малѣйшаго намека ни на семью, на родителей или брата, ни тѣмъ болѣе на какого нибудь мужа, которымъ пришлось бы давать не вполнѣ убѣдительныя, туманныя объясненія.

Послѣднее обстоятельство было встрѣчено мною съ особымъ удовлетвореніемъ.

Иренъ усадила меня на диванъ и между нами тотчасъ завязалась бесѣда, веселый, оживленный, непритязательный разговоръ, прерываемый взрывами смѣха.

Съ первыхъ же словъ, эта бесѣда приняла такой простой и обоюдно-непринужденный характеръ, который въ короткое время, казалось, уже связалъ насъ дружеской нитью.

Мое первоначальное смущеніе прошло окончательно.

Въ каминѣ сухо потрескивали дрова.

Вцѣпившись въ проволочную рѣшетку, попугай, вторгался въ бесѣду непонятными фразами.

— Попка не привыкъ къ обществу! — засмѣялась Иренъ. — Онъ удивленъ!.. Вы произвели на него впечатлѣніе!

Вскорѣ появилась горничная съ подносомъ въ рукахъ.

Серебряный чайникъ, двѣ китайскія чашечки и золоченая корзинка съ бисквитами помѣстились на кругломъ столѣ...

Разговоръ нашъ, не умолкая, въ шутливой формѣ касался различныхъ предметовъ, съ необыкновенною легкостью переходилъ отъ одной темы къ другой, порхалъ и кружился точно въ эквилибристическомъ танцѣ.

И съ каждой минутой я все болѣе поддавался этому восхитительному очарованію, завороженный таинственной обстановкой, необычайнымъ свиданіемъ, несказанной прелестью собесѣдницы.

— Княжна Лиговская! — роилось въ сознаніи, и вставала передо мною небольшая желѣзнодорожная станція, запорошенная снѣгомъ платформа, встрѣча въ вагонѣ, рѣзвый бѣгъ рысака... Припомнились дни ожиданія, томленія и тревоги... И вотъ, блѣдный призракъ воплотился снова въ дѣйствительность.

Нѣтъ, онъ не обманулъ меня!.. Онъ воспламенилъ меня съ новою силой, зажегъ огненнымъ свѣтомъ, наполнилъ новымъ жгучимъ очарованіемъ.

— Необыкновенная! — съ умиленіемъ, съ тайною нѣжностью, подумалось мнѣ.

Одинъ разъ или два, въ увлеченіи, я даже позволилъ себѣ извѣстную предпріимчивость. Я задерживалъ въ своей рукѣ маленькую теплую ручку, подносившую мнѣ свѣжую чашку чая, и прикасался обжигающимъ поцѣлуемъ...

Лигово?.. Да, въ этотъ вечеръ она возвращалась домой отъ друзей... Она опоздала на курьерскій поѣздъ, пришлось ѣхать съ почтовымъ... Было такъ тѣсно и душно... Она хорошо помнитъ... Никто не пошевельнулся, чтобы уступить мѣсто... И только молодой офицеръ, въ красивой бѣло-синей фуражкѣ... Впрочемъ,этотъ же офицеръ простеръ свою любезность значительно дальше того, на что можно было разсчитывать...

— Ха-ха-ха! — разсмѣялась Иренъ, взглянувъ на меня, звонкимъ искреннимъ смѣхомъ.

Она бывала въ Петергофѣ, въ Павловскѣ, въ Царскомъ Селѣ... Что касается Гатчины, представьте, она ее вовсе не знаетъ?.. Говорятъ, очень чистенькій, опрятный, хорошенькій городокъ... Тамъ есть царскій дворецъ и стоитъ полкъ синихъ гатчинскихъ кирасиръ!

Здѣсь Иренъ на минуту остановилась и продолжала:

— Есть еще знаменитый царскій Звѣринецъ, какой-то особенный паркъ... А воздухъ, говорятъ, совершенно необыкновенный, очень здоровый, сухой, бодрый, полезный...

— И живетъ тамъ вдовствующая Императрица Марія! добавила съ

увѣренностью Иренъ и, въ подтвержденіе своихъ словъ, кивнула головкой...

Въ столовой пробило полночь и, съ послѣднимъ ударомъ, я сдѣлалъ попытку подняться.

— Сидите! — остановила меня Иренъ. — Еще четверть часа! — добавила она съ шаловливой улыбкой. — Господи! — засмѣялась Иренъ и глаза ея снова блеснули лучистымъ огнемъ. — Какъ все это, право, забавно!.. Вы не находите?

— Я тоже вѣдь смѣлая! — замѣтила она черезъ минуту. — Вѣрно, Богъ, знаетъ что, подумали обо мнѣ?.. Признавайтесь?

Но мнѣ не пришлось отвѣтить на этотъ вопросъ.

Въ моихъ глазахъ, точно въ зеркалѣ, отразилось столько восторга, благодарности, восхищенія, что Иренъ даже потупилась и ея маленькая рука, съ тонкими длинными пальчиками, стала въ замѣшательствѣ перебирать край кружевной скатерти.

Я просидѣлъ еще часъ, можетъ быть, даже другой. Я просидѣлъ бы, кажется, цѣлую вѣчность, не вставая съ дивана, слѣдя за огнемъ угасающаго камина, за крикливымъ щебетомъ попугая, въ обществѣ молодой дѣвушки, отъ которой не въ силахъ былъ оторваться.

Было совсѣмъ поздно и зимняя ночь глядѣла черезъ оконныя занавѣски.

Въ переулкѣ было тихо, пустынно. Ни одинъ звукъ не долеталъ къ намъ извнѣ и только время отъ времени, съ опредѣленными промежутками, доносился со стороны крѣпости бой старыхъ курантовъ.

Иренъ подала знакъ.

Она проводила меня до дверей.

— Благодарю васъ! — произнесъ я. — Этого вечера я никогда не забуду!

Большіе синіе глаза улыбнулись.

Они улыбались, какъ звѣзды, глядѣвшія на меня съ вышины чернаго зимняго неба.

И какъ звѣзды были полны нездѣшнимъ, магическимъ очарованіемъ...

53.

Динь-динь-динь! — звенятъ, поютъ зимніе голоса.

Морозный воздухъ крѣпокъ и бодръ. Скрипитъ снѣгъ подъ ногами. Все выше, все ярче разгорается румяный глазъ зимняго солнца.

Какъ тихо стало въ природѣ!

Городокъ точно забылся въ предрождественской дремѣ. Въ сладкомъ снѣ затаились улички, дачки, сады. Изъ за палисадовъ, изъ за чугунныхъ оградъ, свисаютъ бѣлыя пушистыя лапы. Мягко ложатся синія тѣни и вьется надъ крышами синеватый дымокъ.

Какъ прекрасенъ гатчинскій паркъ!

Аллеи стоятъ словно корридоры изъ бѣлаго и синяго мрамора. Точно фантастическія видѣнія вздымаются оснѣженныя ели. Миріадами ослѣпительныхъ брызгъ горятъ снѣговыя дорожки.

Ничто не нарушаетъ божественнаго безмолвія!

Конюшни, манежи, офицерскій садикъ передъ собраніемъ, рѣшительно все завалено по самую маковку бѣлымъ покровомъ, сверкающимъ до боли въ глазахъ.

А за дворцовой дорогой, устремивъ къ небу острыя, какъ копья, вершины, неподвижно, точно стройныя коллонады изъ того же бѣлоснѣжнаго мрамора, стоятъ тополя царскаго парка. Черезъ осеребренную инеемъ металлическую рѣшетку, сквозитъ заколдованный лѣсъ, въ такой же серебристой одеждѣ, задумчивый, молчаливый, какъ бы хранящій великую тайну.

И сѣрая громада дворца, съ плацпарадомъ и башенками фасада, и блѣдное зимнее небо, и этотъ лиловѣющій снѣгъ на закатѣ, производятъ сейчасъ какое-то особое, величественно - строгое впечатлѣніе...

Святки ожидаются съ нетерпѣніемъ. Полковая работа идетъ своимъ чередомъ, но праздничное настроеніе уже даетъ себя чувствовать.

Въ офицерскомъ собраніи моютъ, скребутъ, натираютъ воскомъ паркетъ, перетряхиваютъ ковры, чистятъ бронзовую и мѣдную арматуру.

Время отъ времени происходятъ общія засѣданія. Собирается распорядительный комитетъ. Подымаются вопросы о томъ, какъ праздновать елку. Устроить-ли, по примѣру минувшихъ лѣтъ, обычный холостой ужинъ или же, для развлеченія полковыхъ дамъ, предложить вечеръ съ танцами, съ артистами, съ легкимъ дивертисментомъ?

Все чаще появляются гости.

На дняхъ прибыла на лыжахъ охотничья команда царскосельскихъ стрѣлковъ... Вслѣдъ за ними появились развѣдчики петергофскихъ уланъ... Неожиданно нагрянули лейбъ-гусары.

И три дня стоялъ въ офицерскомъ собраніи дымъ коромысломъ...

Не остаются безъ вниманія и спортивныя развлеченія.

Господа офицеры совершаютъ верховыя прогулки по городу, дружными кавалькадами носятся по аллеямъ пріоратскаго парка, иной разъ скачутъ до самой Егерской Слободы, въ гости къ царскому ловчему, поглядѣть на питомники, на лягашей, меделяновъ, гончихъ, борзыхъ, на устройство царской охоты.

„Черный Прудъ", расположенный въ паркѣ, подлѣ стараго гатчинскаго Игуменства, превращенъ въ небольшой, оченъ уютный и милый катокъ, окаймленъ елями, украшенъ разноцвѣтными флагами.

Ребятишки возятся на немъ цѣлый день, бѣгаютъ на конькахъ, катаются на салазкахъ съ снѣговой горки. Послѣ полудня появляются господа офицеры, барышни-гимназистки, мелькаютъ бѣлыя шапочки,

синія блузки и юбочки, вязаныя фуфайки. Кругомъ визгъ, хохотъ, звонкій дѣвичій смѣхъ.

Трубачи выдуваютъ бойкую польку и звуки четко разносятся въ вечерѣющемъ воздухѣ...

Уже въ теченіе нѣскольких дней я не покидаю полкового собранія, то привожу въ порядокъ библіотеку, то принимаю дѣятельное участіе въ пріемахъ гостей, въ веселыхъ попойкахъ, игрѣ.

Я пытаюсь бороться со своимъ увлеченіемъ.

Я боюсь, я опасаюсь его, вспоминаю послѣднюю встрѣчу и продолжаю теряться въ догадкахъ.

Кто же она, эта прекрасная незнакомка, оставившая въ душѣ незабываемый слѣдъ?

Отвѣта я не имѣю.

При первой попыткѣ приподнять таинственное забрало, я встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе.

— Будете много знать, скоро состаритесь! — со смѣхомъ отвѣтила дѣвушка. — Зовите меня Иренъ!.. Остальное не представляетъ особаго интереса!

Изъ отдѣльныхъ фразъ, я былъ въ состояніи только понять, что происходитъ она изъ помѣщичьей семьи... Что родители ея проживаютъ въ усадьбѣ, гдѣ-то на полдорогѣ между столицею и Москвой... Что время отъ времени она уѣзжаетъ къ роднымъ... А петербургскую жизнь дѣлитъ между занятіями въ Консерваторіи и работой въ драматической студіи...

Изъ этого можно вывести заключеніе, что дѣвушка готовитъ себя къ артистической дѣятельности.

Я вижу еще, что она прекрасно воспитана, обладаетъ манерами, хорошимъ образованіемъ, тонко развитымъ вкусомъ... Что живетъ въ вполнѣ приличныхъ условіяхъ и въ средствахъ, видимо, не нуждается...

Въ теченіе нѣскольких дней я продолжалъ бороться со своимъ увлеченіемъ.

Одно время казалось, что петербургское приключеніе уже готово было померкнуть, исчезнуть изъ памяти, раствориться въ потокѣ новыхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ впечатлѣній.

Казалось, что загадочный образъ уже не преслѣдуетъ меня съ прежнею силой.

Но вотще!.. Протекла только недѣля... Ничтожность моихъ усилій проявилась самымъ нагляднымъ, самымъ ощутительнымъ образомъ...

54.

ПРОШЛА только недѣля, и былъ такой же крѣпкій, острый, морозный вечеръ, когда рысакъ несъ меня снова по оживленнымъ проспектамъ столицы.

Я мчался въ бодромъ, взволнованно-радостномъ настроенiи, охваченный сладкими думами, ожиданiемъ, любопытствомъ, предвкушая новую встрѣчу, изумленiе дѣвушки, ея улыбку, новую прiятельскую бесѣду, подъ огнемъ полыхающаго камина.

Картина была до того привлекательна, обстановка представилась съ такой соблазнительной яркостью, что на минуту я зажмурилъ глаза и отдался воспоминанiямъ.

Только бы застать дома!..

Еще разъ увидѣть, пожать маленькую изящную ручку!..

Еще разъ услышать нѣсколько словъ!..

Тревожная тѣнь, точно легкое облачко на мгновенье промелькнула въ сознанiи.

Я не замѣтилъ, какъ проскочилъ Измайловскiй проспектъ, Конногвардейскiй бульваръ, храмъ Благовѣщенья, и очнулся лишь на мосту, открывшемъ широкую панораму рѣки.

Опоясанная безчисленными огнями, она лежала въ сонномъ оцѣпенѣнiи, храня подъ своимъ неподвижнымъ покровомъ могучiя холодныя воды.

На мосту кипѣло обычное оживленiе.

Въ обоихъ направленiяхъ сновали и двигались пѣшеходы, звенѣли трамваи, катились кареты, коляски, груженые кладью возы, визжали и скрипѣли полозья.

У спуска стояла знакомая фигура городового, въ тяжелыхъ валенкахъ, въ вязаныхъ рукавицахъ, съ головой, укутанной башлыкомъ, образовавшимъ небольшое отверстiе, изъ котораго топорщился бѣлый заиндевѣвшiй усъ.

Крутой поворотъ вынесъ меня въ узенькiй, скудно освѣщаемый переулокъ. Въ немъ не видно было никакого движенiя, не наблюдалось ни малѣйшаго признака жизни. Тихiй и мирный, заметенный сугробами, онъ напоминалъ впрямь улицу провинцiальнаго городка.

Еще нѣсколько мгновенiй и кучеръ остановилъ коня передъ бѣлымъ особнякомъ, съ небольшими оконцами въ желтыхъ кружевныхъ занавѣскахъ. Въ нихъ свѣтился огонь, проливавшiй на снѣгъ мягкiй, нѣжный, матовый свѣтъ.

Радостное волненiе охватило меня съ новою силой...

Иренъ встрѣтила меня безъ малѣйшаго удивленiя, точно наше свиданiе было условлено, точно она ожидала меня въ этотъ вечеръ.

Лицо ея отражало увѣренное спокойствiе. На устахъ играла привѣтливая улыбка.

Она разсмѣялась, протянула мнѣ ручку.

— Добрый вечеръ! — сказала Иренъ простымъ, задушевнымъ, дружескимъ тономъ. Но въ глазахъ, дивныхъ синихъ глазахъ, сверкнула,

какъ мнѣ показалось, легкая, едва уловимая усмѣшка женщины, сознающей силу своего обаянія.

Одновременно же я замѣтилъ и нѣчто другое, отчего сердце мое сразу упало.

Стоя передъ зеркаломъ и оправляя шаловливо вьющуся, непокорную прядь, уже одѣтая въ мѣховую шубку и шапочку, дѣвушка собиралась видимо покинуть квартиру.

Предчувствіе мое оправдалось.

Мой визитъ пришелся некстати!

— Иренъ, вы уходите? — невольно выкликнулъ я и въ голосѣ моемъ задрожали такія жалобныя, такія тоскливыя и неподдѣльно-грустныя ноты, что дѣвушка обернулась.

Она порылась въ кожаной сумочкѣ, вытащила билетикъ, протянула его мнѣ.

— Вотъ видите? — сказала Иренъ. — Нужно ѣхать сейчасъ на концертъ!.. Въ большой залѣ Консерваторіи состоится интересное выступленіе!

Лицо мое приняло еще болѣе скорбное выраженіе. Горькое чувство шевельнулось въ душѣ. Въ это мгновенье я готовъ былъ предать проклятію всѣ искусства, концерты, всѣхъ музыкантовъ и композиторовъ, не исключая прославленныхъ мастеровъ, самыхъ великихъ, съ міровымъ именемъ, съ печатью генія на челѣ.

— Вы уходите? — повторилъ я.

Иренъ улыбнулась, снова взглянула, съ такимъ видомъ, точно просила у меня извиненія, и сказала:

— Къ сожалѣнію, нужно ѣхать!.. Оставайтесь!.. Я скоро вернусь!.. Обѣщаю вамъ!.. Къ одиннадцати непремѣнно вернусь!

И, кивнувъ на прощанье головкой, скрылась за дверью...

Вздохъ облегченія вырвался изъ груди... Тревога была напрасна!

Я прошелъ въ знакомый мнѣ будуаръ и закурилъ папиросу. Потомъ, прошелся по комнатѣ, остановился на нѣкоторое время передъ изображеніями на стѣнахъ.

Здѣсь было нѣсколько пейзажей Крыжицкаго, шишкинскій лѣсъ, репродукція съ извѣстной зихелевской картины „Между пѣсней и пляской“. Было еще нѣсколько женскихъ головокъ и фотографическихъ снимковъ, съ моремъ, съ пальмами, съ широкимъ бульваромъ, залитымъ солнечнымъ блескомъ.

Вскорѣ мое вниманіе привлекъ вольеръ съ бѣленькимъ попугаемъ.

Я подошелъ къ клѣткѣ и подразнилъ птицу.

Попугай хрипѣлъ, трещалъ, оглядывалъ умными злыми глазами, широко раскрывалъ клювъ и, въ концѣ концовъ, пребольно долбанулъ меня въ палецъ.

Потомъ, я открылъ крышку рояля, потрогалъ по клавишамъ. На шифоньеркѣ, наряду съ нотами, лежала стопка модныхъ журналовъ. Я разсѣяно ихъ перелисталъ, зѣвнулъ, посмотрѣлъ на часы:

— Половина девятаго!

Въ моей головѣ возникъ неожиданный планъ.

Быстро одѣвшись, я вышелъ на улицу, кликнулъ извозчика и помчался на Невскій проспектъ.

Въ гастрономическомъ магазинѣ Романова накупилъ различныхъ закусокъ, балыковъ, тешки, икры, паштетовъ изъ дичи, коробку сардинъ и омаровъ.

Тутъ же, по сосѣдству, у Елисѣева, купилъ небольшую корзинку съ персиками,грушами, виноградомъ, съ десяткомъ крупныхъ французскихъ сливъ.

На обратномъ пути, захватилъ въ винномъ погребѣ Смурова бутылку портвейна, пузатый флакончикъ ликера, бутылку старой вдовы Клико, а въ заключеніе купилъ нѣсколько розъ.

Вернувшись, я занялся приготовленіями къ ужину.

Съ помощью горничной сервировалъ столъ, украсилъ его цвѣтами, расположилъ въ художественномъ порядкѣ закуски.

Потомъ, растопилъ каминъ и, присѣвъ на диванъ, откинулся къ мягкимъ подушкамъ.

Наканунѣ я провелъ безсонную ночь. Служба дворцоваго караула меня нѣсколько утомила. Отъ мягкаго, нѣжно струившагося изъ камина тепла, меня окончательно развезло.

Я потянулся, зѣвнулъ и незамѣтно для себя задремалъ...

Не знаю, сколько времени я спалъ, часъ или больше, пока легкое прикосновеніе не вернуло меня къ дѣйствительности.

Передо мною стояла Иренъ, окутанная свѣжимъ дыханьемъ мороза, оживленная, съ искрящимися глазами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, ослѣпительно-прекрасная, соблазнительная, какъ богиня любви.

То глядя на меня, то переводя взоръ на убранный и декорированный цвѣтами столъ, она грозила мнѣ пальчикомъ, улыбалась.

— Ну, зачѣмъ?.. Ну, какъ не стыдно? — смѣяласаь Иренъ. — Вставайте!.. Ха-ха-ха!.. Что снилось на новосельи?

Иренъ подошла вплотную ко мнѣ:

— Бѣдненькій, а вы были одинъ!.. Кажется, впрочемъ, не очень скучали?

Она шаловливо покружилась по комнатѣ, скинула шубку, вышла въ прихожую и кликнула тотчасъ прислугѣ:

— Фима!.. Давайте скорѣй самоваръ!.. Живо!.. Барышнѣ нужно согрѣться!..

О, этотъ день, этотъ вечеръ, эта декабрьская ночь не изгладятся никогда!

Они войдуть въ мою жизнь и оставять въ ней свой ликующій слѣдъ... До послѣдняго вздоха память сохранитъ воспоминаніе о маленькомъ переулкѣ и бѣломъ особнякѣ, о молодой дѣвушкѣ съ синими искрящимися глазами.

Сегодня я вижу ее въ третій разъ.

Чѣмъ ближе ее познаю, тѣмъ острѣе ощущаю влеченіе. Оно готово прорваться и, въ концѣ концовъ, должно себя обнаружить. Впрочемъ, какая женщина не разгадаетъ по единому взгляду, по тону, по трепетному прикосновенію глубину сердечнаго чувства?

— Я такъ рада!.. Мнѣ весело! — смѣется Иренъ. — Я торопилась домой!

— Чудная вы! — въ избыткѣ восхищенія шепчу я, прикасаясь устами то къ одной, то къ другой маленькой ручкѣ, излучающей теплоту и ароматъ знакомыхъ духовъ. — Необыкновенная вы!

Иренъ улыбается, вспыхиваетъ, смѣется.

За ужиномъ она даетъ волю своему настроенію, безъ умолку занимаетъ меня бесѣдой, чокается со мною, хохочетъ.

— Концертъ былъ чудесный!.. Выступалъ Никишъ!.. Играли Вержбиловичъ и Глазуновъ!.. Какая программа, какое блестящее исполненіе!

Она вскакиваетъ изъ за стола, подымаетъ крышку рояля, играетъ подрядъ нѣсколько красивыхъ вещей — „Серенаду“ Тозелли, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, сибеліусовскій „Valse triste“.

Уже давно пробила полночь.

Каминъ догоралъ и красноватые угольки, давъ послѣднюю вспышку, разсыпались съ суховатымъ потрескиваньемъ.

Молчаливая финка, убравъ лишнюю посуду и самоваръ, удалилась въ свою каморку.

Въ вольерѣ, подвернувъ голову подъ крылю, образовавъ мохнатый клубокъ, спалъ попугай.

На каминѣ сиротливо бѣлѣла моя фуражка.

Иренъ сидитъ рядомъ со мной, слегка утомленная, съ затуманеннымъ взоромъ, слегка охмелѣвшая отъ выпитаго вина.

Мы сидимъ такъ близко другъ къ другу, что ея золотистые локоны касаются моей щеки. Маленькая теплая ручка крѣпко зажата въ моей рукѣ.

Разговоръ нашъ умолкъ.

Только, время отъ времени, мы продолжаемъ перекидываться короткими, лѣнивыми фразами. Въ столовой тихо постукивалъ маятникъ. За окномъ визжали полозья.

Было много невыразимаго настроенія въ этомъ убаюкивающемъ покоѣ, въ этомъ мирномъ уединеніи, въ полусумракѣ комнаты, озаряемой вспышками угасающаго камина. Смутно бродили мысли въ какомъ-то океанѣ блаженства и покой этотъ хотѣлось длить безъ конца.

Я очарованъ и покоренъ безраздѣльно.

Меня влечетъ, кромѣ того, душевная красота дѣвушки, независимость, смѣлость сужденій и, одновременно, нѣжная ласковость, несказанная женственность, непосредственность, мягкость, покорность.

Кто же она, кто же это чудесное существо, сидящее тутъ же, бокъ-о-бокъ со мной, на диванѣ, захватившее меня съ такой необычайною легкостью, безъ малѣйшихъ усилій, въ свой сладкій и острый, въ свой жестокій и волнующій плѣнъ?

Точнаго отвѣта я такъ и не имѣю.

Мое любопытство не встрѣчаетъ сочувствія и вознаграждено лишь въ относительной степени. Мнѣ извѣстно попрежнему, что молодая дѣвушка занимается музыкальною дѣятельностью, что семья ея проживаетъ въ небольшой усадебкѣ подъ Любанью, что въ близкомъ будущемъ она собирается уѣхать на праздники.

Довольно!.. Я не буду настаивать!.. Пусть все остальное, по ея собственному желанію, будетъ окутано дымкой таинственнаго инкогнито!..

Но вотъ случайно взглянувъ на часы, я стремительно поднялся съ дивана:

— Боже мой!.. Три часа!

Время протекло такъ незамѣтно, съ такой неожиданной быстротой.

Въ моемъ распоряженіи остается всего пятнадцать минутъ!.. Совершенно ясно, что я опоздалъ!.. Ни одинъ рысакъ, если даже я встрѣчу его у подъѣзда, не перенесетъ меня въ эти четверть часа на Балтійскій вокзалъ, къ отходу послѣдняго, такъ называемаго, „пьянаго“ поѣзда!

— Какая разсѣянность!

Со смущеннымъ видомъ я взглянулъ на Иренъ и подумалъ:

— Что дѣлать?.. Придется ночевать въ городѣ, брать номеръ въ отелѣ?.. Или ѣхать къ тетушкѣ Маріи Васильевнѣ и будить бѣдныхъ старухъ?

— Бѣдный мальчикъ! — засмѣялась Иренъ, точно разгадавъ мои мысли.

Она задумалась на минуту.

— Ну, что-жъ! — сказала Иренъ. — Надо какъ нибудь устроиться по другому!.. Разумѣется, только въ томъ случаѣ, если...

Она подняла на меня глаза, улыбнулась, добавила:

— Если мы будемъ себя вести въ предѣлахъ благоразумія!

Иренъ окинула будуаръ, приложила палецъ къ губамъ — тсъ! — шепнула Иренъ и, поднявшись съ дивана, неслышно ступая по мягкому бархатному ковру, отворила дверь въ сосѣднюю комнату.

Черезъ минуту, она возвратилась, держа въ рукахъ подушку, бѣлье, плюшевый пледъ.

Отказавшись отъ моихъ услугъ, быстро и ловко приготовила на диванѣ постель, взбила подушку, придвинула столикъ, поставила графинчикъ съ водой.

— Спокойной ночи! — улыбнулась Иренъ.

И, протянувъ ручку, такъ же безшумно, на цыпочкахъ, удалилась...

———

Я съ наслажденіемъ растянулся на душистомъ бѣльѣ и погасилъ огонь.

Комната приняла сразу новыя очертанія. Сквозь тонкія занавѣски проникалъ лунный свѣтъ, заливая голубоватымъ блескомъ коверъ, ножки стола, уголъ рояля.

Въ обострившейся тишинѣ звуки стали внезапно четкими, ясными, какъ бы прозрачными. На улицѣ снова проскрипѣли полозья и ихъ удалявшійся визгъ можно было прослѣдить въ теченіе цѣлой минуты. Въ столовой, съ равномѣрными промежутками, постукивалъ маятникъ:

— Тикъ-такъ, тикъ-такъ!

Новыя чувства охватили меня, чувства умиленія, признательности, новаго остраго восхищенія.

Какъ просто, безъ малѣйшей тѣни какого-либо недовольства, безъ всякаго жеманства или стыдливаго цѣломудрія, съ какимъ теплымъ, искреннимъ, совершенно товарищескимъ довѣріемъ, молодая дѣвушка разрѣшила деликатный вопросъ.

Я оправдаю это довѣріе!.. Священный законъ гостепріимства не будетъ нарушенъ!.. Иренъ можетъ быть совершенно спокойна!

Въ сосѣдней комнатѣ слышался шелестъ одежды, мягкій трескъ, легкое поскрипыванье кровати.

Воображеніе работало съ утроенной силой и дополняло картину до мельчайшихъ подробностей, до мельчайшихъ оттѣнковъ.

Вотъ, съ заглушеннымъ стукомъ упала легкая туфелька... Одновременно скрипнула резина подвязки и тонкій чулокъ проворно поползъ съ бѣлой маленькой ножки... Послышался едва уловимый шорохъ развязываемыхъ тесемокъ, еще нѣсколько таинственныхъ звуковъ, нѣсколько неторопливыхъ шаговъ...

Вотъ звякнулъ граненый флакончикъ изъ подъ духовъ, донеслось еще что-то и, наконецъ, новый, на этотъ разъ явственно различаемый скрипъ пружинъ подъ тяжестью молодого, крѣпкаго, здороваго тѣла...

Потомъ. послышался вздохъ или, можетъ быть, дуновеніе, это будетъ вѣрнѣе, потому что въ замочной скважинѣ тотчасъ исчезъ свѣтъ ночника...

Черезъ минуту все смолкло, все погрузилось въ сонъ...

———

Но я не спалъ.

Въ воспаленномъ сознаніи рисовались картины самыя острыя, самыя соблазнительныя.

Сердце колотилось съ невѣроятною быстротой.

И я чувствовалъ, какъ сила сопротивленія покидаетъ меня безвозвратно.

Голосъ благоразумія, мало по малу, отлеталъ куда-то далеко, далеко, раскрывая подъ ногами сладко манящую бездну, къ которой, безвольный, покорный, съ помутившимся отъ страсти сознаніемъ, я приближался стремительными шагами.

Я поднялся съ дивана, прислушался.

Все было тихо. Ничто не нарушало этого таинственнаго, преступно-волнующаго безмолвія. И только сердце, въ горячемъ и бурномъ, совершенно лихорадочномъ темпѣ, выстукивало барабанную дробь.

Я ступилъ на коверъ и подошелъ осторожно къ дверямъ. Дверь поддалась подъ моимъ беззвучнымъ нажатіемъ.

Я сознательно шелъ сейчасъ противъ всего — противъ голоса чести, совѣсти, благоразумія, противъ нравственнаго закона, противъ велѣній разсудка.

Какъ въ азартной игрѣ, не будучи въ состояніи укротить свою страсть, я шелъ сейчасъ — ва-банкъ!

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру...

Дрожа и трепеща отъ волненія, склонился надъ изголовьемъ...

Двѣ душистыя ручки обхватили меня крѣпко за шею и прижали къ себѣ...

55.

Числящійся въ спискахъ ввѣреннаго мнѣ полка, его императорское высочество Государь Наслѣдникъ и великій князь флигель-адъютантъ корнетъ Михаилъ Александровичъ назначается для несенія службы въ эскадронъ Ея Величества".

Такъ гласилъ пунктъ первый полкового приказа, отданнаго въ одинъ изъ ближайшихъ дней декабря.

Вотъ какимъ образомъ то, что находилось въ области предположеній и слуховъ, что еще недавно явилось предметомъ голосованія въ офицерскомъ собраніи, стало совершившимся фактомъ.

Молодой Наслѣдникъ Престола начинаетъ свою кавалерійскую службу въ рядахъ Лейбъ - Регимента.

Это событіе само собой разумѣется, встрѣчено искреннимъ ликованіемъ. На долю полка выпала исключительная, совершенно особая честь.

По этому случаю, подъ предсѣдательствомъ командира, состоялось совѣщаніе старшихъ начальниковъ.

Намъ въ точности не извѣстно, что говорилось на совѣщаніи и какую цѣль преслѣдовалъ обмѣнъ мнѣній между старшими офицерами.

Но по словамъ адъютанта, великій князь — таково якобы желаніе Государя и Августѣйшаго Шефа — подчинится всѣмъ правиламъ строевой службы и полкового регламента, безъ малѣйшихъ изъятій, на общихъ для всѣхъ офицеровъ полка основаніяхъ.

На нашу долю выпала безпримѣрная честь.

Молодой Наслѣдникъ Престола остановилъ свой выборъ на Лейбъ-Кирасирскомъ полку, станетъ членомъ нашей семьи, будетъ жить общею полковой жизнью, проникнется нашими взглядами, нашими традиціями, нашими интересами.

Можно не сомнѣваться, что этимъ событіемъ мы обязаны, главнымъ образомъ, Императрицѣ, въ теченіе долгихъ лѣтъ тѣсно связанной съ нашимъ полкомъ и сейчасъ подчеркнувшей, такимъ исключительнымъ способомъ, свое довѣріе, вниманіе, неизмѣнное расположеніе.

Прибытіе великаго князя ожидается послѣ рождественскихъ праздниковъ...

Эти дни наполняютъ меня лично еще инымъ ликованіемъ.

Я охваченъ могучимъ чувствомъ любви, постигъ высшую радость, поднялся на вершины духовнаго торжества, съ которыхъ ясными, счастливыми, окрыленными взорами гляжу на разстилающійся у подножія міръ.

Женщина неожиданно вошла въ мою жизнь и наложила на нее отпечатокъ.

Я не знаю въ чемъ отпечатокъ этотъ, въ сущности, выражается. Я по прежнему исправенъ по службѣ, не впадаю въ разсѣянность или мечтательность, словомъ, съ внѣшней стороны, какъ будто не измѣнился.

Но съ какой-то другой стороны во мнѣ, видимо, наблюдается перемѣна. Отъ вниманія друзей не укрылись, кромѣ того, мои ежедневныя поѣздки въ столицу.

Все это замѣчено и даетъ поводъ господамъ офицерамъ высказывать, въ шутливой формѣ, свои предположенія.

Это начинается обычно за завтракомъ, вслѣдъ за окончаніемъ офицерской ѣзды.

Тридцать шесть человѣкъ, въ полномъ составѣ, сидятъ за длиннымъ столомъ. Звенятъ рюмки, стаканы, ножи. Со всѣхъ концовъ струится оживленная рѣчь, споры, смѣхъ, веселыя восклицанія.

— Господа офицеры! — командуетъ неожиданно „Джипсъ".

Бесѣда смолкаетъ, наступаетъ короткая пауза.

— Имѣю честь объявить сенсаціонную новость! — торжественно заявляетъ „Сенека". — Корнетъ Черкесовъ влюбленъ!

Кругомъ слышится хохотъ.

— Черкесовъ влюбленъ! — кричатъ со всѣхъ концовъ голоса.

— Бѣдный мальчикъ попался! — вздыхаетъ сочувственно „Крукъ".

Но вмѣшивается „Папаша" и беретъ меня подъ защиту.

— Прошу покорно! — замѣчаетъ командиръ эскадрона. — Оставьте его въ покоѣ!

Александръ Ивановичъ Дроздъ - Бонячевскій не упускаетъ случая, со своей стороны, высказать нѣсколько соображеній.

— Брррав, молодой человѣкъ!.. Одобрррряю! — говоритъ Александръ Ивановичъ, закутываясь папироснымъ дымкомъ, снабжая фразы обычнымъ раскатомъ и междометіями. — Бей ворону, бей кукушку и ястреба, убьешь и яснаго сокола!.. Хотя, что есть, въ сущности, женщина?.. Э-э-э... Милая нелѣпость, какъ сказалъ старикъ Бомарше!... А впрочемъ:

„Діана, Бахусъ и Амуръ —
Боги возраста младого!“

Особое участіе проявляетъ хозяинъ собранія. Онъ подсаживается ко мнѣ, нѣжно обнимаетъ за талію, шепчетъ:

— Черкесовъ, ну скажи мнѣ, скажи старому баклажану, кто она — дама общества, артистка или кокотка?.. Блондинка или брюнетка?.. Бьюсь объ закладъ, что блондинка!.. Ну, хочешь пари?.. Ты ставишь бутылку шампанскаго, а я застрѣлюсь?.. Поздравляю тебя!.. Протягиваю тебѣ мою благородную руку!

Я улыбаюсь, пожимаю благородную руку, и господа офицеры принимаются за Аркаса...

Могу-ли я быть въ обидѣ на шутки друзей?

Разумѣется, эти пріятельскія насмѣшки меня нисколько не обижаютъ. Онѣ вызваны общимъ сочувствіемъ.

Мнѣ даже кажется, что господа офицеры, какъ бы радуются моей сердечной удачѣ, какъ бы переживаютъ свои собственные успѣхи.

И всѣ они, начиная отъ старенькаго „Папаши“, ротмистра Александра Ивановича и любознательнаго „Акишки“, кончая молодыми полковыми насмѣшниками и балагурами, „Джипсомъ“, „Крукомъ“, „Сенекой“ и прочими, становятся мнѣ еще болѣе близкими и родными.

Мое сердце сейчасъ широко раскрыто для всѣхъ...

Чувства особой близости я начинаю испытывать по отношенію къ корнету Аркасу.

Онъ понятенъ мнѣ сейчасъ больше другихъ.

—Бѣдный „Донъ - Педро“!

Онъ увлеченъ такъ же, какъ я, пользуется такой же взаимностью, бредитъ своей хорошенькой танцовщицей.

Я познакомился съ нею... Она произвела на меня очень выгодное и милое впечатлѣніе... Крошка Лилитъ!

Аркасъ увлеченъ въ самой серьезной степени и не оставляетъ плановъ о предстоящей женитьбѣ. Но въ такомъ случаѣ, ему придется уйти изъ полка. Бракъ гвардейскаго офицера съ артисткой недопустимъ...

„Донъ - Педро“ проводитъ со мной цѣлые дни.

Точно два заговорщика мы уединяемся въ библіотекѣ, или у кого нибудь изъ насъ на квартирѣ, или же, приказавъ подать лошадей, скачемъ вдвоемъ по снѣжнымъ аллеямъ пріоратскаго парка.

Потомъ, переводимъ лошадей въ шагъ и дѣлаемъ короткую передышку.

Окутанный облакомъ пара, фыркая, тяжело дыша крутыми, распирающими боками, „Рэдъ - Бой" медленно выступаетъ своимъ мѣрнымъ просторнымъ шагомъ. Рядомъ съ нимъ, въ нервной дрожи, тропотитъ, рвется изъ рукъ, горячая венгерская кобылица, рыжая красавица „Ларкансьель".

Мы обмѣниваемся нѣсколькими словами, хохочемъ и снова подымаемъ коней въ галопъ.

И души наши ликуютъ, поютъ...

Сейчасъ, когда окрестные поля затянулись прочной ледяною кольчугой и убрались въ снѣговыя одежды, работа съ развѣдчиками становится болѣе содержательной.

Три раза въ недѣлю я сажаю свой взводъ на коней, но не для ѣзды въ тѣсныхъ рамкахъ полкового манежа, а для „выѣзда въ поле", подъ ясное небо гатчинскаго простора, на широкую столбовую дорогу, на кривые проселки, вьющіеся среди снѣжныхъ сугробовъ, къ запорошеннымъ кручамъ, къ замерзшимъ ручьямъ, къ затаившимся селамъ, къ застывшимъ въ бѣломъ безмолвіи дремучимъ борамъ.

Я втягиваю конскій составъ въ продолжительныя передвиженія на широкихъ аллюрахъ, ношусь со своимъ взводомъ по всѣмъ направленіямъ, обучаю его на мѣстности службѣ развѣдки и охраненія.

Это интересная, увлекательная работа!..

Одинъ день въ недѣлю отнимаетъ служба дворцоваго караула или дежурнаго по полку.

Попрежнему я продолжаю рыться въ библіотекѣ, въ архивѣ, въ старыхъ полковыхъ дѣлахъ.

Мнѣ извѣстна наша современная жизнь, но корни ея, далеко ушедшія въ глубину, совсѣмъ незнакомы.

О дивной гатчинской старинѣ, столь тѣсно связанной съ ея державнымъ создателемъ, съ личностью императора Павла Петровича, о двухвѣковой славѣ полка, о его безчисленныхъ подвигахъ и походахъ, пронесшихъ старый, прокуренный дымомъ сраженій, изрѣшетенный картечью кирасирскій штандартъ по всѣмъ столицамъ Европы, я имѣю лишь самое смутное, самое отвлеченное представленіе.

И съ жаднымъ вниманіемъ, съ ненасытнымъ, пристальнымъ любопытствомъ, перелистываю страницы историческихъ фоліантовъ, погружаясь въ яркій, волнующій, полузабытый, но сохраняющій нетлѣнную прелесть очарованія міръ.

Такъ проходитъ мой день.

А съ наступленіемъ вечера... Лишь только опустятся зимніе сумерки, я быстро переодѣваюсь и мчусь на петербургскій вокзалъ.

Тысяча плановъ, тысяча разнообразныхъ мыслей и чувствъ, охватываютъ меня въ радостномъ возбужденіи.

И поѣздъ переноситъ меня въ столицу...

56.

Рождественскія святки прошли оживленно.

Была елка въ офицерскомъ собраніи, была елка въ манежѣ, съ подарками для нижнихъ чиновъ и воспитанниковъ школы солдатскихъ дѣтей.

Была елка въ гатчинскомъ замкѣ.

Тридцать шесть человѣкъ, въ сюртукахъ при шпагахъ, во главѣ съ командиромъ полка, собрались къ семи часамъ вечера въ обширной сводчатой комнатѣ, бывшей „охотничьей“ столовой Павла Петровича.

Стѣны украшены рогами лосей, оленей и козъ, стариннымъ оружіемъ, охотничьими доспѣхами.

Рисунки извѣстнаго придворнаго художника Зичи заполняли простѣнки между высокими окнами. Въ одномъ изъ угловъ находилась деревянная „горка“. Въ другомъ углу возвышалось пышное зеленое дерево, убранное свѣчами, орѣшками, искусственнымъ снѣгомъ, золотой и серебряной канителью.

Состоящій при Императрицѣ, генералъ-адъютантъ князь Владимиръ Анатоліевичъ Барятинскій, въ сопровожденіи статсъ-дамы графини Гейденъ и молодыхъ сестеръ Голенищевыхъ-Кутузовыхъ, вышелъ навстрѣчу.

У дверей стояли два огромныхъ арапа, два гиганта атлетическаго сложенія, съ широкими скуластыми изсиня-черными лицами, на которыхъ, на подобіе двухъ кровавыхъ шаровъ, сверкали страшные африканскіе, спаленные зноемъ бѣлки, въ турецкихъ тюрбанахъ, въ затканныхъ золотомъ курткахъ, въ алыхъ шальварахъ и въ туфляхъ съ изогнутыми носами.

Время отъ времени, одинъ изъ нихъ осторожно пріоткрывалъ дверь и заглядывалъ въ щелку...

Послѣ пятиминутнаго ожиданія, дверь распахнулась и въ комнату вошла Императрица.

За нею слѣдовали Дѣти — Государь Наслѣдникъ, великій князь Михаилъ, великая княгиня Ксенія и великая княжна Ольга.

Съ привѣтливою улыбкой, протягивая каждому руку для поцѣлуя, Императрица обошла офицеровъ, послѣ чего присѣла за небольшой столикъ краснаго дерева, отдѣланный тонкою инкрустаціей, подавъ знакъ послѣдовать ея примѣру.

Ее окружили тотчасъ генералъ баронъ Раушъ, оба полковника, эскадронные командиры, старшіе офицеры и адъютантъ.

Другую группу, болѣе многочисленную, составила молодежь.

Императрица, одѣтая въ скромное темное платье, почти безъ всякаго слѣда украшеній, если не считать небольшого брильянтоваго кулончика на груди, произвела на меня еще болѣе моложавое впечатлѣніе, нежели въ день пріѣзда.

Кто бы, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ, что ей уже исполнилось пятьдесятъ лѣтъ?

На прелестномъ чистомъ лицѣ, украшенномъ улыбкой и темными ласковыми глазами, не было ни единой морщинки. Убранные въ характерную прическу, густую и плотную, спущенную нѣсколькими завитками на лобъ, волосы были совершенно темны. Казалось, ароматъ вѣчной юности еще сіялъ въ этихъ чудесныхъ, добрыхъ, затуманенныхъ легкой грустью глазахъ, еще не покидалъ этой тонкой, стройной, граціозно-воздушной фигурки.

Великая княгиня Ксенія чрезвычайно походила на мать, такая же хрупкая, тоненькая, съ такими же прелестными, но не темными, а сѣрыми выразительными глазами, тихая, скромная, застѣнчивая.

Великая княжна Ольга была, наоборотъ, довольно крупнаго роста, свѣжая, бѣленькая, румяная, какъ говорится, кровь съ молокомъ. И нравъ у нея, видимо, былъ совершенно иной, рѣзвый, подвижный, склонный къ шуткѣ, смѣху, веселой забавѣ. Въ ней, какъ бы воплощался типъ русской дѣвушки, обворожительно-милой, бойкой, простой, общеизвѣстный русскій національный типъ.

Великій князь Михаилъ очаровалъ меня съ перваго взгляда.

Если до сихъ поръ приходилось его наблюдать только мелькомъ, на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи, въ толпѣ придворныхъ и лицъ царскаго окруженія, сейчасъ я вижу его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, въ группѣ молодыхъ офицеровъ, одѣтаго въ тотъ же черный кирасирскій сюртукъ, съ золотымъ аксельбантомъ на правомъ плечѣ, съ свитскими вензелями на тѣхъ же золотыхъ кирасирскихъ погонахъ.

Великій князь Михаилъ произвелъ на меня впечатлѣніе рослаго, статнаго, красиваго юноши. Отъ его стройной фигуры вѣетъ жизненной силой, крѣпостью, бодростью, неистраченнымъ запасомъ здоровья. На безусомъ лицѣ сквозитъ яркій румянецъ и милая дѣтская, довѣрчивая, слегка восторженная улыбка.

Сейчасъ это нашъ августѣйшій однополчанинъ.

Онъ еще не освоился со своимъ положеніемъ, конфузится, робко вступаетъ въ бесѣду, съ дѣтскимъ любопытствомъ наблюдаетъ за господами офицерами и командиромъ полка.

Можно не сомнѣваться, что его полюбятъ тою же любовью, которой пользуется его Августѣйшая Мать...

———

Конвойцы въ синихъ черкескахъ перетащили елку на середину комнаты и зажгли. Пышное дерево, едва не касавшееся верхушкою потолка, расцвѣтилось яркими огоньками.

Изъ сосѣдней комнаты принесли серебряный подносъ, на которомъ лежали подарки.

Императрица стала вынимать различныя бездѣлушки — кожаные бумажники, украшенные иниціалами и царской короной, записныя книжки, портфели и, при содѣйствіи дочерей, раздавать господамъ офицерамъ.

Лакеи разносили чай, фрукты, бисквиты, закуски.

Послѣ раздачи подарковъ Государыня продолжала вести бесѣду съ командиромъ и старшими офицерами, образовавшими какъ бы свой особый, связанный давними интересами и воспоминаніями, интимный кружокъ.

Молодежь занялась великими княжнами и фрейлинами.

Играли въ пти-же — въ „почту", въ такъ называемый „рубль", который быстро передавался изъ рукъ въ руки, пока кто-нибудь не попадался и, при дружномъ смѣхѣ, не уплачивалъ фанта.

Наконецъ, окончательно развеселившись, господа офицеры, молодые поручики и корнеты, великія княжны, обѣ фрейлины и самъ Государь Наслѣдникъ, послѣдній, съ особеннымъ увлеченіемъ, стали на особыхъ шкуркахъ-салазкахъ кататься съ деревянной горы.

Было удивительно просто, весело, оживленно.

Казалось, что присутствуешь не въ царскомъ дворцѣ, не въ гостяхъ у державной русской Царицы и ея милыхъ дѣтей, а на елкѣ въ обыкновенномъ домѣ старыхъ добрыхъ знакомыхъ.

Рождественская ночь, сухая, морозная, висѣла надъ полковою слободкой, когда господа офицеры покинули гатчинскій замокъ.

Снѣгъ мягко хрустѣлъ подъ ногами. Въ черномъ небѣ катилась луна. Отъ нея сѣялся призрачный свѣтъ на дворецъ, на дорогу, на желтый камень казармъ.

А надъ офицерскимъ собраніемъ, подымаясь изъ невѣдомой дали, дрожалъ тихій глазъ вифлеемской звѣзды...

57.

ИРЕНЪ уѣхала на рождественскіе праздники и вернется только черезъ недѣлю.

Этотъ срокъ кажется мнѣ безконечнымъ. Мои мысли заняты ею, я думаю только о ней. И съ нѣжной улыбкой перебираю воспоминанія.

Уже поздно, за окномъ воетъ мятель, заметая снѣгомъ пустынный узенькій переулокъ... Не слышно ни звона бубенчиковъ, ни визга саней...

Все попряталось по домамъ, подъ теплыя крыши, за прочныя стѣны.

Я сажусь на диванъ. Иренъ присаживается къ роялю, играютъ свою любимую вещь — шубертовскую „Симфонію“.

Иренъ весьма музыкальна. Она обладаетъ блестящею техникой. Въ ея игрѣ много чувства, огня, благородства, совершеннаго мастерства.

Когда, въ увлеченіи, она готова, кажется, забыть все окружающее, я незамѣтно подхожу къ ней, становлюсь сзади и, запрокинувъ неожиданнымъ движеніемъ головку, впиваюсь въ уста.

И тогда наступаетъ болѣе или менѣе продолжительная, непредусмотрѣнная композиторомъ пауза.

Ея пылающія щеки начинаютъ блѣднѣть... Страсть туманитъ разсудокъ... Она закрываетъ глаза... Но губы ея, точно жадный цвѣтокъ, продолжаютъ открываться для поцѣлуевъ.

Ночь, тишина... Съ мягкимъ потрескиваньемъ гаснетъ каминъ... Подвернувъ голову подъ крыло, спитъ въ вольерѣ бѣленькій попугай.

Я сажаю Иренъ на колѣни, ласкаю, строю различные планы.

Она пріѣдетъ ко мнѣ, обязательно пріѣдетъ на мою полковую квартиру... Въ ея честь я устрою маленькій ужинъ... Я приглашу моихъ ближайшихъ друзей... Не такъ-ли?

Иренъ смѣется, киваетъ головкой.

Да, конечно!.. Ей хотѣлось бы познакомиться съ Гатчиной... Взглянуть хотя бы однимъ глазкомъ, какъ я устроился, какъ живу... Это доставило бы ей огромное удовольствіе!

Иренъ прижимается ко мнѣ, цѣлуетъ, обвиваетъ шею руками. Она уже слегка утомлена и готова уснуть. Тогда я переношу ее въ сосѣднюю комнату и бережно кладу на кровать.

Уже поздно, все спитъ. Только мы двое, два ненасытныхъ любовника, лежимъ въ объятьяхъ другъ друга.

Восхищенными взорами гляжу на молодую подругу, лежащую совсѣмъ обнаженною, съ зардѣвшимся отъ смущенія личикомъ, любуюсь классическимъ торсомъ античной богини, мраморной бѣлизной тѣла, выпуклостями небольшихъ крѣпкихъ грудей, золотымъ волнистымъ руномъ, разсыпаннымъ на подушкахъ.

И въ чувственномъ опьяненіи, покрываю ласками отъ головы до пятъ...

Иренъ уѣхала и вернется къ Новому Году.

Въ день нашей послѣдней встрѣчи, она была прелестна, какъ никогда. И никогда еще не дарила меня такой нѣжною лаской, такой страстною пылкостью.

Между прочимъ, въ этотъ день произошелъ эпизодъ, растревожившій ее не на шутку.

Дѣло было подъ вечеръ, когда совершивъ обычную прогулку въ са-

нях, мы подъѣхали къ модному ресторану. Я съ трудомъ склонилъ Иренъ на мои просьбы. Она долго отнѣкивалась и, наконецъ, согласилась.

Мы вошли и сѣли за отдѣльный столикъ подлѣ эстрады.

Въ залѣ было ярко и шумно. Гремѣли цымбалы, визжали яростно скрипки. Отъ пылающихъ люстръ, отъ зеркалъ, отъ бѣлыхъ столиковъ съ хрусталемъ и цвѣтами, дрожалъ и лился ослѣпительный свѣтъ. Пахло сигарами, остро-икорнымъ душкомъ, виннымъ букетомъ.

Среди военной и штатской публики было не мало знакомыхъ.

Я замѣтилъ неожиданно Фрэда, который, въ свою очередь, увидѣлъ меня, сдѣлалъ рукой привѣтственный знакъ и, оторвавшись отъ сидѣвшей компаніи, разлетѣлся къ нашему столику.

„Душа Общества" обмѣнялся со мной дружескимъ рукопожатіемъ — „здравствуй, моншеръ, какъ живешь, почему давно не заходишь?.. О, я вижу ты не одинъ!.. Разрѣшишь?" — произнесъ Фрэдъ и вскинулъ монокль.

Онъ подошелъ къ Иренъ, изогнулся въ свѣтскомъ поклонѣ, въ смущеніи пробормоталъ нѣсколько словъ и вскорѣ исчезъ.

Его поведеніе меня нѣсколько изумило.

— Кто это? — съ тревогой спросила Иренъ.

— Фрэдъ!.. Мой старый пріятель! — разсмѣялся я. — Баронъ Фрэдъ!.. „Душа Общества"!.. Арбитръ элегантіарумъ!

Иренъ на минуту задумалась.

— Мнѣ страшно! — прошептала Иренъ.

Я долго не могъ ее успокоить. Она ѣла безъ аппетита, разсѣянно слушала музыку, неохотно пила вино.

Я укорялъ себя за неудачную мысль поужинать въ ресторанѣ. И мы поспѣшили уйти.

— Мнѣ страшно! — повторила Иренъ, уже сидя со мною въ санях. Она прижималась ко мнѣ, заглядывала въ глаза и цѣловала меня безъ конца...

Въ окнахъ брезжитъ разсвѣтъ. По стѣнамъ ползутъ голубоватыя тѣни. Сумракъ разсѣивается съ каждой минутой. Городъ проснулся и уже доносятся отдаленные шумы.

Иренъ будитъ меня поцѣлуемъ.

Иренъ чрезвычайно застѣнчива. Она не выноситъ грубыхъ интимностей. Дневной свѣтъ заставляетъ ее свернуться, какъ листокъ стыдливой мимозы.

Я перехожу въ будуаръ, ложусь на диванъ и немедленно засыпаю. И сплю до тѣхъ поръ, пока глазъ зимняго солнца не начинаетъ золотить край занавѣски.

Иренъ ожидаетъ меня въ столовой, за самоваромъ.

Она одѣта въ дорожный костюмъ, свѣжа, точно умыта утреннею росой. Она, по обыкновенію, оживлена, находится въ прекрасномъ настроеніи. Въ глазахъ сверкаетъ улыбка и смѣхъ.

Но время отъ времени, разговоръ ея неожиданно умолкаетъ... Ея глаза пытливо останавливаются на мнѣ... И я читаю въ нихъ необъяснимую тревогу, волненіе.

Черезъ часъ она уѣзжаетъ.

Иренъ покидаетъ столицу безъ особаго удовольствія... О, съ какимъ наслажденіемъ она бы провела праздники вмѣстѣ со мной!.. Но, что дѣлать?.. Ѣхать необходимо... Нельзя огорчать стариковъ!

Я провожаю ее на Московскій вокзалъ, усаживаю въ купэ, горячо цѣлую маленькую душистую ручку.

— Не тоскуйте!.. До свиданья, мой принцъ!

Вагоны скользятъ вдоль платформы, ускоряя съ каждымъ мгновеньемъ свой бѣгъ... Смѣющееся личико прильнуло къ стеклу... Иренъ взмахиваетъ на прощанье перчаткой.

Черезъ минуту, послѣдній вагонъ скрывается въ серебряной дали.

— До свиданья, Иренъ!..

58.

Тетушка Марія Васильевна имѣла всѣ основанія выразить безпокойство по поводу моего продолжительнаго молчанія.

Я не только не былъ у нея въ теченіе послѣдняго мѣсяца, но даже не удосужился написать хотя бы нѣсколько строкъ.

— Георгій, что съ тобой приключилось? — съ легкимъ укоромъ, вмѣсто привѣтствія, встрѣтила меня тантъ Мари, когда, наконецъ, я посѣтилъ ее въ одинъ изъ праздничныхъ дней.

— Въ чемъ дѣло?.. Что за причина?—продолжала допытываться Марія Васильевна. — Совсѣмъ растревожилъ меня?

Тетушка пытливо посмотрѣла въ глаза, съ видимымъ удовлетвореніемъ окинула мое веселое, улыбающееся лицо и сказала:

— Все кажется въ авантажѣ!.. Хворости какой либо усмотрѣть не могу!.. А почему дорогу забылъ, не возьму въ толкъ, не придумаю?

Тантъ Мари взглянула вторично, хитро пошевелила бровями:

— Ужъ не фея-ли какая, не красотка-ли гатчинская приворожила къ себѣ?.. Ну, дружокъ, выкладывай-ка на чистоту?

Я разсмѣялся.

— Совершенно вѣрно, тетушка!.. Вы угадали!.. Настоящая фея!.. Только не гатчинская, а ваша же, петербургская!.. Милая, чудная дѣвушка... Однимъ словомъ, поздравьте!

— Ма фуа! — произнесла Марія Васильевна. — Вотъ какъ?.. Значитъ, въ самомъ дѣлѣ, сердечное увлеченіе?.. Признаться, я это подозрѣвала!

Тантъ Мари откинулась въ креслю, вздохнула и на нѣсколько минутъ погрузилась въ задумчивость...

Моя исповѣдь носила, разумѣется, не вполнѣ откровенный характеръ. При всемъ желанiи подѣлиться своимъ торжествомъ, кое-чему пришлось придать иной видъ, кое-что опустить.

Я передалъ тетушкѣ красивую сказку о встрѣчѣ и первомъ знакомствѣ, которыя, якобы, произошли на великосвѣтскомъ балу, въ зимней оранжереѣ, въ промежуткѣ между вальсомъ и котильономъ.

Яркими красками какъ бы переживая прошедшее, задыхаясь и перебивая себя отъ радостнаго волненiя, нарисовалъ образъ молодой дѣвушки.

Тантъ Мари съ интересомъ выслушала разсказъ и на лицѣ ея, энергичномъ плотномъ лицѣ, съ сѣдѣющими висками и бородавкой на лѣвой щекѣ, заиграло особое, знакомое мнѣ выраженiе.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло? — сказала Марiя Васильевна, послѣ того, какъ закончивъ разсказъ, я замолчалъ и приготовился, со своей стороны, выслушать мнѣнiе тетушки. — Цѣню твою откровенность, дружокъ!.. Ta franchise te fait honneur!

— Но серьезно-ли это? — спросила, черезъ минуту, Марiя Васильевна. — Взвѣсилъ-ли ты свои чувства?.. Въ твои годы естественно увлекаться!

Тантъ Мари продолжала:

— Въ этомъ отношенiи, я бы посовѣтывала тебѣ прежде всего быть осторожнымъ!.. Сохрани Богъ, можетъ быть, еще какая нибудь авантюристка?.. Много нынче такихъ!.. Увлечетъ, закружитъ голову, а тамъ, смотришь, и пропалъ молодецъ!

Марiя Васильевна взглянула вопросительно на меня.

— Что вы, тетушка! — произнесъ я слегка обиженнымъ тономъ.— Объ этомъ не можетъ быть рѣчи!.. Всѣ сомнѣнiя отпадаютъ!.. Какъ могли вы только подумать?.. Это вполнѣ приличная дѣвушка, изъ хорошей семьи, умница, образованная, музыкальная, занимается въ Консерваторiи!

— Ну, въ такомъ случаѣ, извини! — сказала Марiя Васильевна. — Беру слова обратно!.. А всетаки, будь остороженъ, дружокъ!.. Кто же такая?.. Откудова родомъ?

Я на мгновенье замялся и почувствовалъ, что краснѣю. Если до сихъ поръ изъ моихъ устъ вылетала сравнительно невинная, слегка прiукрашенная фабула, сейчасъ предстояло сказать опредѣленную ложь. Но категорическiй вопросъ требовалъ подобнаго же отвѣта.

— Лиговская! — тихо, въ смущенiи, произнесъ я.

— Лиговская? — изумленно переспросила Марiя Васильевна. —

Ма фуа, это изъ какихъ же, не изъ тверскихъ?.. Аркадія Петровича дочь, первоприсутствующаго въ Сенатѣ?

— Нѣтъ, тетушка! — отвѣтилъ я, впадая въ еще большее смущеніе, изумляясь, въ свою очередь, случайному совпаденію и пытаясь возможно скорѣй замять щекотливую тему.—Это не совсѣмъ такъ!.. Ея семья проживаетъ въ усадьбѣ!

— Ахъ, вотъ какъ! — протянула Марія Васильевна. — Ну, мы объ этомъ еще потолкуемъ! — добавила тетушка и, поднявшись съ кресла, направилась со мною въ столовую...

За ужиномъ бесѣда возобновилась.

Старая компаньонка, Шарлотта Ивановна, въ неизмѣнной наколкѣ, въ платьѣ изъ какихъ-то удивительныхъ черно-бѣлыхъ квадратовъ, придававшими ей видъ маскараднаго арлекина, съ давно вышедшими изъ моды буффами на рукавахъ, хлопотала у самовара.

Тантъ Мари пересѣла ко мнѣ.

По ея требованію, я описалъ еще разъ наружность Иренъ, передалъ ея внутреннія достоинства, ея чувства ко мнѣ, не вызывающія ни малѣйшихъ сомнѣній.

— Чудная!.. Необыкновенная дѣвушка! — воскликнулъ я, охваченный воспоминаніями, радуясь произведенному впечатлѣнію и тому обстоятельству, что моя исповѣдь начинаетъ встрѣчать дружескій откликъ.

Наступило продолжительное молчаніе.

— Ну, что-жъ, поздравляю тебя, дружокъ! — сказала Марія Васильевна, улыбнувшись и потрепавъ меня по щекѣ. — Желаю тебѣ полной удачи и счастья!... Хорошій человѣкъ по нынѣшнимъ временамъ кладъ!.. Иной разъ, днемъ съ огнемъ не сыскать!.. Умница, красивая, образованная!.. Притомъ, изъ семьи хорошей, замѣтной, дворянской!.. Будетъ тебѣ другомъ и вѣрнымъ помощникомъ!

Тантъ Мари на минуту задумалась.

— Хотя, признаться по совѣсти, молодъ ты еще, какъ погляжу!.. Эфемеръ, вѣтрогонъ, шалберникъ, прости Господи!.. На губахъ молоко не обсохло!.. Жизни настоящей еще не вкусилъ!.. А матери написалъ? — пошевелила тантъ Мари сѣдыми бровями.

— Нѣтъ, еще не писалъ!

— Какъ же такъ... Каковъ твой планъ въ будущемъ?.. Чай, сдѣлалъ уже пропозицію?

Я разсмѣялся.

— Нѣтъ, тетушка, до этого еще не дошло!.. А каковъ планъ — право не знаю!.. О будущемъ я не подумалъ!

— Вотъ то-то и есть! — вздохнула, какъ показалось мнѣ, съ облегченіемъ, Марія Васильевна. — Всѣ вы, пострѣлы, на одинъ ладъ!.. Увлечь, вскружить голову молодой дѣвушкѣ, это вы можете!.. Рады ста-

раться!.. Нѣтъ, мой другъ, ежели на такое дѣло идешь, надобно все разсчитать, взвѣсить, предусмотрѣть!.. Ничего дурного, разумѣется, не скажу!.. Однако, смотри, будь остороженъ!.. Оба вы молоды!.. Долго-ли до грѣха!

Я обѣщалъ тетушкѣ выполнить въ точности всѣ ея совѣты и предуказанія и, въ ближайшемъ будущемъ, познакомить съ Иренъ. Еле удерживая улыбку, обѣщалъ вести себя съ возможною осторожностью, чтобы не скомпрометировать дѣвушку неблагоразумнымъ поступкомъ.

Въ заключеніе, горячо поблагодаривъ за участіе, распрощался и вышелъ на улицу.

Черезъ полчаса, поѣздъ мчалъ меня по направленію къ Гатчинѣ...

Мысли мои невольно блуждали въ области бесѣды съ Маріей Васильевной.

Вполнѣ естественно, что посвятивъ тетушку въ исторію моего увлеченія, я былъ принужденъ скрыть отъ нея нѣкоторыя детали.

Воспитанная въ условіяхъ столичнаго свѣтскаго быта, проникнутая идеями старыхъ консервативныхъ традицій, Марія Васильевна едва-ли отнеслась бы съ одобреніемъ къ моей встрѣчѣ и знакомству съ Иренъ въ ея дѣйствительной обстановкѣ.

Моя близость къ Иренъ повергла бы тантъ Мари въ неописуемый ужасъ.

Волей-неволей пришлось кое-что опустить.

Одновременно передо мною возникъ вопросъ, какъ-то проходившій до сихъ поръ мимо сознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, не налагаетъ-ли на меня связь съ молодой дѣвушкой извѣстныя обязательства?.. Я убѣжденъ, что мое предложеніе не встрѣтитъ ни малѣйшихъ препятствій... Больше того, будетъ принято съ трогательной признательностью.

Наконецъ, не наступило-ли время снять маску и раскрыть таинственное инкогнито?

Я не возражаю, что эта загадочность придаетъ отношеніямъ оттѣнокъ романтики... Это красиво, изящно, предоставляетъ фантазіи безграничный просторъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ, создаетъ извѣстныя неудобства.

Эта маска будетъ мною снята при ближайшемъ свиданіи!..

59.

Къ подъѣзду Зимняго дворца, визжа колесами по рыхлому снѣгу, подъѣзжали кареты.

Закутанныя въ шубки и капоры, граціозно выпархивали дѣвичьи фигурки, вылѣзали кряхтя сановитые старики, въ тяжелыхъ мѣховыхъ шубахъ, въ отороченныхъ перьями треуголкахъ, вылѣзали старухи въ собольихъ и куньихъ салопахъ, придворныя дамы и кавалеры, и всѣ „знат-

ные обоего пола особы, имѣющіе пріѣздъ ко Двору, а также гвардіи, арміи и флота генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, и господа чужестранные министры“.

— Пади, пади! — ревѣли бородатые кучера, въ широкихъ синихъ кафтанахъ. Скрипѣли полозья, визжали колеса. Обдавая прохожихъ горячимъ дыханьемъ, фыркали кровные рысаки.

Изъ щегольскихъ одиночекъ, въ длинныхъ николаевскихъ шинеляхъ, съ бобровыми лацканами, въ сверкающихъ каскахъ съ серебряными и золотыми орлами, выскакивали кавалергарды и конногвардейцы.

Подъѣзжали моряки гвардейскаго экипажа, флотскіе офицеры, преображенцы, семеновцы, егеря, представители всѣхъ частей столичнаго гарнизона.

Въ бѣлыхъ, расшитыхъ золотыми шнурами, опушенныхъ мѣхомъ ментикахъ, бряцая саблями, подымались по широкой лѣстницѣ лейбъ-гусарскіе офицеры.

Анфилада ярко освѣщенныхъ покоевъ вела въ Эрмитажную залу...

———

Высочайшій выходъ закончился.

Внезапно смолкъ гулъ голосовъ.

Оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Гендриковъ, еще не старый, сухощавый, вполнѣ сохранившійся человѣкъ, съ тонкимъ красивымъ лицомъ, одѣтый въ придворный камзолъ, въ короткихъ атласныхъ штанахъ, съ чулками бѣлаго шелка, трижды ударилъ жезломъ по паркету.

И тотчасъ взмахнула палочка дирижера, какъ по командѣ поднялись смычки музыкантовъ придворной капеллы, свистнули флейты, заронотали фаготы и віолончели, мелкой дробью разсыпался маленькій барабанъ — и подъ звуки полонеза изъ „Жизни за Царя“, въ морѣ огня, въ блескѣ звѣздъ, золота и придворныхъ мундировъ, Императоръ подъ руку съ молодою Императрицею открыли балъ.

Медленной и спокойной, какъ бы обычной походкой, едва присѣдая въ тактъ танцу, обернувшись съ улыбкой другъ къ другу, императорская чета шла въ головѣ торжественнаго кортежа.

За нею, такъ же попарно, въ зависимости отъ родственной близости къ Государю, двигались великіе князья княгини, молодыя княжны.

Потомъ, слѣдовали, по рангу, особы высшихъ двухъ классовъ, послы и посланники, сановники и министры, придворные кавалеры, статсъ-дамы и фрейлины, генералы, офицеры гвардейскихъ полковъ.

Со стороны было хорошо наблюдать это величавое шествіе, растянувшееся изъ конца въ конецъ по всему огромному залу, залитому огненнымъ сіяніемъ люстръ.

Яркимъ, пестрымъ, слѣпящимъ калейдоскопомъ скользили по навощенному паркету фигуры кавалеровъ и дамъ, старыхъ и молодыхъ, въ

бѣлыхъ бальныхъ костюмахъ, въ военныхъ и придворныхъ мундирахъ, въ блескѣ звѣздъ, лентъ, орденскихъ знаковъ.

Однѣ пары двигались съ тѣмъ же размѣреннымъ и спокойнымъ достоинствомъ, какимъ шла императорская чета, едва склонивъ голову, дѣлая нужное „па" почти незамѣтнымъ. Другія танцовали съ преувеличенною манерностью, выбрасывая широко руки и ноги, поворачиваясь всѣмъ тѣломъ другъ къ другу. Забавно шаркали дряхлые старики, боясь потерять точку опоры и оступиться.

И чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ фигуры кортежа казались веселѣе и оживленнѣе, тѣмъ бойче казался торжественный полонезъ, ниже присѣдали танцующіе, звонче звякали шпоры, откровеннѣе были улыбки и даже слышался заглушенный смѣхъ...

Обойдя кругъ, Императоръ подвелъ молодую супругу къ ступенямъ небольшого, убраннаго алымъ бархатомъ возвышенія, на которомъ, на подобіе трона, стояло глубокое золоченое кресло.

Слегка взволнованная, слегка разгоряченная физическимъ напряженіемъ, съ яркими пунцовыми пятнами на щекахъ, Императрица сѣла въ кресло, окруженная придворными дамами и кавалерами, милостиво кивая головой собесѣдникамъ, протягивая руку для поцѣлуя.

Императрица была величественна, стройна и красива подлинной царскою красотой, но не пользовалась симпатіями.

Ее находили гордой, холодной и замкнутой. Отчасти это лежало въ ея натурѣ, а съ другой стороны, бывшая скромная гессенская принцесса еще какъ бы не освоилась со своимъ положеніемъ, и многое въ ея поведеніи должно объяснить застѣнчивостью и болѣзненнымъ самолюбіемъ.

Императоръ обходилъ гостей, задерживался передъ извѣстными ему лицами, министрами, генералами, посланниками иностранныхъ державъ, тихимъ голосомъ обращался къ каждому съ привѣтливыми словами.

Потомъ, стоя неподалеку отъ Императрицы, въ свою очередь, глядѣлъ съ улыбкою на танцующихъ и, время отъ времени, привычнымъ движеніемъ покручивалъ усъ.

Блѣдный и худощавый, съ небольшой русой бородкой, одѣтый въ преображенскій мундиръ, съ голубой андреевской лентой черезъ плечо, Царь производилъ сравнительно скромное впечатлѣніе . . .

Полонезъ смѣнился вальсомъ. Вѣнскій вальсъ при Дворѣ былъ запрещенъ, считался рискованнымъ, не совсѣмъ приличнымъ, и танцовали „а труа танъ".

Главное участіе принимали великія княжны, фрейлины и цѣлый букетъ молодыхъ барышенъ высшаго столичнаго общества, въ легкихъ бальныхъ костюмахъ, съ открытымъ корсажемъ, оголявшимъ шею, плечи и верхнюю часть груди, въ длинныхъ бальныхъ перчаткахъ и бѣленькихъ туфелькахъ.

Особъ императорской крови можно было узнать по голубымъ андреевскимъ лентамъ, а великихъ княгинь и княженъ по алымъ екатерининскимъ и небольшимъ алмазнымъ коронкамъ на головахъ.

Впрочемъ, кто ихъ не зналъ, начиная отъ старѣйшаго члена царской Семьи, маститаго генералъ-фельдцейхмейстера, великаго князя Михаила Николаевича, кончая юной красавицей, великой княжною Еленой Владимировной, во всей прелести своихъ семнадцати лѣтъ?

Она считалась самой красивой русской принцессой.

Темная шатенка, средняго роста, съ огромными бархатными глазами „поволокою", съ мягкими, медленными, женственными движенiями, молодая княжна была, въ самомъ дѣлѣ, очаровательна, и сидѣвшiя рядомъ съ нею, нѣсколько анемичныхъ иностранныхъ принцессъ, совершенно терялись.

Не было никакого сомнѣнiя, что на этой выставкѣ женской грацiи, изящества, знатности, красоты, на этой лотереѣ невѣстъ, среди „ „demoiselles d'honneur à la Cour" и барышенъ высшаго столичнаго круга, она была главнымъ, цѣннѣйшимъ призомъ.

Великiя княжны и княгини сами избирали себѣ кавалеровъ.

Лейбъ-уланъ Масловъ, неизмѣнный дирижеръ на придворныхъ балахъ, ловкiй и стройный, съ черными, вытянутыми въ струнку усами, въ синемъ уланскомъ мундирѣ, съ золотыми чашками эполетъ и лихо болтающимся за спиной этишкетнымъ шнуромъ, скользилъ по паркету, выкрикивалъ французскiя фразы, передавалъ счастливымъ избранникамъ приглашенiя.

Изъ великихъ князей танцовали немногiе — Государь Наслѣдникъ, великiй князь Михаилъ, великiе князья Георгiй и Сергiй Михайловичи и три брата Владимировича — великiе князья Кириллъ, Борисъ и Андрей.

Наибольшимъ искусствомъ отличался Борисъ. Въ гусарскомъ мундирѣ, въ парадныхъ чакчирахъ съ золочеными „пѣтухами", туго обтягивавшихъ его плотныя ляжки и задъ, онъ подлеталъ къ хорошенькимъ фрейлинамъ и вертѣлъ ихъ въ вальсѣ особой манерой, въ лѣвую сторону.

Въ глазахъ мелькалъ калейдоскопъ красокъ, звуковъ, движенiй. Гулъ голосовъ и звонъ шпоръ мѣшался съ визгомъ скрипокъ, пѣньемъ флейтъ, гобоевъ, вiолончелей. Становилось жарко и душно...

Въ теченiе нѣкотораго времени я не принималъ участiя въ танцахъ.

Я предпочиталъ наблюдать зрѣлища бала, слѣдить за царской четой, великими князьями и высшими генералами, любоваться на цвѣтникъ изящныхъ, красивыхъ, молодыхъ женщинъ.

Время отъ времени, протискиваясь въ толпѣ, встрѣчался и обмѣнивался привѣтствiями съ друзьями, офицерами гвардейскихъ полковъ, уланами, лейбъ-драгунами, конными гренадерами.

Со всѣхъ сторонъ меня окликали:

— Здравствуй, Черкесовъ!

— Здорово, капралъ!

— Съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Какъ живешь, что хорошенькаго?

— Говорятъ, влюбленъ? .. Потерялъ голову?

Я улыбался, пожималъ на ходу руки и продолжалъ протискиваться въ густой стѣнѣ кавалеровъ и дамъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стоитъ генералъ-инспекторъ конницы, великій князь Николай.

Онъ стоитъ, окруженный близкими генералами, сухой, стройный гигантъ, со своимъ характернымъ мефистофельскимъ профилемъ, со строгимъ надменнымъ лицомъ, съ небольшой рыжеватой бородкой. Одѣтый въ яркій лейбъ-гусарскій мундиръ, богатый, эффектный, онъ является одною изъ наиболѣе колоритныхъ фигуръ.

Неподалеку, представляя рѣзкій контрастъ, видѣнъ военный министръ Куропаткинъ, приземистый, коренастый. съ лукавыми глазками и обликомъ смѣтливаго псковского или новгородскаго мужичка, въ широкихъ со сборками, на подобіе народнаго кафтана, генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, съ бѣлымъ шейнымъ крестомъ и цѣлымъ иконостасомъ другихъ орденовъ.

Тутъ же находились и другіе сановники — престарѣлый статсъ-секретарь графъ Сольскій, оберъ-прокуроръ Синода Побѣдоносцевъ, въ очкахъ, съ умнымъ бритымъ лицомъ, нѣсколько членовъ Совѣта — Сабуровъ, Половцовъ, Балашовъ, нѣсколько министровъ — Горемыкинъ, князь Хилковъ, Боголѣповъ, генералъ-адъютанты Рылѣевъ, Ванновскій, Драгоміровъ, Чертковъ, князь Святополкъ-Мирскій, кавказскій намѣстникъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Обращалъ вниманіе министръ финансовъ, Сергѣй Юльевичъ Витте, огромный, нескладный, въ придворномъ мундирѣ, съ потускнѣвшими позументами и шитьемъ, съ сѣдѣющей рыжей, взлохмаченной гривой волосъ, въ небрежной позѣ бесѣдовавшій съ однимъ изъ великихъ князей.

Въ группѣ генераловъ гвардейскихъ частей бросалось въ глаза тучное тѣло графа Игнатьева, со стеклянными, выпученными глазами, стройныя формы двухъ изящныхъ уланъ — генераловъ Струкова и Скалона, крупная, величественная фигура сѣдоусаго красавца въ кирасирскомъ мундирѣ, нашего бывшаго командира, генерала Костантина Устиновича Арапова, и многихъ другихъ. . .

———

Но вотъ, выдѣляясь яркимъ бѣлымъ пятномъ, плавно скользя по паркету и вращая бѣлокурую барышню съ фрейлинскимъ шифромъ, ко мнѣ уже приближался Эдя фонъ Шведеръ.

Поравнявшись со мной, Эдя весело мнѣ подмигнулъ, а Сузи Бахметева кинула съ лукавой улыбкой:

— Черкесовъ, вы не танцуете? . . Vous nous menagez le plaisir de l'attente?

Я почтительно наклонилъ голову, быстро отстегнулъ палашъ и передалъ его вмѣстѣ съ каской Эдѣ фонъ Шведеру, принялъ Сузи въ объятья и закружился съ нею по залу.

— Черкесовъ, поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ! . . . Что пожелать? — щебетала, смѣясь, Сузи Бахметева, лавируя со мной среди танцующихъ паръ.

Я улыбнулся.

— О, въ этомъ отношенiи хотѣлось бы многаго!

— Счастья, успѣховъ, сто тысячъ на мелкiе расходы!

— Мерси! . . Ваша щедрость удовлетворяетъ меня вполнѣ!

Сузи звонко расхохоталась.

— Боже, какъ жарко! — продолжала щебетать Сузи, то кокетливо щуря, то широко раскрывая глаза, обмѣниваясь со мною взаимными пожеланiями, шутками, намеками, маленькими любезностями. — Какъ находите вы сегодняшнiй балъ? . . Splendide! . . . C'est un conte miraculeux!

— En effet, c'est un conte! . . . Я восхищонъ! . . I'ai le gout de toutes les élégances! . . . Et je le prouve en vous admirant!

— Ха-ха,ха! . . . A propos, будете въ субботу у Басаргиныхъ? . . Предполагается балъ-маскэ, лотерея-аллегри, премировка костюмовъ! . . Прiѣзжайте! . . Это будетъ чудесно!

Описавъ кругъ, я передалъ Сузи новому кавалеру. Вслѣдъ за тѣмъ, розыскалъ еще нѣсколькихъ барышенъ — княжну Мику Путятину, хорошенькую Вареньку Шнейдеръ и, въ свою очередь, сдѣлалъ съ ними по туру.

Вальсъ смѣнился мазуркой и котильономъ.

Визжали скрипки, рокотали валторны, ревѣли вiолончели. Ярко пылали хрустальныя люстры. Мелькали раскраснѣвшiяся личики молодыхъ фрейлинъ и великихъ княженъ.

Отъ неожиданнаго толчка, едва не сбитый съ ногъ налетѣвшею парой, я невольно подался впередъ и съ силой ткнулъ золотымъ орломъ каски стоявшаго передо мной генерала, въ аломъ бальномъ конногвардейскомъ мундирѣ.

Генералъ обернулся и, въ то же мгновенье, передо мной выросло блѣдное, чопорное, искаженное гнѣвомъ лицо министра Двора ,барона Владимира Борисовича Фредерикса.

Моноклъ выпалъ изъ его глаза и змѣиный шопотъ, съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ, раздался надъ моимъ ухомъ:

— Mon lieutenant, предлагаю быть деликатнѣе!

Я пробормоталъ извиненiе и поспѣшилъ скрыться въ толпѣ. . .

Окруженный гвардейскимъ штабомъ, стоялъ старый главнокомандующiй, великiй князь Владимиръ.

Громкимъ, раскатистымъ голосомъ, точно командуя на парадѣ, не стѣсняясь присутствіемъ дѣвушекъ и молодыхъ дамъ, онъ струилъ тяжеловѣсную рѣчь и отпускалъ шутки, заставлявшія приближенныхъ покатываться отъ хохота.

Крупный, плечистый, въ черномъ морскомъ мундирѣ, бродилъ со скучающимъ видомъ августѣйшій генералъ-адмиралъ, великій князь Алексѣй.

А въ одномъ изъ креселъ виднѣлась фигура маститаго генералъ-фельдцейхмейстера, съ черно-желтой орденской лентой святого Георгія черезъ плечо, великаго князя Михаила Николаевича, единственнаго оставшагося въ живыхъ внука императора Павла Петровича.

Тщетно пытался я розыскать двухъ другихъ русскихъ фельдмаршаловъ, генералъ-адъютантовъ Гурко и графа Милютина. Оба они, по ветхости лѣтъ, уже не появлялись въ столицѣ, кончая свои дни на покоѣ, одинъ въ тверскомъ имѣніи, другой въ крымской усадьбѣ. . .

Вскорѣ я подошелъ къ группѣ однополчанъ.

Здѣсь находились генералъ баронъ Раушъ, полковникъ Эсперъ Александровичъ, полковой адъютантъ, поручикъ Араповъ, Даниловъ, графъ Сюзоръ, Куликовскій, Миша Свѣчинъ.

Молодые офицеры назначаются на императорскій балъ по полковому наряду, преимущественно изъ числа танцующихъ кавалеровъ.

Но изъ всѣхъ насъ отличался, главнымъ образомъ, только Эдя фонъ Шведеръ.

Онъ не пропускалъ ни одного танца.

Его бѣлый мундиръ, съ высокимъ кованымъ воротникомъ, подпиравшимъ длинную шею, съ густыми синими обшлагами и золотыми „ватрушками" на плечахъ, мелькалъ по всѣмъ направленіямъ.

Длинныя тонкія ноги въ рейтузахъ на-выпускъ, въ лаковыхъ ботинкахъ съ бальными шпорами, описывали настоящіе балетные вензеля, а подвижное, живое лицо, съ черными усиками и оскаломъ крупныхъ лошадиныхъ зубовъ, склонялось надъ дамой въ какой-то плотоядной улыбкѣ.

Онъ подскочилъ ко мнѣ и, утирая платкомъ вспотѣвшій отъ напряженія лобъ, крикнулъ въ радостномъ возбужденіи:

— Черкесовъ, поздравь! . . Ты знаешь съ кѣмъ я танцую? . . Avec Belle Hélène! . . . Масловъ обѣщалъ мнѣ устроить! . . Моншеръ, я счастливъ, какъ маленькій богъ!

Эдя сдѣлалъ ручкой и тотчасъ исчезъ. . .

60.

БЛЕСКЪ придворнаго бала, присутствіе царской четы и первыхъ сановниковъ государства, олицетворявшихъ собой славу и гордость имперіи, производили неизгладимое впечатлѣніе.

Вся россійская знать, всѣ вельможи высшаго ранга, носители громчайшихъ фамилій, прямые потомки именитыхъ московскихъ бояръ и дѣятелей петровской, екатерининской, павловской эпохи — Нарышкины, Дашковы, Татищевы, Лопухины, князья Долгорукіе и Голицыны, графы Шереметевы, Строгановы, Шуваловы, Мусины-Пушкины, обладатели несмѣтныхъ богатствъ, историческихъ титуловъ, званій и положеній, полученныхъ одними по праву наслѣдованія, другими за военныя и гражданскія доблести, третьими въ порядкѣ альковыхъ удачъ, вся родовая и служилая аристократія, статсъ-секретари, министры и члены Совѣта, кавалерственныя дамы и фрейлины, егермейстеры и шталмейстеры, сенаторы, заслуженные генералы, князья Волконскіе, Салтыковы, Бутурлины, Кутузовы, Витгенштейны и Паскевичи-Эриванскіе, графы Апраксины, Бобринскіе, Гудовичи, Орловы и Палены, Зубовы и Кутайсовы — проходили передо мною въ этомъ феерическомъ карнавалѣ.

Въ плавныхъ движеніяхъ вальса, въ стремительномъ вихрѣ мазурки, въ фигурахъ замысловатаго котильона, кружились, мелькали по всѣмъ направленіямъ веселыя, яркія, оживленныя пары.

Звучалъ женскій смѣхъ, звенѣли шпоры, струилась тонкая французская рѣчь. Гулъ человѣческихъ голосовъ наполнялъ анфиладу покоевъ и бальную залу. Стройнымъ движеніемъ подымались смычки музыкантовъ придворной капеллы, визжали скрипки, свистѣли флейты, рокотали валторны, фаготы, віолончели. . .

———

Я испытывалъ и переживалъ двойственность чувствъ, ежеминутно взглядывалъ на часы и, по мѣрѣ приближенія стрѣлки къ полуночи, сталъ ощущать нѣкотрое волненіе.

Отъ блеска пышныхъ чертоговъ сознаніе уносило меня въ болѣе скромную обстановку. Отъ этого подавляющаго великолѣпія, отъ золота, воздушныхъ тканей, шелковъ, мундировъ, звѣздъ и орденскихъ лентъ, отъ яркаго аксамита, собольихъ палантиновъ, накидокъ, сорти-де-балъ, отъ сверканья алмазныхъ коронъ, изумрудовъ, брильянтовъ и перловъ, мысль переносила меня на противоположный берегъ рѣки, въ тихій, занесенный снѣговыми сугробами переулокъ.

Какъ ни роскошенъ былъ императорскій балъ, какъ ни ослѣпительно по блеску именъ, по составу и положенію было это великосвѣтское общество, высшая тысяча русской знати и столичной аристократіи, тянувшаяся живою хронологической цѣпью изъ глубины вѣковъ, будившая историческія воспоминанія о минувшихъ, давно отзвучавшихъ и потонувшихъ въ рѣкѣ забвенія временахъ, сознаніе воспринимало все это лишь одной стороной, не останавливаясь и не задерживаясь, скользя, какъ скользили по сверкающему паркету вельсировавшія пары.

Уже близилась полночь, когда гости сѣли за ужинъ.

Въ центрѣ, за круглымъ столомъ, сидѣлъ Императоръ съ Императрицей и членами царскаго Дома.

Гремѣла попрежнему музыка, въ изобиліи лилось вино, беззвучно шныряли лакеи, придворные скороходы, арапы въ бѣлыхъ чалмахъ.

Когда пробило двѣнадцать часовъ, Императоръ поднялся съ мѣста и поздравилъ гостей съ Новымъ Годомъ.

Прозвучалъ гимнъ и снова зазвенѣли бокалы.

Потомъ, предшествуемая оберъ-церемоніймейстеромъ, императорская чета, милостиво отвѣчая на поклоны, прослѣдовала во внутренніе покои.

Начинался разъѣздъ.

По Набережной мчались одинъ за другимъ рысаки.

Гулко звучали куранты Петропавловской крѣпости. Занимался блѣдный зимній петербургскій разсвѣтъ...

Сѣвъ на перваго же попавшагося мнѣ лихача, я закутался плотнѣе въ шинель и поднялъ мѣховой воротникъ.

— Тучковъ переулокъ!

Кучеръ тряхнулъ головой. Вороной жеребецъ подхватилъ и помчалъ меня на Васильевскій Островъ.

Въ небѣ гасли послѣднія звѣзды. Ярче разгоралась янтарная полоска зари. Окованная гранитомъ, неподвижно лежала рѣка и дремала подъ бѣлымъ покровомъ.

„Вновь оснѣженныя колонны,
Елагинъ мостъ и два огня,
И трепетъ женщины влюбленной,
И хрустъ песка, и храпъ коня...“

вспомнилось мнѣ стихотвореніе молодого поэта.

Въ сознаніи еще продолжаютъ стоять картины царскаго бала, блескъ золота и огней, парадныхъ мундировъ, атласныхъ тканей, кружевъ, шелковъ, звуки стариннаго вальса, оголенныя плечи, острый запахъ духовъ и женскаго тѣла.

И одновременно, съ острою яркостью, представился бѣленькій особнякъ, будуаръ съ пылающимъ каминомъ и попугаемъ въ вольерѣ, весь несравненный уютъ обстановки, убранной съ тонкимъ артистическимъ вкусомъ.

Мнѣ представился тотчасъ образъ Иренъ, освѣщенный невыразимой улыбкой.

Иренъ ожидаетъ меня, томится, находится вѣроятно въ недоумѣніи!

А, можетъ быть, не дождавшись, уже живетъ въ царствѣ грезъ и и фантастическихъ сновидѣній?..

На востокѣ разгоралась заря, а висѣвшее надъ головой тяжелое сѣрое небо, съ клочками пепельныхъ тучъ, съ каждой минутой становилось темнѣе.

И неожиданно пошелъ снѣгъ.

Онъ кружился въ воздухѣ, точно огромныя бѣлыя птицы, крупными хлопьями падалъ на парапетъ Набережной, заметалъ подъѣзды домовъ. Отъ снѣга рябило въ глазахъ. Онъ щекоталъ щеки и носъ, ложился на рѣсницы, покрылъ бѣлой шубой кафтанъ лихача...

Лихачъ свернулъ въ переулокъ, тихій и мирный, покоящійся въ снѣговомъ снѣ, еще не такъ давно совершенно невѣдомый, незнакомый, ставшій сейчасъ такимъ близкимъ, роднымъ, милый Тучковъ переулокъ!

Иренъ ожидаетъ меня.

Сегодня она вернулась въ столицу, какъ это было между нами условлено... Я рисовалъ себѣ картины самыя волнующія, вызывающія, зовущія... Я задыхался отъ желанія поскорѣе увидѣть Иренъ, заключить ее въ пылающія объятья, грубо, жадно, нетерпѣливо, подъ натискомъ безудержной страсти...

Ликующій трепетъ разлился по жиламъ.

Лихачъ остановилъ коня передъ бѣлымъ особнякомъ.

Въ окнахъ было темно... Не было ни огня, ни знакомыхъ кружевныхъ занавѣсокъ... Безглазыя окна были черны, какъ могила...

Снѣгъ шелъ все сильнѣе и сильнѣе.

Онъ плясалъ сейчасъ въ неистовомъ хороводѣ и, казалось, покрывалъ саваномъ переулокъ.

Дулъ сѣверный вѣтеръ.

Съ помутнѣвшаго неба продолжали кружиться и падать бѣлые пушистые хлопья...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

„Изъ купленныхъ нами у графовъ Орловыхъ деревень, состоящихъ въ вѣдомствѣ нашего флигель-адъютанта Буксгевдена, повелѣваемъ отдать во владѣніе нашему любезному сыну наслѣднику цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу мызу Гатчину, съ тамошнимъ домомъ, со всѣми находящимися тамъ мебелями, мраморными вазами, оружейною, оранжереями и матеріалами, и съ двадцатью принадлежащими къ оной мызѣ деревнями, мызу Новую Скворицкую и мызу Старую Скворицкую, съ приписанными къ нимъ пустошами и землями".

Таковъ указъ кабинету отъ 1783 года, данный императрицей Екатериной, въ день подписанія манифеста о рожденіи великой княжны Александры Павловны.

Трудно сказать, что побудило императрицу къ столь щедрому дару нелюбимому сыну?

Появленіе на свѣтъ первой внучки, во всякомъ случаѣ, не играло здѣсь никакой роли. Рожденіе это даже не особенно обрадовало государыню, ожидавшую третьяго внука и признававшуюся, съ полною откровенностью, въ томъ, что „несравненно болѣе любитъ мальчиковъ, нежели дѣвочекъ".

Съ другой стороны, отношенія между императрицей и великокняжеской четой, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, испортились еще болѣе, отчасти по причинѣ сдѣланныхъ ими заграницей долговъ.

Вѣроятнѣе всего, Екатерина руководствовалась своимъ неизмѣннымъ стремленіемъ отдалить престолонаслѣдника отъ столицы.

Какъ бы то ни было, цесаревичъ и его молодая супруга остались чрезвычайно довольны неожиданнымъ даромъ. Въ письмахъ къ Екатеринѣ они много разъ выражаютъ свою благодарность и восхищеніе красотой и удобствами новой усадьбы.

А своему другу, митрополиту Платону, цесаревичъ по этому поводу пишетъ:

„Мѣсто само собой весьма пріятно, а милость сама по себѣ дорога!"...

Въ 1783 году великокняжеская чета переѣхала въ Гатчину.

Ни гатчинскія „машкарады" князя Меньшикова, ни грандіозное строительство графа Орлова, съ любовнымъ попеченіемъ Екатерины о „замкѣ" и садахъ всесильнаго фаворита, ничто не наложило на гатчин-

скую мызу такой печати жизни, творчества, красоты, какою запечатлѣлъ свое созданіе великій князь Павелъ Петровичъ.

И получивъ во владѣніе „огромно зданіе изъ камня именита", съ налетомъ дивной бутафоріи елисаветинскаго вѣка, онъ воплотился въ немъ, вселилъ свой духъ, сдѣлалъ въ полномъ смыслѣ слова своимъ.

Павелъ Петровичъ проводитъ здѣсь самые уединенные годы своей жизни, предаваясь тягостнымъ размышленіямъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, ожидая съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ минуты восшествія на престолъ, опасаясь, не безъ основанія, чтобы власть не выскользнула изъ рукъ.

Это состояніе духа наслѣдника цесаревича или, по его собственному выраженію, „упражненіе въ терпѣніи", заключавшееся въ проявленіяхъ систематичнаго, а иной разъ самаго необузданнаго нетерпѣнія, въ связи съ умиротворяющимъ вліяніемъ великой княгини Маріи Феодоровны, не могли не наложить отпечатокъ на жизнь во дворцѣ, не только во внѣшнихъ ея проявленіяхъ, но и во внутреннемъ бытѣ...

Въ этомъ отношеніи, гатчинская жизнь можетъ быть раздѣлена на три, довольно рѣзко разграниченныхъ періода, болѣе или менѣе одинаковой продолжительности.

Первый періодъ представляетъ собой перенесеніе въ Гатчину тихой и мирной павловской обстановки, съ идиллическими картинами еще не омраченнаго семейнаго благополучія.

Новые „гатчинскіе помѣщики" занимаются устройствомъ своей усадьбы, украшеніемъ жилища, а также заботами о нуждахъ и благосостояніи города и окрестныхъ гатчинскихъ деревень.

Это періодъ уединенной, чрезвычайно замкнутой жизни, въ тѣсномъ кругу немногочисленныхъ друзей, и подготовительной работы къ созданію собственной „гатчинской арміи".

Это — періодъ „терпѣнія".

Второй періодъ начинается съ разлада въ семейной жизни, глухой борьбы съ большимъ Дворомъ и съ собственнымъ кружкомъ друзей и придворныхъ, періодъ гатчинской военщины и появленія въ домашней обстановкѣ тѣхъ „остроготовъ", которые внесутъ впослѣдствіе смятеніе и ужасъ въ толпу придворныхъ Зимняго дворца, въ которомъ тихо угасала жизнь старой императрицы.

Это — періодъ „гатчинскаго террора".

Наконецъ, послѣдніе пять лѣтъ — періодъ пышнаго расцвѣта „императорской" Гатчины, подъ знакомъ Мальтійскаго ордена.

Это — періодъ послѣдней „гатчинской машкарады"...

2.

ПЕРЕѢХАВЪ въ Гатчину, великокняжеская чета сразу пристрастилась къ своей новой усадьбѣ.

Не упоминая уже о красотѣ дворца и дворцовыхъ садовъ, восхищав-

шихъ всѣхъ современниковъ, цесаревичъ со своею супругой прежде всего почувствовали себя полными хозяевами положенія.

Цесаревичъ могъ свободно предаваться своимъ любимымъ военнымъ занятіямъ, посѣщать ежедневные разводы и караулы, присутствовать на маневрахъ и на парадахъ, заниматься любезнымъ своему сердцу строительствомъ, устраивать домашнія развлеченія.

Живую картину гатчинской жизни рисуетъ князь Иванъ Долгорукій:

„Наслѣдникъ престола препровождалъ лѣто въ двухъ своихъ увеселительныхъ замкахъ, въ Павловскомъ, близъ Царскаго Села, и въ Гатчинѣ, занимаясь по склонности врожденной къ воинской службѣ вахтпарадами, училъ каждое утро при разводѣ или батальонъ морской пѣхоты или Лейбъ-Кирасирскій полкъ, а съ утренней зарей иногда забавлялся полковыми строями.

Утро все въ жертву приносилось Марсу и Беллонѣ, и всего тягостнѣй для меня были утренніе строи. Я любилъ высыпаться, а для нихъ надобно было выѣзжать въ четыре часа, да и верхомъ.

Въ угодность великому князю я долженъ былъ притворяться и противъ воли садиться на буцефала, ѣздить за нимъ по шеренгамъ и, измучась во все утро, быть на цѣльный день ни къ чему не способнымъ“.

И еще пишетъ князь:

„Прочее время наслѣдникъ престола томился въ скукѣ, не имѣя кромѣ чтенія никакихъ занятій, вечера же убивалъ шашками. Объѣздивши всю Европу въ послѣднемъ своемъ путешествіи, онъ привезъ съ собой вкусъ къ изящнымъ художествамъ и искусствамъ.

Отъ природы же весьма уменъ и ученъ основательно, память имѣя превосходную, но какъ и я, грѣшный, зѣло безобразенъ лицомъ и, какъ я же, любилъ около женщинъ дѣлаться рыцаремъ.

За нимъ принцесса Виртембергская, о которой только скажу, что она къ мужу своему очень привязана и Богъ благословилъ ихъ изряднымъ поколѣніемъ“.

Въ угоду своимъ приближеннымъ, цесаревичъ выписывалъ на осень большую придворную охоту.

Въ этомъ ему не отказывали, такъ какъ большой Дворъ ею уже не занимался.

Гоньба продолжалась иной разъ въ теченіе цѣлаго дня. Поздно вечеромъ охотники возвращались домой, бывало съ богатой добычей.

Хотя цесаревичъ не питалъ особой склонности къ этой забавѣ, но охоты удерживались въ программѣ гатчинскихъ развлеченій...

Императрица, неоднократно посѣщавшая передъ тѣмъ Гатчину, ни разу не посѣтила сына въ его новой усадьбѣ.

Съ неодобреніемъ взирала она и на посѣщенія Гатчины столичными гостями, проводившими тамъ по нѣсколько дней. Нужно, впрочемъ, ска-

зать, что придворные круги сторонились великаго князя и съѣзжались въ Гатчину лишь на большіе пріемы и офиціальные торжества.

Иностранные дипломаты, въ свою очередь, избѣгали сближенія съ цесаревичемъ. Имъ хорошо было извѣстно, что императрица крайне ревниво относится къ возможности какихъ либо самостоятельныхъ сношеній сына съ иностранными Дворами.

Даже всесильные фавориты, по собственному-ли побужденію или же по желанію государыни, избѣгають проявленія какихъ либо симпатій и относятся къ гатчинскимъ отшельникамъ съ извѣстнымъ пренебреженіемъ.

Собственный придворный штатъ великокняжеской четы былъ сравнительно невеликъ и носилъ случайный характеръ.

Первоначальное ядро гатчинскаго Двора состояло изъ лицъ прежняго павловскаго кружка.

То были —масонъ и мистикъ Плещеевъ, мотъ, весельчакъ, душа гатчинскихъ собраній — Александръ Нарышкинъ, другъ дѣтства великаго князя, долгое время состоявшій по „комнатнымъ дѣламъ", пока его не замѣнили Иванъ Кутайсовъ и Ростопчинъ.

Были еще — камергеръ графъ Чернышовъ, капитанъ Кушелевъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, наконецъ, князь Иванъ Долгорукій и „un très joli jeune homme", камергеръ Вадковскій.

Дамское общество было еще малочисленнѣй.

Къ нему относились—подруга дѣтства великой княгини, ея „добрая Шилли", вѣрнѣйшій и преданный другъ г-жа Бенкендорфъ, воспитательница великихъ княжонъ г-жа Ливенъ, нѣсколько молодыхъ фрейлинъ — Аксакова, Смирнова и, среди нихъ, Екатерина Ивановна Нелидова, воплощавшая въ себѣ свѣтъ и тѣни гатчинскаго Двора...

Любимѣйшими забавами были театральныя представленія и любительскіе спектакли.

Устройствомъ ихъ завѣдывалъ графъ Чернышовъ, игравшій въ нихъ съ другими придворными. Женскія роли исполнялись фрейлинами.

Дѣятельное участіе въ устройствѣ спектаклей принимала и великая княгиня Марія Феодоровна, завѣдывавшая всѣми деталями декоративной и бутафорской части, не упускавшая случая потѣшить „своего дорогого великаго князя".

Игрались, по преимуществу, легкія комедіи французскаго репертуара и водевили съ балетомъ и пѣньемъ.

Оригинальныя выдержки, по этому поводу, приводить тотъ же князь Долгорукій:

„Ни одинъ годъ", пишетъ онъ, „не былъ такъ богатъ удовольствіями, какъ нынѣшній 1787. Все лѣто мы играли разныя комедіи, а къ зимѣ ихъ высочества стали снова помышлять о театрѣ.

При Дворѣ великаго князя жилъ швейцарецъ, библіотекарь и чтецъ, по имени Лафермьеръ, котораго онъ очень жаловалъ.

Онъ написалъ большую оперу, выбравъ предметъ изъ исторіи Донъ-Карлоса. Костюмы и вкусъ представленія заимствовалъ съ гишпанскаго. Гишпанская наша опера готовилась съ большимъ великолѣпіемъ. Музыка сочинена директоромъ придворной капеллы Бортнянскимъ, новыя написаны славнымъ художникомъ декораціи, сшиты на счетъ Двора всѣмъ антерамъ гишпанскіе костюмы.

Но жена моя уже не могла показаться на сцену. Беременность ей препятствовала сею забавою пользоваться. Великая княгиня съ негодованіемъ выслушала отрицаніе жены моей. Надлежало искать другой антрисы и роль дана госпожѣ Варварѣ Николаевнѣ Шацъ.

Она тоже въ Смольномъ монастырѣ воспитана, дочь русскаго дворянина Аксакова, выдана въ замужество за Лейбъ-Кирасирскаго полку ротмистра Шацъ, который доводился съ лѣвой стороны братомъ роднымъ самой великой княгини, будучи побочнымъ сыномъ ея отца.

Представленіе оперы присрочено было къ сентябрю мѣсяцу, для празднованія дня рожденія великаго князя, за нѣсколько времени до онаго. Всѣ знатнѣйшія особы, несмотря на скверную дорогу и неблагопріятную погоду, мчались въ Гатчину, чтобы показать хозяину замка наружные знаки своей притворной преданности и за снисхожденіе получить въ награду хотя одинъ благосклонный взглядъ ихъ высочествъ"...

3.

ПОЛЬЗУЯСЬ уединеннымъ расположеніемъ Гатчины, цесаревичъ задумалъ привести въ исполненіе мысль, уже давно занимавшую его пылкое воображеніе.

Она заключалась въ томъ, чтобы создать особую, небольшую собственную армію, которая могла бы служить образцомъ для старыхъ екатерининскихъ войскъ, начиная съ одежды, кончая организаціей и обученіемъ.

— Me voilá trente ans sans rien faire! — жалуется цесаревичъ въ письмѣ графу Румянцеву. — Вотъ я тридцать лѣтъ безъ всякаго дѣла!

И дѣло нашлось, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но въ томъ духѣ и направленіи, которые вполнѣ отвѣчали взглядамъ престолонаслѣдника.

Изъ флотскихъ экипажей были составлены двѣ команды по восемьдесятъ человѣкъ. Начальство надъ ними ввѣряется прусскому капитану, барону Штейнверу, знакомому съ тайнами экзерцирмейстерства короля Фридриха II.

Объ этомъ командирѣ зарождающихся гатчинскихъ легіоновъ, цесаревичъ отзывается такъ:

— Онъ будетъ у меня таковъ, каковъ былъ Лефортъ у Петра Великаго!

Численность войскъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Вскорѣ они уже составляютъ три роты, подъ названіемъ „Батальона Его Высочества“. Организація, обмундированіе, обученіе гатчинскихъ войскъ не имѣютъ ничего общаго съ порядками въ арміи.

Это былъ какъ бы молчаливый протестъ противъ военной системы Екатерины.

Въ Гатчинѣ, съ разрѣшенія правительства, появляются какіе-то обособленныя войска, устроенныя по прусскому образцу, въ букляхъ, высокихъ шляпахъ, въ прусскихъ кафтанахъ, о которыхъ императрица, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, говоритъ:

— Обряды неудобьносимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ войскъ!

Гатчинскія войска уже состоятъ изъ шести батальоновъ пѣхоты, егерской роты, двѣнадцати пушекъ и четырехъ кавалерійскихъ полковъ.

Въ гатчинскихъ дворцовыхъ прудахъ заведена даже морская флотилія изъ игрушечныхъ кораблей.

Одинъ изъ современниковъ пишетъ въ своихъ запискахъ:

„Тактика прусская и покрой военной одежды составили душу сего воинства... Служба вся полагалась въ присаленной головѣ, коротенькой трости, натянутыхъ сапогахъ выше колѣна и перчаткахъ, закрывающихъ локти... При разводахъ его высочество наблюдалъ тотъ же точно порядокъ, который наблюдался въ Потсдамѣ... Здѣсь можно было замѣтить повтореніе анекдотовъ сего прусскаго короля, съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя сему государю никогда бы и въ мысль не пришли.

Такъ, Фридрихъ, во время Семилѣтней войны, одному изъ полковъ въ наказаніе оказанной имъ робости повелѣлъ отпороть тесьму съ ихъ шляпъ... Подражатель гатчинской одному изъ своихъ батальоновъ, за неточное выполненіе воли, повелѣлъ сорвать петлицы съ ихъ рукавовъ и провесть, въ примѣръ другимъ, черезъ кухню... Всякой день можно было наслышаться любыхъ анекдотовъ“.

Что касается личнаго состава гатчинскихъ войскъ, широкую извѣстность пріобрѣлъ своей лютой свирѣпостью бывшій прусскій гусаръ, Федоръ Ивановичъ Линденеръ. По воцареніи, Павелъ Петровичъ произвелъ его въ генералы и назначилъ инспекторомъ кавалеріи.

Ростопчинъ отзывается о немъ со свойственной ему безпощадной правдивостью:

„Пошлая личность, надутая самолюбіемъ, выдвинутая впередъ минутной прихотью великаго князя. Этотъ человѣкъ очень опасенъ, будучи

подозрителенъ и недовѣрчивъ, тогда какъ властелинъ легковѣренъ и вспыльчивъ“.

Вообще, по мнѣнію Ростопчина, цесаревичъ окруженъ былъ людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживалъ быть „колесованнымъ безъ суда“.

Другой герой гатчинской школы былъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

Прибывъ капитаномъ, двадцати четырехъ лѣтъ, Аракчеевъ, произведенный вскорѣ въ полковники, занялъ мѣсто инспектора пѣхоты, начальствовалъ артиллеріей, исправлялъ должность гатчинскаго коменданта, управлялъ гатчинскимъ военнымъ департаментомъ.

Ретивый и неутомимый, Аракчеевъ производитъ ученья, продолжающіяся по двадцать часовъ въ день, пріобрѣтаетъ особую любовь цесаревича, достигаетъ впослѣдствіе высшихъ государственныхъ должностей.

Екатерина слышитъ пальбу, сопровождающую маневры гатчинскихъ войскъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они производятся близъ Царскаго Села. Екатерина безмолвствуетъ и не нарушаетъ военныхъ забавъ своего сына. Императрица только жалуется окружающимъ на то, что цесаревичъ „ни свѣтъ, ни заря производитъ военную экзерцицію и продолжаетъ почти во весь день“.

— Голову разстучалъ мнѣ своею пальбой!—добавляетъ Екатерина...

И въ то самое время, какъ цесаревичъ создаетъ свои гатчинскія войска, новый фаворитъ, князь Потемкинъ, дѣйствуетъ въ иномъ духѣ.

Назначенный предсѣдателемъ военной коллегіи, екатеринославскимъ и таврическимъ генералъ-губернаторомъ, достигнувъ зенита могущества, Потемкинъ занялся, между прочимъ, улучшеніемъ одежды русскаго войска.

Онъ велѣлъ отрѣзать косы, бросить пудру, обулъ солдата въ полусапожки, одѣлъ въ удобную куртку, шаровары, красивую каску.

Представляя императрицѣ свое мнѣніе по поводу обмундированія войскъ, князь Потемкинъ писалъ:

„Въ Россіи, когда вводились регулярство, вошли офицеры иностранные, съ педантствомъ тогдашняго времени. А наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, ружейныхъ пріемахъ и протчемъ. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: марширования, разныхъ построеній и оборотовъ. А что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочтено добротѣ. Стрѣлять же почти не умѣютъ. Словомъ, одежда войскъ нашихъ и амуниція таковы, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдата.

Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи

вещей съ ихъ употребленіемъ. Платье чтобъ было солдату одеждою, а не въ тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія, слугъ, чего у солдата быть не можетъ. Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское-ли сіе дѣло? Всякъ должонъ согласитися, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатской таковъ, что всталъ и готовъ!"

Но благія начинанія князя Потемкина или „кривого", какъ называлъ его злобствующій престолонаслѣдникъ, оказались, къ сожалѣнію, недолговѣчными и впослѣдствіе будутъ вырваны съ корнемъ непримиримымъ гатчинскимъ преобразователемъ"...

4.

Отъ лѣтописи вѣковъ, отъ блеска, отъ славы исчезнувшаго столѣтія, я переношусь въ лоно текущихъ дней.

Я отрываюсь отъ книги и гляжу въ садъ.

Онъ лежитъ въ лиловыхъ сугробахъ, молчаливый и неподвижный, въ зимней дремѣ, въ тяжелой снѣговой тайнѣ.

Низко склонивъ пушистыя опахала, бѣлыя, словно въ цвѣту, раскинулись кудрявыя яблони. Точно царевны въ подвѣнечномъ уборѣ стоятъ молодыя нарядныя ели. Подъ мягкимъ ковромъ снѣгопада лежатъ цвѣточныя клумбы, жасмины, сиреневые кусты.

Надвигаются сумерки. Гаснетъ тусклый шаръ зимняго солнца. Наступаетъ звонкая пугливая тишина...

Я теряюсь въ догадкахъ.

Я ломаю голову въ различныхъ предположеніяхъ.

Со дня на день, въ безпокойномъ волненіи, ожидаю полученія письма, короткой записки, хотя бы нѣскольнихъ строкъ. Каждый звонокъ, малѣйшій стукъ въ дверь, заставляютъ меня вздрогнуть, насторожиться, замереть, на мгновенье, отъ радостнаго предчувствія.

Но утро смѣняется вечеромъ, вечеръ томительной ночью и новый день приноситъ ту же тревогу.

Все исчезло съ ошеломляющею внезапностью, какъ послѣднее мерцанье вагона, потонувшаго въ серебряной дали!

Уста шепчутъ знакомое, безконечно близкое имя. Передъ взорами, съ неописуемой яркостью, мелькаютъ страницы пережитого.

Какъ остро вспоминается петербургская ночь, съ колючимъ дыханьемъ мороза, съ шумомъ, и гамомъ оживленныхъ проспектовъ, съ пѣвучимъ визгомъ полозьевъ, съ феерическимъ блескомъ огней!

Вспоминается бѣшеный гонъ рысака и, на мгновенье, свѣтъ фонаря озаряетъ прекрасное, зардѣвшееся краской лицо, пару широко раскрытыхъ лучистыхъ глазъ, полныхъ невыразимой прелести, изумленія, любопытства.

Иренъ, Иренъ!..

———

Я терзался въ догадкахъ, строилъ тысячу различныхъ предположеній и не находилъ удовлетворительнаго отвѣта.

Въ чемъ дѣло, какая причина, что дало поводъ нарушить такъ жестоко, безъ малѣйшаго объясненія, безъ какого либо намека, данное обѣщаніе?

Я припоминалъ до малѣйшихъ подробностей послѣднюю встрѣчу, вспоминалъ бесѣды, шутки, нѣжныя ласки... Прощаніе носило исключительно теплый характеръ... Мы разставались, какъ молодые любовники, предвкушавшіе, съ острою сладостью, часъ условленнаго свиданія.

Я пытался утѣшить и успокоить себя рядомъ соображеній.

Мало-ли какое препятствіе могло, самымъ неожиданнымъ образомъ, вырасти на пути? Напримѣръ, легкое недомоганіе, или болѣзнь кого либо изъ членовъ семьи или, наконецъ, просто снѣжный заносъ? Это явленіе обычное на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Все это такъ естественно и не требуетъ никакихъ объясненій?

Я убаюкивалъ себя подобными мыслями, но душа была неспокойна.

День безконечно тянется къ вечеру. Я пытаюсь снова занять себя чтеніемъ, но строки разбѣгаются передъ глазами и уносятъ меня въ сторону тѣхъ же неотвязныхъ, безпокойно-терзающихъ думъ.

Три дня протекли въ мучительномъ ожиданіи.

На четвертыя сутки, истощившись въ надеждахъ, я рѣшилъ провѣрить себя еще разъ.

Быть можетъ, все это не болѣе, какъ обманъ зрѣнія или сонъ, глупый, кощунственный сонъ?..

Январскій день былъ на всходѣ, когда я мчался по Измайловскому проспекту.

Утро было ясное, свѣтлое. Крещенскій морозъ остро покусывалъ щеки и носъ, а дыханіе превращалъ въ пушистое облачко, вылетавшее изъ человѣческихъ устъ, изъ ноздрей и глотки коня.

Городъ проснулся и начиналъ жить своей обычной суматошливой жизнью.

Крупный, костистый, въ темныхъ подпалинахъ конь, несъ меня мимо гвардейскихъ казармъ, мимо памятника „Славы" съ турецкими пушками и вскорѣ, проскочивъ Крюковъ каналъ, свернулъ на Николаевскій мостъ.

Съ несказаннымъ волненіемъ я приближался къ знакомому переулку, къ бѣлому двухъэтажному особняку, трепеща отъ смутныхъ предчувствій, сгорая отъ неясныхъ, томительныхъ ожиданій.

Черезъ минуту все должно объясниться.

Тревоги, волненія, переживанія послѣднихъ дней — все будетъ забыто!

Разумѣется, я принужденъ буду выразить легкій упрекъ, пожурить Иренъ за доставленныя страданія и тутъ же, не давъ ей опомниться, преж-

де нежели она вымолвить хоть единое слово, заключу и стисну ее, ошеломленную и трепещущую, въ бурныхъ объятьяхъ.

Все будетъ забыто въ этотъ мигъ чувственнаго безумія, въ этотъ часъ жадно ожидаемой встрѣчи!...

Мои иллюзіи разлетѣлись, какъ дымъ.

Занесенный снѣговыми сугробами, переулокъ лежалъ въ мертвомъ покоѣ... Мрачно и холодно чернѣли темныя окна... Рѣзкими пятнами глядѣли на меня квадраты бѣлой бумаги.

Въ изумленіи, не вѣря глазамъ, я провелъ рукой по лицу, какъ бы сметая неожиданное видѣніе, воззрившееся на меня грубыми бѣлыми лоскутами.

Квартира отдается въ наемъ!

Я слѣзъ съ извозчика, нерѣшительными шагами вошелъ въ подъѣздъ, нажалъ кнопку звонка.

Знакомый, переливающійся тонкими трелями звукъ, ясный, прозрачный, коснулся моего слуха. Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности. Казалось, что вслѣдъ за звонкомъ, раздадутся шаги, казалось, откроется дверь, послышится взволнованно - радостный шопотъ...

Звонокъ умолкъ.

Дверь осталась закрытой...

5.

Я повернулъ и пѣшкомъ направился въ городъ.

Я шелъ, толкаясь, задѣвая прохожихъ, шелъ какъ сомнамбулъ, подавленный, потрясенный, еще не отдавая себѣ отчета, не будучи въ состояніи охватить всего происшедшаго.

Мало по малу сознаніе возвращалось.

Внезапно я ощутилъ жизнь гигантскаго города, которая изливалась густо и горячо, возбуждаясь отъ собственной полноты. Со звономъ пролетали трамваи, визжали полозья, громыхали тяжелыя фуры, груженыя желѣзомъ, пивными бочками, цинковыми бидонами. Со всѣхъ сторонъ, по всѣмъ направленіямъ, сновали фигуры людей, мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, нарядныхъ и простоволосыхъ, занятыхъ собственными думами, собственными будничными дѣлами.

Я шелъ, подавленный, потрясенный, болѣзненно ощущая, какъ все то, чѣмъ еще такъ недавно было полно мое существо — ласка и нѣжность, привязанность, восхищеніе, чувственный трепетъ, любовный экстазъ, уходили отъ меня безвозвратно, ощущая какъ жизнь моя, вступившая въ полосу яркаго, сверкающаго, слѣпящаго свѣта, неожиданно и внезапно перешла въ блѣдныя сѣрыя сумерки.

Изумленіе, горечь, обида, отчаяніе, цѣлый клубокъ острыхъ, щемящихъ, самыхъ неожиданныхъ чувствъ, забродили въ душѣ.

Этотъ наплывъ былъ такъ силенъ, что время отъ времени я останав-

ливался и прижималъ руку къ груди, подъ которой мучительно ныло сердце.

Между тѣмъ, впереди уже показалась бѣлая лента рѣки, съ чугунными тумбами, пароходными пристанями, тяжелыми корпусами зимующихъ лайбъ, ледоколовъ, буксировъ.

На противоположной сторонѣ, острой иглой уходилъ въ небо адиралтейскій шпицъ. Червонной шапкой сверкалъ на солнцѣ широкій куполъ собора. Въ голубой дымкѣ исчезала стройная шеренга дворцовъ.

Медленными шагами, охваченный болѣзненно-мучительною загадкой, я приближался къ рѣкѣ...

Когда я поднялся на мостъ, глазамъ представилось необычное зрѣлище.

Группа пѣшеходовъ, перегоняя другъ друга, катилась точно подъ напоромъ какого - то сокрушительнаго обвала. Трамвайное движеніе пріостановилось. Послышался звонъ разбитыхъ стеколъ и вслѣдъ за нимъ нестройные клики, мѣшавшіеся съ хоровымъ пѣніемъ.

Я не успѣлъ очнуться, какъ оказался въ центрѣ человѣческаго потока, затопившаго мостъ, сметавшаго съ пути мужчинъ, женщинъ, дѣтей, ребятишекъ съ салазками.

Все это, точно комъ, стремительно катилось назадъ, а навстрѣчу, занимая всю ширину моста, выростали все новыя толпы людей, въ мятыхъ студенческихъ картузахъ, въ рабочихъ треухахъ, въ сдвинутыхъ на затылокъ барашковыхъ шапкахъ, поддевкахъ, тулупахъ, въ потертыхъ заношенныхъ шинеляхъ.

Иные, несмотря на морозъ, были вовсе безъ шапокъ и даже безъ тулуповъ и шинелей, въ однѣхъ курткахъ и въ вязаныхъ блузахъ, въ пестрыхъ алыхъ, желтыхъ, лиловыхъ женскихъ платкахъ, замотанныхъ вокругъ шеи или перекинутыхъ черезъ плечо.

Острые взоры пронизывали меня насквозь. Надъ моей головой подымались сжатые кулаки. По моему адресу неслись злобные клики:

— Фазанъ!

— Опричникъ!

— Царскій палачъ!..

Я испытывалъ непріятное чувство. Медленными шагами, глядя прямо передъ собой, я пробирался въ толпѣ, обтекавшей меня съ обѣихъ сторонъ.

Каждое мгновенье я рисковалъ подвергнуться оскорбленію дѣйствіемъ, получить грубый ударъ, быть сбитымъ съ ногъ.

Было положительно страшно это скопище молодыхъ, возбужденныхъ, взвинченныхъ чѣмъ - то людей. Глаза ихъ горѣли нездоровымъ яростнымъ блескомъ. Изъ устъ вырывались ругательства, революціонные лозунги, разрушительные призывы:

„Мы міръ, мы новый міръ построимъ!"

Между, тѣмъ, по существу, это вѣдь не болѣе, какъ добродушные разгильдяи, славные русскіе люди, принадлежащіе, такъ же точно, какъ я, къ той же великой странѣ.

Откуда же эта страстность, этотъ лютый напоръ и злоба противъ режима, противъ государственной власти, противъ всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ на стражѣ законности и порядка?

Что толкаетъ этихъ людей къ требованіямъ осуществленія, притомъ немедленнаго и равнаго для всѣхъ, счастья?

Жадность, зависть, исканіе истины, молодые порывы?

Вотъ они, эти сбитые съ толку, мечтатели - идеалисты, потрясатели законныхъ основъ, непрошенные строители какого-то новаго міра, не сумѣвшіе пока еще наладить порядка на собственномъ чердакѣ!

Клики, и нестройное пѣніе продолжали нестись изъ устъ этихъ несчастныхъ, ослѣпленныхъ ненавистью и злобой, мятущихся въ дикомъ стадномъ порывѣ людей, безотвѣтственныхъ разрушителей великой имперіи:

„Вставай, проклятьемъ заклейменный"..."

Видъ этой безобразной, распущенной, жалкой толпы вызывалъ во мнѣ величайшее отвращеніе.

Съ усиліемъ подавляя закипавшее бѣшенство, я продолжалъ продвигаться, засунувъ руку въ карманъ, нервно сжимая рукоятку нагана, готовый пустить его немедленно въ ходъ, для защиты чести и жизни.

И когда толпа меня миновала, я вздохнулъ съ истиннымъ облегченіемъ...

6.

ЖИЗНЬ, между тѣмъ, продолжаетъ идти своимъ размѣреннымъ ходомъ. Дружная полковая работа, служба дежурства и караула, бесѣды, шутки и споры, общіе завтраки въ офицерскомъ собраніи, все идетъ чередой, какъ ходъ хорошо заведенной и вывѣренной машины, безъ остановокъ и перебоевъ, въ полномъ согласіи всѣхъ составляющихъ ее единицъ.

Какъ укрѣпляетъ и дисциплинируетъ эта жизнь!.. Какой отпечатокъ налагаетъ на характеръ и образъ мышленія.. Какъ нивелируетъ и сглаживаетъ противорѣчія!.. Какъ растворяетъ, наконецъ, бытовыя и даже племенныя особенности!

Если въ болѣе или менѣе однородномъ составѣ господъ офицеровъ это сравнительно мало замѣтно, въ отношеніи нижнихъ чиновъ подобныя явленія выражаются съ исключительной яркостью.

Великороссы и малороссы, представители различныхъ народностей, племенныхъ стволовъ и вѣтвей, эстонцы, литовцы и латыши, грузины, татары, поляки, сибиряки, самый рослый, самый отборный народъ, подлин-

ный цвѣтъ страны, въ тиглѣ полковой жизни, въ непродолжительный срокъ, принимаютъ какую-то общую полковую физіономію.

Въ самый непродолжительный срокъ люди утрачиваютъ свой первобытный обликъ мирнаго пахаря, темнаго лѣсовика, коробейника, вороватаго торгаша, плотника, коновала, наглаго заводскаго рабочаго, превращаясь въ рѣзко отличный, совершенно однородный типъ браваго, расторопнаго, сметливаго солдата.

Люди пріобрѣтаютъ легкую увѣренную походку, начинаютъ владѣть, какъ слѣдуетъ, руками, ногами и головой, движенія и осанка становятся ловкими, гибкими, даже щеголеватыми.

Военная служба является не только необходимостью, выковывая, въ цѣляхъ государственной обороны, могучій мечъ и щитъ — прочную защиту страны.

Военная служба, по моему мнѣнію, является одновременно величайшей школой нравственнаго, умственнаго, физическаго развитія, создавая крѣпкихъ честныхъ и добросовѣстныхъ, воспитанныхъ въ здоровомъ національномъ духѣ гражданъ...

Работа съ командой развѣдчиковъ продолжаетъ поглощать мое служебное время.

Я веду занятія по своей обычной программѣ, которую удалось провести въ жизнь, не взирая на нѣкоторое противодѣйствіе эскадроннаго командира.

Я не сторонникъ продолжительной и однообразной работы. Маршировка, гимнастика, верховая ѣзда, стрѣльба изъ винтовки, рубка и фланкировка, слѣдуютъ одна за другой, быстро, снаровисто, безъ лишняго утомленія, въ обстановкѣ дружнаго соревнованія, смѣха, поощрительныхъ замѣчаній.

Въ классѣ я продолжаю развивать теоретическій курсъ, передавая исторію конницы, иллюстрируя ее, на этотъ разъ, примѣрами изъ американской войны за нераздѣльность Союза, разсказывая о блестящихъ кавалерійскихъ рейдахъ вождей американскаго Юга — Моргана, Форреста, Мосби, останавливаясь, съ особой любовью, на легендарной фигурѣ Джеба Стюарта:

„Онъ носилъ сѣрый плащъ на алой подкладкѣ... Черное страусовое перо украшало его широкополую шляпу... Онъ носилъ желтый шелковый шарфъ и шпоры изъ чистаго золота — подарокъ дамъ Балтиморы... Когда онъ писалъ свой приказъ, его вѣрный слуга-ординарецъ перебиралъ струны гитары... Онъ любилъ цитировать греческихъ классиковъ, а на досугѣ читалъ Вальтеръ - Скотта... Это былъ настоящій джентльменъ Юга, неутомимый всадникъ съ бѣлокурой бородкой и сѣро-голубыми глазами“...

Трижды въ недѣлю совершается „выѣздъ въ поле“.

Развѣдчики сѣдлаютъ коней, выводятъ ихъ изъ станковъ и садятся.

Проѣхавъ мимо полкового собранія и повернувъ къ Коннетаблю, я избираю одно изъ трехъ направленій — направо, къ Бомбардирской Слободкѣ, налѣво — въ сторону большой царскосельской дороги, или же прямо передъ собой — въ пріоратскій паркъ, къ вокзалу и далѣе на деревню Загвоздку.

Движеніе начинается шагомъ.

Но миновавъ городскую черту, я тотчасъ пускаю свой взводъ хорошо собранной рысью, отмѣчая секундомѣромъ пройденную дистанцію.

Втягиваніе коней въ продолжительные репризы на рѣзвомъ аллюрѣ и выработку дыханія я считаю по прежнему своей первой задачей. Забота эскадроннаго командира о сохраненіи конскихъ тѣлъ не находитъ во мнѣ ревностнаго защитника.

Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ! — мягко шлепаютъ кони по снѣжной дорогѣ. Одна за другой пролетаютъ деревни, села, одинокія чухонскія мызы. Взводъ взбирается на холмы, опускается въ луговыя низины, и уходитъ все дальше отъ насиженныхъ человѣческихъ гнѣздъ.

Грудь глубоко впиваетъ морозную свѣжесть безграничнаго снѣгового простора. Глазъ отдыхаетъ на пушистомъ бѣломъ покровѣ, залитомъ солнечнымъ блескомъ.

Иной разъ, въ увлеченіи, я забываю взглянуть на часы.

И тогда взводный, унтеръ - офицеръ Воронецъ, подлетѣвъ ко мнѣ, обращается съ тревожно-вопросительной фразой:

— Ваше высокоблагородіе, какъ бы не того...

— Въ чемъ дѣло? — спрашиваю, съ внутреннею усмѣшкой, уже предугадывая отвѣтъ.

— Какъ бы не напрѣло? — говоритъ озабоченно Воронецъ. — Отъ его высокоблагородія командира эскадрона какъ бы намъ не напрѣло?

Я взмахиваю рукой и перевожу лошадей въ шагъ.

Дружно отфыркиваются могучіе кони. Отъ лоснящихся круповъ и спинъ паръ валитъ столбомъ. Обратный путь совершается болѣе спокойнымъ аллюромъ...

Въ ближайшіе дни произошло, наконецъ, знаменательное событіе.

Государь Наслѣдникъ великій князь Михаилъ вступилъ на службу въ Лейбъ - Регименть.

Событіе это произошло въ торжественной обстановкѣ, передъ фронтомъ полка, съ рѣчью командира, съ провозглашеніемъ здравицы въ честь Императора, Августѣйшаго Шефа и великаго князя.

Вслѣдъ за тѣмъ, по предложенію командира полка, великій князь занялъ мѣсто передъ первымъ взводомъ шефскаго эскадрона, послѣ чего состоялся конный парадъ.

Когда закончилась офиціальная часть, въ офицерскомъ собраніи былъ устроенъ банкетъ.

Онъ протекалъ уже въ другой обстановкѣ, непринужденной, простой, носившей характеръ обычной офицерской пирушки. Не было ни тостовъ, ни застольныхъ рѣчей, а вмѣсто нихъ гремѣлъ хоръ трубачей, выступали пѣсенники и балалаечники четвертаго эскадрона.

Не было ни офиціальнаго холодка, ни той напряженности, которыя невольно вызываются присутствіемъ высокихъ гостей, а взамѣнъ ихъ звучали шутки и смѣхъ.

Великій князь былъ въ восторгѣ. Все было ново его юной, совсѣмъ еще дѣтской, неискушенной душѣ. Съ перваго же дня вступленія въ полкъ, великій князь сталъ дѣйствительнымъ членомъ дружной офицерской семьи и, къ общему удовлетворенію, съ чувствомъ самаго неприкрытаго, самаго искренняго интереса и любопытства, окунулся въ ея яркую своеобразную жизнь...

На другой день великій князь сдѣлалъ визиты.

На третій день вступилъ въ исполненіе служебныхъ обязанностей, по должности взводнаго субалтернъ-офицера...

7.

Тысячи дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ проживаютъ въ столицѣ. Тысячи молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ носятъ синія шубки съ чернобурымъ песцомъ на плечахъ.

Какъ отыскать среди нихъ единственную, неповторимую?

Мое мучительное смятеніе нѣсколько улеглось. Точно струя холоднаго воздуха, прорвавшись сквозь щель, подула на мою разгоряченную страсть. Старыя, давно забытыя происшествія глянули на меня изъ потускнѣвшаго зеркала моей жизни.

Какимъ ничтожнымъ мнѣ кажется сейчасъ все по сравненію съ сверкающей тайной, которая манящими глазами смотритъ на меня изъ темноты!

Эту тайну я долженъ раскрыть.

Я долженъ узнать подлинное имя той женщины, которую случай бросилъ на моемъ пути, чье дыханье пилъ съ трепещущихъ устъ, чье молодое горячее тѣло держалъ въ жаркихъ объятьяхъ.

Въ одинаковой степени я обязанъ раскрыть причину этого непонятнаго, загадочнаго, вопіющаго исчезновенія.

Пусть подобный образъ дѣйствій будетъ расходиться съ моимъ обѣщаніемъ... Это будетъ вторженіемъ въ тотъ интимный, по какимъ-то соображеніямъ тщательно скрывавшійся отъ меня міръ, который до послѣдней минуты остался мнѣ неизвѣстнымъ.

Пусть я не правъ!.. Пусть мнѣ суждено, въ будущемъ, выслушать потокъ упрековъ и обвиненій... Это не остановитъ моего рѣшенія!

Только сейчасъ я вдругъ понялъ, какъ глубоко этотъ незначитель-

ный, въ сущности, эпизодъ проникъ въ мою жизнь, всколыхнулъ ея размѣренное теченіе, нарушилъ душевное равновѣсіе.

Я понялъ, что и во мнѣ, въ этомъ осколкѣ одухотворенной вселенной, живетъ раскаленное, таинственное, вулканическое ядро, которое вырывается порой въ порывѣ страстнаго вожделѣнія, что подъ спокойной и гладкой поверхностью бьютъ и клокочутъ бурные источники жизни.

Точно убійца, влекомый къ мѣсту совершеннаго имъ преступленія, я ощутилъ потребность увидѣть еще разъ бѣленькій особнякъ...

Какъ подсказываетъ элементарная логика, именно отсюда, изъ этой отправной точки, съ чутьемъ и настойчивостью конанъ-дойлевскаго легендарнаго детектива, я долженъ начать свои поиски.

Типичный дворникъ столичной окраины, низкорослый, съ всклокоченной бородой, тупой, лѣнивый, несловоохотливый, стоялъ передо мной въ туманѣ табачнаго дыма.

Золотой полуимперьялъ, всунутый ему въ руку, воскресилъ въ немъ позабытый даръ рѣчи.

Переминаясь съ ноги на ногу, моргая бѣлесоватыми рѣсницами, дворникъ отвѣчалъ на вопросы.

— Такъ точно! — подтвердилъ дворникъ. — Съѣхавши!.. Уже почитай двѣ недѣли, какъ съѣхавши!.. Какъ пришла, значитъ, бумага, такъ въ энтотъ же день, а може на другой, не упомню, барышня, значитъ, и съѣхавши!

Послѣ нѣкотораго раздумья дворникъ добавилъ:

— А посля, значитъ, пришелъ человѣкъ, заплатилъ за квартеру, какъ положено, значитъ, сто рублевъ да мнѣ далъ пятерку, получилъ, значитъ, квитокъ и вещи забралъ, на двухъ подводахъ уѣхалъ!

— Ну, а барышня какъ? — спросилъ я, пускаясь на хитрость, безразличнымъ, спокойнымъ тономъ, ощущая въ то же время приливъ томительнаго волненія и любопытства. — Куда съѣхала барышня?

Дворникъ тупо уставился въ землю, развелъ виновато руками и произнесъ:

— Съѣхавши, а куда неизвѣстно!

— Какъ неизвѣстно? — воскликнулъ я. — Да ты не финти!.. Говори толкомъ, говори коли знаешь!

— Такъ вотъ и неизвѣстно, ваше высокоблагородіе! — упрямо отвѣчалъ дворникъ. — Не могу энтого знать, вотъ дѣло какое!

Снявъ шапку, онъ поскребъ рукавицей въ затылкѣ и тупо взглянулъ на меня.

— Ну, а какъ прописана барышня? — спросилъ я, теряя хладнокровіе и всякую осторожность. — Какъ зовутъ барышню?.. Отвѣчай?

Дворникъ начиналъ меня раздражать. Его тяжелая шершавая рѣчь, сопровождаемая пьяной икотой, начинала выводить меня изъ себя.

— И энтого не могу знать! — отвѣчалъ дворникъ. — Квартера-то на чужое имя записана!.. Вотъ справьтесь, если желаете!

Дворникъ вытащилъ домовую книгу, снявъ рукавицу помусолилъ корявый, закопченный табакомъ палецъ, перелисталъ страницы.

Въ книгѣ стояло незнакомое, ничего не говорящее мужское имя, одно изъ тѣхъ русскихъ именъ, которыя встрѣчаются тысячами въ любомъ городѣ государства россійскаго, безразлично, въ уѣздномъ, губернскомъ или столичномъ . . .

Я посѣтилъ адресный столъ, навелъ справки въ полицейскомъ участкѣ, заглянулъ въ канцелярію градоначальства.

Я посѣтилъ трижды Консерваторію, обошелъ драматическія студіи, театры, концерты.

Толкаясь по улицамъ и магазинамъ, ныряя въ пестрой толпѣ, пытливо вглядываясь въ прохожихъ, въ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, искрестилъ столицу по всѣмъ направленіямъ.

О, въ моемъ распоряженіи имѣются необходимыя данныя!.. Мнѣ извѣстны внѣшніе признаки... Извѣстны кое-какія примѣты болѣе интимнаго свойства.. Я знаю, наконецъ, имя...

— Княжна Лиговская!

Ха-ха-ха, но вѣдь это является не болѣе какъ плодомъ личнаго творчества, созданнаго пылкимъ воображеніемъ?.. Этотъ признакъ едва-ли прольетъ истинный свѣтъ... Онъ способенъ лишь осложнить таинственную загадку!..

Я обошелъ отели и рестораны, посѣтилъ бѣговой ипподромъ, загородные сады, увеселительныя мѣста. Отъ моего наблюденія не укрылось ни одно зрѣлище, которое давало право разсчитывать на случайную встрѣчу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я рыскалъ по петербургскимъ вокзаламъ, встрѣчая и провожая пассажирскіе поѣзда.

Мои поиски не увѣнчались успѣхомъ.

Въ чемъ дѣло, почему всѣ ухищренія, справки, настойчивыя попытки отыскать хотя бы самый незначительный слѣдъ, не достигаютъ поставленной цѣли?

Можетъ быть, опытъ мой недостаточенъ?

Или, можетъ быть, я произвожу свои поиски съ чрезмѣрною деликатностью, не прибѣгая къ широкой огласкѣ?

Въ концѣ концовъ, необходимо признать, что отыскать въ столицѣ человѣческій слѣдъ не легче нежели въ аравійской пустынѣ.

И все же я не теряю надежды, разсчитывая на случай, на тысячу мелкихъ случайностей, которыми жизнь даритъ насъ на каждомъ шагу...

8.

Въ строевой канцеляріи скрипять перья, шуршитъ бумага, доносится бесѣда командира полка съ полковымъ адъютантомъ.

— Такъ какъ же, Михаилъ Михайловичъ? — спрашиваетъ генералъ баронъ Раушъ, слѣдя за дымкомъ сигары, голубоватой струйкой вьющейся къ потолку. — Можно-ли полку, въ концѣ концовъ, разсчитывать на уступку желѣзнодорожнаго сарая? . . Онъ пустой, находится въ нашемъ районѣ и нуженъ до зарѣзу хозяйственной части?

— Такъ точно, ваше превосходительство! — говоритъ адъютантъ. — Сейчасъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, пустой, но въ случаѣ мобилизаціи, съ прибытіемъ предусмотрѣннаго комплекта. . .

— Придется назначить комиссію?

— Такъ точно. . . Хотя съ другой стороны, если уставъ прямо требуетъ . . .

— Ахъ, милый мой! — небрежнымъ тономъ перебиваетъ его командиръ. — Придѣлайте къ вашему уставу ручку и положите его на полку!.. Вѣчно какія нибудь препятствія! . . Прямо невыносимо! . . Ну, что тамъ еще? — спрашиваетъ генералъ. — Аттестаціонные списки? . . Отчетность? . . Усталъ я съ вашей отчетностью! . . Будьте добры прислать ю мнѣ на квартиру! . . Вечеромъ, если будетъ время, займусь.

Въ хозяйственной канцеляріи пахнетъ сухарями, сукномъ, клейстеромъ, сапожнымъ товаромъ.

Полковникъ Эсперъ Александровичъ, склонившись надъ грудой вѣдомостей, чиркаетъ карандашомъ, прикидываетъ что-то на счетахъ.

За сосѣднимъ столомъ помѣщается полковой дѣлопроизводитель Михайловскій, сухой, молчаливый чиновникъ, въ зеленыхъ очкахъ, съ огненной бородой, съ большими веснусчатыми, покрытыми рыжимъ пухомъ руками.

Въ трубаческомъ взводѣ идетъ музыкальная сыгровка.

Полковой капельмейстеръ, Василій Генриховичъ, разучиваетъ съ людьми новую увертюру.

„Вилгелмъ Тэлъ" — какъ называетъ ее, на чешскій образецъ, молодой даровитый маэстро, несравненный артистъ на скрипкѣ и на фаготѣ, въ короткій срокъ поднявшій въ полку музыкальную часть.

Струнный же оркестръ сдѣлалъ положительно образцовымъ, едва-ли не лучшимъ въ войсках гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

———

Къ ужину, въ офицерскомъ собраніи, собираются, по обыкновенію, гости.

Заходятъ на огонекъ офицеры конвоя — полковникъ Петинъ, сотникъ Амилохвари, свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ или, какъ именуютъ его господа офицеры — „Грицко".

Приходитъ Боря Нечаевъ, юноша безъ опредѣленныхъ занятій,

мѣстный домовладѣлецъ, поэтъ-символистъ и одновременно секретарь вольной пожарной дружины.

Появляется „Кока-Мока", кузенъ одного изъ офицеровъ полка, красивый черноволосый молодой человѣкъ, бывшій лицеистъ, въ настоящее время чиновникъ не то министерства иностранныхъ дѣлъ, не то государственной канцеляріи.

Никто не знаетъ подлинно, гдѣ онъ служитъ и въ чемъ заключается его служба, какъ, вѣроятно, не знаетъ онъ самъ.

Впрочемъ кузенъ утверждаетъ, что служебная дѣятельность „Коки-Моки" заключается якобы въ томъ, что на его языкѣ охлаждаютъ государственную печать передъ тѣмъ, какъ скрѣпить сургучомъ документъ большого государственнаго значенія.

„Кока-Мока" пользуется исключительными симпатіями господъ офицеровъ, не пропускаетъ ни одного офиціальнаго торжества, полковой пирушки или товарищескаго загула, гоститъ въ полку по нѣсколько дней.

Къ полуночи гости расходятся, гаснутъ огни и только въ „Бѣлой" залѣ дрожитъ на стѣнѣ лунный свѣтъ. Снопъ лучей освѣщаетъ портретъ Царя-Основателя, въ зеленомъ камзолѣ, поверхъ котораго надѣты тяжелыя латы.

Я гляжу на портретъ, на мощный ликъ императора, въ суровыхъ складкахъ и желвакахъ, съ гривой черныхъ блестящихъ волосъ, и на память приходитъ нѣсколько строкъ историческаго изслѣдованія.

По моему скромному разумѣнію, это не болѣе, какъ личное толкованіе, предположеніе, можетъ быть, даже вымыселъ, не лишенный однако, извѣстнаго интереса. . .

Этотъ титанъ до сихъ поръ представляетъ загадку.

Смерть царя Алексѣя знаменуетъ собой начало новаго смутнаго періода. Возлѣ неостывшаго тѣла возгорѣлась ожесточенная борьба двухъ родовъ, Нарышкиныхъ и Милославскихъ, извлеченныхъ изъ ничтожества двумя браками Алексѣя Михайловича.

Татаринъ Нарышъ найденъ историкомъ въ свитѣ царя Іоанна Грознаго, въ серединѣ XVI столѣтія.

Милославскіе образуютъ московскую вѣтвь древней литовской фамиліи Корсаковъ.

Физически и умственно Великій Монархъ не имѣлъ ничего общаго со своими старшими братьями, носившими въ жилахъ дурную кровь. Подорванный самъ жестокой болѣзнью, предчувствуя близкій конецъ, царь Алексѣй едва-ли могъ дать своему младшему сыну фигуру гиганта, желѣзную мускулатуру, избытокъ душевныхъ и физическихъ силъ.

Кто же тогда?

Нѣмецъ-хирургъ, подмѣнившій, какъ предполагаютъ изслѣдователи,

мальчикомъ хилую дѣвочку, истинный якобы плодъ первыхъ родовъ царицы Наталіи Кириловны?

Или царедворецъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, человѣкъ невысокаго происхожденія, возвысившійся благодаря браку царя Михаила Романова на прекрасной Евдокіи?

Однажды, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, императоръ пытался разобраться самъ въ этихъ потемкахъ.

— Этотъ вотъ, — воскликнулъ Петръ, указывая на одного изъ своихъ собутыльниковъ, на Ивана Мусина-Пушкина, — этотъ знаетъ, по крайней мѣрѣ, что онъ сынъ моего отца! . . . Но отъ кого же я самъ? . . Ужъ не отъ тебя-ли, Тихонъ? . . Ну, говори, не бойся? . . Говори, не то задушу!

— Батюшка, смилуйся! — отвѣчалъ старый окольничій, Тихонъ Никитичъ. — Не вѣдаю, что сказать . . . Я вѣдь былъ не одинъ! . . .

Съ упорствомъ, съ настойчивостью, подогрѣваемый таинственной загадкой, я продолжалъ свои дальнѣйшіе поиски.

Я не прекращалъ ихъ ни на минуту, пользуясь малѣйшимъ досугомъ, покидалъ маленькій гарнизонъ и мчался въ столицу. Подавленный и разстроенный, на границѣ отчаянія, со ступени на ступень я сходилъ въ свои человѣческія глубины, озаряемыя блѣдными отблесками еще тлѣвшей надежды.

Однажды, въ яркій солнечный день, когда многочисленная толпа заливала широкіе тротуары, толкаясь подлѣ ювелирныхъ витринъ, банковъ, отелей, ресторанныхъ подъѣздовъ, когда Невскій проспектъ, казалось, былъ оживленъ точно въ торжественный праздникъ, я мчался въ общемъ потокѣ.

Пролетали, гремя бубенцами, парныя сани, подъ сѣткой, съ тяжелыми медвѣжьими полостями, катились кареты, безконечныя вереницы тянулись съ обѣихъ сторонъ.

Жадно и горячо я впивалъ въ себя картины этого уличнаго водоворота, временно уносившаго меня отъ неотвязныхъ, жесткихъ, мучительныхъ думъ.

Неожиданно, надъ самымъ ухомъ, раздался окрикъ и щеголеватая одиночка, обдавъ горячимъ дыханіемъ рысака, пронеслась мимо меня.

Что-то безконечно знакомое — цвѣтъ, покрой шубки, фасонъ шапочки, серебристый мѣхъ на плечахъ, промелькнуло передъ глазами, пронизало, на подобіе пули, сознаніе.

Сердце бурно заколотилось.

— Пошелъ! — крикнулъ я кучеру, ткнувъ его кулакомъ въ спину. — Гони! . . . За воронымъ рысакомъ!

Кучеръ приподнялся на облучкѣ, взмахнулъ бичомъ, погналъ тотчасъ коня.

Рысакъ уходилъ, но вскорѣ, на поворотѣ, замедлилъ свой бѣгъ и остановился чуть не вплотную. Я жадно впился въ сидящую впереди незнакомку, готовъ былъ крикнуть, выскочить изъ саней.

Въ это мгновенье, рысакъ повернулъ на Морскую, снова принялъ напористымъ ходомъ и отнесъ одиночку на значительную дистанцію.

У одного изъ подъѣздовъ одиночка остановилась.

Легкимъ движеніемъ молодая женщина выпорхнула изъ саней и скрылась въ подъѣздѣ. Я не спускалъ съ нея глазъ, выскочилъ въ свою очередь, побѣжалъ вслѣдъ.

Торопливой походкой, постукивая высокими каблучками, незнакомка подымалась по лѣстницѣ. Пересчитывая ступени, гремя палашомъ, я бѣжалъ за нею въ догонку.

— Иренъ! — крикнулъ я и, въ нѣсколько скачковъ, поровнялся съ молодой женщиной на площадкѣ бэль-этажа.

Незнакомка обернулась, вскинула на меня красивые томные насмѣшливые глаза, близоруко прищурилась, улыбнулась.

Я пробормоталъ извиненіе, приложилъ руку къ фуражкѣ и, въ смущеніи, удалился. . .

9.

Январь на исходѣ. Но еще держится крѣпко морозъ и городокъ покоится подъ плотнымъ пуховымъ одѣяломъ. Динь-динь-динь! — звенятъ зимніе голоса. Порхаетъ, вьется, кружится снѣгъ. Тускло мерцаетъ мѣдный щитъ зимняго солнца. И такъ же рано, еще не отойдетъ день, ложатся краски лиловѣющаго заката.

Каждый разъ, послѣ офицерской ѣзды, когда господа собираются въ полномъ составѣ, въ собраніи происходитъ докладъ на военную тему.

Въ столовой виситъ карта африканскаго театра войны, утыканная цвѣтными флажками, алыми, синими. Талюша Мордвиновъ, съ тросточкою въ рукѣ, стоитъ передъ картой, указываетъ очертанія фронта, даетъ стратегическую и тактическую оцѣнку дѣйствіямъ обоихъ противниковъ.

Зима благословила оружіе буровъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ.

Не взирая на значительный перевѣсъ англійскихъ войскъ, африкандеры оказываютъ стойкое сопротивленіе. Кто бы повѣрилъ, что простые, неискушенные въ боевой техникѣ, голландскіе мужики обнаружатъ въ этой борьбѣ незаурядную доблесть? Они бьютъ противника по частямъ, устраиваютъ засады, развиваютъ партизанскія дѣйствія на флангахъ и даже въ глубокомъ тылу.

Генералъ Метуэнъ разбитъ подъ Магерсфонтейномъ . . . Дивизія генерала Гетакра едва унесла ноги послѣ встрѣчи подъ Сторнбергомъ . . . Главнокомандующій генералъ Буллеръ жестоко пострадалъ въ кровавомъ бою подъ Колензо.

Уже произошла смѣна начальствующихъ лицъ и высшее командо-

ваніе вручено одному изъ наиболѣе опытныхъ англійскихъ полководцевъ, старому лорду Робертсу, съ новымъ начальникомъ штаба, лордомъ Китченеромъ, завоевателемъ Судана.

Однако, назначеніе это не отразилось пока на общемъ ходѣ вещей.

По прежнему продолжаютъ находиться въ осадѣ Ледисмитъ и Кимберлей. По прежнему, въ ожиданіи выручки, отсиживается въ Мефкингѣ храбрый англійскій комендантъ, полковникъ Баденъ-Поуэль. А если вѣрить газетнымъ источникамъ, только на этихъ дняхъ генералъ Буллеръ потерпѣлъ новое страшное пораженіе подъ Спіонскопомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпкій африканскій орѣшокъ дорого обойдется британцамъ!

Война неожиданно выдвинула цѣлый рядъ неизвѣстныхъ именъ — Христіанъ Деветъ, Кронье, Деларей, Луи Бота. Эти имена у всѣхъ на устахъ. Носители ихъ уже овѣяны громкой, вполнѣ заслуженной, въ нѣкоторомъ родѣ, даже легендарной славой.

Русская общественность горячо откликнулась на героическія усилія африкандеровъ отстоять свою независимость. Всѣ симпатіи на ихъ сторонѣ. Отдѣльныя лица поступаютъ въ качествѣ добровольцевъ. Идетъ широкій сборъ частныхъ пожертвованій.

Въ продажѣ появились папиросы подъ маркой одного изъ прославленныхъ бурскихъ военачальниковъ. Въ районѣ Сѣннаго рынка открылось нѣсколько трактировъ и чайныхъ, съ номерами для пріѣзжающихъ — Преторія, Іоганнисбургъ, Блумфонтейнъ.

И даже у насъ, въ нашемъ благословленномъ градѣ, на стыкѣ стараго павловскаго проспекта съ большой царскосельской дорогой, выросъ неожиданнымъ образомъ кабачокъ, подъ зазывающей вывѣской — „Трансвааль“ . . .

Третьи сутки въ офицерскомъ собраніи происходитъ бильярдный турниръ.

Группа участниковъ, все мастера высшаго класса — полковой адъютантъ, поручикъ Селивачовъ, корнетъ Вишняковъ, „Черный Пудель“, Эдя фонъ Шведеръ, „Крунъ“ и другіе, оспариваютъ почетное первенство.

Интересъ къ состязанію чрезвычайно великъ.

Не только молодежь, но даже эскадронные командиры, даже старшій полковникъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, не упускаютъ случая, въ промежуткѣ между занятіями, заглянуть въ бильярдную комнату, посмотрѣть на любопытное зрѣлище.

Полковой адъютантъ идетъ безъ одного пораженія и имѣетъ наибольшие шансы. Кое-кто еще держится, другіе выбыли изъ строя въ первый же день и занимаются сейчасъ, къ общей потѣхѣ, злорадной критикой.

Расположившись на высокихъ диванчикахъ, дымя папиросами, по-

тягивая вино, господа офицеры слѣдятъ за дуплетами, карамболями, за эффектными и рискованными ударами однихъ игроковъ, прокатывающихъ шаръ черезъ весь столъ и съ трескомъ загоняющихъ его въ дальнюю лузу, за осторожной, основанной, главнымъ образомъ, на отыгрышѣ, манерой другихъ.

— Ваше высочество? — обращается полковой адъютантъ.

Но великій князь уклоняется отъ игры. Онъ не имѣетъ, какъ признается съ полной чистосердечностью, еще необходимаго опыта, не разсчитываетъ на свои силы, особенно при наличіи такихъ высококвалифицированныхъ и опасныхъ соперниковъ. Нѣтъ, онъ предпочитаетъ пока оставаться въ роли обыкновеннаго наблюдателя!

Сидя въ компаніи молодыхъ офицеровъ, отъ которыхъ отличается лишь золотымъ аксельбантомъ да флигель-адъютантскими вензелями, онъ съ живымъ любопытствомъ слѣдитъ за игрой, дѣлится замѣчаніями, смѣется, громко выражаетъ одобреніе каждому мастерскому удару.

Великій князь, какъ уже было отмѣчено, съ изумительной легкостью вошелъ въ полковую семью. Если въ первые дни наблюдались въ немъ нѣкоторое смущеніе и застѣнчивость — все было такъ необычно и ново, такъ не похоже на его прежній образъ жизни, сейчасъ эта застѣнчивость почти совершенно исчезла.

Старшіе офицеры полка проявляютъ къ нему деликатное и попечительное вниманіе. Отношенія молодежи носятъ иной характеръ, мало чѣмъ отличающійся отъ отношеній другъ къ другу, простыхъ, сердечныхъ и безыскусственныхъ, лишенныхъ всякаго этикета.

И это отсутствіе этикета, эта простота обращенія, основанная на обычныхъ товарищескихъ симпатіяхъ, какъ можно замѣтить, доставляетъ великому князю особую радость, особое наслажденіе.

Да, разумѣется, въ его присутствіи мы нѣсколько умѣряемъ наши порывы, избѣгаемъ разговоровъ на щекотливыя темы, о женщинахъ и любовныхъ интрижкахъ, о великосвѣтской сплетнѣ и болтовнѣ.

Мы не касаемся этихъ вопросовъ, оберегая чистую, скромную, женственно-цѣломудренную натуру великаго князя.

Онъ отвѣчаетъ намъ тѣми же чувствами и, съ полною искренностью, распахиваетъ передъ нами свою довѣрчивую, ясную душу...

———

Уже протекъ мѣсяцъ, какъ великій князь Михаилъ состоитъ на службѣ въ полку.

За этотъ промежутокъ времени я не успѣлъ изучить его въ такой степени, чтобы дать о немъ вполнѣ исчерпывающее и точное представленіе.

Я дѣлаю попытку набросать лишь общій портретъ.

Великій князь отличается мягкимъ, спокойнымъ, благожелательнымъ

характеромъ, достаточно хорошо образованъ, въ совершенствѣ владѣетъ французскимъ и англійскимъ языкомъ.

Онъ не куритъ, воздерживается отъ спиртныхъ напитковъ, избѣгаетъ карточную игру.

Въ немъ не отыскать, разумѣется, ни широты горящаго ума, ни глубины могучаго, дерзающаго духа. По моему мнѣнію, это человѣкъ средняго дарованія, средняго волевого порядка, очень тактичный, прекрасно воспитанный, лишенный малѣйшихъ признаковъ тщеславія, высокомѣрія, честолюбія.

Великій князь на десять лѣтъ моложе Царя. По внѣшнему виду онъ, въ сущности, мало его напоминаетъ, развѣ только глаза, такіе же ясные и лучистые сѣро-голубые глаза, отражающіе душевную чистоту.

Отъ него вѣетъ здоровьемъ, свѣжестью, неистраченной силой. На красивомъ, еще совсѣмъ безусомъ лицѣ, сквозитъ нѣжный румянецъ и неизмѣнная привѣтливая улыбка. Рослый и стройный, тонкій и сухощавый, въ нарядной формѣ изъ сочетаній бѣлаго, синяго и золотого цвѣтовъ, онъ является однимъ изъ наиболѣе видныхъ, наиболѣе представительныхъ офицеровъ полка.

Великій князь обнаруживаетъ большое влеченіе къ театральнымъ зрѣлищамъ, въ частности, къ оперным постановкамъ и вещамъ легкаго комедійнаго жанра. Онъ охотно читаетъ, слѣдитъ за современной литературой, хорошо разбирается въ книжныхъ новинкахъ.

Подкупаетъ его необыкновенная доступность, довѣрчивость, дѣтская непосредственность.

Вчера онъ находился подъ впечатлѣніемъ спектакля въ Александринскомъ театрѣ и, за завтракомъ, бесѣдуя съ офицерами, не находилъ словъ выразить свое восхищеніе комической старухой Левкѣевой.

— Какъ вамъ понравилось, ваше высочество?

— Чудесно! — вспыхиваетъ улыбкой великій князь. — Я въ полномъ восторгѣ!.. Господа, это прелесть, это необыкновенный талантъ!

Сегодня онъ находится въ восторженномъ настроеніи подъ вліяніемъ новаго чеховскаго разсказа:

— Ха-ха-ха!.. Они хочутъ свою образованность показать!.. Ха-ха-ха!.. Позвольте вамъ выйти вонъ!.. Дайте мнѣ атмосферы!.. Ха-ха-ха-ха!

Онъ цитируетъ еще нѣсколько фразъ и заливается смѣхомъ, простодушно, бурно, до слезъ.

Великій князь съ увлеченіемъ отдается строевой службѣ, исполняя свои обязанности младшаго офицера ретиво и добросовѣстно. И наконецъ, какъ настоящій спортсменъ, занимается въ свободное время верховыми прогулками и охотой.

Съ легкой руки великаго князя, охота становится нашимъ излюбленнымъ развлеченіемъ...

10.

Къ подъѣзду полкового собранія подаются троечныя запряжки и цѣлой компаніей, въ числѣ восьми-десяти человѣкъ, охотники направляются къ сборному пункту, въ окрестностяхъ Суйды, Пижмы, Пудости и другихъ гатчинскихъ деревень.

Императорскій ловчій, статскій совѣтникъ Дицъ, уже поджидаетъ насъ съ егерями.

Острый январьскій морозецъ покусываетъ щеки и носъ, снѣгъ мягко хруститъ подъ ногами, осыпается съ вѣтокъ мелкаго ельника, и все ярче разгорается бодрое зимнее утро.

Въ полной тишинѣ охотники слѣдуютъ проложенной тропкой, кидаютъ жребій, становятся на мѣста.

Проходитъ нѣсколько томительно-долгихъ, нестерпимыхъ минутъ, и вотъ, гдѣ-то на флангѣ, издалека, среди насторожившагося безмолвія лѣса, звенитъ охотничій рогъ.

Вслѣдъ за нимъ гулко доносится звукъ ружейнаго выстрѣла.

Это условный сигналъ, по которому тихій и сонный, точно заколдованный лѣсъ немедленно оживаетъ, наполняясь тысячью голосовъ, крикомъ, улюлюканьемъ, свистомъ загонщиковъ, рѣзкими хлопками трещотокъ.

Судорожно сжимая двустволку, устремивъ острый взоръ на сверкающую алмазными искорками, оснѣженную опушку, искрещенную заячьими петлями и звѣринымъ слѣдомъ, ловишъ каждый шорохъ, каждое подозрительное движеніе, чувствуя, какъ стучитъ подъ полушубкомъ горячее охотничье сердце.

Первыми снимаются птицы.

Мелькнетъ съ пискомъ стайка рябцовъ, прошуршитъ въ воздухѣ тетеревъ или фазанъ, подымется старый глухарь.

Послѣднихъ, между прочимъ, бить на облавѣ строго воспрещено.

Чуткій лисъ, распустивъ хвостъ, навостривъ тонкую мордочку, покажется, на мгновенье, въ сухихъ вѣткахъ кустарника, нырнетъ и пошелъ чесать вдоль всей линіи.

— Бахъ-бахъ! — трещатъ ружейные выстрѣлы.

Но лисъ уже далеко, повернулъ, прорвался видимо черезъ загонъ. Потомъ, выскочитъ на смѣну дикій козелъ и однимъ гигантскимъ прыжкомъ, точно призрачное видѣніе, перемахнетъ черезъ дорогу.

А затѣмъ, какъ изъ торбы, повысыпаютъ зайчишки, бѣляки, русаки, справа, слѣва, въ одиночку и парами, и снова гремитъ бѣглый огонь:

— Бахъ-бахъ-бахъ-бахъ!

Только закончится первый загонъ, охотники, не сходя съ мѣстъ, поворачиваются въ обратную сторону. Потомъ переходятъ на новую линію и снова трещитъ стрѣльба, вплоть до полудня, послѣ чего слѣдуетъ остановка, легкій охотничій завтракъ, привалъ . . .

Между прочимъ, кто-то изъ молодыхъ офицеровъ, по ошибкѣ, снялъ глухаря и негодующій Дицъ обрушился на виновника.

Но въ слѣдующемъ загонѣ и великій князь подстрѣлилъ запрещенную птицу.

То-то была потѣха!

— Кто убилъ глухаря? — снова кричалъ старый ловчій, истекая негодованіемъ, чуть-ли не съ пѣной у рта набрасываясь на господъ офицеровъ. — Безобразіе! .. Кто убилъ глухаря?

Онъ перебѣгалъ отъ одной группы къ другой, топалъ ногами, въ сердцахъ срывалъ съ головы свою форменную каракулевую шапочку и кидалъ ее въ снѣгъ.

— Это я, Владиміръ Робертовичъ! — въ смущеніи, залившись густой краской, пробормоталъ великій князь. — Извините меня! .. Это вышло нечаянно!

Лицо ловчаго отразило величайшее изумленіе.

Онъ открылъ ротъ, хотѣлъ что-то сказать, но сразу потухъ, сникъ, укоризненно взглянувъ на великаго князя, пожалъ плечами и протянулъ скорбнымъ страдальческимъ голосомъ, чуть не плача:

— Ваше императорское высочество! .. И вы тоже? .. Я ничего не понимаю!

Офицеры захохотали, а великій князь смѣялся громче другихъ.

Быстро ложатся зимніе сумерки.

Мчатся тройки, кипятъ споры, хохотъ, веселая рѣчь. Позади тянутся тяжелыя розвальни, заваленныя трофеями.

Господа офицеры приглашаются на охотничій ужинъ, въ царскій дворецъ, осушить чарку въ честь „короля охоты" . . .

А время отъ времени устраивается зимній пикникъ, съ участіемъ великихъ княженъ, фрейлинъ сестеръ Голенищевыхъ-Кутузовыхъ, жены адъютанта, супруги Талюши Мордвинова, жены поручика Вульфертъ — молодой, интересной, очень стильной Натальи Сергѣевны.

Тройки несутъ по дорожкамъ Звѣринца, взметая снопы снѣговыхъ искръ, вспугивая зайцевъ и козъ, останавливаются подлѣ „охотничьяго домика". Господа офицеры возятся у камина, дамы сервируютъ закуску, общими усиліями готовится чай и глинтвейнъ.

Въ обстановкѣ непринужденнаго смѣха, шутокъ, молодого задора, маленькихъ развлеченій, протекаетъ нѣсколько веселыхъ часовъ . . .

Наступаетъ февраль, лютый, неровный, съ свистящей метелицей, съ колючими вѣтрами, съ послѣдней схваткой мороза, то робкій, усталый, какъ бы изнемогшій въ борьбѣ, съ сырой влажною оттепелью, съ сладостнымъ дуновеніемъ.

Онъ не принесъ мнѣ ни малѣйшаго облегченія.

Всѣ попытки отыскать утраченный слѣдъ не привели ни къ чему.

Вино моего оптимизма я разбавилъ водой. Померкли мечты, изсякли надежды, въ душѣ горечь, сомнѣнія, глухая тоска.

Я прекратилъ свои поиски.

Въ концѣ концовъ, существуетъ, вѣроятно, серьезное основаніе не подавать признака жизни, держать меня въ полномъ невѣдѣніи и, кто знаетъ, можетъ быть сознательно вырвать изъ моего сердца короткую страницу любви?

Я не могу допустить, чтобы это было обыкновеннымъ женскимъ капризомъ.

Иренъ обладаетъ глубокой и здоровой натурой. Она не похожа на тѣхъ, кто ищетъ любовной интриги, разнообразія, эротическихъ приключеній. Она цѣломудренна и чиста въ своихъ чувствахъ. Мое увлеченіе освящено взаимной привязанностью и уваженіемъ.

И думы мои, съ назойливой настойчивостью, переносятся снова къ недавнему прошлому, къ знакомству съ Иренъ, къ незабываемому образу молодой дѣвушки, къ несравненной музыкѣ ея словъ, полунамековъ, полупризнаній.

Какъ прекрасна она была въ своей сдержанной страстности, какъ притягательна въ своей неизъяснимой таинственности!

Виски мои стучатъ, темнѣетъ въ глазахъ, словно стая вспугнутыхъ голубей мечутся мои мысли.

И чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ съ пущею горечью признаюсь себѣ въ томъ, какъ зыбко, какъ непрочно и хрупко, въ сущности, то, что принято называть любовнымъ экстазомъ, гармоніей душъ, яркимъ, сильнымъ, возвышеннымъ, а, въ дѣйствительности, бѣднымъ и глупымъ человѣческимъ счастьемъ . . .

———

А наряду съ этимъ, какъ острая, раздражающая, жестокая параллель, передъ моими глазами проходитъ другая страница.

Я имѣю ввиду моего друга, корнета Аркаса, властно захваченнаго тѣмъ же недугомъ, упоеннаго, торжествующаго, справляющаго свой пламенный праздникъ.

Онъ оказался счастливѣй меня.

Но я не выдаю своего ложнаго положенія, разыгрывая передъ нимъ шуточную комедію, превращая прошлое въ настоящее, еще сильнѣе терзая себя мучительными воспоминаніями.

Болѣе опытный наблюдатель, вѣроятно, безъ всякихъ усилій, обнаружилъ бы искусственность этой игры. „Донъ-Педро“ слишкомъ охваченъ собственнымъ чувствомъ, чтобы за моими наигранными восторгами разгадать острую щемящую боль.

Ложное самолюбіе, болѣзненная гордость, обида и стыдъ удерживаютъ меня отъ искренняго признанія.

„Донъ-Педро“ принялъ окончательное рѣшеніе.

Его предстоящій брачный союзъ съ корифейкой императорскаго ба-

лета является недопустимымъ съ точки зрѣнія полковыхъ правилъ. Онъ покидаетъ ряды полка.

Я прекратилъ поѣздки въ столицу.

Я всецѣло отдался жизни въ маленькомъ гарнизонѣ и работѣ съ командой развѣдчиковъ. Перемѣна въ моемъ поведеніи изумляетъ, озадачиваетъ и даже нѣсколько тревожитъ друзей. Они наблюдаютъ за мной, пытаются получить объясненіе и, вѣроятно, угадываютъ причину.

Асенька уловила ее съ безошибочностью и чуткостью своего маленькаго женскаго сердца.

Мое увлеченіе не укрылось отъ этихъ проницательныхъ глазокъ. Маленькая женская ревность, въ настоящее время, уступила мѣсто нѣжному, ласковому, трогательному участію.

Это умиляетъ меня, но не устраняетъ тревоги.

Съ тихой грустью въ душѣ, въ сознаніи безплодности дальнѣйшихъ попытокъ, я предоставляю себя теченію дней . . .

11.

Въ 1787 году, отпраздновавъ Новый Годъ, императрица рѣшила осмотрѣть свое „маленькое хозяйство", какъ въ шутку называла имперію.

Въ личной жизни Екатерины наблюдается перемѣна.

Одинъ за другимъ устранены надоѣвшіе фавориты. Всѣ эти люди, въ концѣ концовъ, утомляли ее. Сколько ничтожныхъ заботъ, сколько мелочныхъ дрязгъ, въ то время, какъ на Дунаѣ армія бьется съ врагами отечества!

Только Потемкинъ — единственный человѣкъ, который умѣетъ развлечь, внушаетъ почтеніе, заслуживаетъ вниманія. Онъ любъ ей и дорогъ, какъ настоящій герой и мужчина. Лишь бы только этотъ безумецъ не лѣзъ навстрѣчу опасностямъ, какъ это было при осадѣ Силистріи!

Екатерина оказалась много доступнѣй, нежели эта неприступная крѣпость.

Она пишетъ ему письмо съ ясно выраженною просьбой не подвергать себя безцѣльному риску. Если онъ погибнетъ, она останется безутѣшной. Императрица желаетъ уберечь всѣхъ храбрыхъ и преданныхъ ей друзей. Въ припискѣ заключается главная мысль письма:

— Я всегда очень расположена къ вамъ!

Потемкинъ отвѣтилъ страстнымъ посланіемъ, отразившимъ трепетъ бурнаго сердца. Храбрый вояка умѣлъ, при случаѣ, быть нѣжнымъ поэтомъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ тебя, я думалъ только о тебѣ одной! . . Твои чарующія очи плѣнили меня! . . . Любовь покоряетъ сердца и одинаково связуетъ узами, скрытыми подъ цвѣтами! . . . Но, Боже, какая мука любить, не смѣя сказать той, которую любишь! . . .

Жестокое Небо, зачѣмъ оно создало ее такой Великой? .. Зачѣмъ было угодно судьбѣ, чтобъ я полюбилъ только ее, чье священное имя не сорвется никогда съ моихъ губъ, чей чарующій образъ никогда не изгладится въ моемъ сердцѣ? ...

———

Потемкинъ любилъ ее, забавлялъ и былъ одновременно вѣрнымъ помощникомъ. Она преклонялась предъ нимъ. Потемкинъ сталъ властелиномъ. Екатерина не могла обходиться безъ своего „Циклопа", какъ звала его за единственный глазъ.

Наконецъ-то отысканъ достойный сотрудникъ!

Потемкинъ входитъ съ нею во всѣ государственныя дѣла. Онъ поражаетъ ее то проворствомъ, избыткомъ силъ, кипучей энергіей, то глубочайшей лѣнью.

Она ожидаетъ его за работой, а онъ мечтаетъ цѣлыми днями, не вскрывая ни единой депеши. Нужно ѣхать, карета ждетъ у подъѣзда, а онъ, нечесанный и небритый, въ грязномъ халатѣ, въ опоркахъ на босу ногу, сидитъ въ задумчивости въ своемъ обширномъ покоѣ.

Императрица сердилась.

Потемкинъ обнималъ ее, ласкалъ, цѣловалъ.

— Григорій Александровичъ, ты не намѣренъ одѣться?

— Голубка, я думалъ вѣдь о тебѣ!

Императрица не смѣла противиться. Въ немъ была дикая сила, порабощавшая всякую волю. Онъ былъ точно огненный смерчъ, какъ буря, какъ ураганъ. И въ то же время, у него былъ мягкій, чарующій голосъ.

— Меня ждетъ прусскій принцъ?

— Брось, Катерина! ... Я хочу имѣть тебя въ своихъ объятьяхъ!

— А послы?

— Наплевать! ... Подождутъ!

— А Дидеротъ?

— Наплевать! ... Эка важность! ... Сегодня я хочу обнять всю Россію!

Что за необычайная личность этотъ геніальный лѣнивецъ, который, по мѣсяцамъ, охваченный душевною слабостью, не вылѣзаетъ изъ халата и туфель, то носится безудержно по необъятной странѣ, питаясь чернымъ хлѣбомъ и чеснокомъ, запивая квасомъ рѣдьку съ капустой, то насыщается ананасами и икрой, въ зависимости отъ того, куда обращено его лицо, къ Азіи или къ Европѣ? ...

———

Какъ и прочіе фавориты, Потемкинъ широко черпаетъ средства изъ шкатулки императрицы.

Но его поэтическая фантазія создаетъ такую атмосферу любви, при наличіи которой эти трезвые факты утрачиваютъ значеніе. Соціальное

же неравенство онъ волшебно сметаетъ силой того же чувства, подобно тому, какъ сметаются имъ и легонькія морщины на лицѣ Екатерины.

Потемкинъ сталъ дѣйствительнымъ властелиномъ, самымъ сильнымъ, самымъ могущественнымъ. Императрица всецѣло покорена имъ. Они какъ бы созданы другъ для друга, не взирая на полное несходство характеровъ.

Уже съ первыхъ дней царствованія императрица слѣдитъ съ интересомъ за карьерой безвѣстнаго юнкера, подавшаго ей темлякъ въ памятный день іюньскаго переворота. Онъ произведенъ въ офицеры, пожалованъ въ придворное званіе, принимаетъ участіе въ маленькихъ интимныхъ вечерахъ въ Эрмитажѣ.

Онъ остроуменъ, находчивъ, обладаетъ необыкновенною способностью подражать мимикѣ и голосу собесѣдниковъ, копируетъ придворныхъ сановниковъ, заставляетъ императрицу смѣяться до слезъ.

Подымаясь какъ-то по мраморной лѣстницѣ императорскаго дворца, Потемкинъ встрѣтилъ Орлова, спускавшагося навстрѣчу.

— Что слышно новаго? — спросилъ фаворитъ, уже предчувствовавшій приближающуюся опалу.

— Ничего, кромѣ того, что ты спускаешься, а я подымаюсь! — отвѣтилъ Потемкинъ.

Въ сущности, этотъ грузный гигантъ не можетъ быть названъ красивымъ мужчиной. Его нельзя было бы назвать привлекательнымъ даже въ томъ случаѣ, если бы въ лѣвой глазной впадинѣ лукаво и страстно сіялъ такой же глазъ, какъ и въ правой. Его туловище огромныхъ размѣровъ, онъ непропорціонально сложенъ, не обладаетъ ни малѣйшей граціей, его руки, съ обкусанными ногтями, грубы и неопрятны.

Но Потемкинъ не вознесенный случаемъ красавецъ Орловъ. Это ярко индивидуальная личность, грандіозный фантастъ, увлекающій огненнымъ полетомъ воображенія.

Потемкинъ не только развлекаетъ Екатерину. Тысячами различныхъ способовъ онъ выражаетъ ей свою пламенную любовь, простаиваетъ передъ ней на колѣняхъ, восхищается румянцемъ, бѣлоснѣжною кожей, силою своего поэтическаго вдохновенія возвращаетъ ея лицу свѣжесть и молодость.

Грубый солдатъ даже въ любви, Орловъ былъ скупъ на ласки и похвалы. Потемкинъ истекаетъ нѣжностью, осыпаетъ Екатерину знаками исключительнаго вниманія и, въ первый и единственный разъ, императрица выбита изъ своей обычной позиціи, превращенная въ обыкновенную женщину.

———

Но у Потемкина неровный характеръ. Онъ не обладаетъ уравновѣшенною натурой своей вѣнценосной подруги. Самое ничтожное слово, малѣйшее противорѣчіе отражается на его настроеніи до такой степени,

что онъ готовъ покинуть императрицу и Дворъ. Онъ не хочетъ ограничиться ролью одного лишь любовника. Онъ жаждетъ подлинной власти и широкаго круга дѣятельности.

Екатерина приходитъ въ отчаяніе отъ этихъ взрывовъ бѣшенства, посылаетъ разгнѣванному другу записочки, клянется любить его до конца дней. Потемкинъ не легко смѣняетъ гнѣвъ на милость, дуется въ теченіе долгаго времени, пока не дѣлаетъ шагъ къ примиренію.

Императрица не обижается. Въ безудержномъ гнѣвѣ своего фаворита, какъ и въ необоснованной его ревности, Екатерина усматриваетъ только признаки его чрезмѣрной любви. Но эти ссоры все же доставляютъ ей немалыя огорченія. Она выясняетъ причины, разсѣиваетъ недоразумѣнія и приходитъ, въ концѣ концовъ, къ заключенію, что поводы здѣсь не причемъ, а все дѣло въ своеобразныхъ особенностяхъ натуры Потемкина.

Честолюбіе его стремится къ такому же безграничному обладанію, какъ и любовь. Обычные знаки милости, ордена, отличія, денежные подарки, его не удовлетворяютъ. Онъ добивается высшихъ постовъ въ государствѣ, и своимъ возвышеніемъ обязанъ не только любви.

Императрица твердо убѣждена, что въ лицѣ новаго фаворита обрѣла исключительнаго сотрудника.

Въ самомъ дѣлѣ, не взирая на отсутствіе подготовки, Потемкинъ умѣетъ проявить свои дарованія на любомъ поприщѣ. Онъ совершаетъ не мало ошибокъ, многія изъ его безчисленныхъ начинаній остаются не доведенными до конца, другія кончаются неудачами и приводятъ даже къ прямой бѣдѣ.

И все же, Потемкинъ является той оживляющей, подхлестывающей стихійной силой, которая приноситъ огромную пользу имперіи.

Въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неограниченнаго владычества, отнюдь не впадая въ опалу, Потемкинъ покидаетъ Дворъ и уѣзжаетъ на югъ.

Онъ жертвуетъ нѣжностью Екатерины, чтобы сохранить навѣки ненасытную, жаждущую сверхчеловѣческаго величія, душу императрицы. . .

Старѣющая императрица, пытаясь удержать ускользавшую молодость, ищетъ новыхъ средствъ вдохнуть страсть въ одряхлѣвшее тѣло. Екатерина была врагомъ пустоты, какъ и природа, совѣтамъ которой слѣдовала всю свою жизнь. Она не помѣшана на любви, но въ ней живетъ вѣчно женственная, вѣчно юная и неумирающая жажда любить и быть любимой.

Потемкинъ указалъ императрицѣ на красиваго юношу, офицера одного изъ гвардейскихъ полковъ.

Ему было не болѣе двадцати лѣтъ. Онъ былъ бѣденъ и ограниченъ,

но умѣлъ составлять вкусный напитокъ изъ смѣси токайскаго вина и ананаснаго сока.

Изъ простенькаго, поверхностно образованнаго корнета, Екатерина создаетъ изысканнаго любовника.

Ланской становится ея новымъ кумиромъ.

Она лелѣетъ его, ласкаетъ и обожаетъ, любуется нѣжнымъ, какъ у дѣвушки, цвѣтомъ лица. Ланской остается на своемъ посту цѣлыхъ четыре года. Онъ привязчивъ и преданъ, не отличается ни заносчивымъ честолюбіемъ, ни наглымъ тщеславіемъ.

Екатерина относится къ нему съ материнской, совершенно исключительной нѣжностью. Это ея лучшіе годы, совпадающіе случайно съ наиболѣе спокойными временами правленія. Пораженный Дворъ начинаетъ даже поговаривать объ этой скандальной вѣрности.

Увы, хрупкое здоровье Ланского, подорванное притомъ искусственно возбуждающими средствами, не смогло выдержать простой скарлатины. Десять дней императрица просидѣла на постели угасавшаго юноши, пытаясь вырвать его изъ цѣпкихъ обьятій смерти.

Екатерина не вѣритъ въ печальный исходъ.

Неужели подобной красотѣ суждено исчезнуть навѣки?

Смерть унесла его.

Императрица была безутѣшна. Она тосковала по чистому, нѣжному, безкорыстному фавориту, не могла ни ѣсть, ни спать, ни писать. Все надоѣло ей. Никогда еще она не чувствовала себя такой несчастной, такой одинокой. . .

Полгода лежитъ Ланской на кладбищѣ въ Царскомъ Селѣ.

Обезпокоенный Потемкинъ, искренне сочувствуя императрицѣ и полагая, не безъ основаній, что столь долгое воздержаніе можетъ отразиться на здоровьи и настроеніи его всемилостивѣйшей покровительницы, отыскалъ новаго фаворита, своего дальняго родственника, графа Александра Мамонова.

Потемкинъ назначилъ его своимъ адьютантомъ и послалъ къ государынѣ съ незначительнымъ порученіемъ. Молодой офицеръ не нуждался въ указаніяхъ и ободреніяхъ для того, чтобы быть полезнымъ императрицѣ, не забывая собственныхъ интересовъ.

Увидѣвъ его впервые, Екатерина отозвалась о немъ Потемкину:

— Рисунокъ хорошъ, да колоритъ больно дешевъ!

Но пораздумавъ, все же купила его для себя. На слѣдующее утро, очаровательный и умный гвардеецъ, получившій самое тщательное образованіе, проснулся, по волѣ судьбы, флигель-адъютантомъ Ея Величества.

Въ благодарность онъ послалъ Потемкину золотую чайницу съ надписью:

„Соединенные сердцами болѣе, нежели узами крови“.

Въ кратчайшій срокъ Екатерина поддается чарамъ элегантнаго кавалера и остроумнаго собесѣдника.

— Саша — безцѣнный человѣкъ! — признается Екатерина. — А Потемкинъ — золото, за то, что отыскалъ Сашу!

„Въ этотъ алый камзолъ одѣто существо съ прекраснымъ сердцемъ, въ которомъ таятся большіе запасы честности!" — пишетъ Екатерина письмо Гримму.

„Ума у него за четырехъ, неизсякаемый источникъ веселья, много оригинальности въ пониманіи вещей, великолѣпное воспитаніе... Мы скрываемъ, какъ преступленіе, наше увлеченіе поэзіей... Мы страстно любимъ музыку... Мы декламируемъ, болтаемъ, умѣемъ поддерживать разговоръ въ лучшемъ обществѣ... Мы очень вѣжливы, мы пишемъ по русски и по французски, какъ у насъ рѣдко кто умѣетъ писать, какъ по стилю, такъ и по содержанію... Наша наружность вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ внутреннимъ качествамъ... У насъ очень правильныя черты лица, чудные черные глаза съ бровями, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ, ростъ выше средняго, благородная осанка, легкая походка... Однимъ словомъ, мы такъ же солидны по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, какъ ловки, сильны и блестящи по внѣшнимъ качествамъ!"

Запасы честности, открытые Екатериной въ портретѣ двадцатишестилѣтняго молодого человѣка, который могъ мириться съ любовью женщины на тридцать лѣтъ старше его, несомнѣнно обнаруживаютъ въ императрицѣ необычайную способность создавать себѣ иллюзіи.

Екатерина на этотъ разъ имѣетъ дѣло съ ловкимъ комедіантомъ, искусно играющимъ свою роль.

„Алый камзолъ", однако, не проходимецъ, не циникъ, не безсовѣстный человѣкъ.

„Нѣкоторые изъ фаворитовъ сумѣли облагородить свои унизительныя функціи", — отмѣчаетъ Ланжеронъ въ своихъ мемуарахъ, „Потемкинъ едва не сдѣлался императоромъ!... Завадовскій загладилъ своею административною дѣятельностью!.. Мамоновъ — стыдомъ, который онъ испытывалъ отъ своего положенія и котораго порой не скрывалъ!"

Императрица бросила тосковать по Ланскому.

Настроеніе ея прояснилось.

И вотъ, отпраздновавъ Новый Годъ, императрица рѣшаетъ осмотрѣть свое „маленькое хозяйство"...

12.

Кромѣ многочисленной свиты, императрица намѣрена взять съ собой и внуковъ, Александра и Константина, чтобы познакомить ихъ съ Россіей.

Генералу Салтыкову, замѣнившему въ должности воспитателя скон-

чавшуюся Софью Ивановну Бенкендорфъ, приказано заняться приготовленіями къ этой поѣздкѣ.

Цесаревичъ съ супругой, обиженные этимъ распоряженіемъ, въ почтительномъ письмѣ умоляли императрицу оставить сыновей въ Петербургѣ.

„Дорогія дѣти мои!“ — пишетъ въ отвѣтъ Екатерина. — „Мать, выдящая, что дѣти ея огорчены, можетъ только совѣтовать имъ умѣрить свою печаль, не питать черныхъ мыслей, не поддаваться скорби подъ вліяніемъ разстроеннаго воображенія... Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, но въ то же время принадлежатъ мнѣ, принадлежатъ государству... Я нѣжно люблю ихъ... Вдали отъ васъ для меня будетъ большимъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ... Изъ пяти трое остаются съ вами... Неужели одна я, на старости лѣтъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ буду лишена удовольствія имѣть возлѣ себя кого нибудь изъ своего семейства?.. Что же касается здоровья сыновей вашихъ, то я твердо убѣждена, что путешествіе это укрѣпитъ ихъ и тѣломъ и духомъ... Успѣхи воспитанія такъ же не пострадаютъ, ибо учителя будутъ сопровождать ихъ... Впрочемъ, я глубоко тронута высказываемыми вами нѣжными чувствами ко мнѣ и обоихъ васъ обнимаю отъ всего сердца“.

Великокняжеская чета пишетъ снова письмо, на этотъ разъ, съ просьбой принять личное участіе въ предполагаемомъ путешествіи. Но въ разсчеты императрицы не входитъ имѣть съ собой непрошенныхъ спутниковъ и на просьбу невѣстки и сына слѣдуетъ самый рѣшительный отказъ:

„Чистосердечно должна вамъ сказать, что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая о томъ, что меньшія ваши дѣти оставались бы безъ призрѣнія“.

Желаніе цесаревича удержать сыновей было такъ велико, что по полученіи послѣдней записки императрицы, Павелъ Петровичъ не остановился даже передъ шагомъ, который съ его стороны составлялъ величайшую жертву, какъ бы открытое признаніе собственнаго безсилія.

Онъ обратился къ Потемкину, въ надеждѣ черезъ него склонить мать къ уступчивости. Но свѣтлѣйшій находился на югѣ, получилъ письмо съ большимъ опозданіемъ и, по этой причинѣ, лишенъ былъ возможности оказать какое либо воздѣйствіе.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился обмѣнъ писемъ между сыномъ и матерью, если бы великій князь Константинъ случайно не заболѣлъ корью и вопросъ о поѣздкѣ, самъ собою, не разрѣшился въ желаемомъ для цесаревича направленіи.

7 января 1787 года императрица отправилась въ свое знаменитое путешествіе...

Потемкинъ уѣхалъ впередъ, чтобы приготовить все къ торжественному пріему.

Великолѣпный князь Тавриды оказался мастеромъ на всѣ руки — и полководцемъ, и зодчимъ, и каменщикомъ, и даже садовникомъ. Съ ловкостью искуснаго фокусника и режиссера, понастроилъ цѣлые города, воздвигъ тріумфальныя арки, разбилъ фантастическіе сады, въ которыхъ, подъ ногами сѣверной Семирамиды, должны были распускаться сказочные цвѣты.

Императорскій кортежъ состоялъ изъ четырнадцати кибитокъ, ста шестидесяти пяти саней, пятисотъ лошадей, поджидавшихъ на каждой подставѣ. Кибитка императрицы представляла собой роскошно убранный домъ, съ отдѣльнымъ салономъ, карточными столами, библіотекой.

Императрица приказала взять съ собой мѣха, шелка, чудесныя кашемировыя ткани, затканныя золотыми и серебряными рисунками, чтобы поразить вѣрноподданныхъ пышнымъ великолѣпіемъ.

Многочисленная свита — французскій посланникъ Сегюръ, австрійскій посланникъ Кобенцль, камергеръ Нарышкинъ, очаровательный фаворитъ графъ Мамоновъ, придворныя дамы и фрейлины, поэты, лекари, дипломаты, шуты, окружали императрицу, играли въ шарады и буримэ, подбирали недостающія рифмы, занимались салонной и политической бесѣдой.

Стояли зимніе дни, разсвѣтало поздно, темнѣло рано.

Но путешественники не нуждались въ солнечномъ свѣтѣ. Смолистые факелы горѣли на всемъ пути, заливая занесенныя снѣгомъ поля фантастическими огнями.

Одинъ за другимъ убѣгали верстовые столбы.

И вотъ, наконецъ, вдали показался Кіевъ, сверкавшій золочеными маковками церквей. . .

На Украинѣ императрицу ожидало, однако, нѣкоторое разочарованіе.

Графъ Безбородко, на обязанности котораго лежала организація хозяйственной стороны путешествія, пришелъ въ ужасъ отъ огромныхъ расходовъ.

Онъ шлетъ генералъ-губернаторамъ предупрежденіе о необходимости соблюдать экономію.

Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, въ натурѣ котораго многіе узнавали кровь великаго Царя-Преобразователя, не принадлежитъ къ числу лицъ, которымъ нужно напоминать дважды.

Онъ сокращаетъ расходы до предѣла и даже не находитъ нужнымъ позаботиться объ украшеніи Кіева, святого града, изъ посѣщенія котораго Екатерина намѣревалась устроить торжественный праздникъ.

— Передайте нашей всемилостивѣйшей владычицѣ, что мое дѣло

брать города, а не наводить на нихъ красоту! — отрѣзалъ старый фельдмаршалъ Мамонову, посланному сдѣлать ему замѣчаніе.

Тѣ встрѣчи, которыхъ мечтала Екатерина, начинаются ниже, на югѣ и, въ особенности, въ Крыму. Потемкинъ принимаетъ здѣсь на себя полную инсценировку.

Зима смѣнилась весной и дальнѣйшее путешествіе продолжается по Днѣпру, на разукрашенныхъ галерахъ, въ количествѣ восьмидесяти судовъ.

Потемкинъ нагналъ представителей всѣхъ народностей, населявшихъ Россію. Здѣсь были фески, тюрбаны, чалмы, высокія папахи грузинъ, островерхія шапки монголовъ и шитыя бисеромъ тюбитейки татаръ, халаты, сарафаны, бѣлыя бурки кавказскихъ князей.

Всѣ они низко склонялись передъ императрицей, щедрой рукой осыпавшей ихъ золотомъ и подарками.

Величественная флотилія спускается по Днѣпру, навстрѣчу иностраннымъ монархамъ...

Король Станиславъ-Августъ ожидалъ императрицу въ Каневѣ, на границѣ своего царства, которое она пожаловала ему и въ ближайшемъ будущемъ собирается отобрать.

Окруженный польскими эскадронами, въ бархатныхъ кунтушахъ, со страусовыми перьями на мѣховыхъ шапкахъ, одѣтыхъ въ серебряные латы и шлемы, польскій король явился просить новой защиты у своей прежней, охладѣвшей къ нему подруги.

На торжественномъ банкетѣ ѣли волжскихъ стерлядей, архангельскую телятину, астраханскіе арбузы, пили дорогое вино. Музыка играла веселые ритурнели.

Польскій король сидѣлъ по правую руку. Потемкинъ помѣщался напротивъ. Молодой фаворитъ, графъ Мамоновъ, дѣлая видъ, что ревнуетъ, сидѣлъ уткнувшись носомъ въ тарелку.

Случай соединилъ здѣсь юношескую любовь, увлеченіе зрѣлаго возраста, пылкую страсть на закатѣ.

Вечеромъ былъ балъ и грандіозный фейерверкъ. Сто тысячъ ракетъ озарили феерическимъ огнемъ холмъ, на которомъ стояла императрица со своею многочисленной свитой.

Сказочное путешествіе продолжалось черезъ новороссійскія степи, вплоть до самаго Крыма.

Въ Бахчисараѣ императрица проснулась въ золоченомъ кіоскѣ, подъ синимъ солнечнымъ небомъ, убаюкиваемая пѣснями муэдзиновъ. Проходили караваны верблюдовъ, мелодично журчали фонтаны, освѣжая томительный воздухъ. Вода, орошая пальмы, лавры, тропическіе цвѣты, сбѣгала въ мраморные бассейны.

А среди оливковыхъ вѣтокъ вилась гордая надпись:

„Здѣсь проходитъ дорога на Византію“.

Императрица восхищалась и изумлялась. Потемкинъ привелъ къ ней и австрійскаго императора Іосифа II, съ которымъ, между партіей въ вистъ и прогулкой по морю, Екатерина обсудила окончательный раздѣлъ Польши...

13.

НЕ успѣла императрица вернуться изъ своего грандіознаго путешествія, сіяя отъ приготовленнаго тріумфа, поразившаго всю Европу, какъ неизбѣжность новой войны съ турками становилась съ каждымъ днемъ очевиднѣй.

Русскій посланникъ Булгаковъ заключается въ Семибашенный замокъ. Въ отвѣтъ на подобное дерзкое и неслыханное насиліе, императрица объявляетъ войну.

На другой день Екатерина получаетъ изъ Гатчины письмо цесаревича:

„Манифестъ вашего императорскаго величества объ объявленіи войны туркамъ только что мною полученъ. Пріемлю смѣлость просить у васъ дозволенія отправиться въ качествѣ волонтера. Цѣль моя и намѣренія должны быть извѣстны вамъ, государыня, и къ сему могу только присовокупить увѣренія въ чувствахъ“.

Однако, императрица, находившая пребываніе цесаревича въ арміи нежелательнымъ, отказала ему въ удовлетвореніи его просьбы. Бумажная переписка между сыномъ и матерью снова тянулась въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Принявъ во вниманіе характеръ и взгляды великаго князя, а также чувства ненависти его къ Потемкину, императрица имѣла всѣ основанія удерживать цесаревича и не чинить осложненій своимъ полководцамъ...

Глубоко оскорбленный новымъ отказомъ, цесаревичъ занялся составленіемъ духовнаго завѣщанія.

Испытавшій на себѣ самомъ всѣ неудобства, проистекавшія отъ отсутствія закона о порядкѣ престолонаслѣдія, Павелъ Петровичъ рѣшилъ положить предѣлъ подобному неопредѣленному положенію.

Впослѣдствіе этотъ актъ будетъ обнародованъ въ день коронаціи императора и преобразится въ основной законъ о престолонаслѣдіи, по праву первородства въ мужской линіи царствующаго Дома:

„Дабы государство не было безъ наслѣдника... Дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда самимъ закономъ... Дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія кому наслѣдовать... Дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствіи, не нарушая права естественнаго... Дабы избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ...“

По странной случайности, въ то самое время, когда цесаревичъ задумалъ устанавливать основанія для будущаго закона о порядкѣ престо-

лонаслѣдія, императрица занялась совершенно противоположными мыслями.

Екатерина, какъ извѣстно, имѣла намѣренія отстранить сына отъ наслѣдованія престола и замѣнить его великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Такимъ образомъ, обѣ враждовавшія между собой стороны тайно работали надъ рѣшеніемъ одного и того же вопроса, но въ разномъ смыслѣ.

По возвращеніи изъ таврическаго путешествія, императрица приступила къ изученію занимавшаго ее дѣла и, въ частности, къ чтенію „Правды Воли Монаршей". Къ какимъ заключеніямъ привело Екатерину изученіе мѣропріятій Петра Великаго, можно видѣть изъ собственноручной записки слѣдующаго содержанія:

„Признатися должно, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видитъ принужденнымъ для спасенія общаго дѣла отрѣшить своего отродія... Тутъ уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная и родительская... И такъ, я почитаю, что премудрый государь Петръ I несомнѣнно величайшія имѣлъ причины отрѣшить своего неблагодарнаго, непослушнаго и неспособнаго сына... Сей наполненъ былъ противъ него ненавистью, злобою, ехидною завистью, изыскивалъ въ отцовскихъ дѣлахъ и поступкахъ въ корзинѣ добра пылинки худого, слушалъ ласкателей, отдалялъ отъ ушей истину, и ничѣмъ на него не можно было такъ угодить, какъ понося и говоря худо о преславномъ его родителѣ... Онъ же самъ былъ лѣнтяй, малодушенъ, двоякъ, нетвердъ, робокъ, пьянъ, горячъ, упрямъ, ханжа, невѣжда, весьма посредственнаго ума и слабаго здоровья"...

Одновременно сердечнымъ чувствомъ Екатерины нанесенъ жесточайшій ударъ.

Проѣхавъ шестнадцать тысячъ верстъ по тряскимъ дорогамъ, старая императрица не чувствовала ни малѣйшей усталости.

Въ то же время, молодой графъ Мамоновъ, казалось, былъ совершенно разбитъ.

Ничто такъ не утомляетъ, какъ любовь противъ воли. Фаворитъ стыдился своей обязанности и тяготился ею, отговариваясь то усталостью, то нездоровьемъ.

Однако, вернувшись въ столицу, Мамоновъ влюбился съ перваго взгляда въ молодую красавицу, фрейлину княжну Щербатову, привѣтствовавшую императрицу глубокимъ поклономъ, на площадкѣ императорскаго дворца.

Взаимное увлеченіе не долго сохранялось въ секретѣ.

Расплата послѣдовала немедленно.

— Измѣнникъ! — воскликнула, въ гнѣвѣ, Екатерина. — Онъ от-

говаривался болѣзнью, отдѣлался отъ меня!.. А я, какъ старая дура, о немъ безпокоилась!

— Неблагодарный!.. Онъ измѣнилъ мнѣ, а я даже не могу доставить себѣ удовольствія ему отомстить!

— Храповицкій! — обратилась она къ личному секретарю. — Распорядитесь, чтобы эти сумасшедшіе обвѣнчались немедленно и чтобы я ихъ больше въ глаза не видала!

Отнынѣ увлеченія императрицы становятся все болѣе краткими и слѣдуютъ быстро одно за другимъ...

Кто же отогрѣлъ ее въ послѣдній разъ, передъ тѣмъ, какъ любвеобильное сердце окоченѣло навѣки?

Это былъ Платонъ Зубовъ, кокетливый, вкрадчивый двадцатидвухлѣтній брюнетъ, очаровавшій шестидесятилѣтнюю императрицу. Не взирая на шутки, ходившія по поводу его имени, въ молодомъ деспотѣ не было ровно ничего платоническаго.

„Недурной гвардейскій капралъ“, какъ выразился какъ-то Суворовъ, „маленькій смуглякъ“, „милый ребенокъ“, какъ называла его императрица, юный прапорщикъ напоминалъ красиваго француза, въ стилѣ кавалера Пюисегюра.

Но „маленькій смуглякъ“ обнаруживаетъ огромное честолюбіе. Онъ захватываетъ въ свои руки всѣ дѣла, всѣ средства для вліянія, всѣ источники, изъ которыхъ текутъ царскія милости.

Въ то же время, „милый ребенокъ“, начинаетъ быстро собирать колоссальнѣйшія богатства. Онъ настойчивый попрошайка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко отличается отъ своихъ предшественниковъ. Онъ не только пользуется царской шкатулкой, но одновременно начинаетъ примѣнять широчайшую систему взятокъ.

Теперь онъ не проситъ ничего у своей престарѣлой любовницы... Онъ не смѣетъ принять ея милостиваго подарка — богатѣйшихъ земель въ Польшѣ, населенныхъ нѣсколькими тысячами крестьянскихъ душъ... Его любовь такъ безкорыстна!

Однако, втихомолку, этотъ жадный и лукавый красавецъ заставляетъ оплачивать свои услуги сумасшедшими суммами.

Въ пріемной фаворита постоянно толпятся просители. Онъ заставляетъ ждать ихъ часами. Съ важностью папы, честолюбивый, надменный, онъ играетъ роль великаго визиря. Свой туалетъ совершаетъ въ присутствіи высокихъ сановниковъ. Этотъ наглецъ даже едва отвѣчаетъ на поклонъ цесаревича, питающаго къ нему лютую ненависть.

Онъ ничего не знаетъ и не даетъ себѣ даже труда понять что нибудь. Состоя начальникомъ артиллеріи, фаворитъ неспособенъ отличить полевое орудіе отъ крѣпостной пушки. Въ вопросахъ же внѣшней по-

литини ведетъ себя, въ самомъ дѣлѣ, какъ настоящій ребенокъ, которому предоставили сыграть партію въ шахматы.

Подрывъ дисциплины въ арміи, развитіе роскоши и сибаритства въ офицерскихъ кругахъ, опустошенная казна — таковъ результатъ дѣятельности послѣдняго фаворита.

Екатерина увлекается имъ со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ старости, и снова пишетъ своему свѣтскому духовнику, Гримму:

— Я вернулась къ жизни, какъ возвращается весной оцѣпенѣвшая муха!..

14.

ВЫШЕ подымается алый глазъ солнца, болѣе долгимъ становится день, стелется въ воздухѣ сладкое дуновеніе.

Это южный вѣтеръ, скоро будетъ весна.

Снѣгъ потемнѣлъ и осѣлъ. На плацу, на коновязяхъ подлѣ конюшенъ, на дорожкахъ офицерскаго сада, уже показались проталины. Почернѣла крыша манежа и звенитъ въ полдень звонная капель.

Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, все ярче, все рѣзче, наблюдается поворотъ къ радостному теплу.

Снѣгъ совершенно исчезъ. Влажный дымящійся паръ подымается отъ жирной, вязкой, освободившейся отъ зимняго тулупа земли. Кружевнымъ силуэтомъ, вонзивъ въ небо островерхія пики, сквозятъ тополя царскаго парка. Зеленымъ елочнымъ моремъ, неподвижнымъ и тихимъ, какъ въ штилевую погоду, расплескался Пріоратъ.

Повитый клубящимся маревомъ, онъ пробуждается отъ долгаго сна, и звенятъ въ немъ, перекликаясь тонкими, нѣжными, еще не увѣренными вполнѣ голосами — зинь-зинь, зинь-зинь, синички, малиновки, снигири . . .

———

Въ мартѣ пора тетеревиныхъ токовъ.

Охотники снимаются на ночь, ночуютъ у знакомаго лѣсника, забираются въ шалаши.

Лѣсъ еще спитъ. Ельникъ, искривленный березнякъ, одинокія сосенки, кустарникъ мохового болота — все окутано сырымъ голубоватымъ туманомъ. Потускнѣли звѣзды, востокъ обозначился блѣдною полосой. Въ оранжевыхъ отблескахъ утра чувствуется какое-то невысказанное желаніе, смутная грусть, безотчетное томленье природы.

Лѣсъ просыпается. Въ глухомъ чапыжникѣ протяжно застоналъ филинъ, проблеялъ рѣзвый баранчикъ, прохаркалъ въ вышинѣ вальдшнепъ, пролетая надъ головой.

И пьянитъ голову терпкая радость, лѣсные тайные зовы, бражный запахъ земли...

И вдругъ, гдѣ-то изъ глубины, доносится первое бормотанье, чуфыканье, клохтанье, совершенно особый, непередаваемый звукъ, заставля-

ющій вздрогнуть и нервно стиснуть въ рукахъ старый франкоттовскій дробовикъ:

— Чшъ-чуфы-чшъ-чшъ-чшъ...

Мягко прошуршавъ крыльями, тетеревъ снизился и упалъ гдѣ-то по близости. Тутъ же, неподалеку, въ темныхъ кустахъ сидитъ тетерка и кличетъ красноброваго кавалера тихимъ и нѣжнымъ, изнемогающимъ отъ желанія, сладкимъ до боли призывомъ:

— Кво-кво-кво-кво!

Раздернулась завѣса тумана. Алымъ огнемъ вспыхнулъ востокъ. Со всѣхъ сторонъ, съ разныхъ концовъ лѣса, полилась тетеревиная пѣсня. Воздухъ дрожалъ отъ звонкаго болботанья, отъ шипѣнья, отъ страстнаго хрипа, отъ неистовыхъ стоновъ и криковъ, сливавшихся въ одинъ великій торжествующій гимнъ...

Уже свѣтало и становились болѣе ясными всѣ очертанія. Сумракъ разсѣивался съ каждымъ мгновеньемъ. Блѣдный отблескъ зари игралъ на мшистой корѣ вѣковыхъ сосенъ, на зеленомъ нарядѣ молодыхъ елей, на полянкахъ, покрытыхъ ржавой, прѣлой листвой, на букетномъ дамаскѣ двустволки.

Тетеревъ сидѣлъ на землѣ. Расправивъ крылья, вытянувъ шею, распустивъ вѣеромъ хвостъ, онъ сидѣлъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ и, въ бурномъ экстазѣ, въ томленьи клокочущей страсти, пѣлъ любовную пѣсню.

Казалось, онъ забылъ все на свѣтѣ. Казалось, въ эту минуту ничто не могло испугать, вывести его изъ этого состоянія.

Гулко грянулъ вдалекѣ выстрѣлъ. Эхо подхватило — и волнистыми перекатами понесло по всему лѣсу.

Тетеревъ оборвалъ пѣсню, замолкъ, насторожился. Но снова призывно и нѣжно заквохтала самка — кво-кво-кво! Тетеревъ встрепенулся, заболботалъ, въ изступленіи, какъ одержимый, съ новою силой, злобно топчась на мѣстѣ, вызывая на поединокъ невидимаго соперника.

— Бахъ!

Облако дыма застилаетъ кусты. Слышится судорожное трепыханье, послѣдніе взмахи крѣпкихъ, упругихъ крыльевъ, роющихъ землю.

И тотчасъ, изъ глубины лѣса взмываетъ новый косачъ и садится на маковку голой осины. Онъ видѣнъ, какъ на ладони. Распушивъ опереніе, зажмуривъ зоркіе глазки, начинаетъ новый концертъ. Закончивъ колѣно, тетеревъ умолкаетъ и маленькая крутая головка быстро поворачивается во всѣ стороны.

Но на этотъ разъ я не стрѣляю.

Я опускаю ружье, любуясь краснобровымъ красавцемъ. Пусть живетъ, пусть существуетъ и наслаждается жизнью трубадуръ весенней любви, такъ довѣрчиво отдавшійся моей волѣ!

Я вылѣзаю изъ шалаша.

Тетеревъ съ трескомъ сорвался и снова взмылъ надъ верхушками сосенъ.

Подъ кустомъ лежитъ большая темная птица. Капельки алой крови еще дрожатъ на груди. Глаза подернуты тонкою пленкой, ноги безпомощно вытянуты, а хвостъ такъ и остался распущеннымъ, напоминая о прерванной пѣснѣ.

Рѣзче алѣетъ востокъ. Острѣе пахнетъ сыростью, мохомъ, землей. И льется, не переставая, страстный тетеревиный призывъ, стоны, крики, томленье, пока по настоящему не брызнетъ заря, пока не озолотитъ лѣсъ буйнымъ пламеннымъ свѣтомъ...

Весна шествуетъ побѣднымъ торжествующимъ маршемъ.

Въ скверахъ столицы деревья еще оголены, но вотъ-вотъ готовы выпрыснуть первыя почки. Звенитъ стукъ лопатъ и ломовъ, скалывающихъ послѣднiй ледъ на панеляхъ, убирающихъ остатки талаго снѣга, на смѣну которому, изо всѣхъ щелей, дробясь тысячецвѣтными искрами, журчатъ веселые ручейки.

И гудятъ надъ столицей весеннiе шумы.

И дрожатъ бархатнымъ рокотомъ великопостные перезвоны колоколовъ.

Въ мартѣ пора маленькихъ развлеченiй — передвижныхъ выставокъ, музыкальныхъ концертовъ, конскихъ состязанiй въ Михайловскомъ манежѣ.

Въ манежѣ не протолкаться, гремитъ военный оркестръ, заняты всѣ трибуны, всѣ ложи, пестрѣютъ цвѣтныя фуражки военныхъ, цилиндры и котелки, весеннiя дамскiя шляпки.

Налицо всѣ представители столичной аристократiи, весь цвѣтъ петербургскаго общества, финансовый мiръ, адвокатура, писатели, художники, журналисты, артистки и демимонденки, представители балетной, оперной, драматической труппы, особы придворнаго званiя, члены царской Семьи.

Мелькаютъ яркiе туалеты, треуголки лицеистовъ и правовѣдовъ, алыя шапочки юнкеровъ Гвардейской Школы, лакированныя каски пажей. Звенятъ сабли и шпоры, струится французская рѣчь. Гулъ и смѣхъ тысячи голосовъ заглушаютъ мѣдные звуки оркестра.

Женщины, въ новыхъ сезонныхъ костюмахъ, лорнируя, осматриваютъ одна другую, легкимъ кивкомъ головы отвѣчая на поклоны знакомыхъ. Мужчины жадно поглядываютъ на нихъ. То свѣтское любопытство, которое является главнымъ занятiемъ для этихъ, въ большинствѣ, родовитыхъ, знатныхъ, обезпеченныхъ, праздныхъ людей, обнаруживается здѣсь явственнымъ образомъ.

Они пересчитываютъ и провѣряютъ другъ друга, всѣ-ли въ сборѣ,

кто отсутствуетъ, всѣ-ли достаточно элегантны? Казалось, занятіе это интересуетъ ихъ не въ меньшей степени, какъ и предстоящее зрѣлище состязаній...

По звонку открываются широкія двери паддока.

Кавалергарды, конногвардейцы и офицеры кирасирской бригады, уланы, гусары и конные гренадеры, одни на вороныхъ и гнѣдыхъ, другіе на рыжихъ, сѣрыхъ, караковыхъ многотысячныхъ лошадяхъ, въ щеголеватыхъ конскихъ уборахъ, въ пышномъ своеобразіи красочныхъ полковыхъ формъ, по очереди выѣзжаютъ въ манежъ и дефилируютъ передъ публикой.

Офицеры кавалерійскихъ полковъ, лучшіе ѣздоки на лучшихъ коняхъ, состязаются въ прыжкахъ черезъ препятствія.

Все это хорошо извѣстныя, знакомыя лица, искуснѣйшіе бойцы конкурныхъ ристалищъ — бѣлокурый петергофскій уланъ изящный поручикъ Арсеньевъ, гвардейскій драгунъ Васильевъ, группа кавалергардовъ — красивый, представительный штабсъ-ротмистръ баронъ Маннергеймъ, поручики графы Граббе, молодые корнеты Родзянко.

Дѣятельное участіе принимаютъ конногвардейцы Бискупскій, Струве и Суровцевъ, конные гренадеры Ершовъ и Шульцъ, лейбъ-гусарскіе офицеры Маркозовъ, Звегинцовъ и Павловъ, два рослыхъ конныхъ артиллериста, братья Яковъ и Александръ Гилленшмидтъ.

А отъ нашего полка выступаютъ цѣлыхъ пять человѣкъ — Павлуша Мордвиновъ, Эдя фонъ Шведеръ, Миша Свѣчинъ, Плѣшковъ и Эксе.

Одинъ за другимъ выѣзжали въ манежъ и, направляя коней на препятствія, на обыкновенные хердели и чухонскій заборъ, на дубль-баръ и кирпичную стѣнку, на оригинальную корзинку изъ зелени, на такъ называемый „инъ эндъ айтъ“ и, въ заключеніе, черезъ канаву съ водой, проходили участники состязаній. Мелькали щеголоватыя, расцвѣченныя алымъ кантомъ, уланки, синія съ золотыми шнурами венгерки гусаръ, скромные однобортные мундиры кирасирской дивизіи.

Одни ѣздоки, закинувшись передъ препятствіемъ, по звонку же покидали манежъ, другіе проходили кругъ съ большимъ успѣхомъ, третьи, сдѣлавъ рядъ удачныхъ и смѣлыхъ прыжковъ, закончивъ чисто дистанцію, награждались грохотомъ рукоплесканій.

Принимали участіе офицеры драгунскихъ полковъ и славной кавказской дивизіи, даже статская публика, даже барышни-амазонки, изъ числа искуснѣйшихъ спортсменокъ столицы. Выѣзжала эффектная карусель офицерской кавалерійской школы, во главѣ съ начальникомъ, молодымъ генераломъ Брусиловымъ.

Состязанія кончаются поздно. Публика покидаетъ манежъ, обмѣниваясь послѣдними впечатлѣніями, улыбками, прощальными привѣтстві-

ями, до будущей встрѣчи. Подъѣзжали кареты, парныя запряжки и одиночки, придворныя коляски съ гербами.

Въ сизомъ небѣ мерцали одинокія звѣзды, зажигались первые фонари, весенніе шумы становились болѣе смутными и глухими...

Въ мартѣ пора эскадронныхъ ученій.

Съ какой острою радостью, съ какимъ непередаваемымъ ликованіемъ разстаются кирасиры и господа офицеры съ зимней работой въ четырехъ стѣнахъ манежа!

Даже лошади, даже сытые грузные кирасирскіе кони, съ еще клочковатой отъ линьки, побурѣвшей и выцвѣтшей шерстью, особымъ голосистымъ привѣтомъ встрѣчаютъ ласку весенняго дня, широко раздутыми, подрагивающими ноздрями глотаютъ сладкій мартовскій воздухъ, играютъ на коновязяхъ, шаловливо вздымаются на дыбы.

Эскадронъ выстраивается передъ конюшней, переходитъ полотно желѣзной дороги и останавливается на полѣ, сыромъ и вязкомъ, перекрытомъ кое-гдѣ заплатами сѣраго снѣга.

Это полковой плацъ, раскинувшійся тутъ же, подлѣ кирасирской слободки, на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ, широкій и ровный, какъ столъ, окаймленный съ одной стороны желѣзнодорожною насыпью, съ другой дымкой далекаго бора.

Въ смыслѣ удобствъ трудно представить себѣ что нибудь болѣе подходящее, нежели это военное поле.

Сейчасъ оно еще безжизненно и мертво. Снѣгъ обнажилъ темную вязкую жижу, затягивающую чуть-ли не по самую бабку ноги коней. Быстро проносятся и рвутся клочки облаковъ. Потревоженный чибисъ, поднявшійся съ кочковатой низины, вьется надъ головой, кидая недоумѣнный вопросъ:

— Чьи вы?.. Чьи вы?

Эскадронъ двигается мелкой рысцой — трюхъ-трюхъ!, дѣлаетъ заѣзды налѣво-кругомъ, вытягивается взводной колонной. Возсѣдая на старомъ, видавшемъ виды, рыжемъ коротхвостомъ меринѣ „Риголетто", командиръ эскадрона пропускаетъ мимо себя людей, наблюдаетъ за равненіемъ и дистанціей, по обыкновенію, сыплетъ ругательствами.

Брякаютъ стремена и шашки, приклады винтовокъ. Вязкая почва чавкаетъ подъ копытами лошадей. Изъ подъ ногъ брыжжетъ бурая ископоть. Фыркаютъ застоявшіеся кони, отмахиваются хвостами, шлепаютъ по вязкой землѣ.

Со стороны желѣзнодорожнаго полотна, одинъ за другимъ, появляются прочіе эскадроны — шефскій, бѣлоногій второй, третій — штандартный. Военное поле оживляется новымъ ржаньемъ коней, звукомъ команды, переливчатымъ пѣньемъ трубы.

Появляется старшій полковникъ, здоровается съ людьми, слѣдитъ

за ученьемъ, пропускаетъ эскадроны развернутымъ строемъ, въ порядкѣ церемоніальнаго марша.

Принявъ величественную осанку, напруживъ колесомъ богатырскую грудь, Ипполитъ Алексѣевичъ приподымается въ сѣдлѣ и, подражая голосу Императора, бросаетъ каждому эскадрону:

— Хорошо, кирасиры!

Дружно гремитъ солдатскій отвѣтъ, тотъ самый, который будетъ гремѣть на предстоящемъ „майскомъ парадѣ“:

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество!

Удовлетворенный отвѣтомъ, старшій полковникъ ухмыляется, пощипываетъ сѣдѣющую бородку. Потомъ, давъ шпоры своему горячему, злобному огненно-рыжему жеребцу, подымаетъ его въ галопъ и носится по военному полю.

Солнечный шаръ катится выше и выше, разгоняетъ прохладную свѣжесть, кидаетъ на землю синеватыя тѣни.

А надъ головой, стройной шеренгой, на отбитыхъ журавлинымъ уставомъ дистанціяхъ и интервалахъ, трубя въ серебряныя фанфары, тянутъ голосистые вѣстники, крылатые герольды весны...

15.

ПАСХАЛЬНЫЕ праздники подошли незамѣтно.

Еще вчера клубился сизый туманъ и висѣли въ воздухѣ тоскливые великопостные гулы. Сегодня городокъ преобразился, охмѣлѣлъ отъ яркаго солнца, захлебывается въ бойкомъ радостномъ перезвонѣ:

— Донъ-донъ-диги-донъ!

Городокъ сразу повеселѣлъ, нарядился въ праздничныя одежды, убрался первой весенней листвой.

Господа офицеры посѣщаютъ хоромы командира полка, приносятъ пасхальныя поздравленія.

— Христосъ Воскресе!

Генералъ баронъ Раушъ, троекратно облобызавъ каждаго визитера, со свойственною привѣтливостью, кидаетъ нѣсколько ласковыхъ словъ, направляетъ въ столовую, подчуетъ водками и виномъ, угощаетъ сытною пасхальною снѣдью.

Баронесса Нонна Дмитріевна принимаетъ въ салонѣ.

— Черкесовъ, очень пріятно! — встрѣчаетъ „мать-командирша“, полулежа въ шезлонгѣ, лѣниво протягивая, обнаженную по локоть, бѣлую пухлую руку. — Давно васъ не видѣла!.. Какія новости?.. Говорятъ, интересный романъ?.. Влюблены?.. Признавайтесь?

Я улыбаюсь, отвѣчаю вѣжливой шуткой, пытаюсь придать бесѣдѣ новое направленіе.

Въ этой свѣтской львицѣ, избалованной успѣхами и поклоненіемъ, еще сохранились манерность, кокетство, тщеславіе, увѣренность въ не-

побѣдимости своихъ уже нѣсколько отяжелѣвшихъ, поблекшихъ прелестей.

Нонна Дмитріевна, съ тонкой улыбкой, переводитъ разговоръ въ прежнее русло, обнаруживаетъ неожиданную настойчивость, любопытство:

— Влюблены?.. Въ самомъ дѣлѣ?.. Et bien, faite moi votre confession?

Но появляется командиръ, въ сопровожденіи двухъ дѣвочекъ-подростковъ и хорошенькаго розовощекаго мальчугана. Онъ приглашаетъ меня къ праздничному столу и выручаетъ изъ неловкаго положенія...

Господа офицеры посѣщаютъ семейныхъ — полковника Эспера Александровича, ротмистра барона Таубе и штабсъ-ротмистра Корфа, адъютанта, Талюшу, поручика Вульфертъ.

„Черный Пудель“ и „Джипсъ“ устроили холостую пирушку.

Офицеры христосовались съ приглашенными барышнями, варили жженку, дурачились и разошлись на разсвѣтѣ.

Пашеньки, къ сожалѣнію, не было.

Бѣдная дѣвушка простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ, притомъ въ весьма тяжелой формѣ.

Весна шагаетъ торжествующимъ маршемъ. Ея ликующая улыбка заливаетъ городокъ огненнымъ свѣтомъ. Хмѣльные сладкіе запахи наполняютъ мартовскій воздухъ, и звенитъ въ немъ радостный благовѣстъ, перезвоны пасхальныхъ колоколовъ...

———

На третій день праздниковъ состоялся традиціонный „baisemain“.

Офицеры, въ полномъ составѣ, съѣзжались длинною вереницею къ подъѣзду Аничкова дворца, въ которомъ Императрица, по обыкновенію, проводитъ пасхальную недѣлю.

Въ парадномъ залѣ уже собирались, въ томъ же составѣ, представители прочихъ шефскихъ частей — Кавалергардскаго полка и Гвардейскаго Экипажа.

Офицеры встрѣчались другъ съ другомъ, обмѣнивались привѣтствіями, взаимными поздравленіями.

Потомъ, по знаку церемоніймейстера — Кавалергарды, въ бѣлыхъ парадныхъ мундирахъ съ алыми обшлагами, сверкая тяжелымъ серебрянымъ галуномъ и касками съ серебряными орлами, нашъ полкъ — въ такихъ же бѣлыхъ мундирахъ, залитыхъ синью и золотомъ, въ каскахъ съ золотыми орлами, выстроились длинной шеренгой, по правую и лѣвую руку отъ трона, образовавъ широкій проходъ.

Гвардейскій Экипажъ, въ черныхъ флотскихъ мундирахъ, выстроился покоемъ.

Распахнулись парадныя двери и, легкой походкой, улыбаясь и рас-

кланиваясь въ обѣ стороны, сопровождаемая сыномъ и обѣими дочерьми, Императрица прошла по направленію къ трону.

Великая княгиня Ксенія и великая княжна Ольга заняли, стоя, мѣста на ступеняхъ, по обѣимъ сторонамъ Матери. Каждая изъ нихъ держала въ рукахъ хрустальную вазу, наполненную до краевъ малахитовыми и яшмовыми яичками.

Великій князь Михаилъ сталъ въ офицерскую шеренгу, на лѣвомъ флангѣ полка.

Милостивымъ кивкомъ Императрица подала знакъ.

Одинъ за другимъ, въ порядкѣ старшинства чиновъ, къ трону подходили кавалергарды, лобызая руку Августѣйшаго Шефа, принимая въ подарокъ пасхальное яичко. Въ томъ же порядкѣ совершали baise main офицеры Лейбъ-Регимента, и вслѣдъ за ними гвардейскіе моряки.

По окончаніи церемоніи, Императрица поднялась съ трона, тою же граціозной походкой спустилась по ступенямъ, побесѣдовала съ командирами шефскихъ частей и, привѣтствуемая еще разъ офицерами, удалилась во внутренніе покои...

Сквозь офиціальный пріемъ, за внѣшними атрибутами высокоторжественной аудіенціи, мы ощущаемъ теплоту личной привязанности Императрицы.

Это безошибочно чувствуется въ манерахъ, въ интонаціяхъ голоса, въ невыразимой сердечности отношеній.

Въ настоящее время, съ прохожденіемъ великимъ княземъ Наслѣдникомъ строевой службы въ рядахъ полка, Императрица какъ бы еще полнѣе подчеркиваетъ свою близость, ласковость и довѣріе.

Въ самомъ дѣлѣ, великій князь Михаилъ сталъ членомъ нашей семьи. Обѣ дочери являются, въ свою очередь, неизмѣнными соучастницами полковой жизни и скромныхъ гатчинскихъ развлеченій.

Это невольно соединяетъ насъ очень близкими, неразрывно-тѣсными узами.

Ходитъ, однако, слухъ, будто великая княжна Ольга собирается, въ недалекомъ будущемъ, покинуть маленькій гарнизонъ.

Мы воспринимаемъ этотъ слухъ съ недовѣріемъ и, одновременно, съ чувствами безконечнаго сожалѣнія.

Какъ-то не вѣрится, что мы разстанемся съ „нашей княжной", что осиротѣетъ нашъ полкъ, что не будетъ больше звучать ни въ офицерскомъ собраніи, ни въ манежѣ, ни на охотахъ, прогулкахъ и пикникахъ, звонкій и задушевный смѣхъ нашей милой царевны.

По свѣдѣніямъ, ожидается помолвка великой княжны съ принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ...

16.

ОДНАЖДЫ, когда вернувшись съ ученья, господа офицеры, въ просторной, примыкающей къ вестибюлю, парикмахерской комнатѣ, одни, скинувъ мундиры и подставивъ головы прямо подъ кранъ, освѣжали себя холодной водой, другіе, при помощи вѣстовыхъ, смахивали съ сапогъ и одежды комки бурой высохшей грязи, третьи, стоя передъ зеркаломъ, приводили въ порядокъ прическу, послѣднимъ ударомъ, заключительнымъ „coup de grace“, проводя математически точную линію пробора, ко мнѣ подошелъ Анатоль.

Онъ вертѣлъ въ рукахъ камышевый стэкъ съ серебрянымъ набалдашникомъ, въ видѣ обнаженной женской фигурки и, напѣвая знакомую арію, широко улыбался. На его бѣломъ выхоленномъ лицѣ, съ свѣтлыми усиками, съ горбинкой тонкаго красиваго носа, вооруженнаго стеклышками пенснэ, играло выраженіе лукаваго торжества.

— П-поздравляю! — по обыкновенію, слегка заикаясь, произнесъ Анатоль. — Ты п-произвелъ впечатлѣніе... Фанни Эдуардовна желаетъ съ тобой п-познакомиться!

„Душка — Анатоль“ захохоталъ.

— Кромѣ шутокъ! — продолжалъ онъ. —Оп-предѣленно!.. Баронесса взяла съ меня слово!.. Я долженъ тебя п-привезти!

— Черкесовъ, прошу тебя, сдѣлай мнѣ одолженіе! — произнесъ Анатоль другимъ, просительнымъ тономъ. — Окажи мнѣ услугу!.. Твой отказъ поставитъ меня въ неловкое положеніе!.. Пароль д'оннеръ!

— Но, позволь? — сдѣлалъ я попытку протеста. — Въ чемъ дѣло?.. Какая баронесса?.. Я ее вовсе не знаю?

Анатоль снова захохоталъ.

— Вотъ именно!.. Если не знаешь, такъ п-познакомишься! — воскликнулъ онъ, весело и горячо, точно обрадовавшись, точно предчувствуя мою сдачу. — Тебѣ необходимо развлечься!.. Ты положительно начинаешь меня безпокоить!.. Что съ тобой стало?.. Сидишь или за книгой или въ казармѣ?.. Пренебрегаешь свѣтскими удовольствіями?.. Совсѣмъ отбился отъ рукъ!

— А Фанни Эдуардовна, между прочимъ, очень интересная женщина! — продолжалъ Анатоль, подходя къ зеркалу и поправляя рыжій пушокъ надъ губой. — Антръ ну суа ди, съ солью, съ перцемъ, съ изюминкой! Ты не будешь въ претензіи!.. Двадцать четыре удовольствія!.. Классная женщина!

„Меня не любишь, но люблю я,
Такъ берегись любви моей...“

запѣлъ Анатоль, оторвавшись отъ зеркала и, взявъ меня подъ руку, направился со мною въ столовую.

Онъ долго меня убѣждалъ, приводилъ вѣскіе доводы, умилялъ своими

заботами, подстрекалъ любопытство, соблазнялъ настойчивой просьбой и уговорами.

Въ концѣ концовъ, оставалось лишь подчиниться...

Фанни Эдуардовна, извѣстная въ обществѣ подъ именемъ „Маленькой Баронессы", жила на Англійской набережной.

Небольшой особнякъ фисташноваго цвѣта, съ карнизами, съ выступными балкончиками, въ томъ легкомъ кокетливомъ стилѣ, который находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ величественными дворцами столицы, широкими окнами выходилъ на Неву.

Пріятное впечатлѣніе производила и обстановка квартиры, выдержанная въ свѣтлыхъ тонахъ, съ изящною мебелью, богатой бронзовой арматурой, цѣнными гобеленами и коврами.

Апрѣльское солнце заливало гостиную шаловливымъ полуденнымъ свѣтомъ и отражалось въ зеркалахъ.

Фанни Эдуардовна не заставила себя ожидать.

Я представилъ себѣ почему - то женщину небольшого роста, румяную, плотную, съ наклонностью къ полнотѣ. Внутренно усмѣхаясь, я дополнилъ этотъ образъ гладкой темной прической, маленькимъ ртомъ съ бѣлыми крѣпкими зубами, модной мушкой на правой щекѣ. Наконецъ, я облекъ его въ тяжелое платье, изъ темнаго бархата, съ глубокимъ вырѣзомъ на бѣлой пышной груди.

Я промахнулся грубѣйшимъ образомъ.

Ни одинъ изъ моихъ признаковъ не соотвѣтствовалъ подлинному облику „Маленькой Баронессы".

Послышались быстрые шаги и на порогѣ показалась молодая женщина, въ легкомъ свѣтломъ костюмѣ, съ интересною блѣдностью въ лицѣ, съ соблазнительными ямочками на щекахъ, стройная, тонкая, элегантная, какъ только можетъ быть элегантна петербуржанка высшаго круга, той небольшой, сравнительно замкнутой касты, которая на подобіе яркаго экзотическаго цвѣтка украшаетъ собой сѣрое небо столицы.

Пышные, искусно завитые, рыжевато-бѣлокурые локоны, точно пара золотыхъ хризантемъ, окружали хорошенькую головку. Въ близорукихъ, слегка прищуренныхъ, слегка удлиненныхъ глазахъ, сквозило пытливое любопытство. Чувственно изогнутый ротъ таилъ загадочную улыбку.

Лицо баронессы мнѣ показалось знакомымъ...

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту такъ живо представилось мнѣ послѣднее состязаніе въ Михайловскомъ манежѣ, переполненныя нарядною публикою трибуны и одна изъ боковыхъ ложъ, подлѣ оркестра, изъ которой, на подобіе двухъ вонзившихся стрѣлокъ, былъ на меня брошенъ, изъ подъ лорнета, острый, слегка вызывающій взглядъ.

Больше того, я тотчасъ призналъ въ ней ту самую незнакомку, кото-

рую, принявъ за Иренъ, преслѣдовалъ по Невскому и Морской, за которой бѣжалъ по лѣстницѣ вплоть до площадки бэль-этажа.

На мгновенье, я почувствовалъ нѣкоторое смущеніе.

Но существуютъ удивительныя натуры. Однѣ изъ нихъ какъ бы застегнуты на всѣ пуговицы, отъ воротника до ботинокъ, какъ бы защищены прочной непроницаемою броней.

Другія, наоборотъ, прикрыты тонкой и нѣжной, совсѣмъ воздушною тканью, черезъ которую легко и свободно излучается душевный свѣтъ.

Баронесса принадлежала, безъ сомнѣнія, къ числу послѣднихъ натуръ.

Наше знакомство произошло съ восхитительной простотой. Едва я успѣлъ назвать себя и, склонившись, поцѣловать протянутую мнѣ маленькую душистую ручку, съ тонкими и длинными пальчиками убранными перстнями, едва ощутилъ на себѣ быстрый, внимательный, тотъ же слегка пытливый, слегка вызывающій взглядъ, какъ сразу почувствовалъ нить взаимной симпатіи, незримо протянувшейся между нами.

— Чудно! — точно въ отвѣтъ на мои мысли, улыбнувшись прелестно ямочками, произнесла Фанни Эдуардовна. — Черкесовъ, я не ошиблась!.. Я была увѣрена, что вы откликнитесь на мое приглашеніе!

— Друзья мои! — продолжала она тѣмъ же задушевнымъ и простымъ тономъ, слегка грассируя, что ей удивительно шло, завораживая меня окончательно своею безыскусственностью и теплотой. — Сегодня я смертельно скучаю!.. Вы будете меня развлекать!.. Анатоль! — обратилась она къ моему другу. — Принимайте на себя обязанности хозяина!

— Есть! — отчеканилъ, на морской образецъ, Анатоль и скрылся за шелковою портьерой.

Отпустивъ по моему адресу нѣсколько одобрительныхъ фразъ — о, она уже достаточно хорошо прослышана обо мнѣ со словъ Анатоля! — баронесса, очень тонко, съ большимъ остроуміемъ, коснулась общихъ знакомыхъ, легко и непринужденно завязала бесѣду, свободно переходила отъ одной темы къ другой и, въ частности, какъ настоящій знатокъ, трактовала о спортѣ и лошадяхъ.

— Спортъ — моя жизнь! — засмѣявшись, произнесла баронесса.

То близоруко щурясь, то раскрывая свои зеленовато - сѣрые, изумруднаго тона, не совсѣмъ обычные, загадочные, подъ красиво очерченными бровями глаза, она съ увлеченіемъ поддерживала бесѣду, граціознымъ движеніемъ обнажая маленькія точеныя ножки, закладывая ихъ одну за другую. — Je regrette de ne pas etre un homme! . . . Hèlas! Изъ меня бы вышелъ хорошій спортсменъ!.. . . . Un vraie sportsman!

Мы говорили о послѣднемъ конкурѣ, о рекордныхъ прыжкахъ и стоверстномъ пробѣгѣ, о предстоящихъ скачкахъ на коломяжскомъ ипподромѣ и царскосельскомъ кругу. Мы бесѣдовали о новинкахъ сезона,

о балетныхъ и оперныхъ постановкахъ, комментировали достиженія современной поэзіи и творчество символистовъ.

— Я обожаю Бальмонта! — произнесла баронесса. — „Будемъ какъ солнце!“... Чудно!.. Какъ вы находите?.. По моему мнѣнію, это шедевръ!

Фанни Эдуардовна внезапно умолкла.

Улыбка сбѣжала съ лица, ее точно сдунуло вѣтромъ. Въ глазахъ погасъ искрящійся блескъ. Ямочки на щекахъ исчезли.

— Черкесовъ, мнѣ скучно! — произнесла она, чуть слышно, страдальческимъ шопотомъ, приблизивъ вплотную лицо. — Я безумно скучаю!

Баронесса достала кружевной платочекъ и, на минуту, приложила къ глазамъ.

Я почувствовалъ себя слегка разстроганнымъ откровеннымъ признаніемъ, этимъ ласковымъ тономъ, этимъ милымъ женскимъ довѣріемъ. Хотѣлось сказать нѣсколько словъ, влить необходимую бодрость въ это хрупкое тѣло, прикоснуться къ рукѣ дружескимъ поцѣлуемъ.

Но прежде нежели я успѣлъ привести свою мысль въ исполненіе, Фанни Эдуардовна быстро поднялась и сказала:

— Извините меня!.. Это нервы, это пройдетъ!.. Однако, перейдемте въ столовую!.. Анатоль насъ ожидаетъ!

„Душка - Анатоль“, въ самомъ дѣлѣ, уже сидѣлъ за столомъ и, опрокидывая рюмку за рюмкой, другой рукой отправлялъ въ ротъ маленькія тартинки съ икрой. Онъ держалъ себя очень свободно, точно настоящій хозяинъ и, при нашемъ появленіи, даже не поднялся со стула.

Завтракъ прошелъ съ большимъ оживленіемъ.

Фанни Эдуардовна, настроеніе которой, послѣ кратковременнаго упадка, также неожиданно поднялось, принимала дѣятельное участіе въ игривой бесѣдѣ, смѣялась, шаловливо спорила, возражала. Какъ неизвѣданный еще, незнакомый и новый напитокъ, она съ любопытствомъ впивала мои взгляды, улыбки. Ея сверкающіе зрачки вопросительно останавливались на мнѣ и вызывали, въ свою очередь, любопытство.

Анатоль вынулъ изъ стоящаго рядомъ серебрянаго ведра бутылку, очень ловко, безъ малѣйшаго звука, вытащилъ пробку и разлилъ вино по бокаламъ.

Золотые топазы заиграли въ стеклѣ.

— За нашу дружбу! — засмѣялась Фанни Эдуардовна и залпомъ опорожнила бокалъ. Казалось, это былъ не свѣтскій визитъ, а веселая пирушка молодыхъ собутыльниковъ, объединенныхъ близкимъ знакомствомъ, общимъ настроеніемъ, влеченіемъ, общими интересами. Фанни Эдуардовна смѣялась мягкимъ чувственнымъ смѣхомъ. Что-то ослѣпительно - дерзкое свѣтилось въ ея глазахъ, исходило отъ стройной и гиб-

мой фигурки, съ небольшой, узкой, совершенно дѣвичьей грудью, отъ этой виртуозно - тонкой, кокетливой женской игры.

Эта дерзость невольно передалась и мнѣ.

Возбуждаясь отъ чувственности и выпитаго вина, я безъ смущенія разглядывалъ ее теперь съ головы до ногъ, острымъ взглядомъ срывалъ одежду и представлялъ ее себѣ безъ покрововъ, совсѣмъ обнаженной, хищной и страстной, восхитительно - волнующей самкой.

Она ловила мой взглядъ, не оскорбляясь, улыбаясь уголкомъ рта.

Потомъ, перешли снова въ гостиную, рыдали аккорды, красивый, низкій нѣсколько грудной голосъ, пѣлъ:

„Весна идетъ,
Манитъ, зоветъ,
Веселый кличъ съ долинъ несется!..“

Сладкій хмѣль туманилъ сознаніе, когда на сѣромъ, сбитомъ, крутошеемъ орловцѣ, мы возвращались домой.

Уже вечерѣло и алый закатъ игралъ надъ Невой. На серединѣ рѣки, распустивъ парусъ, неслась бѣлобокая яхта. Ревѣли сирены, струились пароходные дымы, стальные молотки дока выстукивали мелкую дробь.

Въ сизомъ небѣ вставала луна на ущербѣ. Пахло канатами и смолой. Свѣжій морской вѣтерокъ обвѣвалъ лицо щекочущимъ поцѣлуемъ.

Неожиданное знакомство, непринужденная обстановка, образъ „Маленькой Баронессы“ оставили слѣдъ.

Этотъ слѣдъ былъ новъ и пріятенъ.

— Ну, что скажешь? — спросилъ Анатоль и, съ улыбкой, взглянулъ на меня.

Я засмѣялся.

Анатоль, въ свою очередь, захохоталъ.

— Еще бы . . . Двадцать четыре удовольствія!.. Не женщина, а шампанское!

„Что за чудный цвѣтокъ,
Какъ силенъ ароматъ,
Да и самъ онъ красивъ!“,

протянулъ Анатоль, внезапно задумался и лицо его приняло серьезное, несвойственное ему выраженіе.

Передъ храмомъ Благовѣщенья онъ прикоснулся къ моему рукаву, снялъ фуражку и трижды перекрестился . . .

17.

ВОЙНА съ турками находилась въ полномъ разгарѣ, когда политическія событія, самымъ неожиданнымъ образомъ, направили цесаревича не на югъ, а на сѣверъ.

Густавъ III, безъ малѣйшаго повода, объявилъ Россіи войну.

Столица оказалась почти беззащитной.

— Король шведской сковалъ себѣ латы, кирасу, броссары, квиссары и шишакъ съ преужасными перьями! — пишетъ императрица князю Потемкину.

— Выѣхавши изъ Стокгольма, говорилъ дамамъ, что надѣется дать имъ завтракъ въ Петергофѣ!.. Своимъ войскамъ велѣлъ сказать, что намѣренъ превосходить дѣлами и помрачить Густава - Адольфа и окончить предпріятіе Карла XII... Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе... Мы отроду не слыхали жалобы отъ него и теперь не вѣдаю, за что раззлился?.. Теперь Богъ будетъ между нами судьей... Трудно сіе время для меня, это правда, но что дѣлать?.. Надѣюсь въ короткое время получить великое умноженіе, понеже отовсюду везутъ людей и вещей!.. Rira bien qui rira le dernier!

Выборъ лица для командованіе войсками былъ весьма затруднителенъ.

Всѣ лучшіе генералы находились на югѣ.

Императрица возложила задачу на графа Мусина - Пушкина. Но въ скоромъ времени пришлось убѣдиться, что графъ не принадлежитъ къ числу талантливыхъ полководцевъ.

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ - Пушкинъ, въ самомъ дѣлѣ, не обладалъ военными дарованіями. Своему возвышенію онъ обязанъ семейнымъ связямъ съ царствующимъ Домомъ.

Дѣдъ графа, Иванъ Александровичъ, приходился, какъ извѣстно, побочнымъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича, и Великій Преобразователь, которому онъ былъ искренно преданъ, который послѣ Полтавской баталіи пожаловалъ ему, на радостяхъ, графскій титулъ, открыто называлъ его своимъ братомъ.

Отецъ графа, Платонъ Ивановичъ, просвѣщенный, гуманный, блестяще образованный человѣкъ, невинно пострадалъ въ эпоху кровавой бироновщины, будучи, съ урѣзаніемъ языка, сосланъ въ Соловецкій монастырь.

— Сей мѣшокъ нерѣшимый мнѣ весьма надоѣлъ! — въ такихъ выраженіяхъ отзывается императрица о графѣ Валентинѣ Платоновичѣ. — En un mot c'est un bête!

Крайняя незначительность войскъ побудила правительство привлечь къ войнѣ противъ шведовъ даже гатчинскихъ легіонеровъ.

Но въ послѣднюю минуту отъ нихъ отказались.

Императрица не строила себѣ иллюзій въ отношеніи боеспособности знаменитой „батушкиной арміи“.

Это послужило поводомъ къ новой вспышкѣ неудовольствія цесаревича противъ императрицы .

Зато къ Лейбъ - Регименту, вызванному въ царскую резиденцію, Екатерина отнеслась съ величайшимъ вниманіемъ. Кирасиры прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ царскосельскимъ дворцомъ, на балконѣ котораго стояла императрица со своими внуками. Полку была выдана тысяча рублей, господа офицеры жалованы къ рукѣ, командиръ и штабъ-офицеры приглашены къ обѣденному столу.

Цесаревичъ былъ крайне огорченъ нежеланіемъ императрицы использовать его гатчинскія войска.

Это обстоятельство побудило тотчасъ барона Штейнвера выставить графа Мусина - Пушкина, какъ главнаго виновника всего происшедшаго и, своими внушеніями и навѣтами, разстроить добрыя отношенія, существовавшія между нимъ и престолонаслѣдникомъ.

Цесаревичъ направился въ Выборгъ.

Великаго князя сопровождали баронъ Штейнверъ, капитанъ Кушелевъ, камергеръ Вадковскій и лейбъ-медикъ Блокъ.

Въ качествѣ камердинера состоялъ Иванъ Кутайсовъ . . .

Пріѣздъ цесаревича въ армію сопровождался немедленной ссорой съ графомъ Мусинымъ - Пушкинымъ. Водворившійся въ главной квартирѣ разладъ искусно поддерживался барономъ Штейнверомъ, находившемъ обильную пищу для критики изъ сравненія наскоро собранныхъ войскъ съ порядками гатчинскихъ легіонеровъ.

Можно себѣ представить, что бы произошло при появленіи цесаревича среди войскъ, предводительствуемыхъ княземъ Потемкинымъ?

Къ счастью, императрица отклонила отъ него подобное испытаніе.

Екатерина переѣхала въ Петербургъ, „чтобы людей ободрить“, изнемогая сама отъ необычайной жары и терпя, по ея выраженію, „духоту еще и по шведскимъ дѣламъ“.

Дѣла же приняли вскорѣ благопріятный оборотъ.

Адмиралъ Грейгъ разбилъ шведскій флотъ въ Гогландскомъ сраженіи. При осадѣ Фридрихсгама, шведскій король былъ остановленъ неповиновеніемъ собственныхъ войскъ.

Планъ кампаніи, основанный на увѣренности въ полномъ превосходствѣ своего военнаго положенія, рухнулъ въ одно мгновенье.

— Аспекты наши гораздо обратились къ лучшему! — снова пишетъ успокоенная императрица князю Потемкину. — Можно будетъ фуфлыгѣ богатырю крылья подстричь, чтобы впредь пониже леталъ!

18.

ПОТЕМКИНЪ беретъ штурмомъ Очаковъ.

Къ заслугамъ главнокомандующаго необходимо причислить и то, что онъ первымъ открываетъ военный генiй Суворова. Это побѣда его проницательности и общепризнаннаго ума, которые позволяютъ ему стать выше мелкой зависти и соперничества.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что великолѣпный князь Тавриды былъ исключительно одареннымъ и выдающимся человѣкомъ. Многiе современники, даже изъ категорiи недоброжелателей, отдаютъ должное его блестящимъ талантамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почти все то, что было въ имперiи сдѣлано или хотя бы задумано замѣчательнаго во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтiя, отъ большихъ государственныхъ плановъ вплоть до начинанiй въ хозяйственной области, вродѣ развитiя овцеводства или новороссiйской промышленности, такъ или иначе, связано съ именемъ Потемкина.

Потемкинъ проявляетъ несвойственный эпохѣ либерализмъ въ отношенiи армiи. Онъ заботится о солдатахъ, какъ едва-ли кто заботился о нихъ раньше. Изъ-за недостаточно бережливаго отношенiя къ человѣческой жизни, устраиваетъ своимъ генераламъ бурныя сцены.

— Первое дѣло — сбереженье людей! — пишетъ онъ какъ-то Суворову. — Прикажи, другъ сердечный, полковымъ командирамъ, чтобы людей поили квасомъ, а не водою, и чтобы кормили ихъ травными штями!

Онъ запрещаетъ жестокiя наказанiя, примѣнявшiяся во всѣхъ армiяхъ того вѣка. Съ полнымъ равнодушiемъ относится, по этому поводу, къ ропоту генераловъ.

Странно было бы изображать Потемкина просвѣщеннѣйшимъ гуманистомъ, но на фонѣ эпохи, онъ, во многихъ отношенiяхъ, выдѣляется съ исключительной яркостью . . .

Человѣческiй образъ Потемкина, въ сущности, мало понятенъ. Художественный портретъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго еще не созданъ съ достаточной полнотой.

Въ нѣкоторыхъ своихъ поступкахъ онъ представляется почему-то типомъ русскаго барина.

Но „бариномъ“ въ точномъ значенiи слова, онъ никогда не былъ. Родовая знать его ненавидѣла, да и самъ онъ ее не любилъ, хотя былъ перемѣнчивъ необычайно.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, между прочимъ, о присущемъ ему „екстазисѣ“. И въ самомъ дѣлѣ, экстазъ составляетъ одно изъ его характернѣйшихъ свойствъ. Этотъ экстазъ уживался въ немъ съ припадками длительной меланхолiи.

Чрезвычайно интересныя наблюденiя приводятъ французскiе эми-

гранты — князь де Линь, Ришелье, Ланжеронъ, посѣтившіе ставку Потемкина въ 1790 году.

Людей, выросшихъ при версальскомъ дворѣ, никакой другой дворъ не могъ, разумѣется, удивить блескомъ. Но ставки, подобно потемкинской, вѣроятно, въ исторіи никогда не бывало.

При верховномъ главнокомандующемъ находилось шестьсотъ слугъ, двѣсти пѣвчихъ и музыкантовъ, драматическая труппа, балетъ, двадцать ювелировъ для изготовленія сувенировъ очереднымъ дамамъ сердца.

Для большихъ торжественныхъ праздниковъ была устроена спеціальная подземная голлерея, предохранявшая гостей отъ залета случайныхъ турецкихъ ядеръ. Мебель была покрыта розовыми и серебряными шелками, повсюду лежали ковры и богатыя персидскія ткани, курились арабскія куренія, все было выдержано въ восточномъ стилѣ.

Ведя войну съ турками, Потемкинъ многое въ ихъ обычаяхъ одобрялъ и даже заимствовалъ. Но сарданапаловскіе вкусы Потемкина находились въ полномъ противорѣчіи съ турецкой умѣренностью и воздержаніемъ.

Во время завтраковъ и обѣдовъ игралъ оркестръ, набранный изъ малороссійскихъ, еврейскихъ и итальянскихъ музыкантовъ. Потемкинъ одобрялъ музыку, но понималъ ее по своему. Музыкальныя идеи были у него столь же своеобразны, какъ и все остальное.

Такъ, напримѣръ, въ оркестровку одного любимаго имъ произведеденія были введены пушки. И батарея изъ десяти орудій, по знаку дирижера, гремѣла бѣглымъ огнемъ . . .

На лѣвомъ берегу дунайскаго рукава стоитъ Измаилъ.

Онъ обнесенъ четырехсаженнымъ землянымъ валомъ, его окаймляетъ глубокій четырехсаженный ровъ, на валу стоитъ триста орудій. Гарнизонъ насчитываетъ тридцать пять тысячъ бойцовъ, главнымъ образомъ, янычаръ. Во главѣ крѣпости стоитъ сераскиръ, высшій по рангу трехбунчужный паша, крѣпкій, отважный воинъ.

На предложеніе сдаться, паша якобы отвѣчалъ:

— Скорѣй Дунай потечетъ вспять и небо рушится на землю, чѣмъ Измаилъ сдастся врагу!

Князь Репнинъ осаждалъ крѣпость въ 1789 году. Потомъ Дерибасъ пытался взять ее штурмомъ. Послѣднимъ командиромъ осаднаго корпуса былъ Гудовичъ.

Военный совѣтъ постановилъ отказаться отъ дальнѣйшей осады.

Потемкинъ, по соображеніямъ политическаго характера, принимаетъ, однако, иное рѣшеніе и пишетъ Суворову:

— Остается предпринять съ помощью Божіей на овладѣніе крѣпо-

сти. Для сего извольте поспѣшить туда для принятія всѣхъ частей въ вашу команду!

Одновременно, взбѣшенный неудачами генерала Гудовича, отправляетъ ему записку:

— Такъ какъ въ Киліи вы видѣли турокъ только, когда они оттуда ушли, то посылаю вамъ генерала Суворова, который научитъ васъ разсматривать ихъ по близости, чтобы вы могли получить понятіе объ ихъ видѣ!

Новому командующему осадною арміей дается краткая дополнительная инструкція:

— Взять Измаилъ во что бы ни стало!

Суворовъ штурмуетъ и беретъ Измаилъ.

Въ трудахъ военныхъ историковъ и мемуаристовъ есть не мало описаній этого боевого событія.

— Это самый замѣчательный штурмъ, который, по моему мнѣнію, когда-либо происходилъ! — пишетъ де Линь.

— За много вѣковъ не было столь необыкновеннаго военнаго событія! — говоритъ графъ Ланжеронъ.

Незабываемую картину этого боя даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ришелье:

— Штурмъ начался въ темнотѣ, до разсвѣта... Совершенная тьма, крики „ура“ и „алла“, адскій огонь, отсвѣчивающійся въ водахъ Дуная... И бѣшеный лай, вой, визгъ собакъ, которыхъ въ Измаилѣ, какъ и во всѣхъ турецкихъ городахъ, было великое множество!..

Суворовъ одерживаетъ новую побѣду подъ Рымникомъ и доноситъ:

— По жестокомъ сраженіи побитъ нами визирь, пять тысячъ на мѣстѣ, взятъ обозъ, множество амуниціи, счетныхъ сорокъ восемь мортиръ, нашъ уронъ малъ, варвары вчетверо были сильнѣе!

Главнокомандующій сообщаетъ на это императрицѣ:

— Ей, матушка, онъ заслуживаетъ вашу милость и дѣло важное!.. Я думаю, что бы ему и не придумаю?.. Петръ Великій графами за ничто жаловалъ!.. Какъ бы его да съ придаткомъ Рымникскій?

Императрица награждаетъ полководца титуломъ, орденомъ Святого Георгія I класа, брильянтовымъ эполетомъ и шпагой, поясняя въ отвѣтномъ письмѣ:

— Хотя цѣльная телѣга съ брильянтами уже накладена, однако, кавалерію большого креста посылаю ему по твоей просьбѣ, осыпавъ алмазами!.. Думаю, что казистѣе будетъ?.. Онъ того достоинъ!

Вожделѣнный миръ съ турками подписанъ былъ черезъ годъ. Князю Потемкину не суждено было, однако, дожить до умиротворенія Востока. Въ Яссахъ онъ заболѣлъ, выѣхалъ въ Николаевъ, въ пути почувствовалъ

себя совсѣмъ худо. 5 октября 1791 года, на большой дорогѣ, приказалъ остановить экипажъ:

— Я умираю!.. Теперь некуда ѣхать!.. Выньте меня изъ кареты... Хочу умереть въ полѣ!

Борьба съ турками еще не закончилась миромъ, какъ провозглашеніе польской конституціи вызвало со стороны императрицы новое вооруженное вмѣшательство въ дѣла Рѣчи Посполитой.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ потрясающія событія слѣдуютъ одно за другимъ.

Въ 1793 году совершился второй раздѣлъ Польши. Въ 1794 году Суворовъ штурмуетъ Прагу и, послѣ кровопролитнаго боя, занимаетъ Варшаву. Въ 1795 году подписанъ договоръ о третьемъ раздѣлѣ и Польша перестала существовать.

Въ томъ же году послѣдовало присоединеніе Курляндіи. Этимъ пріобрѣтеніемъ завершился циклъ екатерининскихъ завоеваній.

Потемкинъ былъ вполнѣ правъ, приписывая благопріятный исходъ нагрянувшихъ на Россію политическихъ затрудненій твердости Екатерины. Императрица, въ самомъ дѣлѣ, никогда не отступала въ тѣхъ случаяхъ, когда государственные интересы требовали съ ея стороны непреклоннаго упорства и воли при отстаиваніи чести и цѣлости имперіи:

— Я правила всѣмъ, какъ командующій генералъ, и много было превеликихъ амбара и заботъ!.. Когда кто сидитъ на конѣ, то сойдетъ-ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ?.. Буде бы нужда потребовала, то въ послѣднемъ батальонѣ-карэ сама бы голову положила!..

19.

По оврагамъ лежитъ еще снѣгъ, но уже вѣетъ радостная теплынь, сквозитъ нѣжное серебро, жемчуговыя ткани, лазоревые тона. Сладкимъ духомъ напоенъ воздухъ и смѣется ласково молодое апрѣльское солнце.

Длинной кишкой, въ колоннѣ справа-по шести, перемѣннымъ аллюромъ, то шагомъ, то рысью, подымаясь на взгорья, опускаясь въ ложбины, полкъ двигается кратчайшимъ путемъ на „рандеву", назначенное штабомъ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

Мягко шлепаютъ подковы по влажной обочинѣ, фыркаютъ кони, бряцаютъ стремена и палаши. Точно синій лѣсъ поднялись надъ полкомъ тонкія пики съ желто-голубыми значками. Буйнымъ пламенемъ горитъ яркая мѣдь панцырей и начищенныхъ касокъ.

— Тропъ - тропъ - тропъ - тропъ!

Эскадронъ за эскадрономъ, отбивъ установленную дистанцію, приподымаясь на облегченной рыси, трясется въ темпъ ритмическому движенію.
— Тропъ - тропъ - тропъ - тропъ! — тысячи ногъ, рыжихъ, какъ чер-

вонное золото, рыжихъ съ бѣленькими чулочками, мѣдно-красныхъ и бурыхъ, тропотять по широкой санктъ-петербургской дорогѣ.

Когда-то мчались по ней курьеры, фельдъегеря и гонцы, направляясь въ столицу съ важными донесеніями отъ посланниковъ и полководцевъ. Въ просторныхъ рыдванахъ ѣхали на поклонъ именитые заморскіе гости, молодыя принцессы - невѣсты, иностранные принцы и короли. Въ дорожной коляскѣ, запряженной восьмеркой бѣлыхъ коней, подъ эскортомъ кирасирскаго эскадрона, спѣшилъ въ столицу престолонаслѣдникъ, государь цесаревичъ великій князь Павелъ Петровичъ.

Ярко свѣтитъ вешнее солнце, разливая ласкающіе лучи на поля, холмы, перелѣски, уже убранные дымкой первой листвы, кружевомъ изъ топазовъ и изумрудомъ, первымъ узоромъ обновляющейся природы.

Съ ликующимъ плескомъ шумятъ ручьи, и звенитъ, надъ самою головой, первая жаворонковая пѣсня...

Командиръ эскадрона держится впереди, окруженный съ обѣихъ сторонъ четырьмя вѣрными паладинами.

Затянутое поверхъ шинели въ кирасу, туго стянутое ремнями, тяжело приподымается въ сѣдлѣ грузное тѣло. Глаза изъ подъ рыжеватыхъ рѣсницъ устремлены внизъ. На лоснящихся, розовыхъ щекахъ проступила испарина.

Съ переходомъ въ шагъ, командиръ эскадрона, отстегнувъ чешую, снимаетъ съ головы каску, вытираетъ цвѣтнымъ фуляромъ лицо и красную запотѣвшую лысину.

— Пѣсенники! — кричитъ командиръ.

И гремитъ тотчасъ бунчукъ, мелкой дробью растекается бубенъ, звучитъ удалая эскадронная пѣсня:

„То не въ полѣ криниченька,
Не холодная вода —
То дѣвица, бѣлолица,
Круглолица, молода...“

Только кончится пѣсня, на смѣну другая, еще звонче, еще краше и лише, льется изъ двадцати глотокъ, съ присвистомъ, съ цоканьемъ, съ гиканьемъ, съ кудрявыми переборами, съ разухабистымъ тенором запѣвалы Червоннаго:

„Выйды, выйды, сэрденя,
Дівчинонька мила!..“

А ежели покажется впереди деревня или село, пораскроются калитки и окна, если выбѣгутъ на околицу любопытныя бабы, молодыя дѣвки и парни, запѣвало Червонный, лукаво подмигнувъ каримъ глазомъ, взмахиваетъ рукой, и гремитъ новая пѣсенка, бойкая, озорная, которую и передать невозможно, отъ которой прыскаютъ бабы, гогочутъ парни, густо румянятся дѣвки и, съ визгомъ, кидаются на утекъ.

Эскадронъ покатывается отъ хохота.

— Экіе разбойники! — хохочетъ „Папаша", багровѣя отъ смѣха, утирая фуляромъ выступившую слезу. — Любятъ, черти, скоромное!.. Хлѣбомъ ихъ не корми!..

Въ Пулковѣ, на серединѣ пути, полкъ дѣлаетъ остановку, лошадямъ отпускаютъ подпруги, вынимаютъ желѣзо, задаютъ дачу овса.

Черезъ часъ движеніе продолжается.

Уже наблюдается близость столицы. Поля смѣняются огородами. Вмѣсто деревянныхъ построекъ все чаще попадаются кирпичныя зданія, заводы, фабрики, дровяные склады, подъѣздные пути. Въ мутной мглѣ, мало по малу, выростаютъ очертанія гигантскаго города.

Подходя къ Нарвской заставѣ, подтягиваются хвосты эскадроновъ. Господа офицеры становятся на мѣста, на флангѣ своихъ взводовъ, и полкъ снова слѣзаетъ съ коней. Осматривается сѣдловка, всадники оправляются.

— По ко-нямъ!

— Полкъ, са-ди-ись!

Снова выростаетъ лѣсъ синихъ пикъ съ голубо-желтыми флюгерами, бряцаютъ тяжелые палаши, гулко стучатъ о камень подковы.

Впереди ѣдетъ командиръ, генералъ баронъ Раушъ. Тутъ же, на сѣрой кобылѣ, держится полковой адъютантъ. За нимъ двигается старый заслуженный литаврщикъ и хоръ трубачей, на бѣлыхъ, какъ молоко, коняхъ.

Штабъ - трубачъ Воскобойниковъ взмахиваетъ серебрянымъ корнетъ-а-пистономъ, и торжественно звучитъ маршъ, старый полковой маршъ, гремѣвшій на поляхъ Полтавской баталіи, на кровавыхъ равнинахъ Бородина, среди виноградниковъ Лейпцига и Феръ - Шампенуаза, въ кудрявыхъ паркахъ Варшавы.

Полкъ проходитъ Нарвскія ворота, вытягиваясь вдоль Обводнаго канала длинной лентой четырехъ эскадроновъ.

Лошади дробно пересыпаютъ подковами по булыжнику мостовой. Справа тянутся каменныя постройки вокзаловъ, слѣва лежитъ каналъ, съ ржавой маслянистой водой, съ крутыми, покрытыми зеленой травкой откосами.

— Гатчинцы! — слышутся голоса.

— Синіе Кирасиры!

— Царицыны Кирасиры идутъ!

Со всѣхъ сторонъ сбѣгается любопытный народъ, школьники, подмастерья, простоволосыя бабы. Доносятся перезвоны колоколовъ. Пахнетъ весной, кожами, запахами столицы. Надъ городомъ виситъ тяжелое дымное марево.

И горитъ въ немъ, точно огненный шаръ, золотой куполъ Исаакіевскаго собора...

20.

По регламенту, установленному въ старые годы, свыше полувѣка тому назадъ, а можетъ быть еще со временъ александровскихъ, полкъ останавливается, по очереди, то у кавалергардовъ, то въ лейбъ-казачьей бригадѣ, на Лиговкѣ.

Въ теченіе трехъ дней полкъ становится гостемъ кавалергардовъ или казаковъ, живетъ у нихъ, столуется съ ними. Кавалергарды и казаки чествуютъ господъ офицеровъ парадным обѣдомъ. Эта ежегодная связь еще болѣе укрѣпляетъ наши дружныя отношенія.

Наканунѣ парада, происходитъ генеральная репетиція, подъ наблюденіемъ генералъ - инспектора кавалеріи. Остатокъ дня проходитъ въ приготовленіяхъ. Чистятся кирасы и каски, привинчиваются орлы, раздаются бѣлые мундиры, доставленные по желѣзной дорогѣ. Моются и зачищаются кони, приводится въ порядокъ амуниція, вальтрапы, сѣдельный уборъ.

На другой день, въ блескѣ парадныхъ доспѣховъ, полкъ строится на казачьемъ плацу. Пройдя безконечную Лиговку, поворачиваетъ налѣво и выходитъ на Невскій проспектъ.

Торжественнымъ маршемъ, имѣя впереди хоръ трубачей, полкъ проходитъ черезъ весь городъ, шумный, праздничный, оживленный, залитый солнечнымъ свѣтомъ, гудящій точно растревоженный улей.

Многотысячныя толпы столичнаго люда заполняютъ широкіе тротуары. Изъ настежь распахнутыхъ оконъ, съ балконовъ, съ открытыхъ террасъ, со всѣхъ сторонъ глядятъ тысячи человѣческихъ лицъ. Движеніе на проспектѣ пріостановлено. Развѣваются флаги, гремитъ военная музыка, клики, звонкій дѣвичій смѣхъ:

— Синіе Кирасиры!

— Гатчинцы!

— Царицыны Кирасиры идутъ!

Конница стекается со всѣхъ концовъ. Одинъ за другимъ проходятъ полки, гнѣдые и вороные, караковые и рыжіе, въ пылающихъ латахъ, въ каскахъ съ серебряными и золотыми орлами, бряцая подковами, гремя тяжелыми палашами, сверкая острой щетиною пикъ, съ пестрыми разноцвѣтными флюгерами.

Полкъ проходитъ арку Главнаго Штаба и строится на обширной площади Зимняго дворца, съ взлетѣвшей къ небу точеной александровскою иглой.

— Полкъ, слѣ-за-ай!

Кирасиры слѣзаютъ съ коней. Подъ наблюденіемъ эскадронныхъ командировъ и вахмистровъ, люди въ послѣдній разъ смачиваютъ конскія гривы, соломенными жгутами растираютъ запотѣвшія ноги, плечи и крупы, туже затягиваютъ ремни подперсья и бѣлыхъ лосиныхъ подпругъ...

Рядомъ, плотнымъ квадратомъ, стоитъ полкъ петергофскихъ уланъ, въ синихъ щеголеватыхъ мундирахъ, съ золочеными „чашками“ на плечахъ, въ лихо сдвинутыхъ на - бокъ кожаныхъ шапкахъ съ бѣлыми вьющимися султанами.

Уланы рыжеволосы и лошади ихъ, легкія и сухія, той же рыжей, огненной масти. Словно бамбуковый лѣсъ поднялись надъ полкомъ длинныя тонкія пики.

Отъ ближайшаго эскадрона отдѣляются два офицера.

Звеня саблями, волоча ихъ по гранитному плитняку мостовой, они подходятъ ко мнѣ.

— Здравствуй, Черкесовъ! — говоритъ князь Андрониковъ.

— Здорово, капралъ! — смѣется Ванечка Тутолминъ.

Пріятели здороваются со мной, съ любопытствомъ окидываютъ линію эскадроновъ, любуются видомъ полка.

— Ну и гатчинцы! — улыбается Вова Андрониковъ. — Ей - Богу, забили всѣхъ!.. Кррасота!

И точно, въ бѣлыхъ парадныхъ мундирахъ, въ кирасахъ, въ сверкающихъ каскахъ, полкъ черноволосыхъ и черноглазыхъ гигантовъ, производитъ чрезвычайно эффектное впечатлѣніе. Тысячами огненныхъ брызгъ отражается солнце отъ ярко начищенной мѣди, отъ блеска оружія, отъ рыжихъ конскихъ круповъ и спинъ подъ синими, расшитыми звѣздами и золотыми галунами вальтрапами.

А кругомъ несказанная радость апрѣльскаго дня, мягкій и нѣжный, вспоенный весенними ароматами воздухъ, праздничные гулы столицы!

— Половина двѣнадцатаго! — говоритъ Ванечка Тутолминъ, взглядывая на часы - браслетъ и вынимая серебряный портсигаръ. — Времени пропасть!

Отъ Ванечки несетъ легкимъ виннымъ букетомъ. Я не оскорблю его, не испорчу нашихъ пріятельскихъ отношеній, если замѣчу, что Ванечка всегда былъ не дуракъ выпить, еще со школьной скамьи, особенно въ теплой компаніи и, вообще, строго блюдетъ чистоту заповѣданныхъ поэтомъ шуточныхъ правилъ:

„И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ!“

Мы закуриваемъ и продолжаемъ бесѣдовать.

Отстегнувъ чешую, Андрониковъ снимаетъ шапку, проводитъ рукой по темнымъ, слегка вьющимся волосамъ. Его румяное, полное, хорошенькое лицо совсѣмъ разгорѣлось отъ зноя.

— Князь, давно пришли?

— Да уже торчимъ цѣлый часъ! — отвѣчаетъ Вова Андрониковъ. Подняли ни свѣтъ, ни заря!.. Начальство у насъ безпокойное!

— Черкесовъ? — обращается онъ ко мнѣ. — Что дѣлаешь вечеромъ?.. Если свободенъ, пріѣзжай на Крестовскій?.. Соберется неболь-

шая компанія, все свои, славной Школы!.. Графъ Паленъ, Ванечка, Скуратовъ, Скалонъ!.. Выпьемъ, закусимъ, посмотримъ на красивыхъ дѣвочекъ!.. Пріѣзжай?

Изъ за рѣки гулко бухаетъ пушка.

Со стороны Марсова поля доносятся звуки царскаго гимна.

Это начинается высочайшій объѣздъ.

Потомъ, подъ музыку полковыхъ маршей, свистуленъ и флейтъ, проходятъ строевыя роты пажей и гардемариновъ, батальоны военныхъ училищъ, густые ряды гвардейской пѣхоты.

— Трамъ - тамъ - тамъ, трамъ - тамъ - тамъ!

бросаютъ громъ барабаны, наполняя воздухъ бодрыми, мѣрными, боевыми раскатами...

Оставивъ въ каждомъ эскадронѣ небольшой нарядъ, господа офицеры направляются черезъ Пѣвческій мостъ въ расположенный тутъ же, по сосѣдству, на Мойкѣ, полковой ресторанъ.

Старый Дононъ уже поджидаетъ желанныхъ гостей.

Офицеры располагаются группами за отдѣльными столиками. Лакеи обносятъ горячей и холодной закуской, солянкою, осетриной, икрой. Звенятъ рюмки и хрустальные графинчики съ холодной, какъ ледъ, водкой различныхъ сортовъ.

Утренній завтракъ протекаетъ въ приподнятомъ настроеніи.

Ежегодно, въ торжественный день парада, хозяинъ ресторана, по стародавней традиціи, чествуетъ господъ офицеровъ Лейбъ - Регимента этимъ маленькимъ угощеніемъ.

Между тѣмъ, время бѣжитъ.

Полковой адъютантъ Лазаревъ склоняется къ командиру и что - то докладываетъ ему съ озабоченымъ видомъ. Эдя фонъ Шведеръ уже обходитъ столы, собирая въ каску серебряные цѣлковые, въ качествѣ чаевыхъ для прислуги. Старшій полковникъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, густо порозовѣвшій, выкушавшій не одну добрую чарку, извлекаетъ изъ кармана часы - луковицу.

— Не пора - ли, чай, прикончить фриштикъ, ваше превосходительство? — обращается старшій полковникъ. — Полагаю, что инфантерія уже закончила прохожденіе?.. Какъ бы не опоздать?

Генералъ баронъ Раушъ, въ свою очередь, вынимаетъ часы.

— Совершенно вѣрно, Ипполитъ Алексѣевичъ! — соглашается командиръ. — Въ самомъ дѣлѣ, пора!

Старшій полковникъ отрывается отъ стола и, держа въ одной рукѣ каску, сжимая другою эфесъ тяжелаго десятифунтоваго палаша, обращается съ нѣсколькими словами:

— Господа эскадронные командиры и субалтернъ офицеры!.. Интервалы, дистанція, алиньеманъ — въ порядкѣ, по уставнымъ регуламъ,

чтобъ а-ни-ни, чтобъ комаръ носу не подточилъ!.. По нашему, по — гатчински, компренэ?.. А ежели что — голову оторву!

— А ты, Эсперъ! — обращается онъ ко второму полковнику. — сдѣлай милость, не оттягивай, ради Создателя!.. Держи равненіе на меня!..

21.

Мощнымъ потокомъ, со стороны Милліонной, Набережной и Мойки, конница выливается на широкій квадратъ военнаго поля, уже очищеннаго отъ прочихъ частей.

Передъ глазами на фонѣ нѣжной листвы, зеленыхъ кленовъ и липъ Лѣтняго сада, пестрѣетъ разукрашенная флагами и гирляндами хвои трибуна, наполненная избранной столичною публикой, сановниками высшаго ранга, представителями иностранныхъ державъ, членами царской Семьи.

Внизу, окруженный дежурствомъ и старшими генералами, выдѣляясь яркимъ пятномъ, на бѣломъ арабскомъ конѣ, подъ раззолоченнымъ чепракомъ, въ бѣломъ, надѣтомъ на опашь ментикѣ, въ гусарской мѣховой шапкѣ съ бѣлымъ султаномъ, стоитъ Императоръ.

Построенная глубокой резервной колонной, примкнувъ тыломъ къ казармамъ лейбъ - гвардіи Павловскаго полка, конница готовится къ прохожденію.

Заливаются кони, перебираютъ нетерпѣливо ногами, роютъ копытами влажный песокъ. Трепещутъ и бьются султаны. Бушующее море огня, мундировъ, касокъ и латъ, море развѣвающихся надъ головами пестрыхъ значковъ, бряцанье и звонъ, создаютъ фантастическое, напоминающее нѣкій гигантскій кордебалетъ, непередаваемое по сказочной пышности зрѣлище.

Посреди поля, вперивъ въ себя пять тысячъ паръ глазъ, точно неподвижное изваяніе въ живописномъ гусарскомъ мундирѣ, сидитъ на огромномъ чаломъ конѣ генералъ - инспекторъ конницы, великій князь Николай.

Тысячи глазъ слѣдятъ за каждымъ мускуломъ сухого, тонкаго, породистаго лица, за каждымъ движеньемъ клинка, чтобы принять предварительную команду.

— Палаши, сабли, шашки вонъ, пики въ руку... Слу-ша-ай!

И тотчасъ, по полкамъ, по эскадронамъ, по взводамъ, подхваченная въ одинъ мигъ командирами, прокатилась команда:

— Палаши, сабли, шашки вонъ, пики въ руку... Слу-ша-ай!

Рѣзкимъ взмахомъ руки, великій князь опускаетъ клинокъ. Молніей сверкнула на солнцѣ острая сталь сабель и палашей, высоко поднялись пики съ колыхающимися въ воздухѣ флюгерами.

— Къ церемоніальному маршу, по эскадронно, на эскадронной дистанціи...

Литаврщики и соединенные хоры кирасирской дивизіи вынеслись галопомъ впередъ, ставъ лицомъ къ царской трибунѣ подхватили сигналъ. Мѣдные кличи разодрали воздухъ и, по всему полю, мягкимъ бархатнымъ рокотомъ, гремитъ „гвардейскій походъ":

— Трамъ - трамъ...

— Тр-дамъ, тр-дамъ, тр-дамъ...

Полки поворачиваютъ, заѣзжаютъ плечомъ, перестраиваются въ эскадронную колонну и начинаютъ кавалерійскій парадъ...

Впереди, на горячихъ кровныхъ коняхъ, въ алыхъ черкескахъ, съ бѣлымъ башлыкомъ за плечами, тропотятъ кубанцы и терцы — сотни императорскаго конвоя.

Дробнымъ шагомъ, сдерживая коней, проходятъ казачьи линіи передъ императорской ставкой, своеобразной казачьей посадкой, нѣсколько подавшись къ передней лукѣ на высокихъ подушкахъ сѣдла, лаская глазъ живописнымъ покроемъ одежды и мягкихъ кавказскихъ папахъ.

За ними слѣдуетъ Гвардейская Школа.

Юнкера, въ черныхъ мундирахъ, въ низенькихъ алыхъ драгункахъ, обшитыхъ барашковымъ мѣхомъ, проходятъ съ обнаженными шашками въ плечѣ, съ винтовками за спиной.

Глазъ зорко впивается въ юнкерскій эскадронъ, узнаетъ старыхъ начальниковъ и пріятелей, узнаетъ даже коней.

Вотъ, начальникъ училища, генералъ Павелъ Адамовичъ Плеве, маленькій, кругленькій, неказистый, сидящій какъ - то бочкомъ на своей сытой, раскормленной, отливающей золотомъ „Золушкѣ".

Командиръ школьнаго эскадрона, бравый Нижегородецъ, лихой кавказскій джигитъ, полковникъ Константинъ Адамовичъ Карангозовъ, сверкая георгіевскимъ крестомъ на груди, вихремъ выносится на своемъ тонконогомъ арабѣ и, описавъ полукругъ, съ кривой азіатской шашкой, взятой подъ - высь, галопомъ подлетаетъ къ Царю.

Ясно видна офицерская линія — „отчетливый" Давыдъ Давыдовичъ Дитерихсъ, бѣленькій конный гренадеръ Боря - Розанъ, малиновый гусаръ Ковако, бирюзовая „Балалайка".

А за ними слѣдуетъ двухшереножный строй эскадрона, замыкающіе линію взводные портупей - юнкера — усатый Левизъ офъ Менаръ, баронъ Оффенбергъ, красивый Борисъ Панаевъ, Смецкой.

И самымъ послѣднимъ, круто выпятивъ грудь, откинувъ назадъ шенкеля, на моемъ старомъ, вѣрномъ, согнувшемъ дугой лебединую шею, ворономъ „Экваторѣ", выступаетъ эскадронный вахмистръ Иванъ Церетели.

Славная Гвардейская Школа!..

Подъ торжественный маршъ изъ „Дамъ Бланшъ", мѣрнымъ шагомъ выдвигается первый полкъ русской конницы — Кавалергарды.

Поютъ мѣдныя трубы, рокочутъ басы, мягко барабанятъ литавры:

— Шевалье гардэ, шевалье гардэ!

Проходятъ свѣтлоглазые богатыри, въ бѣлыхъ мундирахъ, въ сверкающихъ латахъ, на рослыхъ гнѣдыхъ лошадяхъ подъ алымъ вальтрапомъ, создавая впечатлѣніе несравнимаго изящества, красоты, благородства. Каска съ восьмиконечной звѣздой туго схвачена подъ подбородкомъ металлической чешуей. Широкій орелъ, распластавъ когтистыя лапы, вздѣвъ къ небу два хищныхъ горбатыхъ клюва, точно плыветъ по воздуху на своихъ серебряныхъ крыльяхъ.

— Шевалье гардэ! — грохочатъ и заливаются трубы.

Конная Гвардія — черные бородатые великаны на огромныхъ вороныхъ коняхъ, подъ темно - синими чепраками — вся въ огнѣ золота, величественная, мощная, потрясающая грознымъ великолѣпіемъ, точно тяжелые латники средневѣковья, легендарные рыцари Смерти, символическіе всадники Апокалипсиса.

Просторнымъ размѣреннымъ шагомъ, подъ звуки бравурнаго марша, полкъ дефилируетъ передъ императорской ставкой, пылая огнемъ, сотрясая воздухъ тяжелымъ грохотомъ тысячей ногъ.

По приказанію Императора, лейбъ - трубачи бросаютъ новый сигналъ:

— Тра-та-та-та!

Соединенный хоръ тотчасъ подхватываетъ и кидаетъ звуки кавалерійской рыси. Обвитые гигантскими серебряными удавами, вздѣвъ въ небу разверстыя пасти тромбоновъ, геликоновъ, басовъ, трубачи наполняетъ воздухъ новымъ грохотомъ, новымъ металлическимъ стономъ. Знакомая мелодія передается конямъ. Лошади горячатся, рвутся изъ рукъ, нарушаютъ равненіе.

Проходятъ однобригадники, царскосельскіе Кирасиры, бѣлокурые гиганты на караковыхъ лошадяхъ, въ блескѣ мягкаго серебра, подъ яркимъ желтымъ вальтрапомъ. Огромные кони, точно буцефалы античныхъ фронтоновъ, накатываются тяжкою монолитною массой.

Тѣмъ же порядкомъ, на короткой собранной рыси, проходитъ Лейбъ-Регигментъ.

Четвертый эскадронъ, равняясь по ниткѣ, рыситъ передъ трибуной, передъ замершей въ восхищеніи публикой, передъ ласковымъ взоромъ Царя.

— Тропъ - тропъ - тропъ - тропъ!

Золото съ синимъ точно золотой лугъ изъ васильковъ и ромашекъ... Мѣрно колышется линія синихъ пикъ съ желто-голубыми значками... Храпятъ рыжіе кирасирскіе кони, рвутся изъ рукъ, пылаютъ блескомъ подковъ и убора.

Одновременнымъ движеніемъ взвивается сталь палашей и, одновременно же, по знаку эскадроннаго командира, опускается за правую шпору.

— Хорошо, Кирасиры! — яснымъ, спокойнымъ, ласковымъ голосомъ обращается Императоръ.

И точно такъ же, какъ на домашнихъ репетиціяхъ въ Гатчинѣ, отвѣчая старшему полковнику, гремитъ дружный солдатскій отвѣтъ:

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество!..

За кирасирской дивизіей крутымъ наметомъ мчится лейбъ-казачья бригада... Галопомъ скачутъ Конные Гренадеры, въ желтыхъ бахромчатыхъ эполетахъ, въ своихъ оригинальныхъ кожаныхъ каскахъ, съ алою лопастью и широкимъ волосянымъ гребнемъ... Легко и нарядно проносятся щеголеватые Лейбъ-Уланы, съ лѣсомъ длинныхъ и тонкихъ бамбуковыхъ пикъ... Широкимъ растяжнымъ кентеромъ мчится полкъ гвардейскихъ Драгунъ... Полнымъ карьеромъ, на легкихъ бѣлыхъ коняхъ, точно снѣгъ въ лѣтній день, проносятся Лейбъ - Гусары.

Парадъ заканчивается кавалерійской атакой.

Подъ звуки старинныхъ маршей, длинными лентами, полки снова тянутся по проспектамъ оживленной столицы, пріостанавливая уличное движеніе, привѣтствуемые цвѣтами, кликами, дѣвичьими улыбками.

— Христосъ Воскресе! — смѣются бойкія барышни.

Господа офицеры ловко подхватываютъ цвѣты и посылаютъ воздушные поцѣлуи.

Радостно звучали перезвоны колоколовъ. Яркое солнце играло на зелени скверовъ, на молодыхъ лицахъ, на серебрѣ и золотѣ шлемоблещущихъ эскадроновъ, на золотомъ куполѣ, сквозившаго въ голубой дымкѣ, Исаакіевскаго собора...

22.

Я вспоминаю этотъ торжественный день, совершенно исключительный по блеску, пышности, феерически-сказочному великолѣпію. Я вспоминаю его и по другой причинѣ, не имѣющей ничего общаго съ этимъ праздникомъ боевой мощи и славы.

Невскій проспектъ еще продолжалъ гудѣть толпами оживленнаго, ликующаго, радостно - возбужденнаго люда. Развѣвались попрежнему флаги, сотни и тысячи флаговъ, колеблемыхъ легкимъ дуновеніемъ вѣтерка. Изъ распахнутыхъ оконъ, съ балконовъ, съ террасъ, убранныхъ снопами цвѣтовъ, по прежнему продолжали глядѣть тысячи человѣческихъ лицъ, посылавшихъ улыбками, кликами, взмахами рукъ прощальный привѣтъ возвращавшихся съ парада войскамъ.

Длинной змѣей, пересыпаясь тысячами буйныхъ оттѣнковъ, полкъ выливается на проспектъ. Фыркаютъ запотѣвшіе кони, мягко ступая по

упругимъ торцамъ, оглашая воздухъ горячимъ нетерпѣливымъ ржаньемъ, гремитъ полковой маршъ, бряцаютъ тяжелые палаши, точно рой мотыльковъ вьются на пикахъ пестрые голубо-желтые флюгера, и пылаетъ какъ солнце, сверкая золотомъ, серебромъ, голубыми шелками, перевитое кистями и лентами, полотнище полкового штандарта.

Не успѣли изгладиться впечатлѣнія, насытившія мою жадную ко всѣмъ воспріятіямъ душу, какъ въ этотъ же день меня ожидалъ еще одинъ необычайный эффектъ, потрясшій своею громовой неожиданностью.

Въ порядкѣ хронологическомъ, это произошло вскорѣ послѣ того, какъ проводивъ полкъ, переодѣвшись и пообѣдавъ въ лейбъ - казачьемъ собраніи, предавшись въ теченіе нѣсколькихъ минутъ короткому размышленію, я спустился и вышелъ на улицу...

Я находился въ праздничномъ настроеніи. Меня веселила благородная красота города, пышнаго, блистательнаго, наряднаго, залитаго огненнымъ свѣтомъ. Всѣ люди, попадавшіеся навстрѣчу, казалось, раздѣляли мое настроеніе. Меня радовала многолюдно - праздничная толпа, пестрота и убранство проспектовъ, яркая зелень листвы.

Я вспомнилъ о предстоящей мнѣ вечерней программѣ, о нѣсколькихъ беззаботно-веселыхъ часахъ, которые предстоитъ провести въ кругу старыхъ друзей, вспомнилъ о весенней прелести Крестовскаго Острова, въ частности, Стрѣлки, куда начнетъ вскорѣ стекаться великосвѣтское общество для новыхъ встрѣчъ, новыхъ бесѣдъ, столичныхъ сплетенъ, интимныхъ діалоговъ, шутокъ, смѣха, маленькихъ развлеченій, на фонѣ пламенѣющаго заката, и кликнулъ извозчика.

Сидя въ коляскѣ, ощущая нѣжно шелестящій ласковый воздухъ точно море съ палубы корабля, я миновалъ Невскій проспектъ и очутился на набережной рѣки. Было особое наслажденіе въ этомъ мягкомъ покачиваньи рессоръ, въ блескѣ и зноѣ, въ опьяняющемъ ароматѣ сладкаго апрѣльскаго дня, который я впивалъ съ полузакрытыми глазами, чувствуя себя окрыленнымъ и уносимымъ въ какую - то безпредѣльность.

Мнѣ представилось въ эту минуту зрѣлище торжественнаго парада, переполненная изысканною публикою трибуна, яркій цвѣтникъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, весь „fine fleur“ столичной аристократіи.

Съ необыкновенною четкостью я вспомнилъ и ту главную минуту церемоніала, когда круто повернувъ голову, удерживая одной рукой рвущагося „Рэдъ-Боя“, а другой, вскинувъ палашъ и салютуя Царю, встрѣтилъ на мгновенье его ясный ласковый взоръ и, вслѣдъ за тѣмъ, услыхалъ привѣтствіе, обращенное къ эскадрону.

По моему приблизительному подсчету, Императору пришлось произнести эту фразу триста тридцать три раза, обращаясь къ каждой ротѣ, батареѣ, эскадрону и сотнѣ, принимавшимъ участіе въ торжествѣ.

Одновременно же, мой взглядъ скользнулъ по морю человѣческихъ

лицъ. Зоркимъ окомъ я окинулъ трибуну и, казалось, отыскалъ сразу многихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ барышенъ — Сузи Бахметеву, Вареньку Шнейдеръ, княжну Мику Путятину, въ любопытствѣ и въ восхищеніи, съ затаеннымъ дыханіемъ, наблюдавшихъ прохожденіе шлемоноснаго эскадрона.

Тутъ же, я различилъ улыбающееся личико „Маленькой Баронессы", одѣтой въ свѣтлый весенній костюмъ, съ модною шляпкой, оттѣнявшей бѣлокурые локоны, съ букетикомъ фіалокъ, кокетливо прикрѣпленнымъ къ корсажу.

Безъ сомнѣнія, это была она!.. Баронесса не могла себѣ, разумѣется, отказать въ удовольствіи быть свидѣтельницей торжественнаго спектакля. Любопытно услыхать изъ этихъ тонкихъ и блѣдныхъ, сжатыхъ въ усмѣшку, загадочно - вызывающихъ устъ компетентное мнѣніе?.. Одновременно представляется случай поддержать завязавшееся знакомство.

Съ подобными мыслями я очутился на Англійской набережной и остановился передъ подъѣздомъ...

Къ моему удовлетворенію, я засталъ Фанни Эдуардовну дома. Мое появленіе было для нее неожиданнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не лишеннымъ, какъ мнѣ показалось, характера маленькаго пріятнаго сюрприза.

— Черкесовъ, какъ это мило! — воскликнула баронесса, когда почтительно прикоснувшись къ рукѣ, я занялъ мѣсто подлѣ нея.

Мы сидѣли въ „китайской" гостиной, среди восточныхъ тканей, ковровъ, фарфоровыхъ бездѣлушекъ, за небольшимъ лакированнымъ столикомъ, отдѣланномъ позолотой въ томъ же оригинальномъ экзотическомъ стилѣ. На столѣ дымился кофейникъ, сверкали миніатюрныя китайскія чашечки, ликерныя рюмки, хрустальныя вазы съ фруктами и цвѣтами.

Разумѣется, баронесса находилась еще подъ впечатлѣніемъ дневного зрѣлища. Точно охваченная экстазомъ, взволнованная, съ искрящимися глазами, Фанни Эдуардовна подѣлилась со мною такими деталями, которыя, какъ непосредственный участникъ грандіознаго торжества, я не могъ уловить въ мельчайшихъ оттѣнкахъ.

— Чудно, божественно! — воскликнула баронесса. — Парадъ имѣлъ огромный успѣхъ!.. Какъ хорошо выглядѣлъ Императоръ!.. Молодая Императрица была прекрасна, какъ ангелъ!.. Elle est belle à ravir!

По мнѣнію баронессы, очень милое впечатлѣніе произвели пажи, гардемарины морского корпуса, юнкера военныхъ училищъ...

Великолѣпны были исполины - преображенцы, семеновцы, измайловцы, егеря, моряки гвардейскаго Экипажа и стрѣлки, впрочемъ, вся гвардія, безъ исключенія, особенно Павловскій полкъ, въ своихъ высокихъ мѣднокованныхъ гренадеркахъ, проходившій передъ трибуной, по старинной традиціи, особымъ порядкомъ, съ винтовками „на руку"...

„Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей...
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою..."

— Чудно, безумно! — воскликнула баронесса, когда по обыкновенію, слегка грассируя, закончила свою прелестную декламацію и, на минуту, остановилась, какъ бы переживая яркую картину парада.

Очень сильное впечатлѣніе произвела гвардейская артиллерія, съ какими-то новыми, съ какими - то скорострѣльными пушками...

— Что же касается конницы?.. Chevaliers de la Garde?... Garde à cheval?...

Ахъ, это положительно что - то совершенно неописуемое, что-то волшебное, чего нельзя передать никакими словами!.. Ну, совершенно, какъ сказка изъ „Тысячи одной ночи"!

Баронесса затянулась тонкою сигаретой, выпустила клубокъ голубоватаго дыма, граціозно постучавъ пальчикомъ скинула пепелъ и продолжала:

— Черкесовъ, а вашъ полкъ былъ самымъ замѣчательнымъ, самымъ красивымъ!.. Точно золото въ лазури!.. Не вѣрите?.. Честное слово!.. Пожалуйста, не считайте за комплиментъ!.. Да, именно, золото въ лазури! — повторила Фанни Эдуардовна, какъ бы обрадовавшись удачному поэтическому сравненію, и засмѣялась.

Мы продолжали нашъ разговоръ въ томъ легкомъ, непринужденномъ гривуазно-игривомъ тонѣ, который такъ отвѣчалъ нашему настроенію.

— А великій князь Михаилъ — прямо душка! — замѣтила баронесса. — Онъ проходилъ передъ первымъ взводомъ шефскаго эскадрона, въ нѣскольких шагахъ отъ нашей трибуны!.. Какъ красиво держался въ сѣдлѣ, какъ очаровательно улыбался, какъ мило салютовалъ Императору!.. Словомъ, привелъ насъ всѣхъ въ восхищеніе!

И Фанни Эдуардовна разсмѣялась вторично.

Мнѣ доставляла наслажденіе эта увлекательная бесѣда, эта беззаботно-легкомысленная игра, въ которой я какъ бы физически соприкасался съ мыслями собесѣдницы, ощущая чувственный трепетъ и зной.

И я продолжалъ эту игру, охваченный шаловливо-радостнымъ настроеніемъ, воспринимая съ улыбкой горящіе взоры, легко и беззаботно отражая ихъ, какъ лаунъ-теннисные мячи, согрѣваясь жгучимъ сладострастьемъ игры...

———

Уже опускался розовый вечеръ, когда я простился и вышелъ на набережную.

Глубокое небо висѣло надъ головой. Легкая цѣпь перистыхъ облаковъ, словно жемчужная нитка, протянулась на сѣверѣ. А прямо передо

мной, проливая потокъ разнообразнѣйшихъ красокъ, синихъ и палевыхъ, лиловыхъ, оранжевыхъ, фіолетовыхъ, играя позлащенными бликами на водѣ, дрожало и гасло вечернее солнце.

Рѣка стремительно несла величавыя воды, съ виднѣвшимися кое-гдѣ на поверхности льдинками, какими-то бревнами, щепками и дровами. По серединѣ тянулись буксиры, тяжелыя чухонскія лайбы, плоты. На противоположномъ берегу темнѣли трубы и силуэты морскихъ судовъ. Высоко къ небу, тонкими прозрачными струйками, вились пароходные дымы.

Я продолжалъ стоять у подъѣзда, въ странномъ, мечтательномъ настроеніи, погруженный въ неопредѣленныя думы.

„И имя нѣжное, ласкательное — Фанни!“,

вспомнилось почему-то фофановское стихотвореніе, воспѣвавшее любовь молодого пажа.

Я вздохнулъ и разсѣянно улыбнулся.

Въ эту минуту кто-то меня окликнулъ. Чья-то рука опустилась мнѣ на плечо.

Я обернулся и увидѣлъ передъ собой Фрэда...

23.

„Душа Общества“ смотрѣлъ на меня широко раскрытыми, изумленнными, недоумѣвающими глазами.

Онъ окидывалъ меня съ головы до ногъ какимъ-то особымъ взглядомъ, точно желая изучить происшедшую во мнѣ перемѣну, желая какъ бы провѣрить полнѣе возникшую мысль, догадку, предположеніе.

Наконецъ, скосивъ бритыя губы въ выразительную усмѣшку, поднявъ высоко брови, выбросилъ изъ глаза монокль и захохоталъ.

— Черкесовъ? — произнесъ Фрэдъ. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ?.. Попался, который кусался?.. Тысячу лѣтъ не видались, злодѣй эдакій?

„Душа Общества“ снова смѣрилъ меня испытующимъ взглядомъ.

— Ты что же здѣсь дѣлаешь? — спросилъ Фрэдъ. — Свѣтскій визитъ?.. Five o clock tea у прекраснѣйшей женщины Петербурга?.. Ясно и опредѣленно!.. Я вижу ты не теряешь времени зря!.. Похвально!.. Вполнѣ одобряю!

„Душа Общества“, на мгновенье, остановился.

— Какъ живешь, милый?.. Очень радъ тебя встрѣтить! — продолжалъ Фрэдъ. — Ну, во первыхъ, поздравляю съ военнымъ успѣхомъ!.. Парадъ былъ блестящій!.. Его Величество, сливки общества, дипломатическій корпусъ!.. Все было шикозно и замѣчательно!.. А войска, что за войска?.. Честь и родина, чортъ меня побери!

„Мундиръ военный для всей вселенной
Силки, силки,
Летятъ дѣвицы, летятъ, какъ птицы,
Въ полки, въ полки!“

запѣлъ Фрэдъ, прижался къ плечу и, снизивъ голосъ до шопота, спросилъ:

— А какъ романъ?.. Все, разумѣется, кончено?.. Бѣдняга, мнѣ тебя искренно жаль!..

Я съ тревогой взглянулъ на Фрэда. Смутное предчувствіе озарило сознаніе. Я почувствовалъ, что краснѣю и, съ усиліемъ поборовъ неожиданное смущеніе, отвѣчалъ ледянымъ тономъ:

— Въ чемъ дѣло?.. Не понимаю?

„Душа Общества“ опустилъ брови и лицо его приняло сразу строгое выраженіе.

— Не прикидывайся, мой милый! — произнесъ Фрэдъ. — Ты отлично понимаешь о комъ идетъ рѣчь!.. Или ты думаешь мнѣ неизвѣстно?.. Да объ этомъ знаетъ весь городъ!.. Объ этомъ уже трещатъ всѣ воробьи!

Деликатно ухвативъ подъ руку, Фрэдъ повелъ меня по панели, пытаясь попадать въ шагъ, продолжая пытливо глядѣть на меня.

— Я долженъ передать тебѣ слѣдующее! — произнесъ Фрэдъ, обнаруживъ сразу мое смущеніе и переходя на тотъ дружескій, серіозный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, участливо-теплый тонъ, которымъ завоевалъ мое довѣріе съ первыхъ дней знакомства. — Ну, словомъ, безъ лишнихъ прелюдій, когда я тебя увидалъ, помнишь тогда, въ ресторанѣ, это было еще зимой, я не повѣрилъ глазамъ!.. Не можетъ быть?.. Обманъ зрѣнія, ошибка, фатаморгана?

— Черкесовъ? — продолжалъ Фрэдъ, съ каждой фразой повышая патетически голосъ. — Мой молодой другъ?.. Тотъ, который избѣгалъ женщинъ, который боялся ихъ пуще огня, котораго женщины едва не довели до самоубійства?.. Какъ понимать?.. Что это значитъ?

Фрэдъ молитвенно скрестилъ руки и поднялъ глаза къ небесамъ.

— Я пытался тебя увидѣть, но какъ на грѣхъ ты исчезъ, пропалъ, какъ иголка!.. Я написалъ тебѣ даже нѣсколько строчекъ, съ цѣлью предупредить, образумить, предостеречь отъ этого увлеченія!.. Надѣюсь, ты получилъ письмо?

— Письмо? — отвѣчалъ я. — Никакого письма я не получалъ!

Фрэдъ на минуту задумался.

— Странно! — произнесъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, я считалъ своимъ долгомъ тебя предупредить!.. Мнѣ стало страшно, мой милый!.. Страшно за твою драгоцѣнную шкуру!.. Вся твоя карьера могла превратиться въ ничто!.. Мой другъ, ты игралъ съ огнемъ, плясалъ на вулканѣ!.. Хотя, съ другой стороны, я ликовалъ!.. Какой трофей!.. Какая исключительная побѣда!

Я вопросительно взглянулъ на Фрэда, въ тревожномъ недоумѣніи, сбитый окончательно съ толку, въ тщетной попыткѣ что либо понять. Мнѣ стало лишь яснымъ, что тайна моя раскрыта.

И схвативъ Фрэда за руку, задыхаясь отъ охватившаго меня волненія, я воскликнулъ:

— Фрэдъ, ты знаешь?.. Ты мнѣ обязанъ сказать!..

„Душа Общества“ взглянулъ на меня съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

— Мой милый, спокойствіе прежде всего! — замѣтилъ Фрэдъ. — Зачѣмъ это волненіе?.. Возьми себя въ руки?.. Теперь, по крайней мѣрѣ, я за тебя не тревожусь!.. А тебѣ не мѣшаетъ все же поставить свѣчку патрону, святому Великомученику Георгію!.. Дешево ты отдѣлался, мой дорогой!.. А въ общемъ, все хорошо, что хорошо кончается!

— Ну, пистолетъ! — продолжалъ Фрэдъ, какъ будто что-то неожиданно вспомнивъ и снова захохоталъ мелкимъ смѣшкомъ. — Ловко это у тебя вышло!... Ха-ха-ха!... Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

„Какъ красоткѣ угодить
Нужно гатчинца спросить!“

— Итакъ, безумецъ, ты до сихъ поръ не знаешь, что ты надѣлалъ? — сказалъ Фрэдъ, отдуваясь отъ смѣха и протирая платкомъ глаза. — Не знаешь, кому наставилъ рога?... Ха-ха-ха!... Ну, давай сюда ухо, только смотри, не упади въ обморокъ!... Я тебѣ кое-что передамъ, парбле, шампетръ, суасантъ нефъ!

Фрэдъ склонился ко мнѣ и прошепталъ.

Я отшатнулся отъ него въ величайшемъ недоумѣніи:

— Лжешь, негодяй!

„Душа Общества“ иронически пожалъ плечами и усмѣхнулся...

24.

ДИКОЕ чувство, острое точно змѣиное жало, пронизало меня, когда разставшись съ Фрэдомъ и кинувъ ему въ лицо грубую фразу, я мчался на дрожкахъ къ тетушкѣ Маріи Васильевнѣ.

Это недопустимо, невѣроятно, это наглая ложь!

Эта кощунственная мысль никогда бы не смѣла прійти въ голову!

Ложь, ложь, ложь!

Мое блаженно-мечтательное состояніе, въ которомъ я находился какихъ нибудь четверть часа тому назадъ, исчезло въ одно мгновеніе.

Точно низринувшись въ бездну, глубина которой мнѣ неизвѣстна, я испыталъ рядъ мучительнѣйшихъ переживаній. Я почувствовалъ болѣзненное смятеніе. Моя вѣра неожиданно заколебалась.

Я ощутилъ стыдъ, жгучій, клейкій, невѣроятный, словно украдкой протянулъ руку въ карманъ и пойманъ съ поличнымъ. Толпа негодуетъ, надъ моей головой заносятся кулаки, а я, ошельмованный, опозоренный, съ блѣднымъ искаженнымъ лицомъ, стою на мостовой и не въ состояніи вымолвить ни единаго слова.

Такъ вотъ, въ чемъ дѣло?

Вотъ какова разгадка таинственнаго инкогнито?

Княжна Лиговская?... Иренъ?

— Боже мой, какое невѣроятное заблужденіе!

Одновременно меня охватило бѣшенство при мысли о томъ, что я сталъ героемъ дурацкой комедіи, что все это, столь загадочное, столь плѣнительное и яркое петербургское приключеніе, какъ оказывается, было пустой забавой, пусть еще молодой, но уже достаточно искусной кокотки, воспользовавшейся моимъ простодушіемъ, чтобы разыграть жалкій и пошлый фарсъ.

И когда наступилъ часъ опустить занавѣсъ, онъ былъ опущенъ безъ малѣйшаго колебанія.

Такъ вотъ гдѣ ключъ къ этой странной, къ этой непонятной и дикой загадкѣ?... Сейчасъ все объяснилось!... Все стало вполнѣ яснымъ, опредѣленнымъ!... Боже мой, этого только недоставало!

Я не щадилъ себя, терзалъ себя, клялъ свою довѣрчивость, наивность, неистребимый запасъ нелѣпой романтики, которая, не взирая на рядъ предметныхъ уроковъ, продолжаетъ упорно сохраняться въ душѣ.

Мало-по-малу, чувства мои стали, однако, спокойнѣе, волненіе улеглось, разсудокъ одержалъ верхъ.

— Велика бѣда, подумаешь, что не отличилъ фальшиваго золота отъ настоящаго?... Съ кѣмъ этого не бываетъ?... Не я первый, не я послѣдній!

Утѣшая себя подобными аргументами, я пришелъ къ заключенію, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ смысла придавать этой исторіи трагическаго значенія, что все это не болѣе, какъ одно изъ тѣхъ приключеній, которыя подстерегаютъ молодого человѣка на каждомъ шагу, которыя слѣдуетъ принимать съ шутливой, гордой и даже презрительною усмѣшкой, безъ раскаянія, безъ драматическихъ жестовъ и позъ.

Однако, по мѣрѣ приближенія къ Васильевскому Острову, воспоминанія проснулись съ такой невыразимою горечью, съ такой острой и колючею силой, что я снова очутился во власти терзающихъ думъ.

— Здѣсь она улыбнулась! — вспомнилъ я, когда извозчикъ, свернувъ налѣво, поднялся на Николаевскій мостъ.

— Здѣсь произнесла первую фразу! — подумалъ я, когда дрожки поровнялись съ часовней.

— Здѣсь я прикоснулся къ ея рукѣ!

Въ концѣ концовъ, я не выдержалъ. Я слѣзъ съ дрожекъ, расплатился съ извозчикомъ и, съ цѣлью себя разсѣять, зашагалъ по направленію къ 6-ой линіи...

Тетушка Марія Васильевна чувствовала себя нездоровой.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ ней наступила рѣзкая перемѣна. Она похудѣла, осунулась, постарѣла сразу на нѣсколько лѣтъ.

— Плохо, Георгій! — сказала тантъ Мари, когда поцѣловавъ руку, я съ учтивой заботливостью освѣдомился о положеніи. — Догораетъ моя свѣча!

Компаньонка, Шарлотта Ивановна, маленькая и сморщенная, скорбно подперевъ ладошкой щеку, сидѣла тутъ же, въ углу будуара.

— Давно поджидала тебя, дружокъ! — произнесла тетушка. — Знаю, что недосужно, занятъ больно полковой службой да экзерсисами, что въ столицѣ рѣдко бываешь!... Анъ вотъ и вышла оказія!... Ну, какъ парадъ, разсказывай? — спросила тантъ Мари съ видимымъ оживленіемъ.

— Парадъ былъ замѣчательный, тетушка! — воскликнулъ я съ преувеличенною горячностью. — Парадъ совершенно былъ исключительный!... Говорятъ, такого парада еще никогда не бывало!... Это общее мнѣніе!... А войска, что за войска?... Уланы были въ первый разъ въ длинныхъ генеральскихъ чакчирахъ съ алымъ лампасомъ!... Драгуны были въ старинныхъ киверахъ Отечественной войны!... Нашъ полкъ произвелъ блестящее впечатлѣніе!... Точно золото въ лазури!... Какъ вамъ понравится это сравненіе?

Тантъ Мари улыбнулась и, съ удовлетвореніемъ, закивала сѣдой головой.

— Что-жъ- это очень красиво! — замѣтила тетушка. — Вполнѣ подходитъ къ сочетанію вашихъ цвѣтовъ!... Царицыны Кирасиры всегда отличались на торжествахъ въ высочайшемъ присутствіи!... Помню старый вашъ командиръ, графъ Протасовъ-Бахметевъ, царство ему небесное, за это даже въ свиту попалъ!... Хорошій полкъ!... Славный полкъ!... Украшеніе императорской гвардіи!...

Тантъ Мари остановилась, вздохнула и погрузилась въ воспоминанія.

Черезъ минуту перевела взглядъ на меня, глаза ея вновь оживились, на блѣдномъ осунувшемся лицѣ заиграла ласковая улыбка.

— Георгій, а вѣдь я приготовила тебѣ маленькій сувениръ! — сказала тетушка. — Ты вѣдь никакъ именинникъ?... Поздравляю съ днемъ Ангела, мой дружокъ!... Дай тебѣ Господь всего лучшаго въ жизни, силъ, счастья, здоровья на многія лѣта!... Подойди ко мнѣ, я тебя поцѣлую!

Я разсмѣялся.

— Въ самомъ дѣлѣ, тетушка?... Представьте, совершенно забылъ?... Вотъ потѣха?... Въ самомъ дѣлѣ, двадцать третье апрѣля?

Марія Васильевна, троекратно облобызавъ, потрепала меня по щекѣ, привстала съ кресла и, опираясь на трость, подошла къ стоявшему въ углу секретэру краснаго дерева съ бронзовыми оковками.

Покопавшись въ столѣ, достала изъ него небольшую коробочку, обтянутую фіолетовымъ бархатомъ и, тою же походкой, съ усиліемъ перебирая ногами, вернулась на прежнее мѣсто.

Тетушка открыла футляръ, протянула его мнѣ и я увидѣлъ перстень изъ тяжелаго массивнаго золота, съ крупнымъ сапфиромъ.

— Ну, какъ ты находишь? — спросила тантъ Мари, переводя глаза то на мое лицо, то на драгоцѣнный подарокъ, наслаждаясь произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ. — Помнишь, ты какъ-то мнѣ говорилъ, что хотѣлъ бы завести себѣ такое колечко?... Угодила тебѣ, чай, или нѣтъ?

— Ахъ, тетушка! — воскликнулъ я въ искренномъ восхищеніи. — Я право не знаю, какъ васъ благодарить!... Это именно то, что мнѣ хотѣлось имѣть!... Фаберже!... Чудная вещь!... Это положительно царскій подарокъ!

И я прижался къ ея рукамъ...

Тетушка долго бесѣдовала со мной, передавала различные эпизоды изъ своей давно отзвучавшай юности, перебирала цѣлую галлерею государственныхъ дѣятелей, историческихъ лицъ, знаменитнѣйшихъ современниковъ.

Она оживилась, ея безкровное, поблекшее и увядшее отъ недуга лицо покрылось легкою краской.

Съ разсѣяннымъ чувствомъ я прислушивался къ ея словамъ, а мысли мои бродили въ какомъ-то хаосѣ времени и пространства. Мое душевное напряженіе давало себя чувствовать съ болѣзненной силой. И вмѣстѣ съ тѣмъ, я испытывалъ исцѣленіе, невыразимую теплоту и покой отъ этой бесѣды, отъ простыхъ, задушевныхъ, ласковыхъ словъ, овѣянныхъ грустной дымкой воспоминаній.

— Догораетъ моя свѣча! — снова сказала тетушка и съ тихой покорностью покачала поникшею головой. — Каждому отпущенъ его вѣкъ, одному больше, другому поменѣе, какъ положитъ Промыслъ Господній!... Что-жъ, Бога гнѣвить не могу, прожила подъ его милостивымъ покровомъ долгіе дни въ покоѣ, въ смиреніи, въ любви къ ближнему, въ милосердіи къ страждущимъ!... А въ часъ Судный не оставитъ Творецъ стадо свое и воздастъ каждому по заслугамъ!

За ужиномъ бесѣда возобновилась.

Я отказался отъ предлагаемаго ночлега, объяснивъ тетушкѣ, что полкъ съ разсвѣтомъ выступаетъ въ обратный походъ, что по наряду я долженъ находиться при эскадронѣ.

На прощанье тетушка поцѣловала меня и перекрестила.

— Да, кстати? — обратилась неожиданно Марія Васильевна. — Совсѣмъ забыла спросить?... Ну, какъ у тебя съ сердечными-то дѣлами?... Давно ничего не слыхала?

Тантъ Мари улыбнулась, хитро подмигнувъ глазомъ, потрепала меня по плечу и сказала:

— Pas des nouvelles, bonnes nouvelles? Чай, совѣтъ да любовь?... Дурного, разумѣется, ничего не скажу, однако, смотри, дружокъ,

будь осторожень!... Хорошій человѣкъ по нынѣшнимъ временамъ, кладъ!.. Дѣло, конечно, твое, персональное, а за мной остановки не будетъ!

Напряженіе мое достигло предѣла.

Еще минута — и я готовъ былъ упасть на колѣни и разрыдаться, какъ капризный ребенокъ, у котораго отняли самую цѣнную, самую дорогую игрушку...

25.

ТРУДНО передать душевное состояніе, охватившее меня въ ближайшіе дни.

Я былъ переполненъ шумомъ и гамомъ, точно машина, работающая всѣми колесами. Въ кончикахъ пальцевъ дрожала, въ вискахъ стучала, голову стискивала кипѣвшая кровь. Я чувствовалъ себя ввергнутымъ въ острую, злокачественную болѣзнь, въ какую-то жестокую лихорадку, отъ которой тлѣлъ и сгоралъ. Никогда еще я не испытывалъ такой потребности въ общеніи, въ тепломъ участіи, въ обстановкѣ тихаго, безбурнаго, ласковаго покоя, который, хотя бы временно, вернулъ мнѣ утраченную бодрость, силу духа, душевное равновѣсіе.

Я воспользовался представившейся возможностью и, по случаю именинъ, пригласилъ къ себѣ ближайшихъ друзей. Торжество должно было носить скромный домашній характеръ.

Съ утра въ квартирѣ происходили дѣятельныя приготовленія. Денщикъ Хмара бѣгалъ по лавкамъ, закупалъ чай, сахаръ, кофе и прочіе хозяйственные продукты. Вѣстовой Саксаганскій дважды слеталъ въ полкъ за провизіей и закусками. Помощникъ повара распоряжался на кухнѣ.

Гости прибыли въ назначенный часъ.

Они пришли вмѣстѣ, дружной компаніей, сразу наполнивъ квартиру смѣхомъ и оживленіемъ. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ бутылку вина и, въ одно мгновенье, на столѣ выросла батарея изъ шести большихъ пузатыхъ флаконовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, надъ головой раздался стукъ каблучковъ и въ комнату вошла Асенька, свѣженькая, пріодѣвшаяся, нарядная, въ бѣломъ праздничномъ платьицѣ, съ густой косой, кокетливо перехваченной голубенькой ленточкой.

Она была не одна. Держа букетикъ ландышей, другою рукою она подталкивала передъ собой Павлика, со смущеннымъ видомъ озиравшаго господъ офицеровъ, переступавшаго робкими нерѣшительными шагами.

По знаку сестры, Павликъ остановился, шаркнулъ передо мной ножкой и началъ:

„Я плишолъ къ тебѣ съ пливѣтомъ,
Лазсказать, что солнце всталю,
Что оно голячимъ свѣтомъ
По листамъ затлепеталю. . ."

Павликъ сконфузился, остановился, оглянулся на Асеньку и покраснѣлъ.

Но тутъ всѣ тотчасъ захлопали въ ладоши. — Браво! — сказалъ „Папаша“. — Какой славный мальчикъ! — раздались голоса.

Я нагнулся къ Павлику и поцѣловалъ его въ румяную щечку.

Граціозно присѣвъ, Асенька поднесла мнѣ цвѣты. Павликъ растрогалъ меня еще больше. Онъ протянулъ мнѣ корзинку, въ которой лежалъ десятокъ яичекъ отъ собственной курочки.

Потомъ, по приглашенію Асеньки, гости заняли мѣста за столомъ.

Милая дѣвочка великолѣпно справлялась со своими обязанностями, разливала борщокъ, потчивала пирогомъ собственнаго изготовленія, хлопотала, слѣдила за братомъ, отдавала распоряженія вѣстовому и денщику, съ легкой дѣвичьей застѣнчивостью отвѣчала господамъ офицерамъ, вступавшимъ съ нею въ бесѣду...

———

Я переживалъ сложныя чувства. Если наружно я былъ, можетъ быть веселъ и словоохотливъ, точно подлинный виновникъ маленькаго домашняго торжества, въ глубинѣ души испытывалъ нѣчто другое.

Неожиданная встрѣча съ Фрэдомъ взволновала меня, наполнила никогда не испытаннымъ еще ощущеніемъ, потрясла до предѣла.

Какъ ни склоненъ былъ я, подъ натискомъ перваго впечатлѣнія, усомниться въ словахъ барона и даже съ негодованіемъ ихъ отмести, мало по малу, онѣ раскрыли мнѣ его правоту.

У барона нѣтъ основаній вводить меня въ заблужденіе или, тѣмъ болѣе, морочить сознательно въ такомъ деликатномъ вопросѣ. „Душа Общества“, съ его общепризнанной репутаціей столичнаго сноба, пророка изящнаго, арбитра elegantiarum'а, постигшаго въ совершенствѣ всѣ тайны петербургскаго свѣта и полусвѣта, въ данномъ случаѣ, находится, разумѣется, на высотѣ положенія.

Его приговоръ грубъ, рѣзокъ и прямолинеенъ, но зато объясняетъ все съ исчерпывающей ясностью. Въ свѣтѣ этого откровеннаго объясненія, раскрывается сразу таинственный образъ.

Этотъ образъ принялъ сейчасъ опредѣленныя формы... Вмѣсто цѣломудренной чистоты, онъ порочень и лживъ, кощунственно захватанъ чужими руками... Музыкальная дѣятельность, работа въ драматической студіи, періодическія поѣздки якобы въ усадьбу къ семьѣ, тысяча фразъ и признаній, тысяча ласкъ, самыхъ нѣжныхъ, самыхъ интимныхъ — все оказалось шуточною комедіей, разыгранной съ исключительнымъ блескомъ.

Конченъ балъ!

Однимъ толчкомъ порвалась жгучая цѣпь. Мои упованія рухнули въ одно мгновенье, словно карточный доминъ, разлетѣвшіеся отъ дуновенія вѣтерка. Истина встала передо мной во весь ростъ, во всей обна-

женности. Она скалила зубы, строила чудовищныя гримасы, обдавала леденящимъ дыханіемъ. Она выбила оружіе изъ моихъ рукъ, готовится раздавить и повергнуть во прахъ.

Но я не сдамся и противопоставлю всѣ силы сопротивленія — презрѣніе, гордость, насмѣшку.

На минуту мною овладѣло странное спокойствіе и ясность духа.

— Отецъ командиръ! . . . Твое здоровье!

„Папаша“ чокается со мной, закусываетъ маринованными грибками, раздувъ щеки хохочетъ, точно лежитъ у него за щекой горсть грецкихъ орѣховъ, и грузное чрево содрогается отъ громкаго смѣха:

„Ну, и рюмка, съ кукишъ вся —
Наливать ее соскучишься!“

Ко мнѣ тянутся, чокаются, поддакиваютъ Анатоль, „Крукъ“, Миша Свѣчинъ.

Аркасъ и Эдя фонъ Шведеръ не нуждаются въ напоминаніяхъ. Впрочемъ, въ настоящую минуту они увлечены бесѣдой съ Асенькой, дурачатся, явно ухаживаютъ за нею. Маленькій Павликъ, въ морской курточкѣ съ золоченными пуговками, скромно сидитъ подлѣ сестры. Звенятъ рюмки, стаканы, ножи. Точно львиное рыканье, гремитъ хохотъ эскадроннаго командира.

Тотчасъ послѣ жаркого захлопали пробки и Асенька обошла всѣхъ съ круговой чашей. Пили за именинника, за хозяевъ, за господъ офицеровъ по очереди. Послѣ мороженаго, гости перешли въ сосѣднюю комнату, быстро убрали коверъ, отодвинули мебель. Аркасъ сѣлъ за старинные клавикорды и заигралъ веберовское „Invitation pour le valse“.

Эдя подскочилъ къ Асенькѣ и закружился съ ней по паркету. . .

Полулежа на турецкомъ диванѣ, грузный, тяжеловѣсный, съ покраснѣвшею лысиной, командиръ эскадрона курилъ сигару и небольшими глотками потягивалъ черное кофе.

Павликъ сидѣлъ у него на колѣняхъ. Первоначальное смущеніе мальчугана исчезало и теперь, поощренный смѣхомъ и улыбками офицеровъ, Павликъ охотно читалъ стихи:

„Былъ май, веселый мѣсяцъ май,
Кому же скучно въ маѣ?“

— Онъ знаетъ и серьезное! — замѣтила Асенька, какъ бы гордясь успѣхами брата, оправляя развившуюся отъ танцевъ косу. — Онъ знаетъ балладу!

— Вотъ какъ? — произнесъ „Папаша“. — Ну, Павликъ, скажи балладу?

Командиръ эскадрона затянулся сигарой и мечтательно глядѣлъ на колечки синеватаго дыма, исчезавшаго въ вышинѣ.

— Павликъ, прочти „Монологъ Чацкаго“? — обратилась Асенька къ брату.

Мальчикъ утвердительно кивнулъ головой, на минуту задумался:

„Не образумлюсь. . . Виноватъ!
И слушаю — не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ,
Растерянъ чувствами, чего-то ожидаю. . .
Слѣпецъ! . . Я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ,
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ, вотъ счастье, думалъ, близко,
Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ?“,

декламировалъ Павликъ, по дѣтски лепеча и сюсюкая, забавнѣйшимъ образомъ коверкая отдѣльныя слова и цѣлыя строфы.

Едва смолкли рукоплесканія, „Донъ-Педро“ ударилъ снова по клавишамъ. Эдя фонъ Шведеръ, съ искусствомъ и ловкостью подлиннаго престидижитатора, сталъ показывать салонные фокусы — изображалъ собою медіума, отгадывалъ мысли, на глазахъ у присутствующихъ глоталъ серебряный рубль и тотчасъ извлекалъ его изъ уха или изъ носа сосѣда.

Потомъ снова занялись круговой чашей, вспомнили застольную кавказскую пѣсню съ знаменитымъ припѣвомъ:

Намъ каждый гость дарованъ Богомъ,
Какой бы не былъ онъ среды. . .“

Порывъ вѣтра неожиданно взвилъ оконную занавѣску, блеснула зарница и вслѣдъ за нею прокатился глухой раскатъ.

Всѣ повернули головы и прислушались.

— Гроза! — замѣтилъ „Папаша“. — Помилуй Богъ, и вѣдь близко? . . . Не пора-ли, господа, по домамъ?

Командиръ эскадрона взглянулъ на часы.

— Павликъ, и намъ пора! — сказала Асенька.

Господа офицеры заторопились домой. Я пытался было ихъ удержать ,и вмѣстѣ съ ними вышелъ на улицу.

Медленно опускался солнечный дискъ, наполняя половину неба пламеннымъ свѣтомъ, въ то время, какъ на другой половинѣ, стекаясь со всѣхъ концовъ, громоздясь другъ на друга, плыли густыя, темныя, лилово-сизыя облака.

Стало тихо, тепло и какъ-то особенно напряженно. . . Изъ парка остро несло запахомъ кленовъ и липъ. . . Воробьи, съ безпокойнымъ чириканьемъ, суетливо гомозились въ кустахъ.

Блеснула снова зарница и, грохоча желѣзными ободами, колесница пророка прокатилась гулко по небу. . .

26.

ПОСЛѢ возвращенія изъ финляндскаго похода, цесаревичъ остается попрежнему въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, продолжая быть пассивнымъ зрителемъ великой эпохи.

Цесаревичъ замкнулся въ облюбованной Гатчинѣ, обратилъ свою дѣятельность на дальнѣйшее развитіе гатчинскихъ войскъ, окончательно погрузился въ „мелочи военнаго дѣла“.

Одновременно съ развитіемъ гатчинскихъ войскъ продолжается, съ прежней энергіей, работа Павла Петровича въ области благоустройства города и расширенія гатчинскаго дворца, вызваннаго непрестаннымъ ростомъ семьи.

Въ 1793 году построенъ обелискъ „Коннетабль“, вмѣстѣ съ оградою, мостомъ и солнечными часами.

„Коннетабль“ расположенъ на возвышенной площадкѣ, на скрещеніи большой санктъ - петербургско - варшавской дороги съ дворцовымъ шоссе. Обелискъ высотою въ пятнадцать саженъ, равно какъ и ограда съ пушками, построенъ изъ мѣстнаго чернецкаго камня крестьяниномъ Архангельской волости Кирьяномъ Пластинымъ, за десять тысячъ рублей ассигнаціями.

Что же касается названія, оно дано въ честь славнаго французскаго коннетабля Монморанси.

Какъ извѣстно, у цесаревича и его супруги остались лучшія воспоминанія о посѣщеніи резиденціи принца Кондэ, устроившаго имъ великолѣпный пріемъ. Получивъ въ собственность гатчинскую усадьбу, Павелъ Петровичъ, въ подражаніе знаменитому замку, возвелъ въ ней не мало аналогичныхъ построекъ.

Даже казармы Лейбъ-Регимента напоминаютъ по стилю оберовскіе „Grands Ecuries“...

Между тѣмъ, натянутыя отношенія между императрицей и престолонаслѣдникомъ возрастаютъ все съ большею силой. Для характеристики ихъ, можно привести нѣсколько писемъ.

Собственноручное письмо императрицы къ графу Мусину-Пушкину гласитъ:

„Графъ Валентинъ Петровичъ! При семъ прилагаю копію съ письма Кушелева санктъ-петербургскому губернатору, въ которомъ онъ говоритъ, что цесаревичъ указать изволилъ отдать болѣе половины Александровской площади какимъ-то купцамъ... Приказаніе само по себѣ сумасбродное и приказаніе само по себѣ послѣдней дерзости... Позовите Кушелева къ себѣ и скажите ему моимъ именемъ, что есть-ли еще разъ онъ дерзнетъ подобное писаніе куда ни есть посылать, то я его сошлю, гдѣ воронъ костей его не сыщетъ, а великому князю скажите, чтобы онъ впередъ мимо васъ никакихъ приказаній не посылалъ“.

Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, впослѣдствіе адмиралъ и графъ, въ чинѣ капитана перваго ранга, управлялъ въ то время флотиліей цесаревича на гатчинскомъ озерѣ.

Не менѣе характерны двѣ записки императрицы къ графу Салтыкову:

„Пріѣзжалъ отъ великаго князя адмиралтейскій курьеръ и, отдавъ письмо, минуты черезъ пять вслѣдъ доложилъ паки, будутъ-ли приказанія?.. Скажите сему дураку, чтобы онъ зналъ, что къ императрицѣ менѣе приступать можно, нежели къ коллежскимъ чинамъ".

Слѣдующая записка относится уже непосредственно къ цесаревичу, по поводу уклоненія его отъ офиціальныхъ встрѣчъ съ императрицей:

„Великій князь прислалъ сказать, что у него лихорадка и что онъ въ постели лежитъ... Я бы желала знать, что о семъ докторы говорятъ?.. Буде знаете, прошу мнѣ сказать"...

Не взирая на натянутыя отношенія, въ личной перепискѣ цесаревича съ императрицей, а въ особенности, въ перепискѣ съ ней великой княгини Маріи Феодоровны, попрежнему расточаются нѣжныя чувства.

Если при оцѣнкѣ семейныхъ отношеній руководствоваться этими душевными изліяніями, можно получить совершенно превратный взглядъ на дѣйствительный характеръ этихъ отношеній.

„Счастье видѣть васъ, ваша доброта охватили меня, наполнили довольствомъ и удовлетвореніемъ!" — пишетъ матери цесаревичъ. „Я проливалъ слезы чувствительности и всѣ окружавшіе меня предметы, казалось, отражали то, что я испытывалъ... Однимъ словомъ, вы сдѣлали меня счастливымъ!"

Лирическія изліянія великой княгини еще болѣе замѣчательны:

„Я постоянно повторяю вамъ въ моихъ письмахъ одно и то же, дражайшая матушка!... Но это происходитъ оттого, что мнѣ всегда приходится выражать вамъ одно и то же чувство нѣжнѣйшаго уваженія и самой неизмѣнной привязанности!.. Что же касается меня лично, пользующейся счастьемъ быть вашей дочерью, то я рѣшаюсь взять на себя смѣлость сказать и тысячу разъ повторить вамъ, дражайшая матушка, что отъ всего сердца люблю васъ!"

Дѣйствительная картина семейныхъ отношеній рѣзко расходится съ приводимыми отрывками изліяній сердечныхъ чувствъ.

При каждомъ удобномъ случаѣ императрица радуется, не менѣе цесаревича, если необходимость не заставляетъ ее встрѣчаться и проводить время вмѣстѣ съ великокняжескою четой. Общество же любимыхъ внуковъ и внучекъ, при отсутствіи „Schwere Bagage" доставляетъ императрицѣ истинное удовольствіе.

Такъ, въ письмѣ къ Гримму, въ 1795 году, императрица пишетъ:

„Я отправляюсь одѣться, чтобы имѣть возможность присутствовать

сегодня вечеромъ на любительскомъ концертѣ... Тамъ будутъ играть на скрипкѣ великій князь Александръ и графъ Платонъ Зубовъ... Великія княжны Александра и Елена будугъ пѣть, а Марія, которой сейчасъ девять лѣтъ отъ роду, будетъ аккомпанировать на клавикордахъ... „Тяжелый багажъ" двинулся въ Гатчину три дня тому назадъ... Баста!.. Когда кошки нѣтъ дома, то мыши пляшутъ по столамъ и чувствуютъ себя счастливыми и довольными!"

Кстати, одинъ изъ придворныхъ пажей оставилъ слѣдующую характеристику Екатерины и ея юныхъ внуковъ:

„Всѣмъ извѣстно, какъ старухи и старики безобразны. Но лицо императрицы такъ привлекательно, улыбка такая очаровательная, осанка такая важная, что вселяетъ уваженіе и любовь, какое мудрено видѣть. Она любитъ великаго князя Александра до неизъяснимости, и вправду можно его любить. Кротость, красота, доброта, ласковость составляли черты его правильнаго лица.

Великій князь Константинъ рѣзвѣе и предпріимчивѣе, похожъ чрезвычайно на Павла Петровича и, слѣдовательно, не красавецъ, но стройный всетаки молодецъ. Царское семейство состоитъ изъ сихъ двухъ великихъ князей и изъ трехъ великихъ княженъ: Александры Павловны — портретъ живой Александра, Елены Павловны — такой же очаровательной и прекрасной, и Маріи Павловны — если и не такой красавицы, то столь доброй и привлекательной, что всѣ смотрятъ на нее, какъ на ангела . . ."

27.

Въ области международной политики взгляды цесаревича, какъ и во всемъ остальномъ, не согласуются съ убѣжденіями и намѣреніями императрицы.

Въ частности, даже по вопросу о французской революціи, въ своихъ воззрѣніяхъ они совершенно расходятся между собой.

Екатерина ненавидѣла революцію со всѣми ея послѣдствіями. Но императрица не впадала, въ этомъ отношеніи, въ крайность и никогда не теряла изъ виду насущныхъ интересовъ имперіи. Выгоды Россіи, но не Европы, всегда и вездѣ, стояли у нея на первомъ планѣ.

Этимъ направленіемъ политическая система ея царствованія рѣзко отличается отъ водворившейся позднѣе политики, въ которой романтика заступила мѣсто екатерининскаго государственнаго эгоизма.

Въ результатѣ политики императрицы, предѣлы имперіи были раздвинуты до Нѣмана, Днѣстра и Чернаго моря. Ни одинъ русскій солдатъ не перешелъ границу для спасенія Европы и защиты чуждыхъ ему интересовъ. Если же воинственные помыслы продолжали еще занимать Екатерину на склонѣ дней, то они направлялись не столько въ сторону Рейна или Италіи, а главнымъ образомъ на Востокъ.

Все это подвергалось со стороны цесаревича самой безпощадной критикѣ.

Однажды, читая газеты въ кабинетѣ императрицы, цесаревичъ вышелъ изъ себя и вспылилъ:

— Что они тамъ толкуютъ?.. Я тотчасъ все бы прекратилъ пушками!

— Vous êtes une bête feroce! — замѣтила императрица. — Или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями?... Если ты такъ будешь царствовать, то не долго продлится твое царствованіе!

Но дѣло не ограничивалось однѣми вспышками гнѣва.

Весь складъ понятій, мыслей и чувствъ цесаревича получилъ еще болѣе рѣзкій противъ прежняго оттѣнокъ нетерпимости и самаго крайняго деспотизма.

Престолонаслѣдникъ сокрушался ужасами, сопровождавшими французскую революцію, и не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать причинъ, вызвавшихъ столь печальныя явленія. Эмигранты окончательно сбили съ толку великаго князя. Онъ не стѣсняясь сталъ говорить о необходимости править „желѣзной лозой"...

Ко всѣмъ душевнымъ страданіямъ цесаревича присоединились еще и семейныя невзгоды.

Предупредительная покорность супруги не спасла ее отъ огорченій и тяжкихъ испытаній. Рядомъ съ умѣряющимъ вліяніемъ любящей и примѣрной жены, мало по малу, стало выступать на сцену другое вліяніе, исходившее отъ фрейлины великой княгини, Екатерины Ивановны Нелидовой.

Увлеченіе Павла Петровича дѣлается столь явнымъ, что вызываетъ ревность Маріи Феодоровны, и столкновенія между великой княгиней и „la petite" , какъ она, съ презрѣніемъ, ее называетъ, становятся чаще и чаще.

Гатчинскій горизонтъ заволакивается мрачными тучами.

„Передъ великимъ княземъ и небо и земля виноваты!... Онъ сердится на все и на всѣхъ!.."

Марія Феодоровна обвиняетъ фрейлину также въ недостаткѣ почтительности, а та, со своей стороны, жалуется на то, что великая княгиня хочетъ ее сжить со свѣта.

Павелъ же, по словамъ Долгорукаго, „предался любовнымъ встрѣчамъ... Нелидова вскружила ему голову... Онъ ни о чемъ уже не думалъ, какъ о ней, замуровался въ Гатчинѣ, прекратилъ всѣ выѣзды къ большому Двору... Одна Нелидова составляетъ его забавы и удаляетъ отъ взора великаго князя всякое лицо, для нея опасное... А ей страшны всѣ женщины, вообще, потому что ее дурнѣе во всѣхъ частяхъ найти было нельзя въ цѣльномъ городѣ..."

Интересную характеристику престолонаслѣдника, относящуюся къ этому времени, даетъ французскій посланникъ графъ Сегюръ:

„Съ большимъ умомъ и познаніями, великій князь Павелъ соединяетъ самое безпокойное, самое недовѣрчивое настроеніе духа. Часто любезный до фамильярности, онъ еще чаще бываетъ высокомѣренъ, деспотиченъ, суровъ. Быть можетъ, никогда еще не являлся человѣкъ болѣе своенравный, менѣе всего способный составить счастье другихъ и свое собственное...“

Фаворъ Нелидовой, подвергшійся несправедливымъ толкованіямъ въ отрицательномъ смыслѣ, вызвалъ при великокняжескомъ Дворѣ образованіе двухъ партій, и сопровождался расколомъ въ средѣ приближенныхъ.

Недоразумѣнія между великой княгиней и фрейлиной, разжигаемыя сплетнями и пересудами, возникаютъ по поводу самыхъ пустяшныхъ вопросовъ.

Въ этой борьбѣ двухъ женщинъ, Нелидова поддерживается княземъ Куракинымъ, Нарышкинымъ и Вадковскимъ, не упоминая уже о Кутайсовѣ, стремившемся ослабить вліяніе „нѣмецкой партіи“, олицетворявшееся въ сторонницахъ великой княгини, во главѣ съ Шарлоттою Карловною Ливенъ.

Благодаря остроумію, находчивости, блеску бесѣды, Нелидова, не взирая на полное отсутствіе красоты, сумѣла, въ самомъ дѣлѣ, завоевать безграничную дружбу тоскующаго престолонаслѣдника.

Увлеченіе Павла Петровича сопровождается изгнаніемъ всѣхъ сторонниковъ великой княгини.

Марія Феодоровна утратила свойственныя ей спокойствіе и невозмутимое терпѣніе, обнаруженныя ею по отношенію ко всѣмъ нескончаемымъ причудамъ супруга. Дѣло дошло до того, что потерявъ окнчательно голову и увлекаясь внѣшними признаками, раздутыми ревнивымъ воображеніемъ, передъ рожденіемъ великой княжны Ольги, пишетъ своему испытанному другу Плещееву:

„Вы будете смѣяться надъ моей мыслью, но мнѣ кажется, что при каждыхъ моихъ родахъ, Нелидова, зная какъ они у меня бываютъ трудны и могутъ быть даже гибельны, всякій разъ надѣется, что станетъ вослѣдъ второю мадамъ де Ментенонъ... Поэтому, другъ мой, приготовьтесь почтительно цѣловать у нея руку и особенно займитесь вашей физіономіей, чтобы она не нашла въ этомъ почтеніи злобы или насмѣшки“.

Семейный разладъ обостряется до того, что Марія Феодоровна рѣшается повѣдать свои горести самой императрицѣ, жалуется на супруга и на „méchante personne“.

Екатерина, какъ утверждаютъ, подвела невѣстку къ зеркалу и замѣтила:

— Посмотри какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre. Полно кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ!

Обостренныя отношенія между большимъ и малымъ Дворами заставляютъ цесаревича избѣгать, насколько возможно, появленія въ столицѣ и въ Царскомъ Селѣ. Все болѣе, вплоть до глубокой осени, отдаляетъ цесаревичъ свое возвращеніе и продолжаетъ жить въ Гатчинѣ...

28.

СРЕДИ полнаго разгара семейныхъ недоразумѣній состоялось обрученіе, а затѣмъ и бракосочетаніе великаго князя Александра съ великой княжной Елисаветою Алексѣевной, рожденной принцессой Баденской.

Событіе это, къ неизъяснимой радости старой императрицы, произошло въ 1793 году.

Между тѣмъ, разсудокъ цесаревича все болѣе затемнялся. Слова и дѣйствія его носятъ отпечатокъ полнѣйшей несдержанности, а гнѣвъ противъ державной матери дошелъ до того, что онъ отказывается присутствовать даже на бракосочетаніи сына.

Опасаясь трагическихъ послѣдствій разрыва, великая княгиня, превозмогая себя, прибѣгаетъ къ содѣйствію своей соперницы. Усилія „маленькой чародѣйки“ увѣнчались успѣхомъ. Цесаревичъ уступилъ ея просьбамъ и согласился почтить брачную церемонію своимъ присутствіемъ.

Но семейный миръ не водворился и послѣ этого торжества.

Павелъ Петровичъ нерадостно встрѣтилъ женитьбу старшаго сына, пріобрѣтавшаго, со вступленіемъ въ бракъ, еще большую самостоятельность и значеніе. Александръ олицетворяетъ сейчасъ, въ глазахъ отца, опаснаго политическаго соперника.

Происходитъ послѣдовательное удаленіе фаворитовъ. Гатчинское общество мѣняется до неузнаваемости. Исчезаютъ прежнее веселье и непринужденность. На авансцену выступаютъ „гатчинцы“, снискавшіе особую милость престолонаслѣдника.

Это гатчинскій губернаторъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, бывшій камеръ-юнкеръ императрицы Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, лейбъ-медикъ Фрейгангъ, полковникъ Линденеръ и главноуправляющій Гатчиной, впослѣдствіе всемогущій генералъ-прокуроръ Обольяниновъ.

Всѣми же тайными пружинами руководитъ бывшій камердинеръ и брадобрей, тщеславный, лукавый, невѣжественный Иванъ Кутайсовъ, человѣкъ „турецкой крови“, взятый ребенкомъ въ плѣнъ при штурмѣ Бендеръ.

Съ изумительнымъ искусствомъ Кутайсовъ пользуется слабостями Павла Петровича для личнаго возвышенія, въ ущербъ славѣ довѣрчи-

ваго своего благодѣтеля, и становится впослѣдствіе барономъ, графомъ, оберъ-шталмейстеромъ, рыцаремъ Мальтійскаго ордена и кавалеромъ всѣхъ россійскихъ орденовъ...

Исключительный интересъ представляетъ богатырская фигура будущаго героя Отечественной войны, потомка татарскаго хана Ростопчи, Федора Васильеича Ростопчина.

Хотя Ростопчину нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ дарованіяхъ и силѣ характера, однако, въ борьбѣ за власть, онъ не гнушается порой прибѣгать къ безцеремоннымъ и даже низкимъ средствамъ. Одновременно, въ немъ часто говоритъ большое національное самолюбіе, сродное тому, которое впослѣдствіе такъ ярко выразилось въ фигурахъ Кутузова и Карамзина.

Будучи однимъ изъ довѣреннѣйшихъ и близкихъ къ цесаревичу лицъ, съ трагической кончиною императора, Ростопчинъ предусмотрительно переселяется въ свое подмосковное Вороново, въ которомъ, по собственному признанію, „безъ дѣла и безъ скуки, сидѣлъ поджавши руки“.

Но съ началомъ великой Отечественной войны, опальный баринъ сталъ тотчасъ властнымъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и, поджигая Москву, заодно спалилъ свою вороновскую усадьбу.

По оригинальному совпаденію, въ день 17 сентября, когда императоръ французовъ смотрѣлъ изъ кремлевскихъ палатъ на пылавшую Москву, рядомъ съ нимъ стоялъ его адъютантъ, генералъ графъ Сегюръ. Племянникъ Сегюра, наполеоновскій пажъ Евгеній, становится впослѣдствіе мужемъ ростопчинской дочери Софіи.

Самому Ростопчину казалось одинаково естественнымъ писать въ своихъ московскихъ прокламаціяхъ — „французъ не тяжеле снопа аржаного — бери его на вилы!“, и выдать дочь за француза.

Послѣ войны, Ростопчинъ поселился во Франціи, поражалъ иностранцевъ смѣсью желѣзнаго варвара и утонченнаго европейца, при случаѣ любилъ дразнить парижанъ шутливыми выходками:

— Французы великіе мастера принимать иллюзіи за реальность!.. Они убѣдили себя въ трехъ вещахъ — что они непобѣдимы, что они благоразумны и что Булонскій паркъ это лѣсъ!

Ростопчинъ оцѣнилъ по своему талантъ разсказчицы въ своей дочери:

— Софилаллетъ полна сообразительности!.. Она любитъ сочинять маленькія исторійки, въ которыхъ никто ничего понять не можетъ!

Этими исторійками, графиня Софія Сегюръ создала себѣ, впослѣдствіе, европейскую славу...

Не довольствуясь ранней женитьбой старшаго внука, императрица спѣшитъ пріискать невѣсту и великому князю Константину.

Съ этою цѣлью, осенью 1795 года, по приглашенію императрицы, прибываетъ въ столицу герцогиня Августа Саксенъ-Кобургская съ тремя хорошенькими принцессами.

Всѣ три принцессы пришлись по душѣ старой императрицѣ, и она въ такой формѣ выражаетъ свое мнѣніе приближеннымъ:

— Если бы можно, я женилась бы на всѣхъ трехъ!.. Но Константину жениться, пусть самъ и выбираетъ!

Изъ трехъ сестеръ, великому князю понравилась болѣе всѣхъ младшая, принцесса Юліана-Генріэтта-Ульрика, брюнетка небольшого роста, находчивая и умная дѣвушка.

Вопросъ о бракѣ былъ быстро улаженъ.

Черезъ нѣсколько дней, великій князь вошелъ къ герцогинѣ, блѣдный, съ опущеннымъ взоромъ, и дрожащимъ голосомъ сдѣлалъ офиціальное предложеніе. Герцогиня, предупрежденная о цѣли визита, вмѣсто приготовленной рѣчи, заплакала.

Послали за молодою принцессой. Съ блѣднымъ личикомъ, она вошла въ комнату. Великій князь поцѣловалъ ея руку и произнесъ:

— Не правда-ли, со временемъ вы полюбите меня?

Принцесса, взглянувъ на него съ выраженіемъ нѣжности, прошептала:

— Я буду любить Васъ всѣмъ сердцемъ!

— Mon Dieu! — воскликнула, въ избыткѣ чувствъ, старая герцогиня. — Отчего всего этого не видитъ отецъ?

И всѣ трое зарыдали.

Герцогиня была чрезвычайно довольна блестящей партіей, пребывая въ увѣренности, что этотъ бракъ принесетъ ея дочери счастье. Не всѣ, однако, раздѣляли эти розовыя надежды. Многіе, во главѣ съ Ростопчинымъ, жалѣли юную дѣвушку, не предсказывая ей сладкой доли въ супружеской жизни.

Въ 1796 году состоялось бракосочетаніе.

Войска заняли Дворцовую площадь. Статсъ-дамы одѣвали невѣсту къ вѣнцу. Духовникъ императрицы совершалъ обрядъ вѣнчанія. Вѣнцы держали, надъ женихомъ — графъ Иванъ Шуваловъ, надъ невѣстой — графъ Платонъ Зубовъ. Весь городъ былъ иллюминованъ. Торжества сопровождались „играніемъ на трубахъ при битіи литавръ“ и пушечною пальбой. А за парадными обѣдомъ играла „камерная вокальная и инструментальная музыка“.

— Теперь у меня жениховъ болѣе нѣтъ! — пишетъ Екатерина одному изъ друзей. — Но за то остается пять дѣвицъ, изъ которыхъ младшей всего только годъ, но старшей пора замужъ!.. Жениховъ имъ придется поискать днемъ съ фонаремъ!.. Безобразныхъ мы исключимъ, ду-

раковъ тоже, бѣдность же не порокъ!.. Если попадется такой товаръ на рынкѣ, сообщайте мнѣ о находкѣ!

А въ іюнѣ того же года произошло новое радостное событіе.

— Сегодня въ три часа утра, — пишетъ Екатерина, — мамаша родила громаднаго мальчика, котраго назвали Николаемъ!.. Голосъ у него басъ и кричитъ удивительно... Длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки чуть поменьше моихъ... Въ жизнь свою въ первый разъ вижу такого рыцаря... Если онъ будетъ продолжать такъ, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ!"...

29.

ВЕСНА пришла дружная, грозовая. Гремѣли громы, небо полыхало въ огнѣ, поило землю обильною влагой. Городокъ расцвѣлъ, убрался въ яркое кружево березовыхъ и тополевыхъ листочковъ, закутался кудрявою заленью каштановъ, кленовъ и липъ.

Отошли эскадронные сборы и начались полковыя ученья.

Каждый разъ, по утру, когда въ воздухѣ виситъ еще острая свѣжесть, когда пахнетъ душисто росой, а солнце едва золотитъ вѣковые осокори царскаго парка, эскадроны переходятъ полотно балтійской дороги и строются на лугу.

Еще лежитъ на немъ бѣлесоватый кулеръ и гуляютъ табуны холоднаго пара.

Кони мягко пересыпаютъ по сочной, влажной травѣ. По весеннему, свѣжо и нарядно, одѣты кирасиры въ бѣлыя гимнастерки, а господа офицеры въ бѣлыхъ же кителяхъ, изъ англійской тонкой рогожки или изъ „чертовой кожи".

Отбиваются интервалы, отмѣриваются дистанціи, подравниваются ряды, въ нитку вытягивается офицерская линія.

— Подъ штандарты!

Хоръ трубачей заигралъ встрѣчу. Блеснули ярко клинки. На сѣрой, вихляющей задомъ, широкой, рослой кобылѣ, показался полковой адъютантъ. Его черноусое, плотное, гладко выбритое лицо хранитъ печать дѣлового спокойствія и даже нѣкоторой торжественности.

— Трамъ-трамъ-трамъ! — звонко бросаютъ трубы.

Штандартный взводъ остановился на флангѣ полка. Адъютантъ, отдѣлившись отъ взвода, съ шашкой подъ-высь, рыситъ вдоль фронта. Унтеръ-офицеръ Щуровской, съ панталеромъ черезъ плечо, обхвативъ древко штандарта правой рукой, уткнувъ нижнимъ краемъ въ бушматъ, занимаетъ мѣсто на флангѣ третьяго эскадрона.

— Полкъ, смирно!... Го-спо-да офи-це-ры!

Снова огнисто блеснули клинки... Заигралъ полковой маршъ... Головы повернулись направо...

Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, поднявъ галопомъ рыжаго „Еруслана“, скачетъ навстрѣчу полку. Едва поспѣвая, летитъ, въ растяжку за нимъ, полковой штабъ-трубачъ Воскобойниковъ.

Откинувшись въ сѣдлѣ, круто, по старой николаевской манерѣ, заломивъ шенкеля, полковникъ скачетъ по фронту, здоровается съ каждымъ изъ эскадроновъ — здорово, орлы!... здорово, второй, третій!... здорово, четвертый! и, давъ шпоры, выносится въ поле.

— Тра-та-ти-та! — запѣла труба.

И тотчасъ четыре эскадрона, равняясь въ рядахъ, одновременно, по исполнительному сигналу, начинаютъ движеніе.

Дружно захрапѣли и зафыркали кони, неслышно переступая ногами. Упруго подается и сочится трава, раскинувшаяся до самаго горизонта широкимъ буйнымъ ковромъ, на которомъ бѣлѣютъ кое-гдѣ одуванчики и ромашки, лиловѣютъ кукушкины слезы, чернобыльникъ, шпажникъ, чаберъ.

Налѣво, далеко уходя въ глубину, протянулась каемка синяго бора, по правой рукѣ сверкаютъ рельсы и горятъ, точно огонь, узорчатыя стекла вокзала.

Въ теченіе часа и болѣе старшій полковникъ производитъ уставныя передвиженія, то вытягиваетъ полкъ длинной кишкой, въ видѣ взводной колонны, то сколачиваетъ въ плотный резервный ящикъ и разводитъ на полные интервалы.

Ипполитъ Алексѣевичъ носится неутомимо по полю, заскакиваетъ неожиданно съ тыла, зорко слѣдитъ за малѣйшей оплошностью — и гремитъ тотчасъ ярый полковничій голосъ, въ бѣшенствѣ выкатываются бѣлки, дрожитъ отъ гнѣва сѣдѣющая бородка.

А иной разъ наскочитъ въ упоръ и вытянетъ хлыстомъ и коня, и ротозѣя-солдата.

Точно старый, умудренный долгимъ опытомъ режиссеръ, искусившійся въ сценическихъ постановкахъ, Ипполитъ Алексѣевичъ придаетъ ученью характеръ священнодѣйствія и подлиннаго театральнаго зрѣлища, чрезвычайно эффектнаго и разнообразнаго, съ командами, съ переливчатымъ пѣньемъ трубы, изобилующаго сочетаніемъ самыхъ сложныхъ, самыхъ замысловатыхъ построеній, фигуръ.

Какъ высшій и непререкаемый жрецъ, онъ увлекается этимъ священнодѣйствіемъ, очень мало или даже совсѣмъ не считаясь съ молитвеннымъ экстазомъ своихъ подчиненныхъ.

Уже давно развѣялся бѣлесоватый туманъ и наступило утро, ясное и румяное, обѣщающее такой же ясный пригожій день. Уже высоко въ небѣ поднялся огненный глазъ и начинаетъ пропекать черезъ легкую ткань англійской рогожки.

Ипполитъ Алексѣевичъ развернулъ полкъ и скомандовалъ:

— Стой!... Слѣ-за-ай!...

Далеко протянулась линія развернутыхъ эскадроновъ. Лошади тянутся къ зеленой травѣ, отмахиваются нетерпѣливо хвостами. Толчется и пляшетъ въ воздухѣ мошкара, предвѣщая солнечный варъ. Поднялся ястребенокъ, взмылъ и повисъ въ сіяющей безднѣ.

Въ третьемъ эскадронѣ, соскочивъ ловнимъ прыжкомъ и передавъ лошадь подбѣжавшему вѣстовому, Аркасъ нагибается къ кобылицѣ, подымаетъ заднюю ногу, щупаетъ сухожиліе, успокаивая ласкательной кличкой — хо, Манька, хо!

— Что случилось, „Донъ-Педро“?

— Пустяки! — отвѣчаетъ Аркасъ. — Простая засѣчка!

Онъ отходитъ отъ лошади, мягко шлепнувъ ее по запотѣвшему крупу, протягиваетъ соребряный портсигаръ, потчуетъ меня папиросой.

„Донъ-Педро“ переживаетъ счастливые дни.

Онъ до краевъ налитъ любовной горячкой. Всѣ мысли его устремлены сейчасъ въ будущее.

Онъ предполагаетъ уѣхать вскорѣ къ себѣ, въ таврическое имѣніе, обвѣнчаться съ Лилитъ, совершить съ молодой женой заграничное путешествіе. Потомъ займется работой, станетъ земскимъ начальникомъ или проскочитъ, можетъ быть, въ предводители.

Онъ уже подалъ рапортъ командиру полка и, въ скоромъ времени, покидаетъ наши ряды. Собраніе господъ офицеровъ постановило чествовать его прощальнымъ обѣдомъ и поднести полковой подарокъ.

Бѣдный „Донъ-Педро“!

Я связанъ съ нимъ близкою дружбой, питаю къ нему нѣжную и трогательную симпатію. Въ немъ сохранилось еще не мало наивныхъ, ребяческихъ, чисто юнкерскихъ чертъ и это, можетъ быть, является для меня наиболѣе цѣннымъ, наиболѣе привлекательнымъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, испытываю рядъ самыхъ низменныхъ чувствъ.

Меня оскорбляетъ его любовный успѣхъ, бравада, самоувѣренность. Въ мое сердце начинаетъ проникать ревность, зависть, какая-то болѣзненно-жуткая раздражительность.

Бываетъ минуты, когда я съ усиліемъ подавляю въ себѣ желаніе нарушить личнымъ вторженіемъ романическую идиллію, сдѣлать попытку увлечь его юную корифейку — красивое, но пустое, легкомысленное, банальное существо, изъ какого-то непонятнаго озорства вскружить ей голову, завладѣть воображеніемъ, оторвать отъ Аркаса.

Бѣдный „Донъ-Педро“!

О, если бы онъ могъ только это подозрѣвать?... Страсть ослѣпила его окончательно... Онъ ничего не видитъ, не слышитъ, не подозрѣваетъ...

Я продолжаю курить, наблюдая съ интересомъ за ястребомъ, застывшимъ неподвижною точкой въ блѣдной синевѣ неба.

Господа офицеры, разбившись на отдѣльныя группы, спорятъ, обмѣниваются словами, оглашаютъ поле дружнымъ веселымъ смѣхомъ.

Аркасъ стоитъ рядомъ со мной, сбивая хлыстомъ бѣлыя шапочки одуванчиковъ.

Потомъ, беретъ меня подъ руку, дѣлаетъ со мной нѣсколько шаговъ и останавливается.

— Черкесовъ? — обращается онъ ко мнѣ и въ красивыхъ карихъ глазахъ загорается огонекъ. — Давно собираюсь спросить... Тебѣ придется заводить второго коня?

— Разумѣется!... „Ерофеичъ" уже намекалъ!

— Отлично! — смѣется Аркасъ. — Бери мою „Ларкансьель"?

Это звучитъ для меня неожиданнымъ предложеніемъ. По совѣсти, крѣпко нравится мнѣ англо-норманская кобылица, одна изъ самыхъ нарядныхъ въ полку. Болѣе удачной лошади, пожалуй, и не сыскать. Вопросъ, конечно, только въ цѣнѣ.

Я срываю травинку, мну въ зубахъ, улыбаюсь:

— Сколько возьмешь?

— Бери даромъ! — отвѣчаетъ Аркасъ. — На память!... По крайней мѣрѣ кобыла будетъ въ хорошихъ рукахъ!

Бѣдный „Донъ-Педро"!

Онъ хочетъ мнѣ сдѣлать подарокъ?... Его слова приводятъ меня въ смущеніе.

— Нѣтъ, „Педро", даромъ я не возьму!... Говори настоящую цѣну?

Аркасъ улыбается:

— Ну, давай сто рублей?... На пропой души?

Это звучитъ уже шуткой, очень милой, конечно, но всетаки шуткой.

— „Педро", не валяй дурака!... Хочешь пятьсотъ?... По рукамъ?

И я протянулъ руку.

— По рукамъ! — ударилъ Аркасъ и мы разсмѣялись...

Если до сихъ поръ строевая работа носила характеръ какъ бы подготовительныхъ упражненій, полковыя ученья являются тѣмъ заключительнымъ, послѣднимъ звеномъ, по которому высшее начальство опредѣлитъ наши успѣхи.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль старшій полковникъ будетъ сколачивать полкъ и мотать его по военному полю, пока не убѣдится, что эскадроны соблюдаютъ равненіе, твердо держатъ дистанціи и интервалы, не ломаютъ линіи фронта, увѣренно, съ необходимою сомкнутостью и быстротой, строятъ боевые порядки.

Тогда онъ представитъ полкъ командиру, и генералъ баронъ Раушъ, со своей стороны, произведетъ самолично нѣсколько образцовыхъ ученій, въ сущности, больше для собственной практики, чтобы не осрамиться, не приведи Богъ, на предстоящемъ смотру генерала-инспектора.

А затѣмъ — horrible dictu! , по словамъ адъютанта, баронъ собирается продѣлать первый опытъ полкового ученія „въ нѣмую“, безъ командъ и трубныхъ сигналовъ, совершенно новый пріемъ, основанный на зрительномъ методѣ, на взмахѣ командирской шашки и на движеньи коня.

Этотъ методъ, уже принятый въ конницѣ союзной французской арміи, по требованію генерала-инспектора, будетъ введенъ и въ русскихъ кавалерійскихъ частяхъ.

Нужно-ли говорить, что приказъ великаго князя произвелъ на господъ эскадронныхъ командировъ самое жуткое, самое непріятное, гнетущее, тяжелое впечатлѣніе?

По ихъ мнѣнію, это новшество разрушитъ окончательно смыслъ, опытъ, традиціи, однимъ росчеркомъ пера уничтожитъ благолѣпіе освященнаго вѣками коннаго строя и осуждено, разумѣется, на полную неудачу.

По ихъ мнѣнію, это не вплететъ свѣжихъ лавровъ штабу инспекціи, въ опасномъ подражаніи иностранцамъ сметающему коренные устои, и способно лишь вызвать злорадную критику, порицанія и даже насмѣшки.

Всѣ старшіе офицеры болѣе или менѣе единодушны въ этой оцѣнкѣ. Командиръ же четвертаго эскадрона занимаетъ въ этомъ вопросѣ самую крайнюю, непримиримо-отрицательную позицію...

30.

Не мало передумалъ я въ эти весенніе дни, а особенно ночи, бѣлыя, безсонныя, безпокойныя ночи, раздиравшія томительными кошмарами.

Дальнѣйшая игра становилась невыносимой. Душевное состояніе требовало совѣта, участія, успокоительныхъ словъ. Необходимо было разсѣять себя отъ давящаго, какъ позывъ къ тошнотѣ, чувства внутренней пустоты какими либо внѣшними средствами.

Я сталъ ощущать какую-то душевную отупѣлость и это открытіе порождало новую тревогу, новое безпокойство. Я ощущалъ потребность облегчить себя откровеннымъ признаніемъ, подѣлиться мыслями, скинуть ихъ мучительный грузъ.

Неожиданное приглашеніе, полученное отъ Фрэда, какъ нельзя болѣе отвѣчало этой потребности.

Это предоставляло возможность провести рядъ часовъ въ давно утраченной обстановкѣ, въ обществѣ старыхъ друзей и принести, кстати, барону личное извиненіе за брошенную сгоряча грубую фразу.

Само собой разумѣется, желаніе получить подробное объясненіе являлось существенною стороною визита...

День казался мнѣ безконечнымъ. Время тянулось съ безумною медленностью. Казалось, часы точно уснули.

Наконецъ, въ условленный срокъ, я подымался по лѣстницѣ большого горбовскаго дома, на Каменноостровскомъ проспектѣ.

„Душа Общества" встрѣтилъ меня въ прихожей.

— Здравствуй, Черкесовъ! — произнесъ Фрэдъ, освобождая меня отъ шинели, фуражки и шпаги. — Аккуратность — вѣжливость королей!... Очень радъ тебя видѣть!

Фрэдъ провелъ меня въ кабинетъ, усадилъ въ кресло, расположился рядомъ со мной. Одѣтый въ домашнюю блузу, того неопредѣленнаго лимонно-сѣраго цвѣта, который извѣстенъ подъ названіемъ kaka dofin онъ и въ этомъ костюмѣ сохранялъ независимый и самоувѣренный видъ свѣтскаго сноба.

— Никакихъ извиненій! — прервалъ онъ меня съ первыхъ же словъ и сочувственно пожалъ руку. — Мой другъ, прими мои увѣренія!... Отъ всей души, отъ чистаго сердца!

Фрэдъ заглянулъ мнѣ въ глаза и, точно угадавъ мою мысль, добавилъ:

— Ну, какъ живешь, что хорошаго?... Тебя, разумѣется, заинтересуютъ детали?... Проблема разрѣшена болѣе или менѣе удовлетворительно!

Съ этими словами баронъ подошелъ къ письменному столу, порылся въ боковомъ ящикѣ и вынулъ изъ него папку, обыкновенную папку, употребляемую для сшиванья входящихъ и исходящихъ бумагъ.

— Здѣсь выдержки изъ досье! — сказалъ Фрэдъ и, повернувшись, снова подсѣлъ ко мнѣ.

Онъ вскинулъ монокль, развернулъ папку, перелисталъ рядъ страницъ.

— Вотъ! — произнесъ Фрэдъ, разглаживая пальцами небольшой измятый листокъ, испещренный карандашными отмѣтками.

— La belle Irène! — прочелъ Фрэдъ. — Изъ дворянокъ санктъ-петербургской губерніи... Особыхъ примѣтъ не имѣется!

Оторвавшись отъ папки, взглянувъ на меня и замѣтивъ мое нетерпѣливое движеніе, баронъ добавилъ:

— Это офиціальныя данныя!... Но въ пояснительной запискѣ, составленной на основаній частныхъ источниковъ, имѣются кое-какія подробности... Предупреждаю, свѣдѣнія носятъ частный характеръ и за абсолютную точность ихъ не ручаюсь!

И какъ бы слагая съ себя отвѣтственность, баронъ развелъ руками...

Я молчалъ.

Я не въ силахъ былъ произнести ни единаго слова и ощущалъ лишь, какъ съ болѣзненной остротой выплываютъ снова мучительныя воспоминанія.

О, если бы возможно было предать ихъ забвенью, бывшее сдѣлать небывшимъ, вытравить безъ остатка!... Не лучше-ли, не благоразумнѣе-ли въ

тысячу разъ было бы не стремиться къ раскрытію истины, оставаться въ невѣденіи, сохранить плѣнительный образъ, какъ таинственное видѣніе, какъ фантастическій сонъ?

Но баронъ, откровенно, съ безжалостной безпощадностью, продолжалъ извлекать выдержки изъ „досье" и, съ каждою фразой, точно взмахомъ тяжелаго топора, отсѣкалъ одну иллюзію за другой.

Онъ передалъ рядъ свѣдѣній, кратнихъ, отрывочныхъ, не вполнѣ ясныхъ, какъ бы не согласовавшихся между собой и даже находившихся въ извѣстномъ противорѣчіи. Многое было потрясающе-неожиданнымъ и наводило на самыя мрачныя размышленія.

— Замѣчена въ обществѣ его высочества...

Съ другой стороны, кое-что изъ его словъ, казалось, вполнѣ отвѣчало дѣйствительности и какъ бы проливало истинный свѣтъ на загадочное петербургское приключеніе.

— Состоитъ хозяйкой охотничьяго домика въ Лиговѣ и въ Любани! — продолжалъ рубить Фрэдъ.

Онъ произнесъ еще нѣсколько фразъ, изъ которыхъ каждая, съ сухимъ четнимъ стукомъ, вылетала и падала изъ его устъ.

Въ заключеніе, поднявъ выразительно указательный палецъ, съ разстановкой, отдѣляя каждое слово, баронъ прочелъ:

— Въ настоящее время, по высочайшему повелѣнію, отбыла изъ предѣловъ имперіи заграницу!

„Душа Общества" прекратилъ чтеніе и отложилъ папку въ сторону.

— Черкесовъ, больше твердости, больше цинизма! — произнесъ Фрэдъ. — Поменьше романтики и ты будешь спасенъ!... Пожалуйста безъ трагедій!... Это тебѣ не къ лицу... А женщины?... Боже мой, женщины, въ концѣ концовъ, всѣ одинаковы?... Сердце красавицы полно измѣны! — протянулъ Фрэдъ и, поднявшись, зашагалъ по ковру.

— Ну, мой бѣдный Орфей! — продолжалъ онъ черезъ минуту. — Уѣхала твоя Эвридика и слава Создателю!... Вѣрнѣе, дали понять, что необходимо уѣхать, оставить временно предѣлы отечества, подышать другимъ воздухомъ, въ другой обстановкѣ... Это исцѣляетъ порой отъ самаго опаснаго увлеченія... Печально, разумѣется, но что дѣлать?... Я же, со своей стороны, радуюсь этому обстоятельству и поздравляю тебя съ благополучнымъ финаломъ... Мужайся, мой другъ, свѣтъ не клиномъ сошелся, будетъ еще и на нашей улицѣ праздникъ!

„И воздушныя, небесныя,
Безтѣлесныя почти,
Будутъ дѣвушки прелестныя
Попадаться на пути?"

продекламировалъ Фрэдъ, захохотавъ мелкимъ лукавымъ смѣшкомъ.

„Душа Общества" щелкнулъ крышкой и взглянулъ на часы.

— Половина девятаго? — воскликнулъ Фрэдъ. — Эти черти вѣчно

опаздываютъ!... Пойду, однако, переодѣться, оставлю на минуту тебѣ одного... Между прочимъ, будетъ Викторъ Эммануиловичъ... Если не ошибаюсь, ты съ нимъ встрѣчался? . . Кромѣ того, познакомишься съ Кешей. . . Сибирякъ! . . Золотопромышленникъ! . . Богатъ, мошенникъ, какъ Крезъ! . . А въ общемъ, душа-парень. . . Ангелъ безъ крыльевъ!

Фредъ поднялъ руку, пошевелилъ въ воздухѣ пальцами и скрылся въ дверяхъ.

Я очнулся, какъ бы послѣ свинцоваго сна.

Странно, но въ эту минуту я не почувствовалъ ни одного изъ тѣхъ естественныхъ ощущеній, которыя должны были быть вызваны объясненіемъ Фреда. Я не ощутилъ ни боли, ни гнѣва и этотъ душевный холодъ меня даже нѣсколько изумилъ.

Между тѣмъ, отъ меня безвозвратно уходила женщина, глубоко съ необъяснимой силой, съ первой же встрѣчи, завладѣвшая всѣмъ моимъ существомъ. . . Женщина, чье дыханіе сливалось съ моимъ, чье гибкое горячее тѣло я сжималъ въ любовныхъ объятьяхъ!

Ничто не шевельнулось сейчасъ, не возмутилось во мнѣ, ничто не пыталось отвоевать ее снова.

Въ эту минуту я могъ только понять, какъ глубоко проникъ въ меня этотъ душевный распадъ. . .

Но раздался звонокъ, появился уланъ Веригинъ, вслѣдъ за нимъ Вонлярлярскій и молодой мичманъ Пилкинъ 12. Князь Олегъ Ивановичъ Шелешпанскій, послѣдній представитель славнаго рода, пришелъ, какъ и прочіе гости, съ незначительнымъ опозданіемъ.

Пріятели тотчасъ набросились на меня, окружили, наперебой закидали вопросами:

— Черкесовъ, что съ тобой?

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ?

— Пропалъ, какъ иголка?

Князь Олегъ Ивановичъ, аристократически оттопыривъ губу, подошелъ въ свою очередь.

— Благогодный когнетъ, газгѣшите пожать вашу гуку! — сочувственно произнесъ князь.

„Душа Общества", успѣвшій смѣнить домашній костюмъ на визитку, представилъ меня прочимъ гостямъ.

„Ангелъ безъ крыльевъ" напоминалъ точно свѣжаго, бѣлобрысаго, розовощекаго херувима, съ маленькими голубыми глазами, съ влажнымъ и маленькимъ, сложеннымъ на подобіе трубочки, ртомъ.

Что касается Виктора Эммануиловича, послѣдній, въ тугомъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ, съ чернымъ галстукомъ, заколотымъ крупною, сомнительнаго достоинства жемчужиной, длинный и тонконогій, черный и волосатый, какъ жукъ, въ темныхъ очкахъ, съ тщательно завитой ассирій-

ской бородкой, съ непроницаемымъ холоднымъ лицомъ, представлялъ собой нѣчто между дипломатомъ средней руки и клубнымъ арапомъ.

— Господа, да что же это такое? — воскликнулъ негодующимъ тономъ баронъ. — Разсѣлись, точно на именинахъ у архіерея! .. Прошу пожаловать! .. Не будемъ терять драгоцѣннаго времени! .. Бекасинаго сотэ, разумѣется, не получите! .. Однако, подкрѣпиться, чѣмъ Богъ послалъ, не мѣшаетъ!

Сначала принялись за закуски.

Баронъ былъ въ ударѣ, сыпалъ остротами, каламбурилъ безъ счета. Вонлярлярскій занималъ князя Олега Ивановича, шепталъ ему на ухо, отчего послѣдній сладострастно хихикалъ, потиралъ сухія тонкія руки, кивалъ маленькой птичьей головкой.

Викторъ Эммануиловичъ, молча, съ дѣловымъ видомъ, переходилъ отъ одной закуски къ другой, ковырялъ вилкой, обнюхивалъ, клалъ на языкъ, одобрительно крякалъ.

Веригинъ и Пилкинъ занялись Кешей.

Баронъ торопилъ, ему уже не сидѣлось. Онъ нѣсколько разъ уже срывался съ своего мѣста, выскакивалъ въ кабинетъ, носился съ сигарными ящиками, съ ликерными рюмками и бутылками, передвигалъ стулья у ломбернаго стола.

— Есть вотъ еще барнаульская смѣсь! — замѣтилъ Кеша. — Крѣпкая штука, медвѣдя съ ногъ сшибетъ!

Онъ отхлебнулъ половину бокала, налилъ водки, наполнилъ до краевъ коньякомъ, густо замѣшалъ солью и перцемъ.

— Господи благослови! — крякнулъ Кеша и зажмурилъ глаза.

Къ общему удовлетворенію, онъ продѣлалъ еще рядъ комбинацій и къ концу ужина былъ сильно навеселѣ.

Баронъ позвонилъ ложечкой по стакану, поднялся и произнесъ спичъ.

— За виновника торжества! — сказалъ Фредъ. — Черкесовъ, ты опять нашъ? .. Окончательно нашъ? .. Лейбъ-компанія привѣтствуетъ возвращеніе блуднаго сына!

— Ура! — крикнулъ Фредъ, поднялъ стаканъ, осушилъ, и, со звономъ, швырнулъ на паркетъ.

Всѣ встали и разомъ опорожнили бокалы. . .

„Душа Общества“ съ трескомъ разорвалъ свѣжую запечатанную колоду и вѣеромъ разсыпалъ ее по столу.

Какъ обычно, игра началась съ незначительныхъ ставокъ.

Первый банкъ металъ князь. Онъ далъ нѣсколько картъ, открылъ девятку и, удвоивъ капиталъ, снялся. Веригинъ, Пилкинъ и Вонлярлярскій прометали съ меньшимъ успѣхомъ. Эта прерывистая смѣна выигрышей и неудачъ продолжалась около часа.

Викторъ Эммануиловичъ ударилъ три раза подрядъ и передъ нимъ образовалась солидная горсть золота, серебра, пестрыхъ кредитокъ.

— Vogue la galère! — произнесъ онъ, ударивъ четвертый разъ, дрожащими пальцами, точно черная зловѣщая кукла, пересчиталъ деньги и бросилъ колоду на столъ.

— Честь и родина! — крикнулъ Фрэдъ. — Покупаю!

Баронъ принялъ колоду, — месье, медамъ, прошу дѣлать игру! — произнесъ шутовскимъ тономъ и вызывающе оглядѣлъ игроковъ.

Ставки посыпались.

— Кеша, за тобой остановка! — замѣтилъ Фрэдъ. — Въ банкѣ девяносто четыре!

Кеша икнулъ, уставился мутными глазами на горку кредитокъ и выбросилъ сторублевый билетъ.

— Комплектъ!

Черезъ минуту, банкъ перешелъ къ нему.

— Отвѣтственный! — сказалъ Кеша. — Господи благослови!

Снова посыпались ставки. Игра начинала принимать азартный характеръ. Кеша билъ карту за картой и передъ нимъ лежала уже не горсть, а цѣлый ворохъ бумажекъ, золота, серебра.

Карта, какъ это нерѣдко бываетъ, продолжала упорно идти въ однѣ руки.

— Кеша, разбойникъ! — визжалъ баронъ. — Съ нимъ невозможно играть!

Между прочимъ, существуетъ распространенное мнѣніе, будто характеръ человѣка познается въ игрѣ.

Но почти каждый игрокъ, рано или поздно, пріучается владѣть лицомъ. Онъ сгоняетъ морщины у рта, стискиваетъ зубы и мускулы, придаетъ лицу фальшивое выраженіе благороднаго равнодушія.

Но о рукахъ онъ забываетъ и, именно, по рукамъ можно безошибочно разгадать каждаго игрока.

Однѣ руки, точно дикіе звѣри, съ цѣпкими волосатыми пальцами, попаучьи, словно щупальцами хищнаго спрута, сгребаютъ золото, хватаютъ бумажки. . . У другихъ тонкіе дрожащіе пальцы, съ блѣдными, остро отточенными ногтями, которые едва осмѣливаются прикоснуться къ деньгамъ и выдаютъ себя нервнымъ постукиваніемъ, на подобіе барабаннаго боя. . . Есть благородныя руки и низкія, грубыя и застѣнчивыя, но каждыя, въ своемъ родѣ, могутъ разсказать о своей жизни. . .

Я проигралъ въ короткій срокъ сто рублей, пропустилъ нѣсколько талій и рѣшилъ закончить игру.

Послѣдняя, между тѣмъ, принимала все болѣе острый характеръ.

Истощивъ содержимое кошельковъ, игроки стали извлекать изъ бо-

ковыхъ кармановъ бумажники, что-то прикидывали, что-то отчиркивали мѣлкомъ, все чаще смачивали горло виномъ, пивомъ, сельтерской водой.

Барону исключительно не везло.

Банки у него не вязались, въ понтировкѣ онъ закупался и противникъ билъ его однимъ очкомъ. Онъ мѣнялъ мѣсто, стараясь обмануть судьбу, начиналъ уже „выжимать", то есть взглянувъ на первую карту, медленно вытягивалъ изъ за ея спины другую.

Онъ то клалъ карту на край стола и смотрѣлъ на нее снизу, то складывалъ обѣ карты наружу рубашками и раскрывалъ ихъ, какъ книгу, словомъ, продѣлывалъ все то, что продѣлываютъ клубные игроки, когда имъ не везетъ въ девятку.

— Кеша, разбойникъ! — визжалъ баронъ. — Ты меня окончательно компрометируешь!

Въ комнату, сквозь оконныя шторы, уже проникалъ блѣдный утренній свѣтъ. Табачный дымъ стоялъ густымъ плотнымъ туманомъ. У Фрэда, у Виктора Эммануиловича и прочихъ партнеровъ были изнуренныя лица карточныхъ игроковъ, не сумѣвшихъ поймать счастливую талію.

Вяло, безжизненно, они продолжали еще потрошить другъ друга, изъ за нѣскольнихъ жалкихъ бумажекъ.

Только на розовомъ лицѣ Кеши, дремавшемъ въ глубокомъ креслѣ, играло спокойное, мирное, счастливое выраженіе. На сосѣднемъ диванѣ, нѣжно обнявшись, покоились князь Олегъ Ивановичъ и молодой мичманъ Пилкинъ 12.

Еще доносились отдѣльные крики:

— Дамбле!

— Иду угломъ!

— Одно табло за другое!

— Честь и родина!

— Vogue la galère!

Они звучали все тише... Въ глазахъ рѣялъ мягкій голубоватый туманъ... Онъ подымался все выше и уносилъ меня, на серебряныхъ крыльяхъ, въ невѣдомый міръ, къ лучезарнымъ созвѣздіямъ, въ безконечность...

31.

Утро было прекрасное, легкое и прозрачное, когда публика стала собираться на полковомъ полѣ.

Скаковой кругъ съ нѣсколькими препятствіями, живою изгородью, заборомъ, канавой съ водой, былъ отмѣченъ разноцвѣтными флагами, весело пестрѣвшими на фонѣ нѣжной, золотисто-изумрудной листвы.

Лежавшій внутри ирландскій банкетъ, убранный декоративною зеленью и цвѣтами, служилъ трибуною для почетныхъ гостей.

Часть горожанъ уже сидѣла на скамейкахъ подлѣ банкета, люди попроще стояли внутри круга, а на трибунѣ помѣщался старый гатчинскій

комендантъ, въ обществѣ командира полка, старшихъ офицеровъ, молодыхъ фрейлинъ, полковыхъ дамъ.

Здѣсь были сестры Марія и Аглаида графини Голенищевы-Кутузовы, баронесса Таубе и Корфъ, жена полкового адъютанта Лазарева, супруга Талюши Мордвинова, молодая изящная Наталья Сергѣевна Вульфертъ.

Нѣсколько офицеровъ, изъ числа наиболѣе свѣтскихъ, наиболѣе распорядительныхъ кавалеровъ — Федя Лодыженскій, графъ Сюзоръ, Женя и Сережа Соважъ, ухаживали за дамами, разсаживали публику по мѣстамъ, слѣдили за общимъ порядкомъ.

Хозяинъ собранія, штабсъ-ротмистръ Акимовъ, съ облупившимся отъ солнца и вѣтра, смуглымъ кавказскимъ лицомъ, на которомъ успѣла уже проступить сизая щетина посѣва, хлопоталъ внизу, возлѣ фургона съ офицерскимъ буфетомъ.

Тутъ же, нѣсколько въ сторонѣ, на лужайкѣ, примыкавшей вплотную къ трибунѣ, стояла группа вѣстовыхъ съ лошадьми, съ чистокровнымъ „Ферфаксомъ" великаго князя, съ венгерской кобылицей „Аспазіей" поручика Арапова, „Матадоромъ" Эди фонъ Шведера, выводнымъ „Нэлли-Нэломъ" корнета Свѣчина и другими.

По совѣту пріятелей, я также рѣшилъ принять участіе въ полковой скачкѣ.

Разумѣется, шансы „Рэдъ-Боя" были бы здѣсь незначительны. Тяжелый ирландскій хентеръ — добрый шлепакъ, несетъ точно въ люлькѣ качаетъ! — является идеальнымъ конемъ для манежной ѣзды и конкуръ-иппическихъ состязаній, для рекордныхъ прыжковъ, для выступленія въ качествѣ парадера на торжествахъ въ высочайшемъ присутствіи.

Въ этомъ отношеніи, не можетъ существовать двухъ различныхъ мнѣній.

Однако, для стипль-чезнаго состязанія ему не хватаетъ необходимой, въ данномъ случаѣ, рѣзвости.

Но у меня имѣется теперь „Ларкансьель", великолѣпная англо-норманская кобылица, легкая, сухая, подвижная.

Если она не закинется на первомъ препятствіи или не сброситъ меня на канавѣ, я могу разсчитывать на успѣхъ...

Было ровно двѣнадцать, когда со стороны желѣзнодорожнаго переѣзда показалась коляска, запряженная парою знакомыхъ вороныхъ рысаковъ, съ конвойнымъ казакомъ на козлахъ.

— Трубачи! — крикнулъ полковой адъютантъ.

Капельмейстеръ Василій Генриховичъ утвердительно кивнулъ головой, звякнулъ шпорами и взмахнулъ палочкой. Генералъ баронъ Раушъ, въ сопровожденіи коменданта и господъ офицеровъ, спустились съ трибуны.

Коляска остановилась.

Императрица съ обѣими дочерьми, сопутствуемая статсъ-дамой, гра-

финею Гейденъ, приняла рапортъ командира полка, вручившаго одновременно букетъ бѣлыхъ розъ, перевитыхъ бѣлыми и синими лентами. Два другихъ букета, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, полковой адъютантъ, ловкимъ движеніемъ, поднесъ великимъ княжнамъ.

Господа офицеры подошли къ рукѣ Августѣйшаго Шефа.

Императрица, по обыкновенію, выглядѣла очень молодо и свѣжо. Я видѣлъ ее недавно, во время торжественнаго „baise-main" на пасхальной недѣлѣ. Сейчасъ, въ свѣтломъ весеннемъ костюмѣ, въ свѣтлой шляпѣ, оттѣнявшей ея красивые, темные, слегка подвитые волосы, она казалась еще болѣе молодой, еще болѣе привлекательной и прекрасной.

Государыня ласково поздоровалась съ дамами, привѣтливо раскланялась съ публикой и поднялась на трибуну. И тотчасъ, командиръ полка, комендантъ и старшіе офицеры заняли Императрицу бесѣдой, въ то время, какъ молодежь окружила великихъ княженъ.

Обѣ онѣ, въ такихъ же точно свѣтлыхъ костюмахъ, въ легкихъ соломенныхъ шляпкахъ, съ широкими, приподнятыми съ одного края полями, въ свою очередь, выглядѣли такъ прелестно и мило, такой очаровательной простотой, такимъ юнымъ задоромъ вѣяло отъ ихъ свѣжихъ румяныхъ лицъ, отъ тоненькихъ, гибкихъ и стройныхъ фигурокъ, что можно было невольно залюбоваться.

Между прочимъ, слухъ о предстоящей помолвкѣ великой княжны Ольги съ принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ, къ сожалѣнію, подтвердился.

Принцъ, еще сравнительно молодой, но болѣзненный, безцвѣтный и некрасивый, истощенный недугами человѣкъ, по общему мнѣнію, не является подходящею парой.

Мы озадачены этимъ рѣшеніемъ, искренно соболѣзнуемъ великой княжнѣ, тѣмъ болѣе, что она еще не вышла изъ юнаго возраста — ей всего восемьнадцать, тѣмъ болѣе, въ скобкахъ замѣтимъ, что... увлеченіе великой княжны однимъ изъ молодыхъ корнетовъ полка не составляетъ для насъ секрета.

Такова, впрочемъ, участь всѣхъ принцессъ царскаго Дома. Личныя чувства приносятся въ жертву соображеніямъ политическаго и династическаго характера...

День былъ мягкій и тихій, безъ малѣйшаго вѣтерка. Небо было ясное, чистое, и только кое-гдѣ бѣлѣли на немъ клочки облачковъ, точно серебряные паруса на голубомъ фонѣ.

Солнце пламеннымъ свѣтомъ заливало скаковой кругъ, съ чуть колыхавшимися флажками, трибуну и скамейки съ многочисленной публикой, хоръ трубачей, группу вѣстовыхъ съ лошадьми.

Передъ тѣмъ, какъ начинать скачку, гостямъ было предложено угощеніе. Маэстро снова взмахнулъ волшебною палочкой, грянула увер-

тюра, засвистѣли флейты, зарокотали мѣдные иструменты, мелкой дробью разсыпался барабанъ.

Великая княжна Ольга, по живости характера, не долго оставалась на почетной трибунѣ. Въ сопровожденіи молодыхъ офицеровъ, она направилась къ полковому буфету, у котораго хлопоталъ хозяинъ собранія.

Здѣсь уже находились великій князь Михаилъ, нѣсколько поручиковъ и корнетовъ и, среди нихъ, Наталья Сергѣевна, интересная, стильная, въ ореолѣ своего блистательнаго изящества и какой-то необъяснимой, въ нѣкоторомъ родѣ, трагической красоты.

Младшая изъ трехъ дочерей московскаго присяжнаго повѣреннаго Шереметевскаго, она успѣла уже развестись съ первымъ мужемъ и состояла сейчасъ въ бракѣ съ поручикомъ Владиміромъ Вульфертомъ.

Маленькій, легкій, чуть замѣтный шрамъ на щекѣ, не безобразилъ ея тонкаго, породистаго лица. Холодная и безстрастная, она какъ бы царила надъ жизнью, словно не замѣчая клубка страстей, свернувшагося у ея ногъ. При взглядѣ на нее рождалось какое-то смѣшанное чувство щемящей боли и восхищенія, а на память приходили вѣщія строки:

„Нѣтъ, не напрасно троянцы и пышные броней ахейцы
Изъ за подобной жены столь ужасныя бѣдствія терпятъ,
Ибо похожа она на безсмертныхъ богинь олимпійскихъ“...

Здѣсь, подлѣ фургона съ офицерскимъ буфетомъ, гдѣ наряду съ прохладительными напитками, можно было, при желаніи, подогрѣть себя стаканомъ вина и другой горячительной влагой, было много свободнѣе. Звучали шутки, слышался смѣхъ, господа офицеры, дымя папиросами, обмѣнивались мнѣніями по поводу предстоявшаго состязанія, спорили, заключали даже пари.

А хозяинъ собранія, обжигаясь горячимъ чаемъ, сдобреннымъ коньякомъ, уже „мариновалъ“ какого-то юношу въ лицейскомъ мундирѣ, съ треуголкой на головѣ, задавалъ ему глубокомысленные вопросы и, не ожидая отвѣта, плелъ несусвѣтимую околесицу, приводя молодого человѣка въ окончательное смущеніе.

Кругомъ стоялъ стонъ.

— Анишка, старый баклажанъ! — хохотали господа офицеры.

Разрумянившаяся, разгорѣвшаяся отъ душившаго смѣха, утирая платочкомъ глаза, великая княжна, съ острымъ любопытствомъ, слѣдила за шуточною комедіей.

— Акимовъ, замаринуйте мама? — неожиданно обратилась великая княжна Ольга и покатилась со смѣха.

Константинъ Николаевичъ широко раскрылъ ротъ, лицо его отразило крайнее изумленіе. Онъ захохоталъ въ свою очередь, но отъ предложенія почтительно отказался.

На лужайкѣ, гдѣ стояла группа вѣстовыхъ съ лошадьми, уже наблюдались приготовленія. Часть офицеровъ возилась у своихъ скакуновъ,

подтягивая подпруги, укорачивая стремена. Другіе уже сидѣли верхомъ, оглаживали и успокаивали коней, разбирали поводья.

Великая княжна проворно перебѣгала отъ одной группы къ другой. Ея гибкая тоненькая фигурка мелькала по всѣмъ направленіямъ. Все интересовало ее, занимало и восхищало.

Она смѣло подошла къ „Ларкансьель", смѣло потрепала ее по щекѣ:

— Черкесовъ, одну минутку... Позволите?

Быстрымъ движеніемъ сняла висѣвшій на плечевомъ ремешкѣ фотографическій аппаратъ, отбѣжала на нѣсколько шаговъ и нацѣлилась.

— Ни пуха вамъ, ни пера! — засмѣялась княжна и сочувственно закивала головкой...

Семеро ѣздоковъ, слегка согнувшись въ сѣдлѣ, принявъ скаковую посадку, пытаясь соблюдать нѣкоторое равненіе, подошли къ линіи старта.

Лошади горячились, присѣдали на заднія ноги, вырывали поводья изъ рукъ.

Ротмистръ Александръ Ивановичъ, въ роли стартера, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выравнивалъ ѣздоковъ, то поворачивалъ назадъ, то продвигалъ снова къ себѣ, пока не взмахнулъ краснымъ флажкомъ:

— Пошли!

Лошади оторвались отъ старта и дружно пронеслись передъ трибуной.

Проскакавъ сотню шаговъ, ѣздоки укоротили нѣсколько пейсъ, замедливъ его еще болѣе передъ виднѣвшимся препятствіемъ, сообразуясь со сноровкой и силой коней.

„Ларкансьель" вынесла меня тотчасъ впередъ и повела скачку.

Тщетно, изо всей силы натягивая поводья и откидываясь даже назадъ, я стремился, въ свою очередь, уменьшить ходъ. Съ каждымъ мгновеньемъ, отдѣляясь на нѣсколько корпусовъ отъ прочихъ участниковъ, въ безудержномъ порывѣ, кобыла неслась по скаковой дорожкѣ.

— Гопъ!

„Ларкансьель" великолѣпно взяла чухонскій заборъ и, съ новой энергіей, напруживъ сухое, мускулистое тѣло, летѣла на виднѣвшуюся впереди изгородь. Она летѣла, какъ птица, какъ туго свернутая пружина, едва касаясь ногами земли, вытянувъ шею, похрапывая на каждомъ скачкѣ.

— Гопъ-гопъ!

Въ два темпа взята „корзинка" на противоположной прямой.

Оглянувшись, я увидѣлъ въ нѣсколькихъ корпусахъ золотисто-огненнаго „Ферфакса" великаго князя. Близко за нимъ держались еще два ѣздока. Остальная компанія растянулась по кругу.

Я напрягалъ теперь всѣ усилія, понукая кобылу шенкелемъ и хлыстомъ. Охваченный спортивною страстью, обливаясь испариной, ощу-

щая каждый толчокъ разгоряченнаго сердца, я отдавалъ сейчасъ послѣднія силы этому бѣшеному полету на финишѣ.

Впереди уже блеснула канава съ водой.

Уже ясно виднѣется, при выходѣ на прямую, ея косое нѣсколько начертаніе, съ живою изгородью, окаймляющей ее по бокамъ. А еще дальше, по лѣвой рукѣ, видѣнъ ирландскій банкетъ, съ разукрашенною трибуной, съ развѣвающимися флагами и цвѣтами, съ толпой горожанокъ и горожанъ, съ бѣлыми пятнами офицерскихъ фуражекъ.

Уже можно различить даже отдѣльныя лица, фигуры, дамскіе туалеты и, среди нихъ, на первомъ планѣ, бѣлое платье Императрицы и великихъ княженъ.

Жеребецъ меня настигалъ.

Я уже слышалъ за спиной его мѣрный топотъ, бурное, порывистое дыханіе. Оглянувшись вторично, увидѣлъ раскраснѣвшееся, румяное, улыбающееся лицо великаго князя, склонившагося къ самой лукѣ, подходившаго ко мнѣ широкимъ размашистымъ ходомъ.

Но у меня былъ еще шансъ.

Всего нѣсколько саженъ отдѣляли меня отъ канавы. Она уже выростала передо мной во весь ростъ, остро, какъ зеркало, сверкая золотисто-синей поверхностью.

Если „Ларкансьель" не закинется — эта мысль назойливо преслѣдовала меня въ теченіе всего состязанія, если она такъ же свободно возьметъ и это препятствіе...

Я отдалъ поводъ и выслалъ кобылу изо всѣхъ силъ шенкелями.

„Ларкансьель" подняла ушки, вздрогнула, насторожилась и, со всѣхъ четырехъ ногъ, остановилась вразъ, точно вкопанная.

По инерціи, едва не перелетѣвъ черезъ голову, съ усиліемъ удержавшись въ сѣдлѣ, я увидѣлъ, какъ въ слѣдующее мгновенье, отдѣлившись легко отъ земли, жеребецъ великаго князя гигантскимъ прыжкомъ перенесъ его черезъ канаву.

Вслѣдъ за нимъ меня настигли Павлуша Мордвиновъ и „Матадоръ" Эди фонъ Шведера.

Грохотъ рукоплесканій покрылъ побѣдителей...

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, я закончилъ все же дистанцію и съѣхалъ немедленно съ круга.

Разгоряченный, весь мокрый отъ изступленнаго возбужденія, соскочивъ съ лошади, повелъ ее въ сторону отъ трибуны, смущенный досадной закидкой, не смѣя показаться на глаза публикѣ.

Что дѣлать, спортивное счастье досталось другимъ!

Я испытывалъ чувство легкаго огорченія. Будучи такъ близокъ къ побѣдѣ и не сумѣвъ воспользоваться представившейся возможностью, я укорялъ себя за опрометчивость, за непростительную небрежность, за то,

что не внявъ совѣтамъ друзей, не сдѣлалъ наканунѣ пробнаго испытанія, не ознакомился съ особенностями и сноровкой кобылы.

Одновременно же, возносилъ горячую благодарность судьбѣ за то, что удержавшись чудомъ въ сѣдлѣ, не выкупался въ канавѣ на глазахъ многочисленной публики и Августѣйшаго Шефа.

Это было бы величайшимъ конфузомъ!

Но ко мнѣ уже бѣжали съ криками Аркасъ, Анатоль, Искандеръ и еще нѣсколько молодыхъ офицеровъ.

— Черкесовъ! — кричали они. — Къ командиру полка!

Поднявшись на трибуну, я увидѣлъ прежде всего ликующее лицо великаго князя. Его окружили со всѣхъ сторонъ, пожимали руку, поздравляли съ побѣдой.

— Браво, ваше высочество! — говорилъ генералъ баронъ Раушъ. — Вы обнаружили искусство первокласснаго бойца ипподрома! . . Какой глазомѣръ, какой идеальный разсчетъ!

Полковникъ Ипполитъ Алексѣевичъ, широко улыбаясь, обратился, въ свою очередь, съ нѣсколькими словами.

— Великолѣпный бросокъ! — замѣтилъ ротмистръ Александръ Ивановичъ. — Изумительно! . . Замѣчательно! . . Неподрражаемо, ваше высочество!

Великій князь сіялъ отъ радости и тріумфа.

Рядомъ съ нимъ, съ такимъ же взволнованнымъ и счастливымъ лицомъ, держа въ рукахъ хрустальную вазу съ тяжелымъ поддономъ изъ чеканнаго серебра, стоялъ Эдя фонъ Шведеръ.

Маленькій Павлуша Мордвиновъ, ухмыляясь и поблескивая раскосыми щелками, вертѣлъ новенькій камышевый стэкъ съ золотымъ набалдашникомъ.

— Черкесовъ, къ Ея Величеству! — раздались голоса.

Императрица глядѣла на меня съ мягкой шаловливой улыбкой и въ ея красивыхъ темныхъ глазахъ дрожали искорки смѣха.

— Très bien, Tcherkessoff! обратилась Императрица. Vous avez brillamment gagné!

Смѣялась великая княжна Ольга и великая княгиня Ксенія, смѣялись молодыя фрейлины сестры Кутузовы, полковыя дамы, Наталья Сергѣевна, господа офицеры, генералъ баронъ Раушъ.

Я стоялъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи, не отдавая себѣ отчета, густо залитый краской отъ смущенія и стыда. Черезъ минуту все объяснилось. Великій князь Михаилъ сдѣлалъ красивый жестъ и отказался отъ приза.

Государыня продолжала сочувственно глядѣть на меня.

— J'espère que ce premier pris ne restera pas le dernier? — добавила Императрица и засмѣялась.

И съ милой, столь свойственной ей, доброй и ласковой улыбкой, вручила серебряный бокалъ, съ золотыми иниціалами „М. Ф.“ подъ царской короной. . . .

32.

ЕЩЕ не успѣли улечься послѣднія впечатлѣнія — офицерскія скачки, пикникъ въ царскомъ паркѣ, съ катаньемъ на лодкахъ, игрою въ лаунъ-теннисъ, состязаніемъ въ кегли и прочими развлеченіями, какъ незамѣтно подошелъ полковой праздникъ.

Приготовленія къ торжественному событію начались заблаговременно.

Уже въ теченіе цѣлой недѣли въ хозяйственной части полка наблюдалась энергичная дѣятельность.

Изъ полкового цейхгауза извлекались парадные мундиры, амуниція, сапоги. Закройщики и портные нестроевой команды, подъ неусыпнымъ надзоромъ штабсъ-ротмистра барона Корфа, подгоняли комплекты, занимались утюжкой, шили, перешивали, бѣлили сукно.

Шорники пересматривали новый сѣдельный уборъ и конскую принадлежность. Оружейные мастера приводили въ порядокъ оружіе, каски, кирасы. Кузнецы занимались перековкою лошадей и цѣлый день, съ разсвѣта до вечерней зари, звучали удары тяжелаго молота — тамъ-тамъ, тамъ-тамъ!

Въ офицерскомъ собраніи, въ свою очередь, шла дѣятельная работа. Распорядительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Эспера Александровича, собирался и засѣдалъ каждый день.

Составленіе параднаго обѣденнаго меню, выборъ закусокъ и винъ, заботы объ украшеніи собранія, тысяча мелочей, отъ музыкальной программы вплоть до выработки вечерняго дивертисмента, были предоставлены компетенціи опытныхъ лицъ.

Само собой разумѣется, не все проходило гладко. Споры возникали по пустякамъ и носили иной разъ ожесточенный характеръ. Дѣло даже дошло до того, что хозяинъ собранія, уязвленный замѣчаніемъ одного изъ участниковъ, въ категорической формѣ заявилъ о сложеніи съ себя обязанностей.

Впрочемъ, Эсперъ Александровичъ, со свойственнымъ тактомъ, внесъ тотчасъ примиряющее начало и непріятный инцидентъ былъ улаженъ. . .

———

Въ теченіе недѣли, на дворцовомъ плацу происходили ежедневныя репетиціи.

Господа эскадронные командиры и субалтернъ-офицеры упражнялись въ одновременномъ салютѣ. Кирасиры маршировали, заходили плечомъ, дружно отвѣчали на привѣтствіе старшихъ начальниковъ.

И нерѣдко можно было наблюдать, какъ въ жилыхъ покояхъ дворца широко раскрывалось узорчатое окошко и показывалось въ немъ веселое, оживленное, улыбающееся личико великой княжны Ольги, великой княгини Ксеніи, а иной разъ даже Императрицы.

Наканунѣ праздника происходила генеральная репетиція.

Разумѣется, можно было предвидѣть, почти безошибочно, что парадъ

будетъ удаченъ и произведетъ блестящее впечатлѣніе, что Императоръ найдетъ все въ образцовомъ порядкѣ и выразитъ неизмѣнную благодарность и благоволеніе, что Августѣйшій Шефъ подчеркнетъ въ лишній разъ вниманіе и ласку къ родному полку.

И все же существовали основанія переживать нѣкоторую тревогу и безпокойство. Какая нибудь мелочь, какой нибудь совершенный пустякъ, который трудно даже предусмотрѣть, въ состояніи отразиться на торжественности момента, испортить общее настроеніе, вызвать, можетъ быть, неудовольствіе Императора.

Но если волнуются младшіе офицеры, что сказать про командира полка, обоихъ полковниковъ, эскадронныхъ командировъ и адъютанта, главныхъ героевъ и наиболѣе отвѣтственныхъ лицъ торжественнаго спектакля?

Если возможно было бы какимъ нибудь образомъ заглянуть въ ихъ души, нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти чувства выражены у нихъ еще ярче, во сто кратъ полнѣе.

Вдобавокъ, полковой праздникъ связанъ обыкновенно съ какой либо личной царскою милостью, и многимъ, о, многимъ, мерещатся въ этотъ знаменательный день флигель-адъютантскіе аксельбанты и завѣтные вензеля на погонахъ!..

Но не только собраніе, не только казармы и помѣщенія кирасирской слободки, даже конюшни приведены въ праздничный видъ и сверкаютъ сейчасъ, точно паркетъ бальнаго зала.

Надъ конскими стойлами висятъ дощечки со свѣжими надписями, исполненными бѣлой и синею краской. Блеститъ сѣдельный уборъ изъ желтой, точно полированной, остро пахнущей кожи. Запахомъ нафталина несетъ отъ парадныхъ синихъ вальтраповъ, разукрашенныхъ галунами и звѣздами. Въ отдѣльныхъ станкахъ сложены горы соломенныхъ матъ. Завтра онѣ протянутся вдоль конюшенъ красивой ковровой дорожкой.

Вечерняя уборка, подъ наблюденіемъ младшихъ офицеровъ, взводныхъ и вахмистровъ, происходитъ на этотъ разъ съ исключительной тщательностью.

Кажется, даже лошади, даже добрые кирасирскіе кони, проникнуты сознаніемъ отвѣтственности и служебнаго долга, перебираютъ осторожно кормушки, чтобы не просыпать зерна, мягко пофыркиваютъ, нѣжно вздыхаютъ, перекликаются какими-то совершенно особыми, томными, пѣвучими голосами.

„Рэдъ-Бой“ поворачиваетъ огромную морду, тянется безволосыми розовыми губами, моргаетъ выпуклымъ глазомъ.

Я захожу въ станокъ, прижимаюсь къ могучимъ бокамъ вѣрнаго буцефала, треплю его по плечу, по крутой холкѣ, по гладкой наѣденной шеѣ.

— Добрый вечеръ, пріятель?

„Рыжій Мальчикъ“ лижетъ теплымъ шершавымъ языкомъ руки, вздыхаетъ и шепчетъ:

— Завтра мнѣ выступать!.. Дай сахару!.. Я ужасно волнуюсь!..

33.

СТАРОЖИЛЫ не запомнятъ ни единаго случая, чтобы торжественный день девятаго мая былъ омраченъ какой-либо, хотя бы самою незначительною непогодью или ненастьемъ.

Въ этотъ день природа какъ бы сознательно покровительствуетъ Лейбъ-Регименту, расточая самыя щедрыя, самыя солнечныя улыбки.

Уже съ утра воздухъ мягокъ и тепелъ, напоенъ сладкимъ духомъ тополей и распускающейся сирени. Въ этотъ день весна какъ бы кричитъ сверкающими волшебными красками, надъ головой широко раскинулось бездонное небо и горитъ въ немъ, по праздничному, златоогненный щитъ.

А на плацпарадѣ, въ ожиданіи высочайшаго пріѣзда, неподвижнымъ покоемъ, уже выстроенъ полкъ, соотвѣтственно очертаніямъ замка.

Шефскій эскадронъ и четвертый стоятъ другъ противъ друга, примкнувъ тыломъ къ Арсенальному и Кухонному карэ, второй и третій вытянулись вдоль главнаго фаса, образуя всѣ вмѣстѣ обширную внутреннюю площадку, на которой стоитъ аналой, духовенство и хоръ полковыхъ пѣвчихъ, въ живописныхъ церковныхъ одеждахъ.

Буйнымъ пламенемъ заливаетъ солнце ослѣпительную картину параднаго торжества, отражаясь тысячами огней отъ мѣдныхъ касокъ и латъ, отъ бѣлыхъ, какъ первый снѣгъ, кирасирскихъ мундировъ, отъ рыжихъ конскихъ круповъ и спинъ, подъ яркой синью вальтраповъ, надъ которыми точно застылъ лѣсъ синихъ пикъ съ весело вьющимися голубо-желтыми флюгерами...

Посреди, на рослой, въ бѣлыхъ чулкахъ, съ проточиною во лбу, спокойной датской кобылѣ, сидитъ командиръ, генералъ баронъ Раушъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, неподвижно, точно конное изваяніе, вылитое изъ пылающей бронзы, стоитъ старшій полковникъ, и тутъ же держится полковой адъютантъ.

Четко видна офицерская линія эскадрона Ея Величества — по два на взводѣ: великій князь Михаилъ и поручикъ Араповъ, князь Бебутовъ и Пржевальскій, и дальше — Максимовичъ, Даниловъ, Случевскій и Лавриновскій, всѣ рослые, представительные, на подборъ статные молодцы, какъ и командиръ, ротмистръ Александръ Ивановичъ Droздъ-Боначевскій.

Ломаясь круто подъ прямымъ угломъ, вытянулся второй эскадронъ, „семейный“, во главѣ съ кряжистымъ Клевезалемъ, съ братьями Талю-

шей и Павлушей Мордвиновыми, съ братьями Сережей и Женей Соважъ, и прочими офицерами.

А на правомъ флангѣ, на старомъ вислоухомъ сонномъ конѣ, сидитъ штабсъ-ротмистръ Акимовъ. Лицо его скрыто въ синей тѣни, подъ глубоко надвинутой каской съ металлическимъ козырькомъ, изъ подъ котораго блеститъ сизая луковка носа и чернѣетъ щетина усовъ.

Хозяинъ собранія сидитъ въ позѣ глубочайшей задумчивости, склонившись къ передней лукѣ сѣдла, устремивъ взоръ передъ собой.

О чемъ его мысли, о высокой торжественности наступающаго момента или, можетъ быть, о другомъ — о томъ, чтобы, сохрани Боже, не подгадили повара, не остудили бульонъ-потофе, не испортили тюрбо au vin blanc, филе-мутонъ соусъ Субизъ, не пересластили бы заключительный кулинарный шедевръ — парфэ съ цукатами à la marquise Pompadoure?

Рядомъ — третій штандартный или „баронскій“, съ сухонькимъ барономъ Таубе, съ княземъ Кольцовымъ-Мосальскимъ и графомъ Сюзоромъ, съ юнымъ корнетомъ Таубе, сыномъ эскадроннаго командира, съ неунывающимъ философомъ „Сененой“, съ обоими баронами — „Пуделями“ и черноглазымъ Аркасомъ.

А на флангѣ, точно Фебъ лучезарный, стоитъ золотистоволосый красавецъ, корнетъ Николай Александровичъ Куликовскій.

Изъ подъ кирасы съ чешуйчатыми наплечниками выступаютъ крѣпкія плечи, а молодыя мускулистыя руки облиты бѣлымъ сукномъ мундира. Яркая, эффектная, нѣсколько театральная форма, въ сочетаніяхъ бѣло-синяго цвѣта съ золотомъ каски, панцыря, эполетъ, сообщаютъ стройному торсу какую-то античную красоту.

Подъ прямымъ же угломъ протянулась линія четвертаго, „образцоваго“ эскадрона, съ четырьмя субалтернами, а впереди, на эскадронной дистанціи, виднѣется грузное командирское тѣло и широкій задъ куцехвостаго мерина „Риголетто“.

На интервалѣ, примкнувъ къ лѣвому флангу полка, стоятъ, въ пѣшемъ строѣ, бывшіе командиры — генералы-отъ-кавалеріи Константинъ Устиновичъ Араповъ, Лермонтовъ и Хрулевъ, въ полковой формѣ, но безъ кирасъ, съ орденами, звѣздами, алыми александровскими лентами, и тутъ же бывшіе офицеры полка, въ разнообразныхъ мундирахъ, военныхъ и статскихъ, въ черныхъ фракахъ, въ цилиндрахъ, парадныхъ шапкахъ, въ придворныхъ треуголкахъ съ бѣлымъ плюмажемъ.

А за дворцовой дорогой, начиная отъ караульной площадки вплоть до противоположнаго фаса дворца, на пртяженіи всего плацпарада, волнуясь, точно море въ мелкую зыбь, кипитъ, сверкаетъ, переливается толпа гатчинскихъ горожанокъ и горожанъ...

Лишь только со стороны Арсенальнаго карэ показалась запряжен-

ная цугомъ, à la Daumont, двумя парами бѣлыхъ, какъ молоко, лошадей, съ форейторами въ алыхъ камзолахъ и бѣлыхъ лосинахъ, коляска Августѣйшаго Шефа, а вслѣдъ за нею любимый гнѣдой конь Императора, одѣтаго въ бѣлый кирасирскій мундиръ, съ голубой лентой черезъ плечо, командиръ полка подалъ команду.

Бѣглой молніей сверкнула сталь палашей, поднялся синій лѣсъ пикъ, точно солнечной вспышкой полкъ освѣтился огненными зигзагами.

Хоръ трубачей, обвитый серебряными удавами, полными притаившагося грома и грохота, выбросилъ „гвардейскій походъ“:

— Трдамъ-трдамъ, трдамъ-трдамъ!

Императоръ, въ сопровожденіи дежурства и высшихъ лицъ свиты, стараго главнокомандующаго великаго князя Владимира и министра Двора, дворцоваго коменданта, оберъ-гофмаршала, командира гвардейскаго корпуса, начальника кирасирской дивизіи и начальника царской охоты, свѣтлѣйшаго князя Голицына, медленно объѣзжалъ фронтъ, здороваясь съ эскадронами.

Хоръ трубачей заигралъ гимнъ, плацпарадъ огласился кликомъ „ура!“.

Все ближе подвигалась пышная кавалькада, огибая фронты четырехъ эскадроновъ. Императрица, сидя въ коляскѣ съ обѣими дочерьми, съ ласковою улыбкой раскланивалась и кивала головкой. Царь здоровался съ эскадронами, прикладывая руку къ каскѣ, отвѣчая на салютъ офицера, яснымъ спокойнымъ взоромъ скользя по рядамъ.

Совершивъ объѣздъ, коляска остановилась.

Императоръ слѣзъ съ коня и, вмѣстѣ съ Августѣйшимъ Шефомъ и сестрами, встрѣченный духовенствомъ, комендантомъ и полковыми дамами, подошелъ къ аналою. Тутъ же полукругомъ стала царская свита. Адъютантъ и унтеръ - офицеръ со штандартомъ выступили впередъ.

— На молитву, каски до-лой! — скомандовалъ командиръ.

И началось торжественное молебствіе. Ясно разносились слова полкового священника, отца Щеглова. Хоръ полковыхъ пѣвчихъ стройно выводилъ священныя пѣснопѣнія, въ которыя, горячею нотой. вторгались иной разъ звуки нетерпѣливаго конскаго ржанья.

— Здравіе же и спасеніе и во всемъ благое поспѣшеніе, подаждь Господи...

Послѣ оглашенія многолѣтія, Императоръ, Августѣйшій Шефъ и присутствующіе приложились къ кресту... Священникъ, въ сопровожденіи причта, обошелъ фронтъ эскадроновъ, кропя ряды святою водой...

Снова бѣглой молніей сверкнули клинки и высоко поднялись пики съ вьющимися значками.

— Полкъ, къ церемоніальному маршу, по эскадронно, на эскадронной дистанціи!

Трубаческій взводъ, на рысяхъ, оторвался отъ строя, завернулъ плечомъ и сталъ фронтомъ къ главному фасу дворца. Раздалась исполнительная команда. И тотчасъ, изъ разверстыхъ пастей удавовъ грянулъ полковой маршъ, сотрясая воздухъ раскатами тріумфальнаго грома:

— Тамъ - тарамъ - трамъ - тамъ - тамъ...

Генералъ баронъ Раушъ, съ поднятымъ палашомъ, выжавъ галопомъ бѣлоногую кобылицу, сдѣлалъ заѣздъ и остановился передъ Царемъ.

Впереди выступалъ старшій полковникъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, высоко задравъ голову въ золотой каскѣ, туго схваченной подъ подбородкомъ металлической чешуей, опустивъ тяжелый палашъ за правую шпору.

Рослый, могучій, съ богатырскою грудью, окованной мѣдью кирасы, точно троянскій герой, точно легендарный шлемоблещущій Гекторъ, круто собравъ горячаго жеребца, старшій полковникъ парадировалъ передъ Императоромъ, открывая первую страницу торжественнаго церемоніала.

Широкимъ просторнымъ шагомъ, напоминая подобнаго же, мифологическаго Ахилла, за нимъ слѣдовалъ командиръ шефскаго эскадрона, великолѣпный ротмистръ Дроздъ-Бонячевскій. А на эскадронной дистанціи, вытянутая въ нитку, соблюдая безукоризненное равненіе, двигалась офицерская линія, съ великимъ княземъ на флангѣ, точно свѣтозарные рыцари святого Грааля, молодые волшебные Лоэнгрины.

Солнечные лучи ударяютъ въ кирасы и каски съ золотыми орлами. Точно гигантскія свѣчи горитъ сталь палашей. Какъ легкокрылые мотылки, вьются надъ шлемами пестрые флюгера. Въ топотѣ, въ грохотѣ, въ бряцаньи и звонѣ вооруженія, туго обтянутые бѣлымъ сукномъ, крѣпко скованные металломъ, проходятъ черноволосые латники на могучихъ коняхъ.

— Спасибо, эскадронъ Ея Величества! — бросаетъ Царь.

Дружно гремитъ кирасирскій отвѣтъ, а на смѣну, тяжелою массой, уже надвигается бѣлоногій второй эскадронъ, за нимъ третій штандартный, за нимъ четвертый, на такихъ же огромныхъ, такихъ же широкозадыхъ, отливающихъ рыжимъ атласомъ слонахъ.

Каждый эскадронъ получаетъ царскую благодарность, ласковое императорское „спасибо" и, казалось, каждый офицеръ, каждый солдатъ ощущалъ на себѣ милостивую улыбку Царя и своего Августѣйшаго Шефа.

Бушующее море коней, касокъ, мундировъ и латъ, объятыхъ пламеннымъ свѣтомъ, выливается съ плацпарада, пересѣкаетъ дорогу и скрывается за угломъ.

А воздухъ еще сотрясается бряцаньемъ, звономъ, топотомъ тысячи ногъ, громовыми раскатами тріумфальнаго марша...

Кирасиры быстро разсѣдлали коней, сняли оружіе, скинули тяжелыя

латы, выстроились рядами на дорожкахъ офицерскаго сада, окаймленнаго копейной рѣшоткой.

Императоръ, сопровождаемый свитой, въ то же время, посѣтилъ церковь и полковой околотокъ, побесѣдовалъ съ больными солдатами и направился къ полковому собранію.

На дорожкахъ, посреди уже принявшихся цвѣтниковъ, посреди кустовъ жасмина, бѣлой и лиловой сирени, разноцвѣтныхъ флаговъ, значковъ, боевыхъ арматуръ и зеленыхъ гирляндъ, созданныхъ неистощимой фантазіей хозяина полкового собранія, разставлены столы съ пищей, съ дымящимися суповыми мисками, пирогами и караваями пшеничнаго хлѣба, съ бутылками водки и пива, съ кувшинами хлѣбнаго кваса.

А на отдѣльномъ столикѣ, убранномъ бѣлою скатертью, съ синею, въ цвѣтъ полка, бахромой, стоялъ хрустальный графинчикъ съ серебряной рюмкой.

Предстояла традиціонная „чарка".

Императрица, въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ, со звѣздой на груди, въ голубой андреевской лентѣ, съ брильянтовымъ эполетомъ на правомъ плечѣ, въ отороченной золотымъ галуномъ бѣлой суконной юбкѣ, заняла мѣсто подлѣ Царя, имѣя рядомъ съ собой дочерей.

Торжественнымъ спокойствіемъ и обычною мягкою лаской вѣяло отъ свѣжаго, моложаваго, привлекательнаго лица, надъ которымъ, едва колеблемый дуновеніемъ воздуха, развѣвался пышный токъ изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ.

Позади, живописнымъ полукольцомъ, въ богатомъ разнообразіи военныхъ и придворныхъ формъ, расшитыхъ позументами и шитьемъ, черныхъ фраковъ съ ослѣпительными манишками, пламенѣющихъ касокъ кирасирской дивизіи съ серебряными и золотыми орлами, бѣлыхъ свитскихъ барашковыхъ шапокъ, киверовъ съ длинными волосяными султанами и треуголокъ съ красочнымъ опереніемъ, стала царская свита, высшіе строевые начальники, полковыя дамы въ бѣлыхъ праздничныхъ туалетахъ, почетные гости, бывшіе офицеры полка.

А по другой сторонѣ, въ порядкѣ старшинства, выстроился наличный составъ господъ офицеровъ Лейбъ-Регимента, во главѣ со старшимъ полковникомъ.

Наступала торжественная минута.

Генералъ баронъ Раушъ, волнуясь, съ легкой краской, проступившей на блѣдномъ лицѣ, слегка дрожащей рукой наполнилъ до краевъ чарку и поднесъ Императору на серебряномъ блюдѣ.

Снявъ крагу съ правой руки, Царь принялъ чарку, обратился съ привѣтственнымъ словомъ, поздравилъ господъ офицеровъ и кирасиръ съ полковымъ торжествомъ, благодарилъ за вѣрную службу, за отличный порядокъ, за блестящій парадъ.

— За здоровье доблестнаго полка! — произнесъ Царь. — За славныхъ Кирасиръ Ея Величества! — и осушилъ чарку.

Генералъ баронъ Раушъ отвѣтилъ тостомъ въ честь Императора и Августѣйшаго Шефа.

Громкими кликами кирасиры заключили рѣчь командира...

И въ то время, какъ кирасиры пировали въ саду полкового собранія, въ царскомъ дворцѣ состоялся парадный завтракъ для господъ офицеровъ полковыхъ дамъ и почетныхъ гостей.

Гремѣла музыка, въ изобиліи лилось вино. Императоръ привѣтствовалъ полкъ новою здравицей, а по окончаніи завтрака, при обходѣ традиціоннаго „серкля", совмѣстно съ Шефомъ, обращался къ каждому офицеру съ милостивыми словами.

Въ заключительный же моментъ, передъ тѣмъ, какъ покинуть дворецъ, господа офицеры стали свидѣтелями трогательной и торжественной сцены.

Ее можно было предвидѣть, ее ожидали и, тѣмъ не менѣе, она оставила глубокое впечатлѣніе.

Императоръ оказалъ полку особую милость, пожаловавъ старѣйшаго офицера, бывшаго командира полка, званіемъ генералъ - адъютанта.

Генералъ - отъ - кавалеріи Константинъ Устиновичъ Араповъ, величественный сѣдоусый старикъ, еще сохранившій слѣды былой красоты, одновременно съ полковымъ торжествомъ, праздновалъ пятидесятилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ.

Въ теченіе полувѣка Константинъ Устиновичъ не снималъ полковой формы, начавъ службу юнымъ корнетомъ, въ эпоху венгерской кампаніи, закончивъ ее командиромъ полка. Въ настоящее время, старикъ проживалъ на покоѣ, состоя въ должности почетнаго опекуна благородныхъ дѣвицъ, влюбляя въ себя восторженныхъ институтокъ, раздѣляя досуги между партіей въ покеръ, въ Англійскомъ клубѣ, и посѣщеніями балетныхъ премьеръ.

Въ немъ сохранилось еще многое отъ прежнихъ временъ, когда въ качествѣ щеголеватаго гвардейца, обаятельнаго козера, пророка изящнаго и „бель-эспри", старый холостякъ чаровалъ женщинъ и столичное общество тонкостью языка и изысканной привлекательностью манеръ.

Высочайшая милость глубоко растрогала старика.

Онъ низко склонился къ Царю и, по привычкѣ, сохранившейся еще отъ временъ александровскихъ, благоговѣйно облобызалъ Государя въ плечо...

34.

Въ восемъ часовъ, въ офицерскомъ собраніи, состоялся парадный обѣдъ.

Торжественныя фанфары возвѣстили о прибытіи Императора.

Грянулъ полковой маршъ. Встрѣченный командиромъ и офицерами, Государь, подъ руку съ Шефомъ полка, въ сопровожденіи великихъ кня-

женъ, лицъ царской свиты и высшихъ начальниковъ, прослѣдовалъ въ „Бѣлую" залу, въ которой, во всю длину, отъ одной стѣны до другой, обширной подковой стоялъ обѣденный столъ, убранный роскошною сервировкою и цвѣтами.

Императоръ занялъ центральное мѣсто, имѣя по правую руку только что пожалованнаго въ придворное званіе Константина Устиновича Арапова, а по лѣвую, слѣдующаго по старшинству, генерала - отъ - кавалеріи Лермонтова.

Императрица помѣстилась напротивъ, въ обществѣ командира полка и генерала Хрулева, крѣпкаго, рослаго старика, съ черными, какъ смоль, густо нафабренными усами.

Прочія лица группировались въ зависимости отъ ранга и положенія, имѣя сосѣдками великихъ княженъ, молодыхъ фрейлинъ, полковыхъ дамъ.

Столъ на всемъ протяженіи былъ занятъ, съ обѣихъ сторонъ, узкою полосою приборовъ. На заглаженныхъ складкахъ сверкала серебристая ткань салфетокъ и алмазно вспыхивалъ граненный хрусталь. Все прочее же пространство было плотно уставлено блюдами, вазами, графинами и цвѣтами.

Hors - d'oeuvre могъ оказать честь наиболѣе требовательному гурману.

Бѣлоснѣжная индѣйка и копченые языки, сочно - румяные окорока, паштеты изъ гусиной печенки и дичи, розовая семга подъ голубой чешуей, осетрина и балыки, серебряные жбаны съ зернистой икрой и блѣдный перламутръ устрицъ, все это тѣсно окружало длинныя блюда со стерлядями, севрюгою и лососиной, нѣжной гатчинскою форелью и ладожскими сигами, съ огромными заливными рыбами въ глыбахъ хрустальнаго льда.

Бронзовые жирандоли и канделябры воздѣвали пучки многочисленныхъ свѣчъ. Высились пирамиды съ ананасами, грушами, гроздьями янтарнаго винограда. Длинные фарфоровые вазоны устремляли пышные кусты хризантемъ, камелій и розъ...

Что касается обѣденнаго меню, составленнаго въ нарочитомъ національномъ духѣ, какъ - то: супа - разсольника, пирожковъ и растегаевъ московскихъ, поросятъ калужскихъ, котлетъ рябчиковыхъ и прочаго — такъ значилось, по крайней мѣрѣ, на богато разрисованныхъ виньетками карточкахъ, по ближайшемъ ознакомленіи, блюда оказывались, съ сущности, тончайшимъ шедевромъ французской кулинаріи.

То же самое можно было отнести и къ разнообразнѣйшимъ винамъ высшей заграничной марки, бѣлымъ и краснымъ, бургонскому и токайскому, барзакамъ, лафитамъ, шато - икемамъ, сладко - тягучей малагѣ и марсалѣ, суховатымъ портвейнамъ и хересамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, шампанскаго.

На парадныхъ обѣдахъ Царь предпочиталъ видѣть, вмѣсто благородной французской лозы, отечественное „Абрау - Дюрсо“.

Полковой симфоническій оркестръ, помѣщавшійся въ бильярдной комнатѣ верхняго этажа, съ широкимъ люкомъ въ парадную залу, открылъ музыкальную программу мелодичнымъ вальсомъ изъ балета „Щелкунчикъ“. Затѣмъ слѣдовали произведенія, по преимуществу, русскихъ же композиторовъ, увертюры и сюиты, балетное интермеццо, малороссійское поппури.

Обѣдъ, начавшійся въ торжественной обстановкѣ, въ нѣсколько официальномъ, вызываемомъ этикетомъ, торжественномъ настроеніи, быстро выигрывалъ въ оживленіи.

Хлопоталъ хозяинъ собранія, алый какъ баклажанъ отъ нервной тревоги и возбужденія. Суетился и бѣгалъ буфетчикъ, одѣтый въ новый, съ иголочки, синій кафтанъ аглицкаго сукна съ золочеными пуговками. Прислуга, въ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ бѣлыми ременными поясами, съ бѣлыми перчатками на рукахъ, ловко обносила гостей, быстро убирала посуду, по знаку таинственнаго режиссера ставила на столъ огромныя чаши чеканнаго серебра.

Императоръ поднялся и въ третій разъ провозгласилъ застольную здравицу.

Ему отвѣтилъ старѣйшій изъ присутствующихъ, генералъ - адъютантъ Константинъ Устиновичъ Араповъ, на вицъ - мундирѣ котораго уже горѣли золотой аксельбантъ и новенькіе погоны съ царскими вензелями.

Твердымъ и ровнымъ, слегка взволнованнымъ голосомъ, не сбиваясь ни на одномъ словѣ, маститый старикъ произнесъ красивую рѣчь, въ свойственномъ ему карамзинскомъ, возвышенномъ стилѣ, заключивъ ее тостомъ въ честь Императора и Августѣйшаго Шефа...

Царь находился въ отличномъ настроеніи, оживленно бесѣдовалъ со своими сосѣдями, время отъ времени съ улыбкой глядѣлъ на кого либо изъ хорошо извѣстныхъ ему генераловъ или почетныхъ гостей и, какъ бы привѣтствуя, приподымалъ при этомъ бокалъ, отпивая медленными глотками.

Императрица шутила съ командиромъ полка и генераломъ Хрулевымъ, смѣялась, искусно поддерживала бесѣду. Иногда обращалась въ сторону дочерей или сидѣвшаго на крайнемъ углу, среди молодежи, великаго князя Наслѣдника, и привѣтливо кивала ему головкой.

Послѣ дессерта, Царь поднялся и, вмѣстѣ съ Матерью и старшими начальниками, перешелъ, по приглашенію командира, въ сосѣдній покой, въ „Комнату Императрицы“, гдѣ высочайшимъ гостямъ была тотчасъ предложена „Золотая Книга“.

Въ одно мгновенье прислуга убрала обѣденный столъ, поставивъ вза-

мѣнъ, вдоль искусно драпированныхъ стѣнъ, небольшіе круглые столики для „вечерняго кушанья“, съ кофейными и чайными чашками, ликерами, сигарными ящиками, сырами десяти различныхъ сортовъ, печеньемъ, ромовыми пуддингами, кремовыми, шоколадными тортами и прочими кондитерскими издѣліями.

Окруженный лицами свиты, Императоръ снова вышелъ въ парадную залу, медленными шагами прошелся по навощенному до зеркальнаго глянца паркету, занялъ мѣсто за однимъ изъ круглыхъ столовъ. Въ другой группѣ, въ обществѣ командира и полковыхъ дамъ, помѣстилась Императрица.

И съ разрѣшенія Государя, тотчасъ началась программа дивертисмента.

Сначала, стройной шеренгой, звонко отбивая тактъ шпорами, вошелъ хоръ полковыхъ пѣсенниковъ. Запѣвало Червонный, тряхнувъ кудрявою головой, подалъ знакъ, грянула знакомая полковая мелодія:

„Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все въ объятьяхъ ночной тишины“.

На смѣну пѣсенникамъ появились балалаечники четвертаго эскадрона, со своимъ не менѣе обширнымъ репертуаромъ.

А за ними выступила знаменитая капелла неаполитанцевъ, приглашенная спеціально изъ театра „Акваріумъ“. Толстякъ въ полосатомъ костюмѣ, съ зеленымъ колпачкомъ на головѣ, щипнулъ струны и, подъ хоръ мандолинистовъ, затянулъ итальянскую каватину: „O, solo mio!“

Уже близилась ночь, бѣлая, беззвѣздная теплая ночь. Ярко струили свѣтъ жирандоли, канделябры и люстры, а на импровизированную, наскоро сработанную эстраду, выступали одинъ за другимъ куплетисты и фокусники, имитаторы и артисты малороссійскаго хора, заражая весельемъ гостей, подогрѣвая еще больше общее настроеніе.

Царь былъ исключительно оживленъ. Глаза его свѣтились ласковымъ блескомъ. Блѣдное худощавое лицо, съ небольшой русой бородкой, озарялось мягкой улыбкой.

Сидя въ центральной группѣ, въ той же полковой формѣ, какъ и большинство офицеровъ, заложивъ ногу за ногу, онъ обмѣнивался шуткой съ сосѣдями, отрываясь съ видимымъ наслажденіемъ отъ докучныхъ ежедневныхъ заботъ, докладовъ, пріемовъ, высочайшихъ аудіенцій.

Царь со вниманіемъ слушалъ бесѣду, обращался съ вопросами, называя по имени-отчеству высшихъ, заслуженныхъ, близкихъ ему генераловъ, титулуя командира полка и другихъ титулованныхъ лицъ, присоединяя чинъ къ фамиліи старшихъ офицеровъ, обращаясь къ младшимъ, упрощеннымъ образомъ, по фамиліи.

Время отъ времени извлекалъ изъ кармана рейтузъ золотой портсигаръ съ сапфировымъ камнемъ и закуривалъ папиросу.

Императоръ держалъ себя съ изумительной простотой, смѣялся, шу-

тилъ съ сестрами, съ братомъ — ну, Миша, какъ себя чувствуешь? — обратился къ Государю Наслѣднику.

Великій князь освѣтился сіяющей улыбкой.

— Баронъ, что вы скажете по поводу новаго субалтерна? — спросилъ Царь.

Генералъ Раушъ почтительно склонилъ голову.

— Отличный офицеръ, Ваше Императорское Величество! — произнесъ командиръ. — Выдающійся, заслуживаетъ продвиженія по службѣ внѣ всякой очереди!

Государь весело разсмѣялся и привычнымъ движеніемъ покрутилъ усъ.

Оживленный воспоминаніями, въ свою очередь, передавалъ различные эпизоды, въ частности, впечатлѣнія, вынесенныя изъ сравнительно недавней поѣздки на Дальній Востокъ, которую совершилъ въ бытность престолонаслѣдникомъ и молодымъ лейбъ-гусарскимъ поручикомъ, разсказывалъ о своемъ пребываніи въ гостяхъ у пенджабскаго раджи, о бытѣ, о нравахъ, о развлеченіяхъ, объ интересной охотѣ на тигровъ, производившейся на слонахъ.

— Я кажется промахнулся! — просто, съ подкупающей скромностью, сказалъ Царь. — Но четырехъ тигровъ мы всетаки взяли!

Мимоходомъ коснулся нѣскольких злободневныхъ вопросовъ, въ частности, англо-бурской войны, выразивъ сочувствіе африкандерамъ, боевое счастье которыхъ поколебалось за послѣднее время.

Императоръ производилъ чрезвычайно пріятное и, одновременно, какое-то странное, загадочно-призрачное, какъ бы безплотное впечатлѣніе.

Ничего, рѣшительно ничего, не было въ Государѣ отъ его деспотично-неукротимыхъ, грозныхъ и властныхъ предковъ, отъ Великаго Петра, отъ безумнаго Павла Петровича, отъ суроваго Николая, отъ покойнаго родителя, мощнаго Царя-Миротворца.

Сухощавый, средняго роста, скромный, застѣнчивый, деликатный, съ ласковымъ взоромъ мягкихъ лучистыхъ сѣро-голубыхъ глазъ, съ тихимъ спокойнымъ голосомъ, съ выдержанной, ровной, неторопливою рѣчью, онъ ни въ малѣйшей степени не воплощалъ въ себѣ образъ самодержавнаго властелина, неограниченнаго повелителя великой Имперіи.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, вызывалъ чувства невольнаго обаянія, необъяснимаго волненія, трепета, преклоненія, мистическаго восторга.

Но сердце сжималось въ тревожныхъ предчувствіяхъ.

Хватитъ-ли мощи сохранить колеблемый злыми вихрями тронъ, хватитъ-ли силъ удержать въ блѣдныхъ и хрупнихъ рукахъ тяжелую императорскую корону?..

35.

ТОЛЬКО въ полуночи, тепло и радушно разставшись съ офицерами и гостями, провожаемые громкими кликами, Императоръ и Авгу-

стѣйшій Шефъ, въ сопровожденіи великихъ княженъ, сѣли въ коляску и отбыли въ гатчинскій замокъ.

И вслѣдъ за тѣмъ, умѣряемое нѣсколько присутствіемъ царской четы, полковыхъ дамъ и высшихъ начальниковъ, настроеніе прорвалось.

Сначала выскочили четыре субретки изъ „Виллы Родэ", четыре хорошенькія дѣвицы, съ пикантно вздернутыми носиками, легкія, граціозныя, въ откровенныхъ костюмахъ, въ лихо заломленныхъ, фикъ-фокъ на одинъ бокъ, шляпкахъ-бабочкахъ, въ бѣлыхъ передникахъ съ кружевными воланчиками.

„Ахъ, зачѣмъ
Увлекать совсѣмъ,
Когда можно,
Осторожно,
Поиграть и перестать?",

прощебетали онѣ тонкими голосками, сдѣлали нѣсколько рискованныхъ тѣлодвиженій и скрылись подъ аплодисменты.

Потомъ выплылъ цыганскій хоръ.

Женщины въ яркихъ одеждахъ, съ фальшивыми бусами, кольцами, подвѣсками и браслетами, съ пестрыми шалями и покрывалами на плечахъ, мягкой степенной походкой вышли на сцену и усѣлись полукругомъ на стульяхъ. Пѣвцы-чавалы, въ кафтанахъ съ позументами и забросами за спину, откашливаясь и покрякивая, составили такой же полукругъ позади.

Плотный усатый старикъ, въ плисовыхъ шароварахъ, въ желтой рубахѣ, съ гитарой, перехваченной широкими разноцвѣтными лентами, мотнулъ головой, рванулъ струны — и зазвучала цыганская пѣсня, тягучая и надрывная, съ низкими басовыми октавами, съ воплемъ и стономъ, со страстнымъ женскимъ призывомъ:

„Подари мнѣ, молодецъ,
Красныя сапожки..."

Молодая смуглолицая цыганка соскочила съ эстрады, ожгла взглядомъ, блеснула зубами и, круто шевеля бедрами и острыми маленькими грудями, звеня бубномъ, засеменила въ стремительномъ темпѣ.

„Акадяка друма,
Да акадяка джума...",

все быстрѣе, все зажигательнѣе вторилъ цыганскій хоръ, пристукивая ногами, отхлопывая ладошами.

Звенѣли бокалы, съ трескомъ, на подобіе пистолетнаго выстрѣла, выскакивали пробки изъ тяжелыхъ бутылокъ и пѣнная влага обильной струей лилась въ чеканныя чаши.

Со всѣхъ концовъ неслись восклицанія, веселый хохотъ, дружный раскатистый смѣхъ. Господа офицеры переходили отъ стола къ столу,

поили виномъ, ухаживали, шушукались съ молодыми цыганками и хорошенькими артистками.

Перемѣшавшись, общими и отдѣльными группами, сидѣли однополчане, молодые и старые, бывшіе офицеры полка — кавалерійскіе генералы Амбразанцевъ, Офросимовъ, Мандрыка, военный атташе въ Парижѣ полковникъ Лазаревъ, сановники и офицеры генеральнаго штаба, помѣщики, камеръ-юнкеры и губернаторы, и выдѣлялся могучею атлетическою фигурой молодой директоръ императорскаго фарфороваго завода, Федоръ Федоровичъ Гарничъ-Гарницкій.

Полковой адъютантъ, время отъ времени, оглашалъ поступавшія поздравленія — отъ Кавалергардовъ и Конной Гвардіи, отъ однобригадниковъ, петергофскихъ уланъ, лейбъ-казачьей бригады и прочихъ частей, отъ Гвардейской Школы, пажей, отъ знакомыхъ петербургскихъ артистовъ, отъ всѣхъ друзей со всѣхъ концовъ великой страны.

Генералы, развалившись въ глубокихъ креслахъ, дымили сигарами, вели солидную неторопливую рѣчь, дѣлились воспоминаніями о старой полковой жизни...

Когда на эстрадѣ появилась каскадная пѣвица Ухачъ-Вакханальская, генералы прекратили бесѣду и на минуту оторвались отъ бокаловъ съ виномъ.

Все смолкло, когда молодая красивая женщина, съ рельефными формами, властно выпиравшими изъ воздушной ткани корсажа и разрѣзной, затканной серебристыми блестками юбки, скрестивъ пальцы вытянутыхъ вдоль тѣла рукъ, цѣломудренно устремивъ кверху глаза, начала вступительную фразу романса:

„Бѣлые, блѣдные, нѣжно-душистые,
Эти ночные цвѣты...“

Пѣвица имѣла огромный успѣхъ. Красивый голосъ и эффектная внѣшность произвели яркое впечатлѣніе. Господа офицеры окружили артистку, выражали свое восхищеніе, кто-то цѣловалъ руки, кто-то даже сталъ на колѣно.

Ухачъ-Вакханальская, расточая острый запахъ опопонакса и по-девьержъ, кокетливо играла глазами, но держала себя съ достоинствомъ, а наиболѣе предпріимчивыхъ, безъ церемоніи, шлепала по рукамъ.

Въ короткій срокъ, пѣвица поддалась общему настроенію, съ большимъ, какъ говорится, бріо исполнила по-французски извѣстную гривуазную пѣсенку „Тирибириби“, перешла на легкій репертуаръ, спѣла песенку Периколлы изъ „Птичекъ пѣвчихъ“, арію Серполетты изъ „Cloches de Corneville“, передала рядъ куплетовъ изъ „Прекрасной Елены:

„Мы всѣ невинны отъ рожденья
И нашей честью дорожимъ...“,

выводила звонкой фіоритурой Ухачъ-Вакханальская, посылая молодымъ офицерамъ воздушные поцѣлуи, подмигивая восхитившимся старикамъ:

„О, неужли, боги, васъ веселитъ,
Коль наша честь
Кувыркомъ,
Кувыркомъ,
Полетитъ?“

— Magnifique! произнесъ Константинъ Устиновичъ, величественнымъ жестомъ расправляя усы. — Роскошная женщина!.. Ипполитъ, старый бриганъ, какъ ты находишь? — обратился онъ къ сидѣвшему рядомъ полковнику.

— Недурственно! — отвѣтилъ старшій полковникъ. — Аккуратная бабочка!.. Не мѣшки съ дробью!.. Шикъ паризьенъ!.. Эта голову вскружитъ, мое почтенье!

Ипполитъ Алексѣевичъ захохоталъ и загнулъ зернистое слово.

Грустно растратить урожай на корню, и сѣдоусые генералы, вспоминая давно утраченную свѣжесть и юность, съ любопытствомъ и умиленіемъ, наблюдали безпечную удаль, безудержное веселье, игривое волокитство молодыхъ офицеровъ.

Вотъ уже, изгибаясь всѣмъ тѣломъ, лавируя ловко между столами, корнетъ Аркасъ поплылъ въ граціозныхъ движеніяхъ страстнаго аргентинскаго танго.

Князь Бебутовъ, въ бѣлой папахѣ, въ алой, невѣдомо какимъ образомъ, очутившейся на немъ конвойной черкескѣ — сразу даже и не признать, продемонстрировалъ кавказскій танецъ съ „кинжаломъ“.

Потомъ сорвался Эдя фонъ Шведеръ и, вмѣстѣ съ четырьмя молодыми субретками, задирая длинныя ноги выше головы, выдѣлывая невѣроятныя антраша, отчаянно жестикулируя всѣми конечностями, подъ бурный одобрительный хохотъ, отхваталъ парижскій канканъ...

———

Еще долго звенѣли бокалы, продолжало литься вино и гремѣлъ хоръ трубачей.

Но уже близилось утро.

Уже ярко горѣла въ окнахъ золотая полоска зари... Уже кое-кого развезли по домамъ, а кое-кто успѣлъ вступить въ договорныя соглашенія съ каскадной пѣвицей и молодыми субретками изъ „Виллы Родэ“... Уже опустѣла парадная зала и новый день начиналъ свой походъ.

И только въ „Комнатѣ Командировъ“, запрокинувъ голову съ раскосыми щелками на безбровомъ скуластомъ лицѣ, разметавъ руки, глубоко вонзивъ шпору въ штофную обивку дивана, въ хмѣльномъ, безпробудномъ, тяжеломъ снѣ, продолжалъ покоиться „мертвымъ тѣломъ“ герой конныхъ ристалищъ, непобѣдимый полковой стиплеръ, маленькій Павлуша Мордвиновъ...

36.

Въ маѣ расцвѣтаетъ сирень.

Сирень глядитъ изъ каждаго сада, изъ за каждой ограды, киваетъ прохожимъ, протягиваетъ душистые поцѣлуи. Сирень улыбается, сирень хохочетъ веселымъ ликующимъ смѣхомъ.

И снова все бѣло и сине, какъ цвѣта кирасирской фуражки.

Вьются надъ газонами пестрыя бабочки. Въ кустахъ звонко и радостно щебечутъ чечотки, малиновки, снигири. Въ густой листвѣ воркуютъ голубки, поетъ иволга, кукуетъ кукушка.

Какъ роскошенъ, какъ упоителенъ сейчасъ гатчинскій паркъ, сверкающій нѣжными весенними красками, полный звуковъ, шороховъ, шелестовъ, любовныхъ томленій, страстныхъ вздоховъ и стоновъ!

Отъ ранней зари бьетъ въ немъ, переливается и кипитъ буйная радость могучихъ, волшебно пробудившихся соковъ и силъ. Пернатое царство оглашаетъ паркъ торжествующимъ гимномъ. Потоки солнечнаго огня заливаютъ аллеи, верховыя дорожки, площадку подлѣ музыкантской ротонды, чуть подернутую легкою рябью поверхность „Чернаго“ озера.

Паркъ наполняется публикой, мужчинами, женщинами, молодыми дѣвушками, дѣтьми.

Въ полдень, запряженная парою вороныхъ рысаковъ, мягко покачиваясь на упругихъ рессорахъ, оставляя слѣдъ резиновыхъ шинъ на сыроватой землѣ, покажется коляска Императрицы.

Мелькнетъ въ яркой зелени шарабанъ великой княгини Ксеніи, совершающей съ пятилѣтнею крошкой, княжною Ириной, утреннюю прогулку.

Со смѣхомъ и гамомъ, со звонкими восклицаніями, пронесется галопомъ веселая кавалькада, съ великимъ княземъ Наслѣдникомъ, съ Натальей Сергѣевной, съ группой молодыхъ поручиковъ и корнетовъ.

Солнечный глазъ опускается ниже, скрывается за вершинами вѣковыхъ сосенъ, дубовъ, жидкою, точно расплавленной бронзой, сверкаетъ въ мохнатыхъ вѣтвяхъ елей, кленовъ и липъ. Острѣе ползетъ запахъ сирени. Вечернія тѣни становятся гуще, прохладнѣе.

Вотъ свистнулъ, чмокнулъ, разсыпался трелью проснувшійся соловей.

И тотчасъ, со всѣхъ концовъ парка, съ лужаекъ, мерцающихъ блѣднымъ серебрянымъ свѣтомъ, изъ сумрака глубокихъ аллей, съ влажныхъ полянокъ, повитыхъ волокнистымъ туманомъ, со всѣхъ концовъ откликаются невидимые пѣвцы.

— Чвикъ - чвикъ - чвикъ-чвикъ! — чвикаетъ, чмокаетъ, свищетъ, рокочетъ и щелкаетъ, переливаясь на всѣ лады, соловьиная пѣсня...

Тяжелый ирландскій хентеръ и сухая тонконогая англо - норманская кобылица, мягко отфыркиваясь, пересыпаютъ по темной дорожкѣ.

Уже близился вечеръ.

Тихо покачивались верхушки деревьевъ, струя оживляющую прохладу, а въ небѣ, точно серебряный рубль, выплывалъ слегка затуманенный ликъ луны.

Я нахожусь подъ впечатлѣніемъ только что сдѣланнаго признанія.

— Лилитъ измѣняетъ мнѣ! — шепчетъ Аркасъ.

Низкое чувство, точно гадюка, проползаетъ въ сознаніи и наполняетъ меня торжествомъ. Въ моей душѣ вспыхиваетъ буйная радость. О, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ этой минуты, чтобы погасить зависть, потушить ревность, успокоить свою искалѣченную, ожесточенную душу!

— Что дѣлать? — спрашиваетъ Аркасъ.

Его голосъ дрожитъ, лихорадочнымъ блескомъ горятъ широко раскрытые, воспаленные, блуждающіе глаза.

Онъ безсиленъ скрыть внутреннее смятеніе. Страданіе приняло, видимо, столь острыя формы, что даже измѣнило его физическій обликъ.

Но душа моя очерствѣла. Я не обладаю деликатной отзывчивостью. Я лишенъ необходимой чувствительности.

Я отвѣчаю жестокою шуткой:

— Убей ее!

„Донъ - Педро“ даже покачнулся въ сѣдлѣ.

— Черкесовъ, что ты мнѣ говоришь? — взволнованно, съ нервною дрожью, обращается онъ ко мнѣ.

Мое настроеніе готово прорваться наружу. Съ усиліемъ сохраняя спокойствіе, не выдавая своихъ подлинныхъ чувствъ, я отвѣчаю тѣмъ же безразличнымъ, безстрастнымъ тономъ:

— Ну, такъ убей его!

— Этого я не могу сдѣлать! — тихо, чуть слышно, отвѣчаетъ Аркасъ.

Его голосъ срывается и дрожитъ. Глаза съ мучительною тоскою останавливаются на мнѣ. Не впервые - ли подлинною страданіе отбрасываетъ тѣнь на это до сихъ поръ ни чѣмъ не омраченное чело?

Но дьяволъ овладѣлъ моимъ настроеніемъ, нашептывалъ кощунственныя слова, щекоталъ дикою шуткой. Мой душевный изъянъ столь чудовищенъ, что сейчасъ я даже испытываю наслажденіе при видѣ чужого страданія:

— Въ такомъ случаѣ, наплюй на обоихъ!

„Рэдъ - Бой“ громко заржалъ, какъ бы одобряя совѣтъ, круто согнулся въ затылкѣ и перешелъ въ шагъ.

— Милый „Педро“! — произнесъ я, съ усиліемъ удерживаясь отъ душившаго меня смѣха. — Успокойся!... Моя партія тоже проиграна!.. Карта бита!.. Теперь мы съ тобой въ одинаковомъ положеніи!

И я грубо захохоталъ...

Въ этотъ вечеръ я легъ раньше обыкновеннаго. Однако, въ теченіе долгаго времени не могъ заснуть, въ безпокойствѣ метался въ постели, пока не задремалъ.

Мнѣ представился цѣлый рядъ нелѣпѣйшихъ сценъ.

Я видѣлъ себя въ самыхъ неожиданныхъ положеніяхъ — то на какой - то охотѣ за какими - то странными, фантастическими чудовищами, съ женской головкой и тѣломъ гигантскаго ящера, то въ обстановкѣ великосвѣтскаго раута, въ парадной каскѣ, съ палашомъ на боку, въ ботфортахъ со шпорами, но совершенно раздѣтымъ и обнаженнымъ.

Наконецъ, я увидѣлъ себя въ полку, на выѣздкѣ молодыхъ лошадей.

„Папаша“, въ вывернутой на изнанку, старой драповой шинели, съ башлыкомъ закутаннымъ вкругъ фуражки, образующемъ длинныя заячьи уши, щелкаетъ бичомъ и гоняетъ унтеръ - офицерскую смѣну.

Я сижу на „Шайтанѣ“, который несетъ меня какою-то безтолковою собачьей рысью, козлитъ въ каждомъ углу и трясетъ до того, что я готовъ ежеминутно выскочить изъ сѣдла.

— Черкесовъ, въ кирасы! — кричитъ „Папаша“.

Солдаты бросаются, какъ звѣри, и надѣваютъ на меня тяжелый панцырь.

Это одинъ изъ пріемовъ командира четвертаго эскадрона, способствующій якобы, по его мнѣнію, прочности посадки и большей устойчивости въ сѣдлѣ.

— Двойныя кирасы! — кричитъ „Папаша“ и сыплетъ ругательствами.

На меня надѣваютъ двойныя латы и подъ тяжестью ихъ, я просыпаюсь...

Въ спальнѣ темно, но въ распахнутое настежь окно глядитъ полновѣсный червонецъ луны, проливающій на коверъ блѣдный серебряный свѣтъ.

Сознаніе возвращаетъ меня къ дѣйствительности.

Я вспоминаю тотчасъ послѣднюю бесѣду съ Аркасомъ и въ душѣ снова вспыхиваетъ чувство радости, покоя, удовлетворенія. . .

Бѣдный „Донъ - Педро“! . . Въ концѣ концовъ, можно было предвидѣть, что его увлеченіе обернется такимъ злополучнымъ пассажемъ.

Молодая корифейка, безъ сомнѣнія, не могла остаться равнодушной къ золотому мѣшку финансиста, крупнаго столичнаго биржевого маклера, который въ состояніи предоставить ей въ тысячу разъ больше возможностей, нежели Аркасъ со своими сравнительно скромными средствами.

Съ другой стороны, эти легкомысленныя прелестницы не напоминаютъ-ли онѣ тѣ маленькія воздушныя крѣпостцы, которыя капитулируютъ послѣ перваго же, болѣе или менѣе удачно проведеннаго штурма?

Слава Создателю, что любовному эпизоду наступилъ вполнѣ естественный и благополучный конецъ!

Это, по крайней мѣрѣ, предоставитъ Аркасу возможность остаться въ полку, продолжать прежнюю службу, а на будущее время заставитъ быть болѣе осмотрительнымъ въ выборѣ жертвъ своего темперамента.

Что же касается прощальнаго обѣда и полкового подарка, всѣ мы, начиная отъ старшаго полковника, кончая младшимъ корнетомъ полка, еще съ большей охотой, съ чувствами самой искренней дружбы, пріязни и расположенія, замѣнимъ его веселой попойкой въ честь нашего юнаго друга.

А женщины?.. Всѣ женщины, въ сущности, одинаковы, какъ вполнѣ справедливо утверждаетъ баронъ Фрэдъ.

— Женщина — милая нелѣпость! — сказалъ Бомарше.

— Женщина отдаетъ мужчинѣ золото своей жизни, но всегда требуетъ его обратно, размѣнивая на самую мелкую монету, и это такъ скучно!

— Мужчина любитъ глазами, женщина любитъ ушами!.. Инстинкты ея удивительно примитивны!.. Она всегда остается рабыней, ищущей своего господина!

— Остерегайтесь брака!.. Мужчина женится отъ усталости, женщина выходитъ замужъ изъ любопытства, и оба разочаровываются!..

Я повернулся на другой бокъ и пытался снова уснуть. Но сонъ не шелъ. Слишкомъ сильны были внѣшнія раздраженія. Я засвѣтилъ огонь, закурилъ папиросу и, доставъ фоліантъ въ синемъ сафьяновомъ переплетѣ, развернулъ очередную главу...

37.

Въ воскресенье, второго ноября, императрица Екатерина появилась на выходѣ въ послѣдній разъ.

Всѣ присутствующіе поражены ея болѣзненнымъ видомъ. Лицо землистаго цвѣта было блѣдно и устало, ноги передвигались съ трудомъ, на высокомъ челѣ лежала печать глубокихъ страданій.

„Можно сказать, что она вышла, чтобы проститься со своими подданными!“ — записываетъ въ своихъ мемуарахъ графиня Головина.

Послѣ обѣдни, императрица задержалась, однако, на нѣкоторое время въ тронной залѣ, въ которой французская художница Виже-Лебренъ выставила только что законченный ею портретъ великой княгини Елисаветы Алексѣевны.

Императрица обозрѣвала портретъ и говорила о немъ съ приближенными. Потомъ состоялся парадный обѣдъ, какъ это было принято по воскресеньямъ.

Получивъ въ этотъ же день извѣстіе объ отступленіи генерала Моро

за Рейнъ, Екатерина отправляетъ австрійскому посланнику свою послѣднюю записку:

— Спѣшу извѣстить ваше превосходное превосходительство, что превосходныя войска превосходнаго Двора окончательно разбили французовъ!

Вечеромъ, на маленькомъ балу въ Эрмитажѣ императрица, какъ обычно привѣтлива, оживлена, находится въ веселомъ настроеніи и покидаетъ собраніе лишь въ началѣ десятаго часа, сославшись на недомоганіе.

Послѣ этого, въ теченіе нѣскольнихъ дней, Екатерина не выходитъ изъ внутреннихъ аппартаментовъ...

Замкнувшись, императрица проводитъ въ своихъ покояхъ два дня. О чемъ ея мысли, какія думы тревожатъ и безпокоятъ одряхлѣвшее, перекрытое глубокими морщинами, утратившее слѣды былой привлекательности чело?

О томъ - ли, что близится эпилогъ великаго царствованія, озарившаго ее невиданнымъ блескомъ?

О томъ-ли, что скипетръ перейдетъ въ новыя руки, которыя размечутъ, разнесутъ и разрушатъ все содѣянное въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ?

Длинною вереницей скользятъ передъ угасающимъ взоромъ тѣни славныхъ сподвижниковъ, кости которыхъ уже давно тлѣютъ въ гробахъ.

Проходятъ другія тѣни — Сергѣй Салтыковъ, первое увлеченіе... Мечтательный петиметръ полякъ Понятовскій, богатыри братья Орловы, геніальный лѣнивецъ Потемкинъ... Умница Завадовскій, красивый хорватъ Зоричъ, ловкій гвардеецъ Корсаковъ... Нѣжный Ланской, изящный Мамоновъ, кокетливый куртизанъ Платонъ Зубовъ...

Всѣ они слѣдовали одинъ за другимъ, отдавая ей расцвѣтъ своей юности, свѣжести, силъ. Случай выдвигалъ ихъ, капризъ бросалъ, какъ лимонъ, выжатый опытными руками.

Всѣ фавориты, за исключеніемъ Потемкина, были писанными красавцами, въ нѣкоторомъ родѣ, божками безъ пьедестала.

Любовь у Екатерины столь же непостоянна, какъ у Людовика XV, послѣдняго властелина, который, какъ и она, осмѣлился жить, какъ ему хотѣлось. Опираясь на неограниченную власть, оба, несмотря на различіе характеровъ, были сходны во многомъ. Обоимъ къ тому же благопріятствовалъ галантный вѣкъ:

— Меня считаютъ непостоянной, но меня всегда влечетъ красота!

Екатерининскій фаворитизмъ былъ, однако, не только уголкомъ частной жизни императрицы. Онъ игралъ роль государственнаго учрежденія. Но въ длинномъ спискѣ екатерининскихъ фаворитовъ лишь три

имени имѣютъ значеніе. Не только жизнь императрицы, но и судьбы народа были тѣсно связаны съ этими тремя именами.

Григорій Орловъ олицетворялъ собой лучезарное начало великаго царствованія, Потемкинъ — его блестящій расцвѣтъ, Платонъ Зубовъ — его омраченный конецъ...

Въ роковое утро пятаго ноября императрица, по стародавней привычкѣ, встала рано и сидѣла за письменнымъ столомъ, просматривая дѣла.

Она успѣла уже исписать нѣсколько перьевъ. Съ тѣмъ же усердіемъ и добросовѣстностью, съ которыми предавалась и развлеченіямъ, императрица стала изучать новое дѣло.

Внезапно она почувствовала себя дурно. Лобъ покрылся холоднымъ потомъ. Восковая блѣдность залила лицо. Голова закружилась. Она приподнялась и торопливо прошла въ уборную.

Время шло, императрица не возвращалась.

Обезпокоенный Зубовъ отправился на поиски. Съ усиліемъ высадивъ дверь, онъ увидѣлъ ее лежащею на полу, съ отекшимъ лицомъ, въ безчувственномъ состояніи, пораженную апоплексическимъ ударомъ. Кровь прилила къ головѣ, на губахъ выступила кровавая пѣна, волосы разметались.

Императрица лежала подлѣ золоченнаго стульчака, передѣланнаго якобы по ея приказанію, изъ трона польскихъ королей, послѣ раздѣла Польши.

Императрица была въ агоніи.

Чрезвычайное смятеніе возникло среди придворныхъ. Зубову стало страшно и онъ дрожалъ. Послѣ продолжительныхъ колебаній и обсужденій, рѣшено увѣдомить цесаревича.

Съ этою цѣлью посылается родной братъ фаворита, графъ Николай Зубовъ.

„Пришелъ конецъ всему, и ей и нашему благополучію!“ — замѣчаетъ одинъ изъ очевидцевъ событія...

Цесаревичъ, между тѣмъ, проводилъ въ Гатчинѣ этотъ день обычнымъ порядкомъ.

Утромъ Павелъ Петровичъ катался въ саняхъ. Затѣмъ, вышелъ на плацпарадъ передъ дворцомъ и произвелъ ученье своему батальону. Въ первомъ часу, съ ближайшею свитой направился на гатчинскую мельницу, гдѣ должно было состояться „обѣденное кушанье“.

По окончаніи обѣда, когда цесаревичъ возвращался домой, неожиданно прискакалъ гусаръ съ донесеніемъ. Между цесаревичемъ и гусаромъ, со словъ гатчинскаго коменданта, генерала Котлубицкаго, произошелъ разговоръ.

— Що тамъ таке? — спросилъ цесаревичъ.

— Зубовъ пріихавъ, ваше высочество! — отвѣтилъ посланецъ.

Гусары комплектовались, по преимуществу, уроженцами малорусскихъ губерній.

— А богацько ихъ? — спросилъ, волнуясь, Павелъ Петровичъ.

— Единъ якъ песъ, ваше высочество! — отвѣтилъ гусаръ.

Часто слыша русскую поговорку „одинъ какъ перстъ“, гусаръ, видимо, не понималъ ея точнаго смысла.

— Ну, съ однимъ можно, пожалуй, справиться! — произнесъ цесаревичъ, снялъ шляпу и перекрестился.

Великій князь приказалъ ѣхать, какъ можно скорѣй, не представляя себѣ истинной причины появленія Зубова.

Быть можетъ, король шведскій рѣшилъ, наконецъ, просить руки великой княжны Александры Павловны и государыня его о томъ извѣщаетъ?.. А можетъ быть, Зубовъ прибылъ съ цѣлью его арестовать и отвезти въ замокъ Лодэ, о чемъ уже ходили сплетни и слухи?

Смущенный, взволнованный, озадаченный, находясь въ тревожномъ недоумѣніи, цесаревичъ, по прибытіи во дворецъ, обратился къ великой княгинѣ:

— Ma chère, nous sommes perdues!

Черезъ нѣсколько минутъ, пригласивъ Зубова въ кабинетъ и получивъ точныя свѣдѣнія о причинѣ его пріѣзда, цесаревичъ испыталъ новое страшное душевное потрясеніе.

Внезапный переходъ отъ испуга къ противоположному чувству подѣйствовалъ на его впечатлительный мозгъ.

Цесаревичъ приказалъ немедленно запречь карету и, вмѣстѣ съ супругой, подъ эскортомъ кирасирскаго эскадрона, направился въ Петербургъ. По дорогѣ уже мчались навстрѣчу курьеры, посланцы, гонцы, образовавшіе длинный кортежъ изъ верховыхъ и саней.

Въ девять часовъ вечера цесаревичъ прибылъ въ Зимній дворецъ, наполненный людьми всякаго званія, объятыми страхомъ и любопытствомъ, ожидавшими съ трепетомъ кончины императрицы.

Великіе князья Александръ и Константинъ встрѣтили отца въ мундирахъ своихъ гатчинскихъ батальоновъ. Толпа въ пріемныхъ покояхъ увеличивалась съ каждой минутой...

Императрица еще дышала, но уже чувствовалось вѣяніе смерти.

Лейбъ - медикъ Роджерсъ, камеръ - лакей Зотовъ, камеръ - фрейлина Марья Савишна Перекусихина, хлопочутъ около умирающей. Крѣпкій организмъ императрицы еще продолжаетъ бороться, но уже ежеминутно можно ожидать наступленія печальной развязки.

„Болѣзнь Ея Величества не оставляла нисколько“, — повѣствуетъ камеръ - фурьерскій журналъ. „Страданіе продолжалось безпрерывно,

воздыханіе утробы, хрипѣніе, изверженіе темной мокроты, не открывая очей печали, почти внѣ чувствъ, что рождало во всѣхъ уныніе и отъ господъ медиковъ надежды къ возвращенью здоровья было не видно... Но кто минуетъ неизбѣжность смерти по сей невременности?.. И наша благочестивѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, бывъ объята страданіемъ вышеописанной болѣзни, черезъ продолженіе тридцати шести часовъ, безъ всякой перемѣны, имѣя отъ рожденія 67 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 15 дней, наконецъ, шестого сего ноября, въ четвертокъ, въ три четверти десятаго часу, къ сѣтованію всея Россіи, въ сей временной жизни скончалась".

— Россійское солнце погасло! — посвящаетъ свои строки Шишковъ. — Екатерина Великая — тѣломъ во гробѣ, душой въ небесахъ!

38.

КОНЧИНА Екатерины производитъ огромное впечатлѣніе. Армія и русскій народъ приходятъ какъ бы къ сознанію, что вмѣстѣ съ тѣломъ покойной императрицы, они хоронятъ свое славное прошлое.

Что же касается Европы, она занята другими дѣлами. Въ тотъ самый день, когда русская самодержица испускаетъ послѣднее дыханіе, унося вмѣстѣ съ собой утѣшительный призракъ тріумфа надъ французскими революціонными арміями, молодой генералъ, соплеменникъ Моро, переходитъ Аркольскій мостъ въ ураганѣ энтузіазма, возвѣщающаго будущій Аустерлицъ.

Императоръ Павелъ Петровичъ вступаетъ безпрепятственно на престолъ.

Не теряя ни единой минуты, призвавъ къ себѣ митрополита Гавріила, объявляетъ ему о кончинѣ императрицы и повелѣваетъ, чтобы въ церкви все было приготовлено для принесенія присяги.

Въ то же время, императрица Марія Феодоровна, дѣятельно, съ полнымъ присутствіемъ духа, занялась одѣваньемъ усопшей и уборкой ея покоя. Тѣло было положено на кровать, поставленную посреди комнаты, покрыто золоченнымъ глазетомъ, послѣ чего началось чтеніе святого Евангелія.

Павелъ Петровичъ, вмѣстѣ съ канцлеромъ Безбородко, занятъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ роется въ письменномъ столѣ покойной императрицы и просматриваетъ бумаги. По общему мнѣнію, существуетъ завѣщаніе, устраняющее наслѣдника отъ престола.

Павелъ Петровичъ находитъ документъ. Онъ беретъ въ руки конвертъ, перевязанный черною лентою, съ надписью:

„Вскрыть послѣ моей смерти въ Сенатѣ".

Не говоря ни слова, онъ смотритъ на Безбородко. Послѣдній переводитъ глаза на каминъ, въ которомъ еще тлѣетъ огонь, разведенный императрицей...

Высочайшій выходъ послѣдовалъ въ четверть двѣнадцатаго.

Генералъ - прокуроръ графъ Самойловъ оглашаетъ манифестъ о кончинѣ императрицы Екатерины и о вступленіи на наслѣдственный прародительскій престолъ императора Павла Петровича. Наслѣдникомъ объявляется государь цесаревичъ великій князь Александръ.

По прочтеніи манифеста, тутъ же, въ дворцовой церкви, началась присяга, къ которой первою приступила императрица Марія Феодоровна, поцѣловавъ крестъ и Евангеліе, нѣжно обнявъ супруга, облобызавъ его три раза, цѣлуя въ уста и очи.

За императрицею послѣдовали великіе князья со своими супругами, великія княжны, духовенство и высшіе чины государства, подходя съ колѣнопреклоненіемъ и лобызая руку монарха...

На другой день по восшествіи на престолъ, императоръ совершилъ верховой выѣздъ, а въ одиннадцатомъ часу уже присутствовалъ на первомъ разводѣ.

Съ этого дня вахтпарадъ пріобрѣтаетъ значеніе важнаго государственнаго дѣла и, въ теченіе многихъ лѣтъ, становится ежедневной обязанностью русскихъ царей.

Императоръ объѣзжалъ войска, въ сопровожденіи цесаревича и многочисленной свиты. Бѣлый конь его гарцовалъ передъ строемъ. Въ огромной, украшенной перьями треуголкѣ, въ парадномъ камзолѣ, въ бѣлыхъ лосинахъ, въ высокихъ ботфортахъ, съ тростью въ рукѣ, царственнымъ всадникомъ представился Павелъ I.

Слава, казалось, рѣяла надъ императоромъ и озаряла его радужнымъ блескомъ. Огромные, курносые, въ высокихъ гренадеркахъ съ мѣдными распластанными орлами, солдаты провожали его крикомъ „ура!“ Свистѣли флейты и барабанщики бросали громъ:

— Трамъ - тамъ - тамъ, трамъ - тамъ - тамъ!

Первый высочайшій приказъ, отданный при паролѣ „Полтава“, состоялъ изъ десяти статей.

Щедрыя милости посыпались на приближенныхъ.

Графъ Безбородко произведенъ въ „первый классъ“, а вице-канцлеръ графъ Остерманъ назначенъ канцлеромъ. Князь Куракинъ сталъ вицеканцлеромъ, награжденъ одновременно орденомъ святого Андрея Первозваннаго и 150.000 рублей на уплату долговъ.

Графъ Салтыковъ и князь Репнинъ пожалованы въ генералы-фельдмаршалы. Бригадиръ Ростопчинъ, полковники Аракчеевъ, Кушелевъ и Обольяниновъ произведены въ генералы. Графъ Чернышовъ пожалованъ въ фельдмаршалы по флоту, „которому однако не быть генералъ - адмираломъ“.

Митрополитъ Гавріилъ, адмиралъ Голенищевъ - Кутузовъ, генералъ-поручикъ Архаровъ и графъ Николай Зубовъ награждены орденомъ святого Андрея Первозваннаго.

Генералы Ростопчинъ и Аракчеевъ, пожалованы Анненской лентой, а послѣдній, сверхъ того, награжденъ знаменитою Грузинскою вотчиной.

Не позабытъ и камердинеръ Кутайсовъ, о которомъ сказано было въ приказѣ:

„Въ разсужденіе долговременной и усердной службы, высочайше пожалованъ камердинеръ Иванъ Кутайсовъ въ гардеробмейстеры пятаго класса, съ жалованьемъ по 1500 рублей въ годъ изъ придворной конторы".

По выраженію современника, это былъ не дождь, а ливень всякихъ милостей, пожалованій, наградъ. Что же касается орденовъ, императоръ не раздавалъ, а разметывалъ ихъ. Все совершалось подъ вліяніемъ минутнаго вдохновенія.

Радостно встрѣтилъ императоръ день 10 ноября.

Гатчинскія войска вступили въ столицу. Павелъ Петровичъ обратился къ нимъ съ краткою рѣчью:

— Благодарю васъ, друзья, за вѣрную ко мнѣ службу!.. Въ награду за оную, поступаете въ гвардію!.. А господа офицеры чинъ въ чинъ!

17 ноября императрица Марія Феодоровна назначена шефомъ Лейбъ- Кирасирскаго полка...

Вступивъ на престолъ съ предубѣжденіемъ противъ всѣхъ порядковъ Екатерины, императоръ, съ поразительною поспѣшностью, принялся за „подвигъ исцѣленія" Россіи.

Гатчинское управленіе должно было служить образцомъ для управленія россійской имперіей. Всѣ пружины государственнаго строя были замѣнены новыми и пущены въ ходъ въ новомъ же направленіи.

Арміи пришлось познакомиться въ первую голову съ тайнами гатчинской экзерциціи. Введеніе прусскаго военнаго устава сопровождалось новыми требованіями по службѣ. Фельдмаршалы и старые генералы оказались столь же несвѣдущими, какъ и вновь произведенные прапорщики.

Однако, для просвѣщенія невѣждъ былъ тотчасъ устроенъ особый „Тактическій классъ", за которымъ надзиралъ генералъ-маіоръ Аракчеевъ, а науки преподавалъ полковникъ Каннабихъ.

Этотъ саксенъ - веймарскій дворянинъ, окончившій курсъ въ геттингенскомъ университетѣ, весьма искусный въ ѣздѣ и выѣздкѣ лошадей, въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ передъ тѣмъ должность оберъ - берейтора въ Лейбъ - Кирасирскомъ полку.

Появилась уродливая и неудобная военная форма. Безпощадная война объявлена круглымъ французскимъ шляпамъ à la jacobin, отложнымъ воротникамъ, фракамъ, жилетамъ, сапогамъ съ отворотами. Предписывалось употребленіе пудры, косичекъ и башмаковъ. Волосы слѣдовало зачесывать назадъ, а отнюдь не на лобъ. Запрещалось ношеніе бакенбардовъ. При встрѣчѣ съ императорскою фамиліей, прохо-

жимъ повелѣно останавливаться на улицахъ, а сидящіе въ экипажѣ должны выходить для поклона.

Деспотизмъ, обрушившійся на все и коснувшійся самыхъ интимныхъ сторонъ обыденной жизни, былъ тѣмъ болѣе тягостенъ, что проявился послѣ цѣлаго періода полной личной свободы.

Самовластіе въ столь наивной и жестокой формѣ воцарилось съ неслыханной силой.

По разсказу Алексѣя Федоровича Львова, будущаго автора національнаго русскаго гимна, кто - то осмѣлился возражать императору и упомянулъ о законѣ.

— Здѣсь вашъ законъ! — крикнулъ Павелъ Петровичъ, ударивъ себя въ грудь...

Въ этихъ немногихъ словахъ выразился весь смыслъ правительственной системы, усвоенной преемникомъ великой Екатерины.

Новое царствованіе съ первыхъ же дней стало отрицаніемъ предыдущаго. Пышный дворъ покойной императрицы преобразился въ огромную кордегардію. Весь прежній лоскъ, вся прежняя величавость исчезли въ одно мгновенье.

Каждое утро, отъ генерала до прапорщика, всѣ отправлялись на вахтпарадъ, какъ на лобное мѣсто. Никто не зналъ, что его тамъ ожидаетъ, быстрое возвышеніе, заточеніе въ крѣпости, тѣлесное наказаніе или ссылка въ Сибирь.

Строжайшая дисциплина и нескончаемыя взысканія заставляютъ дворянъ бѣжать съ военной службы, которая представляетъ сейчасъ въ тысячу разъ больше опасностей, нежели война или кровопролитный штурмъ.

Въ предупрежденіе подобнаго „самовольства дворянъ", императоръ запрещаетъ имъ начинать службу иначе, какъ въ военномъ званіи.

Павловскія преобразованія не ограничиваются однимъ только стѣсненіемъ въ одеждѣ и въ домашнемъ быту. Онѣ касаются и самыхъ существенныхъ сторонъ государственной жизни. Коренная ломка всего прежняго строя оставляетъ глубокій слѣдъ.

„Часы бьютъ двѣнадцать и вмѣсто жирной масляницы наступаетъ великій постъ!.. Повсюду трещитъ барабанъ, вездѣ бьютъ палкой или кнутомъ, тройки летятъ въ Сибирь!.. Императоръ учитъ эспантономъ и маршируетъ!.. Все безумно, безчеловѣчно, неблагородно, повсюду рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и приказы!"...

39.

По поступкамъ, ознаменовавшимъ первые шаги императора, можно было готовиться ко всему. Павелъ Петровичъ сумѣлъ изумить даже приверженцевъ проявленіями своей странной, болѣзненной, сумасбродной натуры.

Одновременно съ похоронами матери, императоръ рѣшилъ воздать царскія почести и бреннымъ останкамъ отца, покоившимся уже тридцать четыре года въ Благовѣщенской церкви Александро-Невскаго монастыря.

Гробъ былъ извлеченъ изъ могилы и печальная процессія направилась въ Зимній дворецъ. За гробомъ, въ глубокомъ трауръ, двигалась императорская семья, приближенные, высшіе сановники государства.

Въ шествіи принялъ участіе и одинъ изъ главныхъ героевъ ропшинскаго убійства, старый больной графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій, коему повелѣно нести императорскую корону.

Оба гроба были перевезены въ Петропавловскій соборъ. По окончаніи отпѣванія и „поклоненія особамъ любезныхъ родителей", императоръ, въ сопровожденіи свиты, отправляется на разводъ карауловъ и военный парадъ. Въ теченіе двухъ недѣль, народъ всякаго званія безпрепятственно допускается въ крѣпость на поклоненіе. Наконецъ, послѣ торжественной панихиды, останки Петра III и Екатерины II предаются землѣ.

Событіе двойныхъ похоронъ воспѣто неизвѣстнымъ поэтомъ:

„Два гроба и сердца, судьбою разлученны,
Соединяетъ сынъ, примѣрный изъ царей,
Падъ къ императорскимъ стопамъ его священнымъ,
Россія чтитъ примѣръ любви сыновней сей.
И зря въ чувствительномъ порфирородномъ сынѣ
Чувствительна царя, отечества отца,
Чего лишилася въ Петрѣ Екатерина,
То въ Павлѣ возвратя, благодаритъ Творца!"

Щедро осыпавъ наградами своихъ приверженцевъ, императоръ, съ тѣмъ большей суровостью, отнесся къ участникамъ переворота 1762 года.

Прежде всего пострадалъ оберъ - гофмаршалъ князь Федоръ Барятинскій, которому повелѣно немедленно покинуть дворецъ.

Немилость коснулась даже женщины, княгини Екатерины Дашковой, въ отношеніи которой императоръ посылаетъ москомскому главнокомандующему слѣдующій приказъ:

„Объявите княгинѣ Дашковой, чтобы она, напамятовавъ происшествія, случившіяся въ 1762 году, выѣхала изъ Москвы въ дальнія свои деревни".

Несравненно болѣе виновный въ переворотѣ, со всѣми его послѣдствіями, графъ Алексѣй Орловъ - Чесменскій, испыталъ менѣе непріятностей. Послѣ тяжелой нравственной пытки, наложенной на него въ день двойныхъ похоронъ, ему разрѣшено отправиться заграницу, гдѣ онъ спокойно и прожилъ всѣ послѣдующіе четыре года.

Однако, среди систематическаго преслѣдованія всего связаннаго съ воспоминаніями о екатерининскомъ царствованіи, которое какъ бы вычеркивалось со скрижалей исторіи, иной разъ поражають примѣры полнаго забвенія прошлаго.

Удивительнымъ сочетаніемъ какихъ - то необычайныхъ противорѣчій, то жестокости, то внезапнаго добродушія, то склонности къ шутовскимъ выходкамъ, то приступамъ необузданнаго гнѣва и бѣшенства, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ лицемѣрія, императоръ изумляетъ современниковъ своими поступками.

Такъ, генералу Петру Завадовскому, одному изъ фаворитовъ покойной императрицы, жалуется неожиданно графское достоинство.

Проживавшему въ Ревелѣ Алексѣю Григорьевичу Бобринскому, побочному сыну Екатерины отъ Григорія Орлова, повелѣно прибыть въ столицу, гдѣ на него посыпались щедрыя милости.

Онъ также получаетъ графскій титулъ, ему дарится домъ, за нимъ утверждаются имѣнія, пожалованныя Екатериной, слѣдуетъ его назначеніе шефомъ 4-го эскадрона Конной Гвардіи, награжденіе Анненской лентой, производство въ чинъ генералъ - маіора, а въ заключеніе, на очередномъ дворцовомъ пріемѣ, императоръ выводитъ молодого графа и представляетъ присутствующимъ, какъ своего брата.

Все это кажется сновидѣніемъ по сравненію съ другими событіями, сопровождавшими воцареніе Павла Петровича.

По странной прихоти судьбы, на придворной и политической сценахъ, разыгрываются небывалыя представленія. Примирительныя вѣянія, великодушные порывы идутъ рука объ руку съ бичеваньемъ намѣченныхъ жертвъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ учрежденій.

Непослѣдовательность въ поступкахъ императора очень ярко наблюдается на примѣрѣ по отношенію къ князю Платону Зубову.

Сперва ему оказывается нѣкоторое вниманіе и даже сочувствіе къ его горю, сопровождаемыя большими милостями. По случаю выселенія князя Зубова изъ дворца, ему покупается домъ со всѣмъ необходимымъ.

Императоръ, въ сопровожденіи императрицы, посѣщаетъ Зубова, произноситъ достопамятныя слова: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!“, выпиваетъ шампанское за здоровье потрясеннаго князя и выпивъ, разбиваетъ бокалъ.

Зубовъ припадаетъ къ стопамъ императора. Павелъ Петровичъ подымаетъ его съ колѣнъ. Когда же подали самоваръ, обращается къ императрицѣ со словами:

— Ma chère, разлей чай!... У него, бѣднаго, нѣтъ вѣдь больше хозяйки?

Послѣ подобной встрѣчи, казалось, что прошлое забыто въ порывѣ великодушія. Но черезъ нѣсколько дней отдается приказъ:

„Генералъ - фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ увольняется въ отставку“.

За симъ посыпались взысканія по поводу различныхъ денежныхъ недочетовъ, а въ заключеніе, еще недавно всемогущему князю, предложенъ отъѣздъ за границу...

По странной случайности, путешествіе князя Платона Зубова отозвалось роковымъ образомъ на судьбѣ будущаго знаменитаго дѣятеля павловскаго царствованія, барона Петра Алексѣевича Палена.

Въ день проѣзда князя Зубова черезъ Ригу, въ ней ожидали прибытія бывшаго польскаго короля Станислава - Августа, направлявшагося въ столицу.

По повелѣнію императора, ему была приготовлена торжественная встрѣча. Были выведены войска рижскаго гарнизона, на улицахъ была разставлена почетная стража изъ городскихъ обывателей, въ Домѣ Черноголовыхъ готовился парадный обѣдъ.

Король въ этотъ день опоздалъ, а вмѣсто него прибылъ въ городъ князь Зубовъ. Собранные для почетной встрѣчи польскаго короля, рижскіе бюргеры отдали честь бывшему фавориту, какъ высокому русскому генералу. Обѣдъ же, приготовленный въ Домѣ Черноголовыхъ, послужилъ для угощенія князя.

Тотчасъ былъ посланъ доносъ. Послѣдствія не заставили себя ожидать.

Рижскій военный губернаторъ генералъ Бенкендорфъ и гражданскій губернаторъ баронъ Кампенгаузенъ получили высочайшій выговоръ.

Начальникъ гарнизона получилъ, въ свою очередь, слѣдующій приказъ:

„Господинъ генералъ - лейтенантъ Паленъ! Съ удивленіемъ увѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова черезъ Ригу. Изъ сего дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе мое противу васъ соразмѣрно будетъ“.

Въ тотъ же день послѣдовалъ дополнительный приказъ, по которому генералъ - лейтенантъ Паленъ „за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партекулярнымъ людямъ, какъ - то при проѣздѣ князя Зубова, и за отлучку безъ увольненія въ Митаву, для провожанія его же, выключенъ со службы“.

Нельзя не обратить вниманія еще и на то обстоятельство, что одновременно съ отданіемъ этого приказа о Паленѣ, въ столицѣ происходила закладка новаго Михайловскаго дворца (на мѣстѣ бывшаго Лѣтняго), которому впослѣдствіе суждено было сыграть столь крупную роль въ жизни императора Павла Петровича и опальнаго генерала“...

40.

ПЕТЕРГОФЪ — императорской увеселительной домъ и обыкновенное государей россійскихъ лѣтнее пребываніе, при Финскомъ морскомъ заливѣ, въ двадцати девяти верстахъ отъ Санктпетербурга. Двор-

цы, сады, статуи, гроты, фонтаны, каскады, рощи, аллеи и прочія къ увеселенію чувствъ служащія мѣста подаютъ причину сравнить оный со славной Версаліей, а по прекрасному мѣстоположенію оной и предпочесть“.

Подобнымъ стилемъ писалось о Петергофѣ въ вѣкъ великой императрицы Екатерины.

Когда-то, изъ великокняжескаго Монплезира, съ ружьемъ на плечѣ, минуя несносную стражу, сбѣгала по мраморнымъ ступенямъ молодая красавица, въ мужскомъ костюмѣ, ловко обтягивавшемъ высокую грудь и полныя женскія ножки, прыгала въ лодку и стрѣляла водяныхъ птицъ, кружившихся съ крикомъ надъ моремъ.

Къ вечеру, слегка утомленная, загорѣвшая, съ обвѣтренной кожей, возвращалась домой, съ тѣмъ, чтобы на другой день вскочить на коня и мчаться съ гончими по лѣсамъ, по березовымъ рощамъ, по болотамъ и вересковому кустарнику.

Сѣверный вѣтеръ обвѣваетъ лицо и треплетъ прическу изъ подъ охотничьей треуголки. Стройное тѣло въ голубой амазонкѣ, отдѣланной серебрянымъ галуномъ и хрустальными пуговицами, готово отдаться наплыву перваго любовнаго чувства...

Словъ нѣтъ, очень хорошъ этотъ поэтическій уголокъ, убаюканный ласками солнца и моря, полный историческихъ воспоминаній. Онъ хорошъ особливо въ лѣтнюю пору, когда густая зелень листвы спасаетъ отъ іюньскаго зноя, а легкій морской вѣтерокъ несетъ оживляющую прохладу.

И все же, по нѣкоторымъ причинамъ, я предпочитаю ему идиллическій Павловскъ.

Здѣсь не имѣется ни чудесныхъ фонтановъ, ни прозрачныхъ далей морского залива, съ бѣлыми чайками, парусами и пароходными дымами на розовомъ фонѣ заката.

Но такъ же прекрасенъ задумчивый паркъ, тѣмъ же благолѣпіемъ наполненъ старинный дворецъ, отъ него вѣетъ тою же благоуханной романтикой исчезнувшаго столѣтія, о которой пѣлъ сладкозвучный Рэно:

„Я люблю этотъ вѣкъ кринолина,
Золотой, догорѣвшій Версаль!“

„Маленькая Баронесса“ встрѣтила меня капризной улыбкой и закидала градомъ вопросовъ.

Тономъ обиженнаго подростка, она продолжала бросать по моему адресу жестокія, уничтожающія слова:

— Черкесовъ, вы злой!.. Вы гадкій, противный мальчишка!.. Я не буду васъ больше любить!

Я приводилъ въ оправданіе многочисленные резоны:

— Помилуйте, Фанни Эдуардовна!.. Буквально нѣтъ свободнаго

времени!.. Судите сами — полковыя ученья, караулы, дежурства, обязанности по службѣ!.. Извольте радоваться?.. Буквально нѣтъ ни минуты!

„Маленькая Баронесса“ смѣнила гнѣвъ на милость и разсмѣялась.

— Я пошутила! — произнесла Фанни Эдуардовна. — Глупенькій, я не сержусь!.. Повѣрьте мнѣ, не сержусь!.. Не хорошо только забывать добрыхъ друзей!.. Я, право, не знала, что и подумать?.. Совсѣмъ забыли меня?.. Vraiment!

Ея грудной, слегка грассирующій голосъ, продолжаетъ дрожать отъ смѣха. Онъ плѣняетъ, какъ и улыбка, съ которой она произноситъ эти слова.

Мы сидимъ на низкомъ диванѣ, въ синей тѣни трельяжа, за круглымъ столомъ съ мерцающими бокалами. Лучъ скользнулъ по террасѣ, заигралъ мелкими клѣтками на стѣнѣ. Изъ садика потянуло острымъ запахомъ резеды и левкоя. Со стороны станціи донесся протяжный свистъ паровоза.

— Ну, дѣло прошлое! — добавила баронесса, послѣ непродолжительной паузы. — Лучше поздно, чѣмъ никогда!

Засмѣялись ямочки на щекахъ и новая улыбка освѣтила лицо.

Мой взглядъ отмѣчаетъ тонкую линію ея бровей, неожиданно ломающуюся подъ угломъ, погружается въ сердоликъ сѣро-зеленоватыхъ глазъ, прикасается къ блѣдной, слегка просвѣчивающей кожѣ щекъ, блуждаетъ по золотисто - бронзовымъ, тиціановскимъ волосамъ и, быстро опускаясь, охватываетъ чувственно все тѣло, гордое, недоступное.

— А сегодня я въ настроеніи! — улыбается Фанни Эдуардовна. — Я сегодня — олль райтъ!.. Я принцесса, а вы молодой пажъ!.. Cą ira?

„Принцесса надѣла зеленое платье,
Зеленое платье съ золотою каймой...“

Я, въ свою очередь, разсмѣялся и далъ обѣщаніе быть послушнымъ, галантнымъ, предупредительнымъ кавалеромъ.

Я провелъ восхитительный день...

Послѣ обѣда на открытой террасѣ, искусно задрапированной зеленью дикаго винограда, послѣ оживленной, не смолкавшей ни на минуту бесѣды, къ подъѣзду былъ поданъ легкій, щеголеватый брэкъ, запряженный парой лошадокъ.

Мы спустились съ веранды.

Фанни Эдуардовна усѣлась рядомъ со мной. Я тронулъ вожжами, щелкнулъ бичомъ и англійскій шарабанъ мягко покатился по царскосельской дорогѣ.

Прижавшись другъ къ другу и продолжая бесѣдовать — недурно было бы пригласить еще двухъ - трехъ близкихъ друзей, въ томъ числѣ,

разумѣется, Анатоля, и устроить какъ - нибудь маленькій „garden party"? — замѣтила баронесса, — мы незамѣтнымъ образомъ проскочили трехверстное разстояніе.

Царское Село встрѣтило насъ оригинальнымъ сюрпризомъ.

Вотъ уже показались, бѣлыя съ краснымъ, казармы. Вотъ, на лейбъ - гусарской гауптвахтѣ, въ аломъ мундирѣ, съ клинкомъ въ плечѣ, стоитъ часовой. Онъ пристально вглядывается въ катящійся шарабанъ, неожиданно звонитъ въ колоколъ и, черезъ мгновенье, весь караулъ, съ офицеромъ на флангѣ, строится на площадкѣ.

— Шашки вонъ! — раздается команда. — Шай, на кра-улъ!

Трубачъ выдуваетъ „гвардейскую встрѣчу". Два десятка гусаръ, бравыхъ черноволосыхъ людей, въ живописныхъ, расшитыхъ желтыми шнурами мундирахъ, равняясь въ рядахъ, держа обнаженные клинки передъ собой, стоятъ неподвижно, провожая глазами маленькій шарабанъ.

Въ недоумѣніи, быстрымъ движеніемъ передавъ бичъ въ лѣвую руку, я приложился къ фуражкѣ.

— Браво, Черкесовъ! — обратилась ко мнѣ баронесса. — Гусары принимаютъ васъ за грандюка!.. Браво, ваше высочество! — повторила она и принялась хохотать.

Фанни Эдуардовна долго не могла успокоиться.

Ее разсмѣшило взволнованное лицо караульнаго офицера. Ее забавлялъ почетный салютъ, торжественные звуки трубы, вообще, все это неожиданное вниманіе, которое воинская часть оказываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, лишь особамъ царскаго Дома.

Взглянувъ на меня, баронесса, въ то же время, нашла во мнѣ цѣлый рядъ чертъ, напоминающихъ якобы моего августѣйшаго двойника.

Это слишкомъ большая любезность, съ которой я не могъ согласиться. Я склоненъ предполагать, что караулъ былъ введенъ въ заблужденіе не столько физическимъ сходствомъ, сколько нашею общею формой гатчинскихъ кирасиръ.

Этотъ маленькій эпизодъ привелъ насъ, во всякомъ случаѣ, въ шутливое настроеніе...

Пара рѣзвыхъ мустанговъ, съ подрѣзанными гривками и хвостами, бойко постукивая крошечными копытцами, продолжали мчать по дорогѣ.

Миновавъ царскій дворецъ, съ ажурной рѣшеткой, съ цвѣтниками и топазами англійскаго газона, съ могучими фигурами атлантовъ у параднаго входа, мы очутились вскорѣ въ старомъ Баболовскомъ урочищѣ.

Плотно укатанная дорога пересѣкала его насквозь. По сторонамъ вились пѣшеходныя тропки. Въ знойной истомѣ дремали пруды. Въ темной зелени бѣлѣли мраморныя статуи.

Воздухъ былъ слегка душный, но не тяжелый. Точно нѣжная рука

женщины, онъ мягко опускался на тѣни, струился по сторонамъ, доносилъ сладкое дыханье цвѣтовъ.

Въ паркѣ было пустынно.

Высокія сосны, лиственницы и ели застыли въ величавомъ спокойствіи, поднявъ къ небу широкія кроны, низко склонивъ мохнатыя лапы, примѣшивая къ влажному запаху папоротниковъ и мховъ, сухой и терпкій ароматъ смолъ.

Иногда, съ легкимъ потрескиваньемъ, срывалась сосновая шишка, въ прудѣ урчала вода, дятель долбилъ монотонную пѣсню, гдѣ-то неподалеку кукушка отсчитывала грядущіе дни:

— Ку-ку! .. Ку-ку! ..

Было много невыразимой прелести въ этой буколической тишинѣ, въ настороженной дремотѣ стараго парка, перекликавшагося голосами природы, въ этихъ прохладныхъ тѣняхъ, въ звукахъ и запахахъ, въ жужжаньи шмелей, въ снопахъ яркаго пламени, лившагося на верхушки деревьевъ съ блѣдно - лиловаго небосклона:

„Здѣсь, что ни шагъ, то будятъ въ васъ печаль
Угасшихъ лѣтъ невинныя затѣи,
То прудъ блеснетъ, прозрачный какъ хрусталь,
То статуя Амура иль Психеи ...“

Я натянулъ вожжи и тотчасъ ихъ опустилъ. Мелко постукивая копытцами, взматывая головками, коротко звеня бубенцами, лошадки перешли въ шагъ.

„То былъ расцвѣтъ и вкуса и ума,
Отъ Запада текло къ намъ просвѣщенье,
Императрица, мудрая сама,
Уставъ отъ дѣлъ, искала вдохновенья,
И жизнь текла, какъ шумный карнавалъ,
И при дворѣ блисталъ за баломъ балъ ...“

— Чудно! — произнесла баронесса, мечтательно оглянувшись по сторонамъ, изящнымъ, полнымъ женственности движеніемъ, оправляя выбившуюся изъ - подъ полей шляпы вьющуюся золотистую прядь.

— Черкесовъ? — продолжала она. — Не напоминаетъ-ли это волшебную сказку? .. Въ самомъ дѣлѣ? .. Заколдованный лѣсъ? .. Молодой принцъ? .. Прекрасная фея? .. О, пардонъ, даже не одна? — воскликнула съ оживленіемъ Фанни Эдуардовна, указывая глазами. — Взгляните, мой другъ?

И точно, изъ глубины парка неожиданно показались три дѣвушки. Гибкой походкой, держа въ рукахъ букеты полевыхъ цвѣтовъ, васильковъ, маргаритокъ, ромашекъ, онѣ приближались къ горбатому мостику, перекинутому черезъ дорогу. Поровнявшись, дѣвушки въ смущеніи переглянулись между собой, вспыхнули и, граціозно присѣвъ, отвѣсили глубокій поклонъ.

Я съ изумленіемъ оглянулся.

Фанни Эдуардовна беззвучно смѣялась и тихонько подталкивала меня рукой:

— Mon Dieu! — смѣялась она, запрокинувъ голову, содрогаясь всѣмъ тѣломъ. — Черкесовъ, васъ снова принимаютъ за великаго князя!.. Да, отвѣчайте же на поклонъ!.. Пошлите бѣднымъ барышнямъ поцѣлуй!

Этотъ день былъ полонъ сюрпризовъ...

41.

КАКЪ ярко вспоминается пестрая, оживленая, фланирующая толпа, безконечнымъ потокомъ струившаяся передъ эстрадой!

А на эстрадѣ выростаетъ фигура знаменитаго дирижера, длиннаго, сухощаваго человѣка во фракѣ, съ темной, уже тронутой слегка серебромъ времени, львиной гривой волосъ, съ волшебною палочкою въ рукѣ, приводящей въ стройное ритмическое движенiе цѣлый лѣсъ скрипичныхъ смычковъ, повелѣвающей цѣлою армiей кларнетовъ, фаготовъ, гобоевъ, вiолончелей.

И въ памяти выростаетъ мелодiя сюиты:

„Смерть Азы"...

„Танецъ Анитры"...

„Пѣснь Солвейгъ"...

Не чувствуется-ли здѣсь, въ этой могучей гармонiи, въ титаническомъ наростанiи звуковъ, трепетъ великаго творчества, подобный стихiи?

Порою, незначительнымъ диссонансомъ, въ патетическое адажiо вторгается неожиданно паровозный свистокъ.

И все новыя толпы, новыя волны, съ прибытiемъ очередного поѣзда, выливаются на перронъ.

А въ антрактахъ снова круженiе человѣческаго потока — лицеисты, пажи, бѣлоподкладочники-студенты, веселыя барышни съ пушистыми косами и ясными голубыми глазами, свѣтскiе щеголи обоего пола, офицеры мѣстнаго гарнизона, въ алыхъ и желтыхъ кавалерiйскихъ фуражкахъ, въ мѣховыхъ шапочкахъ гвардейскихъ стрѣлковъ.

Я съ любопытствомъ наблюдалъ эту картину живого человѣческаго мѣсива, прислушивался къ жужжанью и рѣянью голосовъ, шуршанью и шелесту женскаго платья, мелодичному треньканью шпоръ, восклицанiямъ, визгу, звонкому дѣвичьему смѣху, впивая острый запахъ духовъ и разгоряченнаго тѣла.

Нѣсколько красивыхъ женщинъ прошло мимо меня. Я взглянулъ на нихъ, ощупывая взоромъ фигуры, стройныя ноги, высокiя, упругiя груди, трепетавшiя подъ легкой тканью костюмовъ, встрѣтивъ такую же любопытную, такую же вызывающую улыбку.

Съ вожделѣнiемъ мужчины я влекся къ этому живому потоку, съ вожделѣнiемъ женщины готовъ былъ отдаться зову его голосовъ...

Баронесса такъ же точно, какъ я, любитъ музыку, такъ же точно находится во власти ея плѣнительнаго очарованія.

Но музыка настраиваетъ ее на чувствительный ладъ, пробуждаетъ безотчетную грусть, томитъ неяснымъ желаніемъ.

Я наблюдаю, вообще, какъ въ натурѣ этой молодой женщины, точно въ стрѣлкѣ анероида, происходятъ непрестанныя колебанія, отъ веселья къ безпричинной тоскѣ, отъ тоски къ буйному вакхическому разгулу.

Вотъ и сейчасъ, стрѣлка выходитъ изъ равновѣсія и дѣлаетъ гигантскій скачокъ.

Въ глазахъ баронессы сверкаютъ брильянтовыя слезинки.

Ея маленькая холодная ручка нервно стискиваетъ мою грубую загорѣвшую ладонь.

— Черкесовъ, извините меня!.. Это нервы!.. Это пройдетъ!

Между тѣмъ, воздухъ становился все болѣе напряженнымъ. Надъ головой еще продолжало пылать ясное небо, а на западѣ грудились густыя, плотныя, темно - лиловыя облака. Они медленно приближались, какъ тяжелыя волны прибоя, сотрясаясь отдаленнымъ гуломъ и грохотомъ.

Уже чувствовалось дуновеніе вечерней прохлады. Время отъ времени набѣгалъ вѣтерокъ, вспыхивала зарница и небо освѣщалось оранжевымъ блескомъ.

Фанни Эдуардовна трогаетъ меня за рукавъ.

Мы покидаемъ вокзалъ и сворачиваемъ съ широкой аллеи въ боковую дорожку, гдѣ деревья своими посеребряными вершинами, въ кружевѣ свѣтовыхъ отраженій, какъ будто обнимаются въ высотѣ.

Кругомъ тишина, но тишина, наполненная страннымъ звучаніемъ, напоминающимъ паденіе капель дождя на траву или шелесть прикасающихся другъ къ другу стеблей. Вся эта неуловимая музыка наполнена какой-то сладкой грустью, какой-то легкой необъяснимой тоской.

Медленными шагами, взявшись за руки, мы колесимъ по дорожкамъ, прислушиваясь къ шопотамъ ночи, къ долетающимъ звукамъ григовской сюиты, пока не подходимъ къ дачной калиткѣ...

За ужиномъ настроеніе баронессы снова мѣняется.

Она снова оживлена, какъ во время прогулки по царскому парку. Вино наливаетъ румянцемъ поблѣднѣвшія щеки. Пушистые бѣлокурые локоны, на подобіе золотыхъ хризантемъ, окаймляютъ разгоряченное личико. Шаловливо улыбаются ямочки на щекахъ, въ слегка прищуренныхъ, близорукихъ глазахъ вспыхиваютъ острые огоньки.

Мы сидимъ на террасѣ, освѣщенной лампой подъ шелковымъ колпакомъ, въ тишинѣ лѣтней ночи, тупо воззрившейся непроницаемымъ взглядомъ.

Ночь безмятежно-тиха и безвѣтренна. Надъ темной листвой небо свѣтится нимбомъ, а внизу дрожитъ упругій ароматъ незримыхъ цвѣтовъ.

Блеснула зарница и вслѣдъ за нею прокатился глухой раскатъ.

Стрѣлка анероида обнаружила рѣзкое колебаніе.

— Мнѣ страшно! — прошептала Фанни Эдуардовна.

Гроза надвигалась. Остро запахло сыростью и землей. Стало совсѣмъ тихо. Въ кустахъ, съ безпокойнымъ чириканьемъ, суетились сонные воробьи.

Снова блеснуло. Но на этотъ разъ не зарница, а длинный и тонкій иззубренный мечъ, ослѣпительнымъ зигзагомъ, прорѣзалъ темноту ночи. Въ то же мгновенье, точно тысяча гигантскихъ полотнищъ, что-то разодралось — дрррь, что-то треснуло, съ грохотомъ — ррроро, надъ самою головой и гдѣ-то, совсѣмъ близко, бахнулъ орудійный ударъ:

— Бамъ!

Фанни Эдуардовна вскрикнула и, дрожа, прильнула ко мнѣ.

Сквозь шелковистую ткань я ощущалъ трепетъ женскаго тѣла, дыханье маленькой груди, казалось, самую кровь, горячимъ потокомъ струившуюся по жиламъ.

Токи неотразимой чувственности излучались отъ малѣйшаго прикосновенія, возбуждали, пьянили, вовлекали въ свой заколдованный кругъ.

Искушеніе было чрезвычайно сильно.

Въ этомъ положеніи я бы могъ сравнить себя съ легендарнымъ Улиссомъ, увлекаемымъ чарами волшебной сирены, готовымъ кинуть къ ея ногамъ честь, сокровища міра, разсудокъ.

И не было подъ рукой спасительной мачты, ни крѣпкихъ канатовъ, не было ничего и, очертя голову, безсильный, покорный, повинуясь мгновенно охватившему меня чувству, я плылъ на соблазнительный зовъ:

„Любовь — мечта
Любовь — мгновенье,
Звѣзда, блеснувшая вдали!"

Горячее тѣло крѣпко прижалось ко мнѣ. Тяжело дышетъ напряженная грудь. Тихо прозвенѣлъ золотой плетеный браслетъ, съ зеленымъ камнемъ въ круглой оправѣ.

Руки мои жадно скользятъ по мягкимъ очертаніямъ груди и бедеръ, становятся смѣлѣе, настойчивѣе... Вѣнокъ огненныхъ хризантемъ дышетъ прямо въ лицо... Широко раскрылись большіе, сверкающіе, изумруднаго тона глаза.

Я впиваюсь въ ямочку на щекѣ, въ алый, какъ пурпуръ цвѣтка, полураскрытый, упрямый, чувственный ротъ, отвѣчающій подавленнымъ стономъ.

Голову пьянитъ суховатый запахъ грэпэпля... Горячая волна ударяетъ съ такою силой, какъ будто звучитъ музыка міра... Точно звѣзды падаютъ съ неба, сыплютъ искры и жгутъ.

Я отдаюсь безразсудной ярости страсти, предчувствую гибель и, какъ мотылекъ-однодневка, лечу ей навстрѣчу...

42.

Смотръ великаго князя, генерала-инспектора кавалерiи, прошелъ успѣшно.

Между тѣмъ, сколько волненiя, безпокойства, сколько вполнѣ обоснованной, самой острой, самой жуткой тревоги, вызвалю ожиданiе и наступленiе этого дня!

Смотръ былъ непродолжителенъ.

Великiй князь Николай пропустилъ полкъ резервной колонной, развелъ на полные интервалы, похвалилъ за равненiе и дистанцiи, за быстрое построенiе фронта на полевомъ галопѣ.

— Коноводы! — кидалъ великiй князь штабъ-трубачамъ, послѣ каждой полковой эволюцiи и маневра.

Трубачи оглашали военное поле звуками благодарственнаго сигнала, на который слѣдовалъ отвѣтный ревъ эскадроновъ.

Наконецъ, по приказанiю генерала-инспектора, полкъ остановился и спѣшился. Голосисто заржали, захрапѣли, зафыркали разгоряченные кони, густой паръ повалилъ отъ мокрыхъ круповъ и спинъ.

— Хорошо! — произнесъ великiй князь, тутъ же на полѣ, послѣ смотра, когда будучи вызваны изъ рядовъ, образовавъ, въ конномъ порядкѣ, небольшой полукругъ, господа офицеры внимали словамъ августѣйшаго начальника.

— Аллюръ жидковатъ! — бросалъ генералъ-инспекторъ своей обычной короткой, выразительной манерой. — Больше стремительности!... Больше шока, удара!.. Это главное, господа!

Великiй князь взмахнулъ стэкомъ и щелкнулъ по голенищу гусарскаго ботика.

— Мелочи не существенны! — продолжалъ онъ той же манерой, слегка откинувшись въ сѣдлѣ, выпроставъ изъ стремянъ и широко развернувъ сухiя тонкiя ноги. — Но уставной порядокъ необходимъ!.. Въ Кавалергардскомъ сломали давеча фронтъ!.. Въ Конной Гвардiи интерваловъ не держатъ!.. Въ Кирасирскомъ Его...

Великiй князь вторично взмахнулъ стэкомъ и, тронувъ чалаго хентера, короткимъ галопомъ, посканалъ навстрѣчу полку.

— Хорошо, Кирасиры! — зазвенѣлъ его рѣзкiй и звонкiй, точно кавалерiйская труба, прокатившiйся по всему полю голосъ. — Спасибо за лихое ученье!

— Рады стараться, ваше императорское высочество! — загремѣло по солдатскимъ рядамъ.

Генералъ-инспекторъ съ удовлетворенiемъ оглянулся, протянулъ руку командиру полка, козырнулъ господамъ офицерамъ и снова тронулъ коня.

Смотръ былъ, въ самомъ дѣлѣ, удаченъ.

Это подтверждали и адъютанты, князь Щербатовъ и рыжебородый ротмистръ Свѣчинъ, не находившіе словъ выразить восхищеніе образцовымъ ученьемъ...

Окруженный офицерами, сопровождаемый командиромъ и обоими полковниками, генералъ-инспекторъ прослѣдовалъ въ полковое собраніе.

Великій князь принялъ завтракъ и этимъ какъ бы подчеркнулъ свою благодарность.

Хоръ трубачей встрѣтилъ его появленіе полковымъ маршемъ царскосельскихъ гусаръ, которыми великій князь командовалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Великій князь провелъ еще нѣкоторое время въ бесѣдѣ съ командиромъ и старшими офицерами — здравствуй, Миша! — обратился къ Государю Наслѣднику и ласково потрепалъ его по плечу.

Передъ тѣмъ, какъ перейти къ закусочному столу, генералъ баронъ Раушъ представилъ молодыхъ офицеровъ послѣдняго выпуска.

Мы отошли въ сторону и выстроились въ одну шеренгу.

Командиръ полка называлъ по очереди чинъ и фамилію, каждый изъ насъ почтительно наклонялъ голову, великій князь протягивалъ руку.

Странное выраженіе, смѣшанное съ чувствомъ какого-то недоумѣнія, любопытства, съ обрывками какихъ-то воспоминаній, сверкнуло въ его холодныхъ, сѣрыхъ, со стальными зрачками глазахъ, когда онъ остановился передо мной.

Великій князь смѣрилъ меня съ головы до ногъ испытующимъ взглядомъ. Сначала онъ былъ суровъ и тяжелъ, потомъ замѣтно смягчился. Усмѣшка растягивала все шире строгое, надменное, сухое лицо.

Я смѣло выдержалъ взглядъ.

— А?.. Фармазонъ?.. Вольнодумецъ? — произнесъ великій князь, переводя взоръ на командира полка. — Баронъ! — обратился онъ къ послѣднему, впадая въ бурлескный тонъ. — Рекомендую!.. Старый знакомый!.. Нахалитэ, однако, шустеръ!.. Ежели держать въ струнѣ, выйдетъ пожалуй, толкъ!.. Какъ полагаете, ваше превосходительство?

Великій князь разсмѣялся и протянулъ руку.

Шутливое настроеніе сразу передалось окружающимъ. Великій князь держалъ себя очень просто, безъ обычной гордыни и высокомѣрія, безъ свойственной рѣзкости въ выраженіяхъ.

Казалось, это былъ уже не грозный инспекторъ, приводившій въ трепетъ полки однимъ своимъ появленіемъ, учинявшій жестокій разносъ командирамъ, въ припадкѣ яраго гнѣва срывавшій съ головы свою алую шапку и швырявшій ее въ бѣшенствѣ на земь.

Сейчасъ это былъ почетный гость полковаго собранія, августѣйшій наставникъ, интересный, увлекательный собесѣдникъ.

Великій князь пилъ за здоровье полка, смѣялся, шутилъ, передавалъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ недавней поѣздки въ Сомюрскую кавалерійскую школу, пересыпая рѣчь то французскими выраженіями, то крутыми русскими солененькими словечками. Звучными, какъ ударъ хлыста фразами, продолжалъ, время отъ времени, излагать свои требованія.

— Аллюръ жидковатъ! — кидалъ великій князь, нервнымъ движеніемъ пощипывая рыжеватую, остро подстриженную бородку. — Сырыя тѣла! .. Дыханіе надостаточно! .. Требую втягиванія коней! .. Продолжительные репризы! .. Поле, поле и поле! .. Больше перцу, баронъ, обращаю ваше вниманіе! .. А въ общемъ, благодарю!

Генералъ Раушъ, съ каждою фразой, все ниже склонялъ голову.. Старшій полковникъ, наоборотъ, задиралъ ее кверху и выглядѣлъ именинникомъ. Эскадронные командиры, ободренные и успокоенные успѣхомъ, жадно внимали словамъ генерала-инспектора.

Только „Папаша" былъ, казалось, разстроенъ и завтракалъ безъ обычнаго аппетита.

Великій князь взглянулъ на часы и кивкомъ подалъ знакъ адъютантамъ.

Его гигантская, тонкая и сухая фигура, превышавшая на голову всѣхъ окружающихъ, въ бѣломъ кителѣ съ шаровидными гомбочками вмѣсто пуговицъ, при аксельбантѣ, въ узкихъ гусарскихъ рейтузахъ, обшитыхъ широкимъ золотымъ галуномъ, оторвалась отъ стола.

Росписавшись въ „Золотой Книгѣ", проставивъ имя, заключенное длиннымъ, столь характернымъ росчеркомъ, напоминающимъ обвитой ремнемъ бичъ, великій князь подалъ руку командиру, полковникамъ, отвѣсилъ общій поклонъ и покинулъ собраніе. . .

Господа офицеры продолжали оставаться въ столовой, поздравляя другъ друга съ удачнымъ смотромъ, обсуждая на всѣ лады слова генералъ-инспектора.

Было утѣшительно сознавать, что первое же испытаніе выдержано успѣшно, что не пропала даромъ работа и что лестная въ общемъ оцѣнка вызоветъ новый притокъ силъ, бодрости, соревнованія.

Извѣстно, что далеко не во всѣхъ частяхъ смотръ проходилъ гладко, Случалось, что великій князь налеталъ ястребомъ, ругался послѣдними словами, даже прогонялъ съ поля полки.

Лейбъ-Кирасирскій оправдалъ свою репутацію. Строевой духъ, какъ обычно, оказался на высотѣ. . .

Я поднялся и направился въ библіотеку.

Солнце стояло еще высоко, но въ комнатѣ было прохладно. Набѣгавшій порой вѣтерокъ колебалъ край опущенной шторы. Въ открытыя окна лился мягкій золотой свѣтъ.

Опустившись въ глубокое кресло, я протянулъ руку къ столу, взялъ свѣжій номеръ газеты, машинально ее развернулъ и, не вникая въ смыслъ прочитанныхъ строкъ, машинально же пробѣгалъ одну статью за другой.

Мысли мои продолжали витать въ области полкового событія, связаннаго съ пріѣздомъ великаго князя. Передо мной еще продолжала стоять его величественная фигура, порывистыя движенія, продолжалъ звенѣть сухой, металлическій голосъ:

— Старый знакомый! .. Фармазонъ! .. Вольнодумецъ! ..

Какая странная цѣпь, какое изумительное сцѣпленіе фактовъ!

Невольно припомнился маленькій эпизодъ, имѣвшій мѣсто почти три года тому назадъ, когда молодымъ юнкеромъ Школы, съ такой жестокой неудачей для себя, я вступилъ съ великимъ княземъ въ первый контактъ, у Поцѣлуева моста.

Этотъ контактъ обошелся мнѣ въ пять сутокъ ареста.

Вторая встрѣча произошла въ прошломъ году, на красносельскомъ военномъ полѣ, когда взводнымъ портупей-юнкеромъ я находился въ распоряженіи великаго князя, въ качествѣ ординарца, и заслужилъ его благодарность.

А сейчасъ я соприкоснулся съ нимъ въ третій разъ. Цѣпь сомкнулась и связала насъ новымъ звеномъ, жуткимъ, совершенно необычайнымъ, о которомъ онъ даже не подозрѣваетъ. А впрочемъ. . .

Боже мой! .. Если только догадка вѣрна, если утвержденія барона Фрэда не расходятся съ истиной, если мое петербургское приключеніе освѣщено сейчасъ своимъ подлиннымъ свѣтомъ. . .

Какая-то нервность колюче пробѣжала по тѣлу.

Я содрогнулся и зажмурилъ глаза. . .

Мнѣ представился тотчасъ пронизанный жгучимъ блескомъ, лазурный берегъ Ривьеры, мохнатыя пальмы, тропическіе цвѣты. . . Кругомъ звучитъ смѣхъ, музыка, тонкая французская рѣчь. . . Сверкаетъ позлащенная солнцемъ поверхность теплаго моря, струится мягкое дуновеніе воздуха, шопотъ цвѣтовъ, улыбки красивыхъ молодыхъ женщинъ въ нарядныхъ костюмахъ. . .

Машинальнымъ движеніемъ я извлекъ изъ кармана монету, старый серебряный рубль петровской чеканки, съ двуглавымъ орломъ и ликомъ Царя-Основателя.

Точно призрачное видѣніе зарѣялъ образъ Иренъ. . . Сверкнули синіе большіе, задумчивые глаза. . . Они смотрѣли съ невыразимою жалостью, съ мягкимъ укоромъ, съ нѣжной, грустной улыбкой. . .

„И тихимъ облачкомъ скользя,
Встаетъ все то въ душѣ тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что невозможно“ . . .

Звякнули шпоры и моя блаженная мечтательность исчезла безслѣдно.

Передо мной стоялъ Анатоль.

— Черкесовъ, ты гдѣ же б-болтаешься? — произнесъ онъ. — Иди скорѣй! . . „Сенека" п-предлагаетъ по маленькой!

„Душка Анатоль" выхватилъ изъ моихъ рукъ газету и заставилъ подняться.

Въ комнатѣ дежурнаго офицера уже находилась обычная компанія — „Джипсъ", „Крукъ", „Черный Пудель", Эдя фонъ Шведеръ.

На зеленомъ сукнѣ въ безпорядкѣ лежало золото, серебро, пестрѣли желтыя, алыя, синенькія бумажки.

„Сенека", держа колоду въ рукахъ, готовился метать банкъ.

— Черкесовъ, реваншъ? — крикнулъ „Сенека". — Въ банкѣ триста рублей! . . Твое счастье! . . Хочешь на квитъ?

— Счастье—глюкъ, несчастье—унглюкъ! — захохоталъ „Джипсъ".

„Сенека" щелкнулъ колодой.

Я улыбнулся, досталъ ихъ кармана серебряный рубль петровской чеканки и бросилъ на столъ.

Когда-то этотъ талисманъ принесъ мнѣ удачу.

Сейчасъ, согласно примѣтѣ, обѣщаетъ бѣшеный выигрышъ.

— Комплектъ! — крикнулъ я.

Дверь неожиданно распахнулась. На порогѣ показался старшій полковникъ, Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ.

Мы поднялись съ мѣстъ.

Ипполитъ Алексѣевичъ подошелъ къ карточному столу, обвелъ насъ неопредѣленнымъ взглядомъ, принялъ изъ моихъ рукъ пиковаго туза, повертѣлъ въ пальцахъ и медленно удалился. . .

Неожиданное появленіе старшаго полковника вызвало нѣкоторое смущеніе.

Игроки переглянулись между собой, кто-то выразилъ удивленіе, кто-то замѣтилъ — скажите пожалуйста, какой контролеръ нашелся?

— Бурбонъ! — выдавилъ кисло „Сенека".

— Ну, будетъ жара!

— Блефъ! . . Сдѣлаетъ видъ, что не замѣтилъ!

Игра продолжалась, но вяло, безъ обычнаго оживленія, безъ обычнаго смѣха и шутокъ, въ пониженномъ настроеніи. Господа офицеры, напоминая напроказившихъ школяровъ, пытались было успокоить себя различными соображеніями, другіе взвинчивали неожиданно упавшую бодрость виномъ.

Но игра все же не клеилась и, послѣ нѣсколькихъ прометанныхъ банковъ, компанія разошлась. . . .

Я вышелъ изъ клуба, обогнувъ садъ и миновавъ иглу „Коннетабля", спустился внизъ и, проспектомъ императора Павла I, направился домой.

Мысли мои продолжали вращаться въ области впечатлѣній, вызванныхъ смотромъ великаго князя. Меня продолжали волновать и безпокоить его слова, его испытующій взглядъ, остановившійся на мнѣ съ какимъ-то загадочнымъ, непонятнымъ для меня выраженіемъ.

Одновременно, почувствовалась какая-то тупая, щемящая боль, точно больной зубъ занылъ съ новою силой.

Потомъ, по ассоціаціи, я вспомнилъ послѣднюю бесѣду съ Аркасомъ.

Если въ первую минуту его признаніе наполнило меня ликованіемъ и торжествомъ, сейчасъ я начинаю испытывать чувство легкаго угрызенія совѣсти, даже стыда. Мой эгоизмъ, мое холодное и грубое отношеніе не могутъ быть оправданы моею личною драмой.

Я обязанъ, хотя бы въ силу пріязни и выраженнаго мнѣ довѣрія, употребить всѣ средства для смягченія жестокаго душевнаго потрясенія, успокоить взволнованныя чувства моего ближайшаго друга, овѣять его теплымъ дыханіемъ участія, заботливой ласки, товарищескаго совѣта.

А тамъ — пройдетъ какой нибудь мѣсяцъ, время потушитъ окончательно угасающій пламень, примиритъ съ прошлымъ, откроетъ новое поле для любовныхъ интрижекъ и увлеченій.

Я вспомнилъ о „Маленькой Баронессѣ“ и усмѣхнулся. . .

На дворѣ стояла сонная полдневная тишина. Подъ навѣсомъ сарая протянулась густая синяя тѣнь. Пестрый пѣтухъ дѣловито копался въ навозѣ, выклевывая овсяныя зерна. Возлѣ будки, свернувшись мохнатымъ клубкомъ, дремалъ „Цезарь“.

Почуявъ шаги, песъ приподнялъ тяжелую морду, протянулъ переднія лапы, изгибаясь всѣмъ тѣломъ и виляя хвостомъ, сталъ ласкаться, прыгать на грудь.

Въ саду жужжали шмели, пѣла иволга, на грядкѣ алыхъ настурцій, на самомъ припекѣ, сидѣла насѣдка съ цыплятами.

„Котъ-Васька — плутъ, котъ-Васька — воръ“,

четко, размѣренно, съ удареніемъ на каждомъ слогѣ, доносился Асенькинъ голосъ.

— Написалъ? . . Ну, слушай дальше:

„И Ваську-де, не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ!“

— Бѣдненькій, головка болитъ? . . Усталъ? . . Ну, если такъ, пойди, побѣгай по садику, а потомъ возвращайся. . . Надо закончить диктантъ!

Павликъ стремительно выскочилъ изъ бесѣдки и, въ припрыжку, заскакалъ по дорожкѣ.

Асенька вынула изъ корзинки нѣсколько разноцвѣтныхъ моточковъ, вязальную иглу и занялась рукодѣльемъ. При моемъ появленіи, встрепенулась, обдернула кисейную блузку, радостно вспыхнула, оживилась.

Славная дѣвочка! . . Многое меня въ ней умиляетъ — душевная чи-

стота, безыскусственность, свѣжесть порывовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайная, совершенно несвойственная возрасту, дѣловитость.

Мой домохозяинъ, старый чиновникъ дворцоваго управленія, овдовѣвшій три года тому назадъ, въ лицѣ этого шестнадцатилѣтняго подростка обрѣлъ исключительнаго помощника. Асенька ведетъ домовое хозяйство, снимаетъ съ плечъ отца многочисленныя заботы, ухаживаетъ за братомъ.

Отъ меня не ускользаетъ и ея внутренній міръ.

Иной разъ, когда я случайно застаю ее за работой, ея руки лежатъ неподвижно, она тихо сидитъ, устремивъ куда-то мечтательный взоръ.

Я наблюдаю то робость, то неожиданную разсѣянность, тревожное безпокойство, очаровательную застѣнчивость и стыдливость, яркую краску, покрывающую внезапно блѣдныя щеки и шею.

Въ другой разъ, я вижу бурныя ласки, которыя она расточаетъ каждой кошкѣ, каждой собакѣ, каждому существу.

Иногда мнѣ начинаетъ казаться, что въ этой дѣвочкѣ, у которой рѣзкая незаконченность линій, начинаетъ, мало по малу, уступать мѣсто мягкой женственной закругленности, уже просыпается какой-то инстинктъ, какое-то властное чувство, уносящее ее отъ дѣйствительности въ сторону смутныхъ, неясныхъ, томительно-сладкихъ желаній.

Кто не знаетъ дѣвичьихъ грезъ, этихъ бѣлыхъ, пушистыхъ, пролетающихъ облачковъ, которые какъ бы безцѣльно плывутъ по лазури, а вечеромъ разгораются яркимъ розовымъ цвѣтомъ? . . .

43.

Бодрый, звенящій какъ мѣдь, утренній куроклинъ будитъ блѣдную тишину ночи. Въ окнѣ брезжитъ золотая полоска зари. На дворѣ слышенъ дробный стукъ лошадиныхъ копытъ.

Это Саксаганскій привелъ коня.

Черезъ четверть часа „Рэдъ-Бой“ несетъ меня широкой напористой рысью мимо парка.

Онъ дышетъ прохладою и росой. Алмазныя серьги горятъ на листочкахъ жасмина, кленовъ, липъ. Высоко поднялись неподвижныя кроны деревьевъ. Въ глубину уходитъ зеленая лѣторосль и льется въ ней, словно весенній ручей, звонкій утренній щебетъ.

Подлѣ вокзала санктъ - петербурго - варшавской желѣзной дороги, тотчасъ за рельсами, на переѣздѣ, стоитъ полосатый шлагбаумъ, а за нимъ лежитъ деревня Загвоздка.

По лѣвой рукѣ расположено стрѣльбище — кочковатый, еще курящійся туманомъ лужокъ, съ бѣлѣющими мишенями, надъ которыми уже подымается ясное и прохладное, свѣже умытое солнце.

Одинъ за другимъ прибываютъ верхомъ господа офицеры четвертаго

эскадрона. Кирасиры пришли пѣшимъ порядкомъ, держа винтовки у ноги, стоятъ вольнымъ строемъ.

Каптенармусъ Зуйко раздаетъ взводнымъ, по счету, обоймы съ патронами.

Неподалеку, на складномъ табуретѣ, закутавшись въ мохнатую кавказскую бурку, сидитъ „Папаша", напоминая какую-то фантастическую черную птицу. . .

Еще недавно, какихъ нибудь два-три года тому назадъ, на стрѣльбу въ кавалеріи смотрѣли сквозь пальцы, какъ на простое „отбываніе номера".

Сейчасъ взгляды рѣзко перемѣнились.

Военное министерство рѣшило поднять стрѣлковую часть и приблизить стрѣльбу къ тому уровню, на которомъ она стоитъ въ арміяхъ сосѣднихъ державъ.

Великій князь, съ своей стороны, требуетъ самаго серьезнаго отношенія къ этому дѣлу.

Но время тянется безконечно.

По разсчету уже давно должно быть разставлено оцѣпленіе. Между тѣмъ, постоянно происходитъ задержка. Проходитъ еще полчаса ожиданія, пока наконецъ не прибываетъ унтеръ съ докладомъ.

Бѣлыя мишени теперь уже ясно выдѣляются на фонѣ зеленаго луга, Между мишенями, въ особыхъ земляныхъ блиндажахъ, сидятъ махальные. По линіи огня, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, стоятъ стрѣлки.

Командиръ эскадрона подымается съ табурета и подаетъ знакъ.

На мачтѣ взвивается алый флажокъ. Трубачъ играетъ „огонь".

— Ба-бахъ! — трещатъ одиночные выстрѣлы.

Стрѣльба происходитъ разнымъ порядкомъ — пять пуль стоя, пять съ колѣна, пять лежа. Одна цѣпь стрѣлковъ смѣняется другой. Господа офицеры также принимаютъ участіе, стрѣляя на флангѣ своего взвода.

Звенитъ „отбой" и, вмѣсто алаго флага, на мачту ползетъ бѣлая простыня.

И тотчасъ изъ блиндажей выскакиваютъ махальные, подбѣгаютъ къ мишенямъ, взмахиваютъ то краснымъ, то бѣлымъ флажкомъ, отмѣчая кто попалъ, кто махнулъ въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копѣйку.

Командиръ эскадрона, окруженный своими „архангелами" — вахмистромъ Мировичемъ, писаремъ и каптенармусомъ, заноситъ попаданія въ особую вѣдомость, иной разъ лично провѣряетъ мишени.

Солнце подымается выше.

Раздернулась окончательно легкая завѣса тумана. Въ воздухѣ пах-

нетъ пороховымъ дымомъ, луговою травой, чаберомъ, коровьякомъ. Испуганная выстрѣлами, поднялась съ сосѣдняго болотца стайка чирятъ и креститъ прозрачное небо...

Прибываетъ походная кухня. Кирасиры, составивъ винтовки „въ козлы", съ разморенными отъ зноя, вспотѣвшими лицами, толпятся подлѣ двуколки, звенятъ котелками, слышится хохотъ, кудрявая солдатская рѣчь.

Господа офицеры сидятъ на разостланной буркѣ, закусываютъ холодными бутербродами, курятъ, пьютъ чай.

Заложивъ руки подъ голову, задравъ длинныя ноги, Эдя фонъ Шведеръ лежитъ на припасенномъ для этого случая полосатомъ байковомъ одѣялѣ, жмурится отъ яркаго солнца, отмахивается отъ насѣдающихъ мухъ.

Старшій субалтернъ, „Крукъ", продолжая курить, тянется къ командирской баклагѣ, сдабриваетъ чай коньякомъ.

„Душка Анатоль" взглядываетъ на небо, потягивается, бормочетъ:

„Меня не любишь, но люблю я,
Такъ берегись любви моей!"

Потомъ, вспоминаетъ неожиданный визитъ полковника, во время вчерашней игры, и съ озабоченнымъ видомъ обращается къ „Круку".

— „Крукъ", какъ ты думаешь? — спрашиваетъ Анатоль. — Сойдетъ или нѣтъ?

— Блеффъ! — отвѣчаетъ увѣренно „Крукъ". — Разумѣется!.. Я его знаю!.. Сдѣлаетъ видъ, будто не видѣлъ!..Наконецъ, какое ему, въ сущности, дѣло?... Слава Богу, не дѣти!

— Вотъ именно! — откликается Эдя. — Пора бы знать, что не дѣти!

„Папаша" густо хохочетъ:

— Хо-хо!.. Смажетъ онъ васъ скипидаромъ!.. Будьте покойны!

Послѣ короткаго перерыва, стрѣльба продолжается.

— Бахъ-бахъ! — трещать ружейные выстрѣлы, звенитъ труба, выскакиваютъ махальные, взмахиваютъ то алымъ, то бѣлымъ флажкомъ.

Въ воздухѣ таетъ сладкій пороховой дымъ.

Ярко горитъ зеленый лужокъ, залитый знойнымъ солнечнымъ варомъ....

44.

Кто бы повѣрилъ, что этотъ тихій ясный томительный день, овѣянный лаской іюньскаго солнца, будетъ омраченъ неслыханнымъ въ анналахъ полка событіемъ?

Что это событіе разразится надъ нашими головами подобно удару грома посреди совершенно чистаго неба?

И что я, именно я, буду считать себя косвеннымъ виновникомъ про-

исшедшаго. Поменьше равнодушія и безсердечнаго эгоизма, немножко больше дружескаго участія и, кто знаетъ, какъ обернулся бы рокъ?

Этотъ день надолго останется въ памяти.

Этотъ день, оказывается, уже нависалъ надъ моими напряженными нервами, словно гроза, и ударилъ по нимъ съ сокрушительной силой. Онъ потрясъ меня новою неожиданностью, наполнилъ невыразимою горечью, передъ которой блекнетъ и меркнетъ все остальное.

Только въ этотъ день я постигъ, какъ изумительно и фантастично жизнь сплетаетъ холодъ и зной, мракъ и солнечный блескъ, радость, страданіе, ликованіе и отчаяніе, въ одномъ короткомъ мгновеніи. Только въ этотъ день я ощутилъ страхъ передъ жизнью, мрачной и угрожающей, какъ заколдованный лѣсъ, черезъ который предстояло пройти...

Въ порядкѣ хронологическомъ это произошло вскорѣ послѣ того, какъ вернувшись со стрѣльбы, мы очутились въ собраніи.

Дежурный офицеръ, поручикъ князь Бебутовъ, уже у подъѣзда привѣтствовалъ насъ словами:

— Подъ портретъ!.. Господа офицеры четвертаго эскадрона, подъ портретъ!.. Трррепещи, молодежь!

Онъ широко раскрылъ бѣлки черныхъ кавказскихъ глазъ, сдѣлалъ страшное лицо и захохоталъ.

Мы не успѣли переступить порога столовой, какъ со всѣхъ концовъ посыпались восклицанія.

— Подъ портретъ, подъ портретъ! — хохотали Талюша Мордвиновъ, Пржевальскій, Крыловъ, Граве, Свѣчинъ.

— Подъ портретъ! — вторя общему хору, зараженный общимъ весельемъ, смѣялся великій князь Михаилъ.

Офицеры продолжали забавляться нашимъ недоумѣніемъ, жестикулируя, отпуская игривыя замѣчанія, шутки, намеки.

Но вслѣдъ за тѣмъ вошелъ полковой адъютантъ и внесъ нѣкоторую опредѣленность.

Онъ объявилъ, что по приказанію старшаго полковника, намъ надлежитъ немедленно собраться въ „Комнатѣ Императрицы“.

Михаилъ Михайловичъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и процѣдилъ въ свою очередь:

— Подъ портретъ!..

Въ парадной комнатѣ, убранной коврами, старинною мебелью, изображеніемъ бывшаго шефа, покойной государыни императрицы Маріи Александровны, кисти знаменитаго Неффа, выступавшей, какъ совершенно живая фигура, тонкая, стройная, съ прекраснымъ одухотвореннымъ лицомъ, изъ роскошной золотой рамы, уже находилось трое — „Сенека“, „Черный Пудель“ и „Джипсъ“.

При видѣ насъ они переглянулись и тревожная озабоченность смѣнилась улыбкой.

Обстановка стала вполнѣ ясной.

Вопросъ, безъ сомнѣнія, касался вчерашней игры.

Мы не успѣли подѣлиться соображеніями, какъ послышался звукъ знакомыхъ шаговъ, дверь широко распахнулась и на порогѣ появился полковникъ Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, огромный, могучій, въ тугомъ кителѣ, обтекавшемъ мускулистыя плечи, въ обычныхъ высокихъ ботфортахъ съ тяжелыми шпорами.

— Господа офицеры! — скомандовалъ „Сенека".

Стоя подъ портретомъ покойнаго шефа, мы вытянулись и опустили руки по швамъ.

Ипполитъ Алексѣевичъ плотно притворилъ дверь и подошелъ къ намъ.

На его крутомъ солдатскомъ лицѣ, сухомъ и скуластомъ, съ острыми стальными глазами, жилистымъ носомъ и рѣдкой сѣдоватой бородкой, играло холодное и надменное, не предвѣщающее ничего добраго выраженіе.

Этотъ моментъ былъ непріятенъ, чувствовалось волненіе, невольная робость, какая-то особая напряженность.

Послѣ вчерашняго великокняжескаго смотра, удачу котораго полковникъ относилъ всецѣло къ себѣ — и въ дѣйствительности имѣлъ на то преимущественное и безспорное право — онъ видимо выросъ еще больше въ собственномъ мнѣніи и держалъ себя настоящимъ героемъ.

Подражая манерѣ генерала-инспектора, полковникъ закинулъ высоко голову, обнаруживъ упрямый костистый кадыкъ и, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, не издавая ни единаго звука, позванивая лишь тяжелой шпорой, глядѣлъ на насъ.

Напряженность росла съ каждымъ мгновеньемъ.

— Я въ дистракціи и дезеспере! — глухо произнесъ, наконецъ, старшій полковникъ и развелъ широко руками. — Не возьму въ толкъ?.. Отказываюсь понять?

Ипполитъ Алексѣевичъ остановился и продолжалъ новымъ, на этотъ разъ повышеннымъ тономъ:

— На какомъ основаніи господа субалтернъ-офицеры изволятъ нарушать полковое постановленіе, обязательное и равное для всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ?

— Желѣзка?.. Вентъ-энъ? — продолжалъ онъ. — Изрядно!.. Недурственно!.. Помилуй Богъ!

— Офицерскій клубъ не кабакъ, тѣмъ паче не притонъ для азартной игры! — произнесъ наставительно старшій полковникъ. — Полковой регламентъ не шутка, а вещь!.. Это вамъ не университетъ... Здѣсь думать надобно, государи мои!

Ипполитъ Алексѣевичъ выгнулъ колесомъ грудь и принялъ офиціальный видъ.

— Объявляю господамъ субалтернъ-офицерамъ стррожайшій выговоръ! — рѣзко выкриннулъ старшій полковникъ, съ силой напирая на „р", вращая грозно зрачками.

Затѣмъ, повернувшись къ „Сенекѣ", добавилъ:

— А вамъ, поручикъ Гулькевичъ, надлежитъ принять отъ меня особливое надраніе!.. Какъ старшему, подающему достойный примѣръ!.. Какъ соблазняющему единыхъ отъ малыхъ сихъ. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго!

Ипполитъ Алексѣевичъ истово перекрестился:

— И нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ... Аминь!

Полковникъ благоговѣйно склонилъ голову и умолкъ, давъ понять, что аудіенція закончена.

Круто повернувшись на каблукахъ, звеня шпорами, тѣмъ же мѣрнымъ солдатскимъ шагомъ направился къ выходу, на порогѣ остановился, повернулъ голову.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній еще продолжалъ глядѣть на насъ, потомъ усмѣхнулся и выбросилъ:

— Ну, ребята, чего пріуныли?.. Идемъ водку пить!..

Уже медленно наплывалъ вечеръ и клонило ко сну, когда я возвращался домой.

Утренняя стрѣльба, продолжительное пребываніе на воздухѣ подъ солнечнымъ зноемъ, неожиданная служебная непріятность, отражались на настроеніи.

Я не въ обидѣ, разумѣется, на полковника.

Въ его обязанность входитъ слѣдить за внутренней жизнью господъ офицеровъ, руководить ими, наставлять на истинный путь, пресѣкать нежелательныя явленія.

Съ тѣмъ большей досадой упрекалъ я себя за душевную слабость. Нужно же было такъ необдуманно, такъ неосторожно, зная, что старшій полковникъ еще не покинулъ собранія, принять участіе въ этой игрѣ, въ этомъ азартномъ соревнованіи, въ глупой борьбѣ карточныхъ шансовъ?

Найди меня Анатоль одной минутой позднѣе, я вышелъ бы сухимъ изъ воды.

Что дѣлать?

Связался съ теплой кампаніей, пришлось вмѣстѣ держать отвѣтъ...

Я вышелъ изъ парка и повернулъ по Люцевской улицѣ.

Зной спадалъ. Солнце медленно склонялось къ закату, проливая мягкій свѣтъ на плотно укатанную щебенку проспекта и тротуаръ, играя на стеклахъ и вывѣскахъ лавокъ, золотя прощальнымъ лучомъ крыши строеній, надъ которыми, тонкой струей, подымался синеватый дымокъ. Тихій лѣтній безтрепетный день угасалъ въ кроткомъ раздумьи, унося всѣ тревоги и злобы, простирая надъ городкомъ нѣжный блѣдно-сиреневый плащъ.

Подлѣ портняжнаго заведенія, въ сѣромъ коломянковомъ пиджакѣ сидѣлъ на скамейкѣ Соломонъ Ноахъ, сосредоточенный, молчаливый, съ

блѣднымъ усталымъ челомъ, изрѣзаннымъ морщинами, точно полевыми бороздами, съ длинной пепельной библейскою бородой.

— Здравствуйте, Соломонъ?

— Господину Черкесову, мое почтенье! — произнесъ старый портной, снявъ съ головы картузъ и низко склоняя курчавую, убѣленную сѣдинами голову. — Миръ и покой да ниспошлетъ вамъ сегодняшній вечеръ!

У парикмахерской вывѣски стоялъ Теодоръ Ивановичъ.

— Почетъ дорогому гостю! — пропѣлъ парикмахеръ, изящнымъ, истинно аристократическимъ взмахомъ руки, прикасаясь къ складкамъ бѣлаго балахона, къ тому мѣсту, гдѣ примѣрно расположено сердце.

Теодоръ Ивановичъ скосилъ глаза и привѣтливо улыбнулся.

Грустное происшествіе минувшей осени не оставило на немъ никакого слѣда. Онъ даже, какъ будто, нѣсколько раздобрѣлъ. Отъ маленькой и подвижной фигурки, отъ бѣлаго и румянаго, гладко отполированнаго и напудреннаго лица, вѣяло еще большей самоувѣренностью.

— Имѣю честь принести почтительнѣйшее поздравленіе по случаю смотра въ высочайшемъ присутствіи! — снова пропѣлъ парикмахеръ, отвѣшивая новый поклонъ.

— Прослышаны, что ихъ императорское высочество соизволили выразить свое особое одобреніе?.. Это что же выходитъ, нашъ полкъ смотритъ въ первую линію?.. Между прочимъ, господинъ Черкесовъ, прикажете освѣжить?

— Нѣтъ!.. Куда тамъ, на ночь-то глядя!

Парикмахеръ на минуту задумался.

— Вотъ пишутъ, между прочимъ, въ газетахъ, не возьму въ толкъ? — продолжалъ Теодоръ Ивановичъ. — Хитрое дѣло, конечно, политика, понимать надо... Нѣмецъ народъ умственный, чего говорить... А англичанка, тудыть твою, кажется всѣхъ покрываетъ!.. Опять же, что скажете по поводу Трансвааля?

Я отмахнулся и оставилъ Теодора Ивановича въ полнѣйшемъ недоумѣніи...

Въ квартирѣ стояла сонная тишина. Въ столовой потрескивалъ маятникъ — тикъ - такъ, тикъ-такъ! Въ раскрытыя окна вѣяло душистой прохладою сада. Мягко догоралъ золотисто-лиловый закатъ.

Скинувъ китель и стянувъ сапоги, я прилегъ на кровать.

Мысли мои еще продолжали вращаться въ области дневныхъ впечатлѣній, и снова, въ очередной разъ, я обнаружилъ странное ощущеніе. Я не почувствовалъ ни раскаянія, ни тревоги, ни даже простого стыда, но взамѣнъ ихъ какое-то тупое, совершенное равнодушіе, говорившее о жуткой безчувственности, безнадежной окоченѣлости, неспособности къ страстному обладанію жизнью. Между тѣмъ, еще недавно я былъ до краевъ налитъ ею.

Мнѣ достались въ удѣлъ интересная служба, увлекательная работа, всѣ удовольствія, доступныя молодому человѣку въ моемъ положеніи — охота, конскій спортъ, яркія торжества, театральныя зрѣлища, свѣтскія развлеченія.

Все занимало меня, наполняло мой день жаднымъ восторгомъ, любопытствомъ, удовлетвореніемъ.

Талантливая книга, красивый пейзажъ, изящная бездѣлушка способны были вызвать во мнѣ едва-ли не ощущеніе блаженства.

Сейчасъ я наблюдаю апатію, вялость, ослабленіе душевной энергіи, какое-то безразличное отношеніе ко всѣмъ радостямъ жизни, ко всему тому, что приводило меня въ восхищеніе какихъ нибудь полгода тому назадъ...

На кухнѣ послышались чьи-то шаги, раздался звонъ тяжелыхъ солдатскихъ шпоръ, чей-то взволнованный шопотъ.

Я лѣниво прислушался:

— Это Арканниковъ!.. Съ приказомъ на завтрашній день!.. Почему такъ рано приказъ?

Я взглянулъ на часы:

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Всего только семь?

Но передо мной уже стоялъ Хмара и дергалъ меня за рукавъ. За плечомъ денщика виднѣлось лицо эскадроннаго писаря, искаженное, блѣдное, съ остановившимся взглядомъ.

— Ваше высокоблагородіе! — шепталъ Хмара. — Вставайте!.. Царица Небесная!

Онъ нерѣшительно глядѣлъ на меня, переводилъ взоръ на эскадроннаго писаря и продолжалъ тянуть за рукавъ:

— Ихъ высокоблагородіе корнетъ Аркасъ...

Рябое, изрытое оспинками, добродушное лицо денщика глядѣло съ испугомъ и недоумѣніемъ.

— Ихъ высокоблагородіе корнетъ Аркасъ себя порѣшили! — крикнулъ Арканниковъ и сразу пришелъ въ себя.

Въ одно мгновенье я былъ на ногахъ.

Быстро натянувъ сапоги, схвативъ фуражку, застегивая на ходу китель, я бѣжалъ по направленію къ Багговутовской улицѣ. Слѣдомъ за мною, не отставая, бѣжали Арканниковъ и денщикъ.

У небольшой дачки, съ нарядной, застекленной синими и зелеными квадратиками верандой, густо завитой кудрявымъ плющемъ, на минуту остановился передохнуть.

Черезъ рѣшетку виднѣлся цвѣтникъ, на которомъ горѣли петуніи, маки, пунцовыя розы. Заходящее солнце кропило ихъ яркимъ огненнымъ свѣтомъ. Гдѣ-то хрипѣлъ грамофонъ. Изъ сосѣдняго переулка ему вторилъ другой, третій.

Визгливый теноръ выводилъ „Не искушай!“, перекликаясь съ маршемъ Кавалергардскаго полка — „шевалье гардэ, шевалье гардэ!“ Гус-

той басъ Вѣры Паниной, покрывая и мужской голосъ и мѣдныя трубы оркестра, пѣлъ модный романсъ:

„Я помню день, ахъ, это было счастье,
Съ тобою, въ первый разъ, мы встрѣтились вдвоемъ!“

Калитка была открыта. Я вбѣжалъ въ садъ, однимъ прыжкомъ вскочилъ на веранду, толкнулъ стеклянную дверь.

Гостиная была пуста, но въ слѣдующей, хорошо знакомой мнѣ комнатѣ, служившей кабинетомъ, я сразу увидѣлъ встревоженное лицо „Джипса“, „Чернаго Пуделя“, „Крука“.

Я увидѣлъ нѣсколькихъ денщиковъ, вѣстовыхъ и даже Пашку, мальчика - казачка изъ полкового собранія.

— Доктора! — кричалъ кто-то изъ офицеровъ. — Скорѣе доктора!

Онъ кидался отъ одного солдата къ другому, куда-то ихъ разсылалъ, бѣгалъ по комнатѣ. Послѣднiй лучъ скользнулъ по стѣнѣ, заигралъ мелкими зайчиками и погасъ. Въ распахнутое окно продолжали плыть звуки бравурнаго марша:

— Шевалье гардэ, шевалье гардэ!

На низкомъ диванѣ, опустивъ голову, безсильно свѣсивъ правую руку, лежалъ Аркасъ.

Подъ залитой кровью сорочкой, тяжело приподымалась и опускалась его худенькая грудь. Изъ устъ вырывалось хриплое дыханiе. Одинъ глазъ былъ полузакрытъ, другой блуждалъ по комнатѣ, остановился на мнѣ, и стояла въ немъ несказанная тоска.

На коврѣ, подлѣ дивана, лежалъ наганъ...

45.

Въ теченiе кратковременнаго царствованiя императора Павла Петровича перемѣны слѣдуютъ съ неимовѣрною быстротой. Онѣ совершаются не годами, даже не мѣсяцами, а буквально часами.

Сужденiя, направленiе воли и дѣйствiя императора опредѣляются случайными импульсами, зарождающимися въ его больной душѣ. Онъ остается послѣдователенъ лишь въ проведенiи своей военной системы да въ требованiяхъ слѣпого, безпрекословнаго повиновенiя.

Передъ лицомъ императора никто не чувствуетъ себя въ безопасности. Тѣ самыя лица, которыхъ сегодня онъ осыпаетъ знаками своей милости, могутъ быть на другой день подвергнуты суровѣйшимъ карамъ, вплоть до позорнаго удаленiя со службы и ссылки въ Сибирь.

При этихъ условiяхъ, у подножiя трона удерживаются лишь самые безпринципные, хладнокровные, разсчетливые дѣльцы, изучившiе душу несчастнаго самодержца до мельчайшихъ изгибовъ.

Но если были оказываемы милости, щедрыя награды и возвышенiя, въ зависимости отъ настроенiя и минутной прихоти императора, явленiя обратнаго порядка оставались все же преобладающими:

„Блескъ и померцаніе вмигъ — къ восходу и къ заходу текутъ наши свѣтила съ равною скоростью!..

Однимъ изъ печальнѣйшихъ примѣровъ подобнаго рода служитъ отношеніе Павла Петровича къ Суворову.

Можно было предвидѣть, конечно, отрицательный взглядъ великаго полководца на нововведенія императора. Обученіе и обмундированіе войскъ, содержаніе ихъ и дисциплина — все противорѣчило въ корнѣ практическому опыту фельдмаршала.

Екатерина уже по одному тому имѣетъ права на безсмертіе, что не только не препятствовала, но даже способствовала развитію величайшаго русскаго военнаго генія.

Теперь происходитъ обратное. Громкія заслуги, оказанныя въ предыдущее царствованіе, не имѣютъ въ глазахъ императора никакого значенія. Онѣ какъ бы вовсе не существовали или, что еще хуже, подвергаются рѣзкому осужденію.

Такъ напримѣръ, по поводу штурма Праги, императоръ откровенно высказывается, что „не почитаетъ его дѣйствіемъ военнымъ, а единственно закланіемъ жидовъ".

Немудрено, что „не Суворова начинаютъ смотрѣть, какъ на зауряднаго, а порой даже вреднаго генерала, нарушающаго порядокъ непогрѣшимаго ратнаго строя.

— Я лучше прусскаго короля!.. Я, милостью Божіей, баталіи не проигрывалъ! — огрызается старый фельдмаршалъ, а другимъ отписываетъ и покрѣпче:

— Нѣтъ вшивѣе пруссаковъ, лаузеръ или вшивень назывался ихъ плащъ!.. Въ шильтгаузѣ и возлѣ будки безъ заразы не пройдешь, а головкою ихъ вонью подарятъ вамъ обморокъ!.. Мы отъ гадины были чисты!

Суворовъ находилъ, что екатерининская система военнаго управленія много лучше была приноровлена къ особенностямъ имперіи, нежели павловскія реформы, пытающіяся привить русской національной арміи особенности арміи прусской.

Получивъ палочки для образцовъ и мѣры солдатскихъ косъ и буклей, Суворовъ тотчасъ отзывается въ такомъ духѣ:

— Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ, а природный русакъ!

Проповѣдуя подобную ересь противъ павловской непогрѣшимости, Суворовъ сознательно готовился къ печальной развязкѣ. У фельдмаршала не было недостатка въ недоброжелателяхъ и завистникахъ, искавшихъ только случая погубить упрямаго чудака.

6 февраля 1797 года, отданъ былъ, послѣ вахтпарада, слѣдующій приказъ:

„Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, относясь его императорскому величеству, что какъ войны нѣтъ и ему нечего дѣлать, за подобный отзывъ отставляется отъ службы".

Суворовъ предполагалъ поселиться въ своемъ кобринскомъ имѣніи и, на подобіе римскаго Цинцината, стать мирнымъ земледѣльцемъ. Но старика лишаютъ и этого утѣшенія.

Коллежскій ассесоръ Николевъ предъявляетъ Суворову высочайшее повелѣніе немедленно ѣхать въ боровицкія деревни и „препоручить городничему, а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства".

5 мая того же года Суворовъ былъ доставленъ въ свою родовую вотчину, въ село Кончанское, Боровицкаго уѣзда, Новгородской губерніи.

Другой герой екатерининскаго вѣка, фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, оказался счастливѣе Суворова. Смерть, наступившая еще въ 1796 году, избавила его отъ всѣхъ огорченій...

Печальныя явленія, сопровождавшія воцаренія Павла Петровича, приняли бы, можетъ быть, еще болѣе жестокій характеръ, если бы въ столь важный историческій моментъ не явилось умиротворяющее начало.

Оно было олицетворено въ образѣ Екатерины Ивановны Нелидовой.

Вступленіе императора на престолъ застало бывшую фаворитку въ Смольномъ монастырѣ. Вскорѣ состоялось примиреніе Нелидовой со своимъ вѣнценоснымъ другомъ и, одновременно, былъ заключенъ дружественный союзъ между нею и императрицей.

Союзъ имѣлъ цѣлью оберегать императора отъ послѣдствій присущихъ ему увлеченій и необдуманныхъ распоряженій. Это счастливое событіе совпало съ назначеніемъ императрицы „начальствовать воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ".

Съ первыхъ же дней обнаружилось благодѣтельное вліяніе фаворитки въ одномъ, не лишенномъ государственнаго значенія дѣлѣ.

Павелъ Петровичъ, по чувству нерасположенія ко всѣмъ реформамъ и созданіямъ своей матери, возымѣлъ намѣреніе, между прочимъ, упразднить орденъ св. Георгія Побѣдоносца.

Нелидова написала государю письмо, умоляя его отказаться отъ принятаго рѣшенія. Павелъ Петровичъ внялъ мольбамъ своего друга. Высшій боевой орденскій знакъ былъ сохраненъ и 26 ноября, по окончаніи литургіи и принесенія поздравленій, присутствующіе кавалеры ордена были жалованы къ рукѣ.

Изумленные царедворцы въ кратчайшій срокъ убѣдились въ существованіи благотворнаго вліянія, вдохновлявшаго императора на возможно лучшій выборъ высшихъ сановниковъ, останавливавшаго отъ опрометчивыхъ шаговъ и поступковъ, укрощавшаго вспышки неразумнаго гнѣва.

Во многихъ случаяхъ фаворитка пользовалась этимъ вліяніемъ для

спасенія невинныхъ жертвъ императора. Иной разъ ей приходилось оказывать покровительство даже самой императрицѣ.

Отъ Нелидовой зависѣло, разумѣется, пользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ для извлеченія личныхъ выгодъ. Но безкорыстіе фрейлины не было поколеблено. Ей случалось не разъ отвергать или умалять милости, которыми ее осыпала щедрость расположеннаго къ ней императора.

Такъ какъ не представлялось возможнымъ восхищаться внѣшними данными Екатерины Ивановны, приближенные, въ угоду монарху, восхищались ея остроуміемъ, граціей, искусствомъ въ хореографическихъ развлеченіяхъ.

Не взирая на свои сорокъ лѣтъ, Екатерина Ивановна, въ этихъ случаяхъ, не заставляла себя долго упрашивать и охотно выступала въ какомъ нибудь менуэтѣ или гавотѣ.

Между прочимъ, она любила зеленый цвѣтъ и, въ угоду ей, придворные пѣвчіе получили кафтаны этого цвѣта.

Нелидова имѣла мужество объясняться съ императоромъ съ полною откровенностью, порой обращалась съ нимъ даже сурово, и былъ такой случай, когда въ припадкѣ гнѣва, кинула въ него башмакомъ.

— Ради Бога, государь, будьте снисходительны!.. Удерживайте при себѣ способныя головы!.. Будьте добры, будьте собою, ибо истинное ваше расположеніе — доброта!

Таковы совѣты, которыми переполнена переписка Нелидовой съ императоромъ.

— Сія благонравная и почтенная дѣвица умѣла пріобрѣсти надъ государемъ необычайную власть и часто отвращала его отъ предосудительныхъ поступковъ! — пишетъ Шишковъ. — О, если бы при царяхъ, а особливо при строптивыхъ, всѣ были Катерины Ивановны!..

Преобразовательный водоворотъ, ознаменовавшій собой павловскую эпоху, долженъ былъ въ значительной степени отразиться и на внѣшней политикѣ.

Эта политика, въ дѣйствительности, не имѣла въ виду насущныхъ потребностей имперіи. Она преслѣдовала только одну цѣль, а именно — громогласно заявить и распространить убѣжденіе, что новое царствованіе представляетъ собою отрицаніе предшествовавшаго. Все, сдѣланное Екатериной, для упроченія и славы Россіи, сдавалось въ архивъ.

Казалось, на первый взглядъ, что новый самодержецъ россійскій намѣренъ со всѣми державами жить въ мирѣ и въ добромъ согласіи, отказываясь отъ всякихъ завоевательныхъ стремленій.

По этой причинѣ, къ великой радости населенія, былъ отмѣненъ рекрутскій наборъ и вскорѣ послѣдовало прекращеніе войны съ Персіей.

Громко возвѣщенная миролюбивая политика, въ то же время. однако,

открыла широко двери къ спасенію Европы цѣной русской крови, безъ всякой пользы для государства.

Правительство заявило намѣреніе, оставаясь въ прочной связи со своими союзниками, „противиться всевозможными мѣрами неистовой французской республикѣ, угрожавшей совершеннымъ истребленіемъ закона, права и благонравія“.

Подобная оговорка воспрепятствовала даровать подданнымъ тотъ отдыхъ, который былъ настоятельно необходимъ послѣ безпрерывныхъ военныхъ тревогъ.

Англія не преминула приложить всѣ старанія, чтобы тотчасъ втянуть имперію въ борьбу „съ санкюлотами, противъ французскаго богомерзскаго правленія“, дабы, по выраженію Павла Петровича, „совмѣстными силами покарать державу, въ которой развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка попрали законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ“.

Зловѣщимъ искаженіемъ русской политики и вступленіемъ ея на невѣдомые пути, исполненные чистѣйшей романтики, послужила также конвенція, заключенная съ Мальтійскимъ орденомъ, по которой императоръ Павелъ Петровичъ принималъ орденъ подъ свое высокое покровительство.

Дѣтское сочувствіе цесаревича рыцарскимъ традиціямъ ордена воскресло въ самодержавномъ монархѣ и привело къ невиданной политической фантасмагоріи...

46.

ИМПЕРАТОРЪ Павелъ Петровичъ, съ чрезвычайной поспѣшностью, готовится къ своему коронованію.

Вѣроятно, до него дошли завѣты Фридриха II, преподанные когда-то его отцу, не откладывать въ долгій ящикъ этой торжественной церемоніи, какъ средства для вящаго укрѣпленія себя на престолѣ.

Коронація совершилась въ Москвѣ 5 апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенія.

Въ этотъ день, независимо отъ акта о престлонаслѣдіи, императоръ издаетъ еще три узаконенія — учрежденіе объ Императорской Фамиліи, установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ и манифестъ о трехдневной работѣ крестьянина въ пользу помѣщика.

Торжество коронаціи сопровождается новой щедрой раздачей наградъ, чиновъ, титуловъ, орденовъ, денежныхъ и земельныхъ подарковъ.

Львиная часть снова выпала на долю графа Безбородко. Онъ возведенъ въ княжеское достоинство съ присвоеніемъ титула свѣтлости, пожалованъ званіемъ государственнаго канцлера, награжденъ орловской вотчиной и 30.000 десятинъ въ Воронежской губерніи.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ и канцлеръ графъ Остерманъ награждены крестомъ и звѣздой св. Андрея Первозваннаго, алма-

зами украшенными. Генералъ-фельдмаршалъ князь Репнинъ награжденъ 6000 душъ.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Эльмптъ и генералъ Каменскій произведены въ генералы-фельдмаршалы, а послѣдній, сверхъ того, вмѣстѣ съ генераломъ Гудовичемъ, возведены въ графское достоинство.

Орденъ св. Андрея жалуется оберъ-гофмейстеру графу Орлову, генералу-отъ-кавалеріи Дерфельдену, оберъ-шенку князю Несвицкому, графу Завадовскому, князю Юсупову, графу Воронцову, Черткову.

Генералъ Аракчеевъ сталъ барономъ и, вмѣстѣ съ Ростопчинымъ пожалованъ Александровской лентой.

Воспитательница великихъ княженъ, статсъ-дама Шарлотта Карловна Ливенъ, награждена 1500 душъ.

Кутайсовъ назначенъ оберъ-гардеробмейстеромъ.

Одновременно, на горизонтѣ семейнаго счастья императрицы появилось легкое облачко, имѣвшее данныя превратиться въ грозную тучу.

Вниманіе императора замѣтно привлечено молодой московской красавицей, Анной Петровной Лопухиной. . .

Императоръ, разставшись съ Москвой, предприняль путешествіе по Россіи.

Въ этой поѣздкѣ его сопровождаютъ великіе князья Александръ и Константинъ. Въ свитѣ государя находится также и баронъ Аракчеевъ.

Высокіе путешественники посѣщаютъ Смоленскъ, Могилевъ, Вильну, Ковну, Митаву и Ригу.

Павелъ Петровичъ доволенъ и веселъ.

Императоръ прибылъ въ Смоленскъ 6 мая. Павелъ Петровичъ посѣтилъ тотчасъ Успенскій соборъ, а затѣмъ направился въ губернаторскій домъ, гдѣ былъ выставленъ почетный караулъ отъ Московскаго гренадерскаго полка, въ новой формѣ.

Когда, послѣ отданія подобающей чести, военный губернаторъ, генералъ Философовъ, подошелъ къ императору и трепещущими руками подалъ ему рапортъ, бумага выпала изъ рукъ почтеннаго старца.

Философовъ наклонился было поднять, но императоръ удержалъ его за плечо и самъ подняль бумагу, добавивъ:

— Постой, старикъ, я помоложе тебя!

Вечеромъ состоялся балъ въ благородномъ собраніи, а на другой день императоръ отправился въ дальнѣйшій путь, изъявивъ совершенное свое удовольствіе.

Вахтпарады, ученья батальонныя и полковыя, даже маневры, прошли повсюду благополучно.

Но въ Ковнѣ, командиръ Таврическаго гренадерскаго полка, генералъ Якобій, представилъ роту, обученную къ разводу по старому.

Генералъ Якобій тотчасъ уволенъ со службы. Аракчеевъ получилъ приказаніе остаться и выучить полкъ. Полтора мѣсяца провелъ Алексѣй

Андреевичъ на берегахъ Нѣмана, обучая неучей, отъ ранней зари до поздняго вечера, павловскому регламенту...

Первое посѣщеніе Гатчины, послѣ восшествія на престолъ, состоялось 27 мая 1797 года.

Прибывъ въ Гатчину въ полдень, при звонѣ колоколовъ и битьѣ въ барабаны, императоръ былъ встрѣченъ на главномъ подъѣздѣ дворца великими княгинями и княжнами, придворными особами и духовенствомъ, послѣ чего состоялся разводъ и конный парадъ Лейбъ-Кирасирскому полку.

Императорская семья отдыхала отъ утомительнаго путешествія и коронаціонныхъ торжествъ.

Благодаря чудесной погодѣ, много времени удѣлялось верховымъ прогулкамъ по городу и по пріоратскому парку, катаньямъ на лодкахъ и катерахъ по дворцовому озеру, обѣдали и ужинали на открытой террасѣ въ царскомъ саду, въ Сильвіи, въ Березовомъ Домикѣ.

Укладъ дворцовой жизни перемѣнился коренным образомъ.

Царская семья, не раздѣляемая болѣе ревнивой опекой Екатерины, дружески объединилась. Дворецъ наполняется новымъ придворнымъ штатомъ. Исчезаютъ прежняя скромность и простота. На все накладывается печать подлиннаго большого двора, пышнаго церемоніала и величавой торжественности, напоминающихъ версальскую обстановку.

Празднества, семейныя торжества, театральные спектакли, парадные обѣды и придворные балы слѣдуютъ одно за другимъ. На нихъ собираются по „учиненнымъ наканунѣ повѣсткамъ, дамы въ русскомъ платьѣ, кавалеры въ праздничныхъ кафтанахъ, а штабъ и оберъ-офицеры въ парадныхъ мундирахъ и башмакахъ“.

Балъ открывается обычно великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ въ парѣ съ великой княгиней Анной Феодоровной, и Константиномъ Павловичемъ съ Елисаветой Алексѣевной, продолжается не болѣе двухъ часовъ и заканчивается ужиномъ.

Императорская чета не принимаетъ участія въ танцахъ — Марія Феодоровна играетъ въ карты, Павелъ Петровичъ бесѣдуетъ съ приближенными.

Бываетъ, однако, что балъ открывается менуэтомъ и, въ этихъ случаяхъ, ихъ величества, со свитой и высочайшими особами, проходятъ, подъ звуки „польскаго“, по всѣмъ покоямъ дворца.

Гатчинская жизнь приходится по вкусу великимъ князьямъ.

Александръ и Константинъ, съ юношескимъ пыломъ и увлеченіемъ, несутъ службу въ гатчинскомъ войскѣ, плѣняющемъ ихъ выправкой, дисциплиной, новизной.

Здѣсь, среди гатчинскихъ легіонеровъ, служившихъ ихъ родителю, молодые князья учатся „уму-разуму“ или, какъ они выражаются сами,

„по нашему, по-гатчински“, и каждый командуетъ батальономъ своего имени.

Одновременно продолжается усиленная дѣятельность императора въ области благоустройства и украшенія Гатчины...

Слѣдующій годъ приноситъ съ собой великое множество самыхъ разнообразныхъ событій.

Въ январѣ императоръ обрадованъ рожденіемъ четвертаго сына. Въ тотъ же день, при паролѣ, отдается приказъ:

„Богъ даровалъ намъ сына, его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича, коему быть генералъ-фельдцейхмейстеромъ и шефомъ гвардейскаго артиллерійскаго батальона“.

Въ февралѣ умираетъ отъ апоплексическаго удара бывшій польскій король Станиславъ-Августъ. Императоръ устраиваетъ ему пышныя похороны и тѣло предается землѣ въ католической церкви св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ.

Въ мартѣ происходитъ попытка примиренія императора съ опальнымъ фельдмаршаломъ.

Суворовъ продолжаетъ жить въ своей кончанской усадьбѣ. Здѣсь, среди новгородскихъ лѣсовъ и болотъ, „вождь вождей“ изнываетъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Суворовъ обращается къ императору съ трогательнымъ письмомъ:

Всемилостивѣйшій Государь!

„Ваше императорское величество съ высокоторжественнымъ днемъ рожденія всеподданнѣйше поздравляю. Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ коллежскій совѣтникъ Николевъ. Великій монархъ, сжальтесь, умилосердитесь надъ бѣднымъ старикомъ! Простите, ежели въ чемъ согрѣшилъ! Повергая себя къ священнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшій

А. Суворовъ-Рымникскій.“

По полученіи письма, императоръ положилъ резолюцію — „оставить безъ послѣдствій“. Но черезъ полгода послѣдовалъ неожиданный поворотъ къ милости. Племянникъ Суворова, флигель-адъютантъ князь Горчаковъ, получилъ высочайшее повелѣніе:

„Ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову, сказать ему отъ меня, что если было что отъ него мнѣ, сего не помню. Что можетъ онъ ѣхать сюда, гдѣ, надѣюсь, не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію“.

Князь Горчаковъ явился къ дядѣ вѣстникомъ высочайшей милости.

Но старый фельдмаршалъ не былъ обрадованъ этимъ извѣстіемъ.

Онъ не желалъ ѣхать въ столицу, не признавая возможнымъ согласовать свои взгляды съ порядками новой эпохи.

Въ концѣ концовъ, подчинился печальной необходимости. Кряхтя и

охая, заявилъ, однако, племяннику, что старость и болѣзни вынуждають его отправиться не иначе, какъ на долгихъ, проселочными дорогами...

Императоръ съ нетерпѣніемъ дожидался прибытія опальнаго полководца.

Состоявшееся свиданіе не привело, однако, къ положительнымъ результатамъ. Павелъ Петровичъ дѣлалъ намеки съ цѣлью убѣдить старика поступить снова на военную службу. Суворовъ, въ отвѣтъ, заводилъ длинные разговоры про Измаилъ и штурмъ Праги, истощая терпѣніе своего вѣнценоснаго собесѣдника.

Суворовъ не желалъ занимать какой либо должности на новыхъ, неприемлемыхъ по его разумѣнію началахъ, и уклонился отъ этой чести, прикрываясь обычной манерой чудачества.

Въ пріемной, въ ожиданіи аудіенціи, вышучивалъ царедворцевъ, кричалъ пѣтухомъ, а съ оберъ-гардеробмейстеромъ Иваномъ Кутайсовымъ, къ ужасу слугъ и сановниковъ, даже заговорилъ по-турецки.

На первомъ же вахтпарадѣ дѣла пошли еще хуже.

Суворовъ умышленно проявлялъ невниманіе, отворачивался отъ проходившихъ шеренгъ, дѣлая видъ, что не можетъ справиться со своей плоскою шляпой. Онъ снималъ ее, хватался за поля то одной рукой, то другой и ронялъ, наконецъ, къ ногамъ сумрачно глядѣвшаго на него императора.

Во время церемоніальнаго марша, суетился и пробѣгалъ между взводами, что считалось крайнимъ нарушеніемъ воинскаго порядка и благочинія. При этомъ, лицо его выражало то изумленіе, то недоумѣніе, онъ шепталъ себѣ что-то подъ носъ и поминутно крестился.

Въ заключеніе же, сказавъ Горчакову: — Не могу больше, брюхо болитъ! — уѣхалъ съ развода, не стѣсняясь присутствіемъ государя.

Суворовъ не пересталъ блажить, не упуская случая вышутить и осмѣять новыя правила службы, обмундированіе, снаряженіе войскъ.

Садясь въ карету, находилъ большую помѣху въ прицѣпленной наискось шпагѣ. Четверть часа уходило у него на то, чтобы сѣсть въ экипажъ, и все это дѣлалось съ крайне серьезнымъ, даже озабоченнымъ видомъ, усиливая комизмъ положенія.

Императоръ, передъ которымъ все безмолвствовало и трепетало, въ которомъ малѣйшее противорѣчіе вызывало взрывы страшнаго гнѣва, пересиливалъ себя и, по отношенію къ Суворову, держался съ величайшею сдержанностью и снисходительностью.

Все безцѣльнѣе и скучнѣе становилось для фельдмаршала пребываніе въ Петербургѣ. Наконецъ, выбравъ минуту, испросилъ у императора разрѣшеніе вернуться въ деревню.

Павелъ Петровичъ выслушалъ просьбу съ видимымъ раздраженіемъ, отвѣтилъ, что не будетъ удерживать противъ воли.

Суворовъ поцѣловалъ руку монарху, откланялся императрицѣ и въ тотъ же день покинулъ столицу...

47.

Императоръ предприняль новое путешествіе по Россіи.

Въ Москвѣ происходятъ большіе маневры. Императоръ остается доволенъ войсками и объявляетъ, что „за честь себѣ поставляетъ быть образователемъ и начальникомъ такого войска".

Въ Казани повторяются тѣ же смотры и маневры.

Командиръ Уфимскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, пишетъ въ своихъ запискахъ по поводу „ревю", назначеннаго въ Казани:

„Всѣ шли съ трепетомъ, я болѣ ужасался, чѣмъ идучи на штурмъ Праги".

Императоръ, между прочимъ, находитъ, что полковникъ Энгельгардтъ „мастеръ своего дѣла" и, узнавъ изъ разговора съ нимъ, что онъ былъ когда-то личнымъ адъютантомъ у своего дяди, князя Потемкина, замѣтилъ:

— Тьфу, въ какіе ты попалъ знатные люди?... Да какъ ты не сдѣлался негодяемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе?.. Видно много въ тебѣ добра, что уцѣлѣлъ и сталъ мнѣ хорошимъ слугою?

Не менѣе оригиналенъ разговоръ императора съ военнымъ губернаторомъ, престарѣлымъ генераломъ Ласси, на балу въ дворянскомъ собраніи.

Увидя его въ башмакахъ, съ тростью въ рукѣ, Павелъ Петровичъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Какъ?.. Лассій въ башмакахъ и съ тростью?

— А какъ же, ваше величество? — отвѣтилъ старикъ.

— Ты бы спросилъ петербургскихъ?

— Я ихъ не знаю!

— Видно не любишь ты петербургскихъ! — произнесъ императоръ. — Такъ я тебѣ скажу!... Коли ты въ сапогахъ, знакъ что готовъ къ должности и тогда надобно имѣть трость... А когда въ башмакахъ, — знакъ, что хочешь куртизировать дамъ, тогда трость не нужна!

— Comment, votre majesté, voulez vous qu'a mon age je sache toutes ces misères? — отвѣтилъ генералъ.

— Какъ вы хотите, ваше величество, чтобы въ мои годы я могъ знать всѣ эти мелочи?

Павелъ Петровичъ разсмѣялся и дружески потрепалъ губернатора по плечу...

А въ придворныхъ кругахъ зрѣетъ въ это время интрига, направленная противъ императрицы и фрейлины Нелидовой.

Во главѣ стоитъ оберъ-гардеробмейстеръ Кутайсовъ. Отъ успѣха интриги многіе ожидаютъ различныхъ благъ, неосуществимыхъ, пока хозяиномъ положенія является руководимая Нелидовой партія императрицы.

Въ первую очередь необходимо убрать петербургскаго генералъ-губернатора.

Графъ Буксгевденъ получаетъ отставку. Но принимая во вниманіе участіе его въ шестидесяти семи сраженіяхъ, императоръ сохраняетъ ему мундиръ. Буксгевденъ удаляется въ свой эстляндскій замокъ Лодэ.

Екатерина Ивановна Нелидова добровольно присоединяется къ его семьѣ.

Фрейлина пришла къ разумному заключенію, что ей не подъ силу бороться съ юной соперницею, красавицею Лопухиной. Не желая сохранять при Дворѣ второстепеннаго положенія, гордая фаворитка предпочитаетъ своевременно удалиться.

Такъ прекратилась „дружба нѣжная и священная, чистая и невинная".

На постъ санктъ-петербургскаго военнаго губернатора назначается генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ Паленъ.

Еще недавно, всего годъ тому назадъ, отставленный отъ службы и жестоко оскорбленный, генералъ получаетъ необычайно быстрое выдвиженіе. Группа интригующихъ царедворцевъ облегчаетъ ему карьеру. Своими лицемѣрными рѣчами, генералъ Паленъ, бывшій конногвардеецъ, умный, смѣлый, настойчивый, человѣкъ съ желѣзною волей, окончательно завоевываетъ довѣріе императора.

Императрица, въ то же время, теряетъ отца, герцога Фридриха Вюртембергскаго, а вскорѣ умираетъ и мать, герцогиня Фредерика-Доротея-Софія. Смерть родителей является тѣмъ болѣе тяжкимъ ударомъ для государыни, что совпадаетъ съ охлажденіемъ къ ней императора.

Лишенная поддержки близкихъ друзей, Марія Феодоровна уступаетъ въ неравной борьбѣ уже не за вліяніе на супруга, а за собственное достоинство. Великіе князья, утомленные въ концѣ концовъ гатчинскимъ военнымъ режимомъ, сторонятся, мало по малу, отца и втайнѣ держатъ сторону матери.

Тяжелая атмосфера необоснованныхъ подозрѣній и незаслуженныхъ оскорбленій проникаетъ даже въ жизнь молодыхъ великихъ княгинь, Елисаветы Алексѣевны и Анны Феодоровны.

Надъ гатчинскимъ дворцомъ нависаетъ туча надвигающейся бѣды.

Все это не располагаетъ къ веселью и развлеченіямъ. Осенній сезонъ скученъ и невыразимо томителенъ. Нѣтъ даже осеннихъ маневровъ, которые отвлекали бы раздражительнаго монарха, сосредоточившагося въ думахъ по московской красавицѣ.

Нѣтъ и маленькихъ придворныхъ баловъ.

„Развлеченія и щегольство нынче не въ милости и хладный дуетъ борей".

За обѣденнымъ столомъ императоръ угрюмо молчитъ, создавая тяжелое настроеніе. И все чаще попадается въ безпристрастныхъ записяхъ камеръ-фурьерскаго журнала лаконическая замѣтка:

„Его величество вечернее кушанье имѣть изволилъ во внутреннихъ покояхъ“ . . .

Въ слѣдующемъ 1799 году наблюдается нѣкоторая перемѣна къ лучшему.

Хотя политическія событія, тѣсно связанныя съ принятіемъ императоромъ званія гроссмейстера Мальтійскаго ордена и потеря острова Мальты, сильно отражаются на характерѣ и тяжелыхъ его проявленіяхъ, возрастающее увлеченіе Анной Петровной Лопухиной отвлекаетъ Павла Петровича отъ семейныхъ дрязгъ и придворныхъ интригъ.

Въ обществѣ красавицы-фрейлины императоръ проводитъ цѣлые дни.

Со своей стороны, убѣдившись, что Лопухина не только не стремится къ какой либо роли, а напротивъ, держитъ себя съ исключительной скромностью и достоинствомъ, императрица начинаетъ милостиво къ ней относиться и даже не препятствуетъ сближенію съ великими княжнами.

— L'Impératrice la traita toujours fort bien, pour plaire à son époux! — записываетъ въ своихъ мемуарахъ графиня Головина.

Въ февралѣ, Павелъ Петровичъ вторично вызываетъ Суворова.

Онъ направляетъ къ нему флигель-адъютанта Толбухина, съ личнымъ письмомъ.

Сборы Суворова, на этотъ разъ, непродолжительны.

Черезъ два дня Суворовъ уже прибываетъ въ столицу. Суворовъ зачисляется на военную службу чиномъ генерала-фельдмаршала, но „безъ объявленія въ приказѣ“.

Суворовъ не чинитъ сейчасъ императору непріятностей, не прикидывается изумленнымъ при видѣ новыхъ порядковъ, не затрудняется снимать шляпу, не путается со шпагой, не производитъ замѣшательства на разводѣ.

Императоръ возлагаетъ на Суворова большой крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, съ подобающей церемоніей, причемъ фельдмаршалъ стоитъ на колѣняхъ.

Суворовъ встрѣчаетъ въ столицѣ восторженный пріемъ.

Всѣ бросаются къ нему на поклонъ, и друзья и враги. Въ числѣ послѣднихъ появляется Николевъ. Суворовъ называетъ коллежскаго совѣтника „первымъ своимъ благодѣтелемъ“ и приказываетъ денщику Прохору посадить его „выше всѣхъ“.

При дружномъ смѣхѣ присутствующихъ, Прохоръ сажаетъ Николева на стулъ, поставленный на диванъ, а Суворовъ привѣтствуетъ сконфуженнаго гостя изысканными поклонами.

Въ концѣ февраля полководецъ отбываетъ на итальянскій театръ военныхъ дѣйствій. . .

Порывы великодушія, чередующіеся со вспышками гнѣва, переходъ отъ необузданнаго бѣшенства къ неожиданнымъ милостямъ, являются отличительными чертами странной, неуравновѣшенной, болѣзненной натуры Павла Петровича.

Графъ Нессельродэ, впослѣдствіе государственный канцлеръ, передаетъ эпизодъ, который ему пришлось наблюдать въ качествѣ очевидца.

Императоръ дѣлалъ смотръ Конной Гвардіи, находившейся подъ командой великаго князя Константина Павловича.

При въѣздѣ въ манежъ обыкновенно подавалась команда:

— Дирекція напра-во!

На этотъ разъ, Павелъ Петровичъ скомандовалъ: дирекція налѣво!

Первый и второй эскадроны, разслышавъ команду, исполнили въ точности приказъ императора. Офицеръ же третьяго эскадрона, корнетъ Милюковъ, находившійся еще на площади, при въѣздѣ въ манежъ, приказалъ по прежнему принять дирекцію направо.

Императоръ вскипѣлъ.

— Непослушаніе?.. Снять его съ лошади!.. Оборвать его!.. Дать ему сто палокъ! — раздались грозныя слова.

Несчастнаго офицера тотчасъ стащили съ коня, сорвали съ него эполеты, увели на гауптвахту.

Спустя нѣсколько дней послѣ парада, великій князь Константинъ входитъ въ Мраморную залу дворца. Съ другой стороны показывается императоръ, въ сопровожденіи свиты. Никто лучше великаго князя не умѣлъ угадать, въ какомъ настроеніи находится самодержецъ, въ гнѣвномъ или въ милостивомъ.

Великій князь дойдя до половины зала, сталъ на колѣно и произнесъ:

— Государь и родитель, дозвольте принесть просьбу!

При словѣ „государь", Павелъ Петровичъ остановился и, принявъ величественную осанку, спросилъ:

— Что вамъ, сударь, угодно?

— Государь и родитель, вы мнѣ обѣщали награду!

— Что вы желаете, ваше высочество?

— Государь и родитель, удостойте принять вновь на службу того офицера, который навлекъ на себя гнѣвъ вашего величества на смотру?

— Нельзя, сударь!.. Онъ битъ палками!

— Виноватъ, государь, этого приказанія вашего я не исполнилъ!

— Благодарю, ваше высочество! — произнесъ императоръ. — Милюковъ принимается на службу и повышается чиномъ!..

Въ февралѣ состоялось обрученіе великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ австрійскимъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ.

Вскорѣ послѣ этого, и великая княжна Елена Павловна становится невѣстой принца Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго.

Счастье улыбнулось и великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, всецѣло отдавшейся радостямъ перваго материнства, омраченнымъ лишь разлукой со своей любимой подругой, великой княгиней Анной Феодоровной, воспользовавшейся отъѣздомъ супруга въ армію Суворова, чтобы тотчасъ уѣхать къ родителямъ въ Кобургъ.

Дождь наградъ продолжаетъ сыпаться на придворныхъ и лицъ, удостоенныхъ ближайшаго довѣрія императора.

Генералъ-прокуроръ Лопухинъ, отецъ фаворитки, пожалованъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости, получаетъ знаменитое кіевское старотство Корсунъ, портретъ императора, брильянтовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Графское достоинство жалуется барону Палену, Кушелеву, Ростопчину, статсъ-дамѣ Ливенъ. Иванъ Кутайсовъ, пожалованный баронскимъ титуломъ и званіемъ егермейстера, также становится графомъ и оберъшталмейстеромъ.

Пожаловано графское достоинство Аракчееву и особый гербъ, съ девизомъ собственноручно начертаннымъ императоромъ:

„Безъ лести преданъ".

Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, вмѣсто графа Палена, назначается генералъ Николай Сергѣевичъ Свѣчинъ. Эта перемѣна отнюдь не вызвана опалой. Побудительную причину трудно выяснить съ желаемой точностью.

Впрочемъ, назначенный рижскимъ военнымъ губернаторомъ и инспекторомъ лифляндской кавалерійской инспекціи, генералъ графъ Паленъ, въ коротній срокъ, черезъ два мѣсяца, снова призывается къ занятію должности санктъ-петербургскаго военнаго губернатора...

Безкорыстное заступничество императора за своихъ союзниковъ приводитъ къ тому, что онъ окончательно съ ними поссорился и сталъ готовиться къ открытію военныхъ дѣйствій.

Приступлено было къ сформированію двухъ армій, одной въ Литвѣ, другой на Волыни. Начальство надъ ними предполагалось вручить генераламъ графу Палену и Голенищеву-Кутузову.

Желая испытать подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ военныя дарованія этихъ двухъ полководцевъ, императоръ назначилъ осенью большіе гатчинскіе маневры. Однимъ корпусомъ командовалъ графъ Паленъ, другимъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Государь остался доволенъ ихъ распоряженіями и восторгался тѣмъ, что имѣетъ въ своей арміи такихъ замѣчательныхъ тактиковъ. Благополучному исходу гатчинскихъ маневровъ много содѣйствовалъ генералъ баронъ Дибичъ, отецъ будущаго фельдмаршала, который, какъ бывшій адъютантъ Фридриха Великаго, уже по одному этому пользовался особеннымъ расположеніемъ императора.

Дибичъ направлялъ государя во время маневровъ столь искуснымъ

образомъ, что скрывалъ отъ его вниманія неизбѣжные промахи, и на каждомъ шагу восклицалъ:

— О, великій Фридрихъ! .. Если бы ты могъ видѣть армію Павла? .. Она выше твоей!

Этимъ кстати проявленнымъ чувствомъ восторга, сердце Павла Петровича было совершенно покорено и на участниковъ маневровъ посыпались награды.

Императоръ возложилъ на графа Палена орденъ св Іоанна Іерусалимскаго большого креста, а на Голенищева-Кутузова орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Возникаетъ вопросъ, чего же недоставало графу Палену, и что могло побудить его стать на точку зрѣнія недовольныхъ или обиженныхъ?

Ему недоставало одного, сущей бездѣлицы — безопасности, наравнѣ со всѣми прочими россіянами, какъ состоявшими на службѣ, такъ и жившими въ сторонѣ отъ круговорота политическихъ дѣлъ...

Осенній сезонъ продолжителенъ и оживленъ. Гатчинское общество наполняется пріѣздомъ многочисленныхъ иностранцевъ, принцевъ и королей.

Павелъ Петровичъ, не измѣнившій привычкамъ къ ученьямъ и военнымъ парадамъ, свободные часы проводитъ съ Лопухиной. Красавица-фрейлина долго не сдается на страстныя ухаживанія императора и, въ концѣ концовъ, признается ему въ любви къ молодому князю Гагарину.

Въ порывѣ великодушія, императоръ вызываетъ князя изъ суворовской арміи и вѣнчаетъ со своей фавориткой.

Императрица Марія Феодоровна совершаетъ утреннія прогулки съ одною изъ дочерей или съ дежурною фрейлиной. Императрица снова начала ѣздить верхомъ, чтобы избавиться отъ полноты. Сохраненіе красивой фигуры оставалось ея неизмѣнной заботой.

Жизнь въ гатчинскомъ дворцѣ идетъ обычнымъ порядкомъ. Почти каждый день происходятъ театральныя представленія, спектакли, маленькіе „комнатные" балы, на которыхъ дамы впервые появляются въ „круглыхъ платьяхъ", что приписывается вліянію Лопухиной.

Въ октябрѣ, въ торжественной обстановкѣ, состоялись свадьбы обѣихъ великихъ княжонъ, уже стоявшихъ, въ расцвѣтѣ юности, свѣжести, красоты, на краю ранней могилы.

А интриги продолжаютъ шириться и расти.

Царедворцы, обуреваемые эгоистическими разсчетами, продолжаютъ усердно топить другъ друга, сплошь и рядомъ не вѣдая, что творятъ. Среди этой толпы только одинъ человѣкъ знаетъ, чего онъ хочетъ и къ чему стремится.

Это генералъ-отъ-кавалеріи, графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ Паленъ"...

48.

Съ далекаго юга, изъ степового простора, черезъ глубокія рѣки, черезъ болота, долы, глухіе лѣса, несетъ суховѣй огненное дыханіе.

Мгла объяла синій шелкъ неба, и сверкаетъ въ немъ колючій глазъ іюльскаго солнца.

Городокъ точно забылся въ сонливой дремотѣ. Подъ полосатыми шторами спитъ цирульня Теодора Ивановича, портняжная мастерская Соломона Ноаха, фотографическое ателье братьевъ Щупакъ, съ пыльными, засиженными витринами.

Не подаетъ признаковъ жизни единственный отель города „Vieux Veriovkine" , не слышно стука бильярдныхъ шаровъ, опустѣло кафе и номера для пріѣзжихъ гостей.

Горожане сидятъ по домамъ, въ маленькихъ, дачныхъ садкахъ, посреди запыленныхъ цвѣтниковъ и газоновъ, лежатъ въ гамакахъ, въ тѣни зеленыхъ трельяжей, распиваютъ чаи, лимонады изъ дудергофской воды, прохладительные ланинскіе оршады.

Мертвый варъ, духота!

Но къ вечеру, когда зной начинаетъ спадать, пробуждается городокъ, наполняются тихія улички и звучитъ въ нихъ говоръ, щебетъ, дѣвичій смѣхъ.

Обыватели спѣшатъ на концертъ, къ ротондѣ пріоратскаго парка.

Со всѣхъ концовъ стекаются горожане подъ живительную прохладу вѣковыхъ липъ, каштановъ, дубовъ, наполняютъ таинственныя аллеи, разсаживаются на скамейкахъ передъ эстрадой.

Окруженныя молодыми людьми, появляются барышни, волоокая Катя Волчасская, бѣлокурая Варенька Ляпунова, Юля Литвинова — генеральская дочь, предметъ воздыханій мѣстныхъ юныхъ сердецъ, всѣ три гимназистки старшаго класса, про которыхъ поэтъ-символистъ и секретарь вольной пожарной дружины, Боря Нечаевъ, сложилъ даже стишки, заимствованные наполовину изъ сатирическаго журнала:

„Три избранницы небесъ,
Донна Клара, Долоресъ
И красавица Пепита..."

Команда въ бѣло-синихъ кирасирскихъ фуражкахъ уже сидитъ на эстрадѣ, разбираетъ ноты, продуваетъ мѣдные инструменты. Мягко пропѣла труба, взвизгнула скрипка, зарокотала валторна.

Появляется щеголеватый маэстро, Василій Генриховичъ, раздушенный, напомаженный, завитой мелкимъ барашкомъ, въ бѣломъ, туго накрахмаленномъ кителѣ, въ высокихъ воротничкахъ, подпирающихъ гладкія щеки. Узкіе кавалерійскіе рейтузы обтекаютъ выпуклый задъ, сверкаютъ сапоги французскаго лака, модные „корибуты", на стальныхъ цѣпкахъ, поютъ малиновымъ звономъ.

Легкимъ прыжкомъ, молодой чехъ, любитель хорошенькихъ самочекъ, взносится на эстраду, козыряетъ знакомымъ барышнямъ, не упуская слу-

чая „сыграть“ лишній разъ шпорами, стучитъ по пюпитру, взмахиваетъ смычкомъ.

Концертъ открывается вальсомъ „Деревенскія ласточки“...

На скамейкѣ, подлѣ пруда, на одномъ концѣ котораго расположенъ „Охотничій замокъ“, я розыскалъ Пашеньку.

Дѣвушка сидѣла въ позѣ глубокой задумчивости, уронивъ голову, держа въ рукахъ кружевной платочекъ. Она даже вздрогнула отъ неожиданности, когда незамѣтно приблизившись, я окликнулъ ее и присѣлъ на скамью.

Пашенька подняла голову, радостно вспыхнула, улыбнулась.

Тяжкая болѣзнь оставила слѣдъ.

Пашенька замѣтно осунулась, поблѣднѣла, заострился тоненькій носикъ, стали еще больше глаза и протянулась подъ ними синеватая тѣнь.

Съ первыхъ же словъ бесѣда наша коснулась трагическаго событія, которое, глубоко взволновавъ горожанъ, служитъ до сихъ поръ темою разговоровъ. Каждая смерть поражаетъ, волнуетъ, наводитъ на грустныя размышленія, какъ ни естественно, казалось бы, это явленіе.

Но добровольный уходъ отъ жизни, въ расцвѣтѣ лѣтъ, въ избыткѣ молодыхъ силъ, носитъ сугубо драматическій, жутній характеръ.

Впечатлительная натура дѣвушки восприняла событіе съ особою остротой. Неожиданная кончина Аркаса подѣйствовала на нее ошеломляющимъ образомъ. Болѣзнь обострила чувства, и мрачный ликъ Смерти заглянулъ въ ея собственныя глаза.

— Бѣдняжка Аркасъ! — прошептала Пашенька. — Наложилъ на себя руки!.. Царица Небесная!

Дѣвушка вздохнула, осѣнила себя крестомъ, опустила снова голову и задумалась.

Мои мысли, съ своей стороны, углубились въ воспоминанія недавно пережитой полковой драмы.

Передъ взорами скользнуло печальное зрѣлище смерти — темный дубовый полированный гробъ, съ бронзовыми ручками и оковками, и покоющееся въ немъ, на золотисто-бѣлой парчѣ, тѣло Аркаса, въ вицъ-мундирѣ, со сложенными на груди руками, утопавшее посреди цвѣтовъ и вѣнковъ, съ широкими разноцвѣтными лентами, между которыми выдѣлялся роскошный вѣнокъ бѣлыхъ лилій, присланный Императрицей.

Блѣдное и прозрачное, словно вылитое изъ воска, красивое, тонкое, тронутое матовой желтизною лицо, было спокойно и, казалось мнѣ, говорило:

— Я открылъ полноту истины!.. Я постигъ то, чего не знаете вы!.. Не осуждайте меня, друзья!

Вспоминался чинъ отпѣванія въ полковой церкви, слѣдованіе траурной колесницы черезъ весь городъ, отъ кирасирской слободки до сантъ-

петербурго-варшавскаго вокзала, для дальнѣйшей отправки въ родовую таврическую усадьбу.

Вспоминались шествовавшіе за гробомъ господа офицеры, во главѣ съ командиромъ полка, великій князь Михаилъ и обѣ княжны, торжественный шопеновскій маршъ, а позади въ конномъ строѣ слѣдовалъ эскадронъ, сверкавшій мѣдью кирасъ и начищенныхъ касокъ.

И въ рыдающихъ аккордахъ похороннаго марша, казалось, звучали слова поэта:

„Любовь и Смерть стоятъ, какъ сестры, рядомъ!“

А день былъ такъ яркъ, такъ упоительно-благоухающъ и чистъ.

Не о смерти говорилъ онъ, а о весельи и смѣхѣ, о наслажденіяхъ, о радостяхъ жизни.

Вскорѣ не останется ничего, кромѣ щепотки праха, вокругъ котораго еще поговорятъ, пошумятъ, и надъ далекой могилой, на сотни, на тысячи лѣтъ, повѣетъ вѣчною тишиной.

Навсегда, навсегда!..

Грустное воспоминаніе съ силой нахлынуло на меня и, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, подавленный и разстроенный, я молча сидѣлъ на скамьѣ.

Слова Пашеньки вывели меня изъ задумчивости.

— Страшно жить на свѣтѣ, Черкесовъ! — сказала Пашенька. — Боязно жить!

Дѣвушка приложила руку къ груди и закашлялась.

По словамъ Пашеньки здоровье ея уже не внушаетъ никакихъ опасеній. Кризисъ давно миновалъ, остались только слабость, головокруженіе. Это тоже скоро пройдетъ, какъ только она поѣдетъ на югъ, на поправку, къ теткѣ, которая ее вызываетъ.

Словно озабоченная внезапною думой, дѣвушка вдругъ умолкла. Пролетѣло сѣрое облачко, круто сдвинулись бровки, личико приняло прежнее печальное выраженіе.

— Въ чемъ дѣло Пашенька?

Пашенька признается, что сейчасъ, какъ бы ей ни хотѣлось, она не можетъ уѣхать... Что придется, волей-неволею, обождать... Что деньги, тридцать рублей серебромъ, высланныя ей на дорогу, издержала легкомысленнымъ образомъ.

Купила лѣтнія туфельки... Шелковые чулочки... Бѣлый пикейный костюмъ...

— Господи! — вздыхаетъ Пашенька, снова покашливаетъ и прижимаетъ платочекъ къ губамъ.—Да вѣдь все хозяйство у меня такое сквозное! Смотришь, и то нужно купить, и этого не хватаетъ!

Въ паркѣ тихо, тепло.

Иногда набѣгалъ вѣтерокъ и трепетно шелестѣли надъ головой зеленые съ бѣлымъ подбоемъ ясеневые листья. Жужжали шмели, на цвѣтахъ

покачивались смуглыя пчелы, по дорожкѣ, приподнявъ хвостъ, прыгалъ красногрудый снигирь. Изъ подъ куста сочился бражный и терпкій душокъ прошлогодней листвы.

Надъ озеромъ леталъ хохлатый чибисъ и настойчиво вопрошалъ:

— Чьи вы?.. Чьи вы?

Онъ леталъ надъ самой водой, то взмывалъ неожиданно кверху, приближался къ намъ и обращался съ жалобнымъ стономъ.

Быть можетъ, это душа бѣдной утопленницы, горькая, безпріютная, мятущаяся душа, жаждущая ласки и утѣшенія?..

Я люблю все, но только не горе. Оно слишкомъ некрасиво, слишкомъ ужасно,

Однако, безпомощность Пашеньки вызываетъ во мнѣ участіе.

Бѣдная дѣвушка!

Да болѣзнь наложила свою печать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ подкупающе - трогательно это печальное личико. Почему бы не оказать маленькую услугу, небольшое дружеской содѣйствіе, тѣмъ болѣе, что мое положеніе предоставляетъ вполнѣ эту возможность?

— Пашенька, этому горю можно помочь! — обращаюсь я и, съ улыбкой пожимаю теплую ручку въ бѣлыхъ митенкахъ.

Но Пашенька смущенно отнѣкивается.

Ей стыдно принимать отъ меня деньги... Она подождетъ, время еще не ушло... Она продастъ что нибудь изъ вещей, возьметъ, можетъ быть, въ долгъ у подруги или у бѣлошвейной хозяйки, а осенью отработаетъ... Словомъ, какъ нибудь обернется...

— Глупости! — говорю я. — Вамъ нужно немедленно ѣхать, пока лѣто еще не прошло!.. Вамъ нужно поправиться!.. Слышите?.. Завтра же я поѣду васъ провожать!.. Пашенька, слышите, я васъ очень прошу!

Я настойчивъ и твердъ, вынимаю бумажникъ, сую дѣвушкѣ въ руки.

Точно змѣй-искуситель, рисую соблазнительныя картины, взываю къ благоразумію, строю даже обиженное лицо:

— Очень жаль!.. Слѣдовательно, вы мнѣ не довѣряете?

Пашенька нѣкоторое время еще борется съ искушеніемъ, но сопротивленіе съ каждой минутой слабѣетъ. Она подымаетъ глаза, въ нихъ сверкаютъ слезинки.

— Ахъ, Черкесовъ! — всхлипываетъ Пашенька, комкая нервно платочекъ и утирая глаза. — Милый вы, славный вы!.. Вѣкъ не забуду!.. Спасибочко вамъ, дорогой!

Вѣтерокъ гонитъ по озеру мелкую рябь. Рябь смывается, точно морщины старухи, и вода опять молодѣетъ. Въ вѣткахъ играетъ зеленый закатъ. Со стороны музыкантской ротонды доносятся звуки стариннаго вальса.

Я испытываю теплое чувство, какъ будто кто-то прикоснулся къ душѣ нѣжной, ласковою рукой.

Какъ хорошо и легко дарить радость!

Мы продолжаемъ сидѣть на скамьѣ, въ тишинѣ іюльскаго вечера. Молчаливо покоилось озеро, сверкавшее точно сапфиръ въ оправѣ изумрудныхъ тѣней. Безконечно высокимъ казался мнѣ небосводъ, на которомъ уже загорались первыя звѣзды.

Онѣ горѣли въ спокойномъ молчаніи. Время отъ времени, одна изъ нихъ вырывалась изъ алмазнаго хоровода и падала въ лѣтнюю ночь, кинутая слѣпой силой на землю, точно такъ же, какъ жизнь человѣка, брошенная въ стремнины неизвѣстной судьбы...

49.

ТОЛЬКО въ серединѣ іюля, когда закончился курсъ стрѣльбы, отошла служба развѣдки и охраненія, Лейбъ - Регментъ переходитъ въ красносельскій кампаментъ.

Городокъ еще спитъ. Румяное солнце едва золотитъ душистые тополя царскаго парка. Полкъ разстается съ кирасирской слободкой и, съ полнымъ вьюкомъ, укладкой, съ сѣнными и овсяными торбами, имѣя позади двуколки обоза, походныя кухни, офицерскій буфетъ, пересѣкаетъ городъ и выходитъ на большую дорогу.

Трубачи, слѣдуя впереди на бѣлыхъ коняхъ, играютъ польку — мазурку, чечетку, мателотъ, заливаются пѣсенники, звенитъ бунчукъ, растекается бубенъ:

„Какъ изъ рощи, подъ уклонъ,
Шелъ четвертый эскадронъ...“

Горожане выскакиваютъ на улицу, раскрываются настежь окошки, выглядываютъ дѣвичьи личики, еще разгорѣвшіяся отъ сна, бѣленькія, черненькія головки:

— Кирасиры идутъ!

Переходъ невеликъ, всего какихъ нибудь двадцать верстъ.

Полковникъ Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ ведетъ полкъ кратчайшей дорогой, по проспекту императора Павла I, на Пудость, на Тайцы и Дудергофъ.

Перемѣннымъ аллюромъ, безъ остановки, въ одинъ пріемъ, полкъ совершаетъ весь переходъ.

Вотъ уже обозначилась зеленая шапка дудергофской горы, съ нарядными дачками, раскинувшимися по склонамъ. Бѣлое перламутровое облачко, точно корона на голубой мантіи, точно крошечный островокъ посреди бездонно-синяго океана, виситъ надъ самой верхушкой.

Въ низкихъ камышевыхъ берегахъ показалось живописное дудергофское озеро и купается въ немъ расплавленное золото солнца. Съ нѣжнымъ посвистомъ — тіу-тіу!, бѣгаютъ кулички, надъ водой кружатся чайки, изъ густыхъ тростниковъ вырываются утиныя стаи и крестятъ прозрачное небо.

Полкъ подтягиваетъ ряды, отбиваетъ дистанціи, господа офицеры

разъѣзжаются по своимъ взводамъ. Снова гремятъ трубачи, заливаются эскадронные пѣсенники, съ гиканьемъ, съ цоканьемъ, съ кудрявыми переборами, дрожитъ въ воздухѣ бойкій припѣвъ:

„Гей, кумъ, не робѣй,
Працуй по казацки,
Цапай лапой голубей
И лапу на цацки!..“

Лейбъ - Регинентъ огибаетъ дудергофское озеро и вытягивается длинной кишкой по главной улицѣ центральнаго лагеря.

— Полкъ, слѣ-зай!

Кирасиры слѣзаютъ съ коней, вынимаютъ желѣзо, расправляютъ слегка затекшія ноги. Дымятъ походныя кухни, бѣгаютъ квартирьеры, разносятся басовые окрики вахмистровъ, бородатаго Казанцева, Безпалова, Лакстигала, Мировича:

— Кукушкинъ, веди коней!
— Куда прешь, дьяволъ шершавый!
— Четвертый эскадронъ, расходись!..

Господа офицеры, предоставивъ денщикамъ заботы по устройству квартиръ, направляются гурьбой въ лѣтнее полковое собраніе, въ небольшой низенькій деревянный особнячокъ, схоронившійся въ цвѣтахъ и зелени сада.

Офицеры прогуливаются по усыпаннымъ желтымъ гравіемъ садовымъ дорожкамъ, съ любопытствомъ осматриваютъ молодую посадку, съ прикрѣпленными къ ней бронзовыми дощечками — по традиціи, каждый офицеръ, при выходѣ въ полкъ, сажаетъ по личному выбору какое нибудь деревцо.

— А, эскулапъ? — здоровается Ипполитъ Алексѣевичъ съ полковымъ ветеринаромъ.

Вацлавъ Викентьевичъ отбылъ въ лагери еще на прошлой недѣлѣ, вмѣстѣ съ командою фельдшеровъ. для дезинфекціи и тщательнаго осмотра дворовъ, водопоевъ, конюшенъ — нѣтъ-ли заразныхъ болѣзней, мыта, чесотки или, сохрани Боже, сапа?

— Сколько разъ я почтительно просилъ, господинъ полковникъ, не называть меня эскулапомъ! — обижается врачъ. — Ибо я не эскулапъ, а магистръ ветеринарныхъ наукъ!

Заявленіе врача, по обыкновенію, встрѣчается хохотомъ.

— Ну, не серчай, Вацюкъ! — примирительно говоритъ старшій полковникъ. — Пойдемъ водку пить!.. Чай ужъ пора!

Онъ дружески привлекаетъ его къ себѣ, обнимаетъ за талію и направляется съ нимъ къ буфетной стойкѣ.

Прибытіе въ лагери привѣтствуется всѣми офицерами, особенно холостыми. Да, разумѣется, удобствъ здѣсь не очень много. Это не штабъ-

квартира, съ ея уютными насиженными хоромами, съ приспособленными для комфортабельной жизни усадьбами.

Но лагерная жизнь вноситъ разнообразіе, сулитъ новыя впечатлѣнія, обѣщаетъ интересныя встрѣчи. Вдобавокъ, кампаментъ такъ непродолжителенъ, что съ неудобствами можно вполнѣ примириться.

Въ особенности довольны солдаты.

Какъ ни хороши полковыя казармы, въ нихъ не разойдешься, не разгуляешься, каждый человѣкъ на виду. Солдатъ предпочитаетъ жить въ той обстановкѣ, въ которой жилъ когда-то у себя дома.

И работы здѣсь меньше, и досуга побольше, а самое главное, люди чувствуютъ себя на свободѣ, среди родныхъ полей, огородовъ, луговъ, среди тѣхъ же крестьянъ, среди молодыхъ дѣвокъ и бабъ, съ которыми какъ-то веселѣй на душѣ, за которыми можно, при случаѣ, и приволокнуться...

Лягушечья улица!.. Кто не помнитъ это названіе, присвоенное съ незапамятныхъ поръ стоянкѣ четвертаго эскадрона — двумъ рядамъ покосившихся и почернѣвшихъ отъ времени и непогоды избушекъ, съ крылечками, съ рѣзными коньками на крышахъ, съ конюшнями, сараями, клѣтями и другими постройками, окруженными желтыми кругами подсолнуха, шапочками алаго мака, кустами отцвѣтшей сирени?

Саксаганскій и Хмара уже привели въ порядокъ покой, приткнули въ уголъ походную койку, достали у хозяйки платяной шкафъ, табуретъ, рукомойникъ, накрыли столъ грубымъ крестьянскимъ рядномъ, поставили кувшинъ съ букетомъ георгинъ и ромашекъ.

Сами же помѣстились на сѣновалѣ, подлѣ коней.

На томъ же дворѣ устроился Воронецъ, со своимъ ближайшимъ помощникомъ, вольноопредѣляющимся Грумомъ - Гржимайло, кстати, уже пожалованномъ за примѣрное поведеніе и успѣхи двумя желтыми унтеръ-офицерскими лычками.

Тутъ же помѣстились и нѣсколько ребятъ изъ команды развѣдчиковъ, Червонный, Полѣщукъ, Недоруба...

Вечеръ проходитъ въ собраніи.

Безъ конца идутъ разговоры на злободневныя темы, о предстоящихъ бригадныхъ и дивизіонныхъ ученьяхъ, о томъ, когда чествовать казаковъ отвѣтнымъ обѣдомъ, о скачкахъ на великокняжескій кубокъ и о состязаніяхъ на императорскій призъ, о спектаклѣ въ красносельскомъ театрѣ, о торжественной „зорѣ съ церемоніей“, въ высочайшемъ присутствіи.

Таетъ бронзовый вечеръ, съ теплымъ сладостнымъ дуновеніемъ, съ упругимъ ароматомъ цвѣтовъ, звенятъ стаканы, молодой смѣхъ, бойкая шутка:

„Бебутъ будетъ кирасиромъ,
Вай - вай - вай!“

Со стороны пѣхотнаго лагеря долетаетъ пѣнье стрѣлковыхъ рожковъ.

Время отъ времени, доносится шумъ проходящаго поѣзда, и съ террасы собранія ясно различается длинная змѣйка вагоновъ, разолоченныхъ огнями заката.

Долго не расходятся господа офицеры, сидятъ до полуночи за стаканомъ вина, дружной бесѣдой, старой застольною пѣсней:

„Временъ давнымъ давно минувшихъ,
Преданій Иверской земли,
Отъ нашихъ предковъ знаменитыхъ
Одно мы слово сберегли.
Аллаверды — Господь съ тобою! —
Вотъ слова смыслъ и, съ нимъ не разъ,
Готовился отважно къ бою
Войной взволнованный Кавказъ...“

50.

Кто не знаетъ красносельскаго военнаго поля, съ утопающей въ грязи чухонскою деревнею Кавелахты, съ Лабораторною Рощею и мрѣющими вдали шунгоровскими высотами?

Вплотную къ нему примыкаетъ юнкерскій лагерь, съ деревянными бараками и конюшнями, съ артиллерійскимъ паркомъ и вынесенной въ полѣ передней линейкой, старый хорошо извѣстный всѣмъ лагерь, увѣковѣченный въ знаменитой юнкерской пѣснѣ:

„Авангардный лагерь спитъ,
Крѣпко спитъ,
На вершинѣ Дудергофа
Филинъ жалобно кричитъ!“

А по другой сторонѣ озера, тотчасъ за полотномъ балтійской дороги, вздымается къ небу величавая шапка горы, въ кудрявой поросли елокъ, кленовъ, орѣшника, въ которыхъ, посреди буйнаго зеленаго хаоса, затерялись бѣлыя дачки.

Кирасирская дивизія размѣщается въ Красномъ Селѣ. Бѣлѣютъ палатки пѣхоты. Полки же легкой конницы стоятъ постоемъ въ окрестныхъ деревняхъ, Шунгоровѣ, Русскомъ Капорскомъ, Киргофѣ, Николаевской слободѣ.

Раннимъ утромъ, лишь только раздернется завѣса тумана, войска производятъ ученья.

Трещатъ барабаны, заливаются флейты, мелодично распѣваютъ рожки. Пѣхота разсыпается въ цѣпь, дѣлаетъ перебѣжки, ведетъ наступленіе, кидается въ штыковой бой. Артиллеристы работаютъ у орудій, занимаютъ позиціи, снимаются съ передковъ, гремятъ холостыми зарядами:

— Бахъ - бахъ!

Великій князь Павелъ, начальникъ кирасирской дивизіи, собираетъ полки.

Появляются Кавалергарды, подходитъ Конная Гвардія, Кирасиры

Его Величества, лейбъ-казачья бригада. Конница строится глубокимъ резервнымъ ящикомъ, оглашая воздухъ ржаньемъ коней и топотомъ тысячей ногъ, по сигналу трубы производитъ передвиженія, заѣзжаетъ плечомъ, строитъ боевые порядки, въ облакахъ пыли скачетъ по военному полю.

Съ легкой руки августѣйшаго генерала - инспектора, конница дѣятельно проводитъ въ жизнь новыя требованія.

Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, появятся молодые, энергичные, проникнутые новымъ духомъ начальники и командиры, зазвучатъ новые лозунги, новыя рѣчи, старая николаевская рутина будетъ окончательно сдана въ архивъ...

А за завтракомъ кипятъ безконечные споры. Старшіе офицеры съ недовѣріемъ относятся къ ломкѣ прежнихъ порядковъ, съ умиленіемъ, съ нѣжностью вспоминаютъ старыя времена.

То ли дѣло, еще недавно кирасирская дивизія производила ученья въ бѣлыхъ парадныхъ мундирахъ, въ кирасахъ, въ мѣдныхъ каскахъ съ гренадою или орломъ! Въ подобной же формѣ принимала участіе на маневрахъ въ высочайшемъ присутствіи.

Вмѣсто винтовки и шашки, дивизія дѣйствовала пикой и палашомъ, не знала пѣшихъ порядковъ, работала всегда въ конномъ строѣ, на сокращенныхъ дистанціяхъ, на небольшихъ интервалахъ.

Кони содержались въ тѣлахъ, не знали нынѣшней гонки, аллюры были солидные, неторопливые, ну и алиньеманъ, государи мои, былъ совершенно иной, въ ниточку, носа комаръ не подточитъ, вотъ какъ!

Эхъ, было времячко, чистый восторгъ, красота!

Порой, за стаканомъ вина, старики не прочь разсказать нѣсколько анекдотовъ въ стилѣ минувшей эпохи. Цари весьма жаловали войска, посѣщали неукоснительно военные экзерсисы, вызывали полки по тревогѣ, расточали высочайшія милости.

— Вотъ, къ примѣру сказать, былъ уланскій поручикъ, а фамилію-то запамятовалъ! — передаетъ Ипполитъ Алексѣевичъ. — Проѣзжалъ какъ-то на дрожкахъ, торопился, значитъ, въ столицу, чтобы сѣсть „на губу"... Анъ, государи мои, вышла оказія!

Словомъ, попавшись на глаза императору, посланъ былъ имъ для передачи высочайшаго приказанія. Ординарцы-то оказались въ разгонѣ. Поручикъ выполнилъ повелѣніе, вернулся съ докладомъ.

— Приказаніе исполнено, ваше императорское величество!

— Молодецъ! — похвалилъ царь. — Спасибо за службу!.. Жалую тебя въ свиту!

„Папаша" разсказываетъ о нѣкоемъ штабсъ-капитанѣ Арбузовѣ, лучшемъ стрѣлкѣ гвардейской дивизіи, выбившемъ пулями изъ пистолета императорскій вензель.

— Ты выбилъ вензель мой на мишени! — произнесъ присуствовав-

шій на состязаніи свѣтлой памяти императоръ Александръ II. — Я вышиваю его тебѣ на погонахъ!

Да, много интереснаго могутъ передать старики.

Шутка сказать, каждый изъ нихъ — полковникъ Ипполитъ Алексѣевичъ, полковникъ Эсперъ Александровичъ, старѣйшій командиръ императорской гвардіи ротмистръ Михаилъ Яковлевичъ, состоятъ въ Лейбъ-Кирасирскомъ уже въ теченіе двадцати пяти лѣтъ!

Сверстники ихъ давно въ генералахъ, командуютъ полками, бригадами, иные даже дивизіями.

Не легко движеніе по полковой линіи.

Существуетъ преданіе, якобы линію испортилъ легендарный полковникъ Бартъ.

Когда-то, еще въ царствованіе императора Николая I, числился онъ старшимъ полковникомъ на армейской вакансіи. Когда же полкъ получилъ преимущества и права старой гвардіи, Бартъ очутился въ хвостѣ гвардейскаго списка и затормозилъ линію еще на добрый десятокъ лѣтъ, вплоть до своей благополучной кончины.

Но старики наши не унываютъ.

Крѣпко сжились они съ полкомъ, дорожатъ имъ какъ высшей святыней и другой жизни, внѣ полковой службы, какъ будто даже не представляютъ...

А надъ головами собираются тучи.

Кто бы предположилъ, что назрѣваютъ событія, которыя вызовутъ толки, сплетни, суровыя осужденія?

То, о чемъ съ такимъ необыкновеннымъ даромъ предвидѣнія пророчествовалъ старый штабсъ-ротмистръ Корфъ, начинаетъ какъ будто осуществляться.

Офицерская семья подвергается серьезному испытанію. Полковыя традиціи нарушены непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Вмѣсто прежняго единодушія, въ полку начинаетъ наблюдаться какъ бы нѣкоторый расколъ.

Кто бы предсказалъ, что въ рядахъ Лейбъ-Регимента зацвѣтетъ невиданная идиллія, пышнымъ цвѣтомъ распустится розанъ любви, вызвавъ священный ужасъ, гнѣвъ, трепетъ, негодованіе, создавъ обстановку еще неслыханную со времени изданія указа о Царской Фамиліи?

Если великая княжна Ольга, увлеченная молодымъ корнетомъ полка, готова пожертвовать, во имя глубокаго чувства, всѣми преимуществами особы царскаго Дома, въ такое же точно положеніе готовится поставить себя молодой Престолонаслѣдникъ, великій князь Михаилъ, отдавшійся, со всѣмъ пыломъ неистраченной юности, роковымъ чарамъ Натальи Сергѣевны.

Свѣдѣнія неутѣшительны.

Императоръ якобы угрожаетъ брату суровой репрессіей, даже ссылкой, опалой.

Августѣйшій Шефъ полка, вдовствующая Императрица, въ свою очередь, огорчена создавшимся положеніемъ.

Командиръ баронъ Раушъ чрезвычайно озабоченъ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, которое въ состояніи поколебать и даже отразиться еще болѣе чувствительнымъ образомъ на его личной карьерѣ.

Что касается господъ офицеровъ, въ этомъ отношеніи мнѣнія ихъ раздѣляются.

Старшіе офицеры склонны безоговорочно осудить этотъ неслыханный двойной мезальянсъ. Молодежь становится рѣшительнымъ образомъ на сторону великаго князя и великой княжны, повинующихся зову сердечнаго чувства.

Словомъ, положеніе создалось исключительное, которое не подогнать подъ обычную мѣрку, которое не разрѣшить въ порядкѣ полкового приказа или какимъ либо другимъ аналогичнымъ пріемомъ...

51.

Тихъ и тепелъ былъ день, кроткій и ласковый, съ мягкими поцѣлуями солнца, одинъ изъ тѣхъ дней, которые бываютъ во второй половинѣ красносельскаго лѣта.

Платформа „Скачки" уже съ полудня кишѣла столичною публикой.

Вереницы экипажей, придворныхъ и частныхъ, шарабаны, кэбы и англійскіе майль-кочи, двухколесные брэки, обыкновенныя дрожки и лихія троечныя запряжки, сопровождаемыя кавалькадами офицеровъ, тянулись, перегоняя другъ друга, по направленію къ скаковому полю.

Надъ обширной трибуной рѣяли трехцвѣтные флаги. Хоръ трубачей Кавалергардскаго полка, образовавъ кругъ, стоялъ на лужайкѣ, посреди поля, и игралъ увертюру изъ „Риголетто".

Море головъ, пятна военныхъ фуражекъ, свѣтлые дамскіе туалеты, кружевные зонты и букеты цвѣтовъ, женскій смѣхъ, восклицанія, многозначительныя улыбки, сверкали, дрожали, переливались яркой симфоніей красокъ и звуковъ на фонѣ пригожаго іюльскаго дня.

Все великосвѣтское общество, передъ тѣмъ, какъ раствориться въ крымскихъ и черноземныхъ усадьбахъ, въ подмосковныхъ дворцахъ, или разсѣяться по берегамъ Средиземнаго моря, въ фешенебельныхъ уголкахъ Côte d'Azur, весь театральный, литературный, финансовый міръ, артистки и демимонденки, съ наиболѣе славными именами, со связями самими аристократическими — примабалерина Кшесинская, Трефилова, Преображенская, Сѣдова, Павлова и Марія Маріусовна Петипа, оперная пѣвица Медея Фигнеръ и Фелія Литвинъ, артистка Потоцкая, Домашева и Марія Гавриловна Савина, опереточная дива Шувалова, Грановская, Анастасія Дмитріевна Вяльцева, Шурка Звѣрекъ и красавица Катя Рѣшетникова, счастливая подруга кавалергардскаго поручика свѣтлѣйшаго

князя Салтыкова — всѣ считали обязанностью присутствовать на этомъ парадномъ ристалищѣ.

Въ центральной ложѣ, обитой алымъ сукномъ, сидѣлъ Императоръ съ молодою Императрицей.

Тутъ же находился и Наслѣдникъ Престола, августѣйшій однополчанинъ, великій князь Михаилъ, въ полковой формѣ, съ бѣло-синей кирасирской фуражкой на головѣ.

Онъ выглядѣлъ разсѣянно-грустнымъ, задумчивымъ, утомленнымъ, Лицо его безучастно скользило по сторонамъ, не останавливаясь и не задерживаясь на картинахъ яркаго человѣческаго водоворота, и только порой освѣщалось милой простодушной улыбкой.

Въ сосѣдней ложѣ помѣщался старый главнокомандующій съ великой княгиней Маріей Павловной, съ тремя сыновьями и великой княжной Еленой.

Рядомъ сидѣлъ старѣйшій представитель царскаго Дома, маститый генералъ-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, генералъ-инспекторъ великій князь Николай, Дмитрій Константиновичъ, Сергій Михайловичъ, старшіе генералы, сановники и министры, представители иностранныхъ державъ, нѣсколько свитскихъ особъ, придворныхъ фрейлинъ и дамъ...

Только что прошла гладкая скачка. Предстояло главное состязаніе — четырехверстный офицерскій стипль-чезъ на „Императорскій Призъ“.

Снова заигралъ хоръ трубачей и толпа, сидѣвшая на трибунѣ, сразу распалась на множество отдѣльныхъ бѣгущихъ, смѣющихся, бесѣдующихъ людей. Женщины критическимъ взоромъ оглядывали одна другую, лорнируя, легкимъ кивкомъ головы посылая привѣтствія. Мужчины жадно посматривали на нихъ, пересчитывали, провѣряли, выискивали знакомыхъ.

Я расхаживалъ посреди этой разгоряченной толпы, здоровался и отвѣчалъ на привѣтствія, съ наслажденіемъ вдыхалъ запахъ духовъ и той изысканной элегантности, которыми вѣяло отъ этого яркаго свѣтскаго калейдоскопа.

Нѣжное дуновеніе вѣтерка, игравшаго воздушной тканью женскихъ костюмовъ, доносилось съ согрѣтыхъ солнцемъ луговъ и смолистыхъ вершинъ Дудергофа.

Вскорѣ, какъ было условлено, подлѣ судейской вышки встрѣтился съ Анатолемъ.

— Наши всѣ уже здѣсь! — произнесъ Анатоль и кивнулъ головой по направленію къ трибунѣ. — Эдя! . . . „Черный Пудель“ . . . Свѣчинъ!.. Послѣ скачекъ рѣшено ѣхать въ „Акваріумъ“! .. Надѣюсь, съ твоей стороны отказа не будетъ?

„Душка-Анатоль“ испытующе посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, ухватилъ подъ руку и сказалъ:

— Черкесовъ, на два слова! .. Мнѣ нужно съ тобою п-поговорить!

Анатоль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился. Лицо его неожиданно приняло озабоченное и строгое, несвойственное ему выраженіе.

— Это что же — разрывъ? — спросилъ Анатоль. — Фанни Эдуардовна совершенно разстроена!

Я улыбнулся.

— Черкесовъ, такъ-ли я понимаю? — продолжалъ Анатоль. — Это жестоко! .. Между тѣмъ, я возлагалъ на тебя большія надежды!

— Какія надежды? — невольно вспыхнувъ, въ свою очередь, спросилъ я.

Анатоль склонился и обнялъ меня за талію.

— Видишь-ли, — произнесъ Анатоль нѣсколько сконфуженнымъ тономъ, заикаясь все болѣе и понижая голосъ до шопота. — Какъ бы это сказать? .. Вопросъ болѣе важенъ, чѣмъ тебѣ кажется!

Анатоль остановился и, въ волненіи, почесалъ переносицу.

— Ну, однимъ словомъ, я долженъ тебѣ п-покаяться! — продолжалъ онъ. — Дѣло въ томъ, что это именно я обратилъ на тебя вниманіе баронессы... Помнишь, еще весной? .. Я передалъ ей много интересныхъ вещей и кое-что, можетъ быть, даже преувеличилъ... Она выразила желаніе съ тобой п-познакомиться... Надѣюсь, ты не въ п-претензіи? .. Не женщина, а шамп-панское!

Анатоль остановился и замолчалъ.

— Мнѣ пришла блестящая мысль! — продолжалъ онъ черезъ минуту. — Баронесса скучаетъ... Между тѣмъ, ты интересный мужчина, скромный, воспитанный, деликатный... При этомъ, здоровъ и крѣпокъ, какъ жеребецъ... Двадцать четыре удовольствія! .. По моему мнѣнію, ты бы могъ быть идеальнымъ любовникомъ... Черкесовъ, неужели разрывъ? .. Это жестоко! .. Неужели придется начинать музыку снова?

Анатоль вопросительно посмотрѣлъ на меня.

Лицо его приняло напряженное, жалкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне забавное выраженіе.

Не взирая на драматизмъ положенія, мнѣ стало смѣшно.

— Милый Анатоль! — разсмѣялся я, отъ души, искреннимъ смѣхомъ. — Спасибо за пріятельскую услугу! .. Но тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, придется начать музыку снова!

Въ эту минуту подошелъ Фрэдъ.

„Душа Общества“, по обыкновенію, гладкій и вылощенный, одѣтый въ визитку съ гвоздикой въ петлицѣ, съ сѣрымъ цилиндромъ, съ большимъ цейсовскимъ биноклемъ черезъ плечо, точно картинка, соскочившая со страницъ моднаго иллюстрированнаго журнала, имѣлъ видъ подлиннаго столичнаго сноба.

Названіе arbitr'a elegantiarum, отвѣчало ему, на этотъ разъ, какъ нельзя болѣе.

— Дѣти! — произнесъ онъ, вскинувъ монокль и покровительственно

хлопая насъ по плечу. — Чрезвычайно радъ съ вами встрѣтиться! Парбле, шампетръ, суасантъ нефъ!.. Вы начинаете оправдывать мои ожиданія!

Онъ вторично окинулъ насъ проницательнымъ взглядомъ, скосилъ тонкія губы и захохоталъ.

— Вполнѣ комильфо! — произнесъ Фрэдъ. — Кстати, какова ваша программа?.. Что вы намѣрены дѣлать по окончаніи скачекъ?

Узнавъ о предполагаемомъ ужинѣ, баронъ выразилъ одобреніе и обѣщалъ присоединиться къ компаніи.

Среди публики, на скамьяхъ трибуны, въ проходахъ и галереѣ, я повстрѣчалъ многихъ знакомыхъ.

— Здравствуй, Черкесовъ!

— Здорово, капралъ!

— Какъ живешь, что хорошенькаго? — обращались ко мнѣ съ привѣтствіями старые друзья, пріятели-однокашники.

Они прохаживались на трибунѣ, между скамейками, спускались внизъ, розыскивали знакомыхъ, останавливались, бесѣдовали съ артистками.

Въ одной изъ группъ, невольно задержавшей вниманіе, стояло три офицера — молодой конногренадеръ графъ Ростопчинъ, веселый, вѣчно смѣющійся, неунывающій конноартиллерійскій поручикъ графъ Павликъ Кутайсовъ, огромный конногвардеецъ графъ Алексѣй Паленъ.

Точно призрачное видѣніе, точно живой сгустокъ минувшей эпохи, на мгновеніе, встали передъ глазами.

Въ одной изъ боковыхъ ложъ мелькнуло хорошенькое личико Вареньки Шнейдеръ. Она сидѣла, окруженная уланскими офицерами, въ обществѣ нѣсколькихъ лицеистовъ и камеръ-пажей, звонко смѣялась, кокетливо обмахивалась вѣеромъ и посылала мнѣ глазами улыбку.

Я улыбнулся въ свою очередь, отвѣсилъ поклонъ и прошелъ на паддокъ...

На паддокѣ, укрытомъ отъ глазъ постороннихъ, вѣстовые вываживали горячившихся лошадей.

Въ нѣсколькихъ группахъ стояли офицеры-спортсмены, дѣлились короткими впечатлѣніями, давали совѣты однополчанамъ.

Въ одной изъ группъ стояли старые испытанные бойцы ипподрома — плотный, коренастый, крѣпко сбитый ротмистръ Сѣверскаго драгунскаго полка Носовичъ, владѣлецъ знаменитаго „Веракса“ — тонный Нарвецъ баронъ Ренне и князь Алекъ Чавчавадзе, штабсъ-ротмистръ Петриченко, Ведерниковъ, Папалазаръ, Бѣлавенецъ, Лисаневичъ, Гнюинскій.

Тутъ же, ощупывая сухожилія своему сѣрому „Грей-Бою“, вертѣлся извѣстный стиплеръ, маленькій лейбъ-гусаръ Павловъ, въ мятой, небрежно сдвинутой на затылокъ фуражкѣ.

Въ другой группѣ, окруженный ѣздоками-охотниками, стоялъ началь-

никъ офицерской кавалерійской школы, моложавый, подтянутый, сухой точно гвоздь, генералъ Алексѣй Алексѣевичъ Брусиловъ.

Съ авторитетным видомъ, какъ членъ скакового комитета, онъ въ свою очередь давалъ указанія, снисходительно улыбался, порицалъ старые методы скакового искусства.

Вѣстовые и конюхи продолжали вываживать скакуновъ.

Снявъ попоны и капоры различныхъ цвѣтовъ, темносинія, малиновыя, оранжевыя, съ инициіалами и вензелями владѣльцевъ, растирали щетками глянцовитую шерсть, нѣжное и сухое, перетянутое тонкими жилками, мускулистое тѣло, затягивали ногавки, подпруги, бѣлые ремни подперсья.

Общее вниманіе обращалъ на себя караковый „Фортинбрасъ“, рослый, нарядный какъ пряникъ, на диво скроенный жеребецъ, подъ сѣдломъ Гродненскаго гусара, корнета Ильенки.

Его соперницами являлись стройная, сѣрая въ яблокахъ „Пикета“ лейбъ-гусара Маркозова, и крупная казачья кобылица „Вернигора“, кубанскаго есаула Евангулова.

Въ этомъ году состязанія на „Императорскій Призъ“, между прочимъ, происходили по новымъ правиламъ.

Въ первый разъ участники состязанія выѣзжали не на легкомъ англійскомъ сѣдлѣ ,а на строевомъ, съ полнымъ вьюкомъ, при оружіи и боевомъ снаряженіи.

Подобное нововведеніе было встрѣчено спортсменами отрицательно.

Но таково было требованіе генералъ-инспектора конницы и стоявшаго за его спиной генерала Брусилова.

Старые бойцы ипподрома, настроенные, въ особенности, на скептическій ладъ и не принимавшіе, по этой причинѣ, участія въ состязаніи, громко выражали неодобреніе.

Окруживъ Павлова, уже усѣвшагося на „Грей-Боя“ и вытащившаго изъ ножонъ шашку для предстоящаго салюта передъ императорской ложей, съ легкой усмѣшкой хлопали ладонью по потниковой крышкѣ сѣдла, по переметнымъ сумамъ и кобурамъ.

— Ну, а какъ онъ самъ ѣздитъ, этотъ Брусиловъ? — небрежно, не вынимая сигары изъ рта, процѣдилъ ротмистръ Реннэ.

Павловъ усмѣхнулся круглымъ безусымъ лицомъ и, разбирая поводья, отдѣляя трензельныя отъ мундштучныхъ, отвѣтилъ:

— „Тараканьи Мощи“? .. Въ общемъ, недурно! .. Изъ лучшаго десятка нашихъ генераловъ!

Онъ на минуту задумался и добавилъ:

— Но хуже конюшеннаго мальчика!

Кругомъ захохотали...

52.

По звонку отворились ворота паддока и четырнадцать всадниковъ, слѣдуя на дистанціи, въ порядкѣ полковъ, короткимъ галопомъ продефилировали передъ трибуной, отсалютовавъ царской четѣ.

Послѣ небольшой пробной проскачки, въ которой караковый „Фортинбрасъ" и сѣверная „Пикета" вызвали дружное одобреніе публики, ѣздоки, равняясь, подошли къ линіи старта.

Лошади горячились, нервно били сухими ногами, закусывали удила, взвивались на дыбы.

— Черкесовъ, здравствуйте!

Я обернулся и увидѣлъ великаго князя Бориса.

Широко улыбаясь, онъ протягивалъ руку. Сверхъ обыкновенія, онъ былъ почемо-то не въ кителѣ, а въ синей гусарской венгеркѣ съ золотыми шнурами, которая чрезвычайно шла къ его молодому, красивому, породистому лицу.

— За кого держите? — спросилъ онъ. — Я держу за „Пикету"!.. Хотите а дискресьонъ?

Я улыбнулся:

— „Пикетѣ" не дойти, ваше императорское высочество!

— Вы полагаете у „Пикеты" нѣтъ шансовъ?

— Ни малѣйшихъ!.. Всѣ шансы у „Фортинбраса"... Классная лошадь!

Оне хотѣлъ обратиться еще съ какимъ-то вопросомъ, но въ эту минуту лейбъ-гусарскій полковникъ Орловъ высоко поднялъ руку, выдержалъ нѣсколько мгновеній и взмахнулъ алымъ флажкомъ.

Раздался пронзительный звонокъ старта.

Толпа всколыхнулась, бурля и напирая со всѣхъ сторонъ, хлынула къ барьеру. Замелькала пѣна кружевныхъ зонтовъ, дамскихъ шляпъ, яркихъ офицерскихъ фуражекъ.

Мнѣ понадобилось нѣкоторое усиліе, чтобы не дать себя увлечь въ этотъ стремительный водоворотъ.

———

Дружной компаніей ѣздоки рванулись впередъ и пронеслись передъ трибуной.

Точно четырнадцать пестрыхъ стрѣлъ, спущенныхъ съ тетивы, лошади устремились въ узенькій корридоръ, окаймленный бѣлою загородкой и зеленью луга. Онѣ неслись распластавшись, почти не касаясь земли, вытянувъ шеи, напруживъ легкія стальныя тѣла.

Впереди, вырвавъ удачно стартъ, скакалъ лейбъ-гусаръ Яфимовичъ, на могучемъ жеребцѣ „Калигула". За нимъ, въ нѣскольнихъ корпусахъ, склонившись къ лукѣ сѣдла, въ сѣрой казачьей черкескѣ, на темносѣрой кобылицѣ „Вернигорѣ", держался кубанскій есаулъ Евангуловъ.

Въ общей группѣ кучно неслись два варшавскихъ улана — корнеты Щербацкій и Энгельгардтъ, два лейбъ-гусара — Маркозовъ и Павловъ,

гвардейскій драгунъ Лихтанскій, корнетъ Ильенко на „Фортинбрасѣ“, полковой „стиплеръ“ Павлуша Мордвиновъ и прочіе.

Съ большимъ просвѣтомъ, оттянувъ на нѣсколько корпусовъ, держался молодой Каргопольскій драгунъ, штабсъ-ротмистръ Екимовъ, на чистокровной рыжей кобылѣ „Меморіи“.

На противоположной прямой компанія продолжаетъ находиться въ томъ же порядкѣ.

Но уже видно, какъ мало по малу перекладываются два лейбъ-гусара. Вотъ они обходятъ „Вернигору“ и, бѣшенымъ пейсомъ, насѣдаютъ на Яфимовича.

На поворотѣ, перелетѣвъ, точно птица, канаву съ водой, „Пикета“ уже выдвигается въ голову.

Есаулъ Евангуловъ, нахлестывая кобылицу нагайкой, упорно борется съ Павловымъ. Лейбъ-гусаръ Яфимовичъ уже отпадаетъ и на его мѣсто выходитъ „Фортинбрасъ“ корнета Ильенки, „Камбизъ“ Энгельгардта и гнѣдая „Жемчужина“ уланскаго корнета Щербацкаго.

Близко за ними держится штабсъ-ротмистръ Екимовъ, рѣзвымъ напористымъ ходомъ переложившійся съ послѣдняго мѣста.

Глухой гулъ несся навстрѣчу. Словно море бушевало за ступенчатою трибуной, сотрясаемой человѣческою волной. Замелькала бѣлая пѣна прибоя и изъ широкой пасти толпы вырвался крикъ:

— „Пикета“!

— „Фортинбрасъ“!

— „Вернигора“!

Ѣздоки вторично проскочили передъ трибуной. Впереди кирпичная стѣнка.

„Пикета“ дѣлаетъ гигантскій скачокъ, цѣпляетъ задней ногою барьеръ и, черезъ, мгновенье, повиснувъ уродливо въ воздухъ, вмѣстѣ съ всадникомъ катится кубаремъ по землѣ.

По трибунѣ разносится стонъ. . .

Борьба разгоралась. Возбужденіе наростало. Мужчины кричали, размахивали руками, невольно вытягивались всѣмъ тѣломъ, какъ бы желая этимъ подражательнымъ, страстно напряженнымъ движеніемъ, придать еще большую стремительность своимъ фаворитамъ.

Женщины стучали зонтами, приподымались, вскакивали съ мѣстъ. Лица ихъ были искажены внутренней судорогой, сверкали широко раскрытые глаза, губы были прикушены подбородокъ вытянутъ жадно впередъ, ноздри раздувались, точно у лошадей.

И какъ боевой кличъ, точно ракеты, взлетавшія посреди гула, рвались отдѣльные крики:

— „Грей-Бой“!

— „Меморія“!

— „Вернигора“!

Все ближе и ближе, тѣмъ же напористымъ ходомъ, выдвигается молодой Каргополецъ, штабсъ-ротмистръ Екимовъ.

Вотъ его алая драгунская фуражка мелькнула на поворотѣ и кинула за собой еще нѣсколькихъ ѣздоковъ. Четко виднѣется бѣлая повязка на рукавѣ, съ цыфрою „9“.

Впереди еще держится лейбъ-гусаръ Павловъ, кубанскій казакъ, уланскій корнетъ Энгельгардтъ.

При выходѣ на прямую, Екимовъ уже виситъ на хвостѣ.

Онъ дѣлаетъ послѣдній бросокъ, въ легкомъ посылѣ обходитъ соперниковъ и, подъ грохотъ рукоплесканій и крикъ тысячи голосовъ, зазвенѣвшихъ, точно натянутая струна, приходитъ къ призовому столбу.

— „Меморія“!

На одно мгновенье, имя какъ бы наполнило собой трибуну, скаковой лугъ, весь небосводъ.

Струна задрожала и оборвалась.

Эластичнымъ прыжкомъ штабсъ-ротмистръ Екимовъ соскочилъ съ лошади, слегка запотѣвшей, дышащей боками, нервно подрагивающей и косящейся красивымъ выпуклымъ глазомъ, любовно потрепалъ ее по плечу и, снявъ сѣдло, направился къ будкѣ съ вѣсами.

Его тотчасъ окружили, поздравляютъ съ побѣдой.

Екимовъ смущенъ и, въ то же время, сіяетъ. На его сухомъ загорѣвшемъ лицѣ, съ рыжеватыми, коротко подстриженными усами, разливается краска.

Предсѣдатель скакового комитета, генералъ Остроградскій, въ сопровожденіи членовъ, ведетъ его къ императорской ложѣ и представляетъ Царю.

Царь пожимаетъ побѣдителю руку, съ ласковою улыбкой говоритъ нѣсколько словъ. Императрица, слегка взволнованная, съ густымъ румянцемъ на щекахъ, передаетъ побѣдителю серебряный кубокъ, на днѣ котораго лежитъ конвертъ съ тридцатью сотенными бумажками.

Вѣетъ тихій закатъ. Опускается вечеръ. Въ сизомъ небѣ выплываетъ лунный челнокъ.

Императорская чета покидаетъ трибуну.

Гремятъ звуки царскаго гимна. Разносится ржаніе лошадей. Одна за другой подъѣзжаютъ коляски съ гербами, шарабаны, троечныя запряжки.

Скаковой кругъ пустѣетъ. Со стороны главнаго лагеря плывутъ звуки вечерней зори.

Падаетъ тихая, теплая красносельская ночь...

53.

ЛЕЙБЪ-РЕГИМЕНТЪ, въ первые годы царствованія императрицы Екатерины квартируетъ въ окрестностяхъ Дерпта, а впослѣдствіе, послѣ цѣлаго ряда безпрерывныхъ войнъ и кампаній, перемѣщается въ благословенные края Малороссіи.

Для поддержанія кандидатуры Станислава Понятовскаго на польскій престолъ, полкъ совершаетъ новый походъ, несетъ значительныя потери и въ 1764 году располагается лагеремъ подъ Варшавой, въ роскошныхъ Уяздовскихъ Аллеяхъ.

Отсюда, командиръ полка, полковникъ князь Дашковъ, между прочимъ, доноситъ:

— Жаль мнѣ кирасирскихъ коней, но всемилостивѣйшая государыня прибавитъ ремонту!

Въ 1774 году, по причинѣ пугачовскаго бунта, императрица повелѣваетъ:

— Немедленно послать Лейбъ-Кирасирскій полкъ къ Москвѣ!

И полкъ, подъ начальствомъ новаго командира, полковника Ивана Ивановича Михельсона, принимаетъ дѣятельное участіе въ уничтоженіи бандъ мятежнаго казака.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдъ за окончаніемъ русско-турецкой войны, покрывъ себя славой въ бояхъ, подъ ближайшимъ руководствомъ Суворова , полкъ квартируетъ послѣдовательно въ Хоролахъ, Лубнахъ, Бѣлой Церкви.

Здѣсь застаетъ его вѣсть о кончинѣ императрицы.

Полкъ немедленно вызывается въ Петербургъ и получаетъ штабъ-квартиры въ Ораніенбаумѣ, Петергофѣ, Гатчинѣ, Красномъ Селѣ.

Минула эпоха дворцовыхъ переворотовъ, ушелъ въ прошлое вѣкъ великой Екатерины, отошло кратковременное царствованіе императора Павла Петровича.

Отошло царствованіе Александра Благословеннаго, отгремѣли грозы наполеоновскихъ войнъ, на престолѣ державы Россійской императоръ Николай I.

Въ 1832 году Лейбъ-Кирасиры вернулись изъ новаго польскаго похода въ Гатчину, съ которой уже больше не разставались.

Въ полковой формуляръ вписана послѣдняя боевая строка:

„1831 г. Августъ. При штурмѣ Варшавы".

По приказанію фельдмаршала графа Паскевича, штурмъ былъ назначенъ на 26 августа, въ девятнадцатую годовщину бородинскаго боя.

А за четыре дня до кроваваго штурма, императоръ назначилъ полку новаго шефа. Полку было повелѣно именоваться „Лейбъ-Кирасирскимъ Наслѣдника полкомъ".

Осиротѣвъ въ 1828 году, послѣ кончины Маріи Феодоровны, полкъ хотя и продолжалъ носить имя покойной императрицы, но оставался безъ шефа.

„И вдругъ", пишетъ полковой историкъ, „ко всеобщей и неописанной радости, полкъ получилъ юнаго, обожаемаго всею Россіей, первенца государева и наслѣдника престола".

Среди образовъ императоровъ и императрицъ россійскихъ, образъ

Царя-Освободителя привлекателенъ въ особенной степени. Если эпоха его царствованія болѣе или менѣе общеизвѣстна, нельзя того же сказать, про то время, когда будущій императоръ былъ наслѣдникомъ и состоялъ шефомъ Лейбъ-Кирасиръ.

17 апрѣля 1818 года, въ Москвѣ, въ архіерейскомъ домѣ при Чудовомъ монастырѣ, супруга великаго князя Николая Павловича разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Александромъ.

Вотъ какъ, впослѣдствіе, записала Александра Феодоровна эти минуты:

„Въ одиннадцать часовъ утра я услыхала первый крикъ моего перваго ребенка... Ники поцѣловалъ меня и вмѣстѣ мы поблагодарили Бога, не зная, даровалъ Онъ намъ сына или дочь, когда матушка (императрица Марія Феодоровна), подойдя къ намъ сказала: „Это сынъ!" Счастье наше удвоилось, а впрочемъ я помню, почувствовала нѣчто серьезное и меланхолическое при мысли, что это маленькое существо призвано быть императоромъ".

Сто одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ первопрестольной столицѣ о появленіи на свѣтъ великаго князя.

Въ седьмую годовщину своего рожденія великій князь былъ произведенъ въ корнеты и зачисленъ Лейбъ-Гвардіи въ Гусарскій полкъ.

А нѣсколько мѣсяцевъ спустя, двѣнадцатаго декабря, при восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, былъ объявленъ наслѣдникомъ-цесаревичемъ...

То были смутные дни возстанія декабристовъ, когда мятежные полки уже толпились на Сенатской площади.

Флигель-адъютантъ Кавелинъ получилъ отъ императора приказаніе перевезти наслѣдника изъ Аничкова въ Зимній дворецъ.

Онъ засталъ великаго князя за раскрашиваніемъ литографированной картинки, изображавшей переходъ Александра Македонскаго черезъ Граникъ.

Въ сопровожденіи Мердера, воспитателя великаго князя, Кавелинъ подвезъ его ко дворцу, со стороны Набережной.

На цесаревича надѣли въ первый разъ Андреевскую ленту и отвели въ голубую гостиную, въ которой находились обѣ императрицы.

По возвращеніи съ Сенатской площади во дворецъ, императоръ повелѣлъ вывести наслѣдника къ построенному на дворѣ гвардейскому саперному батальону. Камердинеръ вдовствующей императрицы Гриммъ снесъ его на рукахъ по внутренней лѣстницѣ, а государь обратился съ рѣчью къ саперамъ.

Потомъ, передалъ наслѣдника на руки находившимся въ строю георгіевскимъ кавалерамъ. Саперы, съ кликами радости и восторга, прильнули къ рукамъ и ногамъ ребенка.

Въ іюлѣ 1826 года императорская семья прибыла для коронаціи въ Москву.

Появленіе юнаго престолонаслѣдника на большомъ парадѣ привлекло къ нему вниманіе многотысячной толпы зрителей, въ особенности, когда восьмилѣтній ребенокъ, проскакавъ на флангѣ Лейбъ-Гусарскаго полка, сдѣлалъ широкимъ аллюромъ красивый заѣздъ и, салютуя саблей, лихо осадилъ коня передъ императоромъ.

Французскій посолъ, ветеранъ наполеоновской арміи, маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, не могъ скрыть своего восхищенія.

— Вы, можетъ быть, думаете, что я испытываю чувство тревоги при видѣ дорогого мнѣ сына въ этомъ вихрѣ кавалерійскихъ массъ? — отвѣтилъ ему императоръ. — Пусть онъ лучше подвергнется опасности, которая выработаетъ въ немъ характеръ и съ малолѣтства пріучитъ быть тѣмъ, кѣмъ ему надлежитъ!

Воспитываемый генераломъ Мердеромъ и поэтомъ Жуковскимъ, наслѣдникъ цесаревичъ достигъ десяти лѣтъ.

Въ 1828 году онъ присутствуетъ при кончинѣ горячо любящей его бабки, императрицы Маріи Феодоровны, шефа Лейбъ-Кирасирскаго полка, котораго ему суждено замѣнить.

Императоръ подвелъ сына къ одру умирающей, со словами: — Voici mon garçon, maman! — и испросилъ ея предсмертнаго благословенія.

Въ день полкового праздника, 9 мая 1832 года, господа офицеры представились въ первый разъ своему новому шефу...

Полкъ входилъ въ составъ гвардейской кирасирской дивизіи. Стоянка полка близъ столицы и то вниманіе, съ которымъ относились къ полку царствующія особы, содѣйствовали тому, что офицерскій составъ Лейбъ-Кирасиръ, въ описываемую эпоху, былъ исключительнымъ.

Въ полковомъ спискѣ можно было найти представителей лучшихъ фамилій русскаго дворянства.

Здѣсь были князья Барятинскіе, Мышецкіе, Крапоткины, Шаховскіе, Щербатовы, Святополкъ-Четвертинскіе, были князья Голицыны и Хованскіе, князья Дондуковы-Корсаковы, Васильчиковы, Урусовы, графы Мусины-Пушкины, Толстые, Зотовы, Ростопчины, персидскіе князья Шейхъ-Али, графы Стадницкіе, Ламберты, Ферзены, Стенбокъ-Ферморы.

Офицеры жили богато и дружно. Желѣзной дороги не существовало. Переѣздъ изъ Гатчины въ Петербургъ былъ затруднителенъ, связанъ съ формальностями и, по этимъ причинамъ, господа офицеры предпочитали оставаться въ своей штабъ-квартирѣ, занимаясь охотой, катаньемъ на тройкахъ и прочими развлеченіями.

Командиромъ полка состоялъ генералъ-маіоръ Никита Ивановичъ Жадовскій, лично извѣстный хорошо императору, продѣлавшій съ Лейбъ-Кирасирами весь польскій походъ 1831 года.

Полкъ выдѣлялся строевой службой и блестящею выправкой.

Узнавъ объ этомъ изъ доклада великаго князя Михаила Павловича, императоръ назначилъ въ Красномъ Селѣ ученье полку, въ полной боевой амуниціи, на которомъ было повелѣно присутствовать полковымъ, дивизіоннымъ и эскадроннымъ командирамъ всѣхъ полковъ гвардіи.

Императоръ Николай Павловичъ, столь требовательный въ строевомъ отношеніи, былъ восхищенъ ученьемъ Лейбъ-Кирасиръ, удостоилъ ихъ самыми милостивыми словами, поставилъ въ примѣръ прочимъ полкамъ, а Жадовскій былъ тутъ же пожалованъ въ свиту.

Черезъ годъ, на праздникѣ Кавалергардовъ, императоръ ласково бесѣдовалъ съ Жадовскимъ и, поднявъ бокалъ, произнесъ:

— Жадовскій, за твой полкъ!.. Жадовскій — молодецъ и полкъ его — молодецъ!..

Въ 1833 году состоялся столѣтній юбилей со дня переименованія полка въ Лейбъ-Кирасирскій.

Въ торжественный день юбилея, полкъ выстроился на царскосельскомъ Софійскомъ плацу, совмѣстно съ Кирасирами Его Величества.

Вскорѣ, сопровождаемый свитой, показался императоръ Николай Павловичъ. Онъ объѣхалъ полки, поздравилъ ихъ съ праздникомъ, благодарилъ за вѣрную службу.

Начался торжественный молебенъ, а затѣмъ блестящій парадъ двухъ кирасирскихъ полковъ.

Впереди Лейбъ-Кирасирскаго Наслѣдника полка, на прекрасномъ рыжемъ конѣ, слѣдовалъ молодой пятнадцатилѣтній шефъ, наслѣдникъ цесаревичъ великій князь Александръ.

Въ дворцовомъ паркѣ, въ присутствіи царской семьи, былъ устроенъ парадный обѣдъ нижнимъ чинамъ полка. Императоръ обходилъ столы, милостиво бесѣдовалъ съ кирасирами, а господа офицеры были приглашены къ столу во дворецъ.

Въ тотъ же день послѣдовалъ высочайшій приказъ:

„Его Императорское Величество при бывшемъ сего числа парадѣ, по случаю празднованія совершившагося столѣтія полкамъ: Лейбъ-Гвардіи Кирасирскому Его Величества и Лейбъ-Кирасирскому Наслѣдника, найдя въ сихъ полкахъ совершенную во всѣхъ частяхъ исправность, отличный порядокъ и устройство, объявляетъ особенную признательность Командиру Гвардейскаго Корпуса, его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, равномѣрно объявляетъ высочайшее благоволѣніе: Командиру Гвардейскаго Кавалерійскаго Корпуса генералу-адъютанту Депрерадовичу, командующему Гвардейской Кирасирской Дивизіей генералу-адъютанту графу Апраксину, командиру Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка генералъ-маіору Кошкулю и командиру Лейбъ-Кирасирскаго Его Высочества Наслѣдника полка Свиты Его Величества генералъ-маіору Жадовскому, полковникамъ флигель-адъютанту графу Палену I, графу Нироду I, Пущину I, Денисову, Милев-

скому, ротмистрамъ графу Стенбоку и Огареву, и всѣмъ штабъ- и оберъ-офицерамъ, нижнимъ чинамъ жалуетъ по два рубля, по два фунта говядины и по двѣ чарки водки на человѣка"...

54.

ПОСЛѢДНІЕ годы царствованія императора Николая I и послѣдовавшаго за нимъ Александра II составляютъ одну изъ самыхъ исключительныхъ по своему значенію эпохъ въ русской исторіи.

Къ этимъ годамъ относится развалъ самодержавнаго государства, построеннаго на сословно-крѣпостномъ принципѣ, и первыя попытки переустройства монархіи на буржуазно-правовыхъ основахъ.

Чрезвычайный интересъ представляетъ интимная жизнь лицъ, стоявшихъ у кормила правленія, ихъ поведеніе, смѣна монарховъ, вообще, весь этотъ переломный моментъ въ жизни высшаго петербургскаго общества.

— Мы всѣ очень умны умомъ нашего вѣка, разлагающимъ, мятежнымъ, пренебрежительнымъ! — записываетъ по французски въ своемъ дневникѣ Анна Федоровна Тютчева, состоявшая въ теченіе тринадцати лѣтъ фрейлиною при молодой цесаревнѣ, потомъ фрейлиною при новомъ шефѣ полка, императрицѣ Маріи Александровнѣ, наконецъ, въ роли воспитательницы единственной дочери царской четы, великой княжны Маріи, будущей герцогини Эдинбургской.

Анна Федоровна Тютчева, старшая дочь поэта, родилась въ Мюнхенѣ, гдѣ ея отецъ служилъ въ русской миссіи. Здѣсь будущая фрейлина провела свое дѣтство и здѣсь же получила образованіе въ мюнхенскомъ королевскомъ институтѣ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, переѣхавъ въ Россію, молодая дѣвушка проживаетъ то въ отцовскомъ имѣніи Овстугъ, орловской губерніи, то въ столицѣ, въ которой воспитываются ея младшія сестры, Дарья и Екатерина.

Стѣсненное матеріальное положеніе, въ которомъ очутилась семья заставляетъ поэта хлопотать черезъ вліятельные круги о назначеніи одной изъ дочерей фрейлиной къ супругѣ престолонаслѣдника, цесаревнѣ Маріи Александровнѣ.

Наибольшие шансы имѣетъ вторая дочь Дарья, воспитанница Смольнаго института, отличавшаяся красивою внѣшностью. Но выборъ цесаревны, не желавшей имѣть при себѣ слишкомъ интересныхъ и молодыхъ фрейлинъ, останавливается на Аннѣ Федоровнѣ.

Окруженная дома атмосферой славянофильскаго сентиментализма, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ националистическихъ тенденцій отца, молодая фрейлина вступаетъ въ исполненіе своихъ обязанностей съ чувствами глубокаго благоговѣнія.

Замкнутость и семейная обстановка „молодого Двора" способствуютъ сближенію цесаревны съ новою фрейлиной, превратившемуся для

страстной натуры Анны Федоровны въ болѣзненную привязанность. Ея положеніе становится исключительнымъ. Близость къ престолонаслѣдницѣ предоставляетъ возможность играть даже извѣстную политическую роль. Ея острый и парадоксальный, унаслѣдованный отъ отца умъ, дѣлаетъ общеніе съ ней привлекательнымъ, она блестяще владѣетъ перомъ, за нею складывается репутація „d'une femme d' esprit...“

Вотъ, напримѣръ, въ какихъ выраженіяхъ описываетъ фрейлина знакомство съ великой княгиней Маріей Николаевной, которой обязана своимъ назначеніемъ.

„Я застала ее въ роскошномъ зимнемъ саду, окруженной экзотическими растеніями, фонтанами, водопадами, птицами, настоящимъ миражемъ весны среди петербургскихъ морозовъ.

Дворецъ великой княгини былъ поистинѣ волшебнымъ замкомъ, благодаря щедрости императора къ своей любимой дочери и вкусу самой великой княгини.

Это была богатая и щедро одаренная натура, соединявшая съ поразительной красотой тонкій умъ, привѣтливый характеръ и превосходное сердце. Къ несчастью, она была выдана замужъ въ возрастѣ семнадцати лѣтъ за принца Лейхтенбергскаго, сына Евгенія Богарнэ, красиваго малаго, кутилу и игрока, пытавшагося деморализировать и свою молодую жену“.

Дѣйствительно, въ этомъ мірѣ, столь наивно развращенномъ, что его даже нельзя назвать порочнымъ, встрѣчались люди, которые при внѣшнихъ признакахъ самой утонченной цивилизаціи, были далеко не безупречны съ точки зрѣнія моральнаго кодекса.

Къ числу таковыхъ, со словъ Тютчевой, принадлежала и великая княгиня:

„Не безъ непріятнаго изумленія можно было открыть въ ней, наряду съ блестящимъ умомъ и художественнымъ вкусомъ, нѣкоторый цинизмъ. Мнѣ кажется, однако, что несмотря на сплетни, которыя она вызывала, цинизмъ ея проявлялся скорѣе въ словахъ и манерахъ, чѣмъ въ поведеніи.

Доказательствомъ служитъ настойчивость, съ которой она стремилась урегулировать бракомъ свои отношенія къ графу Строганову, съ которымъ тайно повѣнчалась тотчасъ послѣ смерти герцога Лейхтенбергскаго, хотя этотъ бракъ подвергалъ ее настоящей опасности, если бы сталъ извѣстенъ отцу“.

Къ счастью, императоръ Николай I не подозрѣвалъ о событіи, которое оттолкнуло бы его не только отъ любимой дочери, но также отъ цесаревны и цесаревича, содѣйствовавшихъ этому браку.

Въ запискахъ имѣется рядъ яркихъ характеристикъ и одновременно воскресаетъ картина, такъ называемаго, „фрейлинскаго корридора“, цѣлый калейдоскопъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ обоихъ царствованій,

напримѣръ — образъ канцлера князя Горчакова, похожаго „на собаку, у которой отрѣзали хвостъ", образъ „матушки-гусыни" свѣтлѣйшей княгини Салтыковой, спирита Юма и прочихъ лицъ придворнаго круга.

Очень живо изображенъ салонъ Карамзиныхъ — „истинный оазисъ среди блестящаго и пышнаго, но мало одухотвореннаго петербургскаго свѣта".

Весьма интересны описанія, какъ реагируетъ Дворъ на событія Севастопольской кампаніи:

„Все здѣсь дышитъ обычнымъ миромъ, той покойной рутиной, которая окружаетъ великихъ міра сего, какъ атмосфера Олимпа. Тучи собираются съ часу на часъ все болѣе грозныя, гремитъ громъ, а здѣсь все тотъ же мягкій полусвѣтъ, тотъ же ласкающій вѣтерокъ".

И лишь постепенно это безмятежное настроеніе смѣняется чувствомъ глухой тревоги, которая переходитъ въ сознаніе роковой обреченности.

Анна Федоровна покинула Дворъ въ 1866 году и вышла замужъ за извѣстнаго славянофила И. С. Аксакова.

Однако, одновременно съ бракомъ и переѣздомъ въ Москву, ея связь съ Дворомъ не прекращается. Но интересами, стремленіями и запросами она далека теперь отъ всего того, чѣмъ полны ея юные годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противорѣчіе со своими воззрѣніями, она дѣлаетъ зловѣщіе выводы и какъ бы интуитивно предчувствуетъ надвигающуюся опасность:

— Я ничего не могу съ собою подѣлать!.. У меня сжимается сердце, когда я думаю о будущемъ Россіи, о будущемъ царя и семьи!.. Да хранитъ ихъ Господь!

Физическій образъ царя, со словъ современниковъ, рисуется въ такомъ видѣ:

„Лицо императора неподвижно. Геометрическая прямоугольность чертъ создаетъ ощущеніе холодной окаменѣлости. Выраженіе строгости, которымъ гордится монархъ, какъ природнымъ отличіемъ своего сана, не измѣняетъ ему нигдѣ, ни на разводахъ и военныхъ парадахъ, ни на дворцовыхъ и великосвѣтскихъ балахъ.

Большіе выпуклые глаза, нѣсколько водянистаго оттѣнка, съ жуткой пристальностью пронизываютъ окружающихъ. Молодыя дамы и фрейлины трепещутъ отъ приближенія этого суроваго человѣка и падаютъ въ обморокъ отъ его леденящаго взгляда. Въ отчетливомъ очеркѣ лица, въ строгомъ выраженіи, въ сдержанныхъ жестахъ сказывается природный воинъ".

Императрица Александра Феодоровна, дочь прусскаго короля, поражаетъ своей болѣзненной худобой.

„Ея хворую натуру заморили пріемы, балы и, самое главное, трудная царская повинность обильнаго дѣторожденія. Несмотря на свою легендарную репутацію прелестной женщины и льстивое прозвище „Лалла-

Рукъ", императрица блекнетъ въ кругу выдающихся красавицъ, окружающихъ ея тронъ.

По этой причинѣ, императрица стремится затмить ихъ своимъ облаченіемъ. Шлейфъ ея осыпанъ драгоцѣнными камнями, весь нарядъ отороченъ бѣлыми горностаями, а на головѣ переливно сверкаетъ изумрудная діадема изъ крупныхъ звѣздъ съ брилліантовыми лучами".

Интересна характеристика одной изъ наиболѣе знатныхъ барынь эпохи, передъ которой склонялся весь сановный міръ невской столицы, которой представляли иностранныхъ пословъ, какъ высочайшимъ особамъ — княгини Натальи Петровны Голицыной.

„Нарядъ древней старухи хранитъ еще черты старинныхъ модъ середины минувшаго столѣтія. Напудренный парикъ, высокій чепецъ въ лентахъ, кружевахъ, искусственныхъ розахъ, шитый серебромъ желтый шелковый костюмъ — все это напоминало наряды эпохи Помпадуръ.

Лицо ея удивительно безобразно. Огромный крючковатый носъ свѣшивался надъ толстыми отвислыми губами, покрытыми сѣдой порослью. Мутные глаза глядѣли на окружающихъ, а голова подъ пышными бантами и яркими розанами головного убора непроизвольно покачивалась въ тактъ каждому слову, вылетавшему изъ устъ съ хриплымъ вороньимъ карканьемъ."

Несмотря на свой возрастъ, старуха сохраняла весьма гибкій умъ, свѣжую память, привычку непринужденной свѣтской бесѣды.

Она хорошо помнила шесть царствованій, въ свое время дружила съ императрицей Екатериной, бывала на пріемахъ у королевы Маріи-Антуанетты, въ молодости отличалась необыкновенною красотой и сводила съ ума самого герцога Ришелье.

Ее называли обычно „Princesse Moustache" за обильную растительность на лицѣ.

Но къ старинному прозвищу, послѣ пушкинской повѣсти, въ которой поэтъ весьма прозрачно изобразилъ старуху-княгиню, присоединилась новая кличка.

Ее стали называть „Dame de Pique"...

Интересенъ любовный романъ брата цесаревны, принца Александра Гессенскаго, и фрейлины Юленьки Гауке, дочери польскаго генерала графа Маврикія Гауке, сохранившаго вѣрность присягѣ и павшаго во время возстанія.

„Эта дѣвица уже не первой молодости, никогда не была красива, но нравилась благодаря присущимъ полькамъ изяществу и пикантности".

Дворцовая хроника передаетъ, что принцъ былъ погруженъ въ черную меланхолію вслѣдствіе неудачнаго романа съ дочерью графа Петра Шувалова.

Императоръ Николай I положилъ категорическій запретъ на его намѣреніе жениться на красавицѣ-графинѣ.

Фрейлина Гауке рѣшила утѣшить влюбленнаго принца и исполнила это съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ ей пришлось кинуться со слезами къ ногамъ цесаревны и умолять о прощенiи.

Принцъ, какъ человѣкъ чести, объявилъ что женится на ней. Но императоръ, не допускавшiй шутокъ, когда дѣло шло о добрыхъ нравахъ царской семьи, пришелъ въ величайшiй гнѣвъ и заставилъ виновниковъ позора немедленно покинуть предѣлы Россiи.

Онъ даже отнялъ у принца его жалованье въ 12.000 рублей, а у фрейлины Гауке пенсiю въ 2500 рублей, которую она получала за вѣрную службу отца.

„Это былъ тяжкiй ударъ для цесаревны, ее разлучили съ нѣжно любимымъ братомъ, терявшимъ всякую надежду на какую либо карьеру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ средства къ существованiю, благодаря игрѣ кокетки, увлекшей этого благороднаго человѣка".

Впрочемъ, и другiя фрейлины давали поводъ для сплетенъ скандальнаго характера.

Такъ напримѣръ, баронесса Юлiя Бодэ была удалена отъ Двора за сердечную интрижку съ красивымъ итальянскимъ теноромъ Марiо.

„Всѣ эти событiя послужили причиною моего назначенiя ко Двору," — признается въ своемъ дневникѣ фрейлина Тютчева. „Меня выбрали какъ дѣвушку благоразумную, серьезную и не очень красивую".

Въ мансардахъ дворца проживало оригинальное существо, обломокъ временъ александровскихъ, княжна Волконская, бѣдная, сморщенная старушка, по цѣлымъ днямъ сидѣвшая у себя въ салонѣ, въ перчаткахъ, разубранная точно икона.

Во время Отечественной войны, когда русское дворянство со всѣхъ сторонъ приносило огромныя жертвы для обороны страны, она, не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ своего жалованья фрейлины, весьма скуднаго по тому времени, дала обѣтъ ежедневно, до конца своихъ дней, ходить къ обѣднѣ.

Этотъ обѣтъ старенькая княжна добросовѣстно выполняла въ теченiе сорока лѣтъ.

Интересенъ портретъ другой фрейлины, княжны Ольги Сергѣевны Долгоруковой, натуры сложной, проникнутой таинственнымъ обаянiемъ, которое подчиняло себѣ не только мужчинъ, но и женщинъ, какъ ни мало чувствительны онѣ, вообще говоря, къ прелестямъ особъ своего пола.

Впослѣдствiи, княжна Ольга Сергѣевна увлечетъ Александра II и, послѣ непродолжительной связи, будетъ выдана замужъ за стараго генерала Альбединскаго, котораго царь поспѣшитъ назначить на должность варшаскаго генералъ-губернатора.

Вниманiе любвеобильнаго императора уже привлечено ея дальнею родственницей, юной красавицей, княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой, впослѣдствiе ставшей его морганатическою супругой, съ титуломъ свѣтлѣйшей княгини Юрьевской. . .

55.

Четвертыя сутки полкъ на походѣ, прикрывая движенiе „Сѣверной Армiи“, обороняющей столицу.

Противникъ наступаетъ со стороны юго-запада, въ промежуткѣ между санктъ-петербурго-варшавской и балтiйской желѣзной дорогой.

Главныя силы, собранныя въ грозный кулакъ, двигаются нѣсколькими уступами, на небольшомъ разстоянiи другъ отъ друга, выдвинувъ авангарды.

Конница, „глаза и уши армiи“, широкой завѣсой выброшена впередъ, съ цѣлью войти въ соприкосновенiе, выяснить точно направленiе и силы противника.

Четвертыя сутки полкъ Царицыныхъ Кирасиръ, дѣйствующiй на отвѣтственномъ участкѣ общаго фронта, производитъ развѣдку.

Противникъ не обнаруженъ, за исключенiемъ мелкихъ кавалерiйскихъ частей, уклоняющихся отъ боя, отступающихъ тотчасъ въ случаѣ встрѣчи.

Полкъ поднятъ съ разсвѣтомъ.

Уже давно, точно занавѣсъ, свернулась завѣса тумана и табуны холоднаго пара развѣялись въ небесахъ.

Солнце пламеннымъ свѣтомъ заливаетъ жирные льны, желтый ячмень, густыя картофельныя поля. Время отъ времени попадаются зеленыя пожни, луговины, омшары, съ горечавкой, мятой, полынью и тысячами другихъ травъ, отъ которыхъ несетъ сладкимъ медвянымъ духомъ. Луговины спускаются круто къ ручью, съ свѣтлой прозрачной водой, съ нависнувшими кустами лещины.

И лошади, какъ по командѣ, начинаютъ прибавлять шагъ, раздуваютъ ноздри, ловя ртомъ прохладу, и дружно отфыркиваются.

Командиръ эскадрона держится впереди.

Голова его покрыта фуляромъ, концы котораго торчатъ изъ подъ фуражки, на подобiе заячьихъ лапокъ, и защищаютъ затылокъ отъ зноя. Въ рукахъ у него плеть изъ конскаго волоса, которою онъ лѣниво отмахивается отъ комаровъ, мухъ и прочаго гнуса.

Господа офицеры ѣдутъ по краю обочины, нервно дымя папиросами, пытаясь заглушить возмутительный голодъ и точно такую же жажду.

У ручья полкъ сдѣлалъ короткую остановку.

Лошади тотчасъ заржали, раскорячивъ ноги стали мочиться, отмахиваться хвостами отъ насѣдавшихъ шмелей, потянулись мордами къ соблазнительно зеленѣвшей травѣ.

Изъ сосѣдняго эскадрона, вертя въ рукѣ хлыстъ и рѣзкимъ ударомъ, точно остро отточенной шашкой, сбивая головки растущаго у дороги колючаго будяка, подошелъ Павлуша Мордвиновъ.

На его скуластомъ лицѣ, съ слегка приплюснутымъ носомъ, съ раскосыми монгольскими щелками, играло мрачное выраженiе.

„Жомини да Жомини,
А о водкѣ ни полслова?“

протянулъ Павлуша, опасливо оглянулся и, хлеснувъ воздухъ, выбросилъ зернистую фразу . . .

Только въ полдень, когда зной сдѣлался окончательно нестерпимъ, полкъ подошелъ къ березовому лѣску и сталъ на привалъ.

Утомленнымъ лошадямъ облегчили подпруги, вынули желѣзо, задали кормъ. Тотчасъ подвезли походныя кухни и фургонъ съ офицерскимъ буфетомъ.

А группа старшихъ начальниковъ, во главѣ съ командиромъ полка, присѣла на тѣнистой опушкѣ. Склонившись надъ развернутой картой, командиръ перечитывалъ диспозицію. Полковой адъютантъ отмѣчалъ краснымъ карандашомъ путь слѣдованія разъѣздовъ.

— Inconcevable!— произнесъ баронъ Раушъ, закончивъ чтеніе диспозиціи, охлаждая себя глоткомъ остывшаго чая. — Ничего не понимаю?.. До сихъ поръ никакихъ донесеній?.. Михаилъ Михайловичъ, что же это такое? Lasciate ogni speranza? — обратился онъ къ адъютанту, щегольнувъ латинской цитатой. — Кстати, будьте любезны передатъ бутербродъ съ ветчиной... Мерси!

Наступило молчаніе.

— Комиссія! — замѣтилъ сухо старшій полковникъ и недоумѣвающе развелъ руками.

Онъ отчаянно затянулся, выпустилъ густое облако дыма, приподнялъ могучія плечи.

— Комиссія! — повторилъ Ипполитъ Алексѣевичъ. — Противникъ, язви его душу, виситъ почитай на носу!.. Гусары шаркаютъ гдѣ-то по близости!.. Помилуй Богъ!.. Полагалъ бы выслать дополнительную развѣдку?

Полковникъ Эсперъ Александровичъ, въ сдержанной формѣ, выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы дополнительная развѣдка могла бы дать какія либо свѣдѣнія раньше наступленія ночи.

„Папаша“ стоялъ на своей линіи.

— Зря мотаемъ коней! — хмуро, тоскливо, со слезой въ голосѣ, произнесъ командиръ эскадрона.

Генералъ баронъ Раушъ, на минуту, задумался.

По разсчету, донесенія могутъ прибыть каждый часъ. Собственно говоря, они уже давно должны быть здѣсь и дать точное представленіе о группировкѣ противника.

Странно, непонятно, необъяснимо?

Въ сознаніи командира выросло острое чувство нетерпѣливаго ожиданія, досады, отвѣтственности, безпокойства, тревоги. Въ его глазахъ военнаго спеціалиста, офицера генеральнаго штаба, подобная тактическая небрежность не имѣла ни малѣйшаго оправданія.

Остается развѣ предположить, что разъѣзды не достигли поставленной цѣли, попали въ плѣнъ, а донесенія перехвачены?

Въ такомъ случаѣ, дополнительная развѣдка необходима.

Спокойный, корректный, уравновѣшанный человѣкъ, командиръ полка ощутилъ внезапную нервность. Недоставало, чтобы на рубиконѣ эпохи, въ переломный моментъ, на грани стараго и новаго вѣка, отмѣченной неумолимыми требованіями генерала-инспектора, получить служебное порицаніе?

Командиръ принялъ рѣшеніе.

— Развѣдка отъ четвертаго эскадрона! — произнесъ генералъ Раушъ, твердымъ и властнымъ, не допускающимъ возраженія голосомъ. — Михаилъ Яковлевичъ, ваша очередь, если не ошибаюсь?

— Слушаю, ваше превосходительство!

„Папаша“ приложилъ руку къ фуражкѣ и покорно наклонилъ голову . . .

Черезъ часъ полкъ продолжалъ дальнѣйшее слѣдованіе.

По мѣру приближенія къ противнику, мѣстность становилась все болѣе пересѣченной и, во избѣжаніе случайнаго нападенія или засады, полкъ охранялъ себя не только головными, но и боковыми дозорами.

Все чаще попадались отдѣльные всадники, на сѣрыхъ гусарскихъ коняхъ, съ зеленою вѣточкою, прикрѣпленной къ фуражкѣ.

Обнаруживъ движеніе кавалерійской колонны, гусаръ поворачивалъ и вихремъ исчезалъ за бугромъ.

Попытки получить плѣннаго, „достать языка“, не имѣли успѣха.

Время отъ времени доносились одиночные ружейные выстрѣлы и гдѣ-то глухо бухали пушки . . .

56.

ВЗВОДЪ кирасиръ, проникшій въ центръ непріятельскаго расположенія и наблюдавшій изъ небольшой рощи, какъ пѣхотные кашевары варили обѣдъ, возвращался съ развѣдки.

Онъ двигался кратчайшимъ путемъ по шоссе, подъ бѣглымъ огнемъ Лейбъ-Гренадеръ, свернулъ на боковую дорогу и къ вечеру, безъ малѣйшихъ потерь, присоединился къ полку.

Командиръ эскадрона осмотрѣлъ взводъ, нашелъ, что лошади перепали, сдѣлалъ замѣчаніе офицеру, приказалъ взыскать съ взводнаго.

Не успѣли кирасиры разсѣдлать лошадей, какъ полковой писарь принесъ отъ адъютанта записку:

„По приказанію командира полка, четвертому эскадрону занять аванпосты“.

Командиръ эскадрона выругался. Субалтерны — четыре корнета, повѣсили нюсъ. Это было несправедливо, это было, кромѣ того, непріятно. Непріятно тѣмъ болѣе, что вечеромъ готовился балъ.

Полкъ стоялъ бивакомъ въ усадьбѣ графини Зубовой, старой пріятельницы командира полка.

На лужайкѣ, примыкавшей къ парку усадьбы, голосисто ржали на коновязяхъ кирасирскіе кони. Пѣсенники пѣли солдатскія пѣсни. Тонкими струйками вился къ небу дымъ походныхъ костровъ.

А на террасѣ графскаго дома наблюдались таинственныя приготовленія. Лакеи разставляли столы. Молодые люди протягивали проволоку съ фонариками изъ разноцвѣтной бумаги. Въ паркѣ мелькали бѣлокурыя барышни въ бѣленькихъ платьицахъ.

Слышался заглушенный смѣхъ, визгъ, веселыя восклицанія.

Господа офицеры, чисто выбритые и надушенные, въ туго накрахмаленныхъ кителяхъ изъ „чертовой кожи", со стэками въ рукахъ, прогуливались по парку, ловили барышень и тутъ же знакомились . . .

Между тѣмъ, ведя лошадей въ поводу, четвертый эскадронъ уже двигался по дорогѣ.

„Папаша", сидя на старомъ драбантѣ, куцехвостомъ меринѣ „Риголетто", поджидалъ у воротъ замѣшкавшихся субалтерновъ.

Обогнувъ графскій паркъ, сдѣлали остановку.

Впереди разстилалось ржаное поле, за нимъ перелѣски, чухонскія мызы, заклубленные вечернимъ туманомъ луга, въ которыхъ кричалъ коростель:

— Деръ-деръ!.. Деръ-деръ!

На военномъ совѣтѣ рѣшено было выставить аванпосты вдоль графскаго плетня. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстность открытая, съ достаточнымъ кругозоромъ, фланги прикрыты, тылъ обезпеченъ.

— Отецъ командиръ! — произнесъ „Крукъ". — Какъ прикажешь, а лучшей позиціи не сыскать?

— Оп-предѣленно! — сказалъ Анатоль.

— Правильно! — подтвердилъ Эдя и затянулъ высокимъ фальцетомъ:

„Sous le soleil marrocain,
Je pense à toi, o, ma jolie!"

„Папаша" для вида поспорилъ, потомъ согласился, отдалъ, какъ полагается, всѣ приказанія, пароль, пропускъ и прочее.

Потомъ, прилегъ подъ плетнемъ и досталъ походную флягу.

Потомъ, завернулся въ мохнатую кавказскую бурку и задремалъ.

Легкій свистъ вырывался изъ его широкихъ, заросшихъ рыжей щетиной ноздрей. Въ травѣ трещали сверчки. Мягко пофыркивали кирасирскіе кони. Озаряя спящее поле, полнымъ блескомъ свѣтила луна.

Тихо, спокойно было на аванпостахъ.

Ни ружейный выстрѣлъ, ни подозрительное передвиженіе или бряцанье оружіемъ не нарушали божественнаго молчанія ночи. Никто не тревожилъ кирасирскій бивакъ. И лишь на ближайшей низинѣ, бдитель-

но, точно часовой на посту, съ опредѣленными промежутками, продолжалъ кричать коростель:

— Деръ - деръ!.. Деръ - деръ!

Четыре корнета перелѣзли черезъ плетень.

Осторожнымъ движеніемъ сдѣлали четыре шага и дорожкой прослѣдовали въ глубину парка, по направленію къ ярко освѣщенной террасѣ.

Четыре корнета остановились, укрытые густой тѣнью деревьевъ, наблюдая, со щемящей тоской, какъ гремѣлъ хоръ трубачей, лилось вино и кружились вальсировавшія пары:

„Былъ тихій вечеръ, вечеръ бала,
Былъ лѣтній балъ, межъ старыхъ липъ,
Тамъ, гдѣ рѣка образовала
Свой самый выпуклый изгибъ".

Въ паркѣ было темно. Но кое - гдѣ, между стволами, мелькали бѣлыя платьица, доносился взволнованный шопотъ и порою, какъ будто, даже слышались поцѣлуи:

„Былъ тихій вальсъ межъ липъ старинныхъ,
И много встрѣчъ, и много лицъ,
И близость чьихъ-то длинныхъ, длинныхъ,
Красиво загнутыхъ рѣсницъ"...

До полуночи, а можетъ быть дольше, танцовали на графской террасѣ, пускали шутихи, зажигали бенгальскій огонь.

Пили крюшонъ и варили кирасирскую жженку, черпая ковшикомъ пылавшую влагу, разливая ее по стаканамъ, роняя въ стекло синія огненныя капли.

Молодежь дурачилась съ барышнями. Болѣе солидные, поручики и штабсъ-ротмистра, ухаживали за дамами...

А на разсвѣтѣ снова зарокотала труба.

Хоръ трубачей подхватилъ генералъ - маршъ и мѣдные звуки торжественно полились по спящимъ полямъ, лугамъ, перелѣскамъ:

„Вса-дни-ки, дру-ги, въ по-ходъ со-би-рай-тесь!"

Изъ графскаго дома, въ которомъ ночевалъ командиръ, вынесли покоящійся въ кожаномъ чехлѣ старый кирасирскій штандартъ. Взводъ, при полковомъ адъютантѣ, подъѣхалъ къ выстроенному полку. Прокатилась команда, сверкнули шашки, заигралъ полковой маршъ.

А изъ оконъ высунулись бѣлокурыя личики и замахали платочками.

На рыжей, въ бѣлыхъ чулкахъ и съ проточиной, старой датской кобылѣ, показался генералъ баронъ Раушъ.

Медленно подъѣхавъ къ полку и принявъ строевой рапортъ, командиръ поздоровался, взглянулъ на небо, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ побесѣдовалъ со старшими офицерами.

Черезъ четверть часа, полкъ Царицыныхъ Кирасиръ снова двигался

въ авангардѣ, нащупывая противника, охраняя главныя силы отъ внезапнаго нападенія.

О, романтика кавалерійскихъ маневровъ!

Кто опишетъ передвиженія перемѣннымъ аллюромъ, скрытый подходъ къ полю сраженія, атаку во флангъ ничего не подозрѣвающаго врага?

Кто передастъ поэзію бивачныхъ огней, дымъ походныхъ костровъ, сладкую нѣгу ночлега?..

День истекалъ и солнце медленно склонялось къ закату, когда у мызы Волосовой была обнаружена наконецъ, непріятельская застава.

Генералъ баронъ Раушъ, хорошо изучившій военную тактику, остановилъ кобылу, развернулъ карту, вынулъ дамскій бинокль съ перламутровой ручкой и, нѣкоторое время, тщательно слѣдилъ за противникомъ.

Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ вынесся крутымъ галопомъ на холмъ и тѣмъ же аллюромъ вернулся назадъ.

— Что же, ваше превосходительство? — обратился старшій полковникъ и глаза его сверкнули по - волчьи, зоркимъ, холоднымъ, пристальнымъ свѣтомъ. — Лучшей оказіи чай не сыскать?.. Шашки вонъ, алиньеманъ по четвертому эскадрону?.. Какъ полагаете, ваше превосходительство?

— Совершенно вѣрно! — произнесъ баронъ Раушъ. — Vous avez parfaitement raison, mon colonel... Вполнѣ съ вами согласенъ!.. Будемъ атаковать!

Давъ шпоры горячему жеребцу, старшій полковникъ взлетѣлъ снова на холмъ, поднялъ высоко руку и мощнымъ, далеко прокатившимся голосомъ, закричалъ:

— Шашки вонъ!.. Полкъ, на полные интервалы, въ линію колоннъ, рысью...

Звякнули и сверкнули клинки, глухо стукнули приклады винтовокъ. Конная масса зашевелилась, пришла въ движеніе. Оглашая воздухъ ржаньемъ коней, длинная лента четырехъ эскадроновъ перешла въ рысь, построила взводы, разошлась на дистанціи, интервалы.

— Полкъ, по четвертому эскадрону, строй фронтъ...

Генералъ баронъ Раушъ подалъ исполнительную команду и направилъ Лейбъ - Регimentъ въ атаку.

Четыре эскадрона, равняясь какъ на царскомъ парадѣ, подняли лошадей въ галопъ.

Тяжелые кони заскакали по мягкому грунту, вспугивая табуны зайцевъ и куропатокъ. На картофельномъ полѣ линія эскадроновъ слегка разбилась. Изъ подъ ногъ, словно разорвавшіяся ракеты, съ трескомъ вырывались фазаны и свѣчой подымались къ вечерѣющимъ небесамъ.

Роскошныя птицы летали по всѣмъ направленіямъ.

Ихъ были десятки, сотни, можетъ быть тысячи. Это былъ подлинный птичій оазисъ.

Кирасирская атака увѣнчалась успѣхомъ.

Непріятельская застава была окружена и, давъ нѣсколько безпорядочныхъ залповъ, принуждена была сдаться.

Дальнѣйшее движеніе было пріостановлено.

Кирасиры слѣзли съ коней, разбили эскадронныя коновязи, стали на новый ночлегъ.

Денщики разбивали въ палаткахъ походныя койки. Прислуга собранія возилась подлѣ фургона съ офицерскимъ буфетомъ. Задымились походныя кухни. Солдаты занялись вечерней уборкой.

Вскорѣ подошли однобригадники — желтые царскосельскіе Кирасиры.

Кавалергарды и Конная Гвардія прошли впередъ.

Лихо пронеслась конная батарея и, пустивъ въ носъ облако пыли, скрылась за поворотомъ дороги...

57.

Четыре корнета, захвативъ два ружья и взявъ изъ обоза лягавую суку „Афроську", направились въ поле.

Собака, можно сказать, была не нужна. Сразу напоролись на выводокъ:

— Фрръ!

Фазаны выскакивали одинъ за другимъ. Съ трескомъ вылетали они изъ подъ ногъ и подымались ракетами къ небесамъ. Одни тотчасъ падали подъ мѣткими выстрѣлами и на смѣну имъ вылетали другіе.

— Фрръ-фррръ! — то и дѣло раздавалось со всѣхъ сторонъ, справа и слѣва, даже сзади, и тотчасъ гремѣли выстрѣлы.

„Крукъ" билъ безъ единаго промаха.

— Бацъ! — и, перекосившись уродливо въ воздухѣ, фазанъ обрывалъ свой стремительно - живописный полетъ и камнемъ шлепался на земь.

Не взирая на близорукость, Анатоль, въ свою очередь, сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ дуплетовъ.

Зато Эдя фонъ Шведеръ, при всѣхъ достоинствахъ свѣтскаго кавалера и конкурнаго ѣздока, не могъ похвастать твердостью руки и зоркостью глаза.

Онъ пропускалъ птицу за птицей, мазалъ, какъ говорится, „въ бѣлый свѣтъ, что въ копѣйку", а послѣ каждаго выстрѣла съ удивленіемъ пожималъ плечами, осматривалъ двустволку, находилъ въ ней какіе - то недочеты.

Въ общемъ, охота продолжалась не болѣе часа.

Двадцать восемь тяжелыхъ, жирныхъ, отъѣвшихся птицъ, съ мяг-

кою грудкой, съ длинными пестрыми перьями на хвостѣ, были отправлены на офицерскую кухню.

Потомъ, рѣзались въ карты. Денщики засвѣтили огарки.

Когда закончили пульку и вышли наружу, было совсѣмъ темно.

Въ небѣ тихо мерцала Большая Медвѣдица, золотая кастрюля изъ семи звѣздъ, по которой развѣдчики четвертаго эскадрона опредѣляли страны свѣта.

Ярко горѣли и трещали костры. Возлѣ нихъ лежали солдаты и пѣли хохлацкія пѣсни. Перекликаясь между собой, ржали и фыркали въ темнотѣ кирасирскіе кони. Иногда чей нибудь конь бился на коновязи и солдатскій голосъ сердито кричалъ:

— Балуй!..

Ночь была тихая, теплая. Пахло скошенною травой, повиликой, чемерицей, полынью, сладкими, суховато - пряными ароматами.

Небо, точно темная епанча съ раскиданными на ней золотистыми пчелами, свѣтилось отъ звѣздаго блеска. Гдѣ-то на югѣ вспыхивали зарницы.

За длиннымъ и узкимъ, накрытымъ свѣжей скатертью столомъ, сидѣли господа офицеры.

Среди нихъ были гости.

Справа отъ командира полка, въ бѣломъ кителѣ съ конногвардейскими погонами и золотымъ аксельбантомъ, сидѣлъ начальникъ кирасирской дивизіи, стройный, сухощавый, съ коротко подстриженнымъ, начинающимъ рѣдѣть бобрикомъ, великій князь Павелъ.

Слѣва помѣщался только что назначенный командиромъ Кавалергардовъ, генералъ-маіоръ князь Юсуповъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ, или иначе „Феликсъ Великолѣпный".

Свѣча въ стеклянномъ колпачкѣ ярко освѣщала крупную представительную фигуру, плотное чувственное лицо, съ черными, укороченными на англійскій образецъ усами.

Его дѣдъ былъ скромнымъ дворяниномъ Эльстономъ.

Отецъ женился на дочери петербургскаго военнаго губернатора, генерала - адъютанта графа Сумарокова, и получилъ графскій титулъ.

„Феликсъ" взялъ въ жены единственную наслѣдницу знатнаго татарскаго рода и несмѣтныхъ мильоновъ, молодую красавицу княжну Зинаиду Юсупову, и сталъ, по высочайшему повелѣнію, княземъ Юсуповымъ графомъ Сумароковымъ-Эльстонъ.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ изящный свѣтловолосый штабсъ - ротмистръ, полковой адъютантъ Кавалергардовъ, Павелъ Петровичъ Скоропадскій.

Напротивъ виднѣлся командиръ Конной Гвардіи, пожилой генералъ съ длинной сѣдой бородой, со строгимъ лицомъ библейскаго пророка, князь Одоевскій - Масловъ.

А посреди офицеровъ, въ разбивку, и чѣмъ дальше къ лѣвому флан-

гу стола, гдѣ сидѣла молодежь и великій князь Михаилъ, тѣмъ понижаясь болѣе въ чинѣ, сидѣли прочіе гости — длинный, какъ верстовой столбъ, конногвардейскій полковникъ баронъ Жираръ де Сукантонъ, небольшой, плотный, съ круглой лысою головой и масляными глазами — ротмистръ Ханъ Нахичеванскій, князь Юрій Трубецкой, графъ Ниродъ, веселый балагуръ поручикъ князь Бѣлосельскій - Бѣлозерскій, принцъ Мюратъ и другіе...

———

Звенѣли стаканы съ виномъ, суетилась прислуга, съ озабоченнымъ видомъ бѣгалъ метръ д'отель Алексѣичъ.

Хоръ трубачей игралъ изъ „Пиковой Дамы".

Съ мягкимъ кряканьемъ, возвращаясь послѣ жировки съ полей, проносились надъ головой дикія утки.

Смѣхъ, шутки, бесѣда не умолкали.

Къ жаркому подали „Абрау - Дюрсо" и первая пробка, точно выстрѣлъ изъ пистолета, хлопнула въ темнотѣ.

— Это что?.. Курица? — спросилъ Юсуповъ, отправляя въ ротъ бѣлый жирный кусокъ. — Фазаны, пароль д'оннеръ!

— Это мои молодцы! — отвѣтилъ, съ улыбкой, генералъ баронъ Раушъ. — Корнеты четвертаго эскадрона... Господа охотники, ваше здоровье!

И отъ себя послалъ на подносѣ четыре бокала...

58.

ПОЛЕ подъ Пулковымъ — ужасное поле, зыбкое, вязкое, съ торфяниками и осушительными канавами.

На немъ произошла встрѣча „южанъ" съ тяжелой кирасирской дивизіей.

Затрещала труба, сверкнули клинки, изъ линіи взводныхъ колоннъ построили фронтъ. Начальникъ дивизіи вынесся на ворономъ жеребцѣ, взмахнулъ шашкой — и шестнадцать развернутыхъ эскадроновъ, точно сокрушающая лавина, въ лучахъ горящаго солнца, покатились навстрѣчу противнику.

Это было великолѣпное зрѣлище, на которое, стоя на высокомъ холмѣ, глядѣлъ Императоръ съ многочисленной свитой.

Четвертый взводъ четвертаго эскадрона, скакавшій на крайнемъ лѣвомъ флангѣ дивизіи, держалъ направленіе на царскую ставку, прямо на желтое пятно развѣвавшагося штандарта съ чернымъ двуглавымъ орломъ.

Кочковатый лугъ становился все болѣе вязкимъ и топкимъ. Вода сочилась и булькала подъ копытами лошадей. Впереди, перекрытое изумрудною травкой, лежало торфяное болото.

— Рразъ - рразъ!

„Рэдъ - Бой" скачетъ, какъ заяцъ, зарываясь передомъ въ зыбкую

почву, выдергивая задъ изъ болота. Черные комья летятъ во всѣ стороны и болото уже позади.

Но полъ взвода лежитъ въ зеленой травѣ. Лошади тяжело приподымаются, вязнутъ и падаютъ снова. Всадники барахтаются въ грязи, не выпуская, однако, шашекъ и поводьевъ изъ рукъ.

Атака неслась полнымъ ходомъ.

Это было эффектное, яркое, потрясающее зрѣлище кавалерійскаго боя.

Шестнадцать эскадроновъ тяжелой кирасирской дивизіи, сметая на пути всѣ преграды, круша заборы, канавы, препятствія, какъ могучій таранъ, повинующійся волѣ начальника, сплошною стѣной катились по зеленому лугу.

Вытянувъ шеи, другіе высоко задравъ морды, храпѣли и ржали огромные кони, бряцало и звенѣло оружіе, изъ тысячей глотокъ, сплетаясь въ одинъ общій гулъ, вырывались побѣдоносные клики.

А навстрѣчу, выростая съ каждымъ мгновеньемъ, длинной прерывчатой линіей, принимая одними эскадронами фронтальный ударъ, другими пытаясь охватить фланги, мчались четыре полка легкой конницы.

Темнымъ, вздымающимся, какъ морской прибой, валомъ, выростали Конные Гренадеры и рядомъ съ ними Уланы, на уступѣ держались Драгуны, а слѣва, наискосокъ, стремясь выиграть положеніе и ударить во флангъ, на легкихъ сѣрыхъ коняхъ, точно степной ураганъ, неслись полнымъ махомъ, въ карьеръ, эскадроны царскосельскихъ Гусаръ.

Уже ясно видны измятые, пропотѣвшіе, покрытые бурою грязью, точно картечью, офицерскіе кителя и рубахи солдатъ. Уже различаются небритыя въ теченіе нѣсколькихъ дней, обросшія густою щетиной, опаленныя зноемъ и вѣтромъ, загорѣвшія, исхудавшія, воспаленныя отъ походной тревоги, отъ безсонныхъ ночей и усталости лица.

Все ближе сходились конныя массы противниковъ, сверкая острой сталью клинковъ, оглашая воздухъ горячимъ ржаньемъ и кликами, готовыя врубиться и смять другъ друга въ бѣшеной схваткѣ, въ пьянящемъ порывѣ, въ безудержно-стремительномъ столкновеніи...

На высокомъ холмѣ прокатились звуки отбоя.

Трубачи кавалеріи и музыканты пѣхоты немедленно подхватили сигналъ и мелодія разлилась по всему полю:

— Тру-бачъ, тру-би от-бой!..

Пѣхота, сверкая штыками, сворачивалась въ колонны, свистѣли флейты и барабанщики бросали громъ:

— Трамъ - тамъ - тамъ, трамъ - тамъ - тамъ!

Бряцая оружіемъ, оглашая поле топотомъ и ржаньемъ коней, строилась конница.

Легкою рыжею массой, во главѣ съ командиромъ, его высочествомъ принцемъ Луи-Наполеонъ Бонапарте, пронеслись Лейбъ - Уланы. На

вороныхъ лошадяхъ прошли Конные Гренадеры, проскакалъ полкъ гвардейскихъ Драгунъ, сѣрымъ квадратомъ забѣлѣли вдали Лейбъ-Гусары.

А на холмѣ, на подобіе островка, возвышавшагося посреди голаго пулковскаго поля, стояла императорская чета, царская свита, министры, посланники, военные представители иностранныхъ державъ.

Въ центрѣ, передъ шатромъ, украшеннымъ декоративною зеленью лавровъ и буксовъ, въ бѣломъ костюмѣ, съ бѣлымъ кружевнымъ зонтомъ, съ бѣлымъ букетомъ въ рукахъ, окруженная великими княгинями и княжнами, фрейлинами и придворными дамами, стояла молодая Императрица.

Императоръ, сѣвъ на коня, объѣзжалъ шагомъ полки, здоровался, благодарилъ за маневры.

Въ отвѣтъ неслись громкіе клики и звуки царскаго гимна:

„Бо—же, Ца—ря хра—ни,
Силь—ный, Дер—жав—ный...“

Они наростали, приближались съ каждымъ мгновеньемъ, передавясь отъ полка къ полку, зарокотали густыми бархатными октавами:

„Царст—вуй на страхъ вра—гамъ,
Ца—рь Пра—во—слав—ный,
Бо—о—о—же,
Ца—а—ря хра—ни!“

———

На лужайкѣ, подъ группой деревьевъ, подлѣ самой Обсерваторіи, бѣлѣли на травѣ скатерти съ походной закуской, водкой, пивомъ, виномъ.

Господа офицеры приглашены къ высочайшему завтраку.

Потомъ, къ лужайкѣ подвели выпускныхъ юнкеровъ и пажей.

Императоръ, въ походной формѣ, въ гусарскихъ ботикахъ съ золотыми розетками, въ алой фуражкѣ, надѣтой слегка на-бекрень, загорѣвшій, свѣжій, довольный, сопровождаемый военнымъ министромъ и старшими генералами, подошелъ къ юнкерамъ, обратился съ привѣтственной рѣчью.

Четыре корнета стояли подлѣ Императрицы.

Она выдѣлялась въ толпѣ окружавшихъ ея дамъ рослой, стройной фигурой. Ея тонкое породистое лицо было красиво. Густой румянецъ игралъ на щекахъ. Движенія были спокойны, размѣренны, величавы.

Тутъ же находился рядъ высочайшихъ особъ — великая княгиня Марія Павловна, Елисавета Маврикіевна, королева Эллиновъ великая княгиня Ольга Константиновна.

Послѣдняя, съ милой простою улыбкой, смѣясь и все болѣе увлекаясь, бесѣдовала съ окружившими ее офицерами и маленькимъ, кружевнымъ, слегка надушеннымъ платкомъ, смахивала съ ихъ лицъ присохшую грязь.

Это была единственная великая княгиня, поддерживавшая со своей родиной тѣсную связь, ежегодно проводившая въ Россіи нѣсколько мѣсяцевъ.

Рядомъ съ нею, крѣпко прижавшись и ухвативъ подъ руку августѣйшую тетку, стояла юная красавица, великая княжна Елена Владимировна, во всей прелести своихъ восемнадцати лѣтъ.

Она взглядывала украдкой на офицеровъ и тотчасъ стыдливо опускала, подъ перекрестнымъ огнемъ, густыя бархатныя рѣсницы. Она была очаровательна и не одно оберъ-офицерское сердце было въ этотъ день сражено наповалъ.

Царь закончилъ рѣчь поздравленіемъ юнкеровъ съ производствомъ. Загремѣло „ура!“ Въ воздухѣ замелькали высоко подбрасываемыя фуражки.

Юнкерамъ роздали высочайшій приказъ.

Торжество кончилось.

Императорская чета сѣла въ коляску.

Государь, приложивъ руку къ фуражкѣ, Государыня, привѣтливо улыбаясь и раскланиваясь, двигались шагомъ среди толпы провожавшихъ ихъ кликами офицеровъ. За коляской, на разгоряченныхъ коняхъ, тропотила конвойная сотня въ черкескахъ.

Черезъ четверть часа все слилось въ туманѣ и казалось сѣрою лентой, скользившей по большой царскосельской дорогѣ.

И въ этомъ туманѣ, точно огненный знакъ, полыхалъ желтый царскій штандартъ...

———

Глава не будетъ закончена, если не упомянуть вскользъ еще разъ о фазанахъ.

Эта роскошная птица дорого стоила четыремъ субалтернамъ.

— Достукались! — мрачно, насупившись, произнесъ черезъ нѣсколько дней, „Папаша“, извлекая изъ кармана записку отъ начальника царской охоты, свѣтлѣйшаго князя Димитрія Борисовича Голицына, того самого, съ котораго Толстой написалъ нѣкогда Вронскаго.

Записка была адресована на имя командира полка и внизу, мелкимъ бисеромъ, была наложена резолюція.

—Достукались!.. Горе мнѣ съ вами! — повторилъ командиръ эскадрона, взмахнулъ рукой и добавилъ:

— Браконьеры Его Величества!

Въ общемъ, семь сутокъ — по суткѣ за птицу — ареста на санктъ петербургской гауптвахтѣ, съ врученіемъ оружія комендантскому штабъ-офицеру.

Но было не плохо.

Господа офицеры помѣщались въ общемъ покоѣ, занимались душеспасительнымъ чтеніемъ, вели пріятельскую бесѣду, перекидывались въ картишки.

И когда на восьмыя сутки, караульный начальникъ, Лейбъ-Гвардіи

Семеновскаго полка поручикъ Повало-Швейковскій, вручилъ ордеръ объ освобожденіи, четыре корнета просидѣли до вечера, пока не закончили пульку...

59.

Лейбъ-регментъ перешелъ на зимнія штабъ-квартиры и снова наполнилъ городокъ оживленіемъ.

Снова замелькали, по всѣмъ направленіямъ, бравые молодцы въ бѣло-синихъ фуражкахъ, зазвенѣли кирасирскія шпоры, а передъ иглой „Коннетабля“ снова выросъ черноусый, черноглазый, осанистый часовой, въ мѣдной каскѣ, съ обнаженной шашкой въ плечѣ.

Оживилась полковая слободка, заржали могучіе кони, пѣвуче запѣла труба и, съ утра до наступленія сумерекъ, застучали удары тяжелаго кузнечнаго молота:

— Тамъ-тамъ, тамъ-тамъ!

А черезъ недѣлю, давъ господамъ офицерамъ прощальную аудіенцію, Августѣйшій Шефъ, вдовствующая Императрица Марія Феодоровна, вмѣстѣ съ обѣими дочерьми, статсъ-дамой, свитскими фрейлинами и состоящимъ при Особѣ Ея Величества генералъ-адъютантомъ княземъ Барятинскимъ, отбыла на осенній сезонъ заграницу, въ датскій королевскій дворецъ.

Опустѣлъ гатчинскій замокъ и, вмѣсто императорскаго штандарта, замаячилъ на башнѣ осиротѣвшій флагштокъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ по сигналу, разъѣхалось и полковое начальство.

Генералъ-маіоръ баронъ Евгеній Александровичъ Раушъ фонъ Траубенбергъ, по стародавней привычкѣ, уѣхалъ на минеральныя воды въ Наугеймъ, лечить застарѣлую печень.

Старшій полковникъ Ипполитъ Алексѣевичъ Еропкинъ, подался въ противоположномъ направленіи, въ свою подмосковную.

Передавъ обязанности старшимъ субалтернъ-офицерамъ, разъѣхались господа эскадронные командиры, великолѣпный ротмистръ Александръ Ивановичъ Дроздъ-Бонячевскій и прочіе. Только „Папаша“, точно старый, крѣпко приросшій къ мѣсту, грибъ-боровикъ, остался при эскадронѣ.

Разлетѣлись, одинъ за другимъ, младшіе офицеры, кто по новгородскимъ, смоленскимъ, тверскимъ, кто по казанскимъ, симбирскимъ, черноземнымъ усадьбамъ.

Черезъ мѣсяцъ, на смѣну, уѣдутъ другіе.

Престолонаслѣдникъ же, великій князь Михаилъ, направленъ, по высочайшему повелѣнію, въ орловское Брасово, чтобы вдали отъ гатчинскихъ и столичныхъ соблазновъ, на фонѣ сельскихъ ландшафтовъ, среди

мирныхъ орловскихъ полей, имѣть возможность предаться уединенному размышленію и скинуть чары любовной горячки.

А столичные зубоскалы не преминули отмѣтить тотчасъ это событіе очереднымъ злободневнымъ памфлетомъ:

„Все покрыто мутной дымкой,
Все закутано во мглѣ,
Августѣйшимъ невидимкой
Проживаю я въ Орлѣ!"

Дворъ переѣхалъ въ Ливадію, опустѣли театры, прекратились царскосельскія и коломяжскія скачки, свѣтское общество закрыло гостепріимныя двери.

Тетушка Марія Васильевна, по обыкновенію, отбыла на кислыя воды въ Эссентуки.

Опустѣло полковое собраніе, не звучатъ въ немъ, какъ бывало, молодой смѣхъ, звонъ бокаловъ, веселыя восклицанія, не собирается за общимъ завтракомъ полковая семья.

Сильно порѣдѣли ряды, а оставшіеся господа офицеры, отъ бездѣлья, уѣзжаютъ въ столицу, растекаются по лѣтнимъ клубамъ, шантанамъ, по загороднымъ садамъ.

У каждаго свои вкусы, влеченія, маленькія потребности.

„Папаша", изъ экономическихъ и гигіеническихъ соображеній, увелъ эскадронъ въ Старыя Скворицы, на „траву", перешелъ на дачное положеніе, разбилъ на лужайкѣ полотняный шатеръ, поправляетъ „тѣла", нѣсколько сдавшія послѣ лагерной гонки.

Въ помѣщеніи четвертаго эскадрона происходитъ ремонтъ.

Наблюденіе за работами входитъ въ кругъ моихъ несложныхъ обязанностей. Дважды въ недѣлю, по приказанію командира, посѣщаю Старыя Скворицы, дѣлаю подробный докладъ.

Командиръ эскадрона, небритый, грузный, тяжеловѣсный, извинившись за костюмъ „неглиже", принимаетъ въ чесучевой рубашкѣ, открывающей волосатую грудь, въ опоркахъ на босую ногу, въ пестромъ бухарскомъ халатѣ, съ мягкой ермолкой на головѣ.

„Папаша" выслушиваетъ докладъ, то закипаетъ неожиданнымъ гнѣвомъ, то разражается хохотомъ, отъ котораго содрогается тяжелое чрево, даетъ указанія, освѣдомляется о полковыхъ новостяхъ, потчуетъ чаемъ и коньякомъ.

Иной разъ предлагаетъ отобѣдать и закусить, какъ говорится, „чѣмъ Богъ послалъ", изъ завѣтнаго поставца извлекаетъ пару бутылокъ, угощаетъ честь-честью — отмѣнный поваръ у командира четвертаго эскад-

рона, не отпускаетъ до вечера, обходитъ совмѣстно дворы, производитъ выводку лошадей.

По мнѣнію командира, красносельскій кампаментъ сильно отразился на конскомъ составѣ.

Эскадронъ буквально испорченъ и „травяное довольствіе“, съ усиленной подкормкой овсомъ, придется, по этой причинѣ, продлить на неопредѣленное время.

— Дѣла, дѣла! — бормочетъ „Папаша“, отирая фуляромъ порозовѣвшій носъ, щеки, лысину, подбородокъ, и взмахиваетъ рукой...

— Тикъ-такъ! — выстукиваетъ меланхолически маятникъ. Догораетъ волокнистый, оранжево-сизый закатъ. Въ открытое окно вѣетъ осеннею прохладою сада.

Склонившись надъ письменнымъ столомъ, перебираю корреспонденцію.

Вотъ почтовыя карточки, съ изображеніемъ Массандры, Кореиза, Гурзуфа.

Онѣ дышатъ горячимъ солнцемъ и моремъ... Вода, бѣлыя скалы, золотистый песокъ... Вьются чайки, синѣетъ дымокъ парохода... На оборотѣ нѣсколько привѣтливыхъ строчекъ.

Это отъ Пашеньки, въ трогательно-наивной, восторженной формѣ излагающей свои впечатлѣнія, описывающей красоты дивной крымской природы.

По словамъ Пашеньки, она вполнѣ оправилась отъ болѣзни, загорѣла, поздоровѣла, прибавилась въ вѣсѣ. Купается въ морѣ и проводитъ на солнцѣ цѣлые дни. Пашенька счастлива, не находитъ словъ выразить благодарность — спасибочко, дорогой, ввѣкъ не забуду!, съ милою откровенностью зоветъ погостить — пріѣзжайте, до того хорошо, что и передать невозможно, пріѣзжайте, истинный рай!..

Вотъ письмо другого формата, въ закрытомъ конвертѣ, на модной атласной бумагѣ, съ вензелевымъ изображеніемъ въ уголкѣ.

Отъ него вѣетъ тонкимъ букетомъ грепэпля.

Фанни Эдуардовна безумно скучаетъ, хандритъ, переживаетъ новый припадокъ острой неврастеніи.

Кисловодское общество, не взирая на „бархатный“ сезонъ, кажется ей неинтереснымъ, природа однообразна и успѣла уже надоѣсть, а мѣстные жители, по ея выраженію, всѣ эти „montagnards aux grands poignards“, тупы, назойливы и пошлы до невѣроятія.

Словомъ, тоска!

Баронесса выражаетъ, впрочемъ, надежду, что настроеніе ея измѣ-

нится къ лучшему и добавляетъ, не безъ тонкой ироніи, что „кто любитъ природу, уединеніе и лермонтовскую романтику“, тотъ сумѣетъ отыскать здѣсь, можетъ быть, дикое, но своеобразное очарованіе...

Есть еще одна точка, но она недоступна.

Между тѣмъ, только туда, только въ этотъ плотно прикрытый, невѣдомый и загадочный міръ, влечетъ пламенная мечта, свѣтлая радость, терпкая горечь воспоминаній!

Прошлое позади, но душа переполнена несказаннымъ ощущеніемъ.

И не осталось ни гнѣва, ни жалобъ, ни раскаянія, ни мучительнаго стыда... Душа полна благодарности, примиренія и покоя, сохраняя грустную сказку о навѣки потерянной, обѣтованной землѣ сладкаго любовнаго сна:

„И тихимъ облачкомъ скользя,
Встаетъ все то въ душѣ тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя
И позабыть что невозможно!“

Изъ капель слагаются воды рѣчныя, глубокія и спокойныя, въ своемъ безмятежномъ теченіи.

Рѣка выходитъ на плесъ, бьется о камни, звенитъ, бушуетъ, клокочетъ, кипитъ, вздымая жемчужную пыль.

И снова рѣка въ берегахъ, широкихъ и тихихъ, поросшихъ зелеными склонами, а надъ головой безоблачная лазурь.

Княжна Лиговская!.. Иренъ!

Привѣтъ тебѣ, роковая Мадонна!..

60.

Ясный, тихій, золотой день льетъ воздушные поцѣлуи съ синяго неба.

Синія астры застыли въ мечтательной неподвижности.

На дорожкахъ, въ ворохѣ позлащенныхъ червонцевъ, лежатъ синія тѣни.

Снова подошла осень, разрѣдила пышный уборъ кленовъ и липъ, пролила прозрачный хрусталь на гатчинскіе луга, напоила землю обильными соками.

Словно притомившаяся красавица, шествуетъ она медленной поступью, срывая съ себя блестки парчеваго, затканнаго золотомъ сарафана, чтобы замѣнить его бѣлою горностаевой шубой.

Тихо стало въ гатчинскомъ паркѣ.

Мягко пофыркивая, пересыпая ногами, „Рэдъ-Бой“ несетъ меня по

опустѣвшимъ аллеямъ, мимо „Чернаго озера“ съ охотничьимъ домикомъ, мимо ротонды для музыкантовъ.

Огромныя сосны, лиственницы, дубы закрываютъ широкими кронами. небо. Изъ чащи ползетъ острый запахъ моха, папоротниковъ, грибовъ. Въ густомъ ольшинникѣ порхаетъ вальдшнепъ, сорвется рябецъ или тетерка и взмоетъ, съ тревожнымъ клохтаньемъ, надъ самой опушкой.

А надъ головой гогочатъ дикіе гуси, несутся кроншнепы, кулики, турухтаны, мелкая болотная дичь. Стройной шеренгой, на уставныхъ интервалахъ, трубя въ серебряные фанфары, летятъ журавли:

— Курлы-курли!

Отъ холодныхъ дождей, отъ студеныхъ вѣтровъ, отъ колючихъ морозовъ потянула птица въ дальнія страны, къ яркимъ солнечнымъ зовамъ, на пламенный югъ.

Пусто стало въ поляхъ.

Почернѣли жнивья, оголились сѣрыя пашни и кружитъ въ нихъ тоскливо вороноград. Стонутъ верхушки одинокихъ березъ, въ изступленномъ хороводѣ, другъ за дружкой, гоняются пожелтѣвшія листья, а рано наступающій вечеръ навѣваетъ осеннюю грусть.

— Что скажешь, пріятель?

„Рыжій Мальчикъ“ заржалъ, собрался круто въ затылкѣ и сталъ рваться домой...

Опускается сумракъ.

Въ столовой, проливая на узорчатый рисунокъ ковра мягко-дрожащій, полыхающій свѣтъ, съ суховатымъ потрескиваньемъ, пылаетъ каминъ.

Часы бьютъ восемь ударовъ.

Передъ каминомъ, въ глубокихъ кожаныхъ креслахъ, сидятъ трое — „Джипсъ“, „Кока-Мока“ и „Крукъ“.

Сигара, огонь и божественный нектаръ старой вдовы Клико создаютъ мечтательное, благодушно-интимное настроеніе.

— Черкесовъ, стаканъ лафита? — въ одинъ голосъ привѣтствуютъ собутыльники.

„Онъ мѣсяцъ въ гвардіи служилъ,
И тридцать лѣтъ въ отставкѣ жилъ,
Курилъ табакъ,
Кормилъ собакъ...“

— Кока, ты еще здѣсь?.. Какой пріятный сюрпризъ!.. Твое здоровье!

Ярко пылаетъ каминъ, звенятъ бокалы, голубоватый дымокъ медленными колечками подымается къ потолку.

„Кока-Мока" гоститъ въ полку вторую недѣлю.

Каждое утро, аккуратнѣйшимъ образомъ, затягиваетъ ремни своего дорожнаго чемодана изъ крокодиловой кожи, съ бронзовыми застежками, а съ наступленіемъ вечера происходитъ радикальное измѣненіе плана.

— Завтра я уѣзжаю! — говоритъ Кока. — Безповоротно и окончательно!.. Государственный аппаратъ нуждается въ честныхъ работникахъ!

Собутыльники встрѣчаютъ заявленіе хохотомъ и наполняютъ бокалы.

Падаетъ ночь.

Въ дежурной комнатѣ полумракъ. Электрическій снопъ освѣщаетъ дорогу, а за нею видѣнъ паркъ и боковой фасъ дворца. Онъ погруженъ въ сонъ и только въ Арсенальномъ карэ, подлѣ воротъ, мерцаетъ блѣдный фосфорическій свѣтъ.

И мнится, будто гремитъ желѣзный запоръ.

Широко раскрываются ворота и, въ бѣлыхъ лосинахъ, въ ботфортахъ, съ тростью въ рукѣ, въ треуголкѣ съ бѣлыми перьями, выѣзжаетъ на бѣломъ конѣ императоръ.

И ночнымъ дозоромъ повѣряетъ гатчинскую усадьбу...

Тихо и грустно протекали послѣдніе мѣсяцы пребыванія Павла Петровича въ Гатчинѣ.

Прекратились театральныя представленія и маленькіе балы. Характеръ императора съ каждымъ днемъ становился угрюмѣе и тяготѣлъ надъ окружающими. Императрица переносила тяжелыя сцены и находилась въ подавленномъ настроеніи.

Перваго ноября Павелъ I покинулъ Гатчину навсегда.

Имѣя рядомъ съ собой дежурнаго генералъ-адъютанта, князя Долгорукова, императоръ выѣхалъ изъ воротъ замка, чтобы больше не возвращаться.

Онъ ѣхалъ въ столицу на освященіе новаго Михайловскаго дворца, въ которомъ, по собственному выраженію, „на томъ мѣстѣ, гдѣ родился, хотѣлъ бы и умереть".

Императоръ покидалъ Гатчину второпяхъ, небрежно, въ сыромъ туманѣ осенняго утра, какъ бы безъ сожалѣнія, безъ послѣдняго привѣта изъ подъ опущеннаго верха дорожной коляски.

Запряженная восьмеркой бѣлыхъ коней, подъ эскортомъ кирасирскаго эскадрона, коляска мягко покатилась по дворцовой дорогѣ, мимо кордегардіи и караульной площадки, мимо полковой церкви, мимо желтыхъ кирасирскихъ казармъ.

За поворотомъ „Коннетабля“, сѣрой застывшею массой, мелькнулъ, на мгновенье, старый орловскій дворецъ:

„Огромно зданіе изъ камня именита,
Которымъ Пудостка окрестность знаменита...“

Величественный, монументальный, онъ промелькнулъ въ послѣдній разъ, на фонѣ обнаженнаго парка, въ пеленѣ гонимаго вѣтромъ желтаго листопада.

И выпалъ снѣгъ.

И бѣлымъ саваномъ покрылась Павловская усадьба.

И замеръ гатчинскій „замокъ“, въ бѣломъ убранствѣ зимней ночи, съ заиндевѣвшимъ англійскимъ паркомъ, съ его замерзшими прудами, статуями, похороненными мечтами...

КОНЕЦЪ.

СПИСОКЪ

1. **Раушъ фонъ Траубенбергъ,** баронъ Евгеній Александровичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, ген. штаба, ком-щій войсками Минскаго военнаго округа, † въ 1923 г. въ Мюнхенѣ.
2. **Еропкинъ,** Ипполитъ Алексѣевичъ, генералъ-лейтенантъ, ком. 9 гус. Кіевскаго п., нач. зап., кав. бригады, † въ 1918 г.
3. **Фельдманъ,** Эсперъ Александровичъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ, ком. Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Его Величества п. †
4. **Авенаріусъ,** Михаилъ Яковлевичъ, генералъ-маіоръ, въ отставкѣ, † въ 1918 г.
5. **Таубе,** баронъ Николай Юльевичъ, генералъ-маіоръ, ком. 15 гус. Украинскаго п. †
6. **Дрроздъ - Бонячевскій,** Александръ Ивановичъ, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ, гатчинскій комендантъ. †
7. **Клевезаль,** Владиміръ Робертовичъ, гвардіи полковникъ въ отставкѣ. †
8. **Корфъ,** баронъ Борисъ Николаевичъ, ротмистръ, † въ 1905 г.
9. **Акимовъ,** Константинъ Николаевичъ, ротмистръ запаса, камергеръ Двора Ея Величества. †
10. **Кольцовъ-Мосальскій,** князь Николай Николаевичъ, гвардіи полковникъ въ отставкѣ. †
11. **Граве,** Владиміръ Владиміровичъ, гвардіи полковникъ въ отставкѣ. †
12. **Соважъ, 1,** Евгеній Ивановичъ, штабсъ - ротмистръ, свѣдѣній нѣтъ.
13. **Лазаревъ,** Михаилъ Михайловичъ, генералъ - маіоръ, † въ 1930 г. въ Копенгагенѣ.
14. **Мордвиновъ 1,** Анатолій Александровичъ, флигель - адъютантъ, полковникъ, Баварія.
15. **Гулькевичъ,** Константинъ Степановичъ, гвардіи полковникъ въ отставкѣ. †
16. **Мордвиновъ 2,** Павелъ Александровичъ, гвардіи полковникъ въ отставкѣ, Литва,
17. **Корвинъ - Круковскій,** Сергѣй Николаевичъ, штабсъ-ротмистръ запаса, Югославія.
18. **Розенбергъ 1,** баронъ Петръ Васильевичъ, штабсъ-ротмистръ запаса, свѣдѣній нѣтъ.

19. **Селивачовъ,** Николай Феодосьевичъ, полковникъ, † въ 1931 г. въ Сараево.
20. **Вишняковъ,** Василій Александровичъ, штабсъ-ротмистръ запаса, Министерство Императорскаго Двора и Удѣловъ, свѣдѣній нѣтъ.
21. **Бебутовъ,** князь Георгій Григорьевичъ, ротмистръ, † въ 1917 г.
22. **Пржевальскій,** Михаилъ Александровичъ, штабсъ-ротмистръ запаса. †
23. **Шведеръ,** Эдуардъ Николаевичъ, генералъ - маіоръ, ком. 11 гус. Изюмскаго п., † въ 1919 г. въ Кисловодскѣ.
24. **Араповъ,** Николай Петровичъ, полковникъ, ком. 14 гус. Митавскаго п., † въ 1935 г.
25. **Свѣчинъ,** Михаилъ Андреевичъ, генералъ-лейтенантъ, ген. штаба, ком. Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Ея Величества п., нач. Сводной кав. див., ком. коннаго корпуса, Ницца.
26. **Лавриновскій,** Николай Николаевичъ, штабсъ - ротмистръ запаса, Черниговскій, Таврическій, Лифляндскій губернаторъ, сенаторъ, † въ въ 1930 году въ Ригѣ.
27. **Крыловъ,** Владимиръ Владимировичъ, полковникъ Дагестанскаго коннаго п., свѣдѣній нѣтъ.
28. **Соважъ 2,** Сергѣй Ивановичъ, генералъ - маіоръ, ген. штаба, ком. Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго п., † въ 1916 г.
29. **Максимовичъ,** Константинъ Иннокентьевичъ, штабсъ-ротмистръ запаса, Министерство Императорскаго Двора и Удѣловъ, свѣдѣній нѣтъ.
30.. **Сахаровъ,** Анатолій Алексѣевичъ, капитанъ ген. штаба, † въ 1907 г. отъ послѣдствій раненія на русско-японской войнѣ.
31. **Случевскій,** Владимиръ Константиновичъ, штабсъ - ротмистръ запаса, † убитъ въ 1915 г.
32. **Розенбергъ 2,** баронъ Василій Васильевичъ, штабсъ - ротмистръ запаса, свѣдѣній нѣтъ.
33. **Бороздинъ,** Николай Николаевичъ, полковникъ ген. штаба, свѣдѣній нѣтъ.
34. **Збышевскій,** Ксаверій Іеронимовичъ, полковникъ, † убитъ въ 1915 г. въ конной атакѣ Туземной дивизіи.
35. **Эттингенъ,** Бенедиктъ Георгіевичъ, штабсъ - ротмистръ запаса, Германія.
36. **Эксе, 1,** Владимиръ Федоровичъ, подполковникъ генер. - штаба, † въ 1919 г.
37. **Даниловъ,** Михаилъ Федоровичъ, генералъ-маіоръ, ком. Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Ея Величества п., Венгрія.
38. **Кордашевскій,** Николай Викторовичъ, гвардіи полковникъ, Палестина.
39. **Турбинъ,** Николай Николаевичъ, штабсъ - ротмистръ. †
40. **Гойнингенъ-Гюне,** баронъ Эдгаръ Александровичъ, штабсъ - ротмистръ запаса.

41. **Брюммеръ,** Гербертъ Викторовичъ, ротмистръ, † убитъ въ 1914 г. въ конной атакѣ полка.
42. **Аркасъ,** Петръ Николаевичъ, корнетъ, † въ 1900 г.
43. **Искандеръ,** Артемій Николаевичъ, ротмистръ, † въ 1920 г.
44. **Вульфертъ,** Владимиръ Владимировичъ, штабсъ-ротмистръ запаса, свѣдѣній нѣтъ.
45. **Михаилъ Александровичъ,** великій князь, генералъ - лейтенантъ, генералъ адъютантъ, ком. 17 гус. Черниговскаго п., ком. Кавалергардскаго п., нач. Туземной конной див., ком. 2 кав. корпуса, генералъ - инспекторъ кавалеріи, † въ 1918 г.
46. **Куликовскій,** Николай Александровичъ, гвардіи полковникъ, Данія.
47. **Линдегрэнъ,** Эдвинъ Іоганновичъ, ротмистръ, † въ 1916 г. отъ послѣдствій раненія.
48. **Сюзоръ,** графъ, Владимиръ Павловичъ, штабсъ - ротмистръ запаса, свѣдѣній нѣтъ.
49. **Ладыженскій,** Федоръ Александровичъ, гвардіи полковникъ, Холливудъ.
50. **Эксе 2,** Димитрій Федоровичъ, гвардіи полковникъ, Польша.
51. **Плѣшковъ,** Михаилъ Михайловичъ, гвардіи полковникъ, Нью-Іоркъ.
52. **Таубе,** баронъ Федоръ Николаевичъ, гвардіи полковникъ, Санъ-Паоло, Бразилія.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Слѣдуетъ читать:
57	La Belle au bois dormant!
64	переметныхъ сумъ
67	Уже сверкаютъ возбужденно глаза и, разстегнувъ вицъ-мундиры, скинувъ...
73	брови дугою
133	вѣковой старины
134	женскаго тѣла
173	англо-норманская кобылица
189	альковныхъ удачъ
273	черный кофій
284	желтѣютъ кое-гдѣ одуванчики и ромашки
286	желтые шапочки одуванчиковъ
348	полевыми бороздами

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. ИМПЕРАТОРСКІЕ ФАЗАНЫ. Разсказы 1926.
2. ЗОЛОТЫЕ КОРАБЛИ. Романъ скитаній. 1927.
3. ОРХИДЕЯ. Тропическія рифмы. 1927.
4. КИТАЙСКІЯ ТѢНИ. Романъ 1927.
   IM SCHATTEN DES DRACHEN. Uebers. von R. Frhr. Campenhausen.
   CHIŃSKIE CIENIE. Przekład. Edmunda Jezierskiego.
   ĆINSKA STINOHRA. Przekład Boženy Popowe.
   WYSPA JASMINÓW. Przekład Edmunda Jezierskiego.
5. ОСТРОВЪ ЖАСМИНОВЪ. Романъ. 1928.
6. ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРІЯ. Разсказы. 1928.
7. КРАСНЫЙ ХОРОВОДЪ. Повѣсть въ двухъ книгахъ. 1929.
8. ЗЕЛЕНЫЙ МАЙ. Латвійскія новеллы. 1929.
9. ВОЛЧІЙ СМѢХЪ. Разсказы. 1929.
10. РОМАНЪ ЦАРЕВИЧА. Приморская повѣсть. 1931.
11. ЗВѢРІАДА. Записки Черкесова. Романъ 1931.
12. ГУСАРСКІЯ СКАЗКИ. Разсказы. 1933.

2010381987